

Юлия Цветкова

ТОНКИЙ ЛЕД

Бесприданницу, не обладающую яркой внешностью, из обнищавшего рода берет замуж высокородный аристократ. Семья Флоретты обласкана милостью сиятельного диара. Со своей невестой он уважителен, обещает ей заботу и защиту. И вроде бы нет повода усомниться в словах мужчины, но агнара Берлуэн встревожена безмерной щедростью жениха. Что ждет от нее будущий супруг, опутывая сетями благодарности за свою помощь?

ГЛАВА 1

За окном шел дождь. Мелкий, противный дождь, от которого душа наполнялась тоской. Хотелось закутаться в теплую шаль, свернуться клубком в любимом кресле и смотреть на огонь в камине. Или же порезвиться с близнецами, которые сейчас, конечно, веселятся, играя в салочки в галерее в другом крыле особняка. А можно было бы и вовсе посидеть рядом с братом, обсудить с ним недавно прочитанную книгу, но я стояла в Бордовой гостиной, от сочного цвета которой осталось одно воспоминание, и усердно прятала взор, избегая смотреть на неожиданного посетителя.

В потертом кресле, знавшем лучшие времена, вольготно расположился незнакомый мне мужчина. Судя по одежде, он не был стеснен в средствах так, как наше семейство. Мой взгляд украдкой скользил по носам его начищенных до блеска сапог и тут же бежал прочь, чтобы спрятаться под ресницами. Мужчина сидел, закинув ногу на ногу, постукивая по колену сжатыми в правой руке перчатками. В отличие от меня, визитер взгляда не прятал, и это удручало.

Я позволила себе на мгновение поднять голову, посмотрела на надменное лицо мужчины и снова потупилась, отчаянно краснея. Его серые глаза смотрели равнодушно, и мне вдруг показалось, что наш гость скажет: «Покажите весь товар», — но он, разумеется, этого не произнес. Я снова стрельнула глазами, заметила поджатые в жесткую линию губы, затем квадратный волевой подбородок, и поспешила опустить взор на его черные перчатки из тонкой мягкой кожи. Вскоре я уже зачарованно следила за движением перчаток. Чуть вверх, снова вниз, чуть вверх, снова вниз. Шлеп-шлеп, шлеп-шлеп по колену, затянутому в светлые бриджи для верховой езды. Шлеп-шлеп...

— Очарован, — неожиданно произнес мужчина и поднялся с кресла.

Я подняла на него удивленный взор. Лицо его по-прежнему было бесстрастно, взор равнодушен. Визитер подошел ко мне, протянул руку и взял за подбородок, приподняв голову. Теперь я была вынуждена смотреть на него. Сердце от испуга замерло, когда холодные серые глаза заглянули, казалось, в самую душу. Я непроизвольно дернулась, и мужчина убрал руку от моего лица. Даже тень улыбки не тронула губ незнакомца.

Он посмотрел на моего папеньку, застывшего подобострастным изваянием у рассохшегося клавесина.

— Завтра жду в своем поместье, — сказал наш гость, развернулся и покинул гостиную, уже не замечая папенькиных кивков.

Я проследила взглядом за родителем, сорвавшимся с места и теперь спешившим проводить странного и пугающего визитера. И когда дверь за обоими мужчинами закрылась, провела рукой по вмиг взмокшему лбу и протяжно выдохнула:

— У-уф

После поспешила к окну, выходящему на парадную лестницу. Вскоре появился незнакомец, и мне только пришло в голову, что представлены мы были друг другу как-то односторонне:

«А вот и моя старшая дочь», — пропел папенька, когда я вошла в гостиную по его повелению. «Фло, приветствуйте нашего гостя». Вот и все.

Визитеру подвели мощного темно-рыжего жеребца, он легко запрыгнул в седло и поднял взгляд вверх, я тут же поспешила спрятаться за тяжелую гардину. А когда выглянула снова, всадник уже мчал прочь, а папенька смотрел ему вслед. Величавой осанки незнакомца я не могла не отметить. Впрочем, на этом все мое любование им и закончилось. В остальном, я чувствовала невероятное облегчение, что он покинул нашу усадьбу.

В гостиной меня более ничего не удерживало, и я поспешила покинуть ее, чтобы воплотить свои недавние мечты в жизнь. Однако не успела сделать и десяти шагов прочь от двери, как услышала оклик родителя:

— Дочь, задержись. У меня для тебя радостное известие.

Покорно склонив голову, я вернулась назад. Подошла к креслу, в котором совсем недавно сидел незнакомец, и присела на его краешек, смиренно сложив руки на коленях. Мой взгляд не отрывался от лица папеньки, довольно потиравшего руки. Родитель подошел ко мне вплотную и сжал плечи, звонко поцеловал в щеку и воскликнул, распрямляясь:

— Сокровище мое! — после упал в соседнее кресло и удовлетворенно вздохнул. Я ждала, когда он пояснит мне свою радость и мою к ней причастность. Но на устах родителя блуждала мечтательная улыбка, и продолжать разговор он не спешил. Я вежливо кашлянула, напоминая о своем присутствии. Агнар Динор Берлуэн поднял на меня взор светло-зеленых глаз и провозгласил: — Дочь моя, вы выходите замуж.

Жениха у меня отродясь не было, если не считать детской влюбленности сына нашего прежнего дворецкого, покинувшего приходящее в упадок поместье еще год назад. Впрочем, к тому времени его отпрыск уже благополучно сбежал с бродячими актерами, влюбившись в милую девушку из их труппы. Что же до детской влюбленности в меня, то она благополучно миновала еще десять лет назад, а иных поклонников и заинтересованных во мне мужчин рядом не имелось. И причиной тому стало наше бедственное положение. Бесприданница, не обладающая ни яркой красотой, ни древним знатным родом, оказалась никому не нужна, и я благополучно перешла из девиц на выданье в разряд старых дев.

— Да разве же я нужна кому-то, папенька? — спросила я, не скрывая изумления.

— Ты имела честь познакомиться с ним не более четверти часа назад, — улыбнулся родитель.

Я тут же вспомнила равнодушный взгляд холодных глаз недавнего визитера и изумилась еще больше. Да разве же может понадобиться в жены богатому аристократу столь бедная дворяночка, как я? Если бы Мать Покровительница одарила мое лицо живыми красками, сделав красавицей, я бы могла еще предположить, что это прихоть обеспеченного человека, который может позволить себе не беспокоиться приданым невесты. Но мои блеклые черты не позволяли возомнить о себе столь высоко.

— Это, должно быть, какая-то жестокая шутка, папенька, — осмелилась я усомниться вслух.

— Никаких шуток, дитя мое, — просиял агнар Берлуэн. — Это настоящая удача! И ты должна сейчас пасть на колени и благодарить Мать Покровительницу за то счастье, что она

послала нам. Такой жених, такой жених!

Родитель вновь замолчал, упиваясь своей радостью. Я же, напротив, нахмурилась. За кого же мне благодарить Высшие силы, если я даже не знаю имени напугавшего меня мужчины? Об этом я не замедлила сообщить агнару Берлуэну. Он вернулся с небес на землю и одарил меня возмущенным взглядом.

— Как это ты не знаешь, кто посетил нас?! — воскликнул родитель.

— Вы забыли представить мне вашего гостя, — напомнила я, и глаза его увеличились еще больше, напугав мыслью, что они сейчас вовсе вылезут из орбит.

— Таких людей нужно знать, Флоретта, — наконец отчеканил папенька.

Весьма странное утверждение. Откуда же мне знать всех наших соседей в лицо, если я никуда не выбираюсь? Подруг у меня не было, а та единственная, с кем мы делили детские шалости, уже растила двух очаровательных малышек, и до меня ей не было никакого дела. Так что в гости я не выбиралась, да нас и не спешили куда-то звать, а если бы и позвали, то папенька первым дал отказ. Потрепанный вид нашего обнищавшего семейства вызывал насмешки и сочувствие. Терпеть и первое, и второе — было до невероятности тяжело. На ярмарки и празднества мы также не выбирались, без денег на них делать нечего. Потому папенькино негодование было несправедливо.

— Да будет вам известно, агнара Берлуэн, что вы удостоились чести лицезреть хозяина всего этого, — родитель обвел широким жестом пространство вокруг себя, и я поняла, что он говорит о землях. — Вашей руки попросил сам д'агнар Аристан Альдис, диар Данбьерга Фло, это же дар Покровительницы, истинный дар! Вы станете д'агнаркой Альдис, супругой властителя всего Данбьерга, это ли не удача, дитя мое?!

Папенька вновь впал в восторженное состояние, а я застыла на месте, кусая губы. Такого просто не могло быть, и все это сон или же чей-то глупый и жестокий розыгрыш. Сам диар Данбьергских земель решил жениться на агнаре из бесславного обнищавшего рода? Но это же чушь! Полнейшая чушь и никак иначе. Однако агнар Берлуэн продолжал пребывать в поднебесных высях, и я осмелилась спросить:

— Что за нужда д'агнару Альдису в переспелой девице, не имеющей ни приданого, ни очаровательной внешности? Не может ли тут быть ошибки, папенька?

Родитель сердито посмотрел на меня, после поднялся на ноги.

— Завтра я отправляюсь в поместье диара, там мы обговорим все, что касается вашей свадьбы, таково было его желание. Надеюсь, это уверит тебя в твоём счастье.

Агнар Берлуэн вышел, оставив меня в смятении чувств и мыслей. Известие оказалось невероятным, ошеломляющим, но отчего-то больше пугающим. И больше всего страшило непонимание выбора сиятельного диара. Безусловно, как и любой девице, мне грезилось, что мой избранник будет непременно любить меня, но в случае с д'агнаром Альдисом речи о чувствах идти не могло. Он увидел меня впервые, как и я его. И, судя по его отрешенному взгляду, мой облик оставил мужчину равнодушным, и тут обманывать себя я не желала.

Вздохнув, я поднялась с кресла и подошла к напольному зеркалу, поверхность которого подернулась пылью. Прислуги было слишком мало, чтобы успевать следить за всеми комнатами в доме. Я замерла перед зеркалом, рассматривая себя придиричивым взглядом. Отражение не явило мне ничего нового. Излишне бледная кожа, невыразительные черты лица, почти лишенные здорового румянца, светло-зеленые глаза, как у папеньки. Брови, приподнятые в вечном удивлении, нос уточкой, пухлые губы, не имеющие четкой линии, острый подбородок. Русые волосы стянуты в простой строгий пучок. В ушах маменькины

сережки без единого драгоценного камня — вот и все мои украшения. Серое, как и я сама, платье скрывало широкие бедра, которых я отчаянно стыдилась, потому что они напоминали мне формы крестьянки. Когда-то моя нянюшка говаривала, что с моим сложением рожать будет легко, но меня это мало утешало. Хотелось изящную аристократическую фигуру, но всякого изящества я была лишена вовсе.

«Очарован», — сказал диар. Какая бессовестная ложь! В его глазах не мелькнуло и искры хоть малейшей заинтересованности. Он рассматривал меня так, словно приобретал новую коляску. И это было унижительно... Ох, Великая Мать всего сущего, как бы мне хотелось заглянуть в голову человека, который берет в жены безвестную бесприданницу из обнищавшего рода. Зачем тому, кто может выбрать себе невесту среди блистательных дочерей высокородных семейств, понадобилась девица, на которую диар смотрит, словно на безделушку? Какие цели преследует?

От этих мыслей стало вдруг еще страшней. Разом вспомнились рассказы нашей кухарки Лирии, приносившей в усадьбу множество сплетен о соседях, заменяя иной раз выезд в общество своей болтовней. О д'агнаре Альдисе ходило множество слухов. Кухарка говорила, что он суров и непримирим, и с этим я была склонна согласиться. Так же поговаривали, что наш диар бывает излишне жестким с неугодившими ему агнарами и простолюдинами. Он не раздумывал долго, принимая решение. Так же Лирия говорила, что его сиятельство собственноручно высек крестьян, пойманных в его лесу с топорами.

Что еще мне было известно о моем неожиданном женихе? Он не так давно перебрался из столицы в собственный диарат, долгое время прожив при дворе Его Величества. Решение д'агнара Альдиса стало неожиданным для всех и всколыхнуло весь диарат. Особенно оживились наиболее знатные дворяне, где имелись дочери на выданье, это я отлично помню. В ту пору было множество разговоров о том, что наш диар, несмотря на свои тридцать четыре года, все еще оставался не женат, и в его огромном поместье нужна женская рука. Кухарка в те дни приносила нам множество сплетен, и мы с братом, а порой и наш папенька, с интересом слушали словоохотливую женщину.

Кажется, прием, устроенный диаром в честь своего возвращения был самым ярким празднеством, которое видел наш диарат за многие годы затишья. Самые лучшие портные тогда сбились с ног, готовя наряды для юных агнар. Как говорила наша кухарка, сам д'агнар ослеп от блеска драгоценностей, которыми увешали своих дочерей родовитые отцы. Молодые вдовы также не оставляли надежд на новый выгодный брак. Диара очаровывали, соблазняли, пытались вскружить голову, но он так и не ответил на чаяния своих гостей. Никто из юных агнар после празднества не получил от Аристана Альдиса желанного предложения. Зато получила я. Та, о существовании которой он даже не должен был подозревать.

Как я уже говорила, мы не могли похвастаться достатком. Мой дед был игроком. Он проиграл все, что смог, включая бабушкино приданое, и застрелился, оставив свои долги жене и сыну, моему папеньке, не достигшему тогда еще и шестнадцати лет. Бабушке пришлось продать все свои драгоценности и часть земель, чтобы расплатиться с кредиторами и не оказаться на улице. Умерла она рано, еще до моего рождения. Здоровье бедной женщины было сильно подкошено несчастьями, обрушившимися на ее голову. Папеньке, из всего, чем владели наши предки, досталось лишь это поместье, сильно уменьшившееся после расплаты с кредиторами. Доход получать стало не с чего.

Не поправила дело и женитьба папеньки на дочери коммерсанта, соблазненного

дворянским титулом для своей дочери, моей маменьки. И как агнар Берлуэн ни пытался быть экономным, но средства, полученные им за маменьку, подходили к концу. Из прислуги у нас остались кухарка, она же прачка, немолодая горничная, которой некуда было идти, ей помогала девочка-сирота. Днем она работала по дому, вечерами играла с моими сестрами-близнецами. Границы неравенства между тремя подругами были сильно размыты, и только старшая горничная заставляла свою маленькую помощницу называть девочек агнарами. Когда же они оставались наедине, общение сильно упрощалось.

Был еще сторож, он же дворник и помощник на кухне — старик Эггер. Он всегда был ворчуном, сколько я его помнила. У Эггера имелся один несомненный талант — он умел красиво вырезать из дерева. У меня до сих пор хранилась собачка, когда-то выструганная для меня ворчуном-дворником. Собачка сидела на задних лапах, сложив на груди передние, и была точной копией дворняжки, жившей в дворницкой. Пустобрёха была жуткой попрошайкой, это как раз и запечатлел Эггер.

Мы все любили добродушную собачонку. И когда она умерла, сильно горевали. Особенно мой брат — агнар Артиан Берлуэн. Артиан младше меня на два года, и смерть Пустобрёхи потрясла его. Помню, как успокаивала его, говоря, что теперь наша собака ест с рук самой Матери Покровительницы. Мы долго фантазировали, представляя, как Пустобрёшка стоит перед Богиней на задних лапках, и та дает ей со своего стола лучшие кусочки собственных яств. Брату так это понравилось, что плакать он перестал, радуясь за любимую собаку.

А теперь Артиан стал совсем взрослым, и уже он успокаивал меня и наших сестер, когда мы были чем-то огорчены. При мысли о брате сердце болезненно сжалось. Он был в том возрасте, когда молодые люди увлекаются, делают глупости, влюбляются, наслаждаются прелестями жизни, женятся. Артиан же почти нигде не бывал, стыдясь нашей бедности. Выбирался из поместья только по надобности и спешил назад, как только дела были завершены. Даже одежду он носил папенькину, потому что пошить молодому агнару новых костюмов было не на что. Насмешки и злые ухмылки злили Артиана до невозможности, но он был вынужден держаться, чтобы не стать еще большим посмешищем.

Что до моих сестер, то они пока были слишком малы, чтобы до конца понять свое плачевное будущее. Когда папенька смотрел на близнецов, на его лице было написано уныние. Девочки росли, донашивали мои платья, беззаботно играли и веселились, но что ждет их, когда придет пора выходить замуж? Ничего хорошего. Еще две бесприданницы, которые никому не будут нужны. Впрочем, если я оставалась рядом с папенькой, исполняя по дому обязанности маменьки, почившей от сильной простуды еще пять лет назад, то мои сестры смогут наняться компаньонками в более обеспеченные семьи, или же пойти преподавать в школу для дочерей бедняков. И возможно, судьба подарит им супругов и более счастливую жизнь. Впрочем, теперь у нашей семьи появилась надежда в лице диара Данбьергского. Коли папенька так радуется, должно быть, у него есть определенные надежды. И раз уж я могу помочь своему семейству выгодным замужеством, то не стоит раздумывать, нужно покорно принять свой жребий и выйти замуж за человека, для которого навсегда останусь всего лишь купленной им вещью.

— Как же все это досадно и унижительно, — скривилась я.

Однако совсем безропотно принять свою участь никак не выходило. Меня пугал этот брак и больше всего непониманием, что движет выбором диара. Но я могла предположить, что он желает иметь скромную послушную супругу, которая будет чувствовать себя

благодарной уже за то, что ее выбрал сам хозяин диарата. Что же, если это так, то я могу поклясться, что буду до конца жизни благодарной ему, если наш брак, действительно, поможет моим родным выбраться из той ямы, в которой мы находимся по вине моего деда. Если диар пожелает, чтобы ценой благодарности стало мое малое участие в его жизни, то я приму и это. Мать Покровительница, да я с превеликим удовольствием сведу наши встречи с супругом к минимуму и постараюсь не тревожить его покоя. Если диар искал неприхотливую жену, то и тут я не подведу его. Мне ли иметь капризы, о чем-то просить или укорять? Я стану маленькой мышкой, лишь бы не видеть надменного лица и не чувствовать на себе равнодушный взгляд Аристана Альдиса.

Передернув плечами, я поспешила к своему брату, чтобы рассказать ему новости. Разумеется, Артиан не станет меня отговаривать. Как бы младший агнар Берлуэн ни любил меня, он слишком разумен и слишком устал от постоянных насмешек глупых и заносчивых сверстников, не упускающих случая уколоть бедствующего дворянина. Порой мне даже хотелось, чтобы Богиня наказала острословов, послав им те же испытания, через какие приходится проходить моему брату.

Моя душа кипела от гнева, когда я думала о тех злых людях, лишенных сочувствия к ближнему. И ведь семьи тех, кто смеет издеваться над нами, известны, как добропорядочные воспитанные люди. Так неужели их души настолько черны, что ради того, чтобы снискать чье-то уважение, эти люди будут дарить старую одежду беднякам, жертвовать деньги приютам, но не смогут удержаться, чтобы просто не заметить менее удачливых собратьев? Отчего бы им не отвернуться, когда Артиан или мой отец проходят мимо? Зачем смотреть им вслед, осыпая градом низких острот? К чему их яд?

От этих мыслей исчез страх перед будущим супружеством, и я почувствовала себя уверенней, подумав, что даже если диар просто отделается некоторой суммой, которую даст старшему агнару Берлуэну, то я сама попрошу у него вместо свадебного подарка жениха невесте, чтобы д'агнар Альдис пристроил моего брата на хорошую должность. И это станет моей единственной просьбой за всю нашу совместную жизнь.

Постепенно я окончательно успокоилась, найдя несомненные плюсы в выборе диара, а о странности этого выбора я не буду думать. Как не буду вспоминать о холодном взгляде. Пусть он будет равнодушен, лишь бы не стал брезглив. Пожалуй, это выдержать было бы сложно. Равнодушие — это покой, брезгливость — унижение. Я и так чувствовала себя купленным товаром, к тому же меня не оставляла мысль, что я стала выбором без выбора.

В Данбьергском диарате жили благополучно. Среди дворянских семей, конечно, были среди них не слишком богатые, но из нищенствующих только мы. Впрочем, реши диар взять супругу из любого родовитого семейства, она была бы счастлива, и вряд ли бы благородная девица стала перечить своему супругу. Но он пришел к тем, кто оказался на самом дне. Так, может, я не разгадала намерений д'агнара Альдиса? И его нужда в такой жене, как я, имеет иное основание?

— Флоретта, прекрати, — одернула я себя. — Так ты можешь надумать и вовсе, что диар питается девственницами.

Усмехнувшись собственным словам, я нашла их даже в чем-то разумными. Такими ледышками живые люди не бывают. Бр-р.

— Ну это уж и вовсе крайности! — воскликнула я, сердито топнув на саму себя ногой.

— Что за крайности, сестрица? — Артиан вышел из своей комнаты. — Что-то случилось? Я видел, что приезжал диар, но отец дал понять, что мое присутствие при

встрече высокогородного гостя излишне.

— Он уже уехал, — ответила я, подходя к брату. — Позволишь?

Артиан посторонился, пропуская меня в свою комнату. Я увидела тазик с водой и тряпку, брат наводил чистоту. Да, этому мы тоже уже научились, иначе бы давно заросли грязью, требуя от престарелой женщины успевать делать больше того, что было в ее силах. В эту минуту я даже испытала нечто вроде радости от скорого замужества.

— Д'агнар Альдис просил моей руки, — ответила я, присаживаясь на краешек кресла, заваленного книгами, агнар Берлуэн протирал книжный шкаф.

Брат, вернувшийся к своему занятию и теперь отжимавший тряпку, выронил ее обратно в таз и обернулся, с недоверием глядя на меня. Я испытала смесь гордости и обиды, слишком много было скептицизма во взгляде Артиана, осмотревшего меня с ног до головы.

— Тебя? — переспросил он, и я кивнула. — Замуж?

— Что тебя смущает, братец, — чуть раздраженно спросила я. — Разве ты не видишь моей красоты и не считаешь завидной невестой?

— Ты миленькая, — улыбнулся младший агнар Берлуэн. — И, разумеется, столичному хлыщу повезло, что он отхватил столь лакомый кусочек. Я просто удивлен, откуда он прознал о том, что такое чудо скрывается в нашем поместье, затеряншемся среди лесов.

— Должно быть, ему нашептали белки, — совершенно серьезно ответила. — А может, олень, когда диар прицелился в него из ружья, обменял свою жизнь на тайну моего существования в чащобе Данбьбергского леса.

— Какие, однако, болтливые животные в нашем лесу, — рассмеялся брат, и я не удержалась от улыбки — смех Артиана был до невозможности заразительным. Отсмеявшись, братец снова взглянул на меня. — И все же странный выбор у нашего диара.

— Не могу не согласиться, — усмехнулась я уже невесело. — Не пойму, зачем я ему понадобилась. Но наш папенька невероятно счастлив. Должно быть, диар обещал ему некую сумму за дочь. Как видишь, не такая уж я и пропащая, мне тоже нашлась цена.

Артиан поджал губы, испытующе глядя на меня.

— Это большая удача, не правда ли, братец? — спросила я, но голос вдруг дрогнул, и слезы навернулись на глаза.

Глупая и ненужная слабость. Мне сейчас полагается прыгать от радости, а не лить слезы. Перезрелую девицу без приданого берет в жены родовитый аристократ. Дар небес, верно сказал папенька, а я, как глупейшее создание, вдруг решила разреветься. Брат тут же оказался подле меня. Он присел на корточки, взял мои руки в свои ладони и заглянул в глаза.

— Диар хорош собой, разве он тебе совсем не понравился? — спросил Артиан. — К тому же невозможно богат. Ты выберешься из нашей нищеты. Неужели тебе вовсе не лестно, что ты станешь диарой Данбьбергской?

— Ах, что ты, братец, — улыбнулась я, освободив одну свою руку и вытерев непрошенные слезы. — Меня радует, что это замужество поможет нашему семейству. Надеюсь на это. Просто... Просто д'агнар Альдис напугал меня своей холодностью. Я даже не заметила, что он хорош собой. Разве красота может быть надменной? Она согревает душу, а не замораживает ее.

Брат удивленно округлил глаза.

— Фло, Богиня с тобой! — воскликнул он. — Да знаешь ли ты, как увиваются вокруг него дамы, желая получить благосклонность диара? Проклятье... — Артиан вдруг помрачнел. — Когда станет известно, что он женится, и, главное, на ком женится, ряженые

клуши тебя заключают. Впрочем, он мужчина серьезный и здравомыслящий, потому непременно оградит свою супругу от нападков, иначе зачем бы ему жениться? И все же... Как все странно.

Брат поднялся на ноги, выпустил из захвата вторую мою руку и прошелся по комнате, о чем-то размышляя. После обернулся ко мне и произнес:

— Поговорю-ка я с отцом. Возможно, что-то и прояснится.

— Непременно потом расскажи мне, что ответит папенька, — попросила я, поднимаясь с кресла.

Артиан кивнул, и мы покинули его комнату. Я отправилась искать близнецов, а младший агнар Берлуэн поспешил к Берлуэну-старшему.

ГЛАВА 2

Наша жизнь начала меняться. И, признаться, до тех пор, пока в нашем скромном поместье не появился модный портной со своими многочисленными шумными помощниками, я так до конца и не верила в реальность намерений диара. Дом заполнился громкими разговорами, движением, ароматом дорогого одеколona, шуршанием распаковываемых коробок, распоряжениями портного, явно чувствовавшего себя едва ли не хозяином вселенной.

Отец ощущал заметную неловкость и робел перед важным гостем, намного ниже его по рождению. Привыкший общаться со знатными особами, инар Рабан держался с нами покровительственно и чуть насмешливо. Он был лучшим в своем ремесле и знал об этом, потому мог позволить себе подобный тон. К тому же оплачивал труды почтенного инара диар, а мы стали лишь безмолвными куклами, на которые портные надевают свои платья в витринах магазинов.

Инар Рабан собрал все наше семейство в Бордовой гостиной, за чистотой которой неизменно следили, выстроил нас в ряд, после подпер ладонью подбородок и задумчиво осмотрел по очереди каждого.

— Агнара Берлуэн, выйдите вперед, — велел портной.

Я сделала несмелый шаг и замерла, дергая манжет своего платья. Инар поджал губы, приблизился ко мне и удрученно вздохнул.

— Дорогая агнара, серый совершенно не ваш цвет, — произнес он. — Он делает вас невозможно безликой. Как можно так безвкусно подбирать наряды?

«Очень просто, дорогой инар», — хотелось мне ответить. «Если бы мы могли себе позволить выбирать, возможно, я бы посещала вашу лавку собственной персоной, и вы бы помогли мне подобрать мои цвета, пошили мне гардероб, и я бы не робела перед простым портным настолько, словно он не портной, а король».

— Итак, — мастер потер руки и щелкнул пальцами. Его подручные, замершие в неподвижности, пока их хозяин рассматривал нас, разом отмерли и стали похожи на псов, взявших след. — Мальчики, мне нужен красный и все его оттенки, какие есть. Еще зеленый, лучше нежного оттенка, под цвет глаз агнары Берлуэн. Подайте голубой, синий и розовый, но розовый не должен быть блеклым. Никаких блеклых цветов, нам нужны яркие краски! К зеркалу! — это уже было сказано мне, и я поспешила исполнить приказ инара.

Я замерла перед напольным зеркалом, нервничая все больше. Губы, которые я покусывала все это время, горели огнем, припухли еще больше и покраснели.

— Дитя, что за страх и смущение я вижу в ваших глазках? — всплеснул руками портной. — Доверьтесь мне, и я сделаю из вас настоящую красавицу! Д’агнар Альдис будет покорен, уж можете мне поверить.

Я окончательно смутилась и покраснела столь сильно, что огнем опалило даже уши. Инар Рабан тут же недовольно поцокал языком.

— Немедленно успокойтесь, агнара Берлуэн, и верните ваш природный цвет лица! — воскликнул он с негодованием. — Как мне подобрать вам правильные оттенки ткани, если вы похожи на перезрелый помидор? Это же совсем иные цвета! Немедленно возьмите себя в руки.

— Можно мне выйти на воздух? — севшим голосом спросила я.

— Идите, — небрежно махнул рукой инар Рабан. — Мы пока разберемся с вашими родными. Агнар Берлуэн, займите место вашей дочери.

Уже выходя из гостиной, я услышала голос портного:

— До чего же ваша дочь впечатлительна, агнар Берлуэн.

— Флоретта не привыкла к столь пристальному вниманию к своей персоне, — ответил папенька, и большего я не слышала, спеша оказаться на улице.

Здесь меня ожидала новая неожиданность. К нашему дому подъехали телеги, груженные кирпичами, досками, какими-то инструментами. На одной из них сидел пузатый инар в коричневом сюртуке и картузе. Завидев меня, он вскинул руку и крикнул:

— Лапушка, позови-ка мне кого-нибудь из хозяев!

— Доброго дня, уважаемый инар, — ровно поздоровалась я, простив ему то, что меня посчитали служанкой. — Вы уже разговариваете с дочерью хозяина.

— Ох, — толстяк слез с телеги, стянул картуз с головы и поклонился. — Доброго дня, агнара Берлуэн. Где мы можем все это свалить? Диар Альдис сказал, что для нас есть работенка, не могли бы вы указать, что нужно делать?

— Я позову отца, — ответила я, растерянно глядя на телеги и несколько рабочих, ожидавших распоряжений.

Однако диар был более чем щедр. Когда папенька вернулся из его поместья на следующий день после смотрин, он был задумчив, и я даже подумала, что д’агнар передумал, и свадьба отменяется. Не скажу, что сильно расстроилась. Скорей, подумала, что теперь все верно... Однако диар всего лишь велел обдумать и составить перечень работ, которые папенька посчитает нужными.

— Д’агнар Альдис велел обойтись без ложной скромности, — со значением произнес родитель, словно ожидал, что я сейчас захопаю в ладоши, оценив щедрость жениха.

Я же подумала, что моя цена растет на глазах, и в который раз задалась вопросом: что уготовано мне? Что именно сейчас оплачивает диар? Только ли здесь желание, чтобы его новая родня прекратила свое бедственное существование? И ответа, разумеется, не нашла. Зато получила новый повод для тревог.

Никакой ясности не внесла и беседа брата с папенькой. Старший агнар Берлуэн возмутился подозрительностью сына и объявил, что диар имеет отличный вкус и берет в жены не вертлявую избалованную девицу, жеманную и привыкшую к вниманию, а скромную девушку, не испорченную светом.

— Это разумный выбор взрослого мужчины, который знает, какую женщину он хочет видеть рядом с собой, — так закончил свою речь папенька, и Артиану пришлось удовлетвориться таким ответом, найдя его разумным. Следом согласилась и я.

Так, мучаясь неизвестностью и непониманием, я продолжала ожидать собственной свадьбы. И вот теперь поместье заполнилось посторонними людьми, оживившими его и перепугавшими обитателей нашей небольшой усадьбы.

— Ждите, — велела я толстяку в картузе и поспешила обратно в дом.

Однако не успела войти, как инар Рабан воскликнул:

— Ну наконец-то, дорогая агнара Берлуэн! Я уже заждался вас. Все-таки вы наше главное блюдо... Опять?! — возопил портной, глядя, как я снова заливаюсь краской. — Ну сколько же можно мешать мне работать?!

— Простите, — пролепетала я, едва не забыв, зачем я поднялась. Но обратиться к папеньке мне не позволил все тот же инар Рабан.

— Я пожалуюсь д'агнару Альдису, и он будет журить вас, милая агнара, — погрозил мне пальцем почтенный мастер, приведя этим в окончательное смятение. Отчего-то, несмотря на готовящуюся свадьбу и все мои размышления, я до конца не воспринимала диара, как человека, которому могут на меня пожаловаться, и он будет меня журить.

Д'агнар Альдис оставался кем-то далеким. Я уже привыкала к нему, но все еще никак не сопоставляла с близким для меня человеком, пусть и в недалеком будущем. Рассердившись на портного за то, что он так легко приводит меня в растерянность, я посмотрела на старшего агнара Берлуэна и все-таки сообщила ему:

— Приехали строители, они ожидают вас, папенька.

— Ох, уже? — воскликнул родитель и стремительно покинул гостиную.

Мои сестры уже весело болтали с помощниками инара Рабана, брат сидел в кресле, с интересом поглядывая в нашу с мастером сторону.

— И что вы мне скажете, дорогая агнара?

— Что? — переспросила я, глядя на мужчину.

— Вот и я спрашиваю: что? — он вскинул руки к потолку театральным жестом. — Буду ли я ошастливлен сегодня возможностью заняться вами? Снять мерки с ваших родных было до невозможности просто, а что мне делать с вами? Должно быть, мне все-таки придется пожаловаться на вас высокородному диару.

— Снимайте ваши мерки, — раздраженно ответила я и раскинула руки в стороны.

— Ах, какая злая агнара, — хмыкнул инар Рабан, и мое лицо снова запылало. — Нет, это невыносимо! — воскликнул мужчина. Теперь сердито на меня смотрел он. — Я не привык к такому возмутительному отношению ко мне и моей работе. Я пытаюсь украсить вашу серость, агнара Берлуэн, дать вам то, чем не одарила вас Мать Покровительница, а вы...

— Эй, уважаемый инар, — окликнул его Артиан. — Вам не кажется, что вы переходите границы? Уж не пожаловаться ли мне на вас диару?

Однако мастер лишь мазнул взглядом по младшему агнару Берлуэну, затем посмотрел на меня и снова накрыл пальцами свой подбородок.

— Перестарался, — сказал неучтивый портной. — Теперь вы слишком бледны. Успокойтесь, душа моя, я вовсе не желал вас обидеть. Вы чрезвычайно милое создание, успокаивайтесь немедленно!

Я почувствовала, как дрожит подбородок от сдерживаемых злых слез обиды. Стиснула зубы, не позволяя себе расплакаться, словно маленькая девочка. Подошла к зеркалу и махнула рукой инару Рабану.

— Приступайте.

Из отражения на меня смотрела сердитая девица. Она насупилась, поджала губы и прожигала взглядом инара, глядя на него через зеркальное отражение. На щеках ее пылал гневный румянец, и я неожиданно удивилась, обнаружив, что в той девице проглянула твердость и упрямство. И тут же стало стыдно. За что я злюсь на почтенного мастера? Он всего лишь выполняет свою работу, а я и, правда, мешаю ему. Вздохнув, я отвела взгляд от портного, застывшего за моим плечом, опустила руки, до этого скрещенные на груди, и отвернулась к окну, размышляя о том, что задумал папенька, и сколько средств д'агнара Альдиса уже ушло на наше семейство.

— Вот! Ну вот же! — воскликнул инар Рабан. — Ткани.

Последнее относилось уже к подручным. И тут же вокруг меня закружился цветной круговорот. Мне накидывали на плечи то одну, то другую ткань, заворачивали в них, прикладывали к лицу. Инар Рабан что-то диктовал, его подручный записывал. Я потерялась во всем этом творческом безобразии, перестав понимать что-либо. И если по началу я прислушивалась к словам портного, то вскоре стояла, отупело глядя на мельтешение лиц, цветов и тканей, улавливая лишь отдельные фразы — прогулки... костюм... охота... диар приказал... гардероб... бальное... белье...

— Что — белье? — очнулась я, испуганно вцепившись в ворот своего платья.

— Вам нужно новое белье, агнара Берлуэн, — ответил инар Рабан, прекратив на мгновение сводить меня с ума безудержным мельтешением.

— Я не собираюсь раздеваться, — пролепетала я, отступая от него к зеркалу.

— Сейчас, безусловно, но придет время и...

— Нет! — воскликнула я. — Оно никогда не придет, и я не позволю вам...

— Да мне-то что за прок в вашем раздевании? Вот на примерке...

— К-какая примерка?

— Когда ваш папенька привезет вас ко мне в мастерскую, — ухмыльнулся портной. После посмотрел на меня более пристально и вздохнул. — Экая вы слабенькая, душа моя. Иные агнары готовы стоять под дверями моей мастерской в надежде, что я буду возиться с ними, как с вами. А вы уже и утомились.

Инар Рабан всплеснул руками, вздохнул и щелкнул пальцами, провозгласив:

— Продолжаем!

И пытка продолжилась. Меня обмерили вдоль и поперек, снова перепробовали несколько оттенков зеленого, пока почтенный мастер не воскликнул:

— О, вот оно! Это божественно! Пиши...

Когда вся эта разбойничья ватага, увешенная измерительными лентами, тканями, кружевами, которые так же благополучно были приложены ко мне «для полноты картины», исчезла из нашего дома, я растянулась прямо на полу в Бордовой гостиной и объявила:

— Передайте моему жениху, что я умерла в жесточайших мучениях и теперь буду являться ему во снах. О приятных сновидениях сиятельный диар может позабыть.

— Как мило.

— Нет, это не мило. Это кошмар.

— Это необходимость, дорогая невеста.

Я вывернула голову, не поднимаясь с пола, и узрела в дверях того, кого меньше всего ожидала увидеть.

— Кажется, у меня случились галлюцинации, — мрачно пробормотала я.

— Возможно, да, — как-то очень загадочно произнес д'агнар Альдис. — А возможно, и

нет. Кто знает...

— Флоретта! — окрик папеньки заставил меня вскочить на четвереньки.

Я уперлась взглядом в ноги в серых брюках, неспешно приблизившиеся ко мне. Следом протопали ноги агнара Берлуэна-старшего. Но прежде, чем папенька достиг своей невоспитанной дочери, руки Артиана уже подхватили меня подмышки и поставили на ноги. Я испуганно ойкнула, отчаянно покраснела и пролепетала:

— Простите меня, я...

— Сестра просто устала, — ответил за меня брат.

— Я заметил, — невозмутимо кивнул диар. — Инар Рабан поработал на славу, я доволен.

Мой возмущенный взгляд скользнул по диару, затем по раздосадованному папеньке и остановился на Артиане, прятавшему ухмылочку. Мой гневный взор достался брату, не предупредившему меня, что у нас появился гость.

— Я не видел, — шепнул брат.

Теперь мы оба посмотрели на моего жениха. Лицо диара вновь было лишено всяких чувств, и ирония, недавно слышавшаяся в его голосе, никак не изменила надменного выражения д'агнара Альдиса. Он даже уже не смотрел на меня. Диар глядел на Артиана.

— Агнар Берлуэн, жду вас в своем поместье завтра поутру, — сказал мой жених. — Надеюсь, ваш отец передал вам наш с ним разговор?

— Да, ваше сиятельство, — склонил голову мой брат.

После внимания диара удостоилась и я.

— Я хотел пригласить вас на прогулку, агнара Флоретта, — довели до моего сведения. — Но раз вы устали, не смею и далее тревожить вас. Перенесем нашу прогулку на более подходящее время.

Развернулся и покинул гостиную, более ничего не говоря. Я еще какое-то время смотрела на дверь, а после шумно выдохнула и сразу же жадно плотнула воздуха, сообразив, что не дышала с того самого мгновения, как диар сказал о совместной прогулке. И тут же порадовалась, что инар Рабан вымотал меня до предела. Но учтивость будущего мужа отметила. Он не стал настаивать на своем желании, несмотря на то, что проделал путь до нашей усадьбы с определенным намерением. Это было уже даже приятно. А потом я осознала, что сегодня впервые разговаривала с д'агнаром Альдисом.

— Ох, как неудобно получилось, — прошептала я, хватаясь за горящие щеки, вспыхнувшие при воспоминании о том, в каком виде меня застал диар и что услышал.

— Кажется, ты его позабавила, — попытался успокоить меня брат.

— Теперь я еще и посмешище, — удрученно вздохнула я.

— Глупости, — отмахнулся Артиан. — Лучше отдохни, ты похожа на красного призрака.

— Призраки белые, — возразила я.

— А ты — стыдливый призрак, — хохотнул младший агнар Берлуэн.

Удостоив его сердитого взгляда, я поспешила покинуть гостиную и скрыться в своей комнате, пока не явился папенька, убежавший за диаром, и не начал меня распекавать за недопустимое поведение. Однако закрытая дверь не смогла удержать праведный гнев родителя, и он забарабанил в нее кулаком, требуя:

— Флоретта, немедленно откройте своему отцу!

— Фло устала, — донесся до меня голос брата.

— Сначала я пожелаю ей доброй ночи, — кровожадно объявил папенька.

— Отец...

— Молчать, мальчишка!

— Я уже открываю, папенька, — поспешила я к дверям, пока не досталось заодно и брату.

Повернув ключ в замочной скважине, я отошла в сторону, повинно склонив голову. Агнар Берлуэн, чеканя шаг, вошел в мою комнату и остановился напротив, заложив за спину руки. Он некоторое время перекатывался с пятки на носок и обратно, после погрозил мне пальцем и обрушил на меня свой праведный отцовский гнев:

— Это возмутительно, дочь моя! Откуда в вас эти ужасные манеры?! Лежать на полу, да кому такое взбредет в голову? И что за слова вы произнесли вслух? В каком свете вы явили себя вашему жениху и благодетелю? Что если он решит, что вы ему вовсе не подходите? Вы думали об этом?

— Нет, папенька, — вздохнула я.

— В том-то и дело, Фло! — воскликнул родитель, переходя на более домашнее обращение. — Ты ни о чем не думаешь. На нас продолжает сыпаться благодать, а ты хочешь закончить все те чудеса, что выпали на нашу долю, одной своей глупой выходкой?! Немедленно садись и пиши его сиятельству извинения! Немедленно, Фло! Я проверю... Нет! Я сам тебе все продиктую. Садись за стол.

Писать извинения отчего-то совсем не хотелось. В душе моей поднялся странный протест, и негодование заставило вскинуть на сурового родителя возмущенный взгляд.

— Но, папенька, д'агнар Альдис мог бы и уведомить нас о своем появлении, и тогда я бы ждала его в вертикальном положении. Однако же...

— Немедля! — гаркнул агнар Берлуэн, и я поспешила к столу, продолжая внутренне негодовать.

Папенька прошелся по моей комнате, заложив руки за спину, после выдохнул и развернулся ко мне на каблуках.

— Пиши, — произнес он, я послушно обмакнула перо в чернильницу и приготовилась записывать под диктовку. — Драгоценный д'агнар Альдис. Сегодня я предстала перед вами в непозволительном виде, и прискорбие заполнило мое сердце...

Я кривилась, морщилась, фыркала, но выводила папенькины слова, протестуя в душе. Что за обращение? Может, я и не имею столь высокого рождения и вовсе ничего не имею, но мое самоуважение при мне, и оно бунтует против самоуничужения, к которому меня подталкивал родитель, вынуждая молить о прощении за неловкую случайность.

— Молю вас на коленях...

— Это уж вовсе лишнее, — не выдержала я. — Кем я буду в глазах своего жениха?

— Покорной и скромной девицей, осознавшей всю глубину своего проступка, — отчеканил папенька и продолжил диктовать: — Молю вас на коленях о снисхождении...

Дописывала я сие послание, кипя от злости. Однако просушила чернила песком, сердито сдула его, потрясла письмом, едва не измяв его, но агнар Берлуэн ловко выхватил исписанный лист бумаги из моих рук, свернул его и убрал в карман сюртука. После удовлетворенно вздохнул, потер руки и поцеловал меня в лоб, пожелав:

— Добрых снов, дитя мое, вы их заслужили своим послушанием.

И он ушел, а я осталась кипеть от злости и возмущения. Если бы мне позволили самой написать письмо, я бы высказалась иначе, но папенька не позволил мне этого, и теперь меня

передергивало от раболепия, которым было пропитано послание. Да, я благодарна диару за все, что он для нас делает, но это не означает, что я готова унижаться! К чему это? Я и так девица не скандальная, и знаю, что такое совесть и послушание. Разве не этого д'агнар ожидает от своей супруги?

— Ты сейчас взорвешься, — брат стоял в дверном проеме, прислонившись плечом к косяку.

— Папенька сам лишает нас последних крох уважения его светлости, — воскликнула я. — Зачем это идолопоклонничество?

— Папенька боится упустить возможность выбраться из ямы, в которой мы пребываем долгие годы, — Артиан отлепился от косяка и пожал плечами. — Его можно понять. Он столько времени пытался хоть как-то наладить наше бытие, но только опускался еще ниже. Диар для него соломинка, и отец вцепился в нее зубами.

— Молю вас на коленях, — передразнила я и упала в кресло. — Достаточно было просто попросить извинений за недостойную сцену и все!

— Достаточно, но агнара Берлуэна никто из нас в этом не убедит. Не удивлюсь, если он уже мчится вдогонку за диаром с твоим письмом в вытянутой руке. Нам остается лишь смириться, что-либо изменить мы не в силах. Отец ныне слеп и глух. И его не стоит осуждать. В конце концов, он столько времени был вынужден страдать от того, что не может дать своим детям достойного будущего.

— Ты прав, — вздохнула я, теряя разом весь запал и успокаиваясь. — Папеньку, действительно, сложно осуждать. Лишь бы это не сказалось на отношении его сиятельства ко мне в будущем. И так он покупает меня, и цена, которую сам установил, превышает во много раз мою стоимость. А это уже тревожит не на шутку.

Брат подошел ко мне, склонился, приобнял за плечи и прижался щекой к моей щеке.

— Вокруг Аристана Альдиса всегда витает множество слухов, оно и понятно, он все-таки диар, а не фермер. Но я никогда не слышал, чтобы он слыл пожирателем девиц, — совершенно серьезно произнес брат.

— Арти! — возмущенно воскликнула я, пытаясь ущипнуть его, но вертлявый братец уже отскочил в сторону, весело хохоча.

Вскочив на ноги, я бросилась за ним, однако агнар Пройдоха уже выбежал из моей комнаты, уворачиваясь из-под карающей сестринской длани.

— Артиан Берлуэн, я приказываю тебе остановиться и получить оплеуху! — вещала я, пытаясь отловить брата.

— На каком основании? — спрашивал он, поблескивая веселым взглядом.

— На основании того, что я старше, а ты болван! — выкрикнула я

— В корне не согласен, — парировал Арти, издевательски виляя передо мной задом. — Ты старше, а я мужчина.

— Но против болвана ты не возражил, — осклабилась я, подкрадываясь к братцу.

— Глупые выдумки я не замечаю принципиально, — он хмыкнул, вновь припуская вперед.

Брат позволял мне приблизиться и снова изворачивался, словно змей, с хохотом убегая от меня. Мы промчались по всему этажу, сбежали по лестнице вниз, едва не сбив с ног престарелую горничную. Женщина сердито заворчала себе под нос, но что она говорила, мы с Артианом уже не слышали. Я прихватила папенькин старый зонт и, взметнув его над головой, с боевым кличем кинулась догонять братца.

Один раз я даже нагнала его и с особым упоением кольнула в самое вертлявое место. Арти подпрыгнул, прикрыв уязвленное... самолюбие ладонями, обернулся и погрозил мне пальцем. После этого развернулся, отобрал мое оружие и умчался вперед, исчезнув в комнате близнецов. Я вбежала следом за ним и возмущенно всплеснула руками. Артиан прятался за хрупкими детскими спинами наших сестер и строил мне рожи. Я уперла кулаки в бока, собираясь отчитать младшего агнара Берлуэна, но он вдруг наклонился к сестрицам, глядевших на меня одинаково сузив глаза, и крикнул:

— Защекотать Фло!

— Защекотать! — радостно отозвались близнецы и бросились на меня.

— Нечестно! — взвизгнула я, развернулась и бросилась от них прочь.

Сестры гнали меня по коридору, я искала, куда могу спрятаться, но злой рок решил дело иначе. Коварный Арти пробежал через первый этаж, выскочил мне навстречу, раскинув руки, и я влетела ему в объятья, сбивая с ног. Брат завалился на пол, увлекая меня за собой, близнецы с громким кличем упали сверху, и три пары рук запорхали по моим ребрам, шее, спине, доводя до щенячьего визга, похрюкивания и хохота. Я извивалась, вырывалась, отвечала, уже сама не понимая кому. Впрочем, мои мучители, кажется, тоже уже запутались, и теперь мы все дружно хохотали, щекотки хватило каждому.

— Кхм, — раздалось над нами.

Ойкнув, охнув и даже чихнув — у кого что вышло, мы вчетвером задрали головы и посмотрели на папеньку. На лице его было довольство, и я поняла, что письмо диару родитель все-таки передал.

— Д'агнар Альдис был столь добр, что простил вашу непристойную выходку, дочь моя, — произнес он. — Завтра его сиятельство вновь навестит нас во второй половине дня, чтобы пригласить вас на прогулку. Будьте любезны к назначенному часу быть собранной и очаровательной, чтобы мне не пришлось вновь краснеть за вас, Флоретта. А теперь поднимитесь с пола, а то ваша любовь к этой части жилого помещения выглядит уже подозрительной. Приведите себя в порядок, как подобает будущей сиятельной диаре, и ступайте отдыхать. Завтра вы должны быть свежи, как роза. — Затем сурово взглянул на Артиана, укоризненно покачав головой. Поманил к себе близнецов, одарив каждую поцелуем в лоб, и удалился пожелав всем разом. — Доброй ночи, мои дорогие дети.

Мы проводили папеньку взглядами, переглянулись и тихо прыснули в кулаки. Однако быстро взяли себя в руки и разошлись по своим комнатам. Только уже лежа в постели, я вдруг разволновалась, думая о завтрашнем дне. Мне представлялось надменное лицо диара, который будет непременно думать обо мне дурно, либо из-за неловкой ситуации, либо из-за письма с раболепными извинениями.

А следом я подумала о том, о чем могу разговаривать со своим женихом, чтобы развлечь его и не дать во мне заподозрить необразованную особу. Безусловно, наше домашнее образование было далеким от того, какое должно получать дворянским отпрыском, и все-таки этикет мы знали, географии учились по атласу и нескольким книгам о путешествиях. Историю изучали тоже по книгам и энциклопедиям. Умели играть на нескольких музыкальных инструментах. Танцевали пару танцев. А вот на лошади я вовсе не умела держаться. И даже не представляла, о чем могу говорить с его сиятельством, чтобы не показаться беспросветной дурой.

Распереживавшись, я не сомкнула глаз до утра и встала с постели с красными глазами, раздраженная и с ужасной головной болью.

ГЛАВА 3

К завтраку я спустилась позже всех из-за попытки придать лицу более свежий вид. Попытка успехом не увенчалась, зато раздражение и головная боль сравнялись по своему накалу. Спускаясь в столовую, я готовилась выслушать от папеньки очередную гневную речь о своей бестолковости. Однако ни старшего, ни младшего агнаров Берлуэн в усадьбе уже не было. Они отправились в поместье д'агнара Альдиса. Выдохнув с облегчением, я уселась за стол. Но головная боль вызывала тошноту, а все надуманные мною за ночь тревоги напрочь лишили аппетита. Поковырявшись в своей тарелке, я отодвинула ее и выпила один чай.

— Агнара Флоретта, вы совсем не поели, — всплеснула руками кухарка, когда пришла забирать посуду. — Ох, и выглядите вы не очень. Уж не приключилась ли с вами хворь? Девушки перед свадьбой часто себе придумывают всякие ужасы.

Она вдруг уселась напротив, пользуясь тем, что хозяина и его сына нет, а близнецы все еще сопели в своих кроватях. Женщина подперла щеку кулаком и посмотрела на меня с покровительственной улыбкой.

— Вы уж не обижайтесь на меня, агнара Флоретта, — начала она. — Но я все же скажу. Все свадьбы боятся, а все из-за чего? Это ж только немного больно по началу, а потом... Ох, помню, когда я замуж-то выходила, и чего только не надумала. А ведь сладко-то как оказалось. Так и бегут мурашки, как вспомню.

— О чем вы, инара Лирия? — недоумеваю, спросила я.

— Так о ночи первой, — женщина удивленно смотрела на меня. — А чего вам еще опасаться? Жених — сам диар. Богат, представительен, собой хорош. Вот уж жених, так жених. Вон, как семейство ваше обхаживает. Видать, приглянулись вы ему. И то правильно, чего на этих расфуфыренных дамочек-то смотреть? То ли дело девушка скромная, да неприхотливая. А вы же у нас умница какая, агнара Флоретта. И веселая. Так что опасаться вы только одного можете, вот я вам и говорю — не бойтесь. А диар — мужчина опытный, он вас не обидит, все аккуратно сделает.

Я слушала Лирию и пылала от стыда и возмущения. Мало того, что подобное я готова была узнать, если бы только сама спросила, (а я бы ни за что не спросила, это уж точно!) так я даже не задумывалась до настоящего времени об этой стороне супружеской жизни. Мои тревоги касались намного большего. И если эта ночь должна случиться, то она случится... Великая Мать!

Осознание накатило ледяной волной — у меня будет это с диаром. Он будет трогать меня, наверное, целовать...

— Лирия! — воскликнула я, но тут же осеклась и сказала спокойно: — Благодарю, вы можете идти.

— Если хотите, я вам порасскажу, что там и как, — оживилась кухарка

— Нет! Вы очень любезны, но у меня ужасно болит голова, и я лучше прилягу, — слушать ее рассказы мне вовсе не хотелось.

— Я вам сейчас травку дам, а после погуляйте лучше, — женщина поднялась из-за стола и направилась на кухню, а я поспешила вернуться к себе.

И уже в своей комнате подумала, что и правда стоит сбежать на прогулку с близнецами. После разговоров Лирии смотреть в глаза д'агнара Альдиса мне было и вовсе стыдно. Вдруг во время беседы с ним я подумаю об этом, я ведь тогда ни слова не смогу произнести вслух.

Буду краснеть и хлопать глазами, и диар посчитает, что я не в своем уме. А я ведь непременно вспомню! Какой ужас... Нет, определенно мне стоит избежать нашей встречи. Я ужасно выгляжу, мне не здоровится, и я имею полное право сослаться на плохое самочувствие... Папенька мне сошлетя! За руку притащит к диару, еще и под дулом пистолета выгонит на прогулку. Да, нужно сбежать из дома, сказав, что близнецы умоляли меня, и я не сумела им отказать. Я добрая сестра, а вовсе не трусиха, и не невежа, как вы могли подумать, дорогой жених. Именно так! Уф...

Вскоре пришла Лирия со своим отваром. Она посмотрела на меня чуть насмешливо, подмигнула по-свойски и заговорщицки произнесла, понизив голос:

— Если всё же надумаете, агнара Флоретта, я буду на кухне. Я много чего могу рассказать, и как мужу угодить...

— Я поняла, — спешно прервала я кухарку.

Женщина удалилась, а я вытянулась на постели, ожидая, когда мне станет легче. Не дождалась. Прележав совсем немного, я вскочила на ноги и поспешила к близнецам, твердо решив стащить их за ноги из кроватей, если они имеют наглость все еще спать, когда их сестра так отчаянно желает быть доброй и заботливой, самой лучшей старшей сестрой на свете.

На счастье близнецов, они уже проснулись и теперь брызгали друг в друга водой, пока умывались. Увидев меня, сестры изумленно округлили глаза. Я мило улыбнулась им, а девочки сделали слаженный шаг назад.

— Доброе утро, — проворковала я, сестры переглянулись, после посмотрели на меня и слаженно ответили:

— Доброе утро, Фло.

— Мы идем гулять! — почти воинственно объявила я.

Девочки снова переглянулись и помотали головами.

— Мы не хотим, — ответила Мелина.

— Совсем не хотим, — поддержала сестру Тирли.

— Ни капельки не хотим, — хором закончили они.

Я поджала губы, упрямо глядя на близнецов.

— Как же не хотите? — фальшиво удивилась я. — Очень даже хотите.

И даже покивала для значимости. Девочки слажено помотали головами. Ну вот еще новости! Других сестер у меня нет, и теперь нужно доказать не только папеньке и диару, что близнецы умоляли погулять с ними, но и самим близнецам.

— Мел, Тирли, — всплеснула я руками, — вы же сами уговаривали меня отвести вас к источнику!

— Это было две недели назад, — насупилась Мелина.

— И ты отказалась, — добавила Тирли. — Еще и наврала, что там видели злющего вепря.

— Только бы с нами не ходить, — проворчала Мел.

— Отчего же наврала? Был вепрь, — снова соврала я. — Но его убили охотники. Теперь можно сходить.

— А мы уже не хотим, — близнецы дружно повернулись ко мне спинами.

Негодницы! Я опустила было руки в бессилии, но... Если я уже согрешила, наврав им два раза, то от третьего хуже не станет.

— А на завтрак каша с комками, — произнесла я и даже не устыдилась того, что

оговорила Лирию. Если бы не она, я бы сейчас не множила свои прегрешения. — И немного подгорела.

— Фу-у, — протянула Тирли.

— Бе, — скривилась Мелина.

— Но мы можем взять с собой что-нибудь из еды и устроить пикник у источника, — лукаво улыбаясь, предложила я.

— Да! Пикник! — запрыгали близнецы, и я облегченно вздохнула.

— Одевайтесь, а я пока соберу корзину, — сказала я им. — Гребень и ленты прихватите с собой, причешу вас на улице.

— Ура! — закричала Мелина, которая больше всего на свете не любила, когда ее причесывала наша престарелая горничная.

— Фло, ты лучшая старшая сестра на свете, — Тирли подскочила ко мне, крепко обняв.

— Да! — подхватила Мели, а я стыдливо потупилась, но согласно кивнула, испытывая огромное облегчение.

Спустя полчаса мы покидали усадьбу. Благодаря моему жениху наши закрома оказались набиты столь щедро, что я снова немного устыдилась. Диар помогает нашему семейству, стараясь для своей невесты создать уютный дом, где в кладовых кроме мышей теперь водятся колбасы, сыр и прочие изыски, о которых раньше мы могли лишь мечтать. А неблагодарная невеста бежит, отказывая жениху в такой малости, как прогулка и беседа. Крайне не воспитанная особа... сказала бы я, но ничего менять не стала, предпочитая тащить тяжелую корзину встрече с д'агнармом Аристаном Альдисом.

То место, где из-под земли бил источник, было невероятно красиво. Но находилось оно столь далеко, что ходить туда я не любила и бывала лишь вместе с братом или папенькой. Но сейчас из-за собственных страхов и опасений я упорно шла к источнику, таща с собой корзину, изрядно надоевшую и оттянувшую руки. Спустя еще полчаса я уже злилась на себя за глупость и трусость. Однако впереди меня, весело напевая, бежали сестры, и теперь было бы жестоко возвращать их в усадьбу. Поэтому, вздохнув, я покорила судьбе. В конце концов, это был мой собственный выбор и винить некого.

До источника мы добрались спустя полтора часа, когда солнце уже приблизилось к зениту. Пекло стояло невыносимое, корзину я уже ненавидела, свои скоропалительные идеи тоже, даже близнецы не скакали уже столь радостно, как прежде. По крайней мере, мне казалось именно так. Но завидев знакомые места, мы оживились. Я думала о том, что вскоре избавлюсь от своей ноши, усядусь в благодатной тени, и жизнь вновь заиграет красками. Мои же сестры желали одного:

— Сейчас мы поедим! — воскликнула Мели.

— Сейчас нам будет вкусно! — подхватила Тирли, и я почувствовала себя виноватой.

Поэтому, заняв наше излюбленное место, я спешно раскрыла корзину, достала оттуда покрывало и, убрав тряпицу, покрывавшую еду, принялась потчевать девочек заготовленными скромными яствами.

Мои сестры уплетали за обе щеки все, что я добывала из недр корзины, беспрестанно болтали, вертели головами и менее всего напоминали юных агнар. Лишившись своей ноши, я стала намного благодущней и не спешила их ругать, позволяя получать маленькую радость от нашей скоропалительной прогулки, нарушая правила хорошего тона. Впрочем, я и сама с удовольствием их нарушала, делая все то же самое, что и мои сестры: набивала щеки, отвечала на их вопросы, не успев проглотить пищу, даже позволила себе запустить в лоб

Мели шариком, скатанным из хлебного мякиша. Правда, расплата за шалость пришла немедля, и близнецы вдвоем атаковали меня, вновь щекоча и повизгивая от удовольствия, но я им простила все.

Голова моя уже не болела, а после того, как ополоснула лицо ледяной ключевой водой, почувствовала себя намного свежей и бодрей. Девочки оставили меня в покое, и я, удобно расположившись под сенью деревьев, следила за тем, как сестры играют в мяч, весело перекрикиваясь. Потом голоса их отдалились, веки мои сомкнулись, и я задремала...

Что мне снилось? Сказать точно не берусь. Это была мешанина образов, смысла в которой искать было бесполезно, но единственное, что я особо четко запомнила, была наша кухарка, которая стояла в изголовье большой кровати, где вольготно раскинулся диар, заложив руки за голову. Я лежала рядом, скованная невидимыми путами, а кухарка все говорила и говорила что-то жутко неприличное. Д'агнар Альдис кивал головой и со значением произносил:

— Это вам не на полу валяться.

А потом велел папенькиным голосом писать письмо кухарке с извинениями. На этом я проснулась. Потерла лицо, скидывая тяжелое оцепенение сна, нашла взглядом девочек, да так и застыла с неприлично открытым ртом, глядя на третьего участника их игры. Сиятельный диар, скинув прямо на траву свой сюртук, бродил по поляне, вытянув руки. Глаза его были завязаны кушачком Тирли, и д'агнар Альдис пытался поймать двух вертлявых девиц. Девушки хихикали и ловиться не желали. Но вот диар делает шаг в сторону одной и вдруг резко разворачивается к той, что стоит за его спиной, и ловит ее.

В это мгновение я поняла, что мой жених не имеет ни стыда, ни совести. Он жульничал! Подглядывал из-под повязки, заманивая доверчивых агнар в ловушку. Впрочем, у близнецов совести оказалось не больше, чем у его сиятельства. И как только Аристан Альдис произнес:

— Мели, — Мелина тут же бессовестно соврала:

— Я — Тирли.

— Вы меня обманываете, юная агнара, — ответил диар. — У Тирли нет кушака.

— И у меня нет, — нагло заявила Мели, стягивая свой пояс.

— Вы нечестно играете, — укорил моих сестер д'агнар Альдис.

— Кто бы говорил! — не сдержалась я и прикусила язык, отчаянно краснея.

— А вот еще одно ветреное создание, — насмешливо изломил бровь диар. — Так идите и научите нас играть честно.

— Точно! Пусть Фло водит! — обрадовались близнецы, и я одарила их испепеляющим взглядом.

Вот уж чего мне не хотелось, так это играть с его сиятельством. Насколько я боялась его надменного, настолько я сейчас стеснялась его вот такого: без сюртука, с кушаком моей сестры в руках и лукавым блеском в серых глазах.

— Вы трусиха, Флоретта, — вдруг произнес д'агнар Альдис.

И как он догадался?! Неужто это написано у меня на лбу? Ну уж нет, допустить, чтобы диар потешался надо мной, я не могла. Потому поднялась на ноги и гордо вздернула подбородок:

— Ничуть, ваше сиятельство, — высокомерно ответила я, стараясь изо всех сил не смотреть на мужчину.

— Правда? — от неприкрытой иронии в его голосе, мои щеки снова вспыхнули.

— Мать Покровительница мне свидетель, — я кивнула, и его сиятельство направился в

мою сторону, так и не дав мне самой приблизиться к нему и близнецам, с интересом слушавшим наш диалог.

Ноги тут же приросли к земле, и я едва сдержала желание попятиться, потому что прекрасно понимала, что произойдет дальше. Удержалась от позорного бегства только благодаря тому, что подняла взгляд на диара и увидела, как откровенная насмешка кривит его губы. Его сиятельство явно забавлялся моим замешательством. Это вызвало протест, и я шагнула ему навстречу.

Аристан Альдис остановился, давая мне подойти, после взял за плечи и развернул к себе спиной. Кушак Тирли накрыл мои глаза, и на затылке затянулся узел.

— Не слишком туго? — участливо спросил диар.

— Нет, — пискнула я и дернулась в сторону.

Однако ладони сиятельного диара снова сжались на моих плечах, не позволяя отойти.

— Куда же вы бежите, дорогая невеста? — усмехнулся он и добавил, как-то особенно понизив голос: — Игра только началась.

После повернул меня трижды вокруг своей оси, и я оказалась предоставлена самой себе, совершенно перестав ориентироваться в пространстве.

— Фло! — крикнула одна из девочек. — Фло!

— Фло! — тут же подхватила вторая.

Диар молчал, и где он, я представляла с трудом. Поймав себя на мысли, что меньше всего хочу найти именно его, я снова прислушалась к голосам сестер. Неловко вытянув руки, я направилась на детский голосок. Сквозь тоненькую полосочку под повязкой я разглядела зелень травы, этого вполне хватило, чтобы, заметив черные начищенные ботинки, тут же развернуться в противоположную сторону.

Справа послышался голосок одной из сестер. Я повернулась на звук, прислушалась, еще раз повернулась и опять увидела черную полоску ботинок д'агнара Альдиса. Отвернулась и побрела вперед, уже не слушая голосов сестер, только мечтая избавиться от кушака на глазах и прекратить игру.

— Вы покидаете нас, агнара Флоретта? — диар снова взял меня за плечи и развернул в обратную сторону, откуда неслись возмущенные крики близнецов:

— Фло, ты куда?

— Фло!

— Мы все там, — снова произнес мой жених, и я поспешила прочь от него.

А потом игра и вовсе стала напоминать издевательство. Стоило мне остановиться, как за плечом слышалась очередная реплика диара, и я тут же спешила увеличить расстояние между нами. Должно быть, со стороны это смотрелось забавно. В игре в салочки ведущий не ловит того, кто подал голос, а бежит от него, слепо выставив руки перед собой. Или же случайно дотронувшись рукой до найденного человека, ведущий отдергивает руки, разворачивается и, как ни в чем не бывало, уходит от цели игры.

— Фло! — возмущенно воскликнула одна из сестер. — Что ты делаешь?

— Ваша сестра, юная агнара, учит нас играть честно, — насмешливо ответил диар. — Я даже восхищен ее умением настолько честно жульничать.

Я вспыхнула и воскликнула:

— Я не жульничаю. Я никого не могу поймать!

— Итак, — с меня вдруг стянули повязку, и я, поморщившись от яркого света, увидела перед собой широкую грудь диара, — подведем итог. Моя невеста: жулик, врушка и трусиха.

Какой приятный набор добродетелей.

И пока я шумно сопела, спешно подыскивая достойный ответ, д'агнар Альдис отдал Тирли ее кушак и предложил мне руку, не сводя с меня взгляда. У меня не осталось выхода, кроме как принять ее, чтобы не выглядеть еще большим посмешищем. Вздернув нос, я позволила увлечь себя под сень деревьев к нашему покрывалу и опустевшей корзине. Усадив меня на прежнее место, диар беззастенчиво стащил из корзины полуспелое яблоко, одно из любимых лакомств Мели, откусил и даже не поморщился от кислоты. Я чопорно расправила складки платья и отвернула голову в сторону близнецов, уже придумавших новую забаву.

— Вы меня боитесь, — вдруг припечатал жених.

— Вот еще глупости, — вырвалось у меня, и очередной румянец разлился по щекам.

— Вы все же потрясающе стыдливая врушка, — отметил Аристан Альдис, догрыз яблоко и выкинул огрызок.

— Почему вы оскорбляете меня, ваше сиятельство? — возмутилась я, упорно глядя в сторону.

— Разве? Всего лишь называю вещи своими именами, — невозмутимо ответил д'агнар, продолжая рассматривать меня. — Начнем с того, что вы сбежали, хоть и были осведомлены, что я приглашаю вас на прогулку. И что это? Неуважение, презрение... страх? И та ли это агнара, которая прислала мне такое трогательное письмо с извинениями? Столько мольбы в строках и вдруг побег. Отсюда я делаю вывод, что в письме вы не были искренне, и, скорей всего, оно написано под давлением вашего отца.

Какая прозорливость! Я бросила взгляд на диара, он сохранял свою невозмутимость, только в глазах застыло не совсем понятное выражение. Уголки его губ едва заметно дернулись, и я поняла, что мужчина забавляется происходящим. Настроения это не прибавило. Я опять отвернулась, сорвала травинку и теперь рассеянно покусывала ее кончик, продолжая слушать своего жениха.

— Сейчас вы столь упорно «не замечали» меня, что я окончательно уверился в вашем страхе.

— Вы ошибаетесь, ваше сиятельство, — ответила я. — Близнецы давно упрашивали меня отвести их в это место, и сердце мое дрогнуло.

— Какая трогательная любовь к сестрам, — совершенно серьезно отметил диар. Он помолчал немного, теперь глядя на девочек. — Чудесные дети. И словоохотливые, в отличие от старшей сестры. Мели рассказала о том, как вы сегодня их спасли от подгоревшей каши, предложив сходить на пикник в это чудное место. Трогательная забота.

Кажется, теперь у меня пылали даже уши. Я осторожно повернула голову, посмотрела на д'агнара Альдиса. Он был по-прежнему невозмутим. Глядел на меня с вежливым интересом и не более, даже ирония из глаз исчезла. Мой прекрасный план рассыпался, как карточный домик.

— И что вы на это скажете, агнара Берлуэн? — светским тоном спросил меня диар, и я выпалила:

— Да, я вас боюсь! Вы меня пугаете... Ой.

Однако д'агнар не вознегодовал, не нахмурился и не усмехнулся. Он даже не воскликнул: «Я так и знал». Просто кивнул головой, принимая мой ответ.

— Вам не нужно меня бояться, Флоретта, — наконец ответил диар. — Нам с вами предстоит совместная жизнь, смею надеяться, достаточно долгая. Как своей будущей супруге, я могу обещать вам уважение, заботу и защиту. Возможно, я не отличаюсь кротким

правом, но верю в то, что нам не придется ссориться. Ведите себя благоразумно, и мы с вами будем добрыми друзьями. В браке такие отношения даже предпочтительней недолговечной страсти. Вы согласны со мной?

Я пожалала плечами, не зная, что ответить. Наверное, мне нужно было просто осознать слова своего жениха, чтобы перестать искать подвох в его предложении руки. Сейчас, глядя в лицо д'агнара Альдиса, я видела лишь открытый взгляд, в котором не пряталось ни насмешки, ни прежней надменности. Мужчина ожидал моего ответа, и мне пришлось бы по душе его слова, если бы не все та же затаенная мысль.

— Почему я? — слетело с моих уст раньше, чем я смогла удержать свой порыв.

Диар приподнял брови и ответил вопросом на вопрос:

— А почему не вы?

Я не нашла, что сказать. Он продолжал смотреть на меня, ожидая ответа, и я все-таки его дала:

— Ваше сиятельство столь щедр с моей семьей, и я не вижу причин для такой щедрости.

— Вам не нравится, что я решил позаботиться о семье своей избранницы? — спросил д'агнар Альдис.

— Я не понимаю этой заботы, — призналась я, смутилась, но все-таки договорила: — Если бы вы были в... влюблены в меня, то ваш порыв можно было бы как-то объяснить, но до недавнего времени, вы даже не подозревали о моем существовании. Я некрасива, бедна, не особо родовита. Этот брак не несет вам, сиятельный диар, никакой выгоды. И все же вы выбрали меня, несмотря на то, что могли составить намного более выгодную партию. Теперь вы заполнили наши кладовые, прислали лучшего портного, ремонтируете наш дом... Что вы ожидаете от меня взамен?

Мужчина заглянул в корзину, взял еще одно яблоко и отвернулся в сторону близнецов, не спеша дать ответ. Это заставляло нервничать, но я терпеливо ждала. Диар догрызал яблоко, и я поняла, что он думает. На мгновение испугалась, что он сейчас все отменит, решив, что я неблагодарная и не умею принимать то, что дается по доброй воле. Даже представила, какой скандал мне устроит папенька, когда наш благодетель объявит, что передумал брать меня в жены. Однако диар, выкинув огрызок, снова обернулся ко мне. Я не увидела ни гнева, ни раздражения на его лице. Впрочем, как я уже успела заметить, этот человек умел держать себя в руках, скрывая свои настоящие мысли и чувства. И все же в глазах его был заметный интерес.

— Знаете, агнара Флоретта, — сказал диар, — вы сумели меня удивить. До этой минуты я был уверен, что вы опасаетесь меня совсем по иным причинам.

— Какие же причины вы видели, ваше сиятельство? — мне вдруг стало любопытно.

— Обычный страх, который может испытывать девушка перед незнакомым взрослым мужчиной, сделавшим ей предложение руки и сердца. Возможно, эм... испуг перед некоторыми супружескими обязанностями...

Я густо покраснела, разом вспомнив слова Лирии и свой сон, где диар соглашался с кухаркой. Глубоко вдохнув, я зажмурилась, чтобы успокоиться, а когда снова посмотрела на д'агнара Альдиса, он следил за близнецами, меланхолично покручивая в пальцах сорванный цветок.

— Мне приятно осознавать, что моя невеста не глупая девушка, — снова заговорил он, не оборачиваясь ко мне. — И всё же вы зря подозреваете меня в скрытой корысти. Нет ничего удивительного в том, что я принял живейшее участие в жизни вашей семьи. Что вы

там говорили? Кладовые? Почему вы отказываете мне в желании видеть свою будущую супругу сытой и довольной жизнью? Портной? Дорогая моя агнара, ваш гардероб совершенно никуда не годен, хотя бы по той причине, что у вас его попросту нет. Я мог бы позвать инара Рабана и после свадьбы, но будущей сиятельной диаре не подобает ходить в платьях, более подходящих служанкам. Светская жизнь сопряжена с общением с другими людьми. Вы хотели бы предстать перед моими гостями в этом унылом наряде, что сейчас надет на вас? — Диар повернул ко мне голову и покачал головой. — Вы слишком открыты, Флоретта, стоит научиться скрывать свои чувства. Вы опять покраснели. Но вернемся к вашим подозрениям. Что было после портного? Дом? Мне неприятно, что моя невеста живет в развалюхе, где сквозит со всех щелей. Мне нужна здоровая жена. Что-то еще?

— Нет, — прошептала я, опуская взор.

— Завтра вам доставят мой подарок — породистую кобылку. Это смирное создание непременно порадует вас, — от прежней добродушной иронии в голосе диара не осталось и следа. Он не ждал моих восторженных возгласов, просто доводил до сведения.

— Я не умею ездить верхом, — призналась я.

— Значит, с лошастью прибудет и учитель верховой езды, — равнодушно ответил д'агнар Альдис. — Что еще вы не умеете? Танцы? Впрочем, кто бы вас обучал всем этим новомодным коленцам. Учитель танцев будет посещать вас три-четыре раза в неделю. Ко дню нашей свадьбы вы должны быть готовы не ударить в грязь лицом перед благородным собранием. Кто еще? Пожалуй, учитель изящной словесности.

Я только хлопала глазами, слушая своего жениха. Похоже, за меня решили взяться всерьез и воспитать достойную супругу. А потом мне стало обидно, и я выпалила:

— Ваше сиятельство, если вы так стыдитесь того, что я не умею держаться в седле, выкидывать новомодные коленца и вести беседы, если опасаетесь, что я опозорю вас перед благородным собранием, то зачем выбрали меня, когда есть множество девиц, уже постигших все эти искусства?!

Д'агнар Альдис одарил меня ледяным взглядом и сухо произнес:

— Агнара Берлуэн, следите за тем, что произносите вслух. Если я выбрал вас, значит, посчитал достойной партией. Что до моих слов об обществе, то мне совершенно плевать, что они будут думать, но не плевать будет вам. И если вы услышите насмешки от людей, не одаренных Богиней разумом в необходимом количестве, то даже моя защита не сделает ваше самолюбие менее уязвленным. Я не стыжусь вас, я проявляю заботу. Впрочем, если вам все это кажется лишним, то можете прозябать в своем нынешнем состоянии и набивать себе шишки, набираясь опыта. Так что вы мне ответите? Мне присылать к вам учителей?

Мне стало стыдно. В словах диара не было изъяна, и все мои подозрения теперь казались глупыми и беспочвенными. Он совершенно прав, во всем прав. И моя гордость тут неуместна. Она, действительно, сильнее пострадает, если надо мной будут насмехаться.

— Ну же, дорогая невеста.

— Вы правы, ваше сиятельство, — ответила я. — Учителя нужны.

— Рад, что вы проявили благоразумие, — он кивнул и встал на ноги. — Предлагаю вернуться в вашу усадьбу. У меня еще есть дела, и мне не хотелось бы, чтобы вы и ваши сестры возвращались затемно одни, без всякой охраны.

Я согласно склонила голову. Собрала корзинку, и диар тут же забрал ее у меня. Я крикнула сестрам, что мы возвращаемся. Мели подхватила сюртук д'агнара, все еще лежавший на траве, Тирли подобрала мяч, и мы покинули источник вчетвером. Чуть поодаль

обнаружился рыжий жеребец диара. Мужчина отвязал его от дерева и взглянул на близнецов:

— Прелестные агнары желают прокатиться верхом?

Прелестные агнары были совершенно не против. Мой жених усадил их на коня, взял повод, и мы направились в сторону нашего поместья. И все же меня продолжал грызть червячок сомнений. Вроде бы все выходило гладко, но...

— И все-таки, почему я? — снова спросила я. — Что побудило вас сделать такой выбор?

— А вы дотошны, да, Флоретта? — усмехнулся диар. — Хорошо. Вам не приходило в голову, что в вас есть одно выгодное отличие, которое возвышает вас в моих глазах над остальными девицами из дворянских семей — ваша чистота. Благодаря своему затворничеству, вы не испорчены светом. Ваша семья — ваша основная ценность, и мне это нравится. Ваши взгляды близки мне, и это именно то, что я хотел бы видеть в своей жене. Надеюсь, теперь я смог вас успокоить? Вы больше меня не опасаетесь?

Он улыбнулся, изломив бровь. Я опустила голову, пряча невольную ответную улыбку, и тихо произнесла:

— Нет. Кое-что осталось.

— Что-то еще? — в притворном ужасе воскликнул диар.

— Некоторые супружеские обязанности, — сказала я и похолодела, осознав, на какую тему вздумала шутить.

Громкий смех д'агнара стал мне ответом.

ГЛАВА 4

С того дня жизнь моя полностью изменилась. У меня почти не осталось времени на прежние милые сердцу занятия. Теперь я целыми днями переходила из рук одного учителя в руки другого. После завтрака спускалась в конюшню, где меня уже ожидал агнар Раганфор на своем великолепном черном звере, вызывавшем мои неизменные страх и восхищение. Моя кобылка, такая же рыжая, как и жеребец диара, уже стояла под седлом. Лошадь мне понравилась с первого взгляда, и я назвала ее Золотцем, несмотря на уже имеющееся имя. Оно мне казалось совершенно безликим. Громкое, высокопарное и бездушное. Золотце против нового прозвища не возражала, и я именовала кобылку только так и никак иначе.

Конная прогулка продолжалась два часа, и, пожалуй, это было мое самое любимое из занятий. Агнар Раганфор оказался весьма приятным человеком, не лишенным чувства юмора. Время, которое было предназначено для наших выездов, пролетало быстро, неизменно оставляя осадок досады и сожаления, что пора возвращаться и приступать к остальным занятиям. Порой к нам присоединялся сиятельный диар, но находился рядом недолго, больше разговаривая с моим учителем. Со мной же мой жених был прохладно вежлив, вновь став тем надменным д'агнарком, который перепугал меня в день нашего знакомства. От моего открытого собеседника у источника не осталось и следа, диар снова натянул свой панцирь и выбираться из него не спешил. Переговорив с моим учителем о наших с ним успехах, Аристан Альдис кланялся мне и исчезал из поля зрения.

Не могу сказать, радовало меня это или огорчало. Своего отношения к жениху я так и не могла понять. С одной стороны мне понравился тот мужчина, которого я наблюдала у источника, но с другой... Он дал ясно понять, что нас ждет, скорей, супружеское партнерство, без страсти и чувств. И теперь холодность его сиятельства была даже уместна,

не давая мне увлечься им. Однако привыкала я к его присутствию в моей жизни достаточно быстро.

Это присутствие было ненавязчивым, но ощутимым. То брат, то отец навещали диара в его поместье. Иногда он появлялся, чтобы проверить мои успехи и в иных науках, однажды даже составил пару в танце. Впрочем, оживления это не принесло. Я привычно залилась краской и запуталась в движениях. Диар дождался, когда я возьму себя в руки, чтобы станцевать с ним. Безупречно исполнил все па, вызвав этим рукоплескания моего учителя танцев. Похвалил... учителя, кивнул мне и ушел.

Все это было показателем того, что своих намерений д'агнар Альдис менять не намерен, и мой папенька, наконец, успокоился. Он больше не внушал мне, что нам выпало великое счастье, не требовал раболепия, и занимался не увещеваниями, а своими делами. Их у старшего агнара Берлуэна теперь имелось немало.

Ремонт дома шел полным ходом. К тому же диар вернул нашему семейству утраченную часть земель, выкупив их у нового владельца, и папенька теперь часто осматривал уголья, знакомился с крестьянами и фермерами — арендаторами жившими на наших исконных землях. Артиан оставался в доме за старшего, следя за плотниками, каменщиками и прочими посторонними мужчинами. Впрочем, и тут имелась невидимая длань диара. Старый ворчун Эггер теперь только по привычке назывался сторожем. У нас работал новый привратник, прибавилось слуг, правда, их нанял уже папенька.

У близнецов появилась гувернантка, и они вечерами жаловались мне, что жизни у них больше нет. Я была совершенно согласна с девочками, потому что прежний покой нам теперь только снился. К вечеру я чувствовала себя настолько измученной науками, что валилась с ног, больше не просиживая с братом перед камином или на террасе за милой беседой, как раньше. По дому мы больше не бегали, на это не оставалось ни сил, ни времени. И день свадьбы начал казаться днем начала вожделенного покоя.

Однако до свадьбы оставалось еще два месяца. Сие знаменательное событие было назначено на первый день осени. Но представление меня свету должно было состояться раньше. Конечно, разговоры и слухи уже полнили умы знати Данбьбергского диарата, и время от времени к нам стали поступать приглашения от соседей, не вспоминаящих о нашем существовании уже долгое время, а также от агнаров, чьих имен мы даже не слышали. Однако приглашения папенька отклонял с неизменной вежливостью и непреклонностью. В этом наши взгляды с д'агнаром Альдисом сошлись. Он высказался, что спешить с визитами и приемом гостей пока не стоит. Диар не желал, чтобы его невеста превращалась в зверушку, на которую будут ходить смотреть все, кому не лень. Невеста была едина со своим женихом в его мнении. Поэтому наш дом оставался закрыт для гостей, а у нас совершенно не было времени для визитов.

Впрочем, находчивости любопытных можно было только удивляться и рукоплескать. Так, например, не так давно недалеко от нашей усадьбы сломалась карета агнары Т. Её служанка пришла просить о помощи, и папенька не отказал. Он велел заложить коляску — очередной подарок жениха семье невесты, и лично отправился на помощь пострадавшей даме. Пересадив агнару с подругой в наш экипаж, отец отвез их в поместье Т., так и не пустив в свой дом, сославшись на ремонт.

В следующий раз другая агнара, предусмотрев случай с поломкой коляски, «подвернула» ногу, «случайно» прогуливаясь почему-то по нашим землям. И вновь папенька приказал заложить коляску и отвез страдальицу к доктору в город. Третья попытка была

похожа на штурм усадьбы. Опять это были дамы, но привратник закрыл перед ними двери, объявив, что хозяев нет дома. Находчивый мужчина добавил, что где-то неподалеку бродит сторожевой пес, однако дамы оказались не робкого десятка и с богатым воображением. Они тут же перепугались и потребовали впустить их, пока не уберут пса. Не знаю, до чего бы дошли эти нахальные агнары, но, по счастью, приехал сам диар. Узрев нарушительниц нашего покоя, он выдворил их из поместья, и после этого все попытки посмотреть на девицу, сумевшую «окрутить» самого стойкого и завидного холостяка, прекратились.

Теперь же мне предстояло первое испытание — выезд в город к инару Рабану на примерку. Одно из платьев доставили как раз вчера, как и аксессуары к нему. В нем мне и предстояло ехать. Признаюсь, увидев это светло-зеленое чудо, я битый час смотрела на него, открыв рот, и все никак не могла поверить, что оно мое. Помощник портного, наблюдавший за мной, улыбнулся и потер руки:

— Я передам инару Рабану, что вы в восторге, — сказал он.

— Ага, — только и смогла вымолвить я, не смея даже прикоснуться к тому великолепию, которое находилось передо мной.

Не дышала я и глядя на шляпку, на сумочку, на туфельки, сшитые к этому платью. А стоило папеньке открыть передо мной коробочку со скромным, но изящным гарнитуром, который прислал мне диар, я и вовсе готова была лишиться чувств от восторга. И когда сегодня все это было надето на меня, а новая горничная, присланная д'агнармом Альдисом, уложила мне волосы и прикрепила шляпку, я почувствовала себя, если и не богиней, то кем-то очень близким к ней.

— Фло, ты чудо, как хороша, — улыбнулся Артиан, глядя на то, как я кручусь перед зеркалом.

Отцу и брату их одежду доставили раньше, и я даже немного завидовала им, снова надевая свое простенькое неброское платье. И вот, пожалуйста, я почти королева, по крайней мере, кажусь себе такой. Бросив на себя еще один взгляд в зеркало, я сцепила пальцы под подбородком и, продолжая придиричиво разглядывать себя, признала, что инар Рабан не просто мастер своего дела, он кудесник! Глаза мои теперь казались ярче, и счастливый блеск только украшал их. Румянец удовольствия окрасил щеки, и, пожалуй, меня теперь, действительно, можно было назвать миленькой.

— Ах, Фло, ты такая красавица, — всплеснула руками Мели.

— Красавица, — восхищенно протянула Тирли.

— Еще бы, — самодовольно хмыкнул папенька.

Он подошел ближе, оглядел меня с головы до ног и потер руки. После подставил мне локоть, и я кокетливо взяла родители под руку. Он накрыл мои пальцы второй ладонью и улыбнулся.

— К сожалению, его светлость не может сопровождать нас, как планировал, но обещал присоединиться в городе, — сказал папенька, и я привычно зарделась, теперь от предвкушения и нетерпения, желая услышать, что скажет жених о моем преображении.

Внизу нас ждала запряженная коляска, возле которой стоял кучер. Он поклонился нам, открыл дверцу, помогая усесться. Сестры оставались дома с братом, со мной ехал только папенька. Он несильно стукнул кончиком новой трости о пол и важно произнес:

— Трогай.

Коляска тронулась с места, а я вдруг подумала, что все это сон, и я сейчас непременно проснусь в своей постели. И не будет ни диара, ни платья, ни экипажа, ни поездки к

модному портному, ничего не будет, только унылая обыденность. Однако коляска выехала за ворота усадьбы, а я все не просыпалась. Не выдержав, я даже ущипнула себя за руку, возле краешка тончайших белоснежных перчаток. Зашипела и удостоилась укоризненного взгляда родителя. Одно радовало, что все это не сон.

Папенька, сохранявший какое-то время чопорность, все-таки расслабился, откинулся на спинку удобного мягкого сиденья и шумно втянул носом воздух. После взял меня за руку и сжал ладонь.

— Подумать только, Фло, могли ли мы мечтать о подобном? Еще недавно у нас было только наше имя, и вот мы уже снова хозяева прежних владений, наш дом возвращает себе прежнее величие. В конюшне появились лошади, и я везу свою дочь-невесту к лучшему портному на примерку новых нарядов.

— К сожалению, в этом нет нашей заслуги, и оттого вкус вернувшегося достатка горчит чужим благодеянием, — заметила я.

Папенька замолчал. Взгляд его устремился вдаль, и на лице появилось задумчивое выражение.

— Ты думаешь, новообретенное богатство вскружило мне голову? — спросил агнар Берлуэн.

— Оно кружит голову нам всем, — улыбнулась я. — Богатыми быть приятно.

— Очень приятно, — усмехнулся родитель и стянул с головы шляпу, аккуратно уложив ее рядом с собой на сиденье. — Но во всем этом я опасуюсь лишь одного — пересудов. Злые завистливые языки еще много раз ужалят нас, намекая на то, что мы всего лишь нищета, получившая подачку со стола господина. Думать об этом унижительно. Однако тот, кто не испытал нужды, не сможет понять радости от обретения нового шанса на жизнь в достатке. Признаюсь, Фло, порой я думаю, отчего так щедр с нами диар, и не могу увидеть подвоха. Твой брат после вашей свадьбы отбудет в столицу, где сможет достойно зарабатывать себе на хлеб, служа помощником и секретарем д'агнару Вальдеру. И это тоже протекция нашего диара. Твои сестры, когда им исполнится четырнадцать, отправятся в пансион для благородных агнар. Ты понимаешь, что это означает? Мели и Тирли смогут стать придворными дамами, если отличатся во время учебы, а это уже такие виды на замужество и будущее... Ты станешь диарой Данбьбергской. Порой мне кажется, что мое сердце просто не выдержит подобного счастья. Мои дети, будущего которых я не видел, станут большими людьми. И ради этого я готов выслушать тысячу колкостей и насмешек. Единственное, чего опасуюсь, что это заденет и вас. Будь сильней, Фло, прошу тебя. Помни, кем ты скоро станешь. Будь достойна своего мужа и его фамилии.

— Я буду очень стараться, папенька, — улыбнулась я, но какая-то неприятная тревога поселилась в моей душе, вдруг вернув прежние опасения, почти развеявшиеся за это время. И все разумные и правильные слова, сказанные мне женихом, показались вдруг фальшивкой, за которой спрятался иной смысл поступков нашего благодетеля, так и оставшись для меня тайной.

К Кольберну мы подъехали спустя три часа, порядком устав от дороги. На окружающие красоты я уже успела налюбоваться, даже вздремнула, и теперь невыносимо хотелось выбраться из надоевшей коляски и пройтись, размять задеревеневшие от долгого сидения члены. Папенька был со мной абсолютно солидарен, и, завидев город, мы одинаково оживились.

В город мы въехали через западные ворота, проехали по первым узким улочкам, мимо

низких, но аккуратных домов. Постепенно дома стали больше, богаче, начались мощные мостовые, простые стойки с фонарями сменились литыми чугунными столбами. Я с интересом крутила головой, жадно рассматривая город, о котором только слышала, но не бывала ни разу. Источник до этого времени оставался самым удаленным местом, куда я ходила. И можно сказать, что, благодаря диару, для меня открывался новый мир.

— Флоретта, меньше восторга на лице, — велел родитель. — Вы похожи на воробья, который оказался в амбаре с зерном и не знает с какой стороны начать клевать.

— Здесь так чудесно, папенька, — воскликнула я.

— И столь откровенных восклицаний не надо. Восхищайтесь менее заметно. Подобное поведение больше всего выдает провинциалов и деревенщину. Став диарой, однажды вы можете оказаться в королевском дворце, не будете же вы позорить своего мужа открытым ртом и большими круглыми глазами. Держите себя в руках.

Я признала слова папеньки справедливыми и усмирила порыв забраться с коленями на сиденье, чтобы посмотреть назад. Такое позволено ребенку, но никак не взрослой девице. Ох, как же тяжело скрывать свои чувства... Как бы я ни относилась к своему жениху, но его умение скрывать под маской равнодушия свои истинные эмоции меня восторгало все больше. Ах, кабы мне научиться подобному! Быть может, его сиятельство поделится когда-нибудь со мной своим секретом, и я перестану быть для окружающих открытой книгой.

Тем временем коляска въехала в деловую часть города. Мастерская инара Рабана располагалась в самой богатой ее части. Перед двухэтажным домом стояло несколько экипажей, и я вдруг испытала трепет, подумав, что сейчас войду в двери самой модной лавки, где могу встретиться с агнарами, которые привыкли и к почтенному мастеру портному, и к шикарной одежде, которые чувствуют себя здесь, как рыбы в воде. Стало страшно потеряться на их фоне, почувствовать себя серой деревенщиной, допустить неловкость и опозорить своего жениха и родных.

— Вы бледны, дочь моя, — отметил родитель.

— Ах, папенька, — прошептала я, — мне страшно.

— Больше уверенности, агнара Берлуэн, — улыбнулся он. — Я рядом с вами, а за вашей спиной стоит сам его сиятельство.

Я даже обернулась после этих слов, но д'агнара Альдиса, разумеется, за моей спиной не было, и папенькино выражение имело образный смысл. Щеки тут же зарделись от осознания, что я уже начала вести себя глупо. Агнар Берлуэн покачал головой и подал мне руку, помогая выйти из коляски. Он вел меня к дверям, давая наставления и успокаивая, а мне все казалось, что весь Кольберн собрался здесь и глазеет на меня.

— Фло, немедленно возьмите себя в руки, — строго велел отец. — Вскоре такие походы станут для вас привычным делом. Не оставляйте людям память о том, как вы смущались, впервые входя в мастерскую портного. В конце концов, это всего лишь обычный ремесленник, и те, кто находится у него сейчас, такие же посетители, как и вы. Они ни в чем не превосходят вас.

Молча кивнув, я оставила свое несогласие с родителем при себе. Конечно, он прав, и инар Рабан обычный портной, но! Он обычный портной, одаренный Богиней талантом творить чудеса. Он сумел превратить такую серую тень, как я, в яркий цветок. Возможно, так кажется только мне и моим родным, но ведь и это уже не мало! Что же до тех дам и кавалеров, находившихся в мастерской инара Рабана, то они превосходили меня уже тем, что были уверены в себе, а мне так этого не хватало...

Пока я исподволь рассматривала небольшой холл, где мы оказались, войдя в дверь, папенька велел доложить о нашем прибытии, и невысокий юркий человек, поклонившись нам, исчез из виду. К счастью, никого больше здесь не было, и я вздохнула с облегчением. Из холла был выход на неширокую лестницу, уводившую на второй этаж, справа имелась дверь. Она была приоткрыта, и оттуда доносились голоса. Кажется, приказчик разговаривал с посетителями, показывая им товар. Я попыталась прислушаться к разговору, но разобрать слов в негромком течении голосов не сумела.

— Агнар Берлуэн, агнара Берлуэн! — голос чудесного мастера отвлек меня от неприличного подслушивания. — Наконец-то вы почтили меня своим вниманием.

Инар Рабан вышел встречать нас лично. Я улыбнулась портному и склонила голову. Захотелось немедля высказать ему свое восхищение, и если бы не наказ папеньки, я бы так и поступила.

— Идемте же! Ах, агнара Берлуэн, — он вдруг сцепил пальцы под подбородком, — как же вы хороши.

— Это вы хороши, инар Рабан, — почти шепотом ответила я. — Настоящий чудесник.

— Вот тут вы совершенно правы, душа моя, — рассмеялся довольный мужчина, потер ладони и указал на лестницу. — Прошу.

Папенька повел меня к лестнице, я подняла на нее взгляд и заметила женщину в богатом платье. Она спускалась вниз и, должно быть, услышала наш разговор с портным. Взгляд ее выразительных синих глаз остановился на мне.

— Агнара Керстан, — инар Рабан остановился перед ней, закрыв нас с папенькой своим поджарым телом от любопытного взора, — вы уже закончили примерку? Вы довольны?

— Разумеется, инар Рабан, — голос у дамы был нежным, но нотку раздражения я все-таки уловила. Однако сказать, кому она предназначалась, не возьмусь. Возможно, агнаре что-то не понравилось в ее новом наряде, а возможно, досада была вызвана тем, что мы с папенькой прошли мимо нее и мастера, который обошел агнару и снова закрыл нас собой, встав на ступеньку выше. — Я слышала, вы произнесли имя — Берлуэн?

— У вас такие чудесные ушки, душа моя, — сладким голосом отозвался портной, не отрицая и не давая прямого ответа.

— Это и есть та самая таинственная невеста диара? — она понизила голос, но я все-таки расслышала.

— Вы чем-то недовольны, — теперь инар Рабан сокрушался. — Вас что-то не устроило в работе моих подмастерьев?

— А ей вы лично шьете? — ревность и недовольство в голосе агнары Керстан была столь явной, что я даже поежилась.

Что ответил почтенный мастер, я уже не расслышала, потому что папенька вывел меня в маленький коридор, где нас ожидал один из помощников инара Рабана, знакомый мне еще со времени посещения нашего поместья портным.

— Прошу, агнары Берлуэн, — поклонился нас мужчина.

— А вот и снова я, — сам мастер догнал нас, отделавшись от ревливой посетительницы. — Мне не терпится увидеть ваши глаза, душа моя.

Мы вошли в комнату, уставленную манекенами, на которых были надеты разнообразные наряды из тех цветов, которые для меня отобрал портной. Смятение, волнение, неверие — вот, что я ощутила, глядя на красоту, представшую мне. Дыхание перехватило, и я схватилась за грудь, пытаюсь сделать глубокий вдох.

— Ох, инар Рабан, — хрипло произнесла я, — вы смерти моей хотите, не иначе.

— Простите? — на лице портного отразилось недоумение, и я закончила:

— От восхищения. Это... это же настоящее волшебство! О, Мать всего сущего, это же...

это просто божественно...

На этом мои слова иссякли, и произнести единственное, что сейчас засело в голове, было бы верхом неприличия, потому что так и хотелось протянуть с придыханием: «И это все моё-о». Папенька не скрывал улыбки, глядя на меня, а я, подобно малому ребенку в игрушечной лавке, переходила от одного манекена к другому, не понимая и половины назначений этих нарядов, но восторгалась неизменно у одних платьев тонкой работой, искусной вышивкой, изысканными кружевами, у других строгостью покроя и минимализмом украшений.

А когда обернулась к портному, то увидела на лице его умиление. Мастер раскинул руки и поспешил ко мне, воскликнув:

— Дитя мое, дайте же я обниму вас! Какая чистота эмоций! Это такое удовольствие! Такая радость...

Он смахнул наворачнувшуюся слезу и от души сжал мне плечи ладонями, коротко прижав к себе. Папенька недовольно кашлянул, но инар Рабан не спешил отпускать меня. Он отстранился, заглянул мне в глаза и с чувством произнес:

— Отныне вы моя любимая клиентка, агнара Берлуэн. Вас я всегда буду принимать лично! Только обещайте мне, что не будете привыкать к красоте и останетесь такой же чудесной и впечатлительной.

— Я очень постараюсь, инар Рабан, — искренне ответила я.

— А теперь давайте поглядим, как все это сидит на вас, — улыбнулся портной и велел: — Зовите горничную, агнаре будет нужна помощь.

Помощники инара снимали платья с манекенов, готовя их к примерке. Папенька и мастер присели на диван на изогнутых ножках, о чем-то негромко переговариваясь, и я осталась в одиночестве. Однако длилось это недолго, потому что в комнате появилась миленькая девушка-горничная. Она приветливо улыбнулась мне и увлекла за собой в соседнюю комнатку, дверь в которую я не сразу заметила.

Девушка бережно отцепила мою шляпку, помогла снять платье и взялась за первый из подготовленных нарядов. Скажу честно, предвкушение и радость очень быстро сменились апатией и усталостью. Повторять раз за разом один и тот же ритуал оказалось нудно и утомительно. Снять одно платье, надеть другое, выйти к мужчинам, выслушать придирчивые замечания мастера, выстоять, пока он подбирал там, подкалывал здесь, что-то помечал, ворча на своих подручных. После уходить в примерочную комнату, снять платье, надеть следующее... И так раз за разом, снова и снова. Но я старалась сохранять на лице улыбку, чтобы не огорчать инара Рабана. Впрочем, он уже обращал мало внимания на мои эмоции, целиком поглощенный работой.

Пока шла примерка, солнце скрылось за тучами и пошел дождь, еще больше усугубляя усталость и раздражение. Я уже не видела красоты нарядов, ожидая чудного мгновения, когда эта пытка закончится. От шпилек началась легкая головная боль, зевота то и дело норовила распахнуть рот, спина ныла, хотелось сесть и замереть, отупело глядя перед собой, однако я продолжала послушно перемещаться из комнаты в комнату, менять наряды и тихо мечтать о возвращении в родовое гнездо, где смогу упасть на кровать и провалиться в сон.

— А теперь главное блюдо, — торжественно объявил инар Рабан, когда я уже готова

была вздохнуть с облегчением. — Внесите!

Глаза его лукаво сверкнули, и я обреченно посмотрела на дверь, когда... О, Богиня! Сон или прекрасное видение? Я даже протерла глаза, когда подручные мастера внесли легчайшее белоснежное облако, по глупой ошибке именуемое платьем.

— Ваш подвенечный наряд, — заговорщицким шепотом произнес портной.

— О-о-о, — только и смогла я ответить.

— Прикоснитесь к нему, — улыбнулся инар Рабан, подталкивая меня к платью.

Я отчаянно замотала головой, после все-таки решилась подойти ближе, несмело протянула руку, касаясь подола. Пробежалась взглядом по шелковому лифу, укрытому в тончайшие кружева, поверх которых сверкала россыпь бриллиантовых брызг. Обернулась к папеньке и сипло спросила:

— Это мне?

— Только вам, душа моя, — ответил вместо онемевшего родителя портной. — Сиятельный диар лично высказал пожелания насчет вашего подвенечного наряда. Агнара Берлуэн, столь богатого платья не было ни у одной невесты в нашем диарате, уж можете мне поверить. Ну, примерьте же его!

— Можно? — со священным трепетом спросила я.

— Нужно! — рассмеялся инар Рабан.

Моя усталость была забыта в одно мгновение. Стоит ли говорить, с каким восторгом я возвращалась в примерочную комнату? Почти не дышала, когда девушка-горничная надевала его на меня. И выходила к папеньке и портному, ступая с осторожным благоговением, не зная, куда деть руки. Прижать пышные оборки мне казалось кощунством.

— Божественно! — воскликнул инар Рабан, всплеснув руками. — Просто восхитительно. Как же я угадал с покроем! Душа моя, вы будете лучшей из невест, уж я-то знаю, о чем говорю!

— Дочь, — гулко сглотнул папенька, — ты просто...

— И вы совершенно правы, агнар Берлуэн, — портной сцепил пальцы под подбородком. — Ах, как все чудно вышло. Во только тут чуть подправим...

А дальше все было уже более прозаично. Почтенный мастер снова поправлял что-то видимое лишь ему. Я терпеливо выстояла, не сводя взгляда с большого напольного зеркала в позолоченной раме, и думала, что в день свадьбы я буду настоящей красавицей, хотя бы один раз в жизни, но непременно буду. Снимала я этот наряд с особой неохотой. И светло-зеленое платье для прогулок, в котором приехала в мастерскую, уже не казалось мне столь шикарным, как раньше. Устыдившись самой себя и обвинив в неблагодарности, я вновь улыбнулась своему отражению, когда горничная вернула шляпку на прежнее место.

Мы спустились вниз, инар Рабан опять лично провожал нас. Он даже вышел на улицу, продолжая разговор с папенькой. Я с наслаждением вдохнула свежий после дождя воздух. Осторожно переступила через лужу, подобрав подол. Настроение вновь поднялось, но усталость никуда не делась, и мне не терпелось присесть. Предупредив папеньку, что иду к коляске и, попрощавшись с милым мастером, я огляделась и направилась на другую сторону улицы, где стоял наш экипаж.

Я уже прошла широкую дорогу наполовину, когда послышался конский топот и грохот колес по мостовой. Чья-то карета неслась во весь опор, разбрызгивая воду из луж. Экипаж приближался, а я застыла, опешив от испуга.

— Флоретта! — надрывно закричал папенька.

Какой-то мужчина бросился ко мне, ухватил за руку и резко дернул в сторону. Не устояв на ногах, я полетела в огромную лужу. Грязная вода хлынула в нос и раскрытый в крике рот, и я, захлебнувшись, отчаянно закашлялась. Экипаж сбавил скорость, а из открытого окна до меня донеслось злое:

— Вот теперь ты на своем месте, выскочка. — И карета помчалась дальше

Мужчина, спасший меня, помог подняться на ноги, протянул платок и что-то говорил успокаивающее, но я не понимала слов, захлебываясь слезами обиды. Папенька подбежал ко мне, прижал себе, и я стиснула его, ища защиты в самом родном для меня человеке.

— Как же я испугался, маленькая моя, — шептал отец, глядя меня по рассыпавшимся волосам.

Шляпка плавала в луже, безнадежно испорченная, как, наверное, и платье. Рядом причитал инар Рабан, подходили люди, ставшие свидетелями безобразного инцидента. Они переговаривались, с любопытством и сочувствием рассматривая меня.

— Идемте, — наконец, очнулся портной. — Сейчас мы что-нибудь придумаем.

Папенька обнял меня за плечи и повел назад к мастерской. Я прятала лицо в ладонях, до того было стыдно за произошедшее. На глазах всего города полетела в лужу... Испортит такое замечательное платье, похожа на перепачканного поросенка, хороша будущая диара. И д'агнар Альдис так и не увидел плоды своих стараний. А мне так хотелось услышать хоть короткую похвалу из его уст. Хотя бы легкое оживление в холодных серых глазах. Несмотря на то, что меня устраивало его желание иметь супругу-друга, все-таки по-женски нравиться, хотя бы капельку, очень хотелось. И вот... Я мокрая грязная курица, от прически осталось одно воспоминание. Никакого очарования... Да еще и эти обидные слова, брошенные мне в спину тем самым нежным голосом, который принадлежал агнару с красивыми синими глазами. И я зарыдала с новой силой.

— Что тут произошло?! — гневный возглас заставил папеньку остановиться.

Я обернулась, увидела диара, спрыгнувшего из седла на мостовую, и снова спрятала лицо за ладонями. Мой жених стремительно приблизился к нам, сунул отцу букетик, который держал в руке, и, взяв меня за плечи, развернул к себе.

— Что произошло? — повторил вопрос диар в воцарившейся тишине.

— Ваше сиятельство, покушение, — опередил всех тот самый мужчина, который вытащил меня из-под колес. — Экипаж несся на агнару. Думаю, целью было не сбить ее, но унизить, потому что брызги из-под колес летели во все стороны. Но агнара замешкалась, и едва не попала под копыта лошадей. Я попытался помочь, но рывок вышел слишком сильный, и девушка упала в лужу.

— Кто посмел? — ледяным тоном спросил д'агнар Альдис.

— Агнара Керстан, — подсказал инар Рабан. — Ее карета.

— Ясно, — только и сказал диар. После обнял за плечи, совсем как папенька несколько минут назад, и повел к портняжной мастерской. — Идемте, дорогая, вам надо успокоиться и привести себя в порядок. Об остальном думать не стоит, это моя забота.

В мастерской д'агнар Альдис передал меня в руки инара Рабана, и он увел меня во внутренние помещения. Здесь меня вновь передали, но уже на попечение горничных. Вскоре принесли таз, ведро с горячей водой и кувшин. Смыв грязь, я переоделась в новое белье, которое мне успели найти, мое было насквозь мокрым. Затем надели готовое платье похожего светло-зеленого оттенка, но оно уже не порадовало меня, как не порадовала и новая шляпка. Настроение было безвозвратно утрачено, и обида душила с новой силой.

Лицо опухло от слез, влажные волосы расчесали, заплели косу и скрутили ее на затылке, от прежней кокетливой прически не осталось и следа. Но все это было мелочью по сравнению со словами злой женщины, не выходящими из моей головы. В чем я провинилась перед ней? В том, что выхожу замуж за хозяина всего диарата? Так не я уговаривала его вести меня под венец, не умоляла наряжать, не упрашивала инара Рабана шить для меня наряды. Так в чем же моя вина?

Вспомнились папенькины предупреждения о злых языках, но я не думала, что столкнусь с людской подлостью так быстро. Это невозможно удручало, и теперь являться на бал, который собирался дать в честь нашей помолвки диар, было совсем страшно. Что ждет меня там? А если я оступлюсь в танце, они будут смеяться в голос? Тыкать пальцами? Или же сразу закидают камнями? Ох, как же все это неприятно и тяжело...

К папеньке и своему жениху я выходила задумчивой и хмурой. Мне хотелось вернуться домой под защиту родных стен, где есть близкие мне люди, которые любят меня просто за то, что я есть, и которых я люблю всей душой. Город мне больше не нравился. И хоть я понимала, что это простое малодушие, но пока ничего не могла с собой поделать.

Стоило мне появиться в кабинете инара Рабана, где находились мужчины, как диар поднялся со своего места, жестом остановив моего родителя, подошел ко мне, взял за руку и поднес ее к своим губам, не сводя взгляда с моего лица.

— Вы очаровательны, агнара Флоретта, — сказал он, а я... я взяла и расплакалась с новой силой, надрывно всхлипывая, как малое дитя. Стыдилась ужасно своего поведения, но остановиться не могла. Мой жених поджал губы, о чем-то думая, после обернулся к папеньке:

— Агнар Берлуэн, не будете ли вы столь любезны и не попросите инара Рабана, чтобы он распорядился насчет успокоительного чая?

— Конечно, — с небольшой заминкой ответил папенька. Он снова посмотрел на меня и покинул кабинет.

— Присядем, — сказал д'агнар Альдис.

Он подвел меня к месту хозяина кабинета, усадил за стол, сам обошел его и придвинул стул к противоположной стороне стола. Сел, протянул руку и накрыл ладонью мои пальцы, чуть сжав их. Сейчас я даже порадовалась, что уже красная от слез, и диар не видит, как в очередной раз смущаюсь.

— Флоретта, — заговорил он мягко, словно разговаривал с маленьким ребенком, — вы умная девушка, в чем я имел удовольствие убедиться. То, что произошло, крайне неприятно, и основная часть вины за это лежит на мне, но ни в коем случае не на вас. Мне стоило подумать о возможном исходе и быть с вами с самого начала. Однако я не смогу находиться рядом с вами постоянно, и вам стоит научиться противостоять нападкам. Однажды они сойдут на нет, но вы не можете не понимать, что сейчас у вас появится много завистников. Будут и те, кто поспешит подружиться с вами, и все-таки от недалеких и злых людей одно мое заступничество вас не укроет. Учитесь держать лицо, даже падая в грязь. Помните, что это не вы испачкались, грязью окатила себя недостойная женщина, позволившая себе столь грубый выпад. Вы понимаете меня?

Я кивнула и шмыгнула носом.

— Отчего вы столь безутешны? Из-за ее слов? Их слышали и мне уже передали. Вам обидно?

Я снова кивнула, потом подняла взор на диара и протяжно вздохнула.

— Вас гнетет что-то еще?

И снова я кивнула, судорожно вздохнула и прошептала:

— Платье...

— Флоретта, вам жаль вашего платья? — мужчина иронично улыбнулся. — Нарядов у вас будет, сколько пожелаете.

Я отрицательно покачала головой.

— Мне так хотелось, чтобы вы увидели меня такой, какой я выезжала из дома. Вы желали видеть достойную вас женщину, а я опять некрасива, уже никакой наряд не сможет украсить этого зареванного лица.

— Так вы хотели понравиться мне? — диар улыбнулся и опять сжал мои пальцы. — Поверьте, Флоретта, я и в вашем ужасном мышинном платье считал вас достойной себя, и ваше заплаканное личико не делает вас менее достойной. Однако признаться, мне приятно, что вы думали о том, чтобы произвести на меня приятное впечатление. Особенно, памятуя о ваших страхах. Поверьте, дорогая невеста, вы уже это сделали одними только словами. Вам легче?

Я выдавила жалкую улыбку. Сиятельный диар приподнялся, притянул к себе мою руку и поцеловал ее.

— Сейчас вы выпьете чаю, чтобы окончательно прийти в себя, и я провожу вас до вашего поместья. Думаю, на дальнейшую прогулку вы сейчас настроены меньше всего, — сказал мужчина, отпуская меня и поднимаясь со своего места.

В дверь как раз постучались, и д'агнар Альдис позволил войти. Передо мной появилась чашка с успокоительным чаем. В кабинет вошел папенька, оглядел меня и удовлетворенно кивнул сам себе. И как только я ополовинила чашку и отодвинула ее от себя, сказав, что больше не хочу, мы покинули мастерскую инара Рабана, а после и Кольберн. Его сиятельство ехал на своем красавце-жеребце рядом с нашей коляской. На нас кидали любопытные взгляды, задерживаясь на мне, и я поняла, что отныне стану излюбленной темой для обсуждений. По крайней мере, пока ко мне не привыкнут.

ГЛАВА 5

— Флоретта!

— Фло, сестрица!

— Фло-капуша!

— Мы едем к диару, мы едем к диару!

— Дочь!

— Иду я, иду, — проворчала я, глядя на свой выдавший виды саквояж.

Еще раз перебрала в уме, что мне может понадобиться, пока мы будем гостить у моего жениха, вздохнула и вручила саквояж Эггеру, не желавшему наслаждаться покоем. Однако не успел старый привратник покинуть моей комнаты, как в дверь вошел сам его сиятельство. Одарив меня строгим взглядом, он осведомился:

— Все взяли, что хотели?

— Кажется, да, — я кивнула.

— А комод?

— Комод? — опешила я. — Зачем комод?

— Вы собираетесь уже целый час, — невозмутимо ответил д'агнар Альдис. — За этс

время можно было погрузить всю мебель из вашей комнаты на телегу, однако я вижу один полудохлый саквояж. И потому я любопытствую, возможно, было бы проще просто забрать весь комод, и вам не пришлось бы весь этот час решать, что вам понадобится в моем поместье, где все необходимое давно приготовлено и ждет вашего появления.

— Вы не могли предусмотреть всего, ваше сиятельство, — скромно потупившись, ответила я.

— И что же я мог не предусмотреть, когда третьего дня получил от вас список, способный поспорить своим содержанием с перечнем приборов в королевском обеденном гарнитуре? — в холодных и вечно равнодушных глазах мелькнула ирония, тут же растворившаяся за вежливым любопытством.

— Возможно, я что-то упустила, — уклончиво произнесла я.

Диар указал мне взглядом на дверь, пропустил вперед и окликнул Эггера:

— Милейший, остановитесь. Подайте-ка мне этот пыльный мешок. Да-да, это недоразумение с громким названием «саквояж».

Старый привратник вернулся назад, подал диару мой саквояж, и его сиятельство, подобно обычному грабителю с большой дороги, открыл его и сунул внутрь свой не в меру любопытный нос.

— Итак, — начал он, — дюжина носовых платков... Что еще? Гребень без двух зубцов... пудреница. Пустая? — на меня воззрились с недоумением.

— Там зеркальце, — пролепетала я.

— Зеркальце? — переспросил д'агнар Альдис.

— Оно красивое, — я смущенно потупилась.

— Хм... — подвел итог нашей беседе диар и продолжил возмутительный досмотр моих вещей. — Старый штопанный плащ. Тоже ваш любимый?

Признаться, сама не знаю, зачем его взяла. Скорей по рассеянности, однако теперь я чувствовала необходимость отстоять несчастный плащ, но...

— Отдайте собакам на подстилку, — мой плащ полетел в руки Эггера. — Платки туда же. Это что? — диар вдруг забрал обратно плащ и платки, запихнул их обратно, захлопнул саквояж и вручил его привратнику. — Все сжечь.

— Сжечь? — уточнила я, получила в ответ величественный кивок и пришла в крайнюю степень возмущения. — Ваше сиятельство, я против! Это мои вещи, и я...

Не произнеся ни слова, диар снова забрал саквояж у Эггера, добыл из него пудреницу и вручил мне.

— Вот ваше красивое зеркальце, такого в перечне точно не было. Так и быть, я готов с ним жить под одной крышей. Остальное сжечь.

— Д'агнар Альдис!

— Агнара Берлуэн, не испытывайте моего терпения, — сухо ответил мой жених. — Вы и так издевались над ним целый час. Прошу.

Мне подставили локоть, собственноручно водрузили на него мою ладонь, накрыли второй сиятельной дланью, чтобы не вздумала сопротивляться, и самым возмутительным образом утащили вниз, где меня уже ждала моя родня. После едва ли затолкали на Золотце и объявили поистине королевским тоном:

— Выезжаем.

И мы выехали. Сиятельный диар, я и Арти отправились в путь верхом, папенька и близнецы — в коляске. Продвигались неспешно, торопиться было некуда. Младший агнар

Берлуэн негромко беседовал с сиятельным диаром. Сестры за нашими спинами оживленно обсуждали наше гостевание в поместье д'агнар Альдиса, папенька увещевал их вести себя приличней, и только я оставалась молчалива.

То, что мои сборы продлились столь долго, имело основание. Я нервничала. Диар вез нас к себе за несколько дней до бала, на котором он собирался представить меня свету и огласить нашу помолвку, чтобы я успела привыкнуть к поместью и чувствовала себя на приеме более уверенно. Мне надлежало познакомиться с прислугой, с самим поместьем, с усадьбой диара, где мне предстояло вскорости жить постоянно. И я бы может даже восприняла эту поездку как развлечение, но мои учителя уже ожидали меня в доме д'агнара Альдиса, и как раз отдохнуть и развлекаться мне никто не собирался позволять.

Я чувствовала себя неловко. На глазах прислуги их будущая хозяйка будет выслушивать нотации от учителей, словно малое дитя. Как станут они относиться ко мне? И что скажут агнары, когда это дойдет и до них? Я была практически уверена, что слуги его сиятельства могут проболтаться, и тогда ко всему прочему меня обвинят в необразованности.

— Сестрица, ты мрачнее тучи, — заметил Артиан, прерывая разговор с диаром.

— Все хорошо, — как можно более независимо ответила я.

— Агнара Флоретта успела найти новый повод для своих опасений? — мой жених сказал это таким тоном, будто меня рядом не было вовсе.

— Ничуть, — фыркнула я.

— Фло, у тебя все на лице написано, — Арти широко улыбнулся, и я ответила ему хмурым взглядом. Предатель чуть склонился ко мне из седла и доверительно произнес: — Мне ты можешь рассказать все, и я могу поклясться, что никто не узнает твоей страшной тайны.

— Думаю, — усмехнулся диар, — наша маленькая трусишка снова видит для себя неведомую опасность. Осталось разгадать сей ребус и понять, чего опасается агнара Берлуэн.

— Я не трусиха! — возмутилась я. — А если трусиха, то вы, ваше сиятельство, разбойник с большой дороги и разоритель.

— Скажите, какая тирада, — я была удостоена насмешливого взгляда. — И такова ваша благодарность за то красивое зеркальце, что я столь милостиво оставил вам, дорогая невеста?

— Я уже не знаю, за что вас благодарить, ваше сиятельство. Куда ни глянь, везде должна... — я осеклась и зарделась. — Простите. Это было грубо.

— Да уж, — охотно согласился со мной жених. — Весьма грубо. Я почти оскорблен в лучших чувствах.

— Фло, — брат укоризненно покачал головой.

Я подняла голову и столкнулась с двумя обвиняющими взглядами. Открыла было рот, чтобы сказать, что вовсе не хотела казаться неблагодарной, но тут же его закрыла, поджала губы и ответила упрямым взором. Где это видано, чтобы на слабую женщину нападали сразу двое мужчин, один из которых родной и горячо любимый брат, а второй и вовсе жених.

— Трусиха, но воинственна, — отметил диар.

— О, ваше сиятельство, — протянул гадкий братец, — Флоретта далеко не трусиха, но мнительна и нерешительна сверх меры. Однако вы правы, она воинственна и мстительна, опасайтесь гнева моей сестры.

— Берегитесь, Артиан, взгляд агнары Берлуэн способен прожечь в вас дыру величиной

со спелое яблоко.

— Вы бы знали, д'агнар Альдис, сколь мастерски моя сестра владеет зонтом, — не без гордости ответил младший агнар Берлуэн, и мне вдруг захотелось треснуть чем-нибудь обоих мужчин, даже его сиятельство, но, конечно, я такого не сделала, посчитав, что подобная выходка окончательно превратит меня в посмешище.

Вместо этого я пришпорила Золотце и уехала вперед них. Однако меня тут же догнали.

— Агнара Берлуэн, вы оскорблены? — полубопытствовал диар. — Знали бы вы, как я оскорблен вашими словами. Я вам зеркальце оставил, а вы...

— А еще вы приказали сжечь мои вещи, — буркнула я.

— Но зеркальце!

— Далось вам мое зеркальце, ваше сиятельство! — едва не плача с досады, воскликнула я. — Это маменькина пудреница. Она подарила ее, когда мне было всего семь лет. И гребень тоже принадлежал агнаре Берлуэн. И даже тот плащ. А вы... Вы...

— А я не имел понятия, что эти вещи — ваша память о маменьке, — отчеканил диар, не желая принимать на себя даже толику вины за самоуправство. — Пока вы не научитесь излагать ваши мысли, дорогая невеста, я буду делать то, что считаю нужным. И сейчас я считаю нужным проверить, как вы держитесь в седле. Если сможете первой добраться до дорожного указателя, я разрешу вам придумать мне наказание за сожжение вашего саквояжа. Если первым буду я, вы изложите подробно ваши новые опасения, без замалчивания и попыток извернуться. Я даже позволю вам галопировать первой. Отказа не приму. Вперед, дорогая невеста. Не каждому дается возможность отомстить мне. Вас, как свою будущую супругу, я могу побаловать даже этим. Вперед!

Его хлыст вдруг опустился на круп Золотца, и она, возмущенно заржав, сорвалась в галоп. Я едва не вылетела из седла от неожиданности. Сердце бешено колотилось, отдаваясь стуком в ушах. Кровь забурлила, понеслась по венам, и уже через несколько минут испуг превратился в восторг. А мысль о мести пришла по вкусу настолько, что кровожадная ухмылка сама собой скользнула на губы.

Впрочем, в душе я понимала, что мне никогда не обогнать диара, более искусного наездника, да и Золотце заметно уступала рыжему зверю д'агнара Альдиса. И все же помечтать о маленьком возмездии, дающем призрачную власть над всеильным мужчиной, было приятно. Как глоток воздуха в удушающем пузыре его заботы. Как бы диар ни посмеивался над моими опасениями и подозрениями, но мы уже были опутаны его щедротами, как паутиной, из которой не было возможности вырваться, не прославив неблагодарными. Нет, я не мечтала, чтобы он переменял свои намерения. Плоды его активной деятельности были слишком заметны, и я видела, как расцветает моя семья. Но агнцем на заклятие оставалась я. И мне очень хотелось верить, что от меня не ждут чего-то такого, что я не смогла бы сделать с легкой душой и чистым сердцем. В любом случае, я собиралась стать диару хорошей женой.

Дорожный указатель показался неожиданно, и я едва не проехала мимо, увлеченная своей гонкой, но рыжий жеребец, чей повод был накинута на столб поверх стрелок, заставил меня изумленно ахнуть — д'агнар Альдис не обгонял меня во время скачки. Мой жених обнаружился недалеко от столба. Он удобно устроился на траве, шурился на солнце, и на устах его блуждала лукавая улыбка.

— Вы волшебник, ваше сиятельство?! — воскликнула я, осаживая Золотце. — Как вы это сделали?

— Более короткая дорога, — ответил он, сорвав травинку и сунув ее в рот. — Я лучше знаю эти места. Я проехал через рощу.

— Ваше сиятельство, — я мрачно посмотрела на него, — вы — плут. Плут и жулик.

— Бесчестный человек, — кивнул диар совершенно серьезно. — И это вы еще не знаете и половины моих пороков. Но играть со мной бесполезно, не терплю проигрышей, потому делаю все, чтобы оказаться победителем.

— Обдурить наивную девицу — не велик подвиг, — проворчала я.

— Я не буду вас слушать, — неожиданно сварливо произнес д'агнар Альдис, — вы лишаете меня сладкого вкуса победы.

Я усмехнулась и покачала головой. Диар поднялся с земли, выкинул травинку и подошел к нам с Золотцем. После протянул руки, ухватил меня за талию и стянул с лошади.

— Пройдемся, — сказал мужчина.

Он снял повод своего жеребца с дорожного столба, взял в другую руку повод от моей кобылки и указал взглядом вперед. Я послушно пристроилась со стороны Золотца, прячась за ее мордой.

— Нет-нет, Флоретта, хватит прятаться, — тут же произнес диар. — Идите ко мне и оплатите свой проигрыш. Жду вашего печального повествования о ваших страхах.

— Вы выиграли нечестно, — возразила я, подходя ближе.

— Протестую, — тут же отозвался мой жених. — Условием скачки было — оказаться первым у дорожного указателя, путь к нему не оговаривался. Моя победа чистая, и вы, как честная девушка, должны выполнить уговор. Приступайте.

Я повернула к нему голову, не без восхищения рассматривая этого человека. Умен, ловок, хитер, коварен... и слишком щедр. Ох, Мать Покровительница, как же я опасюсь своего жениха...

— Хорошо, признаю, я был не до конца честен, и за вами остается право придумать мне ужасную кару за то, что вел себя слишком вольно. Но мне есть, чем оправдать себя, ваши долгие сборы привели меня в крайнюю степень раздражения. И все же это не снимает с меня вины, это я тоже признаю. И за мой нечестный выигрыш вы тоже вправе со мной поквитаться. Вы довольны? — диар скосил на меня глаза, ожидая ответа.

Я помолчала, обдумывая его слова и отыскивая в них подвох. Однако вскоре сдалась и кивнула.

— Теперь ваши откровения, Флоретта.

— Почему вы так опекаете меня, ваше сиятельство? — спросила я его. — Я никак не могу вас понять. То вы вовсе не замечаете меня, то вдруг начинаете проявлять повышенное внимание. Но в том и в другом случае мне кажется, что вы преподаете мне урок за уроком. Меньше всего это похоже на взаимоотношения жениха и невесты, скорей, дядюшки и племянницы, или же старшего брата и его неразумной младшей сестры.

— Это гнетет вас?

— Нет, — вынужденно призналась я. — Верней сказать, да. Но моя тревога была совсем иной.

— Тогда начнем с ваших тревог, — усмехнулся д'агнар Альдис. — Я жду, Флоретта, поведайте мне.

Отмалчиваться дальше не имело смысла. Собравшись с духом, я все-таки высказала д'агнару Альдису свои опасения в будущем отношении ко мне его слуг и распространению слухов.

— Вы считаете образование позором? — уточнил диар.

— Вы ведь поняли меня, ваше сиятельство, — досадливо поморщилась я. — Образование не может быть позором, но повод уколоть меня тем, что жениху приходится восполнять пробелы в воспитании своей невесты, может иметь место. Злым языкам и так хватит пищи. Мне не хотелось бы множить им темы для насмешек.

Д'агнар Альдис никак не отреагировал на мои слова, и мне показалось, что всё сказанное мной, кажется ему вздором, однако ответ он все-таки дал.

— Дорогая моя, вы должны понимать: во-первых, моя прислуга знает, чем грозят им неосторожные высказывания и сплетни, во-вторых, глупых людей я подле себя не держу, и вам меньше всего стоит переживать по поводу мнения прислуги. Но тут виной всему ваша неискренность. В вашем доме слуги жили на положении почти членов семьи, поверьте, в моем доме прислуга остается прислугой, и что обо мне думают мои люди, меня волнует меньше всего. Я достаточно им плачу за то, чтобы мои распоряжения выполнялись быстро и точно. Нашей с вами семьи их носы не коснутся. Ну и последнее. Обижать мою невесту, а после и супругу, я не позволю никому. Вы — моя и этого достаточно, чтобы я стал хранителем вашего покоя. Флоретта! — неожиданно воскликнул диар, и я вздрогнула, — как вы заставляете меня произносить столь длинные речи? — но не успела я ничего ответить, как мой жених указал в сторону дороги. — А вот и ваши родные, пора вернуться в седло.

Стоит ли говорить, что на этом наш разговор прервался? Я так и не успела вставить ни слова, и уж тем более не услышала ответы на все свои вопросы. Хитрый и скрытный мужчина вновь обвел меня вокруг пальца, дав крошки, но не утолив голод полностью.

Первое, что бросилось мне в глаза, была тревога моих родных, даже сестры ненадолго притихли, переводя настороженный взгляд с меня на его сиятельство.

— И кто же выиграл скачку? — преувеличено весело спросил Артиан, продолжая испытующе смотреть на меня. Чтобы успокоить брата и отца, чей недовольный взгляд был прикован к диару, я улыбнулась и уже собралась ответить, как меня опередил мой жених.

— К своему позору вынужден сознаться, что смухлевал и срезал путь. Так что победа достается агнаре Берлуэн. Примите мои поздравления, Флоретта, и благодарность за доставленное удовольствие и приятную беседу в ожидании вашей семьи.

С ответом я опять не нашла, лишь кивнула и смущенно улыбнулась. Мои родные заметно расслабились, не найдя подтверждений своим опасениям. Обиды мне не причинили. Удостоверившись, что мое семейство успокоилось, я перевела удивленный взгляд на диара, и он, подмигнув мне, негромко произнес:

— Я честный человек, дорогая моя агнара. По всем правилам победа ваша, потому я оставил за вами право на изобретение мне кары.

В это мгновение к портрету моего жениха прибавился еще один штрих — врун! Бессовестный врун. Он так натурально уверил меня, что победа за ним, что я попала на удочку, как последняя простофиля. Бросив возмущенный взгляд на д'агнара Альдиса, я не удержалась от усмешки. Передо мной вновь была невозмутимая глыба льда. Воспитанная, учтивая, но всего лишь холодная глыба. Меня удостоили едва приподнятой в недоумении брови и больше не обращали внимания. Все, что меня касалось, похоже, я уже узнала.

Диар отлично играл роль замороженного идола, и не менее великолепно давался ему образ ироничного человека, открытого для откровенной беседы, и под какой из этих личин скрывался настоящий д'агнар Аристан Альдис, мне еще предстояло разобраться. Хотелось бы верить, что второй облик принадлежит ему от рождения, с интриганом я все-таки

чувствовала себя спокойней, хоть и не знала, чего ожидать от его светлости в следующую минуту. И все же этот образ был живым, физически ощутимым, в отличие от равнодушного и непробиваемого айсберга, сейчас царственно восседавшего на рыжем жеребце.

Впрочем, с моим братом они продолжали перебрасываться репликами, до меня же дела, казалось, нет уже никому. Я была предоставлена самой себе и тратила это время не наблюдения за своим женихом. Не так уж часто я удостаивалась подобной чести. Я украдкой бросала взгляды на его лицо, отмечая мужественный профиль, горделивую посадку головы, величавую статью. Закрывает глаза и прислушалась к голосу, улавливая его мягкое бархатистое журчание. Мне живо представился кот, уютно свернувшийся клубком на подушках. Расслабленный, спрятавший до поры свои когти. Милый и не опасный зверь. Открыла глаза, снова взглянула на мужчину и тут же вздохнула — на уютного кота он был совсем не похож.

— Агнара Флоретта, — я вздрогнула от неожиданности и повернулась в сторону диара. — Обратите внимание, дорогая невеста, отсюда начинается наше с вами поместье. Сейчас мы уже едем по моим, а в скором будущем и вашим землям.

— Да, разумеется, — сконфужено ответила я.

Эта была еще одна черта в женихе, смущавшая меня. Он как-то сразу одарил меня правами на свои земли и имущество. «Наше» — звучало из его уст, как само собой разумеющееся, а я ужасно смущалась, памятуя, что и это «наше» — тоже только его милостью. И видеть себя хозяйкой целого диарата мне было дико. Женой диара могла себя представить, а диарой — нет. Кто я? Скромная девушка из Богиней забытого поместья, какая из меня хозяйка диарата? Но д'агнара Альдиса такая мелочь, как мой священный ужас перед будущим титулом, кажется, вовсе не волновала.

— Обратите внимания, Флоретта...

Сейчас он беседовал только со мной, без всякого бахвальства и высокомерия знакомя со своими землями. Ни папеньку, ни брата его сиятельство ни разу не привлек к разговору. Они молча слушали и поворачивали головы, куда указывал мне диар, но не задавали вопросов, не восторгались, не хвалили, словно их тут не было вовсе. Но и я молчала, спросить или сказать мне было нечего. Сомневаюсь, что в те минуты я вообще что-то запомнила из сказанного моим женихом. Голова шла кругом, когда я смотрела на желтеющее море пшеничных колосьев, которое мы проезжали мимо. И на черепичные домики близлежащей деревни я глядела с детским восхищением, словно поселение было макетом, выставленным на витрине игрушечной лавки. До некоторых пор о таком богатстве я могла читать только в книгах.

А когда издалека показалась крыша усадьбы д'агнара Альдиса, я и вовсе потеряла дар речи, затаив дыхание, следила за приближением огромного великолепного строения, украшенного колоннадой, барельефами и статуями на крыше. Невероятное впечатление на меня произвел цветник, разбитый перед парадной лестницей. И сад, в который уводила неширокая, усыпанная белыми камушками дорожка, показался мне и вовсе сказочным.

— Вам нравится? — лед диара снова дал трещину, и на губах его появилась мягкая добродушная усмешка.

— Очень, — выдохнула я.

— Я рад, — ответил его сиятельство, и человек вновь превратился в истукана.

Нас встречала целая череда лакеев, одетых в синие ливреи, белые панталоны и черные туфли с щегольскими пряжками. При виде хозяина они дружно склонили головы, однако любопытные взгляды я успела уловить. Сам же диар, отдав распоряжение помочь гостям и отнести багаж в приготовленные для нас комнаты, спешил и помог мне спуститься с

лошади. После подставил локоть, и как только я накрыла его подрагивающими от волнения пальцами, произнес:

— Ну вот вы и дома, дорогая Флоретта.

Взгляды прислуги снова сошлись на мне, и я, ощущая, как пылают щеки, постаралась принять независимый вид, подобающий будущей хозяйке всего этого великолепия, позволила ввести меня во дворец диара. Следом за мной и д'агнаром Альдисом поднимался по широкой лестнице Артиан. За ним шествовал папенька, подле которого семенили притихшие близнецы. В отличие от нас с сестрами оба агнара Берлуэна здесь бывали и чувствовали себя не в пример уверенней.

— Надеюсь, вам понравятся ваши комнаты, Флоретта, — между тем говорили мой жених. — В будущем они так и останутся вашими. Я посчитал для вас гостевые покои излишними. Если вас что-то не устроит, говорите, их переделают по вашему вкусу.

— А где будут жить мои родные? — забеспокоилась я.

— Не переживайте, приличия будут соблюдены, — едва заметно улыбнулся диар. — Ваша семья будет размещена рядом с вами. Мои комнаты находятся намного дальше, и в будущем я не буду беспокоить вас своим соседством.

Отчего-то эти слова неприятно резанули мне слух. Д'агнар Альдис поселил меня вдалеке от себя, стало быть, он не столько не желал беспокоить меня, сколько хотел, чтобы я не беспокоила его. Но разве не именно это я сама намеревалась делать? Не так давно я сама решила не путаться у супруга под ногами, раздражая и мешая ему. И всё-таки я несколько расстроилась. Впрочем, объяснение своему огорчению нашла быстро. Его светлость был единственным, кого я здесь знала, и остаться одной после соседства шумных близнецов и любимого братца будет тяжело. Надеюсь, что затворницей в этом великолепном дворце я все же не стану.

— Обещаю, что скучать вы не будете, — словно услышав, о чем я думаю, произнес мой жених. — Но обо всем постепенно. Сейчас располагайтесь, привыкайте, отдыхайте. Вскоре я приду за вами и покажу дом.

— Как вам угодно, ваше сиятельство, — склонила я голову.

Диар поцеловал мне руку, ободряюще пожал пальцы и ушел. Я оглянулась на своих родных, перед которыми лакеи открывали двери их комнат. Папенька, заметив мой растерянный взгляд, улыбнулся и показал глазами, чтобы я вошла. Кивнув ему, я набрала полную грудь воздуха, словно собиралась нырнуть, посмотрела на лакея, склонившегося передо мной в поклоне у распахнутой двери, и решительно шагнула в мои, уже мои, покои.

— Доброго дня, агнара Берлуэн.

В комнатах меня уже ждали горничные. Они коротко присели передо мной в книксене, а после закружили в деловитой суете, то называя свои имена, то показывая место моего нынешнего обитания, то тыкая пальцами на колокольчик, при помощи которого я могла призвать их. Передо мной распахнули створы огромной гардеробной, и я с восторгом уставилась на свои платья, доставленные из мастерской инара Рабана. Не хватало только воздушного свадебного чуда, но его время еще не пришло. После я увидела туалетный столик, на котором стояло зеркало в красивейшей позолоченной оправе. На столике лежал совершенно новый гребень со всеми зубцам. А еще... Я нашла множество носовых платков с моей монограммой. Часть имела инициалы «Ф.Б», часть — «Ф.А.». И это вновь привело меня в замешательство. В это мгновение я осознала, что еще ни разу не примеряла на себя новую фамилию. Диара Данбьергская, д'агнара Флоретта Альдис. Ох, Мать всего сущего, как

же это странно звучит — Флоретта Альдис... А куда же денется агнара Берлуэн? Исчезнет? Растворится, как утренний туман? Двадцать лет жила и вдруг растает?

— Чем мы можем служить вам? — вежливо, но без подобострастия спросила одна из горничных.

Я попыталась собраться с мыслями, мучительно вспоминая, что принято отвечать в таких случаях. Дома бы я попросту упала в кресло, закрыла глаза и так посидела, приходя в себя. Но во дворце диара нужно было вести себя как-то иначе.

— Возможно, вы хотите сменить платье для верховой езды? — пришла мне на помощь самая молодая горничная.

— Да, — ухватилась я за ее слова и почувствовала некоторое облегчение. — Воды, чтобы умыть лицо от пыли. И стакан холодной воды, очень хочется пить.

За уточнение я почувствовала неловкость. Как там говорил д'агнар Альдис? «Мои распоряжения исполняются быстро и точно». И уж он-то вряд ли стал бы пояснять, что и для чего ему нужно. Все эти горничные и лакеи вовсе не напоминают нашу прислугу, и мне придется учиться еще и искусству быть госпожой и хозяйкой в доме... если, конечно, моему жениху я буду нужна, как хозяйка.

— Флоретта Альдис, — прошептала я и хмыкнула. — Нелепость какая-то.

— Вы что-то сказали, агнара Берлуэн? — спросила женщина, оставшаяся со мной, и я, наконец, покраснела.

День прошел на удивление легко и быстро. Его сиятельство оказался прекрасным хозяином. Правда, большая часть его времени была посвящена мне, но мои родные не скучали. Сестрицы обнаружили в саду качели, приготовленные к их приезду, пруд с маленькой лодочкой с резными бортами и головой лебедя на носу. Эта лодочка до того восхитила их, что от пруда они уже не отходили. Папенька остался с близнецами, до изнеможения катая их по водной глади. Артиан, продолжая соблюдать правила приличия, шествовал за нами с хозяином поместья. Однако я заметила, как приосанился братец, глядя на молоденькую горничную, зардевшуюся при его появлении. На мой насмешливый взгляд, младший агнар Берлуэн ответил невозмутимым видом и задрал нос, разом став важным и напыщенным, чем развеселил меня, и диар был вынужден остановиться и подождать, пока я прекращу попытки подавить смех.

Немного погодя братец вдруг отстал, и мы с женихом некоторое время оставались одни. Впрочем, упрекнуть д'агнара Альдиса было не в чем. Манеры его были безупречны, тон неизменно вежлив и никаких вольностей он себе не позволил. Потому, когда вернулся Артиан, он застал нас в беседке, сидящими на противоположных скамейках. Диар рассказывал мне историю поместья, я внимательно слушала ее. Сделав вид, что он все это время находился поблизости, братец уселся рядом со мной, но блеск его глаз не заметить было сложно.

— Агнар Берлуэн, — прервался мой жених, — приятно снова лицезреть вас. Видами любовались?

— У вас здесь прекрасные виды, ваше сиятельство, — сияя улыбкой, ответил Арти.

— Вы знаете, что браконьерам принято отрубать те части тела, которые мешают им думать? — красиво изломив бровь, полюбопытствовал диар.

— Хвала Богине, что я не браконьер, — с непередаваемой наглостью произнес братец.

— Тем лучше для вас, дорогой будущий шурин, — усмехнулся д'агнар Альдис. — Запомните раз и навсегда: охота в моем поместье запрещена. Ваша дробь не должна задеть

трепетных ланей, что бродят по этой земле. Но за пределами поместья вы вольны стрелять в кого и сколько угодно.

— Я учту законы этого леса, ваше сиятельство, — склонил голову Артиан.

— И учтите особо: приручая лань, вы берете на себя ответственность за ее сохранность и здоровье, — закончил диар.

— Вы совершенно правы, ваше сиятельство, — уже без шутовства ответил мой брат.

А я переводила взгляды с одного мужчины на другого, силясь понять, что за аллегии сейчас идут в ход. После снова посмотрела на братца, прищурилась, вспоминая служанку, и смысл только что прозвучавшей беседы дошел до меня. Прикрыв рот ладошкой, я постаралась не залиться краской.

— Простите, Флоретта, этот разговор должен был состояться позже, я зря затеял его при вас, — с прохладной вежливостью сказал мой жених. — Но меня бесконечно радует, что иносказательность беседы вы поняли. Полезное знание, нам стоит с вами попрактиковаться.

— Как скажете, ваше сиятельство, — послушно склонила я голову.

Диар вернулся к прерванному рассказу, но я уже слушала его не так внимательно. Поглядывала на Арти и думала, откуда у него такой талант к иносказанию? После вспомнила своего веселого и спорого на проделки братца и поняла, что ему посчастливилось родиться более сообразительным, чем его старшая сестрица. Досадно...

— Вас что-то расстроило, Флоретта? — вновь прервался диар.

— Нет, ваше сиятельство, — улыбнулась я и снова превратилась во внимание.

Когда мы разошлись по комнатам, распрощавшись до утра, я думала, что усну мгновенно. Однако кровать мне казалась слишком большой, перина слишком мягкой, одеяло жарким, все было слишком. Я отчаянно скучала по своей опочивальне в родительском доме, но оставалось только мечтать о возвращении домой, и я все-таки попробовала уснуть.

Не вышло. Промучившись не менее часа, я сдалась и села на постели. После взглянула в сторону окна. За прозрачными стеклами шумели деревья. Звезды яркой россыпью заполнили почерневшее небо. Подойдя к окну, я приоткрыла его, вдохнула полной грудью прохладный ночной воздух, немного подумала и решилась.

Накинув халат, я плотно запахнула в него, откинула на спину распущенные волосы и осторожно выглянула в коридор, но дворец диара спал. Я прокралась на цыпочках к лестнице, спустилась на террасу и потянула большую стеклянную дверь. Она оказалась открыта, позволив мне выскользнуть на улицу.

Воровато оглядываясь я побежала по дорожке, ведущей к саду. Уже более спокойно прошла мимо деревьев, едва не заблудилась в темноте, но плеск воды все-таки вывел меня к пруду. Здесь я убедилась в своем уединении и облегченно вздохнула. Подошла к кромке воды, присела на корточки и потрогала легкую рябь, набегавшую на берег. Вода была холодной, и я, передернув плечами, отошла в сторону. Затем огляделась, вспоминая, где видела скамейку...

— Доброй ночи, дорогая невеста, — вдруг услышала я и спешно отступила в тень. — Я за вами наблюдаю с тех пор, как вы появились на берегу, можете не прятаться.

— Ваше сиятельство, — я повинно склонила голову. — Простите.

— За что, Флоретта? — мужчина поднялся с той самой скамейки, которую я столь безуспешно пыталась найти в темноте.

— Я... — замешкавшись, я искала достойную причину, побудившую незамужнюю девицу ночью покинуть свою постель. — Мне не спалось... Я уже уйду.

— Постоите, — я остановилась и опустила глаза, стараясь не смотреть на д'агнара Альдиса. — Составьте мне компанию. Кажется, вы хотели прокатиться на лодке?

— То было днем, — попыталась я отказаться, уже отчаянно жалея, что вообще пришла сюда.

— Зато ночью романтичней, — усмехнулся диар. — Вы сегодня сокрушались, что я не обращаюсь с вами, как жених с невестой. Считайте, я услышал вас и приглашаю на лодочную прогулку по ночному пруду.

Он протянул руку, помешкав, я все-таки вложила в раскрытую ладонь свои пальцы. Диар склонился, не сводя с меня пристального взгляда, и коснулся губами запястья.

— Флоретта, вы очаровательны в своей стыдливости, — неожиданно улыбнулся мой жених.

Он подвел меня к лодке, нос которой был вытасчен на берег, помог сесть и столкнул в воду наше маленькое суденышко. После запрыгнул в лодку сам и взялся за весла. Мой взгляд остановился на маленьких волнах, расходящихся клином от носа лодки, неспешно скользившей по черной глади пруда. Глядеть в темную глубину было жутковато, и я подняла взгляд на своего спутника, но тут же снова опустила голову вниз, спрятавшись за волосами, упавшими на лицо.

— Уберите волосы, Флоретта, — почти приказал д'агнар Альдис. — Не прячьтесь, это не имеет смысла.

Я послушно откинула на спину пряди и посмотрела на диара.

— Да, так лучше, — кивнул он, — при разговоре желательно видеть глаза собеседника. Как прошел ваш день, Флоретта?

— Вам ли не знать? — улыбнулась я. — Вы все время были рядом.

— Но ваши мысли мне неизвестны, — ответил мужчина.

— Это был увлекательный и познавательный день, ваше сиятельство.

— Я ваш будущий супруг, агнара Берлуэн, со мной вы можете быть откровенны, — внимательный взгляд серых глаз не отпускал меня, заставляя снова нервничать.

— Мне, действительно, понравилось ваше поместье, дворец, ваше гостеприимство, просто... Непривычно.

— Привыкнете, — улыбнулся д'агнар Альдис. — Это всего лишь дело времени. Через месяц вы станете здесь полноправной хозяйкой. Обещаю, что помогу вам освоиться как можно быстрее. От вас же жду искренности, чтобы больше не пришлось уловками вытягивать то, что угнетает вас. Лучше скажите сразу, я никогда не откажу вам во внимании.

В это мгновение я испытала возмущение. И раз уж мой жених желает, чтобы я была с ним искренней, то отчего бы и не удовлетворить его желание?

— Ваше сиятельство, вы требуете от меня искренности, однако сами уклоняетесь от ответов на мои вопросы, — напомнила я. — Не далее, как сегодня... уже вчера, у дорожного указателя, вы обещали дать ответы, но лишь воспользовались случаем увильнуть от них.

До меня донесся короткий смешок, но ответ прозвучал невероятно серьезно:

— Стало быть, по-вашему, я бесчестный вертлявый тип?

— Но ведь и я, по-вашему, трусливая врушка, — парировала я.

— Мы с вами отличная пара, дорогая невеста, — уже открыто рассмеялся диар. — Лишний раз убеждаюсь, что сделал верный выбор.

— Но на чем он был основан? — не удержалась я.

Лунный свет позволил мне увидеть, как мужчина закатил глаза, опустил весла в лодку и

скрестил руки на груди.

— Вы невероятная зануда, — сказал он, насмешливо глядя на меня. — Я ведь уже все объяснил вам, когда вы изволили дать от меня стрекоча, прикрываясь собственными сестрами. Что вас не устроило в моих пояснениях? Вы недовольны тем, как меняется жизнь вашей семьи? Предпочли бы видеть ее в прежнем плачевном состоянии? Не желаете выходить замуж? Отчего эта дотошность?

— Вы опять увиливаете, — проворчала я, потому что ответить мне было нечего. И перемены мне нравились, и за свою семью я была рада, и замуж, признаться, мне тоже хотелось.

— Отнюдь, — возразил д'агнар Альдис. — Что вас смущает? Вы жаловались на то, что я отношусь к вам, как к племяннице или младшей сестре. Вам не хватает ухаживаний с моей стороны? Приношу свои извинения, но я посчитал, что мои деяния говорят намного больше, чем пустые комплименты, лицемерные и лживые признания. Разве вы не согласны со мной, агнара Берлуэн? — он вдруг устало вздохнул. — Хорошо, давайте начистоту. Мы с вами не влюблены друг в друга. Меня не сжигает страсть, когда я смотрю на вас, вы не таете при моем появлении, напротив, постоянно насторожены, ожидаете подвоха, копаетесь в мотивах моего выбора. Однако мы с вами раз за разом находим общий язык, у нас получается выстроить диалог. Конечно, если вы не начинаете смущаться и не тратите время на поиск достойного ответа. Для вас важно произвести на меня впечатление, вы ожидаете моего одобрения, я это вижу. И меня бесконечно радует, что я становлюсь вам ближе. В свою очередь могу сказать, что мне нравится заботиться о вас, думать об удобстве, и возможные нападки на вас уже заранее злят меня. К тому же, совершенно неожиданно, я привязался к вашей родне, и проводить время с семейством Берлуэн для меня стало весьма приятным занятием. Разве это не кажется вам более важным, чем громкие фразы, не имеющие под собой основания? Я уже говорил вам и повторяю еще раз: семья, основанная на дружеской привязанности, доверии и взаимоуважении, намного крепче той, что создается в пылу страсти. Влюбленность проходит, и хорошо, если отношения перерастают в крепкую дружбу супругов. Я видел достаточно семейных пар, в которых пора пылких чувств сменяется прозрением, и рядом существуют два совершенно посторонних человека, которых связал свадебный обряд и дети. Так почему бы нам сразу не начать с более прочного фундамента, чем шаткая влюбленность? Что вы на это ответите, Флоретта?

— Вы, несомненно, правы, ваше сиятельство. За вами стоят годы и жизненный опыт, за моей спиной лишь уединение и пустые мечты...

Я замолчала. Особо сказать оказалось нечего. Диар был прав от начала и до конца. Что проку в признаниях? Всего лишь красивые слова и не более. И если бы д'агнар начал вести себя со мной иначе, разыгрывая влюбленность или говоря то, что заведомо было ложью, и я знала об этом, вряд ли бы я смогла долго сдерживать досаду и раздражение. Самолюбие бы мое было уязвлено намного больше, чем от его шуток и беззлобных подначек. И даже его холодность казалась мне предпочтительней сладкой лжи. Нет-нет, все верно. Мы можем стать добрыми друзьями и поддержкой друг другу. Я буду заботливой супругой, диар станет внимательным мужем, и это правильно. А что до того, что я чувствую себя маленькой девочкой рядом с ним, так то всего лишь разница в возрасте. Да и учителя — это тоже забота, а не попытка высмеять. К чему вообще были мои обиды? Обычная девичья глупость и мнительность.

— Я понимаю вас, Флоретта, — прервал мои размышления д'агнар Альдис. — Вы еще

слишком молоды, и ваша душа жаждет страстей...

— Ах, ваше сиятельство! — воскликнула я. — Какие страсти? Я уже давно не мечтаю ни о каких страстях. И ваше предложение для нищей безвестной бесприданницы стало поистине даром Богини. Единственное, что меня смущало — это причина, которая побудила вас выбрать в жены именно такую девушку. В остальном я клянусь быть вам послушной женой и верным другом. О большем и мечтать не смею.

— Вот поэтому я и выбрал именно вас, — улыбнулся диар. — Вы не избалованы, не капризны. Не ожидаете от меня больше того, что я могу вам дать. Вы готовы к послушанию, и это, несомненно, радует. Я нашел супругу, которая отвечает всем моим требованиям. Надеюсь, что мой ответ, наконец, удовлетворит вас, и мы перестанем ходить по кругу, бесконечно выясняя одно и то же. В конце концов, это станет утомительным. А мне не хотелось бы думать о вас с раздражением.

— И снова вы правы, ваше сиятельство...

— Аристан, — прервал меня диар, и я удивленно взглянула на него. — Я обращаюсь к вам по имени, почему бы и вам не перейти на более домашнюю форму обращения?

— Я... — неожиданно поняла, что не могу произнести его имени. Это казалось мне кощунством, грубостью. Впрочем, если задуматься, меня больше напугало то, что это окажется следующим шагом к сближению.

— Ну же, Флоретта, — мужчина теперь с интересом следил за мной. — Я не прошу вас сокращать мое имя, или же выдумывать милое домашнее прозвище. Всего лишь имя, данное мне при рождении. Аристан.

— А... Арис...тан, — мои слова мне самой показались бляением. Сердце нахмурившись, я пророкотала: — Ар-р-ристан.

— Ух, как грозно, — фальшиво испугался диар, вскинув руки. — Да вы опасный зверь, Флор-р-ретта!

Он весело рассмеялся, а я... я, как обычно, поспешила залиться досадливым румянцем.

ГЛАВА 6

Волнение? О нет, это совершенно не то, что я испытывала. Трепет, помноженный на священный ужас — вот, что переполняло меня с самого утра. Еще с вечера я легла спать полная уверенности в себе и желания пройти это испытание с честью. Однако всю ночь мне снились конфуз за конфузом. То я подворачивала ногу, то, наоборот, наступала на ноги своему кавалеру, то падала посреди танца под всеобщий хохот. То мне снилось, что его сиятельство выгоняет с позором всю нашу семью, и затея со свадьбой оказывается всего лишь злой шуткой. А то на меня вновь неслась карета, прямо по бальному залу. Результатом всех моих кошмаров стало дурное настроение и дрожь в руках, как только я думала о том, как на меня будет смотреть множество чужих людей, для которых я, как и для агнары Керстан, всего лишь выскочка.

На завтрак я вышла бледной, мрачной и молчаливой. Его сиятельство с утра отсутствовал, занимаясь каким-то своими делами, и в столовой находились только мои родные. Без диара за столом повисла неловкая тишина. То, что мы в гостях, почти забылось, пока хозяин дома был с нами, умело создавая приятную атмосферу, сейчас же мы все чувствовали себя бедными родственниками у роскошного стола. Даже лакеи, кажется, поглядывали на нас с превосходством. Впрочем, это могло мне только казаться. Лица

прислуги могли поспорить своей невозмутимостью с выражением лица их хозяина. И все-таки без д'агнара Альдиса исчезло чувство домашнего уюта. И я исподволь ожидала его возвращения.

К тому же он придавал мне уверенности, став тем стержнем, который поддерживал в минуты слабости и сомнений.

— Флоретта, переживать не о чем. Я рядом с вами. А когда мне придется уделить внимание гостям, с вами останутся ваш папенька и Артиан. К тому же все ваши танцы так же заняты мною за исключением нескольких, парой в которых вам станут ваши родные. Никто посторонний на этом балу не пригласит вас, а если пригласят, вы будете отвечать, что танец занят. Никто вас не обидит и не унижит, тем более в моем доме. Даже завистники на это не осмелятся. Держитесь с достоинством, этого будет достаточно.

Это мой жених говорил еще вечером, и я согласно кивала, уверенная в том, что все так и будет. Но вот прошла ночь, диара не было, и я начала придумывать всяческие ужасы. Завтрак я закончила первой, несмотря на то, что явилась последней. За мной вышел брат, после отец с близнецами. Не сговариваясь, мы дружно спустились вниз и покинули дворец. До приезда первых гостей оставалось еще несколько часов, и мне хотелось это время провести на воздухе, чтобы успокоиться и вернуть прежнюю уверенность. Подвести д'агнара не я не желала вовсе.

Сестрицы, чувствовавшие себя в поместье диара свободней всех, поспешили к пруду, он стал их излюбленным местом для гуляния. Горничные, приставленные к девочкам и ожидавшие возле столовой, последовали за близнецами. Папенька поглядел им вслед, поджал губы и направился за сестрами и горничными. Опасения нашего родителя по поводу того, что горничные могут быть невнимательны, пока дочери играют возле воды, никак не могли оставить старшего агнара Берлуэна, и он упорно следил за близнецами, несмотря на заверения диара.

Арти взял меня за руку, и мы побрели по ухоженным дорожкам. Брат молчал, мне тоже не хотелось разговаривать. Я изо всех сил старалась казаться спокойной. Выходило не очень. Предательская привычка теревить манжет, когда я нервничала, выдавала меня с головой. И пусть я сейчас то и дело поправляла оборку на платье, но Артиану этого хватило, чтобы крепче стиснуть мою ладонь и признаться:

— Я тоже боюсь. До колик.

— Его светлость нас защитит, — слабо улыбнулась я.

— Еще чего, — фыркнул братец. — Он твой жених, пусть тебя и защищает. А я мужчина, и прятаться за спиной диара не собираюсь. Общение с д'агнаром Альдисом меня кое-чему научило, и отмалчиваться я больше не буду. Хватит.

— Арти! — воскликнула я, с тревогой глядя на него. — Ты же не собираешься устроить скандал на оглашении моей помолвки? Я и так трясусь, как осиновый лист, как только вспомню ту ведьму и ее выходку. А если...

— Успокойся, — брат выпустил мою ладонь и запустил пятерню в волосы. Это тоже была привычка, выдававшая волнение младшего агнара Берлуэна, — намерено ни на кого кидаться не буду. Но если кто-то вздумает оскорбить мою семью или меня, отмалчиваться не стану. — Он вдруг развернулся ко мне лицом, и глаза Артиана сверкнули. — Знаешь, Фло, я восхищен манерой диара держаться. Хотел бы и я быть столь хладнокровен, но уметь поставить на место одним только словом. Ты думаешь, он так мил со всеми, как с нами? Тогда ты совсем не знаешь своего жениха! Не человек, а каменный истукан.

Я усмехнулась и продолжила свое неспешное движение по дорожке. Вот уж удивил. Брат догнал меня и пристроился рядом. Он поглядывал на меня, словно желая что-то сказать, но не решался.

— Говори, — велела я с улыбкой.

— Да... — братец замялся. — Просто я хотел сказать, что... Ну-у...

— Ты испытываешь мое терпение, Арти, — раздраженно поторопила я его. — Я и так не в лучшем расположении духа.

— Я хотел сказать, что диар, кажется, испытывает к тебе склонность, — выпалил агнар Берлуэн. — И если ты сумеешь окончательно растопить его сердце...

Мой смешок остановил брата на полуслове.

— Что? — хмуро спросил Артиан.

— Он поселил меня подальше от своих покоев, предложил дружбу, как фундамент для брака и дал четко понять, что чувствам между нами нет места, — ответила я и вздохнула с нескрываемой грустью. — Я приняла условия. Арти, даже не уверена, что у диара не может быть дамы сердца, но, как жена, ему, по его словам, больше подхожу я. Но думать о возможных любовницах своего будущего супруга я не желаю. Надеюсь только, что его связи не станут достоянием гласности.

— Какая глупость! — воскликнул братец.

— Несомненная глупость, — неожиданно раздался голос моего жениха за нашими спинами.

Мы с Артианом порывисто обернулись, и покраснели, как воришки, пойманные за руку.

— Ваше сиятельство еще и любит подслушивать? — ворчливо спросила я, пряча смущение.

— Вы же знаете, драгоценная моя, — д'агнар Альдис взял меня за руку и поднес ее к своим губам, — я совершенно испорченный человек. Боюсь, даже Мать Покровительница уже бессильна изменить меня. Значит, ко всем моим прочим грехам вы прибавили еще и блуд? Очень мило. И заметьте, я даже не дал вам повода для подозрений.

— Это было всего лишь предположение, основанное на нашем с вами договоре, — мне удалось взять себя в руки, и я поспешила сменить течение беседы в иное русло. — Как прошло ваше утро, д'агнар Альдис?

— В разъездах, агнара Берлуэн, — светским тоном ответил мой жених. — Не составите мне компанию? Нужно проверить, как идет подготовка к приему.

— У вас прекрасная прислуга, — заметила я. — Думаю, беспокойство излишне.

— Первое правило хорошего хозяина, дорогая моя, держать все под контролем. И тогда вы избежите неприятных неожиданностей, — наставительно произнес диар. — Когда мы поженимся, я с радостью переложу на вас эту часть своих обязанностей. Буду сидеть в кресле с газетой, пока вы занимаетесь домом и прислугой.

— И будете ждать от меня отчета? — улыбнулась я, понимая, что такой человек, как Аристан Альдис не сможет удовлетвориться чтением газеты, не вникая в происходящее рядом с ним. Зато теперь стали более понятны его визиты на мои занятия и разговоры с преподавателями. Контроль. Разумеется, в такие моменты я его интересовала меньше всего. Диар следил за тем, чтобы нанятые им преподаватели исправно исполняли возложенные на них обязательства.

— Разумеется, буду, — подмигнул мне мужчина. — И я стану невероятно мстителем, дотошно разбираясь во всех мелочах, равно как это делаете вы, Флоретта.

— Еще и мстителен, — не сдержала я усмешки.

— Список моих грехов безграничен, — невозмутимо ответил диар и подал мне руку. — Идемте же. Времени не так много. Через пару часов пожалуют первые приглашенные гости, а у меня есть еще неотложные дела по диарату. Агнар Берлуэн, вы с нами?

— Нет, — Арти отрицательно покачал головой. — Пожалуй, посмотрю, что вытворяют наши младшие проказницы.

Брат поклонился и легкой походкой направился прочь, оставив меня наедине с будущим супругом. Стоит заметить, что мои родные теперь проще смотрели на то, что диар мог оказаться ненадолго со мной наедине. Д'агнар Альдис был безупречен во всем и придраться, казалось, просто не к чему. Пока, по крайней мере.

Мы вошли во дворец диара, поднялись к малой бальной зале, где должно было произойти оглашение помолвки. Д'агнар Альдис устраивал короткий прием. Комнаты гостям подготовили, но завтра поутру они должны были покинуть поместье. Никаких иных увеселений диар для гостей не готовил, только вечерний бал. Большое празднество намечалось на день нашей свадьбы.

Насколько я успела узнать своего жениха, он не был любителем светской жизни и участвовал в ней по необходимости. Думаю, это легко объяснялось бурной молодостью нашего гостеприимного хозяина. Хоть он особо ничего не рассказывал о своей жизни до знакомства со мной и моими родными, но какие-то обрывки слухов нам приносила еще Лирия, что-то случайно сболтнула одна из моих горничных, а после долго умоляла не выдавать ее. Диар не терпел обсуждения своей жизни, особенно в собственном доме из уст прислуги. Разумеется, я не собиралась выдавать женщину, о чем и сказала ей, успокоив бедняжку. К тому же ничего особенного она мне не сказала. Только лишь, что в юные годы диар слыл гулякой и повесой, но с годами остепенился. Об этом я и сама догадывалась. Было бы сложно ожидать рассудительности и оседлости от молодого человека, которому открыты многие блага жизни. Впрочем, эта сторона жизни Аристана Альдиса меня касалась менее всего. Со мной было связано его будущее, а не прошлое, и я не забивала себе голову тем, как жил мой жених до меня.

Диар пропустил меня первой в двери, вошел следом. Я осторожно ступала по натертому до блеска паркету, разглядывая рисунок на полу. Затем подняла взгляд, рассматривая свое отражение в одном из зеркал, украшавших стены. И, уже не отрывая взор, следила за тем, как из отражения в отражение шествует молодая девушка в нежно-голубом платье, чуть приподняв подол, чтобы не запутаться в нем. Эта девушка совсем не напоминала ту, что смотрела на меня еще каких-то полтора месяца назад из зеркала в отчем доме. Желтоватая бледность сменилась здоровым румянцем, в глазах усталая обреченность поменялась на любопытный блеск. Пожалуй, мне даже понравилась новая я. Не скажу, что засияла красотой, но столь плачевно, как раньше, я не выглядела.

Отставший было д'агнар Альдис догнал меня, пристроился рядом, и разом любопытство сменилось на смущение. Впервые я видела нас рядом со стороны. Статный мужчина вальяжно вышагивал с девицей, теперь бросавшей взгляды на зеркало исподволь, опасаясь выдать свой интерес. Диар повернул голову и поймал мой взгляд в отражении. Его губы дрогнули в улыбке.

— Как любопытно, — произнес он, останавливая меня и разворачивая лицом к зеркалу. — Кажется, мы недурно смотримся рядом.

Его ладонь легла мне на плечо, мужчина чуть склонил голову вправо, рассматривая пару в отражении.

— Флоретта, а вы похорошели, — вдруг сказал он и велел: — Поднимите голову.

Его палец поддел мой подбородок, вынуждая смотреть перед собой.

— Расправьте плечи, спину прямо. Теперь добавьте гордости во взгляд. Смотрите чуть свысока. Вот, — диар удовлетворенно кивнул. — Запомнили себя такой? Вот так и держитесь вечером. Повторите потом перед зеркалом. Когда я представлю вас и объявлю о намерении жениться на вас, я желаю, чтобы рядом вы стояли именно такой.

— Я постараюсь, — пообещала я.

— И никакой робости.

— Я помню, ваше сиятельство... Аристан.

Девушка в отражении кивнула и поспешила пройти дальше. Мужчина последовал за ней. Я заставила себя отвести взгляд от зеркал и посмотрела вперед. Огромные хрустальные люстры уже были намыты, новые свечи еще не горели, их зажгут перед тем, как откроются двери, и гости войдут в залу. Люстры поднимут под потолок, и они зальют пространство ярким светом. Я так хорошо себе это представила...

Все-таки в подготовке праздника есть некое волшебство. Не знаю, каково это — прибыть гостем на бал, но готовить его мне показалось весьма интересно. Д'агнар Альдис скользил внимательным взглядом по сторонам. Неожиданно он нахмурился и остановился, подзывая себе одного из слуг. Не говоря ни слова, его сиятельство указал пальцем куда-то вверх. Слуга охнул, склонился и побежал за лестницей. Я проследила направление взгляда своего жениха и увидела тонкую нить паутины на колонне из темного мрамора, незамеченную прислугой.

— Идемте дальше, драгоценная моя, — сказал диар.

— Почему вы называете меня драгоценной? — зачем-то спросила я.

— Моя жена — моя ценность, — не без иронии ответил мужчина. — Вы будете цепляться к каждому моему слову?

— Конечно же нет, простите.

Больше мы не разговаривали. Следующим мы осмотрели буфет, где расставляли вина и бокалы, закуски должны были принести позже. Заглянули в игровую комнату, удостоверились что игральные столики оснащены всем необходимым. К моему стыду, я до сих пор не запомнила название всех игр и их правил, потому просто послушно следовала за диаром, проверявшим наличие карт, фишек, каких-то карточек. Удовлетворенный осмотром, его светлость подал мне руку, и мы вышли за двери.

— Осталось пройтись по гостевому крылу, — сказал мой жених. — Окажите мне любезность, Флоретта, помогите в этом несложном деле, иначе я не успею заняться своими делами.

— Как пожелает, ва... как пожелаете, Аристан, — поправилась я, заметив, как насмешливо изломилась бровь диара.

— Благодарю, дорогая, — он поцеловал мне руку и позвал одного из лакеев. — Проводите агнару Берлуэн к гостевым комнатам.

Лакей склонился передо мной и повел вперед. Я оглянулась, но диара уже не было видно. Вздохнув, я поспешила за своим провожатым. Гостевые покои располагались не так далеко от комнат хозяина поместья, это я отметила, когда мы добрались до них. И вдруг остро ощутила свою отчужденность — мои покои находились будто на краю мира. Хотел ли

так мой жених защитит меня от случайных встреч с гостями, или же нарочно убрал с глаз подальше, мне понять было сложно. «Его сиятельство лучше знает, что делает», — напомнила я себе и постаралась рассматривать свое удаление от общества, как еще одну попытку проявить обо мне заботу. В спокойствии и уединении мне будет проще и привычней. Да, несомненно, будущий супруг просто оградил меня от излишнего шума, только и всего.

Осмотр гостевых комнат затянулся. Не знаю, чего именно ожидал д'агнар Альдис, но я решила подойти к делу со всей ответственностью. Поэтому теперь за мной ходил лакей с бумагой и чернилами. Я дотошно просматривала набор всего необходимого, что могло понадобиться гостям, проверяла чистоту комнат, невольно подражая хозяину дома. Правда, тыкать пальцем не стала, задавала вопросы. Недочетов почти не оказалось, и все они были устранены к моменту, когда я вышла из последней комнаты и направилась к кабинету своего жениха, чтобы дать отчет об осмотре. Стоит заметить, что люди диара были вежливы и терпеливы, ни разу не показав, что устали от моих расспросов. Отвечали споро, распоряжения исполняли так же.

Довольная собой, я остановилась у кабинета его светлости и негромко постучала.

— Войдите, — коротко ответил хозяин кабинета.

Я открыла дверь и остановилась на пороге, глядя на незнакомого мужчину. Агнар обернулся, поднялся с места и, вежливо улыбнувшись, склонил голову. Диар тоже встал из-за стола, подошел ко мне и взял за руку. Бровь его насмешливо изломилась, когда я не отозвалась на рукопожатие и так и осталась стоять на пороге кабинета. Я одарила его досадливым взглядом, выдохнула и все-таки сделала шаг.

Д'агнар Альдис подвел меня к мужчине, с интересом наблюдавшим за мной.

— Дорогая моя, позвольте представить вам агнара Одмара Наэля. Агнар Наэль любезно согласился быть нашим распорядителем на балу. Друг мой, позвольте представить вам мою невесту. Агнара Флоретта Берлуэн.

— Агнара Берлуэн, — мужчина вновь поклонился мне. — Чрезвычайно счастлие познакомиться с будущей д'агнаркой Альдис. Примите мое восхищение.

— И я рада нашему знакомству, агнар Наэль, — как можно более светски попыталась ответить я, но мой новый знакомый вдруг подмигнул мне, чем привел в замешательство, и я не нашлась, как отреагировать на возмутительный по своей сути поступок.

— Одмар, Флоретта — скромнейшая из женщин, не стоит ее смущать фривольным поведением, — усмехнулся мой жених. Мужчина весело улыбнулся и вернулся на свое место. Только сейчас я заметила, что на столе стоят бокалы с вином, и беседа, которая велась в кабинете, имеет приятельскую направленность, а значит, агнар Наэль является давним знакомцем диара. — Вы что-то хотели, дорогая моя?

Вопрос д'агнара Альдиса вывел меня из замешательства. Я бросила осторожный взгляд на гостя диара и кивнула.

— Я исполнила ваше поручение, ваше сиятельство, — ответила я.

— Нареканий нет? — осведомился диар.

— У вас прекрасная прислуга, — улыбнулась я.

— Благодарю, драгоценная моя, ваша помощь была неоценимой, — он поднес к губам мою руку, поцеловал и выпустил из захвата.

Делать мне больше в кабинете д'агнара Альдиса было нечего, и я откланялась, спеша покинуть его. Однако мой жених догнал меня уже за дверями.

— Флоретта, мне хотелось бы, чтобы вы уделите немного вашего внимания агнару Наэлю. Он мой давний друг, останется здесь до самой свадьбы, и ему я могу доверить вас. Отдайте ему, к примеру, третий и шестой танцы. Так впечатление, будто я держу вас под строгим надзором, смягчится и не даст лишнего повода для сплетен.

— Хорошо, Аристан, — покорно согласилась я. — Третий и шестой танцы за агнаром Наэлем.

— Пожалуй, я подберу вам еще одного кавалера, — произнес диар. — Оставьте для него местечко в вашем списке.

— Мой список не так велик, чтобы для еще одного кавалера не нашлось в нем места, — усмехнулась я. — Вы, папенька, Арти, да агнар Наэль. Пусть будет восьмой танец.

— Пусть восьмой, — согласно кивнул диар. — О своих намерениях я объявлю в начале вечера. Тянуть ни к чему. Не смею вас больше задерживать, отдохайте. — И вернулся к своему знакомому.

Я, проводив диара взглядом, повторила вслух:

— Список, — хмыкнула и направилась в сторону своих комнат.

Однако уже через несколько шагов остановилась, представила, как д'агнар Альдис поведет меня под руку через весь зал, подумала, сколько глаз будут меня оценивать в это время и протяжно вздохнула. Угасшие, было, тревоги вернулись с новой силой, и в свои покои я почти бежала, намереваясь подпереть изнутри дверь тяжелым креслом и сказаться умирающей. Да, именно так.

Конечно, я не подперла дверь креслом, как не спешила умирать. Да даже если бы я захотела это сделать, мне бы не позволили два непоседливых создания, ворвавшихся громкоголосым вихрем в мои комнаты. Мели и Тирли под предводительством моего неугомонного братца не дали мне, кажется, ни минуты покоя, отвлекая от тяжких мыслей. И к тому моменту, когда явились горничные, чтобы одеть меня к балу, я хохотала, завалившись на кресло, глядя на уморительные гримасы сестриц, изображавших чванливых гостей, за которыми бегали по очереди подглядывать.

Хвала Богине, до оговоренного часа мне не нужно было находиться рядом с его сиятельством, и своих гостей он встречал в одиночестве. После прислуга провожала прибывших агнар по их комнатам, где те могли отдохнуть и подготовиться к балу. За мной должен был явиться сам диар и сопроводить в залу. Брат и папенька последуют за нами, это тоже было оговорено. Пока же я, как и все, кто собрался в поместье диара Данбьбергского, начала облачение в свое бальное платье. Ох, Мать Покровительница, что это был за наряд... Инар Рабан постарался на славу. Платье имело знакомый оттенок, идеально подходивший к моим глазам и делавший их ярче и выразительней. Оно было расшито серебром, не имело особой вычурности, но кажущаяся простота наряда была обманчивой. Он был великолепен! Мне понадобилось несколько минут, чтобы перестать взирать на него с благоговейным трепетом.

Этот наряд мне доставили за два дня до бала. Стоит ли говорить, что привез платье лично инар Рабан? Почтенный мастер с плотоядным видом следил за мной, пока я ходила вокруг очередного шедевра портновского искусства. После, когда я шумно вздохнула, отмер и спросил:

— И что вы скажете, агнара Берлуэн?

— Словно цветущий сад, — ответила я, отчего-то представляя себе именно сад во время его цветения. Почему именно эта ассоциация пришла мне в голову, ответить сложно. Однако

внутреннее ощущение при взгляде на чудесное платье привело меня к цветущим яблоням с нежностью белоснежных лепестков на фоне свежих зеленых листьев.

— Душа моя! — воскликнул портной, утирая слезу умиления. — Как же тонко вы это почувствовали. Пока я шил платье, я думал о вас, сравнивая вашу трепетную молодость с цветущим садом. Как, однако, вы чутко уловили то, что я хотел показать. Я ваш преданный слуга навеки!

Мужчина вдруг опустился на колени, а я пришла в крайнюю степень замешательства, не зная, как отреагировать на порыв мастера. Однако поспешила к нему, чтобы поднять с колен. Инар Рабан обнял мои ноги, отчетливо всхлипнул и высокопарно воскликнул:

— Богиня!

Спас меня от восторга портного, конечно же, мой жених. Вежливо, но не допуская возражений, диар оторвал инара Рабана от моих ног и выпроводил за дверь, говоря ему:

— Инар Рабан, вы решили испытать мое терпение? Вы только что держали за ноги мою невесту. Даже я не позволяю себе подобного.

— Это все от глубины моих чувств, — ответил портной, перестав впадать в священный экстаз. — Чистый восторг, ваше сиятельство, чистейший.

Уже после того, как инар Рабан покинул поместье, диар вернулся ко мне. Глаза его весело поблескивали. Я ожидала недовольства тем, что я допустила прикосновения к себе другого мужчины, однако д'агнар Альдис покачал головой и усмехнулся:

— Все творческие люди не от мира сего. Но это сделало нашего мастера мастером и самым востребованным портным моего диарата. Вы сумели тронуть его, Флоретта. Рабан сам не шьет уже какое-то время, лишь следит за работой подмастерьев и дает указания. Для вас портной снова взялся в руки иглу.

— Я польщена, — рассеяно ответила я. Мой жених снова усмехнулся и оставил меня наедине с моим платьем.

И вот теперь это чудо было надето на меня, и я с затаенным восторгом рассматривала свое отражение. Лучший парикмахер уже закончил создавать у меня на голове еще одно чудо. Впрочем, и здесь приложил руку мой жених, велел:

— Пусть будет живенько, никаких сложных башен. Агнара Берлуэн должна выглядеть естественно.

И я выглядела. Водопад подкрученных локонов падал на плечи — «живенько», как и приказал его сиятельство. Волосы лишь присобрали на макушке, скрепив красивой заколкой с изумрудами и мелкой россыпью бриллиантов. Серезки и колье, надетые на мне, были из того же гарнитура. Его вчера подарил мне, конечно же, мой жених, дав возможность в очередной раз оценить его вкус. И теперь, взирая на себя в зеркало, я не могла не признать, насколько гармонично смотрятся наряд и украшения... и я с ними вместе.

— Вы прелестны, агнара Берлуэн, — сложил на груди руки парикмахер.

— Благодарю, — улыбнулась я, даже не смутившись.

— Ох, Фло, ты просто королева, — полусшепотом произнесла Мели.

— Ага, — кивнула Тирли.

Я рассмеялась, раскинула руки и закружилась на месте, ощущая невероятный восторг. Девочки запрыгали, хлопая в ладоши, парикмахер негромко усмехнулся, и даже строгие горничные улыбнулись. Когда появился диар, я готова была взлететь от легкого искрящегося счастья.

— Как же женщине нужно мало, чтобы засиять от радости, — усмехнулся Аристан. —

Впрочем, это прелести неискушенной женщины. Очередное преимущество перед светскими хищницами. Вы невероятно хороши, драгоценная моя.

— Вы тоже, ваше сиятельство, — игриво ответила я, не скрывая улыбки.

Он и правда был хорош в строгом черном фраке, в белоснежной рубашке, с шелковым платком-галстуком, в цвет серых глаз, на котором красовалась булавка со скромной жемчужиной. Ни единой кричащей детали во всем туалете. Подтянут, элегантен, хорош собой без всякой сладости. В это мгновение я позавидовала сама себе, а после ужаснулась, представив, сколько женщин нашего диарата облизывалось на моего жениха, и что теперь они должны чувствовать, когда узнали о намерениях его сиятельства. Следом вошли папенька и Артиан. В глазах отца застыла гордость, и я ужаснулась второй раз, подумав о тех отцах и братьях, кто пытался выгодно пристроить своих дочерей и сестер. Желание покидать свою комнату разом превратилось в прах.

— Ну что такое, Флоретта? — насмешливо спросил диар. — Вы вновь дрожите, как перепуганный заяц.

— Они же все ненавидят нас, — со священным ужасом прошептала я.

— Вы думаете, я всеобщий любимец? — полюбопытствовал Аристан Альдис. — Поверьте, недругов у меня хватает. Но я же не трясусь, и вы прекратите. Плечи, спина, взгляд, — скомандовал он, и я послушно задрала подбородок. — Только так и не иначе.

Диар усмехнулся и поддел кончик моего носа согнутым пальцем. После указал на дверь. Артиан послал мне теплую ободряющую улыбку, папенька распахнул дверь, и меня вывели из-под укрытия надежных стен моих покоев. Вознеся молитву Матери Покровительнице и пообещав ей чистую душу за немедленную смерть, я поняла, что мои мольбы не услышаны, и деваться некуда. А раз деваться некуда, то и трястись уже поздно. В конце концов, я будущая диара и должна помнить о достоинстве своего супруга, с которым судьба соединит меня всего через месяц.

— Вы умница, — услышала я и взглянула на диара.

На лице его было спокойствие, даже равнодушие. Мужчина совсем не смотрел на меня, и как сумел заметить мою решительную гримасу, хоть убейте, понять не могу. И все же легкая улыбка на мгновение коснулась его губ, тут же растворившись в отрешенности благородного лица. Мы приблизились к бальной зале. Сердце отстукивало удар за ударом, словно отсчитывало последние шаги до черты, после которой не будет возврата. Шаг, еще один шаг, еще... Распахнутые двери, склонившиеся перед нами лакеи, ослепительный свет люстр, множество незнакомых лиц и удивительно нежная мелодия, льющаяся с балкона, где сидят музыканты...

— Благородные агнары, прекрасные дамы, — голос моего жениха слышится откуда-то издалека. — Позвольте представить вам агнару Флоретту Берлуэн... — Он говорит что-то еще, но я улавливаю лишь отдельные слова: — Очаровательная агнара... составить счастье... невеста...

Следом звучат вежливые похлопывания и пожелания счастья. Губы диара обжигают руку даже через перчатку. Его ладонь ложится мне на талию, мои пальцы оказываются в плену его второй ладони, и мы движемся по кругу. Наверное, очнись я раньше, непременно бы споткнулась и все испортила. Но в том тумане, что вдруг охватил сознание, я машинально повторяла заученные па, следуя за своим женихом, который уверенно вел меня в вальсе. И лишь когда музыка смолкла, и Аристан снова склонился к моей руке, я тихо охнула и покачнулась.

— Все уже свершилось, драгоценная моя, — негромко сказал диар. — Теперь поздно падать в обморок. Спина, плечи, взгляд. Помните? Я рядом с вами.

— Да, ваше сиятельство, — пролепетала я и позволила увести меня из круга, заполнявшегося танцующими парами. Значит, первый танец принадлежал только нам... Богиня! Как хорошо, что я этого не видела!

Д'агнар подвел меня к стулу, помог сесть и остановился рядом. Я раскрыла веер и почти спряталась за ним, но быстро опустила ниже, обмахнулась несколько раз и вновь сложила. К нам подходили люди, мой жених представлял их, я заученно-вежливо улыбалась, принимая поздравления. По сторонам старалась не смотреть, опасаясь увидеть недобрый взгляд. Однако на лицах тех, кто подходил к диару и его невесте неприятия я не заметила. Скорей, подобострастие и преувеличенная радость. Но были и те, кто держался с достоинством, разговаривал вежливо, не лебезил и не льстил. С ними мой жених был более словоохотлив, правда, больше двух-трех фраз все равно не произносил. Постепенно я успокоилась и даже немного расслабилась, перестав изображать изваяние с приклеенной к устам полуулыбкой.

Агнар Наэль появился, как и было решено, на третий танец. Он склонился передо мной, галантный и блистательный.

— Вы позволите, ваше сиятельство, украсть у вас ваше сокровище? — сверкая озорным взором, произнес мужчина.

— С условием непременно вернуть, — надменно ответил диар.

— А если...

— Дуэль, — кратко ответил Аристан, оставаясь все таким же невозмутимым.

Я понимала, что это игра, однако, заметив несколько взглядов, брошенных на хозяина поместья, я поняла, что игра имела так же показательный умысел. Д'агнар Альдис провел четкую границу допустимого.

— Не осмелюсь, — совершенно серьезно ответил агнар Наэль.

— Не сомневаюсь, — не менее серьезно сказал мой жених.

Наш распорядитель вывел меня в круг, сделал жест музыкантам и повел меня в танце. Агнар Наэль оказался умелым танцором и хорошим партнером. Уловив мою неуверенность, он тихо отсчитывал, подсказывая следующее па, и вскоре я уже перестала волноваться и легко втянулась в танец, начав получать от него удовольствие. Мой кавалер, убедившись, что я твердо стою на ногах, перестал руководить моими движениями и начал шутить, поглядывая по сторонам. И когда последние аккорды растворились в воздухе, я вдруг расстроилась.

Агнар Наэль вернул меня моему жениху и тут же растворился среди гостей, спеша исполнять свои обязанности. И вновь в паре со мной вновь стоял диар. Правда, теперь происходила смена партнеров, и вскоре я оказалась напротив какого-то полного агнара. Он сопел и обливался потом, но улыбнулся мне и даже состроил глазки, пропыхтев комплимент. Я поблагодарила и перешла к следующему кавалеру. Это был молодой человек, достаточно приятной наружности. Он не говорил ничего, только осмотрел высокомерным взглядом. Я ответила отрешенным и поздравила себя с маленькой победой.

Следующим напротив меня оказался мой братец. Он сверкнул улыбкой, подмигнул и состроил уморительную мину, заставив меня рассмеяться. И к следующему кавалеру я попала с широкой улыбкой на устах. Он приподнял брови, отвечая мне слегка насмешливым взглядом, но склонил голову и сказал, что я очаровательна. И когда я вновь оказалась в руках своего жениха, он с интересом посмотрел на меня и негромко заметил:

— А вы еще живы, драгоценная моя. Не лежите в обмороке, не трясетесь в судорогах, и даже ваш румянец не похож на румянец смущения.

— Вы ожидали, что так легко избавитесь от меня, Аристан? — совсем забывшись, рассмеялась я.

— Напротив, я буду оберегать вас, как свое самое ценное сокровище, — без тени улыбки ответил диар, и я, наконец, смутилась.

Он хмыкнул и отвел к моему месту, где меня забрал папенька. Сам гостеприимный хозяин отправился оказывать внимание гостям. Мой следующий танец принадлежал опять агнару Наэлю, и времени у диара было достаточно. Я успела увидеть, как он целует руку какой-то даме и идет дальше, одарив ее прохладной улыбкой, похоже, не ответив на ее вопрос, потому что дама досадливо захлопнула веер и исчезла за спинами других гостей.

После я мельком увидела, как мой жених разговаривает с двумя мужчинами, но в следующее мгновение его не было и с ними. Похоже, диар просто обходил гостей, уделяя им минуту-другую времени. А потом вихрь музыки, нарядов, духов захватил меня, и я совсем потеряла его из виду, полностью отдавшись танцам. Оказывается, это премилое занятие! Веселое и увлекательное. И еще я поняла, что опасалась зря. Еще никто не повел себя подобно той злобной агнаре, из-за которой я оказалась в луже.

Папенька смотрел на меня добрым взглядом, полным любования и умиления, и этот взгляд наполнял душу трепетным счастьем.

— Как же я рад за тебя, Фло, — шепнул мне родитель, возвращая на прежнее место.

Теперь я с интересом смотрела по сторонам, разглядывая собравшуюся публику. Любовалась дамами, чьи наряды пестрели разнообразием цветов, богатством отделки и множеством фасонов. В свете свеч их украшения переливались и играли бликами. Это было похоже на сказку или сон, и так не хотелось, чтобы он заканчивался. Я даже представить не могла, что увлекусь происходящим. Столько времени боялась, представляя себе всякие ужасы, а оказалось все так мило и даже весело.

Время от времени рядом крутился мой вертлявый братец, веселя меня. Порой заговаривали гости, и я от души смеялась их шуткам. Мимо сновали лакеи с подносами. Гости оживленно разговаривали, иногда поглядывали в мою сторону, но я уже не обращала на это внимание, потому что мои мысли были затуманены кружением пар и очарованием вечера. Вскоре вернулся диар и подал мне фужер. Там оказалась вода. Сам он пил вино, и на мой удивленный взгляд, привычно изломил бровь.

— Вас ведь мучает жажда? — спросил мой жених.

— Да, благодарю, — ответила я и больше не спорила. В конце концов, хмель может пойти мне не на пользу.

На восьмой танец я осталась без пары. По видимому, д'агнар Альдис не нашел того, кому сможет доверить меня. Но, признаться, я была даже рада. Хотелось пройтись. В зале становилось душно, и лакеи начинали открывать окна, чтобы впустить свежий воздух. Аристан вновь покинул меня, оставив на попечение брата, решившего отдохнуть. Я опасалась, что дамы начнут воротить от него нос, однако Артиан уже значился в бальных книжечках нескольких агнар и был весьма этим доволен. Братец, со свойственной юности горячностью, отдавался этому вечеру без оглядки, наслаждаясь еще недавно недоступным нам увеселением.

Пока папенька отвлекся на разговор с немолодым диаром, младший агнар Берлуэн подал мне руку, и мы решили пройтись в сторону буфета. В игровой комнате нам делать

было нечего. Брат играл в пару игр, но был игроком слабым, я же вовсе ничего в них не понимала. В буфете мы не задержались, мне ужасно хотелось на воздух, и Арти повел меня к открытому балкону.

— Прихватить что-нибудь прохладительного? — вдруг опомнился братец, когда мы уже покинули буфет.

— Было бы неплохо, — улыбнулась я.

Он вернулся назад, а я неспешно побрела к балкону. Еще не дойдя до него, я услышала голоса и смех. Досадливо поморщившись, я уже хотела развернуться и уйти, когда услышала:

— А ее прическа, какая безвкусица, — говорил женский голос. — Сразу видно, что глупая деревенщина. Волосы даже толком не собраны. Ужасно.

— Совершенно безыскусная девица, — поддакнул голос, принадлежавший мужчине. — Мне довелось с ней станцевать. Она двигается, как... как, простите, корова. Никакой грации.

— Будьте милосердны, — ответил мелодичный голос другой женщины. — Агнара Берлуэн жила в лесу. Должно быть, она там танцевала только с пнями, отсюда и ее деревянные движения.

Ответом ей стал дружный взрыв смеха. Мне стоило развернуться и уйти, но я стояла и слушала, кусая губы. Слезы навернулись на глаза, стало до невозможности обидно. И сколько я не уговаривала себя, что язвительные разговоры за спиной вполне ожидаемы, но услышать их было крайне неприятно. Неужто я так плоха? За что они сейчас так зло обсуждают меня?

— Согласен, девица двигается ужасно, — заговорил новый мужской голос. — Во время их первого танца с сиятельным диаром я обратил на это внимание.

— Они совершенно не смотрятся рядом, — снова заговорила дама с мелодичным голосом. — Он слишком хорош для этой... для этой жабы в зеленом. Она даже платье подобрала соответствующей расцветки. Что его светлость мог найти в это страшенькой агнаре? И ладно бы богатое приданое, так ведь нищета. Ни лица, ни изящества в фигуре. И улыбка такая глупая. Просто невероятно! Зачем ему понадобилось портить себе жизнь женитьбой на этой Берлуэн, когда вокруг так много хорошеньких девушек и женщин? Он ведь будет видеть ее каждый день, ложиться в одну постель, бр-р... Даже представить противно.

— Держи, — голос брата за спиной раздался так неожиданно, что я едва не вскрикнула.

Он сунул в руки мне стаканчики с холодными сливками и направился, было, к балкону, но я отчаянно замотала головой и взмолилась:

— Арти, молю тебя, не стоит. Арти!

— Сестрица, тебе не показалось, что в поместье графа завелись змеи? — неожиданно громко произнес брат. — Целый клубок гадюк. Какое непростительное упущение прислуги.

На балконе замолчали. Вскоре оттуда вышли двое кавалеров и три дамы. Одарив нас насмешливыми высокомерными взглядами, они удалились в сторону бальной залы. Арти проводил их пристальным взглядом суженных глаз. А мне вдруг пришло в голову, что среди женщин я не увидела ни одной красавицы. Одна и вовсе была одета в платье кричащего красного цвета, и на голове ее было странное сооружение, изобилующее цветами. Я завертелась на месте, пытаюсь отыскать зеркало. Неужели я так уродлива, то даже такие некрасивые женщины считают себя лучше меня?

— Ты все еще хочешь на балкон? — непривычным отстраненным голосом спросил брат.

— Совершенно не хочу, — ответила я и вымучено улыбнулась. — Опасаюсь отравиться

чужим ядом.

— Тогда вернемся назад, — младший агнар Берлуэн забрал у меня стаканчики с тающими сливками и первым направился в обратную сторону, но остановился и обернулся ко мне, сердито сказав: — Та, у которой цветник на голове, прыгает, как коза, я был с ней в паре. А ты не смей запоминать, что сказали эти гадюки. Сплошная ложь. Слышишь меня?

— Но я ведь, действительно, танцую плохо...

— Получше некоторых, — ворчливо ответил братец и снова направился вперед.

Я плелась следом, уговаривая себя, что Арти прав, и все, что я услышала, лишь плод человеческой зависти. Однако настроение никак не желало возвращаться. И когда я входила в бальный зал, я изо всех сил старалась держаться, как велел мне жених, старалась не терять лицо. «Тот, кто пытается запачкать вас грязью, сам по уши увяз в ней», — так он говорил. Пусть шипят, им все равно придется склониться перед диарой... Ох, Мать Покровительница, дай мне сил.

Брат отвел меня на мое место, передал папеньке и куда-то исчез. Вскоре вернулся диар. Он присел рядом, посмотрел на меня и нахмурился:

— Вы отсутствовали, Флоретта, — заметил он.

— Я хотела подышать воздухом, здесь слишком душно, — должно быть, моя улыбка выглядела слишком бледной, потому что испытующий взгляд Аристана не покидал моего лица.

— Что произошло за это время? — спросил он.

— Просто устала, — попыталась отговориться я.

— Кто и чем посмел вас обидеть? — диар не желал оставлять меня в покое. — Флоретта, я жду ответа. Вы обещали мне быть искренней.

— Ничего особенного не произошло, — вздохнув, ответила я. — Случайно услышала...

Я подняла голову, и мой взгляд упал на двух из трех дам, которых я увидела выходящими с балкона. Они склонили друг к другу головы, прикрылись веерами, но было ясно, что они продолжают перемывать мне кости, потому что взгляды обеих были направлены на нас с диаром. Меня вдруг охватила злость, и до безумия захотелось указать на них пальцами и сказать: «А вот те агнары сказали, что у вас нет вкуса, и моя прическа ужасна. И инар Рабан, по их мнению, не мастер своего дела, потому что сшил мне лягушачье платье». Но я устыдилась подобного порыва и отвела глаза в сторону.

— Те две кумушки оскорбили вас, — и без моих пояснений понял диар. — Известнейшие в свете сплетницы. Отвратительные особы, но они мне сегодня нужны.

— Зачем? — изумилась я.

— Им будет полезно кое-что увидеть, — как-то очень недобро усмехнулся Аристан. — И не только им. Я хочу знать, что вы слышали...

Договорить он не успел, как и я ответить. Появился агнар Наэль, склонился к уху моего жениха, и я слышала обрывки фраз, произнесенных слишком тихо, чтобы понять, о чем речь. Впрочем, мне хватило услышать «брат Флоретты», чтобы понять, что речь идет об Артиане.

— Прошу прощения, — диар поднялся на ноги. — Разговор продолжим, когда вернусь.

Аристан направился следом за агнаром Наэлем, а я не смогла усидеть на месте. Вскочила и поспешила следом, оставшись незамеченной ни женихом, ни распорядителем. Они прошли до дверей, покинули залу, и я следом за ними. Однако далеко идти не пришлось. Я сразу узнала тех двоих мужчин, что были на балконе. Арти стоял напротив них,

глаза его гневно сверкали, и я услышала слово, которое привело меня в ужас — поединок.

— Остановитесь, агнар Берлуэн, — от ледяных повелительных ноток в голосе диара, я невольно поежилась. В это мгновение он был мне совсем незнаком. — Как осмелились вы затевать ссору в моем доме?

— Эти... агнары оскорбили честь моей семьи! — горячечно воскликнул Артиан.

— И значит, принесут вам прилюдные извинения, — отчеканил д'агнар Альдис. — Оружия никто не обнажит ни сейчас, ни после. И каждый, кто осмелится ослушаться, будет наказан со всей строгостью законов диарата Данбьерг. От наказания не спасет ни знатность рода, — взгляд серых глаз остановился на одном из сплетников, — ни будущее родство. Вам все ясно, агнары?

— Да, ваше сиятельство, — склонились агнары. Мой брат отрывисто кивнул.

— Извинения агнару Берлуэну должны быть принесены сегодня. Я укажу время, и не вздумайте улизнуть. — Теперь диар смотрел только на сплетников. — Вы нанесли оскорбление семье моей невесты, а значит, и мне лично. Если кто-то еще не понял, любой навет на агнару Берлуэн я буду считать наветом на себя лично. Имя моей будущей жены — Альдис, а свое имя я не позволю пачкать грязью. Напоминаю также, как хозяин диарата, я могу менять законы. Запрет на дуэли может временно перестать действовать. Есть тот глупец, кто желает встать против меня?

— Если таковой найдется, я, с вашего позволения, д'агнар Альдис, лично задушу его. Из милосердия, — не скрывая ехидства, произнес агнар Наэль. — К чему продлевать мучение мыши, когда кот уже запустит в нее когти?

Я увидела, как криво усмехнулся Арти, но тут же скрыл ухмылку. Зато сплетники покраснели. Над ними потешались, и ответить при диаре они не посмели. Я вздохнула с облегчением, и мое присутствие, наконец, заметили. Аристан обернулся, с изумлением рассмотрев меня, однако сразу поджал губы, выражая свое недовольство. Агнар Наэль весело мне подмигнул, взял моего брата под руку и увел обратно в бальную залу. Следом направились агнары-сплетники.

— И что здесь делает моя послушная невеста? — сухо спросил Аристан.

— Я услышала имя брата, — попыталась оправдаться я, но перед носом появилась раскрытая ладонь, призывающая замолчать.

— Впредь я желаю видеть, что вы слушаетесь меня, — сказал этот чужой и незнакомый Аристан Альдис. — Не вынуждайте меня приказывать вам, Флоретта.

— Да, — часто закивала я. — Разумеется, ваше сиятельство. Это всего лишь волнение за брата.

— Понимаю, — кивнул диар, накрыв ладонью мое плечо. — Простите, я вышел из себя. Идемте назад.

Я послушно взяла своего жениха под руку, и мы направились в залу.

— Флоретта, я не тиран, — неожиданно произнес Аристан. — Поверьте, мне не доставит удовольствие ссора с вами. Вы дважды ослушались меня. Я просил вас передвигаться сегодня вечером в моем сопровождении, вы ушли с братом. Сейчас я просил вас подождать моего возвращения, вы отправились следом. Я весь прием построил так, чтобы вы чувствовали себя спокойно, находясь под защитой, однако вы ослушались, и результат оказался весьма неприятен. Вы наслушались о себе гадостей, как я понимаю. Ваш брат затеял ссору в моем доме. К тому же выбрал не ту цель. Агнар Орайтис — опасный соперник. И как бы не смеялся над ним Одмар, но я бы не взялся с точностью сказать исход

поединка, если бы Орайтис встал против меня.

— Простите, — я виновато склонила голову. — Бал затуманил мне разум, и я потеряла осторожность.

Диар остановился, так и не войдя в двери, развернул меня к себе лицом и провел по щеке тыльной стороной ладони, стирая одинокую слезинку.

— Я расстроил вас, Флоретта. Наверное, для вас я слишком жесткий. Однако я таков, каков есть, и вряд ли смогу измениться. У нас прекрасно получалось понимать друг друга, пусть так и остается впредь.

Я заморожено смотрела в глаза своего жениха. Взгляд его сейчас смягчился и стал задумчив. Кажется, он даже не видел меня перед собой. Большой палец диара скользнул по моей нижней губе, очертив ее, после переместился на подбородок, мужские пальцы несильно сжались, и моя голова оказалась приподнята кверху. Кажется, я перестала дышать, ожидая чего-то... необычного.

— У нас с вами все получится, Флоретта, — закончил Аристан Альдис, возвращаясь ко мне из своих заоблачных высей.

— Безусловно, Аристан, — судорожно вздохнув, ответила я почти шепотом, ощущая странное разочарование от того, что он отпустил меня и снова стал слегка отстраненным.

Его сиятельство проводил меня до места, усадил и снова удалился, оставив под присмотром папеньки и брата, уже стоявшего рядом с родителем. Старший агнар Берлуэн пытал младшего о причине недоброй мины на его лице. Заметив нас с диаром, он ненадолго оставил Арти в покое и переключил свое внимание на меня. Аристан кивнул папеньке и снова удалился, бросив на меня короткий взгляд.

— Что произошло? — спросил меня родитель, как только мы остались одни.

— Ничего такого, что стоило бы вашего внимания, папенька, — ответила я.

— Тогда отчего лица моих детей таковы, словно они побывали в переделке? — агнар Динор Берлуэн не желал оставлять попыток дознаться о досадном происшествии, которое привело нас с братом в дурное расположение духа.

— Отец, — не без раздражения отозвался Арти, — все хорошо. Бал великолепен...

— Ах, агнар Берлуэн, сразу видно, что вы никогда не бывали на балах, — посторонний женский голос заставил нас всех троих вскинуть головы.

Увидев хозяйку этого голоса, я почувствовала, как кровь отлила от моего лица, а в следующее мгновение бросилась обратно. От гнева и обиды запылали даже уши. Зачем диар пригласил эту злую женщину, едва не убившую меня? Неужели правила приличия оказались сильнее покушения на его невесту? Ведь не далее, как четверть часа назад, он говорил, что все оскорбления, адресованные мне, он принимает на свой счет. Так зачем же здесь агнара Керстан?!

Сия дама смотрела исключительно на меня. Ее самоуверенности и высокомерию позавидовала бы и королева. Столько было во всей ее позе и взгляде превосходства, что мне захотелось забиться в какую-нибудь щель и не показывать оттуда носа, чтобы вновь не оказаться в опасности. За ее плечом я заметила уже знакомый цветник на голове, и вторая дама также была с агнарой Керстан. Их губы кривились в насмешливых ухмылках.

— Что вам угодно? — ледяным тоном спросил мой отец. — Желаете извиниться за то, что чуть не убили мою дочь?

Агнара Керстан перевела на папеньку взгляд и в фальшивом недоумении приподняла брови:

— Разве мне есть за что извиняться? Лошади понесли, мой кучер уже наказан за нерадивость. Моей вины в произошедшем нет. А то, что ваша дочь оказалась в луже, так на то было ее собственное желание. Такое поведение простительно девице, прожившей в лесу всю свою юность. К тому же ее молодость уходит, возможно, слепота и неуклюжесть — это первые предвестники старости, откуда же мне знать.

— Слушайте вы! — мой брат побагровел. Глаза его лихорадочно сверкали, и Артиан процедил сквозь зубы: — Или мне стоит кричать в полный голос, бабушка?

— Какая неучтивость! — воскликнула женщина с цветником, и я признала в ней обладательницу красивого мелодичного голоса.

— Оставьте, Адетта, — усмехнулась агнара Керстан, — разве же можно обижаться на тех, кого этикету обучали лягушки на болоте?

Гадюки с готовностью захихикали, кажется, кто-то из гостей, стоявших неподалеку, тоже рассмеялся. Мой папенька с достоинством распрямил плечи и приготовился уже ответить, как его прервал неожиданно жизнерадостный голос хозяина поместья.

— Агнара Керстан! — Аристан вышел вперед. — Так вот, где вы притаились. А я вас искал. Как поживаете, дорогая моя?

Женщина присела в реверансе, на губах ее появилась совсем иная улыбка. Она открыла, было, рот, чтобы ответить, но диар, перебил, не позволяя произнести ни звука:

— Постойте-постойте, а что это с вами? — Его сиятельство замер в задумчивости, погладив подбородок. Его пристальный взгляд неучтиво прошелся по лицу и фигуре агнары Керстан. Мой жених удрученно покачал головой и участливо продолжил: — Что же вы не сказали ни слова о том, что находитесь в бедственном положении? Если ваш муж обратится ко мне, я непременно ссужу ему денег. Кажется, в этом платье вы уже появлялись в свете, не так ли? Но послушайте, голубушка, это же дурной тон, кто учил вас манерам? До недавнего времени вы представлялись мне особой благородного воспитания, и вдруг такой промах...

— Ва...

— Определенно, — вновь перебил побледневшую женщину диар. — Да и этот ужасный гарнитур. Дорогая агнара Керстан, обратитесь к моему камердинеру, он даст вам адрес отличного ювелира. — Его сиятельство вдруг потер подбородок. — Постойте, я узнаю его. Разве такую грубую вещицу, как это кольцо, можно забыть? — Теперь на его лице мелькнуло изумление, смешенное с отвращением. — Так это вы напали на меня месяца два назад на приеме в доме агнара Далеини? Ну конечно, вы, ни у кого больше нет столь ужасной вещицы. А я-то все гадал, кто та возмутительно пьяная женщина, что висла в темном коридоре на моей шее и говорила непристойности. Постойте! — Аристан Альдис чуть склонился, скривился и обмахнулся ладонью. — Да вы же снова нетрезвы! Как иначе объяснить столь возмутительное поведение в моем доме. Благородные агнары, а вам не кажется, что агнара Керстан пьяна?

Взгляд диара скользнул по лицам притихших гостей.

— Да, похоже, что вино сыграло с этой дамой злую шутку, — невозмутимо ответил мой папенька. — Ту ересь, что несла агнара до вашего появления, вряд ли возможно ожидать от трезвомыслящего человека.

— Значит, мне не показалось, — удовлетворенно кивнул Аристан.

В это мгновение подошел лакей с подносом, на котором лежали пирожные. Он появился из-за спины агнары Керстан, хватавшей ртом воздух. Диар обернулся ко мне:

— Драгоценная моя, вы, кажется, хотели пирожных? Я не знал, каких точно, потому

приказал принести разных.

Я удивленно взглянула на своего жениха. Никаких пирожных я не просила, это помнила точно.

— Благодарю, ваше сиятельство, — ответила я, и лакей направился ко мне...

Но вдруг запнулся, попытался перехватить поднос, однако не преуспел в этом. Из-за неловкого движения поднос взлетел в воздух, и пирожные попали на агнару Керстан, оставив на ней следы крема. Она вскрикнула, поднос упал, оглушительно загрохотав в воцарившейся тишине. Лакей трагически заломил руки, глядя на крем, ползущий по груди благородной дамы. Жирные белые кляксы расплзались по атласной ткани.

— Какая досадная случайность, — сокрушенно вздохнул диар. — И ведь никого не обвинишь, всего лишь нерадивость слуги. Впрочем, возможно, вы не устояли на ногах и сами подтолкнули под руку моего лакея? — мужчина задумчиво потер подбородок. — Как жаль, что вы такая грязная, агнара Керстан. Боюсь, столь нечистая особа не может более задерживаться в моем доме. Покиньте мое поместье немедленно.

Мой жених брезгливо передернул плечами и перевел взгляд на гадюк-сплетниц.

— Думаю, вам стоит помочь агнаре Керстан. Проводите ее до дома, — последняя фраза прозвучала приказанием. А после усмешка искривила губы диара: — И лучше оставайтесь за крепкими стенами ваших домов. На улицах нынче небезопасно, того и гляди очередной неуправляемый экипаж переедет вас, если не успеете отпрыгнуть. И кто знает, не окажется ли на вашем пути грязная лужа.

Побледневшие дамы поспешили покинуть бальную залу. Всхлипывающую агнару Керстан вывел из зала ее супруг, бросивший на диара хмурый взгляд.

— К вашим услугам, — холодно произнес Аристан.

Мужчина ничего не ответил. Перед ним и его женой гости расступались, спешно уходя с дороги и отворачиваясь, словно от прокаженных. Однако на этом представление, разыгранное диаром, не закончилось. Улыбнувшись одними уголками рта, его сиятельство отпустил нерасторопного лакея. Слуга склонил голову, собрал на поднос то, что осталось от пирожных, и исчез. Вскоре его сменили горничные, замывшие скользкое пятно. А мой жених, оглядевшись, громко произнес:

— Агнары Орайтис и Ниельс, будьте любезны, подойдите ко мне. Кажется, у вас осталось одно незаконченное дело перед поездкой домой.

Мужчины вышли вперед. Стоит признать, что держались они с достоинством, глаз не отводили, но и ослушаться не посмели.

— Мы приносим свои извинения семейству Берлуэн за недозволительные речи.

— Вы принимаете извинения, агнары Берлуэн? — осведомился сиятельный диар.

— Принимаем, — ответил папенька. Арти поджал губы и кивнул.

— Теперь вы можете откланяться, — холодно сказал агнарам-сплетникам хозяин поместья. — Мы вас больше не задерживаем. — Затем обернулся к благородному собранию. — Среди моих гостей остались те, кто желал бы поссориться со мной и отправиться домой прямо сейчас?

Таковых не нашлось. Д'агнар Альдис удовлетворенно кивнул и протянул мне руку:

— Вы задолжали мне множество танцев, драгоценная моя, — сказал он, и музыканты заиграли, повинувшись жесту нашего распорядителя...

Первый день осени наступил так неожиданно, что я, осознав, что пора идти под венец, невероятно изумилась. На удивление, я не испытывала ни трепета, ни страха, словно это день не менял в корне всю мою жизнь. Впрочем, не так уж это было далеко от истины. С того дня, как я приехала в поместье его сиятельства, домой я уже не вернулась. Мои надежды на то, что после бала я окажусь в родных стенах, не сбылись. Такого было решение диара. Он посчитал, что для меня будет лучше остаться рядом с ним, и в поместье Берлуэн отправился только папенька и близнецы. Артиан остался со мной, но эта мера была необходима лишь для соблюдения приличий. И я была рада тому, что брат будет рядом, это на некоторое время отодвинуло мое одиночество в огромном дворце Данбьергского диара.

Правда, я бы покривила душой, если бы сказала, что провела этот месяц скучно. Агнар Наэль остался в поместье д'агнара Альдиса до нашей свадьбы, и его присутствие неизменно скрашивало нашу жизнь. Веселый, а порой и чересчур фривольный нрав этого человека то доводил меня до крайней степени замешательства, то заставлял хохотать, но никогда не оставлял равнодушной. Братец находился от гостя моего жениха в бесконечном восхищении. С его языка не сходило имя агнара Наэля. И даже когда его не было с нами рядом, мне казалось, что сей достойный муж так и не покинул нашей компании. Арти захлебывался от восторга, когда передавал мне изречения нового знакомца. Да и сам агнар Наэль, кажется, решил взять над моим братом покровительство. Периодически они исчезали из поместья, а возвращались навеселе, шумно обсуждая свои проделки. Впрочем, стоило им завидеть меня, как лица двух гуляк принимали постное выражение, они раскланивались и спешили убраться с моих глаз, пока я не поняла, что взрослый агнар в очередной раз бессовестно развращает моего брата.

Диара я за этот месяц видела не так часто. Он занимался делами диарата, коих накопилось немало за то время, пока он тратил время на наше семейство. За завтраком Аристана уже не было, он вставал гораздо раньше нас лежебок. К обеду его светлость возвращался в поместье, но к нам присоединялся нечасто, в основном, уходил в свой кабинет и продолжал работать. Зато ужин всегда проводил с нами, или же со мной, если братец и гость диара исчезали в неизвестном направлении. Не скажу, что мы вели оживленные беседы. Чаще Аристан читал, сидя в своем любимом кресле с бокалом темно-бордового вина. Я занимала кушетку, забиралась на нее с ногами и вышивала или тоже читала, исподволь наблюдая за своим женихом. Если мой взгляд становился слишком назойливым, его сиятельство отрывался от газеты или книги, смотрел на меня, и я тут же спешила опустить голову и сделать вид, что поглощена своим занятием.

— Вам удобно, Флоретта? — спрашивал меня диар. Или же: — Вы не замерзли? — Или: — Ничего не желаете? Может, распорядиться насчет чая?

— Нет, благодарю, Аристан, — неизменно отвечала я, ощущая интимность и уют этих вечерних часов.

Он смотрел на меня еще некоторое время, после возвращался к чтению, и я вновь начинала подглядывать за своим женихом. Если же неутомные агнары присутствовали на вечерних посиделках, то д'агнар Альдис присоединялся к ним. Мужчины играли, делая символические ставки, потягивали вино, негромко переговаривались, посмеиваясь над собственными шутками. Мне же вновь доставалась роль зрителя, коей я не брезговала, получая удовольствие от своих наблюдений.

Однажды они пригласили меня к себе, но я быстро запуталась в правилах, и меня

отправили «вязать свой бесконечный носок», а также указав, что «женщины опошлят любую благородную забаву своими замечаниями». Пофыркав и возмущенно посопев, я вернулась к вышивке, но вскоре усмехнулась, глядя на великовозрастных мальчишек — диара и агнара, которые на повышенных тонах обвиняли друг друга в нечестной игре. Арти переводил взгляды с одного на другого мужчину, приоткрыв рот и жадно внимая им. Закончилось все неожиданно:

— Дуэль, — потребовал Аристан.

— Я тебе уши отрежу, Альдис, — воинственно возопил агнар Наэль.

— Лучше купи себе пенсне и научись играть, — высокомерно ответил диар.

— Что вы задумали? — с тревогой спросила я, вскакивая со своего места.

Меня одарили тремя недоуменными взглядами, даже мой братец взирал на меня, как на неожиданное недоразумение. Я сжала кулаки и решительно шагнула к ним. Диар взял меня за руку и повел за собой.

— Идемте, — коротко велел он.

— Да-да, пусть твоя невеста увидит, как я уделаю тебя, — жизнерадостно воскликнул Наэль.

— Опять спешишь, Одмар? — усмехнулся мой жених.

— Арти! — я обернулась к брату, ища его поддержки, но он только развел руками, показывая, что бессилен.

Мы пришли в зал, стены которого оказались увешаны оружием. Здесь я не была еще ни разу и, как только Аристан выпустил мою руку, занялась осмотром смертоносного великолепия. Впрочем, от созерцания меня отвлек звон стали. Я порывисто обернулась и вздохнула с облегчением. В руках мужчин появились рапиры, всего лишь рапиры. Диар заметил, как я выдохнула и лукаво подмигнул. Смущенно улыбнувшись, я подошла к банкетке и присела рядом с сюртуками агнаров, небрежно сброшенных на нее. Арти встал рядом, накрыв мое плечо ладонью, и воззрился на дуэлянтов.

Мужчины склонили головы, отсалютовали рапирами друг другу и встали в стойку. Я невольно залюбовалась своим женихом и оттого пропустила начало их словесных выпадов, которые они чередовали с выпадами рапирами. А когда очнулась, услышала:

— Арис, признайся, что опять смухлевал, — требовал Одмар Наэль. — Ты всем известный плут. Если признаешься, я пощажу тебя и не унижу своей победой в поединке.

— Наэль, ты слишком самоуверен.

— Альдис, проклятье, но ты же мухлевал!

— Чем докажешь?

— Своей победой!

— Тогда победи.

— Хорошо. Тогда, если я выиграю, я требую компенсацию, которая удовлетворит мое попранное тобой самолюбие.

— И что же ты хочешь, Одмар?

— Поцелуй прелестной агнары Флоретты, — я охнула, глядя на широкую ухмылку нахального агнара.

— Не зарывайся, — холодно ответил Аристан.

— Хорошо, тогда ты сделаешь то, что отказался сделать три года назад.

— Ты был зверски пьян и только безумец встал бы тогда под дуло пистолета.

Я ощутила новый прилив тревоги. Арти с интересом внимал разговору дуэлянтов, не

прервавших свой поединок ни на мгновение. Я слушала, как звякает сталь, смотрела на их быстрые перемещения и снова любовалась своим женихом, чьи волосы взлетали от резких движений. Всегда безупречный порядок его прически был нарушен, и я отметила, что вольность в облике ему невероятно идет. Расстегнутый ворот рубахи, поддернутые рукава, в беспорядке разметавшиеся волосы — все это делало диара более человечным, более живым. Глаза его сейчас поблескивали азартом поединка, и корка льда, обычно сковывавшая взгляд, исчезла. Теперь мне было проще представить гуляку и повесу Аристана Альдиса. И мысли о его прошлом невольно заинтересовали. Я решила, что при возможности, все же расспрошу диара, когда он станет уже моим мужем.

— Но сейчас я трезв, и ты не можешь сомневаться в верности моего глаза и твердости руки, — возмутился Наэль.

— Ты хочешь оставить мою невесту вдовой еще до свадьбы? — насмешливо спросил диар.

— Арти, о чем они? — спросила я, встревожено заерзав на своем месте.

Брат пожал плечами и продолжил следить за поединком.

— Арис, я настаиваю, если выиграю я: поцелуй твоей невесты, или ты водрузишь себе на голову треклятое яблоко и дашь мне доказать тебе, что я меткий стрелок.

— Тебя так задел тот спор? — с усмешкой спросил д'агнар Альдис.

— Спать не могу, есть не могу, даже на дам смотрю через раз, вот как ты оскорбил меня недоверием! Если трусишь, я готов подставить щеку под поцелуй милой агнары Флоретты.

— Ты много на себя берешь, — уже серьезно ответил диар.

— Ты вел нечестную игру, и я имею право потребовать настоящей сатисфакции. Поцелуй или яблоко.

— Сначала победы, потом требуй, — буркнул Аристан.

Теперь я уже не упускала ни слова. Веселье перестало мне казаться таковым. Кажется, и сами мужчины разошлись не на шутку. Диар теснил агнара Наэля, уже не давая ему возможности провести контратаку. Гость его сиятельства теперь все больше оборонялся. Лицо его стало сосредоточенным, из глаз исчезло лукавство. Вдруг пальцы Арти, с волнением следившего за дуэлью, сильно сжались на моем плече, причинив боль. Я громко вскрикнула от неожиданности, и мой жених на мгновение обернулся. Этого хватило его противнику, чтобы увернуться и нанести укол в грудь.

— Туше! — восторженно закричал Одмар Наэль. — Арис, я все-таки выиграл! Я выиграл у тебя!

Нам с братом достался сердитый взгляд серых глаз. Я терла плечо, все еще ощущая пальцы брата. Агнар Берлуэн виновато посмотрел на меня и негромко произнес:

— Прости, сестрица. Я не хотел.

— Что у вас произошло? — спросил Аристан, подходя к нам.

— Я был неловок и сделал больно Флоретте, — пояснил мой братец.

— Вам нужна помощь? — спросил меня диар.

— Нет, скоро пройдет, — ответила я, но тут же поднялась на ноги и приблизилась к д'агнару Альдису. — О чем говорил агнар Наэль? Вы теперь что-то ему должны?

— Успокойтесь, дорогая, — улыбнулся Аристан. — Ничего страшного не произойдет.

Артиан, попросите принести яблоко, — обратился диар к моему брату.

— И пистолет! — крикнул довольный Наэль. — И пусть зарядить не забудут.

— Пистолет я сам заряджу, — ответил мой жених и вышел вслед за агнаром Берлуэном.

Я нахмурилась. Мне совершенно не нравилось происходящее. Я подошла к Одмару Наэлю и заглянула ему в глаза.

— Что вы собираетесь делать? — спросила я.

— Доказать одному высокомерному диару, что не только он блещет талантами, — усмехнулся агнар. — Три года назад он высмеял меня, когда я сказал, что могу сбить с головы человека яблоко. Я предложил ему проверить меня, но этот... ваш жених, забрызгал меня ядом иронии и испарился, оставив вашего покорного слугу скрежетать зубами. Арису я прощу, что угодно, но меня снедает желание ткнуть его сиятельный нос в то, что он оскорбил своего друга понапрасну.

— Так вы хотите, чтобы его сиятельство поставил себе на голову яблоко? — охнула я. — И будете в него стрелять?

— Угу, в яблоко, — кивнул агнар Наэль.

— Нет! Не надо! — испуганно воскликнула я, молитвенно складывая руки.

— И вы? Агнара Флоретта, и вы тоже не верите в меня? — Наэль одарил меня сердитым взглядом. — Я отказываюсь с вами разговаривать до завтрашнего утра, я смертельно обижен.

Когда вернулся Арти с яблоком и диар с пистолетом, я уже извела себя и агнара Наэля мольбами отказаться от опасной затеи. Агнар Одмар стоял, заткнув уши, не желая меня слушать и не отвечая, как и пообещал. Увидев пистолет в руках Аристана, я бросилась к нему, воскликнув в порыве отчаяния:

— Ваше сиятельство, Богиня с вами, давайте я поцелую его, от меня не убудет!

Диар бросил на меня обжигающий холодом взгляд.

— Подобные заявления я слышу от вас, агнара Берлуэн, в первый и последний раз, — отчеканил он. — Наэль, идем. Здесь стрелять опасно.

Мой жених направился к дверям, я поспешила следом. Однако он остановился, ухватил меня за локоть и, дождавшись, когда нас догонят, Артиан и агнар Наэль с яблоком в руке, велел:

— Агнар Берлуэн, присмотрите за своей сестрой. Мы вскоре вернемся, ожидайте нас в гостиной.

— Но... — начала я.

— Разве мы не договорились с вами, дорогая невеста? — сухо спросил меня Аристан, глядя в глаза.

— Да, простите, — сникла я и последовала за недовольным братом, который явно сокрушался, что пропустит, как мой жених получит пулю в лоб.

Диар и его гость свернули в противоположную от нас сторону, а братец потащил меня в указанном Аристаном направлении. Я не находила себе места, мерила гостиную шагами, пока не дошла до окна и не замерла, заметив среди деревьев слуг с канделябрами в руках. Разглядела я так же ноги агнара Наэля, а вот Аристана Альдиса за густым кустарником не увидела. Мать Покровительница! Ну что же за безумие?! Такие опасные игры, да еще и впотьмах! Что хотел доказать диар, что не ведает страха? К чему ненужная отвага, когда разговор идет о жизни? Никогда я не пойму мужской бравады...

А потом грянул выстрел, и я вскрикнула, закрыв рот ладонью. Арти подбежал ко мне, я спрятала лицо на его плече. Брат гладил меня по спине, продолжая всматриваться в темноту за окном.

— Идут! — вдруг воскликнул он. — Оба идут, Фло. Успокойся, ты все-таки выйдешь замуж.

— Горите вы все в огне! — зло воскликнула я, вырвалась из объятия брата и бросилась прочь из гостиной.

Меня трясло от пережитого волнения, от страха и гнева. Закрывшись в своей комнате, я дала волю слезам, а спустя некоторое время в дверь раздался стук.

— Флоретта, откройте.

Вытерев слезы, я открыла дверь и посмотрела на диара. Он развернул меня, взял за плечи и подвел к кушетке. После усадил и сел рядом, взяв за руку.

— Вы испугались, — сказал мужчина, я промолчала. Разговаривать ни с кем из участников несостоявшегося убийства не хотелось, включая и моего брата. — Одмар — лучший стрелок из всех, кого я знаю. Поверьте, если бы я не был в нем уверен, я бы не подставился под пулю. Разумеется, и требование с поцелуем не удовлетворил бы.

— Он выиграл в дуэли, этого было достаточно, — ответила я.

— Достаточно, но он бы не отвязался, — сказал Аристан. — Я устал уже слушать его причитания о недоверии. Теперь агнар Наэль утомонится.

— Это было страшно, — всхлипнула я. — Еще и в темноте.

— Он с завязанными глазами не промахивается, — улыбнулся его сиятельство. — Мне ничего не угрожало, я был в этом уверен.

Я подняла на взгляд на своего жениха и выпалила:

— Когда я стану вашей женой, я запрещу вам рисковать жизнью ради забавы.

— Своей супруге я не смогу отказать, — его улыбка стала шире.

Мужчина поднес мою руку к губам, но поцеловал в этот раз ладонь, чем привел меня в замешательство.

— Вы прощаете нас? — спросил диар.

— Я все еще злюсь, — проворчала я.

— Чем мы можем загладить свою вину? — он склонил голову к плечу, и я невольно улыбнулась.

— Вы будете меня слушаться, — ответила я. — Агнар Наэль не разговаривает со мной до завтрашнего утра, я продлеваю молчание до завтрашнего вечера. С братцем я буду иметь разговор лично.

— Вы загоняете меня под каблук, Флоретта? — с наигранным ужасом спросил Аристан. Я смутилась, и мужчина вдруг провел по моей щеке тыльной стороной ладони. — Но мне приятно, что вы волновались за меня. Вернетесь в гостиную?

Я отрицательно покачала головой.

— Пожалуй, лягу спать.

— Отдыхайте, драгоценная моя, — он снова поцеловал мне руку и покинул мои комнаты. Утром под дверями я обнаружила три корзины цветов с записками. Мужчины приносили мне извинения. Агнар Наэль развлекал весь день, как только мог. Я смеялась, но разговаривать начала не раньше вечера. Я тоже могу быть упорной.

Утро перед свадьбой я решила провести в седле. Мой учитель верховой езды больше не посещал меня, и зачастую компанию мне составлял брат, иногда к нам присоединялся агнар Наэль. Но сегодня мне хотелось одиночества. Спустившись в конюшню, я попросила сделать Золотце. Моя лошадка встретила меня фырканием. Улучив момент, она ткнулась мне в ладонь, пощекотала мягкими теплыми губами и разочарованно отвернула морду.

— В этой руке, — рассмеялась я, добывая вторую руку из-за спины и показывая Золотцу прихваченное яблоко.

Вскоре я восседала на своей лошадке. Уже отъехав от конюшни, я бросила взгляд на дворец. Окна его были пусты и безмолвны. Никто не наблюдал за мной, никто не спешил увещевать, что невесте перед свадьбой стоило бы предаваться мыслям о своем будущем супружестве, а не кататься на лошади. Умироотворенно вздохнув, я отвернулась и пустила Золотце рысью.

Было приятно осознавать, что мое воспитание окончено. Некоторые из учителей еще приходили, но большую часть времени я была уже предоставлена собственным удовольствиям. Папенька также больше не будет указывать мне. Правда, теперь вместо него это будет делать мой супруг, и еще стоит задуматься, кто строже. И всё-таки муж — это муж... Ох, Богиня, сегодня у меня появится муж, самый настоящий, не выдуманный в девичьих грезах. Мое имя изменится, и мужчина, о котором мечтало столько женщин, станет безраздельно моим.

Представить, что диар будет принадлежать мне, оказалось столь же сложно, как начать себя считать хозяйкой этого поместья. На мгновение меня охватило волнение, но уже через несколько минут я вновь была спокойна. Все-таки за этот месяц я уже почти привыкла называть дом моего жениха своим домом. Даже одна из моих горничных дня два или три назад оговорила, назвав меня «ваше сиятельство». После чего мы обе застыли в недоумении. Стоит признать, диар неплохо приучил всех нас воспринимать помолвку, как уже свершившуюся свадьбу. Должно быть, именно поэтому я и считала сам обряд лишь шагом, который требуют законы человеческий и Матери Покровительницы.

Выехав за ворота с монограммой моего жениха, свитой причудливой вязью, я направила Золотце в сторону чудесного луга, который полюбился мне во время конных прогулок. Однако свернула к роще, так и не доехав до него. Лошадь вновь шла шагом, а я любовалась деревьями, в кронах которых уже начинали появляться желтеющие листья.

От созерцания меня отвлек топот копыт. Я обернулась к дороге, видневшейся между стволами деревьев. Это был Гром — жеребец диара. Его сиятельство промчался мимо, кажется, не увидев меня, и я даже обрадовалась этому. На компании я сейчас не настаивала, хотелось краткого уединения. Однако до меня донеслось ржание Грома, и топот копыт снова приблизился, меня все-таки заметили.

— Флоретта?! — Аристан был заметно удивлен. — Что вы тут делаете? Вновь решили сбежать, ветреная девица? Учтите, я все равно найду вас и женюсь, даже если вы скроетесь в Прибежище дочерей Матери Покровительницы.

Я рассмеялась, глядя на искры веселья в глазах моего жениха, но смех сам собой оборвался, и я отвернулась, пряча внезапную досаду. Его слова были бы приятны, если бы за ними скрывалось нечто большее, чем то, что было между нами. Не удержавшись, я ответила:

— Ваше сиятельство не любит проигрывать и доводит задуманное до конца. Потому сбегать и прятаться в Прибежище в моих мыслях не было. Я всего лишь хотела немного развеяться.

Диар перестал улыбаться и посмотрел на меня уже серьезно. А я... я довела свою речь до конца:

— К тому же вы столько сил, времени и средств потратили на мое семейство ради этого брака, что сбежать было бы верхом неблагодарности.

— Так вы из одной только благодарности переживаете за меня, печетесь об удобстве и готовы ответить на все мои требования согласием? — совсем холодно спросил Аристан.

— Безусловно, ваше сиятельство, — склонила я голову. — Вы желали иметь послушную

жену, которая будет уважать вас и заботится о вашем благе, не помышляя о большем. И мой долг ответить на ваши чаяния.

Мужчина еще некоторое время смотрел на меня, после чему-то невесело усмехнулся и ответил:

— Вы совершенно правы, агнара Берлуэн. Благодарю вас за то, что вы все помните и все понимаете. Да, я привык доводить начатое до конца. И приложил немало усилий для этой свадьбы. Так идемте же и станем, наконец, мужем и женой.

Не знаю почему, но мне показалось, что я только что уничтожила нечто хрупкое, что зажгло взгляд диара несколько минут назад. Сейчас он вновь был невозмутим и собран. Глаза подернулись знакомой корочкой льда и слова, произнесенные им в следующее мгновение, были, как всегда вежливы, но лишены той игривости, которую я имела счастье увидеть, когда мужчина подъехал ко мне.

— Я только что из поместья Берлуэн. Ваш папенька и сестры уже, должно быть, выехали.

— Я скучаю по ним, — вздохнула я. — За все время, что прожила у вас, я виделась с ними всего пять раз.

— Мы с вами не покидаем диарат, и видеться с родными вы можете сколько угодно. Краткая поездка в столицу, а после можете навещать их хоть каждый день, — Аристан пожал плечами и в мою сторону больше не оборачивался.

Молчание становилось тягостным. Я чувствовала вину и никак не могла понять за что. И хоть его сиятельство не выглядел ни обиженным, ни сердитым, ни раздосадованным. Напротив, лицо его было спокойно, но неприятное чувство вины не давало мне покоя. Измучившись поиском тем для беседы, я спросила то, о чем думала, однако еще ни разу не позволила себе быть слишком любопытной.

— Аристан, — позвала я.

Диар обернулся ко мне, и в глазах его отразилось вежливое внимание.

— Отчего вы не женились раньше? Разве же не нашлось девушки, с которой вам бы хотелось войти в храм?

Бровь д'агнара Альдиса насмешливо изогнулась, и я смущенно потупилась.

— Я был уже помолвлен, Флоретта, — ответил мужчина. — Давно, пятнадцать лет назад. Но помолвка была расторгнута.

— Почему? — удивилась я и прикусила язык.

— Я нашел причину, — усмехнулся диар и подмигнул, как мне показалось, издевательски. — Я ведь не только испорченный и бесчестный человек. А еще и находчивый, вы же знаете.

— Знаю, — шепотом отозвалась я и искоса взглянула на своего жениха. — И всё-таки...

— Смотрите-ка, ваш добрый друг — инар Рабан, — перебил меня Аристан. — Вы готовы к новой порции поклонения? Или же мне побыть неподалеку, чтобы спасти вас от восторгов мастера?

— Побудьте неподалеку, — решила я, опасаясь реакции портного.

Диар хмыкнул и согласно кивнул:

— Будь по-вашему, Флоретта. Не долг ли мужа защищать свою жену?

— Кажется, именно так велит Брачный завет Матери Покровительницы, — улыбнулась я. — Жене же велит заботиться о благе своего супруга.

— У вас это замечательно получится, я уверен, — склонил голову его сиятельство. —

Тогда исполним Завет Богини. И первым буду я.

Мы въехали в ворота, не спеша обогнуть карету инара Рабана, и, не доехав до дворца, свернули к конюшням. Перед воротами конюшни д'агнар Альдис спешился, после помог спешиться мне. Конюхи поспешили забрать Золотце и Грома, а мы с диаром направились к его дворцу. Моя рука покоилась на сгибе локтя жениха, и со стороны мы, наверное, смотрелись мило. На мгновение я представила, что свадьба уже прошла, и я держу под руку своего супруга. Эта мысль мне так понравилась, что я даже напустила на себя важности, но не удержалась и прыснула в кулачок. Аристан покосился на меня, но ничего не стал спрашивать. Я подавила нелепый смех, состроила серьезную мину, однако снова рассмеялась.

— Кхм, — кашлянул диар.

— Это от волнения, — произнесла я, заметив его вопросительный взгляд. — Со мной все хорошо.

— Сложно спорить, — усмехнулся мой жених.

Когда мы подошли к парадной лестнице, по которой поднимался инар Рабан со своими помощниками, несшими мой свадебный наряд, диар вдруг преобразился, бережно снял со своей руки мою ладонь, поцеловал ее и отпустил. После раскинул руки, жизнерадостно воскликнув:

— Инар Рабан, какая удача, что я вас увидел именно сейчас!

— Ваше сиятельство, агнара Берлуэн, — с достоинством поклонился нам портной. — Чем могу служить вам, д'агнар Альдис?

Мой жених взбежал по ступеням, обнял за плечи достопочтенного мастера и потянул за собой:

— Идемте же, мне нужен ваш совет, — говорил диар, все больше разделяя инара Рабана и нас с платьем.

— Но... — попытался заупрямиться мастер.

— Дело касается моей дражайшей невесты, — понизив голос, сообщил инару Аристан. — Уж в этом-то деле вы не позволите мне полагаться только на свой вкус.

И направил на портного такой доверительный взгляд, что мне захотелось захлопать в ладоши и крикнуть: «Браво, ваше сиятельство!». Инар Рабан растерянно посмотрел на меня, после на своих помощников, снова на меня. Затем перевел взгляд на диара и махнул рукой:

— Вы правы, ваше сиятельство, без меня вам точно не обойтись.

И направился вперед хозяина поместья к входным дверям. Мой жених обернулся ко мне, состроил многозначительную физиономию, усмехнулся и поспешил за мастером. Я проводила их взглядом, после заметила подоспевших женщин, служивших мне, кивнула им и поспешила в свои покои. Нужно было привести себя в порядок после прогулки на лошади, перекусить, потому что волнение все-таки появилось, а вслед за ним и аппетит, а там уж и облачаться к обряду.

Усилиями его сиятельства инара Рабана я не видела до тех пор, пока парикмахер не закончил с моей прической и не прикрепил тончайшую вуаль, тянущуюся за мной длинным шлейфом. Нести его должны были мои сестры. Эту честь Мели и Тирли не пожелали доверить никому.

Сами они вбежали в мои комнаты, когда я еще одевалась. Я с умилением взглянула на девочек в новых шелковых платьях изумрудного цвета, расшитых жемчугом. На головах близнецов красовались завитые локоны и искусно сделанные зеленые веточки с нежными

белыми цветами. Премиленькие атласные туфельки с бантиками кокетливо сидели на ножках сестер. Они были похожи на прелестных куколок. Мели и Тирли задрали носы, покрутились передо мной, но вдруг завизжали, захлопали в ладоши и запрыгали на месте, находясь от себя в полнейшем восторге.

— Жаль инар Рабан их не видит, — негромко произнесла моя горничная, наблюдавшая последний экстаз нашего мастера. — Он бы точно упал в обморок. Сколько счастья.

Женщина весело улыбалась, глядя на близнецов, однако быстро опомнилась и прикрыла рот ладонью. Я тепло улыбнулась ей в ответ, показывая, что не сержусь, и вернулась к прерванному занятию. Девочки кружили вокруг меня, с пристрастием и завистью рассматривая мой наряд.

— Когда я буду выходить замуж, я хочу это платье, — изрекла Мели.

— Нет, я хочу это платье, — топнула ногой Тирли.

Сестры обменялись свирепыми взглядами, но их разгоравшуюся войну остановил помощник инара Рабана, которому, наконец, позволили войти.

— Юные агнары, — обратился он к близнецам, — когда вам придет пора выходить замуж, это платье уже выйдет из моды, и вы сами захотите, чтобы вам сшили новые. Наша мастерская сделает это с превеликим удовольствием.

— У нас будет новое платье, — важно произнесла Мели.

— Да, у нас будет новое платье, — поддакнула Тирли.

— Модное.

— И красивое.

— Да-да, — хором закончили они и, наконец, уселись на банкетку, расправив складки своих платьиц.

Когда почтенный мастер портной ворвался в мои комнаты, я встретила его сияющей улыбкой.

— Инар Рабан, вы волшебник! — суровая складка на лбу мужчины разгладилась, и он прижал к груди руки.

— А вы чаровница, душа моя, — ответил портной, сжимая мои ладони. — Ах, какое чудо мне описал его сиятельство... но, тс-с-с...

Мастер плотно сжал губы и мотнул головой.

— Увидите сами, а я нем, я поклялся... Ах, как же мне не терпится... Но тихо. Тихо! — и инар Рабан поднял кверху палец.

Я кусала губы, чтобы не рассмеяться. Мое любопытство мог удовлетворить диар, ведь он не скрыл, что разговор пойдет обо мне, значит, для меня тайны не должно быть. Успокоив свой интерес этими рассуждениями, я опять взяла мастера за руки.

— Благодарю вас за еще одно чудо, инар Рабан, — от души сказала я.

— Для вас я готов творить бесконечно, — не без пафоса ответил портной.

Я отпустила его руки, взглянула в глаза папеньки, стоявшего в молчании у стены. Он кивнул мне и протянул руку. И все пришло в движение. Близнецы ухватились за края вуали, и папеньке пришлось прикрикнуть на них, потому что их черед придет в храме Покровительницы. Горничные бережно подобрали шлейф и направились следом за мной, помогая мне спуститься до кареты, ожидавшей перед парадной лестницей.

Диар уже должен был уехать, чтобы встретить нас с папенькой у храма. Арти и агнар Наэль отправились с ним, они выступали со стороны жениха свидетелями его чистых намерений. Мой брат должен был подтвердить, что не нашел изъяна в избравшем меня

мужчине. После этого папенька передаст мою руку агнару Наэлю, как знак доверия будущему зятю, и старинный приятель диара подведет меня к его сиятельству, и тогда жених сможет ввести свою невесту в храм Матери Покровительницы, где свершится свадебный обряд.

Но все это будет после, а сейчас я усаживалась в богатую белоснежную карету с золотым орнаментом, на крыше которой красовалась корона диары, созданная лучшими мастерами-ювелирами специально к этому торжеству. Преподобной короны, которой украшали карету матери моего жениха, найти не смогли, она исчезла за время его отсутствия. О расследовании кражи мне ничего не было известно. Только то, что дворец дрожал от гнева его сиятельства, и это мне было легко представить.

Запряжена карета была шестеркой белоснежных коней, невероятных красавцев. Я бы непременно обошла их всех, чтобы дотронуться до совершенства, созданного самой Богиней, но на это не было времени, да и выглядело бы странно. Поэтому я безропотно забралась внутрь свадебного экипажа. Горничные устроили мою вуаль так, чтобы близнецы сразу могли подхватить шлейф. Напротив уселся старший агнар Берлуэн с младшими дочерьми, и карета тронулась.

Мы выехали на широкий тракт, который вел к городу, и я закрыла глаза, боясь смотреть в намытое окошко. Сестрицы о чем-то шептались, папенька смотрел на меня, и я чувствовала его взгляд. Открыв глаза, я взглянула на него, и родитель улыбнулся:

— Как же вы сейчас похожи на вашу маменьку, дочь моя. Как бы она сейчас могла гордиться вами. Но я верю, что агнара Берлуэн видит вас, и из ее глаз текут слезы умиления.

— Ах, папенька, — всхлипнула я и закусил губу, не позволяя себе расплакаться и приехать к храму в ужасном виде.

Родитель умиротворенно вздохнул и отвернулся к окошку. Спустя полчаса мы уже подъезжали к Кольберну. Улицы его оказались запружены народом. Я зарделась и вжалась в спинку сиденья. Зато сестрицы высунули в окно любопытные мордашки и восклицали:

— Ого!

— Ничего себе!

— Здесь собралось полмира не иначе!

— Или весь мир!

— Весь мир слишком велик, — усмехнулся папенька. — Это всего лишь горожане, которые хотят поглазеть на свою будущую диару.

— Ох, Богиня, — выдохнула я и зажмурилась.

Что-то ударило в окошко кареты. Я вздрогнула, ожидая улюлюканья или же оскорбления, но это был всего лишь букетик простеньких цветов и поздравления. Проехав сквозь улицы, заполненные зеваками, карета выбралась на главную площадь Кольберна, где стоял Большой храм Матери Покровительницы. В это мгновение я была готова признать себя трусихой, врушкой, да кем угодно, лишь бы не покидать уютного нутра кареты, потому что и площадь была до отказа забита людьми. Их наряды были слишком добротны, чтобы принадлежать простолюдинам. Здесь собралась знать. Судорожно вздохнув, я вознесла короткую молитву Богине, и карета остановилась.

Нарядные лакеи прыгнули с запяток, спеша открыть дверцу и опустить лестницу. После встали по обе стороны от нее и склонились в изящных низких поклонах. Первым из кареты вышел папенька. Он подал мне руку, и я, набрав в грудь побольше воздуха, нырнула на залитую солнцем и запруженную народом площадь. Камни, которыми было расшито

платье, засияли в солнечных лучах, и кто-то охнул, кажется, даже восхищенно. Последними выбрались из свадебного экипажа близнецы. Они степенно шагнули на каменные плиты площади, поддерживаемые лакеями. Девочки сжимали в пальцах мой шлейф, распускавшийся все больше при каждом моем шаге.

Мой взгляд устремился к храму, на ступенях которого стояли мой жених и оба его свидетеля. В отличие от женщин, чей свадебный наряд менялся сообразно моде, мужской оставался неизменным вот уже лет двести или триста. Поэтому диар был облачен в камзол покроя, который носил еще его далекий прапрадед. Штаны были заправлены в сапоги с отворотами, с плеч широкими мягкими складками спадал плащ с вышитым на нем гербом рода Альдис, а на поясе висел обязательный меч в богатых ножнах. Голова оставалась непокрыта, это тоже было правилом. Предстать перед Матерью Покровительницей нужно было с открытыми помыслами. Наряд диара состоял из цветов его рода, по странному стечению обстоятельств, состоявших из зеленого и серебра, совсем как мое платье на моем первом и пока единственном балу. Должно быть, инар Рабан выбрал расцветку для моего наряда с умыслом, желая подчеркнуть мою близость его светлости.

Сказать, что я не могла отвести взора от своего жениха — ничего не сказать. Он был невероятно хорош в этих одеждах старого покроя. Наверное, живи он в те времена, и тогда бы стал центром всеобщего внимания. Стать, рост, широкий разворот плеч, все это, как нельзя больше, было подчеркнуто свадебным одеянием. Меня даже на мгновение кольнула в сердце ледяная иголочка ревности. Сначала причиной тому стало любопытство, на кого из нас сейчас больше смотрят собравшиеся, а после этого и от того, что на моего жениха не могли не смотреть. Он всегда был центром внимания, и сейчас должен был приковывать женские взоры. Выдохнув, я заставила себя об это не думать. В нашем браке будут иные отношения, и я не должна вести себя как глупая влюбленная девица. Это всего лишь дань восхищения мужчиной и не более.

Тем временем папенька подвел меня к ступеням храма, и я поймала взгляд диара. Он пристально следил за мной все то время, пока я шла до храма, а я порадовалась, что мое лицо сейчас скрыто, и о румянце смущения и удовольствия знаю только я.

— Что ты хочешь сказать мне, мой сын? — громко спросил старшей агнар Берлуэна у младшего агнара Берлуэна, когда он спустился к нам.

— Я хочу сказать, отец, — ответил Арти, — что не нашел в намерениях сего достойного мужа ни лжи, ни корысти, ни срамных потребностей, а лишь чистое сердце и желание воссоединиться с моей сестрой и вашей дочерью по законам нашей Покровительницы и Матери, что дала жизнь всему сущему.

— Берешь ли ты, агнар Наэль, на себя поручительство за деяния и намерения своего друга и господина? — строго спросил папенька у Одмара Наэля. — И коли солжешь, то отвечать тебе перед Матерью всего сущего, и пусть постигнет тебя кара, если знаешь ты о тайном умысле и не сказал о нем.

— Мой друг и господин честен и не имеет тайного умысла, — ответил старшему агнару Берлуэну агнар Наэль. — Да, я не страшусь быть поручителем намерений диара Данбьбергского, Аристана Альдиса.

— Вручаю тебе дочь мою, Флоретту Берлуэн, с открытым сердцем и доверием, чтобы отвел ты ее к своему другу и господину диару Данбьбергскому, Аристану Альдису, и пусть свершится обряд, который объединит их перед лицом нашей Матери Покровительницы.

Агнар Наэль улыбнулся мне, незаметно подмигнул и повел по ступеням вверх, где ждал

меня его сиятельство. Диар сделал шаг навстречу и замер, ожидая, когда его приятель передаст ему руку невесты. Я опасалась, что Одмар выкинет одну из своих шуточек, сейчас совершенно неуместных, однако благородный агнар не нарушил традицию и, взяв меня за запястье, произнес:

— Та ли это женщина, кого желаешь ты назвать своей женой, мой друг и господин?

— Та, — коротко ответил диар, и уже громче огласил. — Я признаю свою избранницу агнару Флоретту Берлуэн!

Затем протянул руку, и агнар Наэль накрыл ее моей ладонью. После отступил, и Аристан степенно развернулся к распахнутым дверям храма. Я подняла голову, чтобы увидеть глаза своего жениха и заметила едва заметную улыбку.

— Еще немного, драгоценная моя, — шепнул он, и мы вошли в храм.

Дальше шла следующая часть ритуала. Жених расстилал для невесты мягкий теплый подножник, показывая свою заботу о ней, на который невеста должна была опуститься на колени. Очередной символизм, связанный с культом Матери Покровительницы. В древних книгах написано, что устав от одиночества, наша Богиня зачала и выносила в своем чреве существо непохожее на нее. Когда пришло время рожать, Мать Покровительница разрешилась сыном. Она посмотрела на него и дала имя — Мужчина. Богиня растила сына в любви и нежности, но ей приходилось часто оставлять его одного, и потому однажды Мужчина заскучал.

Чтобы ему больше не было одиноко, Богиня слепила из теста фигурку — подобие себя, прикрепила к фигурке прядь своих чудесных волос, а потом вдохнула жизнь в новое создание и назвала свое подобие — Женщиной. Женщина должна была скрашивать досуг Мужчины, служить ему, развлекать и любить столь же чистой любовью, как любила сына сама Мать Покровительница. Мужчине до того понравилась Женщина, что однажды они совершили грех, и Богиня вознегодовала, обвинив Женщину в том, что ее любовь оказалась не так чиста, как любовь матери. Покровительница изгнала Женщину из мира вечной Жизни, и тогда Мужчина отправился за своей возлюбленной. Богиня наказала Мужчину и Женщину заслушание тем, что лишила сына бессмертия, а Женщину покарала ежемесячными недомоганиями, чтобы, теряя кровь, она осознавала свою хрупкость и уязвимость. Но увидев, как хорошо вместе ее детям, Мать Покровительница подарила им то, что заменило бессмертие — возможность породить новую жизнь. И с тех пор жизнь на земле не угасает.

В память о божественном происхождении мужчины он оставался во время свадебного обряда на ногах. Женщине же напоминали, что она была создана для мужчины, и что она виновна в потере им бессмертия. Как искупение своего греха, невеста проводила весь обряд на коленях. Поначалу женщины стояли на холодном каменном полу, обильно сдобренном мелкими камешками, но позже ввели подножник, решив проявить милосердие. И теперь его расстиланье стало частью обряда, означавшей защиту и заботу.

Диар расстелил передо мной подножник, больше похожий на маленькую перину, помог встать на колени и замер рядом, накрыв рукоять меча ладонью.

— Соедините руки, — произнес священнослужитель.

Я протянула ладонь, и на ней сжались пальцы свободной руки д'агнара Альдиса. Дальше следовали ритуальные фразы и песнопения. Священник взял с алтаря ветвь Древа Жизни и коснулся ею плеча диара, после моего и вложил в наши переплетенные пальцы, благословляя на продолжение рода. Затем снова звучала молитва и в окончании ее

священник спросил диара:

— Готов ли ты вести за собой эту женщину, оберегать ее и защищать от невзгод?

— Готов, — чуть севшим голосом ответил Аристан.

— Готова ли ты быть послушной женой этому мужчине? Заботится о благе его и его потомства, дабы род, идущий от самой Матери Покровительницы, не прервался?

— Готова, — ответила я, и пальцы диара сжались чуть сильнее.

— Ваше единение свершилось перед лицом Матери Покровительницы, благословение получено. Отныне вы муж и жена, и пусть Дерево Жизни даст всходы в вашем саду.

Супруг помог мне подняться, убрал с лица вуаль и заглянул в глаза, после провел по щеке тыльной стороной ладони и тихо сказал:

— Свершилось.

— Да, ваше сиятельство, — прошептала я.

— Простите, д'агнара Альдис, я хотел сказать — свершилось, ваше сиятельство, — он улыбнулся, и мне подумалось, что так тепло он мне еще никогда не улыбался.

— Ох, Богиня, — всхлипнула я.

Диар склонился ко мне и, как велит обычай, коснулся губами лба, делясь благословением Богини. Затем подал мне руку, и мы направились к выходу из храма. Под громогласные поздравления, осыпаемые градом цветов, мы с супругом подошли к карете, близнецы подали шлейф лакеям и отошли. Обрато я ехала одна, мои родные должны были вернуться в поместье диара в другом экипаже. Аристану подвели Грома, он легко вскочил в седло, поправил меч, кажется, не очень красиво обругав древний клинок, и карета тронулась прочь с площади. Диар гарцевал на своем жеребце, держась рядом с каретой.

Обратный путь был даже более волнительным, чем тот, что я проделала в Кольберн. Я все еще не могла поверить, что обряд и правда свершился, и я теперь диара Данбьбергская, д'агнара Флоретта Альдис, и что столь ожидаемое и пугающее событие осталось позади. Нет больше бесприданницы и никому не нужной девицы Берлуэн, есть супруга диара Данбьберга... Невероятно!

В поместье нас встречала вся прислуга. Они не кричали и не забрасывали цветами. Выстроившись в две шеренги, слуги дружно склонились, как только их хозяин спешил и подошел к карете, чтобы помочь мне выйти.

— Люди приветствуют свою хозяйку, — сказал мне супруг, подводя к живому коридору.

— Ваши сиятельства, мы счастливы поздравить вас, — произнес дворецкий, и склонился вместе со всеми.

подавив ненужную неловкость, я шла рука об руку со своим мужем, ощущая тепло его ладони, и оно придавало мне уверенности и сил. А когда мы вошли во дворец, диар сорвал с себя плащ, рывком расстегнул ворот камзола и издал протяжное:

— У-уф. Наконец-то!

Он отстегнул от пояса меч, передал его подоспевшему камердинеру, и снова предложил опереться на него. Мы поднялись к моим комнатам, и супруг галантно поцеловал мне руку.

— Не мешкайте, Флоретта, я скоро вернусь за вами, — сказал он.

Горничные уже бежали следом, чтобы помочь мне избавиться от длиннющей вуали и поправить прическу. Нам с мужем предстояло встречать гостей, которые останутся с нами долгие десять дней, празднуя нашу свадьбу. Мне было сложно представить, как я все это выдержу, развлечений приготовили множество. Но отныне мой долг быть гостеприимной хозяйкой этого дома, а благодаря затее диара с моим проживанием здесь, я уже привыкла и к

дворцу, и к поместью, и к людям. Так что почувствовать себя хозяйкой оказалось достаточно просто.

Когда я уже отходила от зеркала, вернулся мой муж, переодетый в белый фрак. Он удовлетворенно кивнул, увидев, что я уже готова. Теперь вуаль сменила корона диары. На груди д'агнара Альдиса висел медальон — знак его власти, венец супруг не надел.

— Вы очаровательны, ваше сиятельство, — произнес Аристан.

— Вы смеетесь надо мной, — грустно улыбнулась я. — Вас забавляет...

— Флоретта, что за чушь вы сейчас говорите? — искренне удивился диар. — Я всего лишь обратился к вам сообразно вашего нового титула. Сколько можно искать в моих словах подвох? Или вам теперь везде чудятся насмешки? — Однако супруг быстро смягчился. — Я понимаю, вы еще не привыкли. Идемте, нужно встретить гостей.

Мы покинули мои комнаты и направились вниз. Неловкость снесла меня. Что же это я, в самом деле? Не пора ли уже перестать дичиться и искать подвох? Кому же мне доверять, как ни собственному мужу? Я остановилась, вынудив этим остановиться и диара. Он обернулся ко мне, взглянув с удивлением и ожиданием.

— Вы правы, Аристан, — заговорила я. — Я, действительно, слишком увлеклась своими страхами. Обещаю, что с этой минуты буду уверенней в себе. Ведь вы рядом, и единственное, чего мне стоит опасаться, это то, что я могу вас расстроить...

Его сиятельство неожиданно заключил мое лицо в ладони и склонился, глядя в глаза.

— Что же вы все не о том толкуете, сиятельная диара? — спросил он, изучая взглядом мое лицо. — Бесспорно, у нас есть обязательства друг перед другом, но к чему превращать их в рутину? Давайте просто жить, привыкать друг к другу, запоминать привычки и прощать маленькие недостатки. Я не обещаю, что вам будет легко со мной, но менее всего я ожидаю от вас раболепия и желания угождать. Будьте собой и считайтесь с моими пожеланиями — этого вполне достаточно. В свою очередь, обещаю, что ваши нужды и желания не оставлю без внимания.

— Вы хотите, чтобы я оставалась трусишкой и врушкой? — с улыбкой спросила я, пряча волнение от непривычной близости своего супруга.

— Мне было бы жаль, если бы вы потеряли свое очарование дикарки, как бы странно это ни звучало. Однако взросления не остановить, и вскоре вы изменитесь. И все же мне бы хотелось, чтобы в вас сохранилась та трепетность, которая еще полнит ваше существо.

Супруг все еще не выпустил мое лицо из захвата. Большие пальцы огладили мне щеки, и лицо диара стало вдруг близко. Его губы коснулись моих губ, коротко и даже бережно, но я задохнулась от новых для себя ощущений.

— Пора исполнить обязанности хозяев, Флоретта, — сказал супруг, отстраняясь.

— Да, — прошептала я, не сводя с него ошеломленного взгляда. — Безусловно, ваше сиятельство.

— Идемте? — он вновь подставил мне локоть. — Я уже слышу звук подъезжающих экипажей.

Я протянула руку, чтобы воспользоваться галантностью супруга, но тут же отдернула ее и все-таки сказала, чувствуя невероятное волнение:

— Вы меня поцеловали...

— Теперь вы моя жена, и граница, проведенная этикетом, исчезла. Вам было неприятно? — взгляд серых глаз вновь остановился на мне.

— Ох, нет. Разумеется, нет, — поспешила ответить я, заливаясь краской. — Просто...

непривычно.

— Поцелуй — это меньшее из того, что нам сегодня предстоит, — с иронией ответил Аристан.

— Ох, Богиня...

Мужчина негромко рассмеялся, сам накрыл сгиб своего локтя моими пальцами и повел вниз. Я призвала всю свою выдержку, чтобы скрыть смятение от неожиданного поцелуя и последних слов супруга. В конце концов, мысли о ночи и все девичьи страхи сумела подавить, уговорив себя, что это необходимость, и глупо трястись от того, через что проходят все девушки, став замужними. Впрочем, не буду кривить душой, при мысли о ночи я испытывала не только страх и стыд, но и любопытство... Бросив косой взгляд на диара, на чьем лице сейчас отражалась вежливая невозмутимость, сдобренная легкой полуулыбкой, я вздохнула и улыбнулась первым гостям, уже входившим во дворец.

Вскоре мелькание лиц, смена приветственных фраз и поздравлений окончательно изгнали волнение. Празднеством наслаждались не только гости, но и я сама. И если мне казалось, что бал в честь помолвки был великолепен, то сегодня я поняла, что он был лишь тенью того, что творилось в поместье диара Данбьерга сегодня.

Празднество, начавшееся в бальной зале, где сновали расторопные лакеи, спешившие обнести всех гостей бокалами с вином, постепенно переместилось за пределы залы, а после и дворца. Казалось, все поместье превратилось в шкатулку с чудесами. На лужайке перед дворцом был установлен помост, на котором порхали артисты балета под звуки маленького оркестра. По аллеям сновали циркачи, веселя гостей разнообразными номерами. Великаны на ходулях сражались с колотушками в руках за сердце принцессы в платье, сшитом из разноцветных лоскутов. На другой аллее маленькие собачки с султанами на головах везли в тележке кота, на которого надели широкие шаровары и безрукавку. Чуть дальше уморительная обезьянка выделывала замысловатые коленца, приводя зрителей в неизменный восторг. По натянутому канату ходила хрупкая девочка, и сердце замирало, стоило поднять на нее взгляд. Были тут и акробаты, и клоуны, доводившие гостей своими выходками до колик от смеха. Факир глотал шпагу и дышал огнем, словно сказочный дракон.

А на берегу пруда была установлена сцена, где приглашенные актеры разыгрывали драму. По самому пруду скользили лодочки, а в беседках стояли столы с угощением. Увеселений было приготовлено на любой вкус.

Во дворце, помимо танцев в бальной зале, буфета и игровой комнаты, где засели любители подобного развлечения, пела оперная дива, срывавшая овации благодарной публики. Для детей, прибывших со своими родителями, были приготовлены отдельные увеселения. Для них разыгрывал представление кукольник, а стол ломился от сладостей.

Впрочем, празднество коснулось и города. Пока наши с диаром гости веселились в поместье, горожане заперудили площади, где для них играли музыканты, раздавалось угощение, и вина текли хмельными реками. Во сколько обошлось празднование нашей свадьбы моему супругу, я не решилась спросить, но полагаю, что стоило все это весьма и весьма не мало.

Мы с его сиятельством переходили от одних гостей к другим, принимали поздравления и пожелания, улыбались, обменивались шутками и спешили дальше, не желая никого оставлять без внимания. Разумеется, шутил и разговаривал с гостями мой муж, я же искренне улыбалась, чувствуя себя легко и невероятно приятно. Единственное, о чем я

жалела, что не могу задержаться и подольше посмотреть все представления.

— Не расстраивайтесь, драгоценная моя, — успокаивал меня Аристан. — Мы с вами еще побываем и в большом столичном театре, и в королевской опере. И если вам захочется, я снова приглашу циркачей, и они разыграют представление специально для вас.

Мне захотелось захлопать в ладоши и бросится супругу на шею, но, конечно, я обошлась улыбкой и словами благодарности. И снова мы переходили от гостя к гостю, исполняя обязанности радушных хозяев.

А когда наступили сумерки, поместье озарилось огнями фейерверков. Я стояла на балконе и с восторгом взирала на это поистине чудесное зрелище. Мой супруг был рядом, приобняв меня за плечи, и негромко переговаривался с моим папенькой. У агнара Берлуэн было великолепное настроение, глаза сияли, и веселый, зачастую громкий смех, подсказал мне, что родитель во хмелю. Ни злословие, ни скандал сегодня не коснулся нашего семейства. Впрочем, после той прилюдной порки, устроенной диаром на балу в честь нашей помолвки, злые языки примолкли, и со мной старались подружиться. И пусть это было связано с тем, что дружить с д'агнармом Альдисом было в стократ приятней, чем враждовать, но покой и хорошее настроение того стоили.

— Идемте, дорогая супруга, — неожиданно произнес Аристан.

Я подняла на него взгляд. Идти никуда не хотелось. Ноги устали настолько, что хотелось сесть на стул и не вставать уже никогда.

— Ваш отец, Одмар и мои люди уже приняли на себя наши обязанности. Пора вспомнить, что это наш с вами праздник, — ответил на мой взгляд диар. — Лучше сбежать сейчас, не ожидая, когда толпа нетрезвых дам поведет вас в спальню, как того требует обычай, а меня кавалеры напичкают советами и сальными шуточками. Я уже не в том возрасте, когда нужны чьи-то советы. А вас больше перепугают, чем подготовят. Впрочем, если вы желаете соблюдать традиции до конца...

— Нет! — воскликнула я. — Небольшое нарушение традиций никому не повредит.

— Рад, что мы думаем одинаково, — усмехнулся супруг, взял меня за руку и повел за собой, продолжая дарить гостям вежливые улыбки, словно не сбегал вероломно, лишая их еще одного развлечения, возможно, самого желанного — сопровождения молодых супругов в опочивальню. В опочивальню... Мать всего сущего, неужели уже пора?..

Едва дыша, я следовала за диаром. Все благие рассуждения развеялись туманом, и теперь я отчаянно трусила, стараясь не думать, не представлять, что ожидает меня в скором времени. Однако не думать никак не выходило. Перед внутренним взором проходила череда картинок, виденных мною когда-то. То я вспоминала Пустобреху и второго нашего пса, когда кобель лез на нашу любимицу, а маменька закрывала мне ладонью глаза, ругалась на Эггера, что он позволяет собачье непотребство на глазах невинного дитя. Когда я после спросила привратника и сторожа, во что играли собаки, он ответил:

— От этих игр продолжается мир.

Только после я осознала, что хотел мне сказать мужчина. Тогда же пожала плечами, удивляясь негодованию маменьки. То вдруг мне вспомнилось, как братец раздобыл в комнатах папеньки книгу со срамными картинками, притащил мне ее и хихикал, тыкая пальцами в голых мужчину и женщину, сплетавшихся в замысловатых позах. Я тогда закрыла глаза руками и велела унести гадкую книжицу прочь от меня. На папеньку же было совестно смотреть после открытия, что прячет у себя родитель.

А потом мне вспомнилась кухарка с ее поучениями. Теперь я даже жалела, что не

послушала ее рассказов. Возможно, тогда бы страх перед неведомым бы так не терзал меня. Впрочем, если бы послушала, то непременно сгорела бы со стыда.

— До скорой встречи, дорогая супруга, — произнес его сиятельство, и я только заметила, что мы стоим подле дверей моих покоев.

— Д-до скорой, — пролепетала я, запинаясь.

Супруг толкнул дверь, пропуская меня в комнаты, улыбнулся и ушел, оставив меня на попечение горничных. Я малодушно оглянулась на закрывшуюся створу, не к месту вспомнив свой побег к источнику. Затем подумала, что еще ни один мой побег не увенчался успехом, обреченно вздохнула и сдалась своим женщинам.

— Я в вашем распоряжении, — жалко улыбнулась я. — Делайте, что должно.

Горничные обменялись взглядами и спрятали улыбки. После сняли с меня мой чудесный свадебный наряд и отвели в ванную комнату. Горячая вода, сдобренная ароматным настоем, оказала поистине волшебное действие. Усталость, сковавшая члены, ушла, а после того, как одна из женщин помассировала мне ноги, свинцовая тяжесть покинула и их. Однако бодрость не принесла радости, когда я поняла, что сил прибавилось, и сказаться утомленной у меня не выйдет.

Женщины одели меня в красивый тонкий пеньюар, расчесали волосы, поклонились и покинули покои, пожелав приятной ночи. И лишь одна задержалась, чтобы ободряюще улыбнуться и шепнуть:

— Не бойтесь, ваше сиятельство. Хозяин — мужчина опытный, он не обидит вас.

Я ответила ей хмурым взглядом и не без подозрения спросила:

— Откуда вам знать об опыте моего супруга?

Женщина удивленно воззрилась на меня:

— Так ведь не юноша уже, да и в ордене сынов Покровительницы никогда не был.

— Вы правы, — вздохнула я и отпустила горничную.

Оставшись в одиночестве, я прошлась по спальне, нервно переплетая и расплетая пальцы. Дойдя до окна, выглянула на улицу и почувствовала острый прилив зависти к гостям, продолжавшим развлекаться. Я даже рассердилась на них за то, что они веселятся, когда я тут переживаю о своем скором будущем.

Когда диар вошел, я не услышала, занятая своим мысленным ворчанием на гостей. Потому от прикосновения к своим плечам вздрогнула и порывисто обернулась, тут же уткнувшись носом в грудь супруга. Я подняла голову и встретилась с любопытным взглядом его сиятельства. Он некоторое время разглядывал свою дрожащую жену, а после...

— Ам! — резко произнес его сиятельство, и я взвизгнула, пряча лицо в ладонях.

Бессовестный мужчина рассмеялся.

— Простите, Флоретта, — наконец, сказал он, отрывая мои руки от лица. — Вы так забавны в своем священном ужасе перед предстоящим, что я не удержался.

— Ах, ваше сиятельство, — едва ли не со слезами в голосе ответила я. — Как вам не совестно издеваться надо мной? Для меня это все внове...

— И это не может не радовать, — прервал меня муж.

После взял за руку и... вывел из спальни. Наш путь закончился в моей гостиной. На маленьком столике я увидела бутылку в соломенной оплетке, тарелки с легкой снедью, корзиночку со сладостями и тарелку с фруктами.

— У нас был тяжелый день, драгоценная моя, — произнес мой супруг, усаживая меня за стол. — Спешить нам с вами некуда, так ведь? Вы же не против немного отдохнуть в

благословенной тишине, вдали от гостей и бесконечных поздравлений?

— Как же вы правы! — неожиданно вдохновляясь словами супруга, воскликнула я.

Он широко улыбнулся и небрежным жестом указал на стол.

— Вы голодны?

— Безумно, — горячо кивнула я и, откинув стеснение, принялась за закуски.

Да и было бы чего стесняться. Пройдя через страх ожидания неведомого, ложная стыдливость за столом казалась полной глупостью. Диар поглядывал на меня, явно забавляясь и моим неожиданным голодом, и желанием попробовать все, что стояло на столе. Сам он грыз яблоко, не спеша присоединиться ко мне в ночном обжорстве. Затем взял бутылку и разлил по серебряным стаканчикам темно-красный напиток.

— Что это? — с любопытством спросила я, отмечая, что бутылка не винная.

— Вишневый настой, — ответил супруг. — Чудеснейшая вещь. Попробуйте, Флоретта.

Я принялась, вишней, действительно, пахло. Аристан отсалютовал мне своим стаканчиком. Я улыбнулась и сделала глоток. На языке приятно защипало от легкой кислоты. Вкус настоя мне показался замечательным, и я допила все до конца, успев заметить, как в глазах супруга на короткое мгновение мелькнуло что-то хищное, смешанное с удовлетворением, а после сменилось расслабленностью. На устах диара вновь была улыбка.

— Вам понравился настой? — спросил мужчина.

— Приятный, — ответила я.

— Что вы думаете о нашем празднике?

Аристан сменил направление нашей беседы, и вскоре я уже оживленно отвечала на его вопросы, забыв обо всех тревогах. Время от времени он наливал мне замечательный вишневый настой, и я не сразу поняла, что сам диар почти не прикасается к нему.

— Вы меня спаиваете, ваше сиятельство?! — удивленно воскликнула я и рассмеялась над собственным обвинением.

— Вполне возможно, — улыбнулся в ответ мой муж.

В голове моей шумело, щеки пылали и вовсе не от стыда. Мне было невероятно весело и легко. Я погрозила диару пальцем:

— Экий вы негодник, Аристан! — я снова рассмеялась. — То вы не даете мне даже пригубить вина на балу, то подливаете этого вашего нас... настоя.

— Я ведь испорченный тип, Флоретта, вы сами так говорили, — напомнил его сиятельство, не сводя с меня взгляда.

Я снова погрозила ему пальчиком, хотела взяться за свой стаканчик, сказав что-нибудь веселое и значительное, но Аристан вдруг нагнулся и накрыл его ладонью, останавливая меня. После взял меня за руку и потянул на себя.

— Идите ко мне, Фло, — сказал диар.

— Зачем? — вырвалось у меня.

— В ваших волосах что-то запуталась. Я только уберу это, — ответил супруг, и в глазах его появилось коварство.

Я доверчиво поднялась из-за стола, обошла его и приблизилась к мужчине. Легкий рывок, и я оказалась на его коленях.

— Тс-с, — остановил мой порыв к бегству Аристан. — Я просто посмотрю.

Пальцы диара прошли по моим прядям. Затем он отвел волосы мне за спину, и коснулся кончиками пальцев шеи. Я вскинула на супруга взор и замерла, зачарованно глядя на отсвет свеч в его глазах. Сейчас они вовсе не казались застывшим льдом. Теплый взгляд

ответил мне, не тая ни насмешки, ни коварства. На губах мужчины блуждала легкая полуулыбка. Я смотрела на своего супруга и не понимала, что больше пьянит меня — вишневым настоем или этот взгляд, в котором мне увиделась затаенная нежность. Судорожно вздохнув, я закрыла глаза и облизала пересохшие губы.

Прикосновение костяшек мужских пальцев к моей щеке заставило сглотнуть и снова замереть, не открывая глаз, чутко прислушиваясь к собственным ощущениям. Вот едва уловимые касания пропорхали по скуле, спустились к подбородку, а затем подушечка пальца супруга прошла по моим губам. Я взглянула из-под ресниц и вновь прерывисто вздохнула, вдруг обнаружив глаза Аристана совсем близко. словно медленно погружаясь в прохладную глубину чистейшего озера, я тонула в глазах супруга. И когда от его близости вдруг исчез весь воздух из легких, я открыла рот, чтобы с жадностью вдохнуть, и не смогла. Его губы коснулись моих губ, на мгновение замерли, словно смакуя собственные чувства, а после окончательно захватили меня в пьянящий головокружительный плен.

Жалобно всхлипнув, я вцепилась в плечи диара, и он углубил поцелуй, даруя нечто новое, тягучее и темное, словно сама страсть. Была ли тому виной настойка, или же то, что супруг дал мне время успокоиться, но прежнего страха не было. Я чувствовала волнение, даже немного предвкушение, но не страх. Даже моя извечная стыдливость притупилась. И когда ладонь Аристана заскользила по моей спине, я лишь крепче прижалась к нему. Мягкие ненавязчивые прикосновения мужских рук и губ рождали во моем теле незнакомый трепет, и желание узнать, что же будет дальше, победило даже остатки стыдливости.

Муж поднял меня на руки, встал со своего места и направился обратно в спальню. Я прижалась щекой к его плечу и закрыла глаза, прислушиваясь к дыханию Аристана. Он донес меня до кровати, осторожно опустил на нее и потянул пояс своего халата. После навис сверху, вглядываясь в мои глаза.

— Прости меня, маленькая, — вдруг прошептал мужчина.

— Это ведь нужно сделать, — улыбнулась я.

— Нужно, — ответил его сиятельство.

— Мне будет очень больно?

— Настойка притупит неприятные ощущения, — на губах Аристана вновь появилась улыбка. — Я буду осторожен, обещаю.

И он снова целовал меня: лицо, губы, шею. После развязал халат пеньюара и распахнул его. Спустил с плеч вместе с бретелями сорочки, и горячие губы обожгли мне плечо.

— Арис, — прерывисто вздохнула я, когда ощутила на себе тяжесть мужского тела.

Его губы вновь накрыли мой рот, ловя тихий всхлип, и не отпустили из упоительного плена, пока все не было закончено. А когда тяжелое дыхание успокоилось, мой муж улыбнулся и сказал:

— Вот теперь совсем сиятельство.

Эту ночь супруг провел со мной до самого утра. Я засыпала на плече диара, чувствуя, как он ласково поглаживает меня. А утром, когда я проснулась, его уже не было рядом. Только перед постелью стояла корзина с цветами, да на подушке лежала записка, написанная рукой его сиятельства: "Доброго утра, дорогая жена. Спасибо за чудесную ночь".

Лошади резво бежали по мощеной мостовой, цокая копытами по булыжникам. Я сдвинула шторку, с любопытством рассматривая столицу. Не знаю, чего ожидала, но город меня не впечатлил. От Кольберна я и то была в большом восторге. И все же я продолжала разглядывать городской пейзаж, знакомясь с вотчиной Их Величеств. Возможно, моему спокойствию способствовал унылый серый день и дождевые капли, в изобилии стучавшие по лужам. Они оставляли росчерки и дорожки на стеклах каретного окошка, и мой взгляд то и дело перемещался с домов и прохожих, спешивших покинуть улицу, на мокрые кривые дорожки.

Устав смотреть на дождливый город, я перевела взгляд на своего супруга, дремавшего напротив, вздохнула и посмотрела на братца, но и он сидел с закрытыми глазами. После поглядела на агнара Наэля. Мужчина оторвался созерцания дождя в противоположное окошко, ответил мне легкой улыбкой и подмигнул.

— Без фривольностей, — произнес супруг, не открывая глаз. — Одмар, мы уже имели с тобой беседу, как следует себя вести с моей женой.

— Ты же спал! — возмутился веселый агнар.

Один серый глаз приоткрылся, и диар скосил его на Наэля.

— Я душой чувствую, — невозмутимо ответил диар и все-таки усмехнулся, окончательно открывая глаза.

Одмар некоторое время изучал моего мужа, после на губах его появилась ухмылка.

— Понял! — воскликнул он. — Ты подглядывал за своей супругой, увидел, что она смотрит в мою сторону. Сиятельная диара улыбнулась на мое подмигивание, и ты сделал верный вывод. Душой он чувствует...

— Какой умненький агнар, — хмыкнул Аристан и прикрыл зевок тыльной стороной ладони. — Где мы?

— В Деловом квартале, — ответил Наэль.

— Эта дорога выматывает не хуже гостей за десять дней празднеств, — его сиятельство посмотрел на меня. — Скоро вы сможете отдохнуть, Флоретта.

— Я бы с большим удовольствием прошла, — заметила я. — Жаль, погода не располагает к прогулкам.

— Еще находишься, Фло, — Арти сладко потянулся рядом со мной. — Но я бы тоже прошелся. Там совсем мерзко?

Братец отвел в сторону занавеску со своей стороны, выглянул в окошко и удрученно вздохнул. Но вскоре он уже с интересом рассматривал столицу. Агнар Наэль также вернулся к созерцанию мокрых улиц, а я осталась под прицелом взгляда д'агнара Альдиса. Я рассеянно улыбнулась и поспешила отвернуться к окошку, пряча смятение от внимания своего супруга.

Возможно, кто-то подумает, что за три недели замужества уже можно было бы привыкнуть к вниманию мужчины, которого Богиня определила вам в мужья, и будет безусловно прав. Однако, несмотря на то, что диар был почти всегда рядом со мной, исполняя мои маленькие пожелания, и оставался неизменно вежлив, его вежливостью все и заканчивалось. Ничего, что напоминало бы того мужчину, которого я наблюдала в день свадьбы, я не увидела уже на второй день своего супружества.

Нет, его сиятельство был безукоризненно внимателен, как и прежде, но той трепетности, с которой он смотрел на меня, когда поцеловал перед встречей гостей, и нежности, от которой я таяла в нашу первую ночь, больше не было. Препятствие ледок затянул

его взор, и от взгляда супруга по моей коже порой бежали мурашки. Но снова нет, он не был враждебен, и страха я не испытывала, но равнодушие во взоре замораживало кровь. Аристан мог обнимать меня за талию, но мне казалось, что ровно также он положил бы ладонь на колонну или каминную полку.

В мою спальню супруг являлся дважды в неделю, таково было его решение. Но даже в эти минуты он был отстранен и выполнял свои супружеские обязанности, иначе не назвать то, что происходило между нами в минуты ночного уединения. И вспоминая слова Лирии, я все никак не могла понять, что же в этих телодвижениях может быть приятного? Единственное, чего меня удостаивал диар — это поцелуй. Продолжительный и круживший голову вначале, и краткий в конце, словно супруг ставил точку в своем визите. После поправлял одежду, желал мне добрых снов и уходил к себе, не оборачиваясь и не размениваясь на долгие беседы. А я оставалась в холодной кровати, лежала, глядя в потолок, и вспоминала нашу первую ночь.

Наконец, я пришла к мысли, что вся нежность, которая мне почудилась, была навеяна вишневым настоем, и это хмель гнал кровь по моим венам, а не губы моего супруга. К тому же упрекнуть мужа мне было не в чем. Наш брак представлял собой именно то, о чем говорил мне его сиятельство еще в начале знакомства. Обдумав все это, я решила выкинуть из головы девичьи грезы и продолжать придерживаться правил, установленных диаром. Впрочем, он порадовал меня, внеся в них уточнение.

Однажды, уже по дороге в столицу, когда мы остались наедине в нашей с ним комнате в дорожной гостинице, я высказала одолевавшие меня соображения. Верней, изложила их в вопросе:

— Аристан, вы ведь вели жизнь бурную, судя по намекам агнара Наэля...

— Это прошлое, — ответил его сиятельство, снимая жилет и небрежно бросая его на стул.

— Да, безусловно, — согласно кивнула я. — Но в этом прошлом вы ведь были не одиноки, и, возможно, когда мы приедем в столицу...

Супруг развернулся ко мне и посмотрел с легким недоумением.

— Что вас тревожит, Флоретта? Говорите прямо, намеки ни к чему, — снова прервал меня диар.

Я поджала губы, собираясь с силами, но под его немного насмешливым взглядом выпалила:

— Любовница! Аристан, наш брак не основан на чувствах, и я имею право предположить, что у вас осталась женщина, к которой вы равнодушны... Мне не хотелось бы выглядеть в глазах света...

— Ах, вот вы о чем, — диар оперся ладонью о стол и едва заметно улыбнулся. — Могу вам обещать, ваше сиятельство, все мои прошлые связи остались в прошлом. В моем настоящем и будущем только вы. В этом я могу вам поклясться. — Затем взгляд его смягчился. — Флоретта, моя жизнь была слишком насыщена, чтобы я рвался за новыми приключениями. И, скорей, мне стоит опасаться, что вас коснутся слухи о некоторых моих... шалостях, чем вам переживать о том, что я сделаю из вас посмешище своим поведением. Запомните мои слова и не сомневайтесь в собственном супруге.

И я поверила. Его сиятельству не верить было невозможно. Слишком обстоятельным и строгим он был человеком. К тому же у меня еще ни разу не возникло повода усомниться в правдивости его слов, а его холодность не давала заподозрить в диаре того, кто будет бегать

за чужими юбками. Хотя... Откуда мне было знать, как ведет себя влюбленный мужчина? В романах влюбленные совершали множество глупых и необдуманных поступков. Возможно, если кто-нибудь затронет его сердце, все клятвы развеются с ветром, и мои худшие опасения подтвердятся. Но пока я не видела повода для сомнений, кроме собственных фантазий, а значит, продолжать в том же духе было бы неверно и губительно для наших ровных отношений с супругом.

Я не скажу, что чувствовала себя несчастной в своем браке. Для этого прошло слишком мало времени, да и поводов для того, чтобы быть несчастной я не видела. Мой муж хорошо заботился обо мне, не насмехался и не унижал. Мог быть ироничным, если я давала ему повод своей наивностью, но делал это беззлобно, и обижаться на него причин у меня не было. К тому же его забота о моей семье и вовсе искупала все те глупости, которыми некогда была забита моя голова. Я никогда в жизни не была влюблена, потому думать о том, что я что-то потеряла, не было смысла. Да и что я потеряла, кроме нищенского существования в глуши и безвестности, без всяких надежд на будущее? Ни-че-го. Зато приобрела положение в обществе, мужа, который управлял целым диаратом. К тому же мой муж был еще не стар и недурен собой. Относился ко мне так, что многие женщины могли бы мне позавидовать. Так стоило ли ждать большего, когда судьба и так преподнесла мне настоящий дар? Разумеется, нет. Нужно было быть благодарной, и я была таковой.

Впрочем, я покривлю душой, если скажу, что совсем не мечтала увидеть своего мужа таким, каким видела в день свадьбы, потому его внимание оказывалось для меня приятной неожиданностью, хоть и смущало ужасно. Вот и сейчас, глядя в окно, я вновь и вновь прокручивала в голове слова агнара Наэля. «Ты подсматривал за своей женой... подсматривал...». Аристан наблюдает за мной, когда я не подозреваю об этом... И что же он думает в этот момент? Ах, как бы мне хотелось оказаться в его голове и увидеть, что в ней происходит!

— Ну наконец-то! — воскликнул Наэль.

Его сиятельство дернул шнурок колокольчика, и карета остановилась. Агнар Одмар обернулся к нам, пожал руку моему супругу, хлопнул по плечу Арти и, широко ощерившись, подмигнул мне, стремительно покидая карету. Уже закрывая дверцу, Наэль снова посмотрел на меня и изрек:

— Ваше сиятельство, вы самая нежно любимая мною жена из всех жен моих друзей.

— Договорился, — констатировал Аристан, сжав в руке перчатку, и наглец Одмар с громким смехом захлопнул дверцу. Диар усмехнулся, глядя вслед своему другу, откинул перчатку на сиденье и снова посмотрел на меня.

— Вы хотели вызвать агнара Наэля на дуэль? — с некоторой тревогой спросила я.

— Было бы неплохо, — ответил мне супруг. — Но нет. Этот дуралей всего лишь играет, задирает меня, зная, что я понимаю его шутки.

Я с облегчением выдохнула и успокоилась. Мне в равных долях не хотелось, чтобы рисковал мой муж, и чтобы досталось весельчаку Одмару. Теплые приятельские отношения между мужчинами я отметила давно. К тому же Аристан подтвердил, что они с Наэлем дружат уже многие годы, и на сего агнара его сиятельство может положиться, как на себя, что, впрочем, не стало поводом для д'агнара Альдиса не добавить:

— Но ветер в его голове свищет, как и в двадцать лет. Чрезвычайно легкомысленный человек, если дело касается его лично. Оттого заводит неприятелей также быстро, как друзей.

А спустя минут десять мне и вовсе не осталось времени на размышления. Карета остановилась возле особняка диара Данбьбергского, и супруг произнес в своей излюбленной манере беззлобной иронии:

— Добро пожаловать домой, ваше сиятельство. Дорогой шурин, милости прошу в нашу скромную обитель.

— Ваша скромность безгранична, дорогой зять, — сверкнул белозубой улыбкой мой братец.

Я же с любопытством выглянула в окошко и охнула, понимая, над чем шутил Арти. Столичный дворец даже превосходил в своих размерах дворец в поместье в Данбьберге. На фоне его вычурности мне подумалось, что родовое жилище моего супруга достаточно скромное и уютное.

К воротам подбежал привратник, распахнул их и согнулся в низком поклоне. Кучер тронул поводья, и карета вновь тронулась с места. Я заставила себя отлипнуть от окошка, чтобы не пялиться на дворец с откровенным восхищением провинциалки и сохранить хотя бы видимое достоинство, приличествующее супруге диара. Арти тоже откинулся на спинку сиденья и состроил каменную физиономию. Мой взгляд скользнул к мужу, и я успела заметить веселый блеск в его глазах. Однако уже через мгновение он вновь казался равнодушным. Признаться, я надулась на супруга за это веселье и отвернулась от него.

И пока я дулась, к карете подбежал лакей с большим черным зонтом и открыл дверцу, тут же низко поклонившись. Диар величественно вышел из экипажа и подал мне руку. И когда я собралась шагнуть на землю, супруг подхватил меня на руки, спасая от встречи с лужей, через которую предстояло пройти.

— А как же я, дорогой зять? — весело спросил мой зарвавшийся братец.

— А вы ножками, дорогой шурин, ножками, — усмехнулся диар, и лакей с любопытством посмотрел на меня.

После перевел взгляд на агнара Берлуэна и снова воззрился на меня. Он так увлекся разглядыванием моего сиятельства, что приложил собственного хозяина зонтом по голове.

— Через час можешь прийти за расчетом, — сказал супруг. В голосе его не было ни гнева, ни возмущения, даже в глазах ничего не отразилось.

Зато недоумение, ясно читавшееся на лице лакея, пока он рассматривал меня, сменилось растерянностью, а после и осознанием слов хозяина.

— Ваше сиятельство, — воскликнул бедняга, — простите меня великодушно! Я ударил вас...

— Моя голова крепче, чем вы думаете, инар Невежа. Но рассматривать мою супругу, словно неведомую зверушку, да еще с таким пренебрежением на физиономии я не позволю даже высокородным аристократам. Если вы с первых минут отказали в уважении своей хозяйке, значит, в нашем доме вам делать нечего. Час на сборы. — И, сказав это, диар направился к дворцу, не обращая внимания на остолбеневшего лакея.

— Возможно, его стоит простить на первый раз, — несмело произнесла я.

— И какую же причину для помилования нерадивого лакея вы мне предложите, драгоценная моя? — спросил меня супруг.

— Возможно, у инара имеются дети, и они будут голодать, если вы выгоните его. Думаю, он усвоил урок и впредь не позволит себе возмутительного поведения, — нашлась я с ответом.

— Инар получит расчет. К тому же у него будет время для поиска нового места, —

ответил его сиятельство.

— Но без рекомендаций найти хорошее место непросто, — возразила я, увлекаясь нашим спором.

— Хорошо, если вы так настаиваете, ему напишут рекомендацию, — пошел на уступки мой муж, однако я сдаваться на этом не желала и привела следующий аргумент:

— Вы мне должны, ваше сиятельство, — с неожиданной даже для себя наглостью произнесла я. И я солгу, если скажу, что вовсе не испугалась собственной смелости. Но отступить было уже поздно.

И когда диар поставил меня на ноги, я с вызовом взглянула ему в глаза. Аристан скрестил на груди руки и ответил мне взглядом, полным иронии.

— И когда же я, позвольте узнать, успел вам задолжать? — спросил он.

Мы стояли в холле, не обращая внимания на изумленную прислугу, вышедшую навстречу, на Арти, озиравшегося вокруг себя с нескрываемым интересом, и на сам предмет нашего спора, застывший у дверей с хмурым видом.

— Когда, Флоретта? — повторил вопрос супруг.

— Только что, — ответила я, — в карете. — Брови его сиятельство поползли вверх, но я все-таки закончила: — Вы смеялись над нами с братом. К тому же я так еще и не воспользовалась своим правом на ваше наказание...

— То есть, драгоценная моя, вы хотите сказать, что я знаком еще не со всеми вашими пороками? — с фальшивым возмущением спросил Аристан. — Ко всему прочему, вы еще и злопамятная скряга?

— Отчего же скряга? — едко поинтересовалась я. — Я весьма щедра, и один из ваших кредитов прощаю вам за малую услугу.

— Один из кредитов? — изломил бровь диар.

— Вы мухлевали во время наших скачек, — напомнила я. — И за карету я все еще вас не простила.

— Как любопытно, — хмыкнул Аристан. — А ведь я могу и на шантаж пойти.

— Преумножите ваши прегрешения? — прищурилась я.

— Такому как я, бояться уже нечего, — усмехнулся супруг. — Хорошо, ваше сиятельство, я воспользуюсь вашим щедрым предложением. — Он обернулся к лакею. — Благодарю, сиятельную диару, я позволяю тебе остаться. Надеюсь, урок будет усвоен всеми. На этом знакомство с д'агнарой Флореттой Альдис, моей супругой и вашей хозяйкой, будем считать оконченным.

До меня, наконец, дошло, что мы выясняли отношения на глазах прислуги. И даже не могу сказать, что смутило меня, больше — то, что люди, работающие в это доме, увидели хозяев за личным разговором, или же картина, представленная мной. А представился мне большой вальяжный лев, а перед ним заяц, вдруг возомнивший себя орлом. И до того эта картина была явственной, что гордый орел вновь превратился в трусливого зайца. Однако расправив плечи, я с достоинством кивнула прислуге и поспешила сбежать. Только вот знать бы ещё, где здесь приготовлена нора для глупого зайца, осмелившегося играть со львом. Впрочем, сам лев, кажется, получал от всего происходящего удовольствие. И хоть лицо супруга оставалось невозмутимым, в глазах его то и дело мелькали смешинки. И я вновь рассердилась на него.

— Дорогая жена, вы прямо сейчас желаете осмотреть дом? — все-таки пришел мне на помощь диар, глядя на метания по холлу.

— Позвольте, ваше сиятельство, я покажу, — поспешил ко мне прощенный лакей, глядевший на меня с благодарностью.

— Позже, — тоном, неожиданно похожим на тон супруга, ответила я. — Проводите меня в мои комнаты.

— Как будет угодно вашему сиятельству, — поклонился лакей и повел меня к моим покоям.

Аристан и Арти последовали за мной. Уже поднимаясь по лестнице, я посмотрела вниз и невольно поежилась под прицелом множества взглядов. Но, заметив, что я смотрю на них, люди тут же поспешили опустить глаза и разойтись по своим делам. Несколько лакеев и горничных уже поднимались по лестнице следом за нами, торопясь приступить к своим обязанностям.

Выдохнув, я успокоилась. В конце концов, мой муж считает, что прислуга получает неплохие деньги, чтобы заниматься тем, за что им платят, и не совать нос в дела хозяев. Так почему же я должна считать иначе? Раз уж он не остановил меня, когда я при всех предьявляла ему счет, значит, ничего ужасного и вправду не произошло. А раз не произошло, то и переживать не о чем.

Однако спокойной я была ровно до тех пор, пока мы не дошли до моих комнат. Моего брата повели дальше, а мы с супругом оказались соседями. Наши двери находились напротив друг друга. Это было неожиданно. Диар приподнял брови в легком удивлении.

— Вас что-то смущает, дорогая? — спросил он.

— Нет, — покачала головой. — Просто... ваши правила...

— Мои правила не изменились, — пожал плечами супруг и ушел к себе.

Я повторила за ним тот же жест — пожала плечами и ушла в свои комнаты вместе с горничными. Оглядевшись, я скинула на руки одной из женщин свой дорожный плащ, вторая подхватила шляпку и перчатки, а дальше все было уже привычно. Мне подготовили ванную, после добыли из платья, и я поспешила смыть с себя дорожную пыль и усталость.

После ванной, одевшись в подготовленное платье из отправленных ранее вещей, я почувствовала себя намного лучше и решила осмотреть дом. Компанию мне составил брат, его сиятельство покинул свой дворец, как только привел себя в порядок. Сопровождали нас дворецкий, спасенный мною от увольнения лакей и одна из горничных.

Обитатели столичного жилища диара Данбьерга провели нас с Арти по этажам, показав пока жилую часть дворца. В библиотеке мы с братом решили задержаться, выбирая книги для вечернего чтения. После прошли в столовую, где был уже накрыт стол на две персоны. Мой муж еще не вернулся. Куда он отправился, я знала и теперь с трепетом ожидала появления его сиятельства.

Аристан говорил еще в дороге, что в первую очередь он собирается посетить королевский дворец, дабы уведомить Их Величества о своем появлении в столице с супругой. Правила не позволяли диару не представить свою избранницу венценосной паре. Впрочем, этикет предписывал сделать это еще до свадьбы, чтобы получить королевское благословение, но д'агнар Аристан Альдис нарушил это правило, и теперь спешил исправить оплошность. И если Их Величества будут благосклонны, то я окажусь во дворце нашего монарха и непременно умру от волнения и страха. И знаете, что ответил на мои опасения сиятельный диар?

— Надо же какая досада, а я только начал входить во вкус семейной жизни. Я непременно буду скорбеть по вам, моя незабвенная, — вот, что сказал этот бесчувственный

человек.

Впрочем, сострадания я не нашла даже в собственном брате и пришла к выводу, что в старой легенде была допущена неточность, и Мать Покровительница не рожала Мужчину, а вытесала его из особо крепкого дерева. Иначе отчего мужчины такие твердолобые? Ох, Богиня, прости...

Когда за окном совсем стемнело, а супруг еще не вернулся, мы с братом расположились в уютной небольшой гостиной перед камином. Устав от разговоров мы погрузились в чтение заранее выбранных книг. Я настолько увлеклась, что не сразу заметила дворецкого, появившегося в гостиной.

— Ваше сиятельство, — привлек мужчину мое внимание. — Пришел д'агнар Альдис.

Отложив книгу, я проворно встала со своего кресла и поспешила к дверям.

— Где его сиятельство? — спросила я, уже покидая гостиную.

— В кабинете его сиятельства, — с поклоном ответил дворецкий.

— Проводите меня, — попросила я, не особо полагаясь на свою память, слишком много всего я сегодня посмотрела.

Вскоре я стояла перед дверями кабинета супруга. Кивнув своему провожатому, я вошла внутрь и остановилась, глядя в спину Аристана, замершему у окна.

— Однако вы долго, я тревожилась, — я постаралась придать голосу светский оттенок, но вышло чуть капризно и обижено.

— Правда? — мужчина у окна обернулся и одарил меня веселым взглядом. — Если бы я знал, что вы тревожитесь обо мне, я бы не позволил себе задержаться ни одного лишнего мгновения.

На меня смотрели знакомые серые глаза, только в них вовсе не было льда. И лицо казалось наполненным жизнью. Мужчина был немногим старше меня самой, и на устах его играла чуть насмешливая улыбка. Взгляд прошелся по мне, и незнакомец с узнаваемыми чертами сделал ко мне неспешный шаг.

— Добрый вечер, ваше сиятельство, — он склонил голову и снова посмотрел на меня с открытой улыбкой. Молодой человек взял меня за руку и галантно поцеловал ее, продолжая изучать мое лицо. — Д'агнар Эйно́р Альдис — двоюродный племянник вашего супруга, — представился он и отступил на шаг. Я все еще пребывала в растерянности, потому просто кивнула, но с ответом так и не нашлась. Теперь к конфузу прибавилась еще и досада на собственную неучтивость. Меж тем, молодой человек снова приветливо улыбнулся. — Дядюшка писал мне, что женился, но я даже представить не мог столь очаровательную особу...

— А кого же ты представлял себе? — голос мужа неожиданно раздался от двери за моей спиной, и я очнулась от потрясения.

Какая оплошность! Я совсем забыла, что у моего супруга есть племянник, но я же не знала, что он появится в день нашего приезда... Да и со спины он казался точной копией диара. Так же высок и статен, те же светло-русые волосы... Хотя, нет, только сейчас я обратила внимание, что у младшего д'агнара Альдиса волосы длинней, чем у моего супруга. И внешне они, хоть и были похожи, все-таки различий в чертах было не мало.

— Драгоценная моя, — позвал меня Аристан, — вы здоровы?

— Кажется, я испугал тетушку, — без всякого раскаяния произнес молодой человек.

— Побольше уважения, ты говоришь с моей женой, — сухо потребовал диар. — Дорогая?

— Простите, так неловко вышло, — наконец пролепетала я. — Дворецкий сказал, что прибыл д'агнар Альдис, и я решила, что вернулся его сиятельство. И со спины ваше сходство... Признаться, я в смятении.

Супруг взял меня под руку и подвел к стулу. Я благодарно посмотрела на него.

— Флоретта чрезвычайно скромна, — сказал Аристан племяннику. — Все хорошо, дорогая, нас часто путают издали и со спины. Стать — это наша фамильная черта.

— Это вы меня простите, — младший Альдис подошел ближе и повинно склонил голову, однако в глазах его продолжали плясать смешинки. — Дядюшка отправил мне записку о своем появлении в столице, и я поспешил приветствовать его. Чрезвычайно рад, что его сиятельство выбрал в жены девушку совсем не напоминающую его самого. Два сухаря в одном семействе было бы слишком.

— Очень жаль, Эйн, что твоя матушка и супруга моего покойного кузена предпочитает нахождение на курорте и увеселения твоему воспитанию, — холодно заметил мой муж.

Я перевела взгляд с одного Альдиса на другого, затем поднялась со стула.

— Рада нашему знакомству, д'агнар Альдис, — как можно тверже произнесла я. — Однако не буду мешать встрече родственников, вернусь к брату.

Меня никто не останавливал, и я поспешила покинуть кабинет. Младший Альдис проводил меня взглядом, но уже через секунду дверь за мной захлопнулась, и то, что произнес мой муж, я уже не слышала. Мне требовалось успокоиться, иначе щеки грозили полыхнуть настоящим огнем. Прижав ладони к лицу, я бросилась назад в гостиную, чтобы излить свои переживания брату.

ГЛАВА 9

На второй день нашего пребывания в столице выглянуло солнце. Мостовые подсохли, фасады домов посветлели, и город наполнился красками. По голубому небу неспешно плыли белоснежные облака, деревья, еще пытавшиеся удержать зелень на своих ветвях, все больше сияли желтой листвой. С улицы доносился деловитый шорох дворницкой метлы, без жалости сметавшей золото, успевшее осыпаться с крон. Горожане сегодня не бежали и не пытались спрятаться под укрытие надежных стен домов. Пестрота их одежд раскрасила улицы Рейстена в многообразие цветов, затопила жизнью один из самых старых городов нашего королевства, и душа откликнулась, забывая вчерашнее равнодушие к столице.

И все же полностью отдаться любованию у меня не получалось. Волнение было слишком велико. Наш экипаж ехал к королевскому дворцу. Супруг вновь сидел напротив и время от времени посматривал на то, как я нервно тереблю рукав своего платья, как сплетаю и расплетаю пальцы. Наконец, он не выдержал и протянул ко мне руку.

— Идите ко мне, Флоретта, — непререкаемым тоном велел диар.

Я одарила Аристана мученическим взором, и он ухватил меня за запястье. Я послушно привстала, экипаж качнулся, но сильные руки мужа перехватили меня, и я оказалась сидящей на его коленях. И словно по мановению волшебной палочки волнение перед предстоящим визитом сменилось смятением и удивлением. Пальцы его сиятельства коснулись моей на шею сзади, мягко погладили ее, и ладонь легла мне на спину.

— Драгоценная моя, напомните, какой сегодня день, — любопытствовал супруг.

— Третий день от начала недели, — пролепетала я.

— Благодарю, — кивнул Аристан, и вторая его ладонь накрыла мое колено.

Мой зачарованный взгляд теперь не отрывался от его пальцев, чертвиших невидимые узоры от колена, поднимаясь все выше. Его сиятельство вдруг уцепился за подол платья и уверенно потянул его вверх, обнажая мои ноги.

— Аристан, что вы делаете? — изумилась я.

— А что я, по-вашему, делаю, Флоретта? — полубопытствовал супруг.

— Вы задираете мне юбку, — не могла не отметить я.

— Именно, наблюдательная моя, — совершенно серьезно ответил диар.

— Но зачем?!

— Догадайтесь, — с легкой усмешкой произнес его сиятельство. — А пока вы думаете...

Он вдруг мягко ухватил меня за подбородок, развернул лицом к себе и накрыл мои губы своими губами... Волнение? Кто говорил о волнении? От неожиданной выходки супруга я забыла не только о волнении, но вообще о цели нашего маленького путешествия! Даже дыхание прерывалось, и воздух застревал где-то в горле, а в голове крутилась мысль о том, что до установленного визита диара в мою спальню осталось еще два дня. А спустя пару минут мои мысли окончательно разбежались от очередного преобразования супруга. И чувства, захлестнувшие меня, были сродни тем, что я испытала в нашу первую ночь. Хотя, нет, той трепетности в Аристане сейчас не было, как не было и знакомой прохлады. Он был иным, каким мне еще не доводилось видеть его сиятельство ни разу в жизни. И то, что я сегодня почувствовала, не шло в сравнение с нашей обычной близостью. Происходящее так увлекло меня, что я перестала наблюдать за тем, что творилось за окнами кареты, закрытые быстрым движением руки диара...

— И зачем женщины столько всего надевают на себя? — ворчал муж, помогая мне поправить одежду.

Я лишь вздохнула, расправила складки юбки и охнула, осознавая свою рассеянность. Супруг отдернул рукава, поправил воротничок рубашки и поднял на меня вопросительный взгляд. Замешкавшись, я все же прошептала:

— Панталоны.

— Что? — не расслышал диар.

— Панталоны, — процедила я сквозь зубы.

— Флоретта, мы вдвоем, говорите четче, — велел Аристан.

— Мои панталоны, — ответила я отдельно, не глядя на него.

— Что ваши панталоны? — не понял супруг.

— Их нет. На мне нет, — на всякий случай уточнила я, все также старательно глядя в сторону. — Не могу же я без панталон выйти в общество.

— Хм... — я скосила глаза на мужа, услышав его хмыканье. — Было бы презабавно... Но погода уже не располагает к подобным шалостям...

— Аристан! — воскликнула я потрясенно. — Что значит презабавно?!

Супруг стер с лица легкомысленную улыбочку и ответил мне серьезным взглядом:

— Вы правы, Флоретта, совершенно ничего забавного. Давайте искать ваши панталоны.

— Вы держали их в руках последним, — краснея, напомнила я.

— Местоположение панталон интересовало меня в последнюю очередь, — с иронией ответил диар. — По крайней мере, с определенного момента.

— Ваше сиятельство!

— Слушаю, ваше сиятельство? — изломил брови бессовестный д'агнар Альдис.

— Найдите мои панталоны, или я не выйду из кареты! — в сердцах воскликнула я. — И с чего вам взбрело в голову их вообще с меня снимать?

— Зачем, — буркнул Аристан, оглядываясь. — Право слово, ваше сиятельство, вы вновь тряслись, как осиновый лист, я всего лишь хотел вас отвлечь, но... увлекся.

— Вы увлеклись, а я теперь не знаю, как предстать перед Их Величествами... Ох, Богиня, нас ведь ждут король с королевой!

Супруг скосил на меня глаза и стянул знакомый предмет женского туалета со спинки сиденья. Когда вождеденное белье перекочевало ко мне в руки, я расслышала, как муж проворчал:

— Что-то я не заметил, чтобы вы сильно сопротивлялись.

— Я была в ошеломлении, — попыталась отговориться я, стыдливо надевая найденную вещь и стараясь не сильно задирать юбки.

Аристан усмехнулся и повторно оглядел меня.

— Вы снова трясетесь, — отметил он.

— Мое волнение оправдано, — отмахнулась я. — Не каждый день меня представляют Их Величествам. К тому же я возмущена вашей неожиданной безответственностью.

— Простите, ваше сиятельство, больше этого не повторится, — вдруг отчеканил супруг. — Вы правы, я забылся. Обещаю вам и впредь только безукоризненное поведение со своей стороны. А теперь перестаньте сопеть, как рассерженный еж, мы и так задержались.

— И кто в этом виноват? — ядовито спросила я.

— Ваши панталоны, — последовал возмутительный ответ, и диар сам распахнул дверцу кареты, выбираясь наружу.

Впрочем, на дальнейшие споры времени не осталось. Аристан подал мне руку, и я, в очередной раз копируя своего супруга, натянула на лицо отстраненное выражение, вышла из кареты и...

— Мать Покровительница, это же... волшебно, — с придыханием произнесла я, разглядывая королевский дворец. — Ох, Богиня...

— Флоретта, — его сиятельство склонился ко мне, — ваш восторг умиляет, но здесь нет инара Рабана, который оценит его по достоинству. Умерьте пыл, если не хотите потом узнать, что к вам приклеилось какое-нибудь неприятное прозвище. Придворные мастера на меткие и злые шутки.

Я подняла глаза на супруга, он ответил мне спокойным взглядом. Едва заметно кивнув, я снова изобразила до боли знакомое выражение лица диара, он приподнял уголки губ, обозначая улыбку, кивнул и повел меня по дорожке, выложенной мозаичной плиткой... прочь от дворца. Я постаралась сдержать удивление, и вопрос: «Куда мы идем?» — так и не сорвался с моих уст. В конце концов, его сиятельство осведомлен лучше меня, куда нам идти и что делать. И я доверилась ему, как обычно.

Диар провел меня под аркой, и я перестала следить за направлением. Дворец был огромен, и, глядя на него, я поняла, что даже городской дворец д'агнара Альдиса не может идти с обиталищем королевских особ ни в какое сравнение. Удержаться от любопытных взглядов по сторонам было невероятно сложно, но, памятуя наставления папеньки и замечание супруга, я старалась сохранять невозмутимый вид и глядеть строго перед собой. Наконец, мы добрались до дворцового парка, и новый возглас восхищения я сдержала лишь благодаря тому, что стиснула зубы, а заодно и руку его сиятельства.

— Впечатляет, согласен, — произнес диар. — Мы с вами пройдемся здесь, и я покажу

вам все богатства большого дворцового парка, но не в этот раз. Сегодня мы пробудем во дворце ровно столько, сколько потребуется для представления вас монаршим особам. Сейчас Ее Величество на прогулке, Его Величество присоединяется к супруге, когда заканчивает с утренними делами. Я испросил у них разрешение для встречи именно здесь, чтобы избежать официального приема и новых волнений для своей трепетной жены.

— Благодарю! — с чувством ответила я.

— Разумеется, наедине с королевской четой мы не останемся, свита непременно будет следовать неподалеку, но все же это лишит вас необходимости выстаивать в приемной, пока объявят о разрешении войти, что вынудило бы к общению с придворными. К тому же я сумел отговориться срочными делами диарата, и покинуть Рейстен мы сможем уже послезавтра.

— Вы обещали показать мне столицу, ваше сиятельство, — напомнила я.

— Я о своих обещаниях помню, — ответил супруг. — Но лучше не задерживаться, иначе начнут появляться незваные гости, желающие поглазеть на диару Данбьерга. Ни вам, ни мне это любопытство не принесет удовольствия. Вы еще не готовы сводить близкое знакомство с высшим светом.

Возразить было нечего. Диар был прав, но меня вдруг кольнула иная догадка. Мне пришло на ум, что мой муж просто стесняется меня. И у него были на то основания. Я действительно оставалась дикаркой, чьи щеки пылали от чужого внимания или неожиданных вопросов. Да и свои чувства я почти не могла сдерживать, настоящие эмоции все равно прорывались наружу.

Пока рядом с нами жил агнар Наэль, я наблюдала за их пикировками с диаром, пыталась научиться той легкости, с которой общались старые друзья, и отчаянно завидовала Артиану, умудрявшемуся хватать на лету науку иносказательности и острословия. Самой мне аллегории давались хуже, и, начав соревноваться с супругом, я быстро терялась и приходила в смятение. Впрочем, его сиятельство никогда и не начинал со мной словесных поединков первым, предпочитая выражаться прямо. Лишь иногда он развлекался иронией за мой счет, и я радовалась, когда мне удавалось отвечать ему достойно. Так что я была ему, по-настоящему, благодарна за то, что мне не придется сверкать своим скудным остроумием перед львами и львицами из высшего света. Я и вправду была еще не готова. И все-таки мысль о том, что супруг просто прячет меня потому, что стыдится своего выбора, отложилась в моей голове. Не скажу, что такая догадка совсем не задела меня.

— О, нам туда, — отвлек меня диар от размышлений.

Я огляделась и заметила, как за деревьями исчезают богато одетые дамы и кавалеры. Свита — поняла я, и мой трепет перед встречей с Их Величествами вернулся.

— Драгоценная моя, не тряситесь так явно, — не без раздражения заметил его сиятельство. — В конце концов, вы моя жена и диара Данбьерга. Ведите себя достойно.

— Вы знали, что берете в жены трусиху, — вырвалось у меня.

— Я брал скромную девушку, не привыкшую к шуму света, не избалованную благами жизни и не подверженную капризам. Стыдливую и тихую, но все-таки человека, а не зайца, — отчеканил супруг. — Если вы не научитесь сдерживаться, мы так и будем сидеть в глуши. Или же вы хотите, чтобы я не вылезал из дуэлей, стремясь заткнуть рты насмешникам и болтунам?

— Так и знала, что вы меня стыдитесь, — проворчала я и тут же была вынуждена остановиться из-за того, что д'агнар Альдис замер на месте.

Он развернулся ко мне лицом и менторским тоном произнес:

— Запомните, д'агнара Альдис, я не стыжусь тех поступков, которые совершил, прежде хорошо подумав. Наша женитьба была обдуманым и взвешенным шагом. Выбрав вас в жены, я отдавал себе отчет в том, с какими трудностями придется столкнуться. Присущие вам черты характера меня полностью устраивают. Но ваш чрезмерный трепет и нежелание иногда думать перед тем как что-то сказать, несколько раздражают. Возьмите себя в руки и ведите достойно нового положения... ваше сиятельство.

Словесная отповедь супруга подействовала на меня, как ведро ледяной воды на голову. Тут же вспомнились его условия, выдвинутые еще перед свадьбой, и в голову пришло, что я чересчур расслабилась, пока рядом с нами находились Арти и агнар Наэль, и теперь позволяю себе слишком вольное поведение. Они разбавляли строгость нашей семенной жизни, и я поддалась их легкости, решив, что могу быть с мужем свободной в своих поступках и высказываниях. Что ж, пора отвыкать, уже послезавтра мы останемся наедине, и лучше начинать следовать требованиям его сиятельства прямо сейчас.

— Флоретта...

— Вы совершенно правы, дорогой супруг, — я склонила голову, отмечая, что согласна с диаром. — Ваши требования справедливы. Вы желали иметь достойную вас супругу, за которую не придется краснеть. Для этого вы нанимали мне учителей, объясняли правила поведения в свете. Я действительно слишком закоснела в своих привычках. Отныне я обещаю вам не забывать о том, кем стала. Смею надеяться, что больше не вызову вашего недовольства.

— Меня полностью устраивают ваши привычки, я всего лишь прошу вас о том, о чем просил уже неоднократно — держитесь достойно своего титула. Этого будет достаточно, — чуть покривившись ответил диар. — Проклятье, Флоретта, мне даже любопытно, каким витиеватым путем вы прошли в своих размышлениях, если на вашем личике появилось не выражение покоя, а каменная маска.

— Нас ожидают, ваше сиятельство, — ответила я, стараясь не выказывать некоторой доли разочарования и обиды. Безусловно, быть уличенной в недостойном поведении оказалось не слишком приятно.

— Ваше сиятельство, удовлетворите мое любопытство? — кажется, супруг решил не сходить с места, пока не получит ответ на свой вопрос. Отказать ему в его желании было бы неучтиво, и я все-таки произнесла:

— Да какой же тут извилистый путь, ваше сиятельство? Я все та же дикарка, которая убежала от прогулки с женихом, опасаясь его. Вы правы, пришло время вытравить из себя дикость. Вот и все. Наш уговор я помню. Вы просили следовать вашим пожеланиями, чтобы наша совместная жизнь была легкой и приятной, и я продолжаю следовать им. Никаких капризов и противоречий.

— Умеете же вы, Флоретта, быть... тяжеловесной, — усмехнулся диар.

— Моя легкость принижает ваше достоинство, Аристан, — я пожала плечами и первой направилась в ту сторону, откуда показалась свита Ее Величества. — Давайте уже покончим с моим представлением и отправимся в глушь, пока вы не завязли в гостях и дуэлях.

Его сиятельство догнал меня, подставил локоть и изрек, глядя вперед себя:

— А вы язва, драгоценная моя.

— Всего лишь забочусь о вашем благополучии, дорогой супруг, — ответствовала я, отчего-то ощущая приятную приподнятость духа.

— Разве можно желать лучшую жену? — с явной насмешкой спросил диар.

— Так ведь уж и поздно желать, ваше сиятельство. Свой выбор вы сделали, — я посмотрела на мужа, улыбнулась ему, как можно более мило, после снова отвернулась и незаметно выдохнула. Боевой настрой позволил принять независимый вид, и я уверилась, что не буду бледно выглядеть рядом с сиятельным диаром.

— Да уж, сам загнал себя в ловушку, — хмыкнул д'агнар Альдис и больше со мной не разговаривал.

Ее Величество мы нашли у большого фонтана, в центре которого стоял бронзовый лучник, чьи чресла были прикрыты набедренной повязкой. В кого целился сей обнаженный стрелок, мне не ведомо, но тело его было исполнено столь безукоризненно, что свой восторг я не выразила лишь чудом. К своему стыду не могу не признаться, что государыню я заметила не сразу. Впрочем, кроме ее портрета я королеву никогда не видела и представляла ту высокой и статной, потому невысокая коренастая женщина совсем не привлекла моего внимания. Мой взгляд прошелся по рядам придворных дам, окруживших Ее Величество, пытаясь отыскать супругу нашего монарха, и когда женщина, более напоминая сложением крестьянку, взмахнула рукой, разгоняя стайку своих фрейлин, я на мгновение растерялась.

— Никак сам сиятельный диар Данбьерга все-таки решил удостоить нас чести лицезреть свою персону, — не без ехидства произнесла государыня. — А кто же это милое дитя? Неужели безжалостный лев осмелился запустить свои когти в маленькую нежную овечку?

— Доброго дня, Ваше Величество, — мой супруг склонился перед королевой, и я поспешила присесть в глубоком реверансе. — Безжалостный лев пал жертвой чар маленькой овечки, разве же вам вовсе его не жаль?

— Овечка пьет кровь льва? — вздернула брови королева. — Браво, дитя! Давно пора было накинуть аркан на шею этого свободолюбивого повесы.

— Ваше Величество преувеличивает мои недостатки, — невозмутимо ответил диар.

— Ну что вы, дорогой мой д'агнар Альдис, я их сознательно преуменьшила, — усмехнулась государыня. Взгляд ее темно-карих глаз все это время изучал меня, и я все же потупилась, испытывая невероятное стеснение от пристального внимания. — Как же вам удалось загнать вечного холостяка в храм, д'агнара Альдис?

— Его сиятельство проиграл мне в скачках, Ваше Величество, — вырвалось у меня, и я уже готова была все-таки умереть, как собиралась ранее, но государыня неожиданно рассмеялась.

— Какая прелесть! — воскликнула королева. — Я требую подробностей этой истории.

Деваться было некуда, и я продолжила переплетать правду и вымысел.

— Д'агнар Альдис обманул меня, срезав путь, и когда я вывела его на чистую воду, он предложил придумать ему наказание...

— О, так ваша женитьба — это наказание для известного ловеласа?! Сколько дам будут кусать себе локти, когда узнают, что все оказалось так просто, — вновь рассмеялась Ее Величество.

— У моей супруги более изощренный ум, — вмешался диар, насмешливо поглядывая на меня.

— Вот как? Ну-ну, продолжайте же, ваше сиятельство, — велела государыня.

И я продолжила. Наверное, никогда в жизни я не врала столь самозабвенно, и вряд ли смогу еще когда-нибудь придумать подобную поучительную историю...

— Я не приказывала его сиятельству жениться на мне, Ваше Величество. Д'агнар Альдис лишний раз показал свою склонность к порокам. А, как известно, ложь — это один из страшнейших грехов, и я велела диару отправляться к сынам Матери Покровительницы и каяться там в своих грехах не менее десяти дней, проводя их в благочестивых трудах и молитвах...

— В монастырь?! Аристана Альдиса в монастырь?! — воскликнула королева, округлив глаза. — Дитя, я готова преклонить перед вами голову! И что же наш пройдоха? Неужто так сразу и отправился в обитель благочестия?

Я скосила глаза на мужа, он слушал меня с таким же интересом, как и Ее Величество, однако взгляд его был полон иронии.

— О, нет, Ваше Величество, — скорбно вздохнув, ответила я. — Диар не был бы диаром, если бы не попытался обойти свое наказание. Он хотел сбежать, но сыны Покровительницы уже ждали его у ворот, кем-то так вовремя предупрежденные...

— Да, хотелось бы знать имя той доброй души, — усмехнулся Аристан.

— Должно быть, сама Мать Покровительница нашептала им, что желает покаяние своего погрязшего в грехах дитя, — благочестиво вздохнув, ответила я.

— И вы там оказались по чистой случайности, — согласно кивнул диар, подхватывая мою сказку, но с толку меня сбить не удалось, я вновь благочестиво вздохнула:

— По чистейшей случайности, ваше сиятельство. Наверное, это был промысел Богини, пожелавшей говорить моими устами. Иначе как бы сыны Покровительницы смогли затолкать вас в свою повозку.

Мой супруг крикнул, и я снова скосила на него глаза. Диар изо всех сил пытался сдержать рвущийся наружу смех.

— Продолжайте, драгоценная моя, — сипло произнес он, и я продолжила.

— Его сиятельство доставили в обитель, обрядили в одежды, какую носят сыны Покровительницы, и отвели в его временное жилище. Настоятель ежедневно сообщал мне, как исправно его сиятельство пропалывает морковь и доит монастырскую козу...

— Козу, — сдавленно повторил диар и отвернулся.

— Аристан, вы знаете, как выглядит коза? — любопытствовала королева.

— Теперь я даже знаю, где у нее вымя, Ваше Величество, — ответил диар, обернувшись. — Дойка козы невероятно успокаивает... Богиня, — он снова отвернулся и отчаянно закашлялся, скрывая прорвавшийся смех.

— И чем же все закончилось? — вернулась к моему рассказу государыня.

— Через десять дней я вышел из монастыря и понял, что лучшей жены мне не найти, — произнес Аристан. — Я был покорен изобретательностью моей супруги. Флоретта встречала меня у ворот обители, чтобы объявить о моем освобождении от долга, и я там же попросил ее руки. И знаете что, Ваше Величество? Она мне отказала!

— Отказала? — королева с удивлением посмотрела на меня, я с интересом на супруга.

— Отказала, — кивнул диар. — Но я умею быть настойчивым.

— Бедное дитя! — воскликнула доверчивая королева. — Чему же подверг вас этот варвар?

— Шантаж, — скромно потупилась я. — Лакей его сиятельство допустил оплошность, и диар собирался уволить его. Я попросила за беднягу, и тогда д'агнар Альдис сказал, что оставит лакея на прежнем месте, если я отвечу на его чаяния.

— У меня не было иного выхода. Эта женщина должна была стать моей, — не менее

скромно потупился Аристан и протянул мне руку. Я вложила в его ладонь свои пальцы, и муж притянул меня к себе, поцеловал мне руку и снова посмотрел на государыню честным взглядом. — Вы же знаете, Ваше Величество, я не люблю отступать от своих намерений. И вот моя награда в моих руках.

— Невероятно увлекательная история! — воскликнула королева и постучала веером по запястью второй руки. — Теперь мне ясно, отчего вы были столь поспешны и пренебрегли правилами этикета, не представив нам вашей невесты прежде.

Я подняла взгляд на супруга, он ответил мне полной невозмутимостью, и я попыталась не думать, кому только что врал с такой изобретательностью. Ладонь его сиятельства легла мне на спину, погладила, успокаивая, и исчезла, оставив после себя ощущение его поддержки. Благодарно улыбнувшись мужу, я вновь посмотрела на Ее Величество.

Глаза государыни, взиравшей на меня благосклонно, показались мне невероятно пронизательными. Я даже подумала, что наш обман с его сиятельством разгадан, и теперь в глубине очей королевы таится насмешка. Однако она протянула мне руку, и я осторожно сжала ладонь Ее Величества.

— Вы прелестны, — сказала государыня. — Я рада, что д'агнар Альдис выбрал в супруги благочестивую не испорченную девицу.

Я отчаянно покраснела от мгновенно вспыхнувшего стыда. Только что я врал самой королеве без стыда и совести, а теперь она называет меня благочестивой...

— Как зарумянились ваши щечки, д'агнара Альдис, — умилилась Ее Величество. — Просто восхитительно. Обожаю искренние чувства.

Не знаю, что было бы дальше, возможно, я бы все-таки умерла от угрызений совести, но... не успела. На боковой дорожке появился высокий худой мужчина с залысинами на лбу, и свита государыни, до этого не спускавшая с нас любопытных взглядов, склонилась перед ним. Склонился и диар, и я узнала нашего монарха. Присев в глубоком реверансе, я наблюдала исподлобья за приближением Его Величества, отмечая как-то отстраненно, что на портретах черты короля намного выразительней.

В жизни он оказался мужчиной неброской внешности, можно было бы даже сказать заурядной. И если лик королевы дышал здоровьем, то удлиненное узкое лицо государя казалось покрытым болезненной бледностью. Глаза его имели блекло-голубой цвет, были близко посажены друг к другу, и мне в голову пришло сравнение с воробьем. Было в Его Величестве что-то бойкое птичье, как в той невзрачной пичуге, название которой пришло мне на ум. И острый длинноватый нос монарха живо напомнил мне клюв. Шагал Его Величество широко, размахивая правой рукой, левая же была заложена за спину, и вид монарх имел деловитый.

Приблизившись к Ее Величеству, король поцеловал ей руку также деловито, словно поставил печать своими губами, и посмотрел на меня, минуя диара. Взгляд государя оказался пристальным и колючим. Лицо мое вновь опалило огнем, и я покусала себя за внутреннюю сторону щеки, надеясь, что это умерит волнение. То незнакомое мне шальное состояние, заставлявшее на ходу выдумывать историю своего замужества, ушло, и теперь вернулся прежний трепет, однако моей спины опять коснулась ладонь супруга, и я незаметно выдохнула, немного успокоившись.

— Я долго гадал, как будет выглядеть диара Данбьерга, — заговорил Его Величество. — Признаться, ожидал даму иной наружности, однако Аристан вновь сумел удивить, и его супруга вовсе не напоминает тех женщин, каких всегда предпочитал наш непостоянный

диар. Теперь я спокоен, дела диарата не будут забыты молодоженом.

Слова короля оказались сродни пощечине. Да, я всегда знала, что мне далеко до идеалов красоты, даже хорошенькой меня можно было назвать с натяжкой, но вот так откровенно указать мне на то, что я не могу увлечь мужчину... Впрочем, мой супруг сам дал ясно понять, что не видит во мне женщину, и ему нужна жена-друг, а не возлюбленная. Так отчего же тогда я готова расплакаться на глазах у Их Величеств и придворных, жадно прислушивавшихся к словам монарха? Зачем я чувствую столь острую обиду, что хочется развернуться и бежать прочь из королевского парка, подальше от дворца и... своего мужа? Почему мне в голову не приходит достойного ответа? Да и ждут ли его от меня...

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Государь, — теперь ладонь диара скользнула мне на талию, — возможно, моя супруга и не похожа на прочих известных вам дам, однако это нисколько не умаляет ее очарования.

— О, как вы неправы, Ваше Величество, — неожиданно протянула королева, до этого молчавшая. — История этого союза необычайно занимательна. Возможно, именно то, что д'агнара Альдис не похожа на тех дам, о которых вы говорите, и привлекло сиятельного диара.

— Ваши Величества, — Аристан склонил голову, — вы говорите о неких женщинах в присутствии д'агнары Альдис. Будет ли мне позволено заметить, что мое прошлое осталось в днях минувших, и настоящего не может касаться? Мой возраст уже давно не юн, и прежние привычки мною забыты. Особенно сейчас, когда я держу за руку женщину, которую назвал своей.

— А что же скажете вы, сиятельная диара? — спросил меня Его Величество.

Что мне было ответить? Да и было ли что отвечать после того, что сказал обо мне король? Моя растерянность сыграла со мной злую шутку и единственное, что я смогла выдать, это заготовленную заранее фразу:

— Я счастлива лицезреть моего государя.

Прозвучало это до отращения жалко, и я окончательно замолчала.

— Это замечательно, — кивнул мне король. — А что же ваш муж?

— Он тоже счастлив, — пролепетала я.

— Лицезреть? — уточнил государь.

— Несомненно, Ваше Величество, — я снова присела в реверансе, опустил беспомощный взгляд вниз.

— Ах, Ваше Величество, перестаньте изводить девочку, — снова вмешалась Ее Величество. — Вы же видите, что д'агнара Флоретта далека от опытных придворных дам. Это они уже привыкли к вашим странным вопросам, а это дитя неискушено в словесных баталиях, не стоит ее испытывать. Мне нравится выбор диара Данбьергского.

— Да разве же я сказал, что мне выбор Альдиса не по нраву? — изумился король. — И замечание диара я признаю справедливым и приношу извинения юной д'агнаре за то, что сказал ранее. Скромность и ранимость — несомненные достоинства женщины, а внешний облик слишком недолговечен, чтобы делать его основой выбора будущей супруги.

— Благодарю, Ваше Величество, — голос диара прозвучал несколько сухо. — Я счастлив услышать ваше высочайшее одобрение моей избранницы.

— Живите и размножайтесь, — благословил нас государь.

Аристан поклонился, я присела в реверансе. После, обменявшись с королевской четой

еще несколькими фразами, его сиятельство испросил позволения покинуть дворец, и мы были милостиво отпущены. Обратный путь показался мне бесконечным. Слова короля все еще продолжали жечь грудь, и на глаза так и норовили навернуться слезы. К тому же в голове засели опасения, что наш обман с диаром вскроется, и милость Ее Величества обернется гневом. Чем ближе мы подходили к карете, и чем ясней я понимала, что все закончилось, тем сильнее слабели мои ноги. В ушах начало звенеть, в глазах потемнело, и я произнесла:

— Аристан.

— Что, драгоценная моя? — он обернулся ко мне и вдруг остановился, пристально вглядываясь. — Флоретта, вы бледны.

— Окажите мне любезность, держите меня крепче, — попросила я и продолжила путь, спеша скорей спрятаться в нашей карете.

— Флоретта, вам нехорошо? — с тревогой спросил меня супруг.

Он снова обхватил меня за талию и поспешил к экипажу, удерживая меня от позорного падения в обморок на глазах гвардейцев, лакеев и случайных придворных. После помог подняться по откидной лесенке. Я ввалилась в карету, рванула завязки шляпки, давившие на горло. Его сиятельство развязал мой плащ, и я с чистой совестью провалилась в забытье.

Очнувшись, я обнаружила себя все еще в карете. Я лежала на сиденье, свесив ноги, а голова моя находилась на коленях супруга. Его сиятельство поглаживал меня по щеке, но, скорей, машинально, как мог бы почесывать за ухом кошку. Сам он смотрел в окошко, потому мое возвращение пропустил и обратил внимание лишь тогда, когда я зашевелилась.

— Полежите еще, Флоретта, — сказал диар. — Вы слишком переволновались. Чрезмерность эмоций сыграли с вами злую шутку. В следующий раз я прежде напою вас успокоительным настоем и только после позволю выйти из дома. Что же вы, драгоценная моя, так расчувствовались?

Я не ответила. Снова закрыла глаза и поджала губы. А потом и вовсе замерла, ощущая, как палец супруга скользит по моему лицу. Он осторожно провел по моим бровям, после прочертил дорожку по носу, спустился к губам и обвел по контуру, вынуждая невольно расслабить их. Затем мягко очертил подбородок, и теплая мужская ладонь накрыла мне скулу, однако и тут она не задержалась. Диар дотронулся до моего уха, очертил ушную раковину, слегка сжал мочку, помассировал ее, и, наконец, опустил ладонь мне на плечо, чуть сжав его.

— Его Величество обидел вас, — сказал Аристан, и я открыла глаза.

Посмотрев на склоненное надо мной лицо его сиятельства, снова поджала губы и села, вырываясь из мягкой хватки мужа. Отодвинувшись от него к противоположному окошку, я поправила волосы и, совсем отвернувшись, теперь разглядывала без всякого интереса виды за окном.

— Флоретта, — позвал меня супруг, но я скрестила руки на груди и не обернулась. — Фло, дорогая, вы похожи на взъерошенного котенка и опять сопите, как сердитый еж. Ваше сиятельство.

На сиятельство я обернулась, потому что голос Аристана наполнился строгими нотками. Диар удовлетворенно кивнул и поманил меня к себе.

— Идите ко мне, драгоценная моя.

— Мой последний визит к вам едва не стоил мне панталон, — проворчала я раньше, чем успела подумать.

— Как вы трепетны с вашими панталонами, — отозвался супруг. — Я закажу вам еще дюжину, и мы будем возить с собой запасную пару. А теперь, когда вопрос панталон улажен, вернитесь в супружеские объятия.

— Почему я должна идти в объятия, а не объятия приходят ко мне? Не вы ли, ваше сиятельство, первым изъявили желание обниматься? — снова вырвалось у меня, и я прикусила язык.

Впрочем, диар не выглядел оскорбленным.

— Справедливое замечание, — отметил Аристан и подвинулся ко мне. После обнял за плечи одной рукой, второй подцепил за подбородок и развернул к себе лицом. Теперь я все-таки посмотрела ему в глаза. — Фло, вы должны понять, что это не вас жалил король, его шпильки предназначались мне. Я действовал в обход правил и женился, не получив королевского одобрения. Даже не уведомил Его Величество письменно о своих намерениях. Это бы затянуло бракосочетание, к тому же нам пришлось бы проводить свадьбу при дворе, таковы устои. Обижая вас, король наказывал меня. Задев вас, он дал оплеуху мне, понимая, что меня, как любого мужчину, заденет унижение его женщины. К тому же это намеренное упоминание моего прошлого было сказано с той же целью — задеть меня. Меня тыкали носом в прежние шалости на глазах моей жены.

— Но ведь король сказал правду, — ответила я и мотнула головой, освобождаясь от пальцев супруга на своем подбородке. — Не вы ли, ваше сиятельство, говорили, что в нашем браке нет места страсти? Не вы ли сказали, что ваше сердце не бьется чаще, когда вы смотрите на меня? Вы цените меня за скромность и неискушенность, но не за внешность. Впрочем, я и не ожидаю вашего восхищения. Свое отражение я хорошо знаю. И понимаю, что вам должны нравиться другие женщины. То, что произошло сегодня в карете, и то, что происходит в нашей спальне... Вы были совсем иным, стало быть, и тут я не вызываю у вас желания быть со мной нежней.

— Флоретта...

— Я все помню, Аристан. Страсть — ненадежный фундамент для брака, мы строим наш замок на дружбе и взаимопонимании. Вы со мной добры, я послушна. Это то, что может быть между нами. Я не жалуясь, я принимаю это. И слова короля тоже принимаю, просто... Обидно. Я ведь тоже женщина, и мне хочется... Ах, забудьте.

Я отвернулась и стерла слезы, все-таки выступившие на глаза. Руки диара снова легли мне на плечи, и я оказалась притиснута спиной к его груди. Теплое дыхание коснулось шеи, шевельнув выбившиеся из прически волоски, а затем я почувствовала его губы, неспешно целовавшие меня. Жест, призванный для моего успокоения, вызвал настоящий поток слез.

— Фло, — в голосе супруга зазвучала растерянность. — Милая, успокойтесь. Ну что вы... С чего вы взяли, что вы некрасивы? Вы невероятно очаровательная женщина. Живая, искренняя. У вас красивые глазки, изящные тонкие брови, пухленькие губки...

— И нос уточкой, — с истеричными нотками в голосе отозвалась я.

— Милый носик, — возразил диар.

— И бедра!

— Что не так с вашими бедрами? — озадачился супруг.

— Они крестьянские, широкие, — всхлипнув, я развернулась и уткнулась в грудь Аристана.

— Отличные бедра, и держать вас за них одно удовольствие, — поспешил меня успокоить муж.

Я отодвинулась от него, шмыгнула носом и проворчала:

— Все-таки вы похабник, ваше сиятельство. Я вам о своей затаенной горечи, а вы — держать.

— На вас не угодишь, ваше сиятельство, — проворчал в ответ диар. — Вам комплименты, а вы нос воротите.

— Кря, — совсем по-детски ответила я и опять отвернулась к окну.

Мы некоторое время сидели в тишине, и я наконец устыдилась своего поведения. Что я и в самом деле, как маленькая девочка, жаловаться начала, плакать. Не достойно это взрослой женщины. Я уже собиралась обернуться и попросить прощения, когда супруг снова обнял меня, порывисто развернул к себе лицом и поймал губы. Поцелуй его показался мне сердитым и... жадным. Постепенно губы диара перестали терзать меня, начав дарить нежность, от которой ошеломление сменилось желанием обнять мужа и прижаться к нему. Но как только мои ладони накрыли его плечи, он прервал поцелуй и отстранился.

— Достаточно страстно? — спросил меня Аристан.

— Н... не знаю, мне не с чем сравнивать, — пробормотала я, честно отвечая на вопрос.

Супруг смерил меня хмурым взглядом, но вдруг откинул голову и расхохотался.

— Фло, вы просто чудо! — воскликнул он. — Вы сами не знаете, какое вы забавное чудо.

Мое очередное шмыганье вышло каким-то воинственным.

— Да, кстати, не вздумайте использовать свои фантазии и отправлять меня к сынам Покровительницы, учиться доить козу я не имею никакого желания.

— Но это же так умиротворяет, — язвительно ответила я и... рассмеялась вслед за своим супругом.

Карета подъехала к дворцу диара, и я сразу ощутила себя в безопасности, как только за нами закрылись ворота. Сейчас я даже радовалась, что Арти еще с утра отправился к д'агнару, у которого должен был служить помощником и секретарем, а вернулся вскоре лишь для того, чтобы забрать свои вещи, попрощаться со мной и отправиться назад. На его лице было написано явное удовольствие. В отличие от меня, братец новшества встречал с энтузиазмом. И если поначалу я расстроилась из-за столь скорого расставания с братом, то сейчас подумала, что он не увидит моего заплаканного лица и не встревожится. Объяснения между зятем и шурином были бы лишними.

Мимо прислуги я прошла, делая вид, что нос мой не распух, и по щекам не расползлись отвратительные красные пятна. Его сиятельство имел вид надменный, и даже тени недавнего веселья не отражалось на нем. Мне даже подумалось, что все это мне привиделось, но стоило нам дойти до наших комнат, как супруг сделал знак горничным явиться позже, вошел следом за мной в мои комнаты. Он кинул на кресло перчатки, которые до того сжимал в руке, следом полетел его плащ, шляпа, и Аристан удобно устроился во втором кресле, закинув ногу на ногу.

Я удивленно воззрилась на него. Подобное поведение диара я наблюдала впервые, обычно он был более сдержан.

— Вы что-то хотели, ваше сиятельство? — спросила я, не выдержав его взгляда и непонятных мне чувств, отразившихся в серых глазах.

— Хотел, — кивнул супруг. — Хотел выразить вам свое восхищение. Совершенно не ожидал от вас такой изобретательности. И не вздумайте решить, что я недоволен или насмехаюсь, я искренен с вами, как никогда. Но мне хотелось бы узнать причину,

побудившую вас на столь виртуозную выдумку.

— Страх, Аристан, всего лишь страх и волнение, — невольно усмехнулась я. — К тому же мне не хотелось рассказывать, как вы покупали меня у папеньки, и тем более не хотелось, чтобы знали, в какие баснословные суммы обошлась вам ваша покупка.

— Грубо, Флоретта, весьма грубо, — слегка покривился супруг. — Но сказано прямо, потому я принимаю то, чем вы посчитали мое сватовство. В чем-то вы правы. Однако мне показалось, что ваша ложь была придумана на ходу. Это лишний раз убеждает меня в живости вашего ума.

— Она, действительно, родилась на ходу, ваше сиятельство. — Я сняла шляпку, и супруг поднялся с кресла, помогая мне снять плащ. Меж тем я продолжила отвечать на его вопрос. — Слова про скачки вырвались у меня сами собой, а дальше стоило продолжать лгать, или же все начали считать, что женитьба на мне стала ценой проигрыша. Это было бы еще неприятней, чем покупка.

— Не могу не согласиться, — кивнул диар, возвращаясь на кресло и укладывая мой плащ себе на колени. — Подобный поворот мне также не понравился. Вы умница, сумели превратить историю нашей женитьбы в целый роман. Мой вариант был проще.

— Правда? — я с интересом посмотрела на мужа. — У вас была заготовлена своя история? Расскажите?

Диар хмыкнул и похлопал ладонью по подлокотнику кресла. Я послушно подошла и присела на предложенное место. Супруг взял меня за руку, поднес ее к своим губам, после накрыл второй ладонью.

— Моя история не отличалась оригинальностью и была более слащавой. Влюбленность с первого взгляда в девушку, случайно встреченную во время прогулки. Но ваша история острее и интересней. Я рад, что вы не растерялись в нужный момент и не пошли на поводу у привычной вам застенчивости. Вы должны знать, что грубость Его Величества растворится в нашей с вами истории. Подобные отповеди получает каждый первый при дворе, а вот диара Данбьерга упечь в монастырь еще никому не удавалось. Я горжусь вами, дорогая.

Я удивленно приподняла брови, глядя на супруга. Он снова поцеловал мне руку и встал с кресла, отложив мой плащ.

— Вечером дают представление в королевской опере, я хотел бы пригласить вас, драгоценная моя, — на губах его сиятельства появилась лукавая улыбка, и я подскочила на ноги, хлопнув в ладоши. — Счастлив, что угодил вам, Флоретта.

— Благодарю, — я прижала руки к груди.

— И все? Инара Рабана вы хотя бы обнимали, — супруг поджал губы, но я видела, что в глазах его притаился все тот же лукавый блеск.

— А можно? — спросила я.

— Ну, раз я сам напрашиваюсь, — он все-таки улыбнулся, и я, не сдержав восторга, прыгнула мужу на шею.

Руки его сжались вокруг моего тела, приподняв над полом, и наши лица оказались друг напротив друга.

— И все? — чуть охрипшим голосом спросил диар.

Смутившись, я кивнула, после помотала головой и потянулась к щеке супруга. Он развернулся навстречу, и наши губы встретились. Томительно долгое мгновение его сиятельство удерживал меня, не целуя, и не предлагая мне поцеловать его, как женщина целует мужчину. После поставил на ноги и развернулся на каблуках.

— Встретимся за обедом, — произнес он, не оборачиваясь, но мне отчего-то показалось, что на лице Аристана мелькнуло смятение.

Супруг покинул мои комнаты, а я растерянно посмотрела на закрывшуюся дверь, после на вещи его сиятельства, так и оставленные на кресле. Хотела отнести их следом, даже толком не понимая, что толкает меня догнать мужа и заглянуть ему в глаза. Однако дверь открылась, и вошли горничные. Плащ, шляпу и перчатки передала камердинеру его сиятельства одна из моих женщин, а я постаралась не придумывать себе того, что могло мне всего лишь показаться.

Обед проходил необычайно тихо. Арти, чрезвычайно оживлявшего наши застолья, рядом не было. Диар казался рассеянным и погруженным в свои думы, и я не мешала ему. Я заняла себя воспоминаниями о выступлении оперной дивы на нашей свадьбе. Как же славно она пела, а теперь мне предстояло оказаться в королевской опере и увидеть настоящее представление. Ох, Богиня, как же это прекрасно!

Я подняла взор на супруга и тут же потупилась, поймав его ответный пристальный взгляд, а в следующее мгновение его сиятельство уже смотрел в свою тарелку и не обращал на меня внимания, оставив наедине с моими мечтами. И я бы вернулась к ним, но невольно вспомнилось то, что произошло в моих покоях. Не удержавшись, я бросила взгляд на супруга. Он промокнул губы салфеткой и встал из-за стола.

— Я буду в малой гостиной, — сказал он. — Если пожелаете, присоединяйтесь ко мне, Флоретта.

— Благодарю, непременно, — кивнула я и проводила Аристана взглядом до двери.

Аппетит окончательно пропал, и я поспешила за супругом, отбросив салфетку на стол. Кивнув лакеям, ожидавшим окончания обеда, я покинула столовую. Диар нашелся там, где и сказал. Когда я вошла, мой муж стоял у окна, держа в руках скрипку. Он провел смычком по струнам, и я тихонечко устроилась на удобном диване, не сводя взгляда с его сиятельства. При мне он еще ни разу не музицировал, хоть иногда я и слышала звуки музыки. Впрочем, это был не единственный инструмент, которым владел мой муж, однако скрипку предпочитал всему прочему.

Смычок снова коснулся струн, и я затаила дыхание, слушая тягучую красивую мелодию. Даже прикрыла глаза, чтобы лучше прочувствовать музыку. Мысли мои перенеслись к отчему дому, где резвились сестры, где строгий папенька отчитывал Арти, где я вышивала у окна, время от времени поглядывая на улицу, когда близнецы играли в мяч. Отчего-то мне представился и диар, игравший вместе с моими Мели и Тирли. Картина была столь милой, что на губах моих сама собой появилась мечтательная улыбка.

Мелодия оборвалась резким неприятным звуком. Я вздрогнула и открыла глаза. Супруг опустил скрипку и теперь, не отрываясь, смотрел в окно. Мне была видна одна сторона его лица, и я заметила, как желваки ходят на скулах. Его сиятельство злился. Это немного напугало непониманием его вспышки, но я все-таки поднялась на ноги и направилась к нему. Протянула руки и положила ладони на напряженную спину мужа. Он обернулся, ускользнув от моего прикосновения. Затем и вовсе отошел, чтобы вернуть скрипку в раскрытый футляр.

— Вы чудесно играли, — решила заметить я.

— Благодарю, — сухо ответил он. — Простите, я немного раздражен. Не принимайте это на свой счет.

Неожиданно из коридора послышался шум. Мы с мужем одновременно обернулись к

дверям. Диар нахмурился, прислушиваясь. Вдруг дверь распахнулась, и в гостиную влетела незнакомая мне женщина. Она бы всего на полголовы ниже его сиятельства, в то время как я едва возвышалась над его плечом. Незнакомка имела яркие черты, и я бы сказала, что более красивой женщины не видела, однако лицо ее было искажено гневом, и это портило бесцеремонную гостью.

— Арис, за каким Проклятым Духом, ты женился?! — выкрикнула она. — Ты говорил, что никогда не женишься! И что же? Для чего ты расторгал нашу помолвку, если все-таки женился на этой... — она бросила на меня испепеляющий взгляд и закончила, — на этой невзрачной особе? За каким Проклятым Духом, я тебя спрашиваю?!

— Рин, — мой супруг поморщился, — ты ведешь себя недопустимо. Возьми себя в руки и прекрати орать.

— А кого же мне стыдиться, дорогой? — женщина все-таки немного успокоилась и окинула меня насмешливым пренебрежительным взглядом. — Уж не твоей ли мышши-жены?

— Прекрати! — я вздрогнула от громового раската голоса своего супруга. — Ты в моем доме и оскорбляешь диару Данбьерга.

— Диару? Диару?! — незнакомка вновь вспыхнула. — Это я должна была стать диарой, я!

— Так тебя волнует упущенный титул? — насмешливо изломил бровь его сиятельство. — За пятнадцать лет уже можно было удовлетвориться тем, что ты имеешь...

— Проклятье, Арис, что ты несешь? Чем я могла удовлетвориться? Мужем-идиотом? Ты...

— Этот идиот больше десяти лет терпит твои истерики и скандальность. Уже из чувства благодарности ты могла бы говорить о нем более уважительно, — спокойно заметил Аристан, закрывая футляр со скрипкой.

— Аристан, кто эта женщина? — я, наконец, стряхнула оторопь.

— Смотрите-ка, а мышшь умеет говорить, — зло рассмеялась визитерша.

— Хватит! — рявкнул диар, и вздрогнула не только я. Он направился ко мне, взял под локоть и развернул к двери. — Флоретта, мы поговорим позже. Сейчас я улажу дела с этой дамой...

— Дамой? — неприятная особа снова рассмеялась. — Говори прямо — с любовницей. Впрочем, можешь добавить — с твоей любимой женщиной. Не так ли ты назвал меня, Арис?

Я вскинула глаза на мужа. Его губы превратились в тонкую линию, на меня его сиятельство не смотрел вовсе. Он довел меня до двери, открыл ее и выпроводил меня прочь.

— Аристан...

— Мы поговорим позже, — отчеканил диар. — Дождитесь меня в своей комнате.

— Все верно, мышши должны сидеть в норе и не высовывать носа, — прозвучал голос незнакомки, наполненный злым весельем. — Ты всегда так нежен со своей женой? Или она твоя внебрачная дочь, и меня неверно уведомили?

Диар теперь смотрел мне в глаза.

— Ваше сиятельство, пожалуйста, — произнес он и закрыл дверь перед моим носом.

— Какая милая семейная сцена, — услышала я голос любовницы своего мужа, так ведь она себя назвала.

— Р-рин! — вновь пророкотал его сиятельство. — Ты испытываешь мое терпение!

— Ну так заставь меня замолчать, как ты умеешь это делать, — издевательски отозвалась женщина. — Впрочем, тогда твоя мышшь перепугается наших стонов...

— Д'агнара Альдис, приемлемо именование — ее сиятельство, и никак иначе, — отчеканил мой муж ледяным тоном. — Если продолжишь разговор в прежнем тоне, я отправлю тебя за ворота сию минуту.

— Ты знаешь, чем будет тебе грозить подобная глупость, — она не была ни взволнована, ни испугана. Затем я услышала шорох ткани, и голос женщины наполнился иными нотами, став гораздо тише, но я все-таки разобрала: — Арис, милый, ты сделал мне больно.

Что ответил диар, я не слышала, потому что появился лакей, и я бросилась прочь. Не хватало еще, чтобы меня застали подслушивающей под дверями гостиной, где мой муж разговаривает со своей любовницей. Ох, Богиня...

— Мать Покровительница, дай мне сил, — прошептала я, пытаюсь смирить стремительный бег моего сердца.

Кому было больней в это мгновение, не могу сказать. Любовнице моего мужа, на глазах которой выпроводили жену, или же жене, чей муж изгнал ее и заперся со своей любовницей. Впрочем, эта Рин утверждала, что она возлюбленная диара... Возможно и так. Глядя на нее, я понимала недоумение лакея и шпильки Его Величества. Рядом с этой уже не юной, но все еще прекрасной женщиной, я казалась, действительно, мышкой.

Наверное, стоило потребовать у супруга изгнать эту женщину, но его взгляд и поджатые губы, как и металл в голосе давали понять, что добилась бы я еще большего унижения. Радовало только одно, что оскорбления моего достоинства диар не оставил без внимания, хотя... тут же и растоптал его, прогнав меня в мою комнату. И вправду, как дитя.

— Ваше сиятельство, — я обернулась и посмотрела на свою горничную, встретившую меня перед дверью покоев. — Вам нехорошо? Вы бледны.

— Принесите мне воды, — попросила я и вошла к себе.

Оглядевшись, я невесело усмехнулась. Вот и очередное унижение. Сколько же мне предстоит еще хлебнуть грязи, в которую меня окунают с момента сватовства его сиятельства? Переплетя пальцы, я прошлась по будуару, ненадолго остановилась у окна, но внутри все больше клокотали обида и горечь, и я отправилась в бессмысленный поход по своим комнатам. В голове столько всего роилось, и каждая мысль жалила, словно рассерженная оса.

Значит, на вашу верность я могу рассчитывать, дорогой супруг, и вы никогда не унизите меня? Идите в свою комнату? Да? Да?! Волна жгучего протеста затопила меня. Кровь вскипела, затмевая разум, и я огляделась снова. На глаза попала ваза с цветами из оранжереи, и я стремительно направилась к ней. Схватила, размахнулась, а после достала цветы и положила их на стол. Снова замахнулась и кинула вазу в стену. Отшвырнула ногой стул, бросила на пол статуэтку, но успокоение не приходило, и я продолжила громить свои покои.

Прибежали горничные, в том числе и та, что принесла мне стакан с водой. Я забрала стакан, с жадностью выпила воду, и стакан тоже полетел в стену.

— Ваше сиятельство! — испуганно воскликнула одна из женщин.

Я обернулась к ней, тряхнула волосами и велела:

— Соберите мои вещи, я ни одной лишней минуты не останусь в этом гадком городе.

— Но, ваше си...

— Соберите мои вещи! — закричала я, топнув ногой. — Ох, Богиня, да что же это?

Я схватилась за пылающие щеки, испытывая стыд от осознания, что вытворяю на глазах

прислуги. И это я! Да я ведь мухи не обижу, а тут вдруг устроила погром... Запал прошел так же неожиданно, как вспыхнул. Я оглядела беспорядок, после бросила хмурый взгляд на горничных и стремительно покинула покои. Что мне хотелось сделать? Я уже сама не знала. Но больше всего я желала держаться, как можно дальше от своего супруга. Слезы, наконец, прорвали плотину моего гнева и побежали по щекам. Но я снова топнула ногой, уже на себя, смахнула их и направилась к дворецкому, примеченному мною.

— Визитерша еще с его сиятельством? — спросила я.

— Д-да, ваше сиятельство, — чуть запнувшись, ответил дворецкий.

— Велите закладывать карету, — приказала я.

— Но его сиятельство...

— Довольно! — снова взвилась я. — А я кто? Я пустое место? Я — диара Данбьерга и ваша хозяйка. Велите закладывать карету!

— Слушаюсь, ваше сиятельство, — опешивший мужчина, гулко сглотнул, после поклонился и поспешил исполнять мое распоряжение.

Удовлетворенная маленькой победой, я вернулась в свои комнаты, посмотрела на горничных и приказала:

— Принесите плащ и шляпку.

Одна из женщин поспешила за плащом, вторая хотела поправить мне прическу, но я вытащила из волос все шпильки, тряхнула головой, давая прядям рассыпаться по плечам. Очередная детская выходка, но она принесла мне толику удовлетворения, и я слегка расслабилась. После взяла плащ и шляпку и вновь покинула покои. Карета ждала меня уже парадной лестницы.

— В Данбьерг, — велела я кучеру на глазах ошеломленных лакеев.

Лошади тронулись с места, и я выглянула в окошко. Однако мой супруг был слишком занят своей визитершей, чтобы заметить творившееся под его носом. Откинувшись на спинку сиденья, я дала волю своему воображению, и оно нарисовало мне такие возмутительные картины творившегося в малой гостиной, что это живо напомнило папенькину книгу со срамными иллюстрациями. Закусив губу, я постаралась не расплакаться, но вскоре рыдала в голос, размазывая слезы по лицу сжатыми кулаками.

Когда карета неожиданно остановилась, я уже жалела себя гораздо тише, и была увлечена своим занятием столь сильно, что не заметила, ни остановки, ни распахнувшейся дверцы. И только голос его сиятельства заставил меня взвизгнуть.

— Флоретта, что вы творите, позвольте вас спросить? — сухо спросил меня супруг, свесившись с лошади и заглядывая в карету.

— А что я творю, по-вашему, Аристан? — спросила я ядовито.

— Какое-то возмутительное непотребство, — последовал ответ.

— Ах, это я возмутительна? — воскликнула я, подаваясь вперед. — Не вы ведете себя непотребно, а я? Уж не знаю, в чем вы клялись вашей отвратительной даме, но мне вы обещали, что я не буду унижена. Однако именно это вы и сделали, так что же я творю, ваше сиятельство?

— Ваяете дурака и оскорбляете меня недоверием, — отчеканил диар. — Я же сказал, что все объясню вам. Вы же разгромили наш дом, перепугали прислугу, угнали кучера вместе с каретой...

— Ни дня не останусь в этом ужасном городе! — ожесточенно ответила я. — Сунула нос в королевский дворец, и меня унизили. Вернулась в дом своего супруга, считая его

надежной крепостью, но даже там оказалось небезопасно. Приду в оперу, и там надают оплеух? Да что я такого сделала, чтобы меня оскорбляли на каждом шагу?! Всего лишь вышла за вас замуж, Аристан, вот что я сделала...

— Хорошо, — перебил меня диар. — Хорошо, вам не нужна столица, не нужна опера. Вы хотите вернуться домой в Данбьберг, но вы хотя бы озаботились деньгами? Где вы остановитесь на постоя? Чем собирались кормить лошадей? А кучера? Ему тоже нужно есть и спать. Чем вы собирались платить за все мною перечисленное?

— Драгоценности...

— С вашей наивностью вас бы ограбили в два счета, — отмахнулся Аристан. — Заодно увели бы и карету вместе с кучером.

— Дались вам карета и кучер! — возмутилась я, начиная понимать, как сглупила, бросившись прочь из столицы, даже не озаботившись насущным.

— Я, знаете ли, сентиментален, ваше сиятельство, — язвительно ответил диар, — и нежно люблю и карету, и кучера. А еще несу ответственность за своих людей и за свою супругу, которая не ценит ни человеческой жизни, ни жизни животных, ни нервов своего мужа. Отчего вы взъелись, Флоретта? Я не звал к нам в дом этой женщины, более того, я расстался с ней еще до возвращения в диарат уже год назад.

— Но выгнали меня и остались с ней наедине...

— А вам хотелось выслушать всю ту грязь, которую она готова была на вас вылить?

— Вы объяснялись...

— Да, драгоценная моя, объяснялся. Представьте себе, объяснялся. Эта женщина была той самой невестой, помолвку с которой я расторг. И нас с ней связывали отношения на протяжении последних пяти лет. Я достаточно хорошо успел изучить склочный нрав несостоявшейся супруги, чтобы сомневаться в еще большем скандале... Да что я вам объясняю?! — вдруг взвился Аристан. — Вы все равно не желаете меня слушать и не верите мне. Иначе не вели бы себя, как помешанная. Проклятье, Фло! Я вожусь с вами, как с малым дитем, и что мне дала в результате моя мягкость? Вашу отвратительную выходку и побег. Из всех скромниц я умудрился выбрать самую сумасбродную! Разворачивай назад, — приказал его светлость, обернувшись к кучеру, резко оборвав наш разговор.

— Зачем в столицу? Я не хочу...

— Я хочу! — рывкнул на меня супруг и добавил спокойней. — В погоне за собственной женой я тоже как-то не озаботился деньгами.

— Вы хотите, — фыркнула я. — Конечно, кто будет спрашивать, чего хочет мышь?

Аристан, уже отъехавший от кареты, резко обернулся и язвительно произнес:

— Знаете, Флоретта, если я женился на мыши, то мне досталась мышь размером с тигра.

Я вспыхнула, захлопнула дверцу кареты, скрестила руки на груди и нахохлилась, глядя в окошко на своего мужа. Он полуобернулся, мазнул по мне взглядом и больше не обращал внимания. Рейстен мы покинули вечером того же дня, как раз, когда в королевской опере началось представление.

ГЛАВА 10

Возвращение в Данбьберг не принесло мне душевного успокоения. Вроде бы и дома, даже папенька с сестрицами рядом. Стоило только сесть на лошадь, и я уже рядом с ними.

Играю с близнецами, слушаю ворчание родителя, что добропорядочная жена должна быть рядом с мужем, а не оставлять его ежедневно, чтобы проводить время в родительском гнезде. И я даже принимала увещевания агнара Берлуэна и находила их справедливыми, только вот моя компания мужу была не нужна вовсе. То, что стало причиной нашего спешного отъезда из Рейстена, кажется, еще больше отдалило нас друг от друга.

Нет, Аристан был со мной все так же безупречно вежлив, выслушивал мои пожелания и исполнял их, если они касались моих нужд. Не отказывал и не укорял за ежедневное бегство под сень отчего крова, но виделись мы теперь с ним совсем мало. И если я еще пыталась найти супруга и завязать с ним разговор, то он не искал моего общества совершенно. Даже, кажется, тяготился тем, что я высиживаю рядом, приставая с разными вопросами.

— Поговорим позже, ваше сиятельство, я сейчас занят, — говорил он, и я покорялась, оставляя диара наедине с его делами.

Наши трапезы проходили совместно, в Кольберн так же навещались вместе. Я навещала инара Рабана, который расцветал, стоило мне переступить порог его мастерской. Мужчина все время намекал мне на какой-то сюрприз, который готовит для меня по желанию моего супруга, но об этом я знала еще со дня нашей свадьбы. Кстати, стоит заметить, что Аристан так и не рассказал мне о нем, отговорившись, что все узнаю в свое время. И мне оставалось лишь гадать, что готовят мне его сиятельство и портной.

Сам диар, пока я была занята приятельской беседой с почтенным мастером, отправлялся в городской магистрат. Однажды я все же выпросила взять меня с собой, но едва не заснула, пока супруг беседовал сначала с кольбернскими чиновниками, а после чиновниками, прибывшими из других городов диарата. После того единственного похода и жуткой скуки, царившей в стенах магистрата, я больше не пыталась увязаться за его сиятельством. Впрочем, Аристан не преминул поддеть меня:

— Вы со мной, Флоретта?

— Это необходимо? — сразу заскучала я.

— Как, вас больше не увлекают дела диарата? — фальшиво изумился супруг.

— Я полностью доверяю вам, ваше сиятельство, — поспешила я заверить его.

— Вы чрезвычайно милы, — усмехнулся диар и сдал меня инару Рабану.

Впрочем, инар Рабан был не единственным, кто развлекал меня, пока мой муж был занят делами. После возвращения из столицы мы с супругом получили приглашение на игру в трефаллен, пока еще стояли погожие дни, и промозглость осени не вступила окончательно в свои права. Приглашение прислал агнар Кетдил. На игру должны были собраться еще несколько семейств, но мы с его сиятельством, конечно, были названы самыми почетными и желанными гостями.

— И что вы скажете, ваше сиятельство? — поинтересовался диар, зачитав мне послание агнара Кетдила. — Продолжаем прятаться, или все-таки пришла пора высунуть нос из нашей заячьей норы?

Я пожала плечами, но заметив насмешливый взгляд супруга, решительно кивнула и воинственно сказала:

— Пора. Пора выйти в свет.

— Обмороки ожидаются? — любопытствовал диар.

— Вы же знаете, что день тогда выдался не из легких, — нахмурилась я.

— Да, я помню, — деловито кивнул Аристан, — вы тогда чуть не лишились любимых панталон.

Я вспыхнула:

— Ваше сиятельство!

— Да, ваше сиятельство?

Скрипнув зубами, я все-таки удержала свой гнев, но произнесла:

— Порой ваши высказывания... раздражают.

— Так излейте свой гнев, драгоценная моя, — невозмутимо ответил диар, пожав плечами. — Хвала Богине, комнат у нас много, крушите на здоровье.

Заскрежетав зубами, я притопнула ногой и выскочила прочь из кабинета супруга, куда меня пригласила горничная. Сделала несколько стремительных шагов по коридору, но чем дальше я удалялась, тем медленней шла. Наконец, остановилась и обернулась назад. Сузив глаза, я испепелила дверь кабинета, затем сжала кулаки. Ну уж нет, дорогой супруг, не сдамся! Иронизируйте, язвите, жальте, змей вы мой хладнокровный. Выдержу! Повторно притопнув ногой, уже для пущей уверенности, я решительно вернулась назад, распахнула дверь и вошла в кабинет.

Диар оторвался от бумаги, которую читал в этот момент, посмотрел на меня, насмешливо изогнув бровь. После отложил бумагу, скрестил руки на груди и откинулся на спинку кресла. Я уселась на стуле напротив, расправила подол платья и сложила руки на коленях, превращаясь в самую невозмутимость... По крайней мере, мне хотелось верить, что именно так я и выгляжу.

— Прислугу проверить ходили? — любопытствовал супруг.

— Да, слышалось что-то, — рассеянно ответила я. — Так что там с приглашением?

Диар взял с края стола отложенное послание, положил перед собой и поднял на меня взгляд. Я не заметила и тени недавней насмешки. Аристан стал серьезен, тут же закончив подтрунивать надо мной, и мне невольно пришло на ум, что это связано с тем, что я сумела взять себя в руки и перестала вести себя, как маленькая обиженная девочка. Приободрившись, я расправила плечи и кивнула, показывая, что готова слушать.

— На будущей неделе нас приглашают сыграть в трэфаллен, — заговорил супруг. — Вы вряд ли знакомы с этой игрой. По большей части, в нее играют мужчины. Дамы будут наблюдать, мило сплетничать и потягивать легкое вино. Для вас это отличный повод, наконец, свести более близкое знакомство с агнарами. Среди приглашенных должна прибыть и ваша подруга в прошлом, если не ошибаюсь. Ее имя я помню из вашего рассказа о детстве и юности. Думаю, вам нужна подруга и в настоящем. Почему бы не начать дружбу заново?

Я поджала губы, задумавшись. Слова его сиятельства были не лишены смысла, однако кое-что меня смущало. С тех пор, как Ларситта вышла замуж, она не ответила ни на одно из моих посланий. Кажется, она даже начала стыдиться нашей прежней дружбы. Вряд ли мы сможем снова стать с ней близки. Свои соображения я высказала его сиятельству.

— Если дело обстоит так, то вы получите не подругу, а подлизу и завистницу. Что ж, прошлое должно оставаться в прошлом, забудем об этой агнаре. Поверхностное снисходительное общение вполне уместно. Прохладная вежливость укажет, что вы можете поддержать беседу, но особого интереса к ней не питаете. В таких случаях собеседник отходит первым. Отличный способ избавиться от излишнего внимания не особо приятных вам людей.

Внимательно выслушав супруга, я кивнула, соглашаясь с ним. Он едва заметно улыбнулся и продолжил:

— Из дам помоложе будет еще две агнары, впрочем, из дам в возрасте выходят также неплохие знакомые. Они более благожелательны, чем ваши ровесницы и женщины на несколько лет старше. К тому же умудренные жизнью женщины могут стать неплохими собеседницами и советчицами в дамских делах. Однако лично я рекомендовал бы вам свести знакомство с дочерью хозяев поместья. Юная агнара Кетдил достаточно серьезная и рассудительная девушка. К тому же не лишена живого нрава, и вам может быть с ней интересно. На мой взгляд...

— Аристан, — он прервался и вопросительно посмотрел на меня, а я вдруг поняла, что, кажется, отзыв об агнаре Кетдил вызвал у меня неприятное чувство, сродни тому, что я испытала при появлении неприятной женщины в столичный дворец диара. — Нет. Ничего, продолжайте.

— Драгоценная моя, — его сиятельство снова откинулся на спинку кресла, — если уж начали, то выскажитесь, или же не начинайте. Вы уже начали, стало быть, нужно закончить.

— Сухая глупость, ваше сиятельство, — отмахнулась я.

— Флоретта, я хочу знать все глупости, которые приходят вам в голову своевременно. Это поможет нам предотвратить непонимание и, как следствие, всплеск ненужных скандалов. — Аристан поднялся с кресла, обошел стол и уселся на его край, скрестив на груди руки. — Говорите же, дорогая, я вас слушаю.

— Какой же вы дотошный, ваше сиятельство, — проворчала я, глядя на него.

— Предусмотрительный, — не согласился супруг. — Итак, ваше сиятельство, разделите со своим мужем ваши печали.

— Хорошо! — воскликнула я, но сразу же убавила тон под одобрительным взглядом диара. — Вы так восхваляете агнару Кетдил... Она вам... нравится?

Брови Аристана взлетели вверх, он несколько мгновений рассматривал меня, а я все больше хмурилась, чувствуя досаду от собственных слов. Ну что же это такое? Супруг пытается помочь мне не ошибиться с выбором близкой знакомой, а я вдруг со своими глупыми подозрениями. Конечно, он лучше знает этих дам, и еще ни один совет диара не оказался неверным, к чему тогда мои сомнения?

— Ревность? — вопрос супруга застал меня врасплох. — Фло, вы ревнуете?

Я открыла рот, чтобы ответить, но тут же закрыла его и нахмурилась. Я ревную? Своего мужа? Глупость какая... Или не глупость?

— Идите ко мне, — прозвучало это мягко, но возражений не допускало.

Немного помявшись, я все-таки встала и подошла к диару, вопросительно глядя на него. Его сиятельство поймал меня за руку и притянул к себе ближе. Теперь я оказалась между длинными ногами мужа, и его руки сошлись на моей талии. Легкое смущение сменилось удивлением, а после и затаенной надеждой на... на что? Наверное, на нечто похожее на то, что произошло в моих комнатах в столичном дворце, когда супруг пригласил меня в оперу. Я заглянула в глаза Аристана, пытаюсь понять, что он сейчас думает и для чего изменил тому отстраненному поведению, которого придерживался всю дорогу из столицы и то время, что прошло с момента нашего возвращения.

— Вы все еще продолжаете подозревать меня, — уверенно произнес он.

— У меня есть на то основания, ваше сиятельство, — ответила я и все-таки опустила взор на грудь мужа, но он поддел мой подбородок, вынуждая снова посмотреть в глаза. Ладонь диара вернулась мне на талию, и я несмело положила руки ему на грудь. Аристан не уклонился.

— Озвучьте свои основания, ваше сиятельство, — попросил супруг. — Без ложного стеснения и недомолвок.

Вздыхнув, я отвернулась к окну, некоторое время рассматривала дождевые дорожки. Ветер принес пожелтый лист, и он ненадолго прилип к мокрому стеклу.

— Если я озвучу то, что гнетет меня, не будет ли это нарушением установленных правил и договоренностей? — задумчиво спросила я, скорей, саму себя, чем диара.

— Вы собираетесь устроить в нашем доме сбирце поклонников Проклятого Духа? — приподнял брови супруг. — И они будут жить в моих комнатах?

— Нет! — возмущенно воскликнула я и несильно стукнула ладошкой мужа по груди. Смутилась, но его сиятельство только насмешливо хмыкнул. Расслабившись, я ответила с улыбкой. — Могу вам поклясться, что с этими отступниками у меня нет ничего общего, а если и будет, обещаю вам, что ваши комнаты останутся нетронутыми.

— И на том спасибо, — чуть склонил голову диар.

Помявшись еще немного, я все же ответила:

— Вы совсем отделились, перестали навещать мою спальню, даже в установленные дни...

— Вам не хватает моего общества? — уточнил Аристан. — Впрочем, конечно, после возвращения из поместья Берлуэн вы предоставлены сами себе. Вам скучно.

— А ваши ночные визиты...

— Не думал, что вы скучаете по ним, — усмехнулся диар. — Они не приносили вам удовольствия, и в том моя вина, но вы правы, я небрежен в исполнении своих супружеских обязанностей. Только не вздумайте вбить себе в голову, что дело в вас. Тому способствовал ряд причин. Обещаю быть к вам внимательней. Это все, что гнетет вас и наталкивает на ненужные домыслы?

Я отрицательно покачала головой. После бросила на мужа косой взгляд:

— Та история... в столице. Вы так ничего и не рассказали о том, что происходило между вами и той женщиной, вашей любовницей...

— Богини ради, Флоретта! — воскликнул Аристан. — Что именно вы хотите знать? Сколько брани мне пришлось выслушать, когда агнара поняла, что решение принятое год назад неизменно? Я же говорил вам, что на мою верность вы можете полагаться. Я не ожидал ее визита, даже не вспоминал об этой женщине. После того, как мы расстались, я уехал в диарат. Рин писала мне первую пару месяцев, я не отвечал. В своем последнем письме она пригрозила, если я не отвечу, то она больше не приблизится ко мне, я снова не ответил. Потому полагал, что с этой стороны опасаться уже нечего. Все, кто виноват в появлении скандалистки, были уволены мною, пока мне седлали лошадь, чтобы отправиться за вами в погоню. Ваш подзащитный повышен, он оказался единственным, кто пытался остановить Рин. Теперь у нас новый дворецкий.

— Почему ее пропустили? — я старалась говорить ровно, потому снова отвела взгляд к окну, так было легче сохранять невозмутимый вид.

Ладонь диара скользнула по моему плечу, спустилась по всей длине руки и замерла, накрыв мои пальцы, все еще покоившиеся на груди его сиятельства.

— Обычная человеческая глупость и недальновидность, — услышала я и посмотрела на супруга. — Когда шесть лет назад мы возобновили старое знакомство, я позволил ей приходить, когда вздумается. Через какое-то время я об этом пожалел, но отменять приказ слугам не стал, потому что сцен мне и без того уже хватало. Эта женщина умеет быть

невыносимой и раздуть скандал может из ничего. Поверите ли, я был рад, что судьба распорядилась так, что наша свадьба с ней не состоялась. В общем, прислуга с чего-то решила, что старые правила продолжают действовать, и пропустили ее. Правда, хватило ума хотя бы попросить ее подождать, пока о визите доложат. Но агнара была слишком взвинчена, чтобы ждать. Дворецкий, привратник и несколько лакеев посчитали за благо не вмешиваться. Это было ошибочное решение, и виновные понесли заслуженное наказание.

— Но вы выпроводили меня, — мой взгляд не отрывался от пальцев мужа, рассеянно поглаживавших тыльную сторону моей ладони. — Это было унижительно.

Диар откинул голову назад и вздохнул.

— Поверьте, если бы я уводил ее, было бы только хуже. Если бы я знал, что вы хотите посмотреть низкопробное представление и пополнить свой запас бранных слов, я бы непременно поволок скандальную визитершу из гостиной. Привлечь прислугу к скандалу, было равносильно распалить Рин, и тогда в наш следующий визит в столицу нас ожидал бы неприятный прием в обществе. Это не диарат, и я не могу одним показательным представлением закрыть всем рты. Столичные дамы умеют объединяться, можете себе представить, что ожидало бы вас? Мне хотелось максимально уменьшить последствия взрыва пороховой бочки. Впрочем, мне это не удалось. Когда мне доложили, что вы сбежали, я послал Рин к Проклятому Духу и отправился отлавливать вторую пороховую бочку — свою кроткую жену. Так что в столицу мы теперь выберемся нескоро, по крайней мере, пока я не увижу, что вы готовы дать достойный отпор нападкам на вас.

— Ох, Богиня, — я снова подняла взгляд на его сиятельство. — Но как же вы смогли... встречаться с такой женщиной целых пять лет?

— Вам так хочется слушать о моих прошлых отношениях, Флоретта? — усмехнулся супруг. — Хорошо. Рин быстро поняла, что ее истерики меня отталкивают, и я начинаю уклоняться от встреч. Она сумела отказаться от сцен. Теперь вы слышали все, что хотели?

Я кивнула, но после мотнула головой.

— Ну? — насмешливо спросил диар.

— Та агнара, на которую вы мне советуете обратить внимание...

— Мать Покровительница, — я бросила взгляд на Аристана, на его губах играла ироничная улыбка. — Что так насторожило вас? Что я такого сказал об агнаре Кетдил? Разве вы расслышали восхищение, умиление или же нежность в моем голосе? — я отрицательно покачала головой, таких чувств в голосе супруга я и вправду не уловила. Пожалуй, это было сухое перечисление личных качеств еще неизвестной мне агнары. — Вы не можете все время прятаться в поместье. Да и я не буду с вами постоянно. Бывает, мне приходится уезжать по делам. А вы не можете ездить только к своим родным и инару Рабану. Вы моя жена, и в ваши обязанности входит не только управление поместьем, но и светская жизнь диарата. Вам необходимы знакомые, на которых вы сможете положиться. Я всего лишь отмечаю тех, кто, скорей всего, не доставит вам разочарований. Драгоценная моя, я обещал вам заботиться о вас, и я продолжаю сдерживать свои обещания. И даже если я несколько... отстранен, это не означает, что вы и ваша судьба мне безразличны. Теперь вы успокоились?

— Кажется, да, — смущенно улыбнулась я. — Ах, Аристан, я... просто... Я знаю, что вы желали иных отношений, и я веду себя совсем не так, как вам бы хотелось...

— Флоретта, — я подняла голову, а в следующее мгновение губы супруга завладели моими, и я задохнулась от неожиданной страстности этого поцелуя.

Он закончился так же резко, как и начался. Аристан вдруг отстранился, сжал мою

голову в ладонях, пристально вглядываясь мне в глаза, судорожно вздохнул, коротко выругался, а после вновь поймал меня в ловушку головокружительного поцелуя. Руки диара сжались сильнее на моем теле, и новый вздох вырвался из груди, когда муж оторвал меня от пола и усадил на стол, меняясь со мной местами.

— Арис... Аристан, — срывающимся голосом произнесла я, цепляясь за его плечи, — что...

— Тс-с, — его сиятельство покачал головой.

Кончик мужского пальца обрисовал мои губы, опустился на подбородок, скользнул на шею, и ладонь супруга перебралась мне на затылок. Взгляд затуманившихся серых глаз блуждал по моему лицу, ненадолго задержался на приоткрывшихся губах, а после диар склонился, и я зажмурилась, когда он проложил по моей шее дорожку легких поцелуев. Ласковые, почти невесомые прикосновения родили во мне трепет, но на смятение или испуг это не было похоже вовсе. Приятное тепло заструилось по телу, вызвав томление и нежелание, чтобы супруг остановился.

Но он все-таки отстранился, и я разочарованно вздохнула. Аристан улыбнулся, дошел до дверей и повернул в замке ключ, запирая нас внутри кабинета. А когда вернулся ко мне, я задала глупейший вопрос:

— Зачем вы закрыли дверь?

— Считайте это моей блажью, — усмехнулся супруг, и я вновь оказалась сжата в его объятьях.

Горячая ладонь легла мне на колено и потянула подол вверх.

— Мы в кабинете, — прошептала я.

— Правда? — насмешливо спросил его сиятельство. — Надо же, никогда бы не подумал.

— На столе...

— Какая вы внимательная, ваше сиятельство.

— Днем...

— Да что вы!

— А...

— Довольно слов, хочу сегодня услышать от вас иные звуки.

— Какие? — наивно спросила я.

— Скоро узнаем, — прошептал супруг мне в губы, и рука его нырнула под подол...

Я закусила губу, отчаянно зажмурилась и постаралась не думать о том, что делает со мной диар. Ничего более ошеломляющего со мной не происходило ни разу в жизни. Даже первая ночь, даже происшествие в карете не заставили меня забыть настолько, чтобы из груди рвались стоны. Время вдруг замедлило бег, стирая грани реальности, а после и вовсе остановилось, уничтожая само мое существо, превращая тело в жидкий воск, чтобы через несколько мгновение слепить нечто новое, незнакомое, ошеломленное возрождением из небытия.

— Фло, — тяжелое горячее дыхание коснулось моего виска. Аристан прижался ко мне, простонав: — Проклятье, Фло, зачем все так сложно...

Я попыталась заглянуть ему в глаза, чтобы понять, о чем говорит диар, но он не позволил. В который уже раз терзая мои губы поцелуем. И снова я забыла себя в ласках своего мужа. Забыла странные слова и затаенную муку в его голосе, забыла обо всем на свете, полностью отдавшись на волю мужчины, которому принадлежала без остатка.

Отдавалась без затаенной горечи и сожаления, неожиданно чувствуя, что между нами нет того безразличия, которое было изначально. Чтобы ни случилось после, как бы вновь ни поменялся Аристан, но именно сегодня и сейчас он принадлежал мне без всяких «но» и условий, как и я ему.

Уже позже, когда страсти улеглись, а я так и осталась сидеть на столе, в ошеломлении чувств не сводя взгляда с собственного супруга, он собрал с пола разлетевшиеся бумаги и сложил их стопкой на своем кресле. После устроился рядом со мной и вернулся к обсуждению будущей поездки. Я слушала его, кивала, но не уловила ни слова, снова и снова переживая произошедшую близость. Мой взгляд замер на сцепленных пальцах диара, и краска щедро залила щеки.

— Флоретта.

Вздрогнув, я вскинула голову, чтобы посмотреть на мужа, но увидев его добродушную усмешку не без примеси иронии, снова опустила взгляд, прячась под ресницами.

— Где вы, драгоценная моя? — полюбопытствовал его сиятельство.

— На столе, — пробормотала я, и супруг негромко рассмеялся.

— Я так и понял, — ответил он.

После взял за руку и поднес ее к своим губам.

— Не желаете ли составить мне компанию на конной прогулке? — спросил Аристан. — Кажется, дождь прошел.

Я посмотрела в сторону окна. Небо посветлело, и призрачных росчерков уже не было видно.

— Да, прокатиться верхом было бы неплохо, — рассеянно кивнула я.

— Я буду ждать вас на улице, — диар встал на ноги, снял со стола меня и ненавязчиво подтолкнул к дверям.

Посмотрев на него еще раз, я снова кивнула и поспешила покинуть кабинет, испытывая облегчение, словно с меня спали путы навеянных чар. Мысли начали проясняться, и я поняла, что вообще не могу вспомнить, о чем мне говорил его сиятельство с той минуты, как возобновил наш разговор. А после пришло осознание нашего последнего дня пребывания в столице, только теперь я думала о своем муже, представив себя на его месте.

Его сиятельству тоже ведь было нелегко. Начать хотя бы с визита во дворец. Он ведь знал, что король недоволен им и сердится за скоропалительную женитьбу без соблюдения предписанных этикетом правил. Сейчас, вспоминая встречу с Ее Величеством, я вдруг увидела все в ином свете. Государыня встретила нас, нет, не нас, а его язвительным приветствием. Но она оказалась более мягкой и любопытной, как все женщины, потому мои неожиданно вырвавшиеся слова о скачках изменили ход нашей встречи и умилостивили королеву.

Зато Его Величество своего не упустил, отхлестав словесно провинившегося диара, задев его супругу. Если вдуматься, мне король не сказал и слова, только сыпал ядовитыми замечаниями в адрес Аристана. Да и что королю за дело, как я выгляжу и насколько красива? Что же тогда он выслушал за день до этого, когда отправился испросить дозволение на представление своей жены Их Величествам? Значит, ехал во дворец не в лучшем расположении духа, ожидая подвоха от правящей четы. Не мог не ожидать, хорошо зная нашего монарха. Но каково самообладание! Ни словом, ни взглядом не показал своего беспокойства, не стал предупреждать, зная, что это приведет меня в окончательный и бесповоротный ужас. Я бы, наверное, искусала в кровь губы и рыдала навзрыд, понимая, что

попала в немилость.

— Ох, Богиня...

Аристан, желая оградить меня от излишнего волнения, еще больше усугубил свою провинность, решив и дальше нарушать правила. Он ведь сослался на дела диарата и отказался устраивать приемы в честь своего бракосочетания. То есть не стал сглаживать свой огрех, рассердив Его Величество еще больше. Интересно, уж не вмешательство ли и заступничество Ее Величества уgomонило монарха, и окончание встречи прошло более-менее мирно? Надеюсь, что так...

А потом был мой обморок и истерика в карете. Тогда выходит, что находясь не в лучшем расположении духа, диар вновь скрыл свое состояние, предпочтя успокаивать меня. Затем был визит той ужасной женщины. И с чего я столько всего навоображала себе? Ведь слышала же, как мой супруг разговаривал с ней. И как угрожал выкинуть прочь, если она не перестанет сыпать оскорблениями в мой адрес. Сейчас, вновь переживая те тяжелые минуты, я не могла найти на лице его сиятельства и тени волнения или радости, когда его первая невеста ворвалась в гостиную. Недоумение, досада, гнев — эти чувства я точно видела, но ничего такого, что указало бы на особое отношение к визитерше. Тогда почему я опиралась на колкие выпады невоспитанной особы, но даже не задумалась о поведении супруга? Неужто и вправду ревность?

Затем вспомнилось, что устроила я сама. Прижав ладони к пылающим щекам, я ускорила свой шаг, словно пытаюсь убежать от неприятных воспоминаний. Этот погром, кричала и топала ногами на прислугу. После и вовсе сбежала, не взяв ни денег, ни вещей, зная, что ехать нужно больше недели. Действительно, помешанная. А каково было диару, слушавшему выпады уязвленной бывшей любовницы, узнать о сумасшествии и побеге собственной жены. Конечно, он вспылал, когда догнал меня. Но снова скрыл все, что скопилось в нем за прошедшие два дня пребывания в столице, предпочтя знакомую мне прохладную вежливость ярко выраженному недовольству и упрекам. А я даже не извинилась за свою вспышку, считая себя правой. Сначала дулась, потом цедила слова сквозь зубы, а после решила пойти на примирение, сделав вид, что ничего не было. И вместо того, чтобы поговорить с мужем о том, что меня тревожит, я начала ежедневно сбегать к папеньке и сестрам, прячась там от возникшего отчуждения. Конечно, его сиятельству должно было стать неприятно. Он портит отношения со знатью в диарате, противостоит государю, теперь еще и высший свет ополчится на него. Не на меня, я им не интересна, а на него! А я только и занята тем, что жалею себя и придумываю новые поводы к самоуничтожению в собственных глазах. Ну с чего я решила, что достается только мне? Лишь потому, что Аристан умеет владеть собой и никогда не показывает своих истинных чувств?

И я еще толкую о нарушении установленных правил! Да я и не следую им толком, а супруг ни разу не указал мне на это. Помнится, я хотела быть тихой и незаметной, но уже столько раз упрекнула его, потребовала отчета в его действиях, и в ответ еще ни разу не услышала грубости. Мышь размером с тигра... Вот уж точно.

— Хороша скромница, — проворчала я себе под нос.

Переодевшись для конной прогулки, я спускалась вниз полная решимости изменить свое поведение и отношение к супругу. И начать решила с главного — извиниться за то, что добавила ему переживаний своим непониманием, недоверием и нежеланием задуматься о происходящем. А еще хотелось сделать Аристану что-нибудь приятное, только я не знала, что и как. Удивительно, но о вкусах и интересах его светлости я до сих пор не удосужилась

узнать. Точней сказать, знала то, что подметила, или диар упоминал вскользь. Ну, не просить же у супруга деньги, в самом деле, чтобы купить ему новые запонки! Впрочем, некоторая сумма у меня имелась. Его сиятельство неоднократно давал мне деньги в пути и после возвращения, когда мы ездили в город, чтобы я не была стеснена в своих потребностях, но потратить их особо как-то не довелось. И все же сначала нужно было узнать о пристрастиях супруга.

С этими мыслями я вышла на улицу, где меня уже ждал Аристан. Конюх держал под уздцы Грома и Золотце, диар стоял неподалеку. Он как раз натягивал перчатки, но услышав мои шаги, поднял взгляд и улыбнулся.

— Вы очаровательны, ваше сиятельство, — сказал он, и я зарделась от удовольствия, отчего-то веря, что это не комплимент из вежливости, а искреннее признание.

— Благодарю, ваше сиятельство, — ответила я и вложила в протянутую ладонь свои пальцы.

Ощувив легкое пожатие, взглянула в глаза диара и почувствовала облегчение, обнаружив, что ледяная корка все еще не затянула их. Супруг помог мне забраться в седло, легко запрыгнул сам и тронул поводья, первым направляясь прочь от дворца. Я последовала за ним, и вскоре мы выехали из ворот поместья.

Я поглядывала на Аристана и, признаться, любовалась им. Не в первый раз, но сейчас получая удовольствие от своего любования. В какой-то момент я даже позавидовала сама себе, хмыкнула и отвела глаза, чтобы скрыть улыбку.

— Я такой забавный? — спросил диар.

Мне казалось, что он не заметил моего внимания.

— Ваш интерес сложно было не почувствовать, — я повернула голову и встретилась с ироничной улыбкой его сиятельства. — Так что вас так рассмешило, Флоретта?

— Я, я рассмешила саму себя, — призналась я, чуть смущенно улыбнувшись в ответ. — Вы сейчас начнете пытаться меня?

— Непременно, — ответил супруг, уже глядя вперед себя. — Пытаться молоденьких жен — мое любимое занятие, когда я не занят более важными делами.

— Какими, например? — живо заинтересовалась я, принимая его игру.

— Вы совсем обо мне ничего не слышали? — фальшиво изумился Аристан.

— Кажется, слышала... — задумчиво произнесла я. — Говорят, в Нечистую ночь вы похищаете девственниц, раздеваете их и заставляете воспевать Проклятого Духа. Сами же восседаете голым на черном пне и смотрите на непотребные танцы чистых дев. #286932735 / 29-дек-2016 После пьете их кровь...

Диар поперхнулся и воззрился на меня уже в искреннем изумлении.

— Обо мне, действительно, такое говорят? — я кивнула, умудрившись сохранить на лице серьезное выражение. — Раньше говорили, что я рублю руки и ноги каждому, кто заходит в мой лес...

И я не выдержала. Откинула назад голову и расхохоталась в голос.

— Флоретта, вы солгали! — воскликнул супруг. — Проклятье, я ведь вам и вправду поверил, честнейшая из женщин.

— Вы такой доверчивый?

— От вас, драгоценная моя, я не ожидал подвоха, — усмехнулся Аристан. — Вы застали меня врасплох, расслабленного, гордого собой...

— Вы гордились собой? И что же был за повод для гордости? — заинтересовалась я,

ожидая услышать нечто неважное.

— Как это что за повод? — возмутился супруг. — Я сберег ваши драгоценные панталоны, сиятельная диара.

— И все же вы похабник, ваше сиятельство, — проворчала я, теряя запал. — Дались вам мои панталоны.

— Панталоны супруги — святы, — с неожиданным одухотворением отвечивал диар. — Но супруга без панталон...

— Довольно! — воскликнула я, пришпоривая Золотце.

Вслед мне неся веселый смех его сиятельства.

— А что вы ожидаете от того, кто голым смотрит на непотребные танцы обнаженных дев?! — крикнул Аристан.

Он догнал меня, и теперь Гром скакал вровень с Золотцем. Диар поглядывал на меня, весело поблескивая лукавым взглядом.

— Вас необходимо вернуть на путь истинный, — наконец заговорила я.

— И что вы можете мне предложить, дорогая жена? Что заменит мне любопытное зрелище в Нечистую ночь?

— Монастырская коза! — ответила я и свернула на тропинку, ведущую к источнику.

— Обнаженных дев на козу? Неравная мена, — супруг снова ехал рядом со мной. — Предложите что-нибудь посущественней.

Разговор сам собой свернул в нужное мне русло, и я порадовалась, что не придется задавать нарочитых вопросов. Теперь их тоже можно было облечь в форму игры, и эта идея пришлась мне по вкусу. Лошади перешли на спокойный шаг, давая возможность полюбоваться осенним лесом. Их копыта шуршали опавшей листвой, сминая ровный пожухлый ковер. Я подняла взгляд на полуоблетевшие желто-красные кроны деревьев, посмотрела на сероватые облака и улыбнулась, ощущая невероятную легкость, словно с плеч моих свалилась целая гора.

— М-м, — наконец, многозначительно промычала я, — стало быть, девы и коза вам кажутся неравноценной меной?

— Совершенно, — кивнул супруг.

— И что же вы может отвлечь вас от ваших ужасающих увлечений? — теперь я с интересом смотрела на диара.

— Если я вам скажу, вы ведь опять обзовете меня похабником, — усмехнулся его сиятельство.

Он пустил Грома рысью, вырываясь вперед. Я проводила супруга взглядом, поджала губы, отказываясь принимать поражение, и поспешила следом. Теперь я пристроилась рядом, обдумывая, как выведать пристрастия диара. Наконец, махнула рукой на игры и задала вопрос прямо:

— И все-таки, что вы любите, Аристан?

— Вы решили поинтересоваться своим супругом? — любопытствовал его сиятельство.

— Это выходит за рамки ваших правил? — я вдруг испугалась, что он скажет «да», и тогда все останется по-прежнему. И окажется, что Аристан ждет от меня только одного — чтобы я стала достойной своего звания и титула.

— Разумеется, нет, — с улыбкой ответил Диар.

Ощувив облегчение, я едва сдержала вздох. Улыбнулась и с новым интересом

посмотрела на мужа, приготовившись слушать.

— У вас такой взгляд, Флоретта, словно вы ожидаете, что я сейчас совершу чудо и проглочу своего Грома целиком, — хмыкнул его сиятельство.

Я взглянула на невинного жеребца, не подозревавшего о фантазиях своего хозяина, и прониклась к нему сочувствием.

— Вы ужасный человек, — я покачала головой, снова посмотрела на коня. — И фантазии у вас ужасные. Как Гром уживается с вами?

— Я ежедневно плачу ему дань отменным овсом, сухим стойлом и прогулками, — ответил диар и вернулся к прежней теме беседы. — Так что вы хотите знать, дорогая?

— Всё, — честно сказала я.

Аристан отвернулся и замолчал, задумчиво глядя перед собой. Наверное, мой вопрос, действительно, требовал более точного направления, но я сказала правду, меня интересовало всё, что было связано с моим мужем. Наше сегодняшнее сближение отозвалось в душе чем-то теплым и приятным, и мне хотелось, чтобы это чувство углубилось и задержалось подольше. Мне невероятно нравился этот Аристан Альдис, открытый и легкий.

— Не люблю осень, — вдруг сказал Аристан. — Она неизменно навевает на меня тоску. Хотя... Пожалуй, в этом году осень меня не раздражает, как прежде. И все же я больше люблю последний месяц весны, когда уже распустилась зелень. Ее сочный цвет радует глаз и вселяет в душу умиротворение и веру в лучшее. Да, определенно, весну я люблю даже больше, чем лето. В детстве я любил и зиму, но однажды я вырос, и прежние зимние забавы остались в прошлом. Теперь в зиме я люблю лишь вечера, когда за окном наступает темнота, в трубах завывает ветер, вьюга швыряет в стекла холодный снег, а в камине пылает огонь, уютно потрескивают дрова... Люблю в такие минуты играть на скрипке, что-нибудь неспешное, немного грустное. Или же сидеть в кресле, глядя на огонь. В такие минуты особенно хорошо думается.

— Жаль, что вы не любите зрителей, — немного грустно улыбнулась я. — Мне нравится слушать, когда вы играете на скрипке.

Диар улыбнулся мне в ответ и кивнул, не уточнив, что имел в виду. Возможно, то, что принял к сведению мои слова. Я замолчала, снова выжидаяще глядя на него. Аристан усмехнулся и вновь задумался.

— Не люблю балы и приемы, — произнес он. — Шумные сборища меня утомляют. Еще в юности быстро пресытился светскими увеселениями. На ярмарках я получаю больше удовольствия. Должно быть, потому что там нет условностей и строгих правил этикета.

— Вы посещаете ярмарки? — изумилась я.

— Богиня! — с преувеличенным ужасом в голосе воскликнул супруг. — Вы вытянули из меня страшную тайну. Даже не знаю, что теперь мне с вами делать, драгоценная моя.

— Продолжить каяться в своих постыдных пристрастиях, — ответила я и спохватилась, заметив, как на устах его сиятельства появляется двусмысленная ухмылочка. — Впрочем, постыдные можете оставить на потом. Начните с признаний благонравных.

— Откуда мне знать, что вы посчитаете постыдным, а что благонравным? — диар усмехнулся, но продолжил: — В детстве меня брал с собой на ярмарки мой гувернер. Мы сбегали с ним тайно, находя разные предлоги для прогулок в город. Больше всего мне нравилось кататься на карусели и хрустеть засахаренными орехами. Признаться, когда я сейчас попадаю на ярмарки, до ужаса завидую детям. Но карусели для меня уже недостижимое развлечение. Хотя орешками я и сейчас не пренебрегаю. Хм, кажется, мы

перешли к еде. — Я кивнула, преисполняясь живейшим интересом. Всё ранее перечисленное воплотить мне было не под силу. — Я — сладкоежка. Обожаю клубнику со сливками, еще замороженные сливки, особенно если в них добавлены фрукты и дробленые орехи. И пирожные со взбитыми сливками... Кажется, я просто люблю сливки, — вдруг рассмеялся его сиятельство. — Наш повар лучше меня сможет рассказать о моих пристрастиях в еде. Правда. Он знает мои вкусы еще с юношеского возраста. Вино предпочитаю красное лейворское. В Лейворе отличные виноградники и виноделы. Наиболее приятным из всего, что они поставляют, считаю «Лисбет». Люблю конные прогулки. Люблю пройтись пешком летним утром. Мать Покровительница, Фло, по-моему, мне дня не хватит перечислить то, что мне нравится.

Он с мольбой посмотрел на меня, я вздохнула и согласно кивнула, позволяя его сиятельству прекратить перечисление своих пристрастий. Мой муж сделал вид, что утирает пот со лба, и рассмеялся. Но улыбка его вдруг померкла, и в глазах мелькнуло уже знакомое мне не совсем понятное выражение.

— Люблю, когда у женщины распущены волосы, — сказал Аристан, не сводя с меня взгляда. — Не люблю вычурность в одежде. Мне нравится изысканная скромность. Диар отвернулся, и его взгляд устремился влево от нас. — Еще мне нравится смотреть на девушку, уснувшую в тени деревьев. Ее умиротворенный лик...

Его сиятельство оборвал сам себя, а я проследила за направлением его взгляда и осознала, что только что сказал мне супруг. Мы выехали к источнику, и смотрел он на те деревья, под которыми я уснула во время своего памятного побега от встречи с женихом. Я перевела растерянный взгляд на диара, но он уже спешил и направлялся ко мне, чтобы помочь спуститься на землю. Я соскользнула в руки Аристана, он подхватил меня, не спеша опустить на землю. Наши лица вновь оказались друг напротив друга, и в этот раз я не стала ждать, сообразив, что он сейчас поставит меня на ноги и отойдет. Эта растерянность на его лице была мне уже знакома.

Бережно обняв лицо мужа ладонями, я сделала то, на что не осмелилась в своих покоях в столичном дворце. Сама поцеловала Аристана. Его губы оставались плотно сжаты, но я не остановилась и не позволила себе расстроиться. Обвила шею диара руками, продолжая целовать упряма. И он ответил, сильнее сжав меня в объятьях. Поцелуй становился все более страстным, и уже супруг вел меня в этом упоительном танце губ. Наконец, он поставил меня на землю, разорвав поцелуй. Ладонь его легла мне затылок и прижала голову к груди диара.

— Ох, Фло, — протяжно вздохнул Аристан. — Мы оба не следуем установленным правилам. Я слабей, чем полагал. Но как же это все усложняет...

— О чем вы, Арис? — я отстранилась и заглянула в глаза его сиятельства.

— Так... Мой продуманный фундамент дал трещины, и это удручает, — он усмехнулся, поцеловал меня в кончик носа и развернул к себе спиной. — Очаровательное место, даже сейчас. Не хватает только ваших сестер. Милейшие создания. И вашего бегства, маленькая трусишка.

Фыркнув, я все-таки рассмеялась, отгоняя от себя размышления о словах мужа. Он все еще принадлежал мне, и я не хотела все испортить своими вопросами. Потом. Потом я подумаю и спрошу. А сейчас буду наслаждаться нашей прогулкой, беседой и близостью мужчины, данного мне Богиней в мужья. Однако оставалось еще кое-что, что я хотела сделать.

— Аристан, — я снова развернулась к нему. — Я хотела извиниться за свое ужасное поведение в столице. Мне нужно было быть благоразумней и не слушать слов той женщины. Вам и так досталось в тот день ничуть не меньше, чем мне. Я была эгоистична и не подумала, что вам тоже тяжело.

Диар изломил бровь и обнял меня ладонями за плечи:

— Я ведь по собственному желанию свил ту петлю для себя, — ответил он с улыбкой. — Я знал, что делаю, и что ждет меня после. Единственное, что стало неожиданным — это визит старой знакомой. На вас нет никакой вины. Для неискушенной женщины, далекой не только от светской жизни, но и от частого общения с посторонними людьми, вам выпало немало испытаний. И из всего вами перечисленного мне было неприятно только ваше недоверие и, как следствие, погром и побег.

— Простите...

— Уже простил, — ответил супруг, поднес мою руку к лицу, сдвинул рукав, обнажая кожу между перчаткой и рукавом, и коснулся губами.

Мы еще некоторое время бродили по полянке, болтая о пустяках. Затем вернулись в седла и направились в обратную сторону. До поместья ехали молча, время от времени обмениваясь взглядами и улыбками. Это тоже было приятно, и в ворота я въезжала в отменном настроении.

— Смотрите-ка, опять пошел дождь, — заметил диар, когда мы подъезжали к конюшне. — Похоже, само небо одобрило нашу прогулку, если не омрачило ее ненастьем.

— Богиня даровала нам свое благословение, — хмыкнула я.

Отдав конюхам лошадей, мы направились к дворцу. Уже поднимаясь по ступеням, мы услышали цокот лошадиных копыт. Супруг обернулся, я следом за ним. К нам приближался всадник на черном коне. Его горделивая посадка показалась мне знакомой. И чем ближе подъезжал всадник, тем сильнее удивление охватывало меня. На какую-то минуту мне показалось, что мой муж раздвоился, столько было сходства в неожиданном госте с сиятельным диаром. Я подняла взгляд на Аристана и поразились разительной перемене, произошедшей с его сиятельством за считанные мгновения. Черты лица стали жестче, из глаз исчез блеск, губы поджались в тонкую линию. Однако длилось это совсем недолго, и вот я уже смотрю на прежнего д'агнара Альдиса: невозмутимого, отстраненного и холодного, словно лед.

— Доброго дня, дядюшка, — весело поздоровался Эйно́р Альдис, спешиваясь и бросая поводья подоспевшему лакею. — Д'агнара Флоретта, мое почтение. Счастлив вновь лицезреть вас.

Он легко взбежал по ступеням, подхватил мою руку, но не поцеловал, потому что я была в перчатках, лишь чуть сжал, поклонившись, и отпустил, полностью переключая внимание на дядю.

— Я исполнил поручение, — сказал молодой человек.

— Это радует, — сухо ответил супруг. — Здравствуй, Эйн.

— Бр-р, — поежился младший Альдис. — Вы меня решили заморозить, ваше сиятельство? Дядя, в чем я уже успел провиниться?

— Извини, Эйн, — голос Аристана чуть смягчился. — Я не ждал тебя так быстро.

— Как справился, так и приехал, — пожал плечами Эйно́р.

— Идемте же, высокородные д'агнары, — отмерла я. — Дождь усиливается.

— Да, разумеется, — кивнул диар.

Он предложил мне руку, племянник мужа покачал головой и последовал за нами, хмыкнув себе под нос.

ГЛАВА 11

Солнце неожиданно решило изменить себе и показало лик из-за хмурых туч. Его луч упал на зеркало, отразился бликом, и я прикрыла глаза, сморщив нос.

— Апчхи!

— Здоровья, ваше сиятельство.

Я обернулась и взглянула на супруга, стоявшего на пороге моих новых покоев. Я постепенно склонила голову и произнесла чуть отстраненно:

— Благодарю, ваше сиятельство. Чему обязана удовольствием лицезреть вас в своих покоях?

— Всего лишь моим несчастным нервам, — диар кривовато усмехнулся и все-таки пересек порог.

— Что с вашими нервами, дорогой супруг? — спросила я, снова отворачиваясь к зеркалу и поправляя прическу небрежным жестом.

— Их почти не осталось, сиятельная диара. — Аристан подошел к зеркалу и привалился плечом к позолоченной раме. Он скрестил руки на груди и устремил на меня многозначительный взгляд. Солнечный луч поспешил запутаться в светло-русых волосах супруга, выделил глаза, в прищуре которых пряталась ирония, и я заставила себя отвести взгляд.

Прошла неделя с того дня, как мы с мужем начали открываться друг другу, но мне казалось, что миновала целая вечность. И вроде бы событий набралось не так много, но все они стали для меня важными.

Наверное, стоит начать с того, что на третий день после нашей прогулки по осеннему лесу, я, вернувшись от папеньки и сестер, обнаружила, что мои вещи выносят из комнат, когда-то отданных мне его сиятельством. Сказать, что я была изумлена, ничего не сказать. Признаться, я даже вообразила, что мой очередной отъезд в родовое поместье разгневал супруга, и теперь диар наказывает меня лишением некоторых благ. На мой встревоженный вопрос, горничная ответила:

— Его сиятельство приказали вынести ваши вещи, д'агнара Альдис.

Более ничего не слушая, я поспешила в кабинет мужа. Распахнув дверь без стука, застыла на пороге, глядя на незнакомого мужчину, оказавшегося посетителем его сиятельства. Аристан прервал беседу и поднял на меня недоуменный взор. Заставив себя не опускать виновато глаза, я вежливо улыбнулась посетителю, приветственно склонив голову. После перевела взгляд на диара.

— Уделите мне минуту, ваше сиятельство, — попросила я и даже удивилась, насколько ровно прозвучал мой голос, словно и не я только что мчалась по переходам дворца, выдумывая всякие нелепицы.

— Разумеется, ваше сиятельство, — ответил супруг, поднимаясь из-за стола. — Прошу извинить меня, я скоро вернусь, — сказал диар посетителю и вышел вслед за мной из кабинета.

Я сделала несколько шагов, удаляясь от дверей, диар последовал за мной и заговорил первым:

— Что вас так взволновало, Флоретта?

— Мои вещи, — выдохнула я, теряя недавнюю невозмутимость.

— Что с вашими вещами? — чуть любопытствовал супруг.

— Их переносят, — отметила я.

— Разумеется, их переносят, — пожал плечами диар. — Что вас так возмутило?

— Вы меня наказываете? — выпалила я.

Аристан потер подбородок, словно пытаясь осознать мои слова, затем поджал губы, и в его глазах я уловила недоумение.

— Если жить рядом с собственным мужем для вас наказание, то, да, я вас наказываю.

Остается понять — за что же я обошелся с вами столь сурово.

— Ох, — только и изрекла я.

— Причина ваших опасений будет оглашена? — равнодушно спросил его сиятельство, но мне показалось, что я уловила нотку раздражения.

— Опять я сглупила? — спросила я, растерянно улыбнувшись.

— Несомненно, — ответил Аристан. — Это все, что вы хотели знать?

Я кивнула, но тут же отрицательно мотнула головой. Диар скрестил на груди руки.

— Я вас внимательно слушаю.

— А где теперь мои комнаты?

— Драгоценная моя, где обычно живут жены? Разумеется, рядом со своими мужьям, — усмехнулся Аристан. — Я могу вернуться к своему посетителю?

И вновь я отрицательно покачала головой, не удержавшись от вопроса:

— Почему? Почему вы вдруг изменили прежнее решение?

— Я привык к вам, — он пожал плечами и указал взглядом в направлении своих покоев. — Лучше займитесь собственным обустройством и не задавайте лишних вопросов.

В этот раз я согласно кивнула и сделала к мужу шаг. Он насмешливо хмыкнул:

— Неугомонная моя, что-то еще?

— Благословение Богини, — кротко ответила я. — Оно мне жизненно необходимо.

— Даже так?

Аристан несильно сжал мои плечи и склонился для поцелуя в лоб, но вместо этого поймал мои губы.

— Вы благословились в полной мере? — поинтересовался супруг.

Я пожалала плечами, не спуская взгляда с диара. Он вдруг рассмеялся и взял мое лицо в ладони:

— Фло, ваше личико сейчас похоже на мордочку шкодливого котенка, — сказал его сиятельство. Он повторно поцеловал меня и развернул к себе спиной, осторожно подталкивая в спину. — Встретимся позже, дорогая. Меня ждут дела, а вас покой.

Я сделала шаг прочь, замерла на мгновение, испытывая терпение мужа, хмыкнула и направилась осматривать свои новые комнаты. Но, прежде чем скрыться за поворотом, я обернулась и обнаружила, что Аристан все еще смотрит мне вслед. Однако стоило мне заметить внимание супруга, как он развернулся и вернулся в кабинет. Шкодливого котенка... Пискнув от удовольствия, я все-таки поспешила к новым покоям, и могу сказать с уверенностью, что в это мгновение я была счастлива...

— Флоретта! — восклицание, не лишнее раздражения, вернуло меня с небес к зеркалу и мрачноватому супругу. — Я теряю терпение.

— Экой вы нетерпеливый, — я одарила его укоризненным взглядом.

— Час с четвертью, драгоценная моя, — перед моим носом покачали брегетом. — Вы превзошли саму себя. Чем вы занимались столько времени?

— Готовилась к выезду, — ответила я, честно глядя на его сиятельство.

— Покажите, — велел диар.

Я покрутилась вокруг своей оси, демонстрируя себя со всех сторон.

— И? — насмешливо изломил бровь супруг.

Поджав губы, я снова посмотрела на себя в зеркало, провела кончиками пальцев по тонкой нити жемчуга, охватившей шею, чуть склонила голову к плечу, оценивая неглубокое декольте, спустилась ладонями по талии, затянутой в серовато-зеленое платье, и улыбнулась своему отражению. Скромно и изящно, кажется, не перестаралась. Одна Богиня знает, сколько у меня ушло времени, сколько раз я переоделась, и сколько украшений приложила к себе, пока не почувствовала удовлетворения.

— Ваше сиятельство, — чеканно произнес диар. — Еще один ваш поворот перед зеркалом, и я уеду без вас.

Одарив супруга обиженным взглядом, я задрала нос и направилась к дверям.

— Хвала Матери Покровительнице, — воздел руки к потолку его сиятельство и последовал за мной.

Он обогнал меня, распахнул передо мною дверь, и... я развернулась в обратном направлении.

— Флоретта, — я поежилась от зловещего холода в голосе супруга, но не остановилась, а дошла до туалетного столика, взяла флакончик с духами и вновь обиженно посмотрела на мужа.

— Женщины! — патетично воскликнул Аристан и вышел прочь.

Тяжко вздохнув, я поспешила за диаром. Он ждал меня в трех шагах от двери, постукивая носком туфли по полу. Супруг подал мне руку и повел вниз, где нас ждали лошади. Карета, на случай непогоды, отправлялась следом. Мы уже почти спустились по лестнице, когда Аристан заметил:

— Вы сопите, как сердитый ёж, драгоценная моя.

— У меня есть повод, — ответила я. — Но пояснять я вам ничего не буду.

— Вы думаете, я не заметил ваших стараний? — сказал его сиятельство, глядя перед собой. — Напрасно. Вы восхитительно выглядите, Флоретта.

— Правда? — вырвалось у меня.

— Чистейшая, — улыбнулся Аристан. — Но если вы снова заставите себя ждать, я ни за что не признаюсь, что очарован вами и вашим желанием мне нравиться.

— А вы очарованы мной? — я приостановилась, с любопытством глядя на мужа.

Он спустился со ступенек и обернулся в мою сторону.

— Я очарован и зол в равных долях, — ответил его сиятельство. — В какую сторону склонится чаша, выбрать вам, Фло.

— К очарованию, — живо решила я и поспешила за супругом.

— Верный выбор, — усмехнулся Аристан, вновь подавая мне руку.

Мы вышли на улицу, и я приветливо улыбнулась Эйнору, молодой человек уже гарцевал на своем черном жеребце. При виде меня он вскинул руку и весело приветствовал:

— Доброго дня, тетушка!

Я хмыкнула, а диар одарил племянника мрачноватым взглядом. Младший Альдис закатил глаза, отчего я едва сдержала смешок, и отвернулся. Задевать своего дядю ему

правились. Порой это выходило забавно, порой нарочито, но супруг оставался неизменно невозмутим, то отвечая колкостью, то пропуская потуги племянника мимо ушей. Я в их пикировки не влезала, зная, что уступаю в острологии, что одному, что второму, и смутить меня можно в два счета. Просто наблюдала со стороны.

За эту неделю, что племянник мужа гостил у нас в поместье, я привыкла к нему и перестала путаться в мужчинах. Их сходство было невероятным, но все-таки не настолько, чтобы не увидеть и различия. И дело было не только в возрасте и длине волос. Достаточно было посмотреть на то, как держались родственники. Движения, жесты, позы Аристана Альдиса были полны достоинства и некоторой надменности. Эйнор же держался проще, был подвижней, порой порывист. В отличие от дяди, племянник обладал более живым и веселым нравом. Впрочем, старший Альдис не раз открывал скрытый в нем огонь, но привычная ледяная броня успешно скрывала его ото всех, и внешне диар казался каменным изваянием. Эйн же вызывал у меня ассоциацию с шаловливым ветром. В нем не было той безупречности, как в дядюшке, но имелась непосредственность и находчивость. Впрочем, не скажу, что живость младшего Альдиса делала его привлекательней старшего. Возможно, дело во мне, в моих устоях и взглядах, но супруг в моих глазах казался на порядок примечательней своего племянника, и в Эйноре я находила простое душевное отдохновение, благодаря его легкости. Он чем-то напоминал мне моего неугомонного братца.

Младший д'агнар Альдис задержался у нас после того, как привез дядюшке необходимые тому бумаги, и теперь направлялся с нами в поместье Кетдил. Узнав, что к диару приехал племянник, агнар Кетдил прислал приглашение и ему. Эйн принял его, но не преминул спросить:

— Я так полагаю, что у любезного агнара имеется дочь на выданье?

— Имеется, — ответил Аристан.

— Как мило, — хмыкнул младший Альдис.

Я перевела взгляд с мужа на его племянника и обратно на мужа. Через мгновение я поняла смысл этого короткого разговора. Конечно же, агнар Кетдил не упустил возможности попытать счастья и породниться с диаром через его племянника. Значит, я буду присматриваться к юной агнаре Кетдил, а семейство Кетдил к младшему Альдису. Действительно, мило. Нас ожидала примечательная поездка.

Одно было несомненно, меня радовало присутствие Эйнора. Мой муж переставал быть центром женского внимания. Признаться, я несколько нервничала. И уже не из-за того, как буду выглядеть, а потому, что диар оставался все тем же привлекательным мужчиной, о котором долгое время грезили женщины и девицы Данбьерга. А, как известно, некоторым дамам Богиня забыла отмерить совести при их рождении. Уж лучше пусть запускают когти в более легкую и доступную добычу, а со своим сиятельным супругом я разберусь без посторонней помощи.

Аристан помог мне сесть на Золотце, после сам легко взлетел на Грома, и мы тронулись в путь. День и вправду выдался отменный, словно холод, уже подступивший к порогу, решил повременить и дать еще немного погреться напоследок, перед приближающейся зимой. Я даже распахнула полы теплого плаща и тут же услышала недовольное покашливание супруга.

— Тепло, — улыбнулась я.

— Я напомню вам ваши слова, когда вы будете хлюпать носом, чихать и жаловаться на горячку, — ответил мне диар, и я привела одежду в порядок.

— Все дело в возрасте, д'агнара Флоретта, — подал голос Эйн. — Дядюшкины кости

уже просят тепла. О том, что в молодости кровь кипит, его сиятельство успел позабыть. Да и знал ли когда-нибудь ледяной диар ее жар?

— Зато твой пыл стоило бы охладить, — усмехнулся Аристан. — Кипение твоей крови не приносит тебе ничего, кроме неприятностей. Пожалуй, я отвечу согласием на чаяния агнара Кетдила.

— Стало быть, вы желаете накинуть на меня удила? — переспросил младший Альдис.

— Всего лишь определить тебе конюшню, а твоим стойлом займется супруга, — отвечивал диар.

— Так ведь я же не против, дядюшка, — с широкой улыбкой произнес молодой человек. — И в стойле есть своя прелесть, и даже в удилах. Но ведь лучшую из женщин вы уже забрали себе, что же останется вашему племяннику?

— Воспевать то, что принадлежит ему, тогда и чужое не будет казаться лучшим, — ответил мой супруг. — А и в самом деле, приглядишься-ка ты к юной агнаре Кетдил, весьма приятная особа.

— Даже лучше вашей жены? — прищурился Эйн.

— Я смотрю, тебе моя жена покоя не дает? — ледяным тоном спросил Аристан. — Устремим взгляд в ту сторону, которую я указываю тебе, и тогда мы с тобой останемся друзьями.

— Непременно устремлю, если юная агнара хоть в сотой доли напоминает тетушку, — шутки Эйнора перестали мне нравиться и, судя по поджатым губам, диару они также не приносили удовольствия.

— Эйн, ты ступаешь на скользкую дорогу, — бесстрастно произнес Аристан. — Не порти настроение ни нам, ни себе.

— В самом деле, д'агнар Эйнор, — вмешалась я. — Вы превзошли самого себя, это уже не смешно.

— Так разве же я шучу? — неожиданно серьезно спросил молодой человек.

Я охнула, а диар резко повернул голову в сторону племянника. Борьба их взглядов длилась недолго, и Эйн отвернулся первым.

— Простите, — как мне показалось, без особого раскаяния сказал младший Альдис. — В самом деле, заигрался. Обещаю впредь следить за тем, что говорю.

Аристан еще некоторое время смотрел на него, после повернул голову ко мне, и я улыбнулась мужу. Он едва заметно вздохнул. Дальше мы ехали молча. Эйнор держался по правую руку от дядюшки, я по левую. Вскоре неприятный разговор был забыт, и я вновь любовалась видами и наслаждалась последним теплом, поднимая лицо к небу и прикрыв глаза.

— Хорошо, — наконец, выдохнула я.

— Погода выдалась приятной, — согласился со мной супруг.

Перед нами расстилалась широкая укатанная дорога, по которой мы могли передвигаться, следуя рядом и не мешая друг другу. К тому же поворота не предвиделось еще долго, и у меня вдруг мелькнула шальная мысль. Отчего-то вспомнились наши скачки с диаром еще в бытность женихом и невестой, и мне подумалось, что было бы здорово промчаться в галопе по этой сухой и широкой дороге. К тому же никаких рощ не предвиделось, и его сиятельству пришлось бы играть честно.

— Аристан, — позвала я. Диар обернулся ко мне, и я продолжила: — Вы еще помните о своем долге?

В глазах его сиятельство мелькнуло недоумение.

— Напомните, драгоценная моя, — ответил он, сменив недоумение на иронию. — Мне казалось, что я с вами по всем долгам рассчитался.

После этих слов я невольно покраснела, сразу вспомнив последние дни, точнее, ночи. Вот уж и вправду здесь придраться более было не к чему, даже наоборот... Впрочем, не о том речь.

— Вы мне задолжали честные скачки, — напомнила я. — Помнится, в тот единственный раз, когда мы соревновались с вами, вы обманули меня, и теперь я требую сатисфакции.

— Даже так? — насмешливо переспросил супруг. — И что же вы ставите на кон? Хочу знать, что меня ожидает, если я снова обставлю вас?

— Вы так уверены в своей победе, ваше сиятельство? — надменно удивилась я, но не сдержала улыбки, глядя на Аристана. — А что получу я, если выиграю?

— Вы увиливаете, скользкая моя, — хмыкнул диар. — Так что же будет наградой победителю? Условия игры должны оговариваться сразу.

Я задумалась. Признаться, мне было бы достаточно просто прокатиться, но если уж его сиятельство так ставит вопрос...

— Козу не предлагать, — вмешался супруг в мои мысли.

— Экой вы все-таки, — проворчала я. Однако о козе я и не думала, у меня было иное желание. — Раз уж вы так против козы...

— Коза? — с явным любопытством спросил Эйно́р. — Что подразумевается под козой?

— Это давняя история, — отмахнулся Аристан. — Итак, Флоретта, что же вы назначите наградой?

— Если я стану победителем, вы будете для меня играть, — объявила я. — Если же выиграете вы, я исполню любое ваше желание.

— Осторожно, дорогая, мои желания могут вас смутить, — с намеком произнес супруг, и я снова зарделась, но все-таки кивнула, принимая его предупреждение. — Отлично. Меня условия устраивают. Приготовьте баночку белил, будем замазывать ваши пунцовые щеки.

— Ваши сиятельства! — воскликнул Эйно́р. — А мое сиятельство может участвовать в вашем развлечении? Я даже много не попрошу за свой выигрыш.

Мы переглянулись с Аристаном, и он нехотя пожал плечами, позволяя мне принять решение.

— И что же вы попросите? — спросила я с любопытством.

— Дядюшка расскажет мне историю с козой, а вы, д'агнара Флоретта, подарите танец на балу в честь вашего дня рождения, — улыбнулся молодой человек — Готов принять ваши ставки.

— Мое условие ты знаешь, — ответил диар. — Больше мне добавить нечего.

Младший Альдис поклонился, после посмотрел на меня. Что просить у Эйна я не имела представления, потому задумалась.

— Я неплохо пою, — намекнул молодой человек.

Обрадованная тем, что выход нашелся, я ответила:

— Значит, с вашего сиятельства песня. И попробуйте только солгать о красоте вашего голоса, иначе историю с козой узнаете на собственной шкуре.

— Уже страшно, — весело рассмеялся Эйно́р. — Признаться, я заинтригован.

— Тебе не понравится, — усмехнулся диар. — Призы назначены...

Без всякого предупреждения я пришпорила Золотце и уже на ходу выкрикнула:

— Не наглотайтесь пыли!

— Флоретта! — донесся до меня голос супруга, и конский топот заполнил дорогу.

Золотце, словно почуяв, что проиграть мы никак с ней не можем, резво выбивала копытами дробь. Прохладный ветер ударил в лицо, сорвав шляпку с моей головы. Я обернулась и увидела, как его сиятельство придерживает Грома, чтобы подобрать мой головной убор. Хмыкнув, я стянула с руки перчатку и кинула ее на дорогу уже намеренно. А когда снова обернулась, и второй мой противник был вынужден задержаться. В это мгновение я порадовалась, что мне достались галантные соперники. Хотела выбросить и вторую перчатку, но передумала и сосредоточилась на скачке.

А спустя пару секунд поняла, что вновь сглупила, не указав, где заканчиваются состязания. На свое счастье вспомнила, что вышла замуж за самого испорченного человека на свете. А так как жена должна соответствовать мужу во всем, то...

— Победа! — без всякого стыда и совести выкрикнула я, останавливая Золотце и поднимая руку.

— Какова наглость! — восторженно воскликнул Эйнор.

— Я женат на самой бесчестной женщине, — констатировал Аристан.

Мужчины скакали голова в голову, и у меня даже родилось подозрение, что это было намеренно. Грома я знала прекрасно, потому могу сказать точно, что он способен на большую скорость. Кажется, мне собирались дать выиграть в любом случае.

— Дядюшка, где вы нашли такое чудо? — со смехом спросил Эйн. — Уж нет ли в тетушке крови Альдисов? Страсть к нечестной игре слишком явно говорит в ней.

— Выбрал по своему подобию, — усмехнулся диар.

— Не подождать ли мне сестер сиятельной диары? — младший Альдис вернул мне мою перчатку и отсалютовал. — Я навеки ваш поклонник, д'агнара Флоретта.

— С вас игра на скрипке, — указала я на супруга, отвечая на все мужские выпады, — а с вас пение.

— А с вас? — полюбопытствовал Эйнор.

— А я выиграла и никому ничего не должна, — заносчиво ответила я.

— Ошибаетесь, бессовестная моя, — произнес Аристан, отряхивая мою шляпку. — Ваша игра была нечестной, и действовали вы открыто. Поэтому мы, как оскорбленная сторона, имеем право потребовать выполнения обязательств, взятых вами на себя при оглашении условий скачки. За вами остается мое желание.

— И мой танец, — сверкнул улыбкой племянник мужа.

— Все норовят обобрать беззащитную женщину, — не сдержалась я, надевая вернувшуюся ко мне шляпку. — Обещаю вам, благородные д'агнары, во время игры у агнара Кетдила я буду переживать не за вашу победу.

— Восхитительна! — воскликнул младший Альдис и расхохотался.

Аристан покосился на него с явным неодобрением, однако улыбнулся с нескрываемой иронией и ответил, глядя мне в глаза:

— Несомненно, восхитительна.

Я смутилась и отвернулась от мужчин. Compliments я все еще не научилась принимать, да и не баловал меня ими супруг. Чаще всего он хвалил меня, но комплиментов особо не делал. Впрочем, слышать из его уст похвалу для меня, пожалуй, было важнее, чем пустые красивые слова. Однако и их услышать порой хотелось не меньше, чем одобрение моего поведения и поступков. Если бы не наши супружеские отношения, его сиятельство вел

себя со мной все же больше, как учитель с ученицей, давая урок за уроком. Бесспорно, они были важны и необходимы, помогая мне превращаться из дикарки в светскую даму, но чувствовать себя рядом с мужем желанной женщиной хотелось не только в те минуты, когда он приходил в мою спальню. И если бы не мои намеки на благословение и первые попытки кокетства, возможно, ничего, кроме поцелуев руки, меня бы в течение дня не ожидало.

В отличие от дяди, племянник не скупился на приятные слова и замечания в мой адрес. Впрочем, смутил он меня за эту неделю всего дважды. Сегодня, когда завел неуместный разговор, и два дня назад, случайно столкнувшись со мной в коридоре. Я слишком поспешно вышла из-за угла и угодила в объятия Эйнора.

— Вы так спешили встретиться со мной, д’агнара Флоретта? — с улыбкой спросил молодой человек, не спеша убрать рук с моей талии.

— Прошу прощения, — с досадой ответила я, попытавшись отстраниться.

Однако младший Альдис удержал. После поднял руку и поправил мне выбившуюся прядку, случайно коснувшись лица тыльной стороной ладони. Смутившись, я потупила взор и снова сделала шаг назад. Эйн тут же разомкнул невольные объятия, поклонился и отправился дальше, более не обращая на меня внимания. Я обернулась и некоторое время смотрела ему вслед, пока не открылась дверь кабинета диара, и я не услышала его шагов. Очнувшись, я стряхнула оцепенение и поспешила к мужу, искренне ему улыбнувшись. И если бы не сегодняшней случай с неосмотрительными шутками, я бы, возможно, и вовсе забыла о случайной встрече в коридоре.

— Д’агнара Флоретта, хотите посмотреть на настоящие скачки? — неожиданно спросил меня Эйнор Альдис, отвлекая от рассуждений.

— Эйн, здесь негде устраивать скачки, — ответил мой супруг. — К тому же мы уже задерживаемся.

— Но вы же диар, дядюшка, — широко улыбнулся молодой человек. — Вас будут ждать, сколько вам будет угодно.

— В этом между нами разница, — усмехнулся Аристан. — Будь я хоть божеством, о правилах приличиях забывать не стоит. Воспитанный человек приходит вовремя, разгильдяй выказывает неуважение тем, что плюет даже на тех, кто ниже его по рождению.

— Однажды вам сядут на шею, дядюшка, — фыркнул младший Альдис.

— Тебя я терплю на своей шее уже более шести лет, — с нескрываемой насмешкой ответил его сиятельство. — Как видишь, еще не переломился.

— Вот именно! — воскликнул Эйнор. — Я ревную вашу шею и требую никого не подпускать к ней близко. Место занято.

— Ты становишься слишком тяжелым, мой мальчик, — Аристан потрепал своего жеребца. — Опасаюсь, что скоро я буду вынужден ссадить тебя со своей шеи и предоставить возможность набираться ума самостоятельно. Моим ты все равно не пользуешься. К тому же, мне есть теперь о ком заботиться. И моя жена нуждается в моем внимании намного больше тебя.

— Здесь мне возразить нечего, — развел руками молодой человек. — Значит, скачки отменяются до обратной дороги.

— Отчего же, — на устах диара сверкнула ослепительная улыбка. — Если тебе так хочется покрасоваться перед дамой, я дам тебе такую возможность. Но так как эта дама — моя жена, то я с удовольствием преподам тебе урок, что не стоит красоваться перед женщиной за счет ее мужа. Дорогая, — Аристан обернулся ко мне, — после развилки вновь

будет удобная дорога. Я попрошу вас проехать вперед и остановиться напротив старой разрушенной кладки, вы ее увидите. Это будет конечной чертой забега. Ваша задача взмахнуть платочком, чтобы дать сигнал к началу скачек.

— Награда? — оживился Эйнор.

— Никакой, мой мальчик. Все что мог, ты уже стряс после прошлого забега, — подмигнул племяннику дядюшка. — Докажи, что заслужил уже имеющееся.

— Стало быть, если проиграю, мой танец с тетушкой отменяется? — приподнял брови молодой человек.

— Мы подарим его тебе в утешение, — диар вновь ослепительно улыбнулся, и Эйнор склонил голову, отвечая с заметным ехидством:

— Вы чрезвычайно щедры, дядюшка.

— Помни об этом, мой мальчик, — с достоинством ответил его сиятельство. После вновь обратился ко мне, с интересом слушавшей мужчин. — Ну, что же вы, драгоценная моя, поспешите, или же мы до вечера не доберемся до поместья Кетдилов.

— Как пожелаете, ваше сиятельство, — с готовностью ответила я и пришпорила Золотце.

Старую кладку я увидела еще издалека. Мое воображение сразу нарисовало мне древний замок, когда я увидела фундамент из потемневших щербатых камней. Никогда не слышала о замке, стоявшем в наших местах. Раньше диары Данбьерга жили за Кольберном, в местечке, которое так и называлось «Холм диара». Но уже около двухсот лет, как перебрались в поместье, кажется, принадлежавшее одной из прабабушек моего супруга, обустроились и забыли о прежнем мрачном обиталище. Аристан обещал мне, что однажды мы наведем родовое гнездо Альдисов, и теперь виды развалин еще больше подстегнули мое любопытство.

Опомнившись, что меня ожидают мужчины, я оторвалась от созерцания старых камней и развернула Золотце в обратную сторону. Мои спутники показались мне маленькими фигурками на доске для игры в чифрас. С моего расстояния мне было не видно, что они делают, разговаривают или же ждут сигнала в молчании. Тень от деревьев делала всадников черными силуэтами, совершенно одинаковыми. Статью, ростом, посадкой. И разобраться, кто из них мой муж, а кто его племянник было совершенно невозможно. Было в этом что-то мистическое и жутковатое, и я невольно засмотрелась теперь на две темные фигуры.

И все же достала платок, подумав, что им я видна лучше, потому что солнечный свет заливал нас с Золотцем. Взмах... И тени срываются одновременно с места, мчатся на меня, и только топот копыт жеребцов делает эти тени живыми, настоящими. И все-таки я замираю, прижав руку к сердцу, живо вообразив, как кони налетают на меня, сметают, топчут копытами, и тени уносятся прочь, даже не заметив уничтоженной человеческой фигурки. Картина до того оказалась реалистична, что я закрыла глаза руками, но уже через секунду открыла их и снова посмотрела на всадников.

Теперь я могла увидеть мужчин более четко. Немного впереди, привстав в седле и пригнувшись к шее вороного жеребца скакал Эйнор Альдис. Чуть позади его сиятельство. Полы плащей обоих всадников развевались подобно крыльям, шляпы им приходилось придерживать. Я невольно вскинула руку с платком и замахала ею, подбадривая рыжего жеребца

— Гром! — выкрикнула я. — Гром, скорее! Гром!

Но вот когда половина пути была уже за спиной, его сиятельство сорвал с головы

мешающую шляпу, привстал в седле, и Гром полетел вперед. Вскоре он поравнялся с воронным, какое-то время шел голова в голову, а после вырвался вперед. Когда жеребцы пронесли мимо меня, взметнув в потоке воздуха плащ и заставив Золотце шарахнуть в сторону, Гром опережал коня младшего д'агнара Альдиса почти на корпус.

— Победа! — закричала я, радостно потрясая в воздухе кулаками. — Ваше сиятельство, вы — мой герой!

Всадники повернули коней в мою сторону.

— Я бы тоже мог выиграть при такой поддержке! — воскликнул, разгоряченный скачкой Эйнор. — Ваша супруга дала крылья Грому, дядюшка.

— Да, но почему Грому, а не мне? — с фальшивым возмущением спросил диар. — За кого вы переживали, Флоретта?

— Конечно, за Грома, — ответила я, пожимая плечами. — Если бы вы несли на себе вашего жеребца, Аристан, я бы непременно подбадривала вас. Но перебирать ногами выдалось Грому, и моя поддержка была на его стороне.

Эйнор расхохотался, откинув назад голову:

— Отлично сказано, Флоретта! — воскликнул он, но тут же поправился под недовольным взглядом дядюшки. — Д'агнара Флоретта.

Аристан подъехал ко мне ближе и подарил искреннюю теплую улыбку.

— Надеюсь, теперь вы смените гнев на милость, драгоценная моя, и в игре в трефаллен все-таки будете на стороне своего мужа? — спросил он, протянув ко мне руку.

— Вполне возможно, — кокетливо ответила я, стягивая перчатку и вкладывая в ладонь диара свою ладошку.

Его сиятельство склонился из седла, касаясь моей руки губами. После выпрямился и обернулся назад, отыскивая взглядом свою шляпу. Затем махнул рукой и посмотрел в сторону старой каменной кладки.

— Я заметил, вас заинтересовало это место, дорогая, — сказал он.

— Но у нас ведь мало времени, — напомнила я. — Мы уже невозможно опаздываем.

— Я же диар, — с кривоватой усмешкой напомнил Аристан.

— Дядюшка, вы самый непревзойденный лицемер! — воскликнул Эйн.

— Но лицемер воспитанный, — наставительно ответил диар.

— Его сиятельство не в силах исправить даже Богиня, — улыбнулась я.

— Это говорит жена своего мужа, — рассмеялся Аристан. И все-таки развернул Грома, вынуждая нас следовать за ним. — Расскажу вам по дороге об этом месте. Вскоре вы сами поймете, что время было бы потеряно зря, если бы мы решились еще задержаться.

И я, действительно, так решила. Потому что оказалось, что этот дом забросили еще в самом начале строительства по приказу одного из Альдисов больше ста лет назад. Эксцентричный диар решил построить дом, предназначенный для сомнительного увеселения гостей, или, точнее сказать, для того, чтобы их пугать. Были привезены камни с развалин одного из старых и заброшенных замков, дабы усугубить впечатление страха. Однако диар быстро потерял интерес к этой затее, а после и вовсе надолго перебрался в Рейстен. Где-то дальше еще были сложены камни, привезенные для закладки фундамента, вот и все, что осталось от несостоявшегося «места для разрыва сердца», как прозвал его давно почивший предок моего супруга.

Вскоре мы добрались до новой развилки. Здесь стоял дорожный указатель, и на одной из стрелок было написано «Поместье Кетдил», туда мы и повернули...

Опоздали мы не сильно. Несмотря на то, что подъезжали к усадьбе агнара Кетдила последними, гости, прибывшие до нас, только выбирались из кареты. Этих людей я не знала. Лысоватый худощавый мужчина с рыбьими глазами, чопорный и прямой, словно проглотил кол, помогал своей спутнице выбраться из кареты. Его дама оказалась чуть выше меня ростом, сутулая, с невыразительными чертами лица. Уголки ее губ были опущены вниз, словно бы агнара брезгливо изогнула рот. Встретясь мы с ней месяца полтора назад, я бы, наверное, почувствовала робость. Но после знакомства с Его Величеством и жизнью рядом с Аристаном Альдисом, губы брезгливой формы какой-то агнары уже не производили на меня впечатления. Да и чопорность супруга благородной дамы, если и не позабавила, то не испугала точно.

Хозяин поместья вскинувший было руки, чтобы приветствовать только что приехавших гостей, увидел нас, и его улыбка, как мне показалось на мгновение, затмила солнце.

— Ваши сиятельства! — воскликнул агнар Кетдил, спеша в нашу сторону.

Надменные супруги в недоумении подняли брови, когда хозяин поместья вдруг прошел мимо них, обернулись и, наконец, заметили нас. Лица их необычайно преобразились, и теперь я имела честь наблюдать согнутую, словно подломленную шею чопорного агнара. Дама присела в реверансе, кокетливо стрельнув глазами в диара и сложив губы трубочкой, будто готовилась протянуть «о». От nepозволительного смешка меня спас собственный муж, уже спешившийся и теперь протянувший руки ко мне. Я скользнула в объятия его сиятельства, и он поставил меня на землю, тут же взяв за руку.

— Доброго дня, агнар Кетдил, — поздоровался диар с едва приметной прохладной улыбкой, после чуть склонил голову, приветствуя забавную пару. — Доброго дня агнары Тагнилс. Позвольте представить вам мою драгоценную супругу — ее сиятельство, д'агнару Флоретту Альдис. А так же моего племянника — его сиятельство, д'агнара Эйнора Альдиса.

— Сиятельная диара, — агнар Кетдил изогнулся в поклоне, галантно поцеловал мне свободную руку, — позвольте выразить вам свое восхищение. Вы прекрасны.

— Благодарю, — моя улыбка была менее прохладной и более заметна, чем улыбка мужа, но румянец не опалил щеки. Должно быть, жизнь с диаром действительно благотворно сказалась на мне. Тем временем хозяин поместья уже перешел ко второму Альдису. Он с достоинством склонил голову, но, готова поклясться, что в глазах агнара Кетдила я заметила интерес. Он с явной оценкой посмотрел на молодого человека. — Ваше сиятельство, я счастлив приветствовать в своем доме племянника самого диара Данбьерга.

— Доброго дня, — открыто улыбнулся Эйнор, — дядюшка сказывал, что вы обещались устроить нам отменное развлечение.

— О-о, — протянул агнар Кетдил, — смею надеяться, что вы не посчитаете время, проведенное у меня, потраченным даром.

— Уверен в этом, агнар Кетдил, — вновь сверкнул улыбкой младший Альдис, и мне вдруг на мгновение стало жаль, что мой муж так закрыт и неприступен. Эйн, излучавший дружелюбие, так и притягивал взгляд, вызывая желание улыбнуться в ответ.

Пальцы Аристана на моей ладони чуть сжались, и я очнулась, осознав, что смотрю на его племянника дольше, чем того требовали приличия. Тут же обернувшись, я заметила внимательный взгляд супруга и улыбнулась ему. Его сиятельство ответил теплой улыбкой, и

мне отчаянно захотелось привстать на носочки и поцеловать его в уголок губ. Мою ладонь сжали повторно, словно отвечая на мое желание. После супруг выпустил мою руку, и его ладонь утвердилась на моей талии. Допустимая, но все-таки вольность. Однако его сиятельство подобными рассуждениями не удосужился, а мне стало приятно, что он позволил себе несколько больше, чем разрешает установленный этикет.

С остальными гостями мы увиделись через час. Они уже разошлись по отведенным им комнатам, и мы последовали их примеру. Эйно́р задержался, оживленно болтая с хозяином дома, меня же муж увел вслед за лакеем, спешившим указать приготовленные покои. За нами последовала и чета Тагнилс. Они попытались завязать по дороге до комнат беседу с его сиятельством, но одна вежливо-ледяная улыбка, и назойливые агнары отстали, а я в очередной раз восхитилась умением супруга без грубости и долгих объяснений избавляться от нежеланных собеседников. Как же я была счастлива, что Аристан открылся мне совсем с иной стороны своей натуры. Вряд ли бы я смогла сейчас чувствовать себя рядом с ним так уверенно, если бы супруг остался таким, как в день нашего знакомства. Тот д'агна́р Альдис подавлял меня невероятно, настоящий же притягивал, оставляя в душе желание вновь увидеться с ним.

— Вы устали? — спросил меня диар, как только горничная, ожидавшая нас в комнатах, исчезла по знаку его сиятельства.

— Ничуть, — улыбнулась я. — Дорога оказалась приятной, и время, проведенное в пути, пробежало незаметно.

— Вам понравилась компания, — слегка улыбнулся Аристан, но я ощутила неожиданное напряжение. И пусть супруг и сохранял невозмутимый вид, небрежно скидывая плащ, а следом и сюртук, но я мне вдруг стало неуютно.

Стянув с рук перчатки, следом сняв с головы шляпку и скинув плащ, я потерла ладони и вопросительно посмотрела на мужа.

— Ваше сиятельство, вы чем-то обеспокоены? — прямо спросила я, подходя к диару.

Он отвернулся от окна, из которого наблюдал за племянником, все еще не спешившим наверх. Я скользнула взглядом по Эйно́ру и снова посмотрела на Аристана, ожидая пояснений.

— С чего вы взяли, что меня что-то беспокоит? — насмешливо спросил он, но глаза продолжали внимательно наблюдать за мной.

— Мне показалось, что вы чем-то расстроены, — я неуверенно улыбнулась и подошла вплотную. Приподняла руки, решаясь обнять супруга, все же накрыла ладонями его плечи, и муж ответил на мои объятия, несильно прижав к себе. — Ваш взгляд... Вы наблюдаете за мной. Я чем-то огорчила вас, ваше сиятельство?

Черты лица супруга смягчились, и он улыбнулся уже тепло и искренне. Впрочем, улыбка диара вышла рассеянной. Он провел тыльной стороной ладони по моей щеке, задел уголок губ и остановил пальцы на подбородке, приподняв мне голову. После склонился и коснулся губ легким поцелуем.

— И все же, — не сдалась я. — Что насторожило вас? Я допустила где-то промах?

— О, нет, Фло, вы были, как всегда, непосредственны и очаровательны, — наконец, ответил Аристан.

— Значит, дело не во мне? — я взяла лицо мужа в ладони, он не отстранился, позволяя мне удерживать его. — Вы недовольны вашим племянником? Это из-за его неуместных шуток? Признаться, меня раздосадовали странные намеки его сиятельства.

Диар все-таки мягко отнял мои ладони от своего лица и по очереди поцеловал их, но из своих рук так и не выпустил.

— Вы находите моего племянника интересным? — спросил мой муж. — Эйн ведь привлекает вас живым и веселым нравом?

— С ним легко вести беседу, порой весело, — согласно кивнула я. — Но я ведь и рядом с вами никогда не скучаю, если только...

— Только? — тут же откликнулся супруг.

— Если только вы не сторонитесь меня, — ответила я, стрельнув взглядом в его сиятельство.

Диар негромко рассмеялся.

— И когда же я последний раз сторонился вас, драгоценная моя? — спросил он, и я с удовлетворением заметила, как серые глаза снова заискрились.

— Да как же? Всего неделю назад, — с возмущением сказала я.

— Целую неделю назад, — со значением ответил его сиятельство.

— А вдруг опять начнете сторониться?

— Теперь не буду, — супруг снова притянул меня к себе и произнес приглушенно и волнующе, — разве я мало извинялся за прежнюю холодность?

Щеки мои заалели, и я потупила взгляд, после вздохнула и... кивнула.

— Всего семь дней, ваше сиятельство, — сказала я, снова стрельнув глазами в Аристана. — Холодны вы были намного дольше.

— Кажется, кто-то входит во вкус супружеской жизни, — снова рассмеялся диар. — Мне извиниться перед вами снова? — Я посмотрела на мужа, не до конца понимая, к чему клонит его сиятельство. Ну не собирается же он, в самом деле, в чужом доме, прямо сейчас... — Вы правы, откладывать не стоит, — окончательно развеял мои сомнения супруг.

— Ваше сиятельство, — возмутилась я. — Аристан! Сейчас принесут багаж. Опомнитесь, Аристан. Арис...

Выходя из ванной комнаты, куда утащил меня безнравственный супруг, я выходила, твердо решив, что отныне будут думать, что и кому говорю, а главное, где. Диар вышел следом. То, что было перекинуто через его руку, словно салфетка у лакея, заставило меня закатить глаза, отнять деталь нижнего белья и вернуться в ванную комнату, со стуком закрыв дверь. Вслед мне понесся веселый смех его сиятельства. Однако, стоит признать, слово супруг держал и за неким предметом моего гардероба следил даже лучше, чем я сама.

Когда я вновь показалась в жилых комнатах, его сиятельство уже закончил приводить себя в порядок. Он одернул рукава, поправил воротничок, пригладил волосы гребнем и обернулся ко мне. Я постаралась сохранить на лице суровое выражение, удержать в глазах укор, но вместо этого зарумянилась, и губы сами собой растянулись в улыбке. Аристан приблизился ко мне, приподнял голову за подбородок и поцеловал уже и без того припухшие губы. После развернул к себе спиной и помог расстегнуть платье, чтобы сменить его на другое, уже разложенное на кровати.

— Насчет Эйна, — вдруг заговорил диар. — Не особо доверяйте его легкости. Он не так прост, как кажется. Мальчишка достаточно хитер и изобретателен. Пожалуй, на днях я выпровожу его обратно в Рейстен. Так будет спокойней.

— Как вам будет угодно, Аристан, — я пожалала плечами и направилась к своему второму платью. Я влезать в отношения дяди и племянника не собиралась.

На это его сиятельство уже ничего не ответил. Он на мгновение задержал на мне взгляд,

и когда я обернулась, послал ласковую улыбку. После выглянул в коридор и позвал мою горничную, дожидавшуюся под дверями, пока она понадобится. На этом разговор о младшем Альдисе был окончен.

— Ненадолго покину вас, дорогая, — произнес диар и вышел за дверь, не мешая мне переодеваться.

Когда он вернулся, я была уже одета, на голове моей воцарился порядок, и от недавних неприличных шалостей не осталось и следа, если не считать мое привычное небольшое смущение при взгляде на мужа и улыбки, расцветавшей на устах, стоило только вспомнить те слова, которые в порыве страсти шептал его сиятельство. Да еще легкая горечь сожаления, что эти слова он не говорил мне в иное время.

— Агнар Кетдил приглашает спуститься вниз, — произнес диар. — Вы готовы, Флоретта?

— Да, ваше сиятельство, — ответила я и направилась к нему.

— Я всегда рядом, — чуть тише добавил Аристан, слегка пожимая мне руку.

— Я знаю, — я улыбнулась ему, накрывая второй ладонью пальцы диара. — Я, действительно, готова.

— Рад слышать, — супруг поцеловал одну мою руку, после вторую и утвердил ее на сгибе своего локтя. — Если что-то огорчит вас...

— Я помню ваши наставления, Аристан, — я заглянула в глаза мужа, собирая тепло и свет, которые исчезнут, как только мы выйдем за пределы этой комнаты. — Благословение?

Он рассмеялся, поцеловал меня в губы, после коснулся лба и повел к дверям. Солгала ли я? Нет, в ту минуту мне нестрашен был даже сам Проклятый Дух. Когда со мной шел диар, мне казалось, даже пуля не посмеет коснуться моего тела — извинится и улетит дальше. Вера в безопасность и защиту рядом с мужем была невероятна. Я бы даже сейчас могла решиться на повторный визит в королевский дворец... наверное, могла бы.

Однако мы не ехали во дворец, даже его бывшая любовница не поджидала нас, мы спускались к нескольким представителям светского общества Данбьерга. Возможно, кто-то из них присутствовал на нашей свадьбе, но количество гостей в тот день в поместье диара было столь огромно, что я почти никого не запомнила, и сейчас я шла знакомиться заново, возможно, с уже представленными мне людьми. Волнение все-таки появилось, когда мы уже спускались по последним ступеням, но оно было не столь велико, как раньше. Меня не трясло, и желания умереть немедленно не появилось.

А еще через пару шагов я и вовсе пришла вдруг в воинственное состояние. Почувствовав, как сжались мои пальцы на его руке, Аристан удивленно посмотрел на меня.

— Мне нужно немедленно поговорить с вами, — заявила я, преисполняясь боевого духа и упрямства.

— Вас что-то встревожило? — догадался супруг.

— Да, — честно ответила я и потянула его в сторону дверей.

— Дорогая моя, подобное поведение... — начал было диар, но, заметив мои поджатые губы, смирился и последовал за мной перед носом хозяина дома, спешившего нам навстречу. — Одно мгновение, агнар Кетдил, — произнес Аристан, — срочное дело.

Мы вышли на улицу, и я заглянула в глаза его сиятельства. Он с заметным любопытством ждал, что я желаю сказать.

— Флоретта, что случилось? — спросил муж, устав ждать, пока я закончу буравить его испытующим взглядом.

— Вопрос деликатный, — отозвалась я, переплела свои пальцы и снова заглянула ему в глаза. — Я должна знать, не присутствует ли здесь женщина, с которой у вас могла быть интрига. Я хочу быть готова...

— Проклятье, Фло, — брови супруга поползли вверх, — с чего вдруг такие подозрения?

— Ответьте, — упрямо потребовала я. — Не желаю повторения истории в столице. К тому же, когда какая-нибудь из дам начнет прожигать меня взглядом, я желаю точно знать, что является тому причиной. Итак?

Аристан скрестил на груди руки и насмешливо посмотрел на меня, после хмыкнул, а через мгновение расхохотался. Я поджала губы, ожидая, когда приступ веселья у его сиятельства сойдет на нет, но он вновь посмотрел на меня, неожиданно прижал к себе и от души поцеловал в щеку.

— Чудесная вы моя, — произнес он, весело улыбаясь. — Нет, Флоретта, здесь я безгрешен, клянусь вам. И уж в данном месте нет никого, с кем я бы мог вступить в некую связь. И просидеть мне десять дней на грядках с морковкой в монастыре, если я солгал хоть словом!

— Монастырь так пугает вас? — прищурилась я.

— До дрожи, — снова хмыкнул диар и повторил. — Ваши подозрения беспочвенны, клянусь честью.

— Я верю вам, — смягчилась я.

— Хвала Богине, — улыбнулся Аристан, подавая мне руку.

Больше вопросов у меня не было, и мы вернулись в дом, где нас ожидал растерянный агнар Кетдил. Извинившись, мы направились за ним в большую гостиную, где уже сидели шесть приглашенных семей, а также его младшее сиятельство — Эйно́р Альдис, оживленно болтавший с миловидной девушкой лет семнадцати.

При нашем появлении гости агнара Кетдила поднялись со своих мест. Мужчины склонили головы, дамы присели в реверансах. Я, было, смутилась, но быстро взяла себя в руки, повторив слова супруга, сказанные им однажды: «В конце концов, вы диара Данбьерга». И дело было даже не в том, что он мог высказать свое недовольствие после. Я уважала своего мужа, даже больше... он мне нравился, и чем больше проходило времени, тем сильнее становилась моя симпатия. Прежних страхов и опасений не осталось. Они разлетелись легким туманом, не оставив после себя даже памяти. Меня никто не унижал, не стремился обидеть, а за последнюю неделю вовсе перестали сторониться и напускать на себя отстраненный вид. Так что я, и без того уже освоившись в доме мужа, окончательно отбросила прочь настороженность, став самой собой. Но главное, это, кажется, нравилось моему супругу, и он только поощрял мои вольности. Правда, в обществе от меня по-прежнему ожидалось поведение, соответствующее занимаемому положению. Но разве же можно отказать в такой малости мужчине, которому ты поклялась перед Богиней заботиться о нем, его чести, его имени и его доме? Разумеется, нет. И когда гости агнара Кетдила распрямились, я ответила вежливой улыбкой, как и сиятельный диар.

— Доброго дня, благородные агнары, — поздоровался с присутствующими его светлость. От меня повторного приветствия не требовалось, супруг говорил от нашего общего имени. — Мы с ее сиятельством рады иметь честь видеть всех вас. Далее попрошу без условностей, мы все в гостях и у нашего дорого хозяина агнара Кетдила.

Сказав это, диар отвел меня к пустующему креслу, помог сесть и устроился рядом, опершись рукой о спинку. Эйно́р отвлекся от беседы с девушкой и приветливо кивнул нам с

его дядюшкой.

— Дорогая, позвольте представить вам благородное общество, — негромко произнес Аристан, однако его слышали, и в нашу сторону повернулись головы, готовые отозваться на свое имя. — Кое-кого вы уже видели на нашей с вами свадьбе. Я напому вам имена.

Его сиятельство представлял мне собравшееся общество, и я переводила взгляд с одной пары на другую, улыбаясь чуть рассеянно, но доброжелательно. Кивала, отвечая на легкие поклоны, и устремляла взгляд к следующей чете.

Рассеянность моя имела под собой основание. Свою подругу я заметила сразу, как только мы вошли в гостиную. Во время реверанса Ларси склонила голову, и ее глаз я не увидела. Когда мы проходили мимо нее и ее мужа, агнара Ларситта Вердис расправляла складки своего платья. И даже сейчас она сидела, разговаривая со своим супругом, поглядывавшим в нашу с диаром сторону, ожидая, когда очередь дойдет и до их семейства. Мне очень хотелось верить в то, что Ларси просто чувствует себя неуютно из-за того, что когда-то вычеркнула меня из своей жизни без всякого предупреждения и явного основания, кроме нищеты моего семейства. Мне хотелось надеяться, что она испытывает хотя бы укол совести, потому избегает встретиться со мной взглядом. Из-за всех этих размышлений я, то и дело, скользила взором в ее сторону. И когда очередь быть представленными мне дошла до четы Вердис, я заметила, как супруг Ларси слегка подтолкнул ее, и моя подруга, наконец, посмотрела в мою сторону. Впрочем, взгляд ее лишь мазнул по мне и остановился на его сиятельстве. На губах расцвела милая улыбка, и агнара Вердис с достоинством склонила голову. В глазах мужа Ларси мне почудилось подобострастие. Однако и его поклон в большей степени предназначался Аристану. Никак не выказав своей досады и решив, что мы еще успеем поговорить, я ответила семейству моей подруги такой же вежливой улыбкой, как и остальным гостям.

— А теперь позвольте представить вам семейство нашего гостеприимного хозяина, — произнес диар. — Нам следовало начать с них, но агнары Кетдил не было в гостинной, и я отложил представление до поры, пока благородные агнары соберутся все вместе.

Хозяин поместья тут же адресовал зардевшейся супруге укоризненный взгляд. Женщина виновато потупилась, а я решила поддержать ее:

— Должно быть, агнара Кетдил была занята, ваше сиятельство, — сказала я, накрыв его руку, сейчас опустившуюся мне на плечо, своей ладонью. — Забота об удобстве гостей всегда ложится на плечи хозяйки дома. Благодарю за чудесную встречу, агнара Кетдил, — улыбнулась я приблизившейся женщине.

— И я благодарю вас, ваше сиятельство, — улыбка агнары мне понравилась. Она была открытой и добродушной. — Я так рада познакомиться с вами, сиятельная диара. Мой супруг имел честь присутствовать на церемонии в храме, он столько рассказывал мне о том, насколько вы были очаровательны. Бертор сказывал, что красивей невесты не видывал. Мне так жаль, что меня свалила горячка, и мы не смогли поздравить вас с его сиятельством. Надеюсь, что мы сможем загладить свою вынужденную неучтивость.

— Мне уже нравится у вас, — поспешила я заверить словоохотливую женщину. — А вы что скажете, дорогой?

— Присоединяюсь к мнению своей драгоценной супруги, — склонил голову Аристан.

— О-о, — протянула агнара Кетдил, прижимая пухленькие ладошки к груди. — Я так счастлива, ваши сиятельства.

При взгляде на эту женщину я отчего-то думала о румяных ванильных булочках,

которые пекла кухарка в поместье Берлуэн — Лирия. Старшая агнара Кетдил имела плотное сложение, приятную внешность, и ее румянец, умиливший меня с первой минуты, как ее я увидела, продолжал радовать взор. Глаза небесно-голубого цвета светились добродушием, а ямочки на щеках вызывали и вовсе странное желание обнять агнару.

— Позвольте представить вам нашу старшую дочь, — отец семейства Кетдил уже подвел к нам собеседницу Эйнора. — Карлина, поприветствуйте же наших дорогих гостей.

Девушка присела в реверансе без всякого кокетства. Взор ее был открытым и, я бы сказала, честным. Юной агнаре я улыбнулась от чистого сердца, как и ее матушке. Его сиятельство, кажется, был прав. Семейство, и вправду, приятное. Я протянула руку Карлине.

— Рада познакомиться, агнара Карлина, — произнесла я.

— И мне приятно, наконец, увидеть вас, ваше сиятельство, — улыбнулась девушка. — Как вы добрались до нас? Не утомила ли вас дорога?

— О, нет, — ответила я, продолжая улыбаться, — дорога была легкой. Вы сказали «наконец», вас терзало любопытство?

Карлина смутилась, потупила взор, но быстро взяла себя в руки.

— Разговоров о невесте, а после и жене его сиятельства ходило много. Любопытство было неизбежным, — сказала она.

— Понимаю, — кивнула я. — Не покажите ли мне усадьбу?

Ладонь супруга, не покидавшая моего плеча все это время, чуть сжалась, одобряя мою просьбу. Юная агнара бросила взгляд на матушку. Это было не удивительно, хозяйка дома обычно водила гостей, однако маменька моей будущей подруги, предложенной Аристаном, лишь умильно вздохнула и отошла с дороги. Забот у нее и без прогулок по усадьбе хватало.

— Дорогая, — позвал меня его сиятельство, когда я уже поднялась с кресла, — если будете выходить на улицу, не забудьте взять плащ. Мне бы не хотелось, чтобы вы простудились.

— Разумеется, ваше сиятельство, — улыбнулась я ему и хмыкнула, заметив, как суровый диар подмигнул мне.

Гости, прислушивавшиеся к нашему разговору, теперь переводили взгляды с диара на меня. Кажется, столь явного проявления заботы они не ожидали.

— Позвольте и мне прогуляться с вами, — агнара Даркир смотрела на меня с просящей улыбкой.

Я вспомнила, как об этой женщине отзывался диар. «Агнара Данкир, скорей всего, будет искать вашего общества. Не пренебрегайте. Она может быть полезна в общественной деятельности. Думаю, став одной из ваших помощниц, эта женщина прочно встанет под ваши знамена. Род ее мужа не слишком богат, да и не особо знатен, потому покровительство диары Данкиры воспримут, как благоволение Богини».

— Разумеется, агнара Данкир, — улыбнулась я. — Как известно, чем больше компания, тем веселей бывают беседы.

— Я тоже не прочь размяться, — со своего места поднялась еще одна агнара. Тильдис Бьярти.

«Не очень приятная женщина, однако целеустремленная. Достаточно подвижна и в случае спора может стать щитом, который примет на себя основной удар и отразит его. Причиной тому ее склочный нрав. Но скандалить с вами не станет, не глупа и понимает, что этим навлечет немилость нашей семьи на головы своего семейства. С ней не стоит слишком сближаться, но лучше держать при себе. Однако иногда придется останавливать, может

позволить себе лишнего в высказываниях. Нео вас, драгоценная моя, но по другим дамам придется с удовольствием. Лучше сразу укажите границы дозволенного. Не хватало еще, чтобы вы переняли от этой женщины любовь к обсуждениям тех, кого нет рядом».

— Агнара Бьярти, думаю, остальным дамам ваше общество доставит удовольствие не меньше, чем мне, — дружелюбно ответила я.

Больше никто из дам к нам не присоединился, и Ларси, на которую я бросила короткий взгляд, осталась сидеть рядом с мужем. Не скажу, что я сильно расстроилась. Компания меня вполне устраивала. Впрочем, по возрасту мне ближе всех была Карлина Кетдил. Агнара Данкир была ровесницей диара, а агнара Бьярти превосходила возрастом и его, так что именно подружиться я собиралась только с юной агнарой Кетдил. Мы уже отошли от дверей гостиной, когда позади послышались поспешные шаги. Обернувшись, я чуть приподняла брови — нас догонял Эйно́р Альдис.

— Прекрасные дамы, надеюсь, вы не будете против моего сопровождения? — с веселой, даже чуть лукавой, улыбкой спросил молодой человек. — Обсуждать урожай этого года у меня нет никакого желания. Уж лучше прогуляться в компании очаровательных агнар, как вы считаете?

— Хорошо, д'агнар Эйно́р, — ответила я ему, степенно склонив голову. — Не желаете слушать об урожае, поговорим о шляпках.

— Уж лучше о шляпках, — рассмеялся Эйн. — Клянусь не ныть и иметь только восторженный вид, слушая дамские разговоры.

— Вы поклялись, мы услышали, — уведомила я его.

— Итак, куда же нас поведет наш очаровательный проводник? — теперь улыбка младшего Альдиса предназначалась только Карлине Кетдил, и мне захотелось его ущипнуть. Виды на девушку были у меня самой, но щеки ее уже мило зарделись, и внимание дочери хозяев поместья досталось единственному мужчине, затесавшемуся в нашу компанию. Он предложил агнаре Кетдил руку, предварительно обернувшись к двум другим женщинам. — Надеюсь, дамы не обидятся на меня?

Дамы не обиделись. Им Эйно́р был менее интересен, и обе взрослые агнары окружили меня. Однако племянник моего мужа и тут не остался в стороне. Вторая рука была предложена мне:

— Д'агнара Флоретта, удостоите меня чести и позвольте поухаживать за вами, пока дядюшка занят?

— Вы очень любезны, д'агнар Эйно́р, — ответила я и... взяла двух своих спутниц под руки. — Ведите нас, агнара Кетдил.

— Вы жестоки, тетушка, — укоризненно покачал головой молодой человек.

— Вы возводите на меня напраслину, д'агнар Эйно́р, и вам должно быть стыдно, — ответила я укором на укор.

— Как вам угодно, ваше сиятельство, — хмыкнул младший Альдис. — Я не в накладе.

И Карлине достался очередной лукавый взгляд. После этого мы, наконец, отправились на прогулку по дому. Впрочем, особо примечательного агнара Кетдил нам не показала. Пожалуй, самым интересным оказались альбомы с гравюрами, принадлежавшие отцу семейства, да несколько пейзажей. Виды, изображенные на них, привели меня в восторг. Еще больше восхитилась я, узнав, что они принадлежат кисти старшей агнары Кетдил, и один из пейзажей писался здесь же в саду.

— Покажите мне это чудесное место! — воскликнула я.

Дамы живо поддержали мою затею прогуляться по улице. Солнце все еще не зашло, и тратить день на то, чтобы сидеть в доме, не хотелось. Согласился с нами и Эйнор. Он заметно заскучал, хоть и пытался делать вид, что ему интересно, однако я успела заметить, как молодой человек дважды сцедил зевок в кулак. Потому прогулку на свежем воздухе принял с энтузиазмом.

Вскоре мы получили свои плащи и направились на улицу. Карлина, с которой мне все еще толком не удалось сблизиться, вела нас в отдаленный уголок их сада. Зато старшие агнары уже умудрились втянуть меня в беседу, и теперь я слушала про их семейства и детей. Несколько раз я ловила сочувствующие взгляды Эйнора, даже в душе была согласна с ним, но внешне никак не показала, что уже утомлена перечислением достижений юного агнара Данкира и несомненными добродетелями отпрысков семейства Бьярти. Я улыбалась, удивлялась, восторгалась, задавала уточняющие вопросы и отчаянно хотела вернуться к своему супругу, который всегда знал, как повернуть беседу, чтобы не прийти в крайнюю степень раздражения.

Пока особых пояснений не требовалось, Карлина Кетдил весело болтала со своим кавалером, порой смущаясь, но отвечала на его остроты достаточно бойко. Если честно, я завидовала этой паре, им было гораздо интересней, чем мне. Однако мне нужно было уже выбираться из своей уютной раковины и заводить знакомства, поэтому я продолжала улыбаться своим спутницам и слушать их похвальбу.

Сад в поместье Кетдил порадовал глаз своей ухоженностью. Дорожки, хоть и присыпанные листвой, были лишены иного мусора. Скамеечки и беседки располагались в укромных местах. Должно быть, здесь было приятно посидеть и ни о чем не думать, просто любуясь окружающими видами. Я представила, как хорош этот сад по весне, и невольно отвлеклась от беседы, допустив легкую мечтательную улыбку.

— Ваше сиятельство, — агнара Данкир осторожно подергала меня за рукав, возвращая с небес на землю, — вы, кажется, отвлеклись.

— О, нет, агнара Данкир, я вас внимательно слушаю, — отозвалась я, с сожалением возвращаясь к прерванной беседе.

Наконец, мы дошли до того самого живописного местечка, которое было запечатлено на картине в доме Кетдилов. Здесь даже мои спутницы ненадолго замолчали и решились побродить, оставив меня в покое. Впрочем, для этого потребовалось вмешательство племянника моего супруга. Эйн остановился, с интересом озираясь вокруг себя, и обернулся, обращаясь к моим спутницам даже больше, чем ко мне:

— Милые дамы, какое очаровательное местечко, вы не находите? Благодарю вас, д'агнара Флоретта, что вы решились взглянуть на натуру, с которой писался пейзаж. Здесь даже разговаривать не хочется, только созерцать и думать. Вы со мной согласны, благородные агнары?

Агнарам не оставалось ничего иного, как согласиться с племянником диара и оставить меня в покое. «Спасибо», — произнесла я одними губами, чувствуя невероятное облегчение. Эйнор подмигнул мне и вернулся к своей даме, давая возможность насладиться умиротворяющей красотой намеренно заброшенной частью поместья.

Я ненадолго застыла на месте, оценивая огромный камень, напоминавший голову медведя. Он словно бы охранял вход в полуоблетевшую рощу, рядом с которой бежала узкая речушка. Справа от меня стояла беседка, с крыши которой свешивались увядшие ветки плюща. Сухая листва устилала пол беседки, придавая ей еще более заброшенный вид. Однако

уныния он не вызывал. Скорей, рождал в душе приятную грусть об уходящем лете и надвигающейся зиме. Даже несколько бюстов, стоявших на пути к беседке, не умаляли диковатого очарования этого места. Стоило взглянуть на него и начинало казаться, что это не часть жилого поместья, а память о некогда живших здесь людях. Скорей памятник, чем место для отдыха.

Вдохнув полной грудью, я направилась к рощице. Мои старшие спутницы, побродив вокруг бюстов, зашли в беседку, удовлетворяя свою жажду общения друг другом. Меня это только порадовало. Эйнор и Карлина бродили где-то неподалеку, их негромкий смех время от времени доносил до меня ветер. А мне вдруг живо представилось, что я сейчас могла идти рядом с супругом. Он обнимал бы меня за талию и рассказывал одну из своих историй, которыми начал делиться со мной не так давно. Я могла бы слушать его приятный низкий голос, больше наслаждаясь его звучанием, чем словами. А еще бросала бы украдкой взгляды на его сиятельство, любуясь его благородными чертами. Вздохнув, поняла, что скучаю по своему мужу.

Подобрав подол, я присела на берегу речушки и опустила ладонь в воду. Она была ледяной, как глаза Аристана, когда он прятал себя настоящего. Подобрав желтый лист, я пустила его по течению и некоторое время следила за тем, как он уплывает все дальше и дальше. Мысленно помахав ему рукой и пожелав доброго пути своему легкому кораблику, поднялась на ноги и направилась к роще.

Голоса младшего Альдиса и агнары Кетдил перестали долетать до меня, как и мерное журчание голосов старших агнар. Впрочем, их я перестала слышать еще раньше. Здесь царила тишина, нарушаемая только шорохом моих шагов и шепотом ветра в ветвях деревьев. На мгновение мне даже стало жутковато, словно я осталась совсем одна на всем свете, однако уже через минуту освоилась и неспешно направилась дальше.

За рощей я увидела темнеющие очертания невысокой горы. Любопытство разобрало меня, я поспешила к ней и почти сразу же увидела грот. Подобрав юбки, я с энтузиазмом полезла в него. Конечно, разглядеть от входа мне удалось немного. Впрочем, там и не было ничего. Пещера имела почти идеально округлый свод, и значит, создала ее не природа. Это немного разочаровало, но не настолько сильное, чтобы сразу вернуться к своим спутникам. Терзаемая исследовательским интересом, я прошла вглубь. Здесь было гораздо темней. Обернувшись, я залюбовалась открывшейся мне панорамой. В окошко входа в грот мне открылся вид на рощу. Оставшиеся еще на деревьях желтые листья особенно ярко смотрелись на фоне голубого неба, по которому плыли низкие белые облака. Лучи солнца цеплялись за макушки деревьев, словно пытаясь удержаться еще ненадолго на засыпающей земле. Несколько птиц пролетели мимо и исчезли в полуголых ветвях. Мне стало отчаянно жаль, что у меня нет таланта к изобразительному искусству. Запечатлеть царственное увядание природы хотелось невероятно.

Любуясь красотой рощи и осеннего неба, я отступала назад, желая увидеть еще больше. Нога неожиданно подвернулась, и я с громким вскриком полетела на каменный пол, зачем-то отмечая краем сознания, что плиты были небрежно обтесаны, и явно положены здесь человеческой рукой.

— Проклятье! — невольно выругалась я и стыдливо прикрыла рот ладонью.

Я сильно ударилась, и теперь темная пелена боли застилала взор. Стиснув зубы, попыталась подняться на ноги, но снова вскрикнула и уселась на пол. На ногу невозможно было наступить. Должно быть, мое падение для нее не прошло даром. Стало до слез обидно.

Вот вам и пожалуиста — сиятельная диара. Лучше бы уж продолжала слушать про неизвестных мне отпрысков словоохотливых агнар, а вместо этого сижу на полу в гроте, смотрю на красоту, которая уже не радуется, и едва удерживаюсь, чтобы не расплакаться, словно маленькая девочка. Еще подумалось, что каменный пол холодный, и Аристан будет недоволен, что я могу простудиться.

— Надо выбираться, — велела я себе.

Даже представила, как сейчас встану на ноги и величественно пойду к своим спутникам. Непременно царственно, будто ничего не случилось. Даже кривиться не буду. Но новая попытка встать привела к очередному вскрику и проклятью. После третьей попытки подняться и покинуть грот я к своему ужасу поняла, что прочно засела тут, и без посторонней помощи мне точно не выбраться. Вот теперь мне стало себя жаль по-настоящему, и я расплакалась от досады, с силой ударив кулаком по полу. Тут же взвыла и затрясла рукой, теперь и вовсе зарыдав в голос.

— Флоретта! — далекий мужской голос долетел до меня, когда я сделала небольшой перерыв в стенаниях. — Где вы? Фло!

— Эйно́р! — заорала я, что есть мочи. — Эй́н! Я здесь!

Хвала Богине, мне не придется пустить здесь корни. Племянник мужа снова позвал меня, но я даже не заметила, что он упустил дозволенное обращение, упростив до сокращения моего имени. Я и сама сейчас забыла про этикет, взывая о помощи. И когда молодой человек появился на пороге входа в грот, я едва не вознесла благодарственную молитву.

— Флоретта, за каким Проклятым Духом вы тут делаете? — сердито спросил Эйно́р, но мне показалось, что я расслышала в его голосе тревогу.

— Я не могу встать, — покаялась я, собираясь вновь расплакаться от жалости к себе, но подавила это желание усилием воли. — Я упала, д'агна́р...

— Ах, оставьте вы эти церемонии, — отмахнулся Эй́н, спешно приближаясь ко мне. — Дяди здесь нет, и никто не будет шипеть на нас. Что случилось?

— Оступилась, — горестно вздохнула я. — Помогите мне встать.

Молодой человек подхватил меня за талию и легко поставил на ноги, но я тут же скривилась. Он поджал губы, глядя на мои гримасы и попытки сделать шаг. После поднял на руки и понес на выход из грота.

— Как вы умудрились? — спросил Эйно́р уже без всякого раздражения.

— Любова́лась, — всхлипнула я.

— На что? — любопытствовал племянник диара, и в его голосе появились первые нотки иронии.

Я молча указала пальцем на рошу, даже не думая, как неприлично выглядит мой жест. Эй́н усмехнулся, затем огляделся и усадил меня на сломанное дерево. Он присел на корточки, деловито задрал подол и взялся за опухающую ногу. Я попыталась возмутиться, но молодой человек лишь бросил на меня насмешливый взгляд и осторожно снял туфельку, а я опять подумала, что Аристан будет недоволен, что я не сменила туфли на ботиночки.

— Кажется, всего лишь вывих, — заметил Эй́н, осторожно ощупывая мою щиколотку. — Ничего, пройдет быстро. Но обратно вы сами не дойдете, я понесу вас.

Я вздохнула и опустила взгляд. И вдруг до меня дошло, что молодой человек все еще продолжает удерживать на своих коленях мою ногу, поглаживает ее, едва касаясь кончиками пальцев. Щеки тут же опалило огнем, и я нахмурилась.

— У вас хорошенькие ножки, тетушка, — улыбнулся младший Альдис.

— Перестаньте! — возмутилась я и попыталась отнять собственную ногу. — Что вы делаете?

— А что я делаю? — он лукаво прищурился. — Моя нянюшка когда-то так жалела мои ушибы. Она гладила их, что-то шептала, а в окончании своего ритуала непременно делала это.

— Что? — с подозрением спросила я, уже начиная чувствовать досаду и раздражение.

— Это, — повторил Эйнор и вдруг поцеловал мне щиколотку.

— Эйн! — воскликнула я вне себя от негодования. В порыве ярости я склонилась, подхватила туфельку и запустила ею в наглеца.

Он отпрянул, вскинул руки и рассмеялся, выкрикнув:

— Всё! Всё, Флоретта, это была неудачная шутка. Клянусь вам, я больше не буду! — и он склонил голову к плечу, весело улыбнувшись. — Не деритесь, пожалуйста.

Я нахохлилась и скрестила руки на груди, глядя на него исподлобья. Молодой человек поднял мою туфлю, сунул ее в карман и снова приблизился ко мне.

— Без меня вам не добраться, — миролюбиво произнес д'агнар Альдис. — Ваши клуши смогут только причитать вокруг вас. Прощаете?

— Я подумаю, — проворчала я и позволила снова взять себя на руки.

— Вы легкая, как пушинка, — произнес Эйн и потерся кончиком носа о мой висок.

— Эйн!

— Что Эйн? — теперь ворчал молодой человек. — Просто почесал нос.

— Но почему об меня? — возмутилась я.

— Ну не о дерево же чесать, — усмехнулся он. — Руки у меня заняты. Если не против, то можете почесать вы.

— Не буду, — буркнула я и... «случайно» потянула своего спасителя за волосы сзади.

Эйнор возмущенно взглянул на меня, и я ядовито ответила:

— Я ненамеренно. У вас длинные волосы, я просто зацепилась, пока обнимала вас за шею.

— Не настолько длинные, — усмехнулся племянник моего супруга, еще пару секунд смотрел на меня подозрительным взглядом и вдруг рассмеялся. — Всё, д'агнара Флоретта, я усвоил урок. Больше никаких фамильярностей и шуток. — Он немного помолчал, пока мы выбирались из рощи, затем скосил на меня глаза и усмехнулся. — Кажется, я понимаю, что в вас так нравится моему дядюшке.

— А ему нравится? — встрепелась я.

Эйнор хмыкнул, вдруг вновь нарушив свое обещание — звонко поцеловал меня в щеку, я тут же дернула за пряди на затылке. Его нагловатое сиятельство вскрикнул, а после весело расхохотался. Я же сурово свела брови и перестала обращать на него внимание. Однако вскоре улыбнулась и смутилась.

— Вы совершенно невозможны, — буркнула я.

— А вы прелестны, — ответил молодой человек.

— Если вы продолжите в том же духе, я не буду с вами разговаривать, — отчеканила я. — Ваши шутки, д'агнар Эйнор, уже переходят всяческие границы.

— Не ругайтесь, — он улыбнулся без всякого лукавства. — И простите меня.

Я фыркнула и отвернулась от мужчины. После постаралась не думать о выходках младшего Альдиса и направить мысли на то, как буду выглядеть, когда мы появимся перед

дамами, которых Эйн оставил ожидать, пока он отыщет пропажу, а после и перед всем благородным собранием. Пойдут ли толки о неуклюжести диары? Будут ли насмешки? Поджав губы, я решила держать лицо и ни в коем случае не смущаться. В конце концов, с каждым могла случиться такая неприятность.

— Знаете ли вы, ваше сиятельство, что мой дядюшка и ваш супруг рассказал вам не всю историю о той неоконченной постройке? — снова заговорил молодой человек, отвлекая меня от моих мыслей.

— Что же утаил сиятельный диар? — любопытствовала я, вновь глядя на Эйна.

— Истинную причину, почему наш прадед забросил постройку домика ужасов, — ответил молодой человек и замолчал.

Я выжидающе посмотрела на него, но Эйнор продолжал хранить молчание. Я поджала губы и слегка побарабанила пальцами по его плечу, привлекая внимание. Хитрец скосил на меня глаза. Снова поскребла его по плечу.

— Флоретта, вам говорили, что вы умеете сопеть, как сердитый ёж? — поинтересовался младший Альдис.

— Его сиятельство уже уведомил меня об этом, — сообщила я.

— Стало быть, я не оригинален, — вздохнул мужчина.

— Так какова же истинная причина? — напомнила я, не выдерживая затянувшейся паузы в рассказе.

— Причина в том, что дядюшка опередил меня, — совершенно серьезно ответил Эйн, и я закатила глаза. Уже собиралась «случайно» дернуть молодого человека за волосы в третий раз за неимением иного способа воздействия, когда он рассмеялся. — До чего же вы чудесная! — воскликнул он. — И так забавно возмущаетесь.

— Перестаньте водить меня за нос, — строго велела я. — О чем умолчал его сиятельство и почему?

— Думаю, не хотел вас пугать, — все-таки снизошел до ответа Эйнор. — Дело в том, что интерес у нашего предка пропал не просто так. Тут история мистическая и связана с местом, откуда были привезены камни.

— Вы мне расскажете? — живо заинтересовалась я.

— При одном условии, — важно ответил молодой человек. — Вы прекратите на меня дуться и простите меня за вызывающие выходки.

— Зачем же вы допускаете их, если понимаете, что они вызывающие?

— С вами сложно удержаться, — улыбнулся мужчина. И только я собралась возмутиться, как он произнес: — История строительства домика ужасов.

Я открыла рот, но сразу его закрыла, взглянула на племянника супруга исподлобья и... любопытство победило.

— Я вас прощаю, надеюсь, подобного больше не повторится, — важно сказала я и поторопила: — Ну, рассказывайте же!

— Хорошо-хорошо! — воскликнул молодой человек. — Уговорили. Слушайте. Наш прадед решил для усиления эффекта страха строить фундамент своего домика из камней, взятых из развалин замка на Весалейских болотах. Слышали о таком?

Я кивнула. Об этом замке не слышал только глухой. Он считался проклятым местом. Говорили, что его хозяин связался с Проклятым Духом, и тот забрал агнара и всех его домочадцев, когда пришло время платить по счетам. А цветущая земля в том месте, где ее коснулось дыхание Проклятого Духа, превратилась в ядовитые болота. Так ли было на самом

деле или нет, никто точно сказать не мог, но вариаций этой легенды бродило по королевству великое множество.

— Так вот, — продолжил Эйнор, — камни привезли и начали строительство, но неожиданно стали происходить несчастные случаи, зачастую нелепые. Однако они уносили жизни строителей. То начался ураган, сломалось дерево и зашибло одного из рабочих. То при разгрузке телеги сломался борт, и камни повалились на другого строителя, подмяв его и скрыв под осыпавшейся грудой. Были и вовсе нелепые случаи. Люди начали роптать, что все это проклятые камни с развалин. В конце концов, диар велел прекратить постройку. Рабочие ушли, бросив все, как было, и дом ужасов остался фундаментом.

— Ох, Богиня, — выдохнула я. — Но это же ужасно!

Молодой человек взглянул на меня с беспокойством.

— Я не расстроил вас?

— Больше мне не хочется задерживаться в этом месте, — призналась я. — Какая нехорошая история.

— Вам страшно?

— Немного, — передернула я плечами.

— Не бойтесь, это всего лишь рассказы простолюдинов, — улыбнулся Эйн. — Возможно, дело обстояло именно так, как в изложении дядюшки, и прадед просто потерял интерес к своей идее.

Я согласно кивнула, и мы вышли к ожидавшим нас дамам. Агнара Бьярти всплеснула руками и поспешила к нам. Следом за ней, охая и причитая, поспешила агнара Данкир. Карлина Кетдил прикрыла рот ладонью и растерянно смотрела на нас с Эйнором.

— Ваше сиятельство, что случилось? — захопотали вокруг меня женщины.

— Любопытство ее сиятельства сыграло с ней злую шутку, — ответил молодой человек.

— Я нашла грот, — пояснила я. — Забралась в него, оступилась и...

— Растяжение, — закончил младший Альдис. — Думаю, стоит позвать лекаря.

— Папенька немедленно пошлет за ним, — откликнулась Карлина. Она выглядела расстроенной. — Простите, д'агнара Альдис, это моя вина. Я слишком увлеклась беседой, — девушка бросила взгляд на Эйна, — и оставила вас одну. Ох, как неловко и стыдно...

— Право, Карлина, не стоит, — улыбнулась я, потянувшись и сжав руку девушки. — Мне нужно больше смотреть под ноги, а не на местные красоты, тогда бы ничего не произошло.

По дороге до дома я так и слушала аханье женщин и пыталась их убедить, что все еще жива. Однако дамы поголовно признали себя виновными в том, что оставили меня без внимания, и уверить их в обратном мне так и не удалось. В конце концов, я просто велела прекратить самобичевания, и мои спутницы немного присмирели. Только Карлина оставалась бледна и даже бросала на младшего Альдиса сердитые взгляды, явно считая, что без его разговоров не допустила бы досадного промаха. Эйнор оставался невозмутим и нес меня, ни разу не остановившись на отдых.

Когда мы подходили к усадьбе, я заметила в окне Аристана. Он увидел нас, подался вперед, а после поспешил навстречу. Лица мужа я не разглядела, только узнала силуэт, но мне почему-то вдруг захотелось попросить Эйна, чтобы отнес меня назад в грот и положил на то место, откуда взял. Конечно же, я не стала просить ни о чем подобном, только поежилась, ожидая недовольство его сиятельства. Он ведь возлагал надежды на то, что его жена взрослая женщина, а я оказалась неловкой недотепой. И теперь чувство стыда сжигало

меня изнутри, но я все еще пыталась держать лицо и не расплакаться на глазах у всех.

Супруг стремительно вышел нам навстречу, когда мы еще не успели дойти до крыльца. Он одарил племянника тяжелым взглядом, после посмотрел на меня, и черты его смягчились. А еще через мгновение в глазах мелькнула тень тревоги.

— Что случилось, дорогая? — спросил диар, забирая меня с рук Эйнора.

Я крепко обняла Аристана и уткнулась ему в шею лицом, разом ощущая себя под надежной защитой от всех невзгод.

— Вас кто-то обидел? — я почувствовала, как напряглись мышцы диара, и помотала головой.

— Только моя невнимательность, — ответила я и тихо всхлипнула. — Я упала и сильно ушибла ногу.

— Лекаря, — бросил его сиятельство подоспевшему агнару Кетдилу. — И чего-нибудь холодного, чтобы обложить ногу ее сиятельства.

После этого развернулся и поспешил в дом, а затем в наши комнаты. Эйнор направился было за нами, но Аристан обернулся, бросил на него предупреждающий взгляд, и младший Альдис остановился. Диар легко взбежал по лестнице, вошел в покои и сразу направился к кровати.

Он уселся на постель, оставив меня на своих коленях, потому что я еще крепче сжала руки на его шее, не желая отпускать супруга. Аристан осторожно разместил мои ноги на кровати, подпернул подол и посмотрел на распухшую щиколотку.

— Простите меня, — снова всхлипнула я. — Я так подвела вас своей неуклюжестью.

Диар отстранился и пристально взглянул на меня.

— О чем вы, Флоретта?

— О своем падении. Вы ожидали, что буду выглядеть достойно, а я... Мне так стыдно.

И я все-таки расплакалась. Аристан поймал мое лицо в ладони, и я услышала его негромкий смех:

— Милая моя, — сказал он, стирая слезы с моих щек большими пальцами. — Смешная моя.

— Я не смешная, — обиделась я.

— Смешная, — мотнул головой его сиятельство и закончил почти шепотом: — Замечательная моя.

Я широко распахнула глаза и шмыгнула носом. Диар порывисто прижал меня к себе, а после поймал губы в плен сладчайшего поцелуя. Кажется, муж на меня не сердился.

ГЛАВА 13

Следующий день нашего пребывания в гостях у агнаров Кетдилов выдался хмурым. Небо с самого утра налилось свинцовой тяжестью, нагнав тоску и опасения, что игра не состоится. Однако дождь, вроде бы побрызгавший на землю вскоре после завтрака, быстро перестал, особо не испортив поле, подготовленное для игры в трефаллен.

Я была этому рада, потому что посмотреть безумно хотелось. Да и поболтать со своими новыми знакомыми тоже, как и утешить хозяев поместья, которые все еще сокрушались, что прогулка оказалась для меня неудачной. Не знаю, сколько бы мне еще пришлось уговаривать их в том, что я себя прекрасно чувствую и нисколько не сержусь за невнимание к моей персоне, если бы диар не вмешался, сказав агнару Кетдилу:

— Моя жена крепче, чем вам кажется. Оставьте ваши хлопоты, иначе от пустой суеты к ноге ее сиятельства прибавится еще и голова. И если в ушибе вашей вины нет, то причиной мигрени можете стать именно вы.

Охнув, наш хозяин рассыпался в извинениях за назойливость. Он мог просить прощения еще долго, но бровь Аристана привычно изломилась в прохладном недоумении, и агнар Кетдил поспешил ретироваться. А я только и выдохнула:

— Благодарю.

Прошлый вечер я провела в отведенных нам с его сиятельством комнатах. Доктор, вызванный хозяином поместья, осмотрел меня, одобрил холодный компресс, велел не тревожить ногу до завтрашнего дня, выдал какую-то мазь и отбыл, получив благодарность диара и приличную сумму за визит. Впрочем, через пару часов я все-таки попыталась встать, но супруг, остававшийся все это время со мной, назвал меня неугомонным созданием и вернул на кровать. Однако вскоре перенес на кресло, горничная подставила под ногу скамеечку, на которую положила подушку, сверху воцарилась моя нога, и его сиятельство все-таки вышел из комнаты. А еще через четверть часа ко мне явились мои дамы, спеша узнать о самочувствии. Так что вечер в одиночестве я не коротала. Аристан уходил, чтобы оказать внимание хозяевам поместья и их гостям, но часто возвращался, чтобы справиться о моих надобностях. Какое-то время проводил рядом, развлекая меня разговорами, а после снова покидал, и ему на смену приходил еще кто-нибудь из благородных агнар.

Кроме уже известных мне дам, меня навестила чопорная агнара Тагнилс. Она оказалась невозможно скучной особой, к тому же мне не понравилось, как женщина подчеркнула оплошность сопровождавших меня дам. Ничьей вины в моей травме не было, о чем я сообщила агнаре Тагнилс. Однако она только снисходительно хмыкнула и сказала, что моя доверчивость ничто иное, как следствие неопытности. После этих слов, я скопировала своего супруга. Должно быть, ледяная вежливость диара вышла у меня отменно, потому что агнара Тагнилс пожелала мне скорейшего выздоровления и поспешила оставить меня одну. Я фыркнула, глядя на закрывшуюся дверь. Не хватало еще, чтобы каждая зазнайка рвалась преподать мне урок. На этом свете есть только один человек, кого я готова слушать, и это не агнара Тагнилс. После этих мыслей я тихо вздохнула и прошептала:

— Аристан...

Не прошло и минуты, как дверь открылась, и появился тот, по кому я успела заскучать. Я радостно просияла и получила в ответ добрую улыбку. Следом за диаром вошла Карлина Кетдил, и я улыбнулась еще шире. Наконец, претендентка на мою дружбу оказалась в моих коготках, и никто уже не мог утащить ее у меня из-под носа. Впрочем, единственный, кто мешался мне под ногами, в этот вечер в моей комнате так и не появился. Подозреваю, что причиной тому стал сиятельный дядюшка. Эймор только однажды прислал записку через лакея, пока Аристан находился внизу. Содержание было совершенно невинным, но отвечать я не стала, решив, что это станет поощрением, а переписка за спиной моего супруга была невозможна. Меньше всего мне хотелось расстроить мужа и вызвать ненужные подозрение. Тем более его сиятельство уже дал мне ясно понять, что не одобряет моего общения с его племянником. Да и мне самой, признаться, после выходов молодого человека хотелось держаться от него подальше. Потому записка осталась неотвеченной, и новых посланий я не получила, чему была только рада.

Утром наказ доктора перестал иметь силу, и диар не стал настаивать на продолжении моего заточения. Я прихрамывала, но самостоятельно передвигаться уже могла, поэтому на

завтрак спустилась, опираясь на руку супруга. Нас встретили приветливыми улыбками. Оставила меня без внимания только Ларси, как и в вечер посещений. Впрочем, до нее мне уже не было никакого дела. Младший Альдис приветствовал нас с его дядюшкой вежливо, без всякой фамильярности. Он вообще вел себя неожиданно тихо, и все внимание уделял Карлине Кетдил.

Щеки девушки были румяны, но держалась она с достоинством. Родители Карлины, кажется, были чрезвычайно довольны интересом младшего Альдиса к их дочери. Они поглядывали на гостей даже с некоторым превосходством и гордостью. Впрочем, мое внимание ими тоже не остался не замеченным. Вчера мы мило и достаточно долго разговаривали с юной Карли. Она быстро перестала стесняться, и вскоре мы смеялись с ней, когда девушка беззлобно, но с юмором рассказывала об их гостях. Диар оставил нас почти сразу после того, как привел ко мне младшую агнару Кетдил, и наша беседа прошла без лишних помех. Признаться, от девушки я была в восторге и не забыла поблагодарить мужа за его совет.

— Постараюсь и впредь давать полезные советы, — ответил Аристан. — Ваша улыбка мне нравится больше, чем слезы и огорчения. Хотя... вы такая трогательная, когда расстраиваетесь, и так доверчиво прижимаетесь ко мне в поиске защиты... Может, мне все-таки вас иногда расстраивать?

— Вы заставите меня плакать? — недоверчиво спросила я.

— Нет, — рассмеялся супруг. — Но все равно вы невероятно милая в своей беззащитности. Просто котенок, которого хочется положить за пазуху и спрятать от всех напастей.

И что вы думаете, я сделала после этих слов? Конечно, растрогалась и даже пустила слезу умиления, но меня тут же несильно дернули за ухо, и умиление сменилось возмущением, а бессовестный диар рассмеялся. Я нахохлилась и оказалась прижата к супругу.

— А такая вы похожи на взъерошенного котенка, очень милого взъерошенного котенка, — сказал Аристан, а я залюбовалась смешинками в его глазах. Когда его сиятельство смеялся, он становился необычайно хорош собой. Впрочем, мой муж всегда был красив, но в минуты веселья я и вовсе не могла отвести от него взгляда. Однако не смогла удержаться и все-таки ответила:

— Пш-ш, — чем вызвала новый взрыв смеха его сиятельства, а после и звонкий поцелуй в щеку, в обе щеки и, конечно, в губы. Это-то окончательно и усмирило во мне зверя. Правда, по уверениям супруга, всего лишь котенка.

Сегодняшний день мой внутренний зверек встретил благостным мурлыканьем и ожиданием чуда, пусть оно и должно было явиться всего лишь в виде игры в трефаллен. Завтрак ничем не омрачился, и зверек продолжил мурлыкать. Затем мы снова расположились в гостиной, ожидая, когда закончится дождь. А после мужчины отправились переодеваться в более подходящую случаю одежду. Мы же с дамами остались в гостиной. За неспешной беседой время прошло быстро, и когда игроки, переодетые в бриджи и легкие свитера спустились к нам, я с готовностью поднялась, спеша, наконец, выйти на улицу. Его сиятельство подал мне руку, я оперлась на нее, и мы с диаром первыми покинули дом. Впрочем, из-за моей хромоты передвигались достаточно медленно. Эйн и Карли обогнали всех, за ними ушла Ларси с мужем, все еще не сказавшая мне и слова, следом величаво прошествовали Тагнилсы. Остальные предпочли нас с диаром не обгонять.

Поле для игры представляло собой небольшой квадрат, расчищенный от листвы. Посередине его делила полоса, нарисованная прямо на земле. На обеих половинах полях имелось три лунки, две из которых были укрыты воротцами, с мешковиной, не позволявшей шару убежать дальше лунки. Последняя, самая дальняя, была без ворот, всего лишь небольшая дырка в земле. Насколько я уже знала о правилах трефаллена, попадание в эту лунку дарило команде противника разом пятьдесят очков. Первые же две приносили от пяти до десяти очков, в зависимости от места, куда попадет шар, который игроки гоняли по полю клюшками-молотками. Если он попадал в лунку под воротцами — это давало десять очков. Закатившийся же под мешковину, но не попавший в лунку шар, приносил не более восьми очков. Ну а если остановился на границе ворот, то нападающая команда получала не более пяти. Добивать шар не позволялось. Все решал один удар и мастерство игрока. Игра велась до ста очков, и команда, первая набравшая сотню, считалась победителем.

Также я знала, что игроки в команде делились на защитника, разыгрывающего и нападающих. По правилам в трефаллен могли играть от шести человек — трое на трое. В случае, если нападающих выходило два и больше, то защищать лунки мог помогать и разыгрывающий. Нападающие из защищающейся команды находились на половине поля противника и пересекать середину, чтобы помочь своему защитнику, не могли. Они включались в игру, если удавалось перекинуть шар на ту часть поля, которую защищал противник. После того, как шар попадал в лунку, он снова оказывался на середине поля, и разыгрывающие старались выкинуть его к соперникам. Подбирать шар руками, пинать ногами запрещалось, для удара использовались только клюшки-молотки. Если же шар выкатывался за пределы поля, то он опять возвращался в центр и разыгрывающий той команды, которая упустила шар, не имел права участвовать в розыгрыше, зато соперники получали маленькую фору.

Также запрещалось махать клюшками, нанося удары по игрокам, нельзя было применять грубую силу, драться, ставить подножки и проявлять неучтивость прочими способами, недостойными дворян. В случае нарушения этих правил, команда, где была замечена грубая игра, считалась проигравшей. За соблюдением правил следил судья, стоявший на разделяющей полосе на кромке поля. Он же подавал новые шары, если тот, которым играли, вылетал за обозначенные границы. Слуги подбирали пропажу, игроки на это время не тратили.

Недалеко от поля был установлен навес, под которым поставили стулья. Имелся и стол, где стояли вазочки со сладостями для дам, корзиночки с фруктами, имелись бокалы и бутылки с вином, но, разумеется, женщины их сейчас не трогали. Вино должны были открыть, когда мужчины закончат игру. Для дам имелся горячий чайник, из которого лакеи наливали чай в красивые фарфоровые чашки, чтобы прекрасные агнары не замерзли и не простыли, пока наблюдают за своими мужьями. Были приготовлены и теплые покрывала, в них можно было завернуться, если осенняя прохлада все-таки начнет пробираться под одежду.

Рядом с навесом стояли металлические урны, в которых жгли огонь. Он тоже предназначался для обогрева зрителей. Лакеи замерли за спинками стульев, готовые исполнить любые пожелания зрительниц и требования игроков. Здесь же стояли заготовленные клюшки, и в ящике лежало множество запасных шаров. Я не удержалась и взяла в руки клюшку.

— Тяжеловата, — отметила я.

— Легка, как перо, ваше сиятельство, — с явной бравадой возразил агнар Бьярти.

— Вес клюшек рассчитан и имеет не последнее значение при ударе, — пояснил мне Аристан. — На самом деле, они совсем не тяжелые, если не держать их двумя пальчиками, а взять в руки. Вот так.

И его сиятельство показал мне, как нужно держать клюшку, чуть лукаво улыбнувшись.

— Но бить ею неудобно, наверное, — засомневалась я, продолжая проявлять любопытство.

— Отнюдь, — к нам подошел Эйно́р со своей клюшкой в одной руке и шаром, подхваченным из ящика, в другой. — Смотрите, д'агнара Флоретта.

Он положил шар на землю и несильно ударил по нему молоточком. Шар откатился, а мне захотелось попробовать. Доковыляв до шара, я размахнулась и ударила, что есть сил. Маленький снаряд взвился в воздух, едва не попав в одного из лакеев, неудачно появившегося на линии броска, и умчался куда-то за облетевший куст сирени.

— Оу, — смущенно произнесла я и вернула клюшку улыбающемуся супругу.

Над полем несся веселый смех младшего Альдиса.

— Однако, ваше сиятельство! — воскликнул он. — С вашим ударом и пушек на войне не надо.

— Сила здесь не главное, дорогая, — сказал диар. — Потом я объясню вам подробней. Но скажу сразу, по шару вы попали замечательно.

— Недурно, — подкрутив ус, согласился агнар Данкир.

— Будь вы мужчиной, ваше сиятельство, могли бы стать неплохим игроком, — сделал мне комплимент агнар Тагнилс, чем несколько удивил меня.

Несколько смутившись, я поблагодарила мужчин и уже собралась присоединиться к дамам, как мой муж поймал меня за руку, поднес ее к губам и спросил, не сводя с меня взгляда:

— А как же пожелание удачи вашему супругу перед состязанием?

— Удачи, ваше сиятельство, — ответила я, потупив взор. После поднялась на цыпочки и поцеловала его в щеку.

За спиной кто-то умиленно вздохнул, а вскоре дамы уже дружно желали удачи своим мужьям, следуя нашему с диаром примеру. Он все-таки поцеловал мне руку, весело улыбнулся и подмигнул.

— Теперь у меня нет права на проигрыш, — сказал Аристан.

— Тогда принесите мне победу, — ответила я, глядя ему в глаза. — Моя душа с вами.

— Оставлю вам взамен свою, — совсем тихо произнес диар. — Не могу допустить, чтобы вы стали бездушны.

— Я сберегу, обещаю, — мой голос окончательно упал до шепота.

— Фло... — его сиятельство склонился ко мне, кажется, совсем забывшись.

— Дядюшка! — громкий голос Эйно́ра заставил нас обоих вздрогнуть. — Мы ждем только вас.

— Чтоб его Проклятый Дух забрал, — тихо выругался диар, продолжая смотреть на меня, и добавил громче: — Иду. До скорой встречи, Флоретта.

— До скорой встречи, Аристан, — ответила я, прижимая ладонь к груди, где мое сердце взволнованно трепыхалось, словно птичка, загнанная в клетку.

Супруг развернулся и направился к остальным игрокам, прихватив свою клюшку, упавшую на землю. Я провожала его растерянным взглядом, и отчего-то хотелось бежать следом, чтобы снова заглянуть в глаза и утонуть в нежности, которой так щедро только что

делился со мной его сиятельство. Но вместо этого я взяла себя в руки и повернулась к остальным дамам. И первое, с чем я столкнулась, был злой взгляд Ларси. Заметив, что я смотрю на нее, моя бывшая подруга отвернулась и больше в мою сторону не глядела, а я решила, что объясниться нам необходимо. В конце концов, я ничего дурного ей ни сделала, и такое поведение было мне неприятно. Однако все объяснения отложила на потом, сейчас я хотела насладиться игрой.

Я заняла приготовленное для меня место, накрыла ноги покрывалом и с интересом посмотрела на поле.

— Ах, ваше сиятельство, — обратилась ко мне агнара Данкир, — какие же чудесные отношения у вас с его сиятельством. Какая нежная забота. Я еще вчера пришла в умиление, когда супруг понес вас в ваши комнаты.

— Да, такому можно только завидовать, — вдруг вздохнула агнара Тагнилс. — Весьма мило. Не ожидала от сиятельного диара такого.

Мне стало приятно, но неловко, и я ответила:

— Благодарю, дорогие агнары. Однако давайте посмотрим, какова выйдет игра.

Женщины послушались, и теперь мы наблюдали за тем, как мужчины занимают свои места на поле.

Состав команд решил жребий, и Аристан с Эйнором оказались на противоборствующих сторонах. Мой муж занял место нападающего, его племянник встал в защиту, и теперь оба Альдиса оказались на одной половине поля, весело подначивая друг друга. Впрочем, настроение у всех игроков было приподнятое. Мужчины переговаривались, смеялись, обменивались шуточками и не всегда приличными. Дамы благовоспитанно смущались, иногда прикрывали уши, но было заметно, что они любят своих мужьями так же, как я любовалась своим супругом.

Сейчас сюртук не скрывал его фигуры, напротив, легкий свитер еще больше подчеркивал стать его сиятельства. Даже бриджи и гетры не портили впечатления. И если на полном агнаре Бьярти такое одеяние выглядело забавным, то мужественность диара не скрадывало нисколько. Составить ему конкуренцию смог только второй Альдис, но на Эйна я обращала внимание в меньшей степени. Мой взгляд не отрывался от супруга, и я таяла от умиления и гордости, что этот великолепный мужчина принадлежит мне. Только на мгновение отвела взгляд, чтобы ревниво оглядеть, кто еще любит моего мужа. Но тут же вернула свое внимание игрокам, уже готовым начать игру.

Судьей был назначен сын агнара Кетдила. Юноша только подходил к порогу своего совершеннолетия и был чрезвычайно горд оказанным ему доверием. Он с пристрастием оглядел обе команды, положил на круг в центре шар и отошел к краю поля. После важно кивнул и воскликнул:

— Розыгрыш!

В команде моего супруга оказались сам агнар Кетдил, а также агнары Бьярти и Вердис. Агнары Данкир, Тагнилс и Вальдр, превышавший в возрасте младшего Альдиса года на четыре, состояли в команде Эйнора. Агнары Кетдил и Данкир оказались на розыгрыше. Пару моему супругу в нападении составил муж Ларси — агнар Вердис, в защите у их команды остался агнар Бьярти. Тагнилс и Вальдр ушли в нападение на половину поля команды моего мужа.

В первом в розыгрыше удачливей оказался агнар Данкир, и шар умчался на нашу половину. Разумеется, нашей половиной я обозначила ту, где находились лунки команды

диара. Однако Бьярти успел перехватить и отправил шар на чужую половину поля. Ближе к подаче оказался Вердис. Наперерез ему бросился Эйнор, но муж Ларси сделал пас, и Аристан с ходу отправил шар к лунке с воротами.

— Восемь очков, — все так же важно провозгласил младший Кетдил, заглянув внутрь ворот. Лакей записал очки на доске, установленной на мольберте.

Юный судья забрал шар и отнес его в центр.

— Розыгрыш!

Дамы наградили первое попадание сдержанными аплодисментами. Мои отзвучали последними. После нового розыгрыша шар сразу отправился к противникам, и теперь его перехватил Аристан, чуть придержал клюшкой, чтобы лучше направить удар, но Эйнор выбил шар из-под клюшки, и Данкир, помогавший своему защитнику, отправил шар на нашу половину. Его перехватил Кетдил, но обратная передача не вышла, потому что Вальдр сумел перехватить подачу и направить его к Тагнилсу. К нему поспешил Бьярти, и вечно чопорный агнар вдруг ожил. Он ловко ударил по шару, и тот пролетел между ног нашего защитника. Тагнилс сделал обманное движение, а Бьярти, поверив, отскочил в сторону, уступая дорогу противнику. Тот догнал шар, примерился к лунке на пятьдесят очков, но агнар Кетдил выскочил из-за его спины и лишил вождельных баллов. Шар, получив сильный удар, перелетел середину поля, но Данкир снова выбил его на нашу половину, и я вскочила с места, преисполнившись азарта. Однако опомнилась и вернулась на место. Лакей, стоявший за моей спиной, поспешил поднять упавшее покрывало. Отряхнул и снова укрыл мне колени. Впрочем, я этого даже не заметила, потому что Вальдр перехватил пас и отправил шар в ворота.

— Десять очков! — провозгласил юный Кетдил и вернул мяч на центр. — Розыгрыш.

Третий розыгрыш ознаменовался неожиданным поступком агнары Кетдил. Эта милая женщина вдруг вскочила с места и выкрикнула:

— Лери, покажи ему!

После стыдливо покраснела, прикрыла рот пухлой ладошкой и села рядом со мной, пробормотав:

— Простите, ваше сиятельство, увлеклась.

— Я тоже, — шепнула я ей, легонько пожав руку.

Мы улыбнулись друг другу, как две заговорщицы, хихикнули и продолжили смотреть. Борьба снова шла на нашей половине поля. Всегда сдержанный диар вдруг сплюнул и закричал:

— Проклятье, Бьярти, у вас уже второй раз шар проходит между ног, вы их хоть иногда сдвигайте!

— Дядюшка, как пошло у вас это вышло, — рассмеялся Эйнор.

Аристан хмыкнул и сорвался с места, перехватывая перед носом Данкира стремительно катившийся шар. После дал пас Вердису и, увернувшись от племянника, снова забрал подачу себе, ударил по нему, отправляя назад, Вердис поймал, однако Данкир выбил шар из-под его клюшки. Эйн и Аристан одновременно приблизились к шару с разных сторон. Младший Альдис замахнулся, собираясь сделать пас своим нападающим, но старший успел отправить шар к лунке. Вердис и Данкир сцепились, мешая друг другу клюшками. Аристан поспешил к ним, следом бросился Эйнор, и я вновь вскочила со своего стула, выкрикнув, совсем забывшись:

— Арис, бейте! Арис! Да бейте же!

Шар помчался к лунке с воротами, диар вырвался вперед и несильным ударом дослал точно по назначению.

— Десять очков!

Лакей тут же записал. Я упала на стул, раскрыла веер и ожесточенно начала обмахиваться. Холод? Кто сказал о холоде? Мне стало жарко. Рядом обмахивалась агнара Кетдил. Агнара Бьярти сидела нахохлившись и сердито смотрела на своего мужа. Лакей попытался снова укрыть меня, но я отмахнулась, мне было не до покрывала, потому что четвертый розыгрыш сразу ознаменовался попаданием в наши ворота, правда, принес он команде младшего Альдиса всего пять очков, но разрыв сократился до трех, и мужчины возобновили борьбу.

Следующий тур едва не закончился попаданием в незащищенную, самую удаленную лунку на нашей половине. Я, старшая и младшая агнары Кетдил вскочили в едином порыве, издав дружное: «Ах», — а агнара Бьярти мрачно потребовала:

— Вина.

Только Ларси осталась похожей на сугроб, отстраненной и холодной. Впрочем, на нее я меньше всего обращала внимание. Зато супруг моей бывшей подруги с силой ударил клюшкой по земле и нехорошо выругался, но все же поклонился в нашу сторону, прося прощения. Однако выручил команду агнар Кетдил. Он успел подставить клюшку, и шар покатился прочь по диагонали. Его догнал Тагнилс, размахнулся в азарте и ударил по шару так, что он взвился в воздух и улетел за пределы поля.

— Да! — закричала старшая агнара Кетдил, в изнеможении падая на стул.

— Как удачно вышло, — неожиданно пробормотала Ларси, и я поняла, что сугроб наш не так уж и бесстрастен.

Теперь упустившая шар команда была вынуждена смотреть, как Кетдил спокойно и без помех примеривается, кому отправить подачу. Данкир стоял, нахмурившись, но в розыгрыш не смел вступать. Диар и Вердис переглянулись, и Кетдил, наконец, ударил. Шар помчался по земле, но неожиданно отклонился в сторону, обходя Эйнора, уже готовившегося принять его, и остановился под удар Вердису.

— Ух, закрутил, — восторженно выдохнула агнара Кетдил. — Это мой Лери!

Младший Альдис и Данкир поспешили закрыть от него лунки, но муж Ларси отправил шар назад под удар Кетдилу, оказавшемуся в одиночестве на центре поля. Он поймал пас и вновь закрутил, но теперь уже в сторону Аристана, которого противники упустили из вида, и его сиятельство успел сместиться ближе к последней лунке. Я видела, как он оглянулся, качнул клюшкой и чуть согнулся, готовый принять шар, уже примчавшийся к нему. Удар, несильный, но уверенный, и шар снова срывается с места. Вердис кинулся наперерез Эйну и Данкиру, скорей мешая им бежать, чем пытаясь догнать мяч. Диар сделал широкий шаг и повторно ударил по шару...

— Пятьдесят очков! — закричала я раньше, чем юный Кетдил успел огласить результат тура, и бросилась в объятия вскочившей вместе со мной старшей агнаре Кетдил.

На моей спине повисла агнара Бьярти, Карли прижалась к спине маменьки, и даже Ларси поднялась с места, размахивая своим зонтиком, прихваченным по случаю.

— Пятьдесят очков, — провозгласил наш судья, недовольный тем, что его опередили. — Розыгрыш.

— Стоп! — выкрикнул Эйнор. — Прошу пять минут на совещание.

— Пять минут на совещание, — вновь важно сообщил юный Кетдил.

Обе команды собрались на своих половинах поля. И если наши агнары трясли руку диару, то младший Альдис, проводив дядю мрачным взглядом, обнял за плечи Вальдора и Тагниса, что-то втолковывая им. Впрочем, наша команда тоже занималась не только тем, что радовалась огромному отрыву, но и вела обсуждения. Пока мужчины переговаривались, лакеи поспешили к ним, неся на подносе стаканы с подогретой водой. Ее приняли с благодарностью все дружно. Но быстро вернулись к прерванному разговору.

— Однако, дамы, наши мужья далеко впереди, — потерла руки агнара Бьярти. — Шестьдесят восемь очков против пятнадцати у наших соперников. По этому случаю можно и выпить.

— Тильдис, вы спешите, — прохладно заметила агнара Данкир. — Шестьдесят восемь не сто очков. Трефаллен непредсказуемая игра. Я бы на вашем месте не спешила.

— Да, — вставила агнара Вальдр, молодая, но болезненная особа с желчным характером, как ее охарактеризовал когда-то супруг. — Следующий тур может принести пятьдесят очков и нашим мужьям. Как вы считаете, Карлина?

— Мое сердце на стороне папеньки, — ответила дочь наших гостеприимных хозяев.

— Мне казалось, что ваша симпатия должна находиться на стороне соперников вашего папеньки, — несколько ядовито произнесла агнара Вальдр.

— Кому должна? — с насмешливым интересом тут же спросила Карли, и я восхитилась девушкой. Все-таки она была более бойкой, чем я. Смушалась только тогда, когда с ней начинал флиртовать Эйн, с дамами же девушка оставалась остра на язык.

— Но разве вы не симпатизируете д'агнару Альдису? — раздраженно спросила в ответ агнара Вальдр.

— На вашем месте я бы уточнила, которого из д'агнаров Альдис вы имеете в виду, — усмехнулась агнара Данкир. — К тому же ваш вопрос совершенно неприличен.

— Вы на чьей стороне?! — вдруг взвилась агнара Вальдр.

— То есть вы унижаете незамужнюю девицу нескромными вопросами в нашем присутствии потому, что так желаете победы вашему мужу? — агнара Бьярти поднялась со своего места, закрывая собой Карлину Кетдил.

— Я? Унижаю? — возмутилась агнара Вальдр. — Да я всего лишь желала...

— Ваши желания у вас на лице написаны, — ехидно перебила ее агнара Бьярти. — Мы видим, за кем следят ваши бесстыжие глаза!

— На что вы намекаете?! — воскликнула агнара Вальдр, вскакивая со своего стула. Ее болезненная бледность тут же сменилась пунцовым цветом.

— Агнара Бьярти, прекратите ваши неприличные намеки, — агнара Тагнис тоже встала. — Вы ведете себя, как склочница.

— А чем вам не нравятся мои вопросы? — Тильдис теперь вовсе уперла руки в бока. — Мои намеки не более неприличны, чем вопросы агнары Вальдр.

— В самом деле, — агнара Кетдил встала рядом с агнарой Бьярти. — Моя дочь и вовсе девица, и требовать у нее отчета в ее симпатиях крайне невежливо.

— Я не требовала...

— Дамы! — мой голос прокатился над полем, и мужчины дружно обернулись в нашу сторону. Я откашлялась и умерила тон. — Прекратите спорить, благородные агнары. Мы все в пылу состязания, не стоит устраивать битву в наших рядах. Мы собрались здесь, чтобы насладиться игрой наших мужей. Не будем портить себе настроение и расстраивать мужчин невоздержанностью их женщин.

— Совершенно с вами согласна, ваше сиятельство, — агнара Данкир кивнула и раскрыла веер. — Мы не участники игры, мы всего лишь зрители.

Женщины переглянулись, агнары Бьярти и Вальдр фыркнули друг на друга и расселись по местам. Следом за ними вернулись на свои стулья и остальные дамы. Между нами воцарилось недолгое молчание. Нарушила его Ларси.

— Не понимаю, почему вы вспыхнули, дорогие агнары, — сказала она. — Мы все бывали на играх и более жарких. Это для ее... сиятельства подобное в новинку, она до недавнего времени нигде не бывала и ничего не видела. Мы-то с вами давно уже успели привыкнуть к разнообразным зрелищам и даже пресытиться ими. — Она замолчала и с насмешкой взглянула на меня. После этого заметно расслабилась и даже, улыбнувшись, послала мужу воздушный поцелуй.

Молчание, вновь воцарившееся после ее слов, нарушила агнара Тагнилс. Она изящным движением раскрыла веер, обмахнулась им и сучающим тоном спросила:

— Согласна, агнара Вердис, мы, действительно, успели пресытиться многими развлечениями, но когда это успели сделать вы? Мы так редко видим вас на светских увеселениях, что даже начали подозревать, что у вас не всегда есть возможность пошить новый наряд, чтобы появиться в обществе.

Ларси вспыхнула. С лица ее исчезла улыбка, и она вновь застыла, глядя в одну точку, но все-таки порывисто обернулась и горячо ответила:

— Слухи о нашем разорении сильно преувеличены, агнара Тагнилс. У меня дети! Хвала Богине, я вышла замуж в положенное время и успела осчастливить своего супруга двумя очаровательными малышами...

— У всех дети, — скрыв зевок, прервала ее агнара Бьярти. — У меня их четверо, но это никогда не давало мне повода нарушать этикет.

— Когда мои малыши болеют, мне не до развлечений, — заносчиво ответила Ларси и снова отвернулась.

— Как я вас понимаю, — воскликнула агнара Кетдил. — Я всегда страдаю, когда мои дети нездоровы. Дорогая, вам надо что-то делать с их здоровьем. Судя по вашим визитам на приемы, ваши дети постоянно с насморком. Я могу посоветовать вам отличного доктора...

— У моих детей замечательное здоровье! — Ларси захлопнула веер. — Им можно только позавидовать...

— Так, стало быть, все-таки нехватка средств, — невозмутимо произнесла агнара Тагнилс.

— Нет! — воскликнула агнара Вердис.

Я переводила взгляд с одной женщины на другую, отмечая, что агнара Кетдил, несмотря на сочувствующий тон, смотрит на Ларси с явной иронией. Да и остальные дамы, исключая, пожалуй, агнару Вальдр, посмеиваются над моей бывшей подругой. Было ли тому причиной нежелание ссориться с диаром и его супругой, или же благородные агнары попросту недолюбливали Ларситту, но настроены они были далеко не дружелюбно. Агнара Вальдр еще не отошла от предыдущего спора, потому сидела, ни на кого не обращая внимания. Чтобы скандал не разгорелся с новой силой, я поднялась на ноги.

— Дорогие дамы, вашим мужьям впору набираться от вас боевого духа, — с вежливой улыбкой произнесла я. — Вновь призываю вас успокоиться и обратить внимание на то, что время совещания истекло, и наши мужчины уже становятся на свои места. — После перевела взгляд на Ларси. — Возможно, я и не бывала раньше на подобных развлечениях, но могу

сказать, что жизнь с моим мужем — это ежедневный праздник. И все, что я пропустила, его сиятельство с лихвой восполнил одним своим присутствием рядом со мной. Разве мне есть о чем сожалеть?

Ларси поджала губы и отвернулась. Агнара Тагнилс бесшумно поаплодировала мне. Супруга хозяина поместья одобрительно кивнула, Карли улыбнулась. Остальные дамы вновь насмешливо посмотрели на агнара Вердис, и только агнара Вальдр буркнула:

— Разумеется, супруге Аристана Альдиса сожалеть не о чем. Рядом-то с его сиятельством...

Однако быстро прикусила язык под моим взглядом и отвернулась. Я с достоинством вернулась на свое место, думая о намеках Тильдис Бьярти. Кажется, теперь я поняла их смысл. Кое-кому здесь глубоко не безразличен мой супруг. Однако, еще раз оценив агнара и вспомнив отзыв о ней моего мужа, я хмыкнула и переключила внимание на поле, где мужчины уже успели разыграть очередной шар. Поймала взгляд супруга и улыбнулась ему, вдруг ощущая себя счастливейшей женщиной на свете. Аристан улыбнулся мне в ответ и включился в игру.

И было самое время, потому что розыгрыш вновь выиграл агнар Кетдил, выиграл подозрительно легко, словно агнар Данкир решил бороться только для вида. Вердис подхватил подачу, направляя шар в десятичковую лунку, но уже перед самыми воротцами, младший Альдис перебил шар, отправив его обратно Данкиру, и Аристан не успел на какую-то долю секунды, чтобы вернуть своей команде подачу.

Данкир развернулся в сторону нашей половины поля, взгляды игроков и зрителей переместились уже на защитников команды диара, даже Кетдил отбежал на пару шагов, чтобы лучше видеть шар, но удар последовал в обратную сторону, и шар подкатился под клюшку Эйнора, уже стоявшего позади. Неожиданность обратной передачи подарила пару свободных секунд племяннику моего супруга, и он использовал их с пользой, закрутив шар на Вальдора. Тот занимал удачное положение рядом с ближней десятичковую лункой, и ему хватило несильного удара, чтобы шар закатился в воротца.

— Десять очков! — произнес младший Кетдил.

— Неплохая заготовка, — отметила агнара Бьярти. — Поглядим, что будет дальше. Наши мужья по-прежнему впереди.

— Это трефаллен, — философски произнесла агнара Данкир и сделала глоток чая. — В этой игре возможен перелом в любой момент.

— Поглядим, — отозвалась агнара Кетдил.

— Иного нам и не остается, — усмехнулась агнара Вальдр, и я поняла, что ее голос мне неприятен. Однако я ничем не показала своей только что возникшей неприязни.

И следующий розыгрыш закончился удачным ударом команды младшего Альдиса, принесшим им еще десять очков. Разрыв медленно сокращался, и энтузиазм в рядах дам поутих.

— Розыгрыш!

Шар вновь был на нашей половине поля, но вот агнар Бьярти делает отчаянный рывок, едва не отталкивая Тагнилса, и маленький снаряд вылетает к нашим нападающим. Его сиятельство скользнул в движении, больше напоминавшем танцевальное па, перекинул клюшку в левую руку и оттолкнул шар к Вердису. И муж Ларси не подвел. Он повел шар, обрабатывая его то одной стороной клюшки, то другой, не давая толком дотронуться до него Эйнору, несильно ударил, прокатив у младшего Альдиса между ног, вытащил клюшкой шар

под удар, и...

— Восемь очков!

— Итого, семьдесят шесть против тридцати пяти, — довольно потерла руки агнара Кетдил.

— Еще не сто, — невозмутимо ответила агнара Тагнилс.

— И тем не менее, — упрямо возразила агнара Кетдил.

Я встала со своего места и отошла за границу навеса. Кровь, поутихшая после перерыва на совещание, снова набирала бег, и усидеть на месте оказалось сложно. Вскоре ко мне присоединилась Карли. Я улыбнулась ей и взяла за руку, вновь устремив взор на поле.

— Ох, Богиня! — вскрикнула я, наблюдая разгорающуюся борьбу.

Четверо мужчин перехватывали друг у друга шар, не давая ни выкинуть его на вторую половину поля, не подойти к лунке. Я сжала пальцы юной агнары Кетдил, вытянула шею и даже притопывала ногой, когда шар вновь и вновь переходил к Эйнору и агнару Данкиру.

— Ну же, ну! — вырвалось у меня, когда Аристан извернулся и все-таки увел шар.

Он стремительно приближался к пятидесятиочковой лунке. Приостановился, придерживая шар, ударил, и снаряд покатился к цели. Я закусила костяшку пальца, все затаили дыхание, ожидая. И вдруг Эйнор бросил тело вперед, растянулся на земле, вытянув перед собой клюшку...

— Не достанет, — выдохнула агнара Кетдил.

— Достал, — с нескрываемым удовлетворением отозвалась агнара Тагнилс. — Каков молодец.

— Чудесный молодой человек! — воскликнула агнара Данкир.

— Хорош, — поддержала агнара Вальдр.

Я пожалала плечами и с досадой фыркнула. Мне Эйн сейчас вовсе не казался чудесным. Я смотрела на поле, где за шаром мчался Данкир, мой супруг и Вердис вдруг замерли, не спеша вступать в борьбу. А через мгновение стало понятно их бездействие, когда шар, сбитый с траектории младшим Альдисом, выкатился за пределы поля, и клюшка Данкира дотронулась до него, когда было уже поздно.

— Проклятье! — рыкнул Эйн, стукнув клюшкой по земле. — Это еще не конец!

— Разумеется, мой мальчик, — донесся до меня голос супруга. — Однако до него уже недалеко.

— Мы будем царапаться и кусаться, — с широкой улыбкой ответил его племянник.

— До весны еще далеко, а коты завывают, — насмешливо произнес Аристан. —
Преждевременные песни.

— Коты поют о любви, дядюшка, а для нее, как известно, любое время года подходит, — Эйнор ухмыльнулся и вдруг повернулся в нашу с Карли сторону.

Агнара Кетдил в это время отвернулась, разговаривая с матушкой, и взгляд младшего Альдиса достался мне одной.

— Когда любвеобильность котов начинает мешать им, животных лишают интереса к любви при помощи умелого ветеринара, — холодно произнес диар и вдруг сделал шаг вперед, перехватывая подкатившийся шар.

Эйн догнал его сиятельство, попытался забрать шар, но Аристан закрыл собой свою добычу и все-таки забросил, однако шар прошел мимо лунки.

Младший Альдис хмыкнул и ответил дядюшке:

— Если дело касается чужой кошки, то конечно. Но ведь у кота может появиться и своя.

Неужто его стоит лишать упоительных радостей из-за того, что ветеринару показалось, что несчастное животное поет свои песни под его окнами?

— Коту следует лучше выбирать окна, и тогда ветеринар даже побалуует его блюдечком молока, — усмехнулся Аристан.

— Благородные д'агнары! — возмущенно воскликнул агнар Вердис. — Игра еще не закончилась.

Дядя с племянником переглянулись, обменялись кривоватыми улыбками и полностью переключились на игру. Однако сейчас шар находился на нашей половине поля, и борьба за него закончилась неожиданно и досадно.

— Пятьдесят очков! — провозгласил младший Кетдил и одарил укоризненным взглядом своего папеньку.

— И вот мы уже впереди, — рассмеялся Эйн.

— Игра еще не закончилась, — напомнил диар племяннику его же слова.

— У нас восемьдесят пять, у вас семьдесят шесть, — подмигнул младший Альдис.

— Тем интересней, — невозмутимо ответил Аристан.

За моей спиной оживились дамы из противоположного лагеря, начав весело переговариваться. Я обернулась, поймала мрачноватый взгляд агнары Бьярти и улыбнулась ей.

— Кое-кто переезжает подальше от супружеской спальни, — возвестила женщина. — Как только вернемся домой, так и переедет.

— Однако вы жестоки, — хмыкнула повеселевшая агнара Данкир.

— По поступкам и расплата, — фыркнула Тильдис Бьярти.

— Это всего лишь игра, — улыбнулась я.

— Дорогая моя... — начала было агнара Бьярти, но прикрыла рот ладонью, кашлянула и начала заново, сменив тон с покровительственно-небрежного на вежливо-обходительный: — Ваше сиятельство, вы несомненно правы, однако лень и разгильдяйство должны быть наказаны даже в таком случае, ибо придет время, и сии огрехи будут иметь место в более важном и насущном. Переедет, чтоб глаза мои его не видели, — закончила женщина ворчливо.

— В каждой семье свои порядки, — ответила я, обозначив улыбку. — Остается только посочувствовать агнару Бьярти. Однако спорить с вами не буду.

— Благодарю, — с достоинством склонила голову Тильдис.

— Десять очков! — донесся до меня голос младшего Кетдила, и мы с дамами охнули, дружно устремив взгляд на доску, где лакей записывал десять очков на счет нашей команде.

— На очко впереди, — отметила Карли. — Осталось совсем немного.

— Ну, теперь начнется, — потерла руки агнара Тагнилс.

Она поднялась со своего места и встала рядом со мной. Вскоре почти все дамы стояли подле нас. Но не прошло и пяти минут, как я перестала их замечать, полностью отдавшись своим переживаниями. Агнара Тагнилс была права, страсти на поле накалялись. Мне даже показалось, что стало теплей. Мужчины отдались игре со всем своим пылом, сражаясь за шар, словно от этого зависела, если не жизнь, то немалые деньги точно. Однако никаких ставок и наград победителю не предусматривалось, и азарт, охвативший наших мужчин, был чист, как капля утренней росы.

Я смотрела на своего мужа и совсем не узнавала сдержанного диара. Он в эти минуты скорей напоминал Эйна своей бесшабашной улыбкой, мальчишеским блеском серых глаз и

остротами на грани приличий, которыми он обменивался с остальными участниками игры. Его сиятельство взлохматил себе волосы, когда шар умчался на нашу половину поля. На щеках моего мужа играл румянец, и казалось, годы сами собой покидают его с каждой новой минутой. Никогда еще дядя и племянник не были так похожи друг на друга, как во время этих последних минут игры в трефаллен. И я поймала себя на мысли, что уже не столько слежу за состязанием, сколько люблю собственным супругом.

— Ну до чего же хорош, — вдруг услышала я и обернулась, ревниво глядя на агнару Тагнилс. — Д'агнар Эйнор невероятно пригож, и как самоотвержен!

Пожав плечами, я посмотрела на Эйна, пожалала плечами снова и уже не сводила взгляда с диара, восторгаясь каждым его движением, словом, взглядом... Богиня, да я просто превратилась в свечу, тающую от огонька, безжалостно выжигавшего ее нутро. Невероятное чувство! Задохнувшись, я схватилась за грудь.

— Вам дурно? — спросила меня с тревогой Карли.

— Какая вы впечатлительная, ваше сиятельство, — агнара Тагнилс сдержанно улыбнулась. — В молодости все воспринимается острее.

— Пять очков! — и вновь пополнился счет команды диара.

— Быть может, вам присесть? — заботливо поинтересовалась агнара Данкир.

— Нет, — я отрицательно качнула головой. — Благодарю вас за заботу, дамы, однако я чувствую себя замечательно.

От меня отстали, и я вновь предалась своему любованию, отмечая лишь краем сознания, что счет уже составляет девяносто один — восемьдесят пять. А потом пошел дождь, настоящий ливень. Минуту назад никто даже не подозревал, что природа подготовила такой сюрприз, но вдруг с неба хлынуло, и дамы едва успели спрятаться обратно под навес.

— Они же вымокнут до нитки, — не скрывая тревоги, воскликнула я, видя, что игра не остановилась.

— Разве можно обуздать расшалившихся мальчишек, — с улыбкой ответила агнара Кетдил. — Будем отогревать после.

Земля быстро превратилась в скользкую кашу, и первым поскользнулся несчастный агнар Бьярти, умудрившись толкнуть шар в собственные ворота.

— Каков увалень! — с негодованием воскликнула его супруга. — Решительно не желаю на это смотреть.

Женщина развернула стул и села спиной к полю. Однако на этом падения не закончились. Следующим упал агнар Вальдр, да так неудачно, что повредил руку. Он попытался играть одной рукой, но из этого ничего хорошего не вышло, и мужчина покинул поле. Следом за ним вышел из игры и агнар Вердис, дабы уравновесить составы команд. Муж Ларси был несколько раздражен поворотом событий, но, переговорив с диаром, сам решил уйти с поля. И теперь разыгрывающие уже не имели права покидать разделительную линию, оставляя защиту и нападение один на один.

После досадного недоразумения, произошедшего по неосознанной вине агнара Бьярти, счет составил девяносто один — девяносто три. Все затаили дыханием, и женщины, и мужчины, покинувшие поле.

— Розыгрыш!

Данкир и Кетдил сцепились, но удача оказалась на стороне команды младшего Альдиса, и шар плюхнулся между Тагнилсом и Бьярти.

— Берт, давай! — заорала вдруг агнара Тагнилс. — Загони шар в лунку!

— Ясно, — скептически произнесла агнара Бьярти. — Моему растяпе повезло.

Даже я обреченно вздохнула, готовая к последнему удару Тагнилса, но агнар Бьярти вдруг выкатился по грязи на коленях наперерез чужому нападающему и с силой ударил по шару. Он взвился вертикально в воздух, а приземлился с громким шлепком уже на чужой половине поля. И оба Альдиса, оставшиеся один на один, бросились к нему. Ключки ударились друг о друга, словно скрестившиеся шпаги. Грязные брызги из-под ног летели в разные стороны, мужчины закрывали шар друг от друга, толкались плечами, упорно отстаивая свое право на удар. Мне вдруг вспомнились слова мужа, сказанные еще до свадьбы: «Не люблю проигрывать», — и я подумала, что ему противостоит такой же Альдис, который явно также не любит проигрывать, и теперь борьба шла уже без шуток.

Эйно́р что-то говорил дяде, но из-за гула дождя слов толком не было слышно. Аристан вскинул на племянника глаза, отвлекся, и Эй́н увел у него шар. Однако по грязи и слякоти шар уже не мог катиться с прежней легкостью, и диар снова перехватил инициативу. Младший Альдис тут же бросился за ним. Противники оказались к нам лицом, и я увидела, как плотно поджаты губы моего мужа. Он был сосредоточен, даже упрям. Выражение лица Эй́на мало чем отличалось, и родственники продолжали борьбу за шар, уже не переговариваясь.

— Я сейчас упаду в обморок, — вдруг простонала агнара Бьярти.

Я даже не заметила, когда она развернулась и теперь неотрывно следила за борьбой двух д'агнаров. Женщина вцепилась в плечо агнары Данкир, и та зашипела:

— Тильдис-с-с...

Но агнара Бьярти, кажется, даже не обратила внимания. Она закусил губу и, вытянув шею, смотрела на то, как оба Альдиса мечутся посреди чужой половины поля, перехватывая друг у друга инициативу. Но вот Аристан резко развернулся, взметнув ногами грязь, ударил шар клюшкой и бросился следом, не давая племяннику обойти себя. И Эй́н прыгнул. Кинулся под ноги дяде, снова пытаясь сбить траекторию шара. Диар перепрыгнул племянника, выставил клюшку, мешая шару сбиться со своего пути, подтолкнул, и игровой снаряд влетел под воротца.

— Десять очков! — провозгласил юный Кетдил, прошлепав по лужам и заглянув под мешковину.

— Протестую! — воскликнул Эй́н. — Шар не в лунке.

— В лунку затекла вода, и когда я заглянул, шар находился на краю лунки, с внутренней стороны, — с достоинством ответил юноша.

— Агнар Кетдил, вы подсуживаете вашему папеньке, — горячась, продолжил спор младший Альдис.

— Вы хотите меня оскорбить, д'агнар Альдис? — парнишка сжал кулаки и исподлобья взглянул на Эй́на. — Безусловно, мои симпатии на стороне отца, но судил я честно. И если вы будете настаивать...

— В моем диарате дуэли запрещены, — остановил юношу Аристан. — К тому же ваш возраст, агнар Кетдил не позволяет вам бросаться ответными обвинениями. Однако я подтверждаю ваши слова, шар выплыл на край лунки.

— Разумеется, подтверждаете, — ядовито ответил его племянник. — Это в ваших интересах.

— Эй́н, ты желаешь оспорить мои слова? — надменно спросил диар. — Или пытаешься обвинить меня во лжи?

Младший Альдис поджал губы, тряхнул головой и стремительно покинул поле.

— Благородные агнары, благодарю вас за игру, — склонил голову Аристан.

Мужчины ответили аплодисментами, которые поддержали и мы, зрители. После участники игры в трефаллен направились под навес, где заботливые жены уже подхватили покрывала, чтобы закутать своих промокших мужей, а лакеи разливали вино. Я последовала примеру более опытных женщин и распахнула свое покрывало навстречу диару. Однако супруг, подойдя ко мне с улыбкой, остановил меня жестом и строго сказал:

— Я крепче, чем вы думаете. Накиньте на себя. Вскоре азарт сойдет на нет, и вы ощутите прохладу. После меня это покрывало будет уже ни на что негодно.

Я оценила взглядом грязное сиятельство, у которого даже на породистом лице чернели полосы, словно кто-то возил по нему пальцами. Впрочем, грязные брызги виднелись даже на волосах, об одежде говорить не стоило вовсе. Не удержавшись от смешка, я ответила:

— Какой заботливый поросенок.

Диар отдал свою клюшку подоспевшему лакею и склонил голову к плечу.

— Ваше сиятельство что-то сказали? — осведомился мой супруг.

— Несомненно, — важно кивнула я, подступая к нему с покрывалом.

Аристан сделал шаг назад, продолжая сверлить меня пристальным взглядом.

— Вы, кажется, как-то называли меня...

— Ваш слух вас не обманул, — согласилась я, вновь приближаясь к мужу.

— Повторите, — потребовал чумазый, но по-прежнему сиятельный диар.

— Укройте покрывалом, скажу, — заупрямилась я.

— Дорогая, я мужчина...

— Мокрый мужчина.

— Но сильный.

— Который скоро начнет чихать, как малое дитя.

— Не отстанете?

Я помотала головой, и супруг, закатив глаза, раскинул руки:

— Давайте ваше покрывало, — с легким раздражением ответил он.

Торжествующая сиятельная диара приблизилась к своему строптивому и упрямому мужу, накинула ему на плечи покрывало и... оказалась прижата к мокрому и грязному супругу.

— Аристан! — возмущенно воскликнула я. — Что вы делаете?

Он захватил мое лицо в ладони, погладил щеки большими пальцами и ослепительно улыбнулся. Правда, улыбка диара больше напоминала улыбку сорванца, довольного своей проделкой.

— Так что вы там мне сказали? — мило спросил он. — Как меня называли?

— Поросенком, — проворчала я, разглядывая мокрые пятна, оставленные его сиятельством во время неожиданных объятий.

— Так вот, драгоценная моя, — наставительно ответил Аристан. — Прежде, чем кого-то обзывать, не мешало бы взглянуть на себя. — После нагнулся к моему лицу и весело протянул: — Поросё-онок.

Поддел пальцем кончик моего носа и легко рассмеялся. Я ахнула, посмотрела на руки супруга и схватилась за свои щеки, начиная понимать, что вытворял его сиятельство во время незатейливой ласки.

— Ну, знаете! — воскликнула я и вновь оказалась прижата к мужу.

Он укутал нас обоих покрывалом, поцеловал меня в висок и сообщил:

— Теперь мы с вами семья сиятельных поросят.

— Хрю, — хрюкнула я и уткнулась лбом в грудь мужа, пряча улыбку.

Сердиться на него такого не было никакой возможности. Как не было возможности сохранить серьезность и соблюдать установленные этикетом границы приличия. Где-то далеко, в другой вселенной смеялись и разговаривали остальные мужчины и женщины, а я прижималась к груди супруга и слушала ускоренный стук его сердца, радуясь близости своего мужчины.

— Вы кое-что забыли сделать, Флоретта, — услышала я.

— Что? — я подняла голову и посмотрела на диара.

— Ваш супруг вернулся к вам с победой, а вы все еще не поздравили его, — ответила Аристан, после взглянул на остальных гостей агнаров Кетдил и отрицательно покачал головой. — Пожалуй, я приму поздравления чуть позже, когда мы доберемся до наших комнат.

— Тогда осталось всего одно незавершенное дело, — сказала я, продолжая смотреть на мужа.

— Какое?

— Обмен душами, — с улыбкой пояснила я. — Вы выиграли, и я могу вернуть себе свою...

— Нет, — диар усмехнулся. — Мне уютно с вашей душой. Я не буду вам ее возвращать. И не вздумайте обвинять меня в воровстве, я отдал вам взамен свою. Берите, пользуйтесь, но только осторожней, она у меня слишком ранима. Но свою даже не просите, не верну.

— Стало быть, вам понравилась душа трусливой врушки? — я испытующе смотрела на его сиятельство. Ответ я ожидала, затаив дыхание.

— Лучшая душа, которую я когда-либо встречал, — ответил супруг без тени улыбки. — Именно такая, о какой я мечтал.

— Ох, Арис, — вдруг задохнулась я и потянулась к нему.

— Фло, — прошептал Аристан, склоняясь ко мне.

— Кхм, — за спиной вежливо кашлянули.

Диар вскинул голову, я обернулась и увидела младшего Альдиса и Карли. На плечах Эйна было накинуто покрывало, и я сразу поняла, что юная агнара все-таки позаботилась о нем. Молодой человек и девушка держали по два бокала.

— Мы, кажется, не вовремя, — иронично отметил Эйнор, но протянул нам свои бокалы. Мы с мужем приняли их, и младший Альдис забрал один из рук Карли. — Хотел поздравить вас с победой, дядюшка, и извиниться за свою вспышку. Но вы, как никто другой, должны меня понять.

— Понимаю, — усмехнулся Аристан. — Мы с тобой одной крови, Эйн.

— Вот именно. Проигрыш для Альдиса подобен яду, — это Эйнор пояснил нам с агнарой Кетдил. — Разъедает изнутри и требует реванша. Скачки, после трефаллен... Я несколько расстроился. Но уже взял себя в руки и устыдился, — это молодой человек вновь адресовал его сиятельству.

— Я принимаю твои извинения, — кивнул диар. — За остальное можешь извиниться позже.

— Остальное? — младший Альдис задумался. — Ах, вы о моих словах на поле... Разумеется, я принесу вам свои извинения, дядя, я их уже приношу вам. И вы поймете, что я

не имел на душе ничего дурного, когда кое-что услышите от меня.

— Уже сгораю от любопытства, — заинтересованность в голосе его сиятельства действительно была.

— Прошу прощения, — агнара Кетдил посмотрела на Эйнора, — матушка призывает меня.

Она покинула нашу компанию, молодой человек развернулся, провожая девушку взглядом. Затем сделал глоток вина и посмотрел на диара.

— Милая девушка, — сказал младший Альдис, заметно понизив голос. — Знаете дядюшка, понаблюдав за вами с д'агнаркой Флореттой и за остальными парами, я все же склонен согласиться, что семейная жизнь — это не так уж и плохо. И вот о чем я хотел вам сказать. Мне бы хотелось пристальней приглядеться к Карлине Кетдил. Пожалуй, я нахожу ваши слова верными, я могу рассматривать свою женитьбу на этой девушке. Она мне нравится. Приятная, скромная, но не тихоня. Со вчерашнего дня я намеренно уделяю ей много внимания, присматриваюсь. Если вы позволите, я немного задержусь у вас, хотелось бы еще встретиться с Карли. Все-таки женитьба — это не легкий флирт, и с выбранной женщиной придется соседствовать всю оставшуюся жизнь. Хотелось бы не ошибиться в выборе соседки по дому и ло... Э-э, по всей жизни. И что вы мне ответите, ваше сиятельство?

Я задрала голову, с любопытством глядя на супруга. Аристан слушал племянника плотно сжав губы. Глаза его были немного сужены, взгляд испытующ, и отвечать сиятельный диар не спешил. Я снова посмотрела на Эйнора, он не сводил глаз с дяди. Взор его был открыт, молодой человек ждал. Я снова вывернула голову на мужа. Черты его лица, наконец, смягчились, и диар кивнул:

— Условия проживания в моем доме прежние, — сказал он.

— Дядюшка, — рассмеялся Эйнор, — что же вы за упертый человек. Я вам душу открыл, а вы все о том же.

— Хорошо, ты можешь остаться, — ответил Аристан. — Заодно поможешь мне в некоторых делах.

— Как скажете, ваше сиятельство, — склонил голову молодой человек. После улыбнулся мне. — Оставлю вас, кажется, Карли вновь свободна.

Мы с мужем проводили его взглядами, и я подняла свой бокал:

— За вашу победу, Арис.

— За нас с вами, Фло, — ответил диар, я возражать не стала.

Как только дождь уменьшился, мы все дружно покинули навес и отправились к усадьбе агнаров Кетдил. Стоит заметить, что наше семейство, включая младшего Альдиса, было единственным грязным в полном составе. Из всех дам я одна выделялась грязной физиономией и одеждой, промокшей и испачкавшейся из-за проделок супруга. Никто из мужчин своих женщин не пачкал так старательно, как диар. И когда в наших покоях встал вопрос, кто больше нуждается в ванной комнате, его сиятельство решил возникшую проблему следующим образом:

— Вы мокрая и грязная, вы можете простудиться, если придется ждать меня. В свою очередь я еще более мокрый и грязный, к тому же находился непосредственно под дождем и на ветру. Ожидание может сказаться губительно даже на моем отменном здоровье. Выход один — мы не должны ждать друг друга.

— Но как же? — удивилась наивная диара Данбьерга.

— Идемте со мной, я вам все объясню и покажу в подробностях, — совершенно серьезно ответил Аристан, взял меня за руку и увел в ванную комнату, закрыв за нами дверь...

Вечером, после сытного и приятного ужина, гости собрались в музыкальной гостиной. Для мужчин была открыта игровая комната, и некоторые вскоре покинули общество, перебравшись за столики для игр в карты и кости. С дамами остался хозяин поместья, оба Альдиса, агнар Вердис и агнар Бьярти, невероятно услужливый и милый со своей женой. Глядя на эту пару, я невольно представила себе трудолюбивую пчелку, вьющуюся вокруг цветка... репейника, потому что Тильдис Бьярти, нахохлившаяся и фыркаящая, ассоциировалась у меня с этим цветком. Но, признаться, рассматривая это семейство, я испытывала умиление.

Карли усадили за рояль, и пока среди гостей велась неспешная беседа, девушка наигрывала спокойные мелодии. Младший Альдис оперся на инструмент и слушал игру юной агнары, время от времени развлекая ее своими историями. Мой супруг негромко разговаривал с агнарами Кетдилом и Вердисом. Он устроился на подлокотнике моего кресла, положил руку мне на плечо, и это дало приятное ощущение защищенности и уюта. Меня развлекали агнары Кетдил и Данкир. Ларси после ужина сразу ушла в отведенные ей комнаты, сославшись на усталость и головную боль. Ее супруг, проводив жену, вернулся к нам. Могу сказать честно, что спокойный вечер мне нравился, и я даже сожалела, что за день до этого была вынуждена остаться в комнате из-за своей неосторожности и падения.

Неожиданно между агнарами Тагнилс и Вальдр разразился спор. Не ожесточенный, но продолжительный. Прислушавшись, я поняла, что агнара Тагнилс уговаривает агнару Вальдр спеть. Вскоре в уговоры включилась и агнара Кетдил, а после и агнар зггбжж Вердис, ненадолго отвлекшийся от беседы. Но решимости даме придал мой супруг. Стоило диару произнести:

— Просим вас, агнара Вальдр. У вас прелестный голос, и было бы приятно его послушать, — как данная агнара скромно потупилась, зарделась от видимого удовольствия и направилась к роялю.

Она недолго разговаривала с Карлиной, после замерла, в ожидании, когда зазвучит музыка, а я подняла взгляд на Аристана. Он убрал руку с моего плеча и сейчас обозначил аплодисменты, впрочем, как и остальные слушатели. Взгляд супруга был направлен на женщину, и мне вдруг стало неприятно. Вроде и ничего не произошло, всего лишь проявил вежливость, но я уже знала об отношении агнары Вальдр к диару, и желание встать и уйти я подавила усилием воли, ругая себя за мнительность и неразумные подозрения. И все же... «У вас прелестный голос», — так и хотелось передразнить мужа, и, признаюсь, я очень понадеялась, что это всего лишь комплимент все из той же вежливости, а голос у агнары окажется высоким и противным.

Однако Карли заиграла, агнара Вальдр прижала к груди переплетенные пальцы, и гостиную заполнил приятный мелодичный голос. Я сердито поджала губы, попыталась уговорить себя, что веду себя глупо, но ревность, подняв голову, уже не желала ее опускать. Тем более Аристан свою руку мне на плечо так и не вернул. Я переводила взгляд с женщины, певшей любовный романс, на мужа, слушавшего ее со всем вниманием, и чувствовала, как закипаю от злости. Тихо фыркнув, я попыталась расслабиться и посмотрела на Эйнора. Он тоже, как и все остальные, слушал агнару Вальдр, но неожиданно поймал мой взгляд и склонил голову, улыбнувшись. Вроде и не поддержал, а мне стало легче. Я улыбнулась в

ответ.

— Bravo, — воскликнула агнара Кетдил, когда агнара Вальдр закончила пение.

— Как же чудесно, — подхватила агнара Данкир и обратилась ко мне. — Не правда ли, ваше сиятельство?

— Да, чудесно, — я очень понадеялась, что моя улыбка выглядит мило. — А как вы считаете, ваше сиятельство?

— Очаровательно, — кивнул Аристан. — Я был бы не против послушать еще.

— Ах, — взмахнула агнара Вальдр ресницами, — если вы просите...

— Просим, — кивнула агнара Тагнилс.

— Конечно, просим, — поддержал Эйнор.

— Да-да, — из вежливости откликнулась и я, но заметила, что женщина ждет, когда ее просит диар. И он попросил:

— С вашей стороны это было бы мило, агнара Вальдр.

— Хорошо, — кивнула ломака и снова заговорила с Карли.

И снова это был любовный романс. Я подняла взгляд на мужа, в этот раз он заметил и улыбнулся мне. Немного успокоившись, я посмотрела на Вальдр. Наша певица заливалась соловьем, простерев руки в нашу с мужем сторону, и хоть глаза ее были закрыты, но мне чудилось прямое признание, и кровь еще сильнее побежала по венам. И как я себя ни уговаривала и ни стыдила, ничего не могла поделать со своими чувствами. Мне настоятельно требовалось покинуть гостиную и проветрить голову, чтобы продолжать удерживать доброжелательное выражение на лице и не скрежетать зубами в открытую.

Когда уговоры начались снова, и агнара Вальдр уже совсем расправила плечи, я поднялась со своего места и, пообещав вскорости вернуться, покинула гостиную. Попросив лакея проводить меня в зимний сад, куда мы ходили с Карлиной, когда она показывала дом. Сад был ухожен, но мне показался скучен из-за однообразной растительности. Теперь же я искала в нем краткое уединение.

Лакей открыл передо мной дверь в сад и удалился, когда я отпустила его. Дорогу назад я запомнила. Неспешно прогуливаясь между кадками с растениями, стоявшими в углублении мраморных чаш, я заметила одинокую фигуру, сидевшую на скамеечке. Уже хотела удалиться, досадуя на то, что не нашла уединения, но все-таки прошла еще немного и узнала Ларси. Вот уж с кем у меня не было желания встречаться, так это с бывшей подругой. Я все же развернулась и собралась уйти, но теперь обернулась Ларси.

— Сама сиятельная диара, — насмешливо произнесла агнара Вердис, и я остановилась.

Повернувшись к ней, я чуть склонила голову, ответив прохладно-вежливо:

— Агнара Вердис, доброго вечера.

— Не старайся, — фыркнула Ларси. — Как у него у тебя все равно не получится.

— Откуда столько яда? — любопытствовала я, скрестив на груди руки.

Бывшая подруга поднялась со скамейки и прошла в мою сторону. Одарив меня презрительным взглядом, она направилась на выход, но остановилась и снова развернулась ко мне. Я приподняла брови, вопросительно глядя на Ларситту. Она не спешила заговорить, только демонстративно оглядывала меня с ног до головы, пренебрежительно и даже брезгливо.

— Знаешь, Ларси, — начала я первой, — я не хочу искать твой дружбы, я и без нее прекрасно обходилась все эти годы. Я не собираюсь заигрывать с тобой, это ниже моего достоинства. Но я никак не могу взять в толк, с чего ты взъелась на меня. Судя по тому, что

ты говорила, ты счастливая женщина, у которой все есть: муж, дети, положение в обществе. Так к чему эти змеиные пляски?

— Змеиные? — сузила глаза Ларси.

— Иначе не назовешь, — усмехнулась я. — Шипишь, извиваешься, пытаешься ужалить.

— Да кто ты такая, чтобы все это мне говорить? — взъярилась агнара Вердис.

— Диара Данбьерга, агнара Вердис, — с неожиданным вкусом назвала я свой новый титул.

— Ты никто! — воскликнула Ларси, и я поморщилась от высоких ноток в ее голосе. — Ты должна была оставаться в своем лесу и не лезть в общество. Таким, как ты, здесь делать нечего. Тебя вытащили из грязи и нечего строить из себя аристократку. Ты нищенка! Пустышка, у которой за душой ни гроша!

Мне было неприятно. И, не будь этих месяцев рядом с диаром, беспрестанно пестовавшим меня и требовавшим держать лицо, я бы, может, и заплакала. Но я была ученицей Аристана Альдиса, и какая-то Ларситта Вердис не могла задеть меня больней, чем это сделал сам король или великосветская любовница моего мужа. Агнаре из провинции было до них далеко.

Я скользнула взглядом за спину Ларси и заметила своего супруга. Он стоял в дверях, припав плечом к косяку. Взгляд его сиятельства был направлен на меня, и я поняла, что он ждет. Ждет моего ответа. Может вмешаться и защитить, как это всегда делал, и перед светским обществом Данбьерга, и перед бывшей любовницей, и перед государем. Однако в этот раз я не хотела его помощи. Аристан столько толковал мне, что я должна сама научиться защищаться, и я хотела показать ему, что его уроки не прошли даром. Я снова посмотрела на бывшую подругу.

— Отчего же? — спокойно произнесла я. — Не такая уж я и нищая. У меня хотя бы есть душа, у тебя же лишь смесь яда и зависти. Если тебе нравится, можешь травить себя и дальше, у меня же есть занятия интересней. Счастливо оставаться, агнара Вердис. — Я сделала несколько шагов прочь, но обернулась и добавила: — Ах да, забыла сказать. Вы должны знать, что вы не являетесь особой, которую мы с мужем были бы рады видеть.

— Это всего лишь твоя болтовня, — сказала Ларси, оборачиваясь мне вслед. — Ты — пустое место, и диар...

— Прислушивается к пожеланиям своей супруги, — отозвался его сиятельство, обнаружив свое присутствие. — В данном вопросе я совершенно согласен с ее сиятельством. — После направился ко мне, подал руку и произнес, уже, кажется, забыв о Ларситте Вердис, словно ее здесь и не было. — Отчего вы не сказали, что хотите отдохнуть, я бы проводил вас.

— Я ушла ненадолго, — улыбнулась я.

— Однако мне этого времени оказалось достаточно, чтобы заскучать без вас, — ответил муж, и мы покинули зимний сад.

— Вы были так увлечены пением агнары Вальдр, — заметила я, не сдержав ворчливый тон, пользуясь тем, что мы остались одни. — Не думала, что мое отсутствие будет замечено вовсе.

— У агнары приятный голос. Мне, как человеку, обладающему музыкальным слухом, нравится слушать хорошие голоса, — несколько удивленно ответил Аристан. Затем остановил меня и развернул к себе лицом. Он приподнял мою голову за подбородок, глядясь в глаза в скупом свете свечей. — Флоретта, вы ревнуете меня к агнаре Вальдр?

— Вот еще, — сказала я и освободилась от его хватки.

После сделала несколько шагов и обернулась на смех его сиятельства. Он хохотал долго и от души, утирая выступившие слезы, а я рядом сопела сердитым ёжиком, как он сам выражался.

— Что смешного? — наконец, возмутилась я, и диар сгреб меня в объятия, уткнулся в плечо и продолжил сотрясаться от смеха. — Ваше сиятельство!

— Что ваше сиятельство? — пытаюсь успокоиться, спросил супруг.

— Что вы увидели смешного? — потребовала я ответа, и он снова зашелся в хохоте. — Аристан, я не буду с вами разговаривать!

Угроза возымела действие, и диар все-таки взял себя в руки, но время от времени все еще продолжал хмыкать. Я сопела, он утирал слезы, после обнял меня за плечи одной рукой, притянул к себе и поцеловал в макушку.

— Чудо вы мое, — все же решил высказаться его сиятельство. — Голос — единственное, что мне нравится в агнаре Вальдр. Голос и не более, Флоретта. Если бы он принадлежал другому человеку, я бы слушал с таким же удовольствием другую женщину.

— У меня нет голоса вовсе, — заметила я с досадой.

— Тогда голос — это единственное, чего у вас нет, драгоценная моя. Потому что в вас мне нравится все остальное, и отсутствие голоса я даже не замечаю. Так вы поэтому сбежали?

— Вы перестали меня обнимать.

— О, женщина! — воскликнул диар. — Если я однажды смогу понять все, что творится в женской головке, я смогу прослыть мудрецом... или сумасшедшим.

И он снова рассмеялся. Ткнув супруга в бок локтем, я улыбнулась и, наконец, успокоилась. Мы вернулись к гостинной. Еще на подходе до нас донесся мужской баритон. Голос был глубок с красивым тембром. Пел мужчина романс, и я невольно приостановилась, сжав руку его сиятельства, слушая певца. Диар вдруг скривился и едко произнес:

— Расчирикался соловей.

Я удивленно посмотрела на мужа и потянула его за собой в гостиную, мне хотелось послушать пение, сидя в кресле, а не стоя под дверями. Аристан подчинился как-то неохотно и даже недовольно. Это удивило. Как он сам сказал, красивый голос ему нравится слушать, а этот голос был превосходен. Намного глубже, чем у агнары Вальдр. Я бросила на мужа подозрительный взгляд, но он уже выглядел невозмутимым, и понять, что так рассердило или расстроило его сиятельство, оказалось невозможно.

Мы вошли в гостиную, и я изумленно уставилась на Эйнора Альдиса, певшего под молчание восторженно внимавшей ему публики. Признаться, мой восторг тут же примешался к общему.

За что, жестокая, терзаешь?

К чему молчание, скажи?

Зачем совсем не замечаешь

Моей измученной души?

Эйн, певший эти строки, простерев руку к невидимой даме, обернулся, видимо, уловив наше появление. Его взгляд остановился на мне, и я невольно потупилась, потому что из-за нелепой случайности вышло, будто он обращался ко мне. Споткнувшись, я ощутила

поддержку мужа и услышала его прохладный вопрос:

— Вам нехорошо, дорогая?

— Нет, — ответила я, справившись с неожиданным смятением. — Просто запуталась в подоле.

— Будьте внимательней, Флоретта.

Супруг помог мне сесть, занял прежнее место на подлокотнике, взял меня за руку, и я посмотрела на него, заметив легкую иронию во взгляде.

— Так? — спросил меня негромко диар.

— Да, так определенно лучше, — ответила я, улыбнувшись.

— Я запомню, — кивнул муж, и мы замолчали, больше не мешая младшему Альдису услаждать публику.

Однако помешала Ларси. Она стремительно ворвалась в гостиную, нашла взглядом мужа и громко потребовала:

— Мы должны немедленно отправиться домой.

— Что случилось? — несколько раздраженно спросил агнар Вердис.

— Я переживаю за детей, — нервно ответила его супруга, избегая взглядом меня и его сиятельство.

— С ними нянька и ваша сестра...

— Немедленно! — вдруг взвизгнула Ларси. — Я ни минуты не останусь в этом доме. Если вы не тревожитесь о вашей семье, можете оставаться, я уезжаю одна.

— Агнара Вердис, — растерянно позвала ее хозяйка поместья.

— Прощайте, — ответила Ларситта. — Боюсь, мы больше не увидимся.

Она бросила на меня короткий взгляд, задрала нос и так же стремительно покинула гостиную. Агнар Вердис поднялся на ноги, пробормотав извинения, и последовал за женой, но уже в дверях его нагнал голос его сиятельства:

— Агнар Вердис, жду вас послезавтра, как мы договаривались.

— Благодарю, ваше сиятельство, — поклонился мужчина и покинул общество.

— Да что произошло? — всплеснула руками наша милая хозяйка.

— Отвратительная особа, — отозвалась агнара Тагнилс.

— Убралась и не велика потеря, — фыркнула агнара Бьярти.

— Ты совершенно права, душа моя, — поддакнул ей супруг, и Тильдис протянула ему руку для поцелуя. Кажется, агнар Бьярти сумел успокоить жену.

— Д'агнар Эйно́р, спойте еще, — попросила я. — У вас невероятный голос.

— О да! — воскликнула агнара Вальдр. — Просто великолепный!

— А давайте споем в паре, — предложил ей младший Альдис.

В этот раз агнара не ждала уговоров и поспешила к Эйну. Я прижалась головой к мужу, тут же забывая о Ларси, ее зависти, забывая о своей недавней ревности, и полностью отдалась во власть дуэта наших певцов. Аристан поглаживал мне запястье, время от времени поглядывая сверху. Я умиротворенно вздохнула и подумала, что поездка выдалась замечательной.

ГЛАВА 14

— Ваше сиятельство, куда доставить сладости?

Я написала на карточке адрес единственного приюта в Кольберне. Пока я изучала

главный город диарата, но в дальнейшем собиралась заняться и всем Данбьергом. Моя благотворительная деятельность началась с легкой руки диара. После нашей поездки в гости к агнарам Кетдил, супруг объявил, что я уже готова двигаться дальше, и мое становление, как светской дамы, так и диары, уже получившее начало, должно продолжаться. Конечно же, Аристан не оставил меня наедине с незнакомой мне деятельностью, о которой я имела смутные представления. Самое большое, в чем я когда-то принимала участие, это скудная милостыня нищему, однажды зашедшему в папенькино поместье.

Через неделю после возвращения от Кетдилов, по наущению диара, я отправила Карлине и ее матери приглашение принять участие в инспекции казенных заведений Кольберна, ответили согласием. Также написала я агнарам Данкир, Бьярти и Тагнилс, никто в ответном письме не отказался.

— Ну вот и сложился костяк благотворительного комитета, — хмыкнул Аристан. — А почему агнара Тагнилс?

— Вы против? — спросила я. Пригласить и эту женщину, было полностью моим самостоятельным решением.

— Отчего же? Сейчас вы выбираете себе соратниц, с которыми вам придется часто встречаться, и мне просто любопытно, чем вы руководствовались, когда решили пригласить эту даму.

— Агнара Тагнилс произвела на меня благоприятное впечатление, когда мы наблюдали за игрой, — ответила я. — Ее чопорность и высокомерие напускные, насколько я успела заметить, и под ними скрывается женщина, у которой есть свое мнение. Пожалуй, я попробую приблизить ее к себе.

— Агнара Тагнилс, как и ее супруг могут быть беспристрастными, — согласился его сиятельство. — К тому же в их правилах доводить до конца начатое. Да, думаю, вы сделали верный выбор. Главное, сразу укажите рамки, за которые не стоит заходить.

— Кажется, я это уже сделала, — улыбнулась я, вспоминая первый вечер нашего нахождения в поместье Кетдил.

— Вы бесконечно радуете меня, драгоценная моя, — ответил супруг, целуя мне руку.

В назначенный день дамы собрались в нашем поместье. После недолгой беседы и чашечки чая мы направились в Кольберн. Нас сопровождал его сиятельство, ехавший на своем Громе. Он собирался задержаться в городе, и вместительная карета, куда поместились все дамы, должна была вернуть нас, женщин, в поместье, как только мы закончим свою инспекцию. На обратной дороге нашим сопровождением собирался стать второй Альдис, находившийся с самого утра в Кольберне, получив задание от дядюшки.

Начали мы свой обход с детского приюта. Его состояние произвело на меня удручающее впечатление. Сырое мрачноватое здание, требовавшее ремонта, располагалось на окраинных улицах. Имело оно два этажа, но приют занимал только первый. На втором этаже жили воспитатели, там же были устроены кладовые, запиравшиеся на большие висячие замки. «Чтобы мелкое ворье не шныряло», — доверительно сообщила нам кухарка, неопрятная краснолицая женщина. Впрочем, красть там толком было нечего.

Та же кухарка продемонстрировала нам жуткое варево, отвратительное на цвет и запах. Однако женщина была явно горда своим трудом, и наши гримасы отвращения восприняла, едва ли не как личное оскорбление.

— Получите расчет и убирайтесь отсюда, — велел его сиятельство, когда кухарка закрыла котел и подбоченилась.

— А кто же будет кормить голодранцев? — спросила нахалка.

— Не вы, это уж точно, — отозвалась агнара Бьярти. — Как дети еще живы, с таким уходом?

За детьми присматривали пятеро воспитателей. Директриса данного заведения не объявлялась в стенах приюта с конца зимы, но средства на содержание детей получала исправно. После ее поверенный приносил то, что не осело в карманах сей неблагородной дамы. Из этой суммы воспитатели и кухарка отсчитывали себе жалование, на оставшиеся деньги закупали провизию для детей. Судя по кладовым, оставалось совсем мало. На одежду и обувь воспитанникам уже не хватало, и детей одевали в то, что жертвовали сердобольные горожане. Из-за создавшегося положения и дурного отношения воспитанники подворовывали, сбегали и водили дружбу с опасными личностями.

Прислуги в приюте не было вовсе. Одежду стирали старшие дети, младшие следили за чистотой спален. Коридор и столовую мыли все вместе. Даже у воспитателей убирались дети, за что получали мелочь, потому воспринимали навязанную им повинность с радостью.

— Труд полезен для их испорченных душ, — заявила нам одна из воспитательниц, сухопарая седеющая женщина с крючковатым носом.

— Уволены, — тут же ответил диар.

Остальные не решились выказывать своих взглядов, только скорбно вздохнули и потупились. Далее мы навестили учебные классы. Такие здесь имелись, но не открывались уже давно, кроме одного, но и там за долгое время не ступала нога ни одного из воспитанников. Детей обучали азбуке, счету до ста, и на этом их образование заканчивалось. Проходили сию науку ребята в десять лет, после этого класс снова закрывался и открывался, когда подрастали следующие десятилетки. Девочкам показывали, как зашивать дыры на чулках, как пришивать пуговицы, чтобы они могли чинить одежду себе, мальчикам и младшим воспитанникам.

В корзине, где лежало белье для починки, агнара Тагнилс заметила и взрослую рубашку. Она не поленилась подцепить предмет нижнего туалета двумя пальцами и спросила:

— Чье?

— Мое, — пролепетала низкорослая полная воспитательница.

— Объем на местном вареве наели? — любопытствовала агнара Бьярти.

— Или с голоду опухли? — усмехнулась агнара Данкир.

— Дамы, — подняла я руку, и женщины замолчали. Хотя я тоже была сердита на воспитателей, как и мои спутницы, но опускаться до издевательств не желала и другим не собиралась позволять. После посмотрела на пунцовую воспитательницу и велела: — Заберите свои вещи. Все, которые принадлежат воспитателям, иначе они отправятся на помойку вместе с изношенными детскими вещами.

После нам, наконец, показали воспитанников. Их было не так уж и много, нас встретили всего десять человек: трое мальчиков и семь девочек. Возраст детей не превышал восьми лет, и лишь одной девочке было уже тринадцать. Оказалось, она приглядывает за малышами, остальные воспитанники разбрелись по Кольберну, кто в поисках заработка, кто гулял, и чем эти дети занимались, предсказать было сложно.

— Кто из вас является воспитателем младших детей? — спросил диар.

— Я, — вперед вышла высокая худая женщина.

— Займитесь своими обязанностями, — велел его сиятельство. — И лучше вам вспомнить, что в них входит, иначе через несколько дней ваше место займет воспитатель,

который будет больше подходить своей должности.

Мы некоторое время провели с детьми, расспрашивая об их жизни. Знакомились, присматривались. Воспитанники смотрели на меня и моих спутников, округлив глаза, смущались, настороженно следили за агнарой Кетдил, заинтересовавшейся, чем играют дети. Игрушек оказалось до невероятности мало. Большею частью они были выструганы единственным мужчиной в приюте — дворником, также помогавшим на кухне. Уже немолодой, он единственный следил за зданием, ремонтируя поломки, поправлял ставни, укреплял расшатавшиеся ступени на деревянной лестнице, ведущей на второй этаж. Иногда ему помогали старшие мальчики, но охотников было мало, а дворник один, потому здание продолжало ветшать.

— Завтра появится портной, — сказал его сиятельство. — Он снимет мерки с детей. Проследите, чтобы все они оставались в стенах приюта. Так же зайдет обувщик. И хватит отпускать воспитанников в город без дела. Приведите в порядок классы, напишите список необходимого для учебы. Вскоре у вас появятся учителя, они займутся необходимым образованием детей. Да, и список всего, чего не хватает детям для повседневной жизни, тоже составьте. Не вздумайте приписывать того, что желаете получить вы. Каждый кусок мыла будет под учетом. Для собственных нужд вы получаете жалование.

— Не полностью, — негромко произнесла та самая полная воспитательница. — Инара директриса задолжала нам половину жалования. Мы сами подрабатываем, чтобы восполнить нехватку денег.

— Завтра у вас будет новая директриса. Обслужу мы с ее сиятельством подберем лично, — ответил Аристан. — Счета приюта проверит мой счетовод. Если он обнаружит недоплату, вы получите всё, что вам причитается. Вскоре вам доставят продукты, сегодня у детей должен быть настоящий ужин. Ту бурду, что наварила прежняя кухарка, отдайте бездомным собакам. Если не погнушаются, Богиня зачтет вам это за доброе дело. Да, кухарку тоже пришлю.

— Я сегодня же отправлю одежду и игрушки, какие остались от моих детей, — отозвалась агнара Кетдил.

— Да, я сделаю то же самое, — согласилась агнара Бьярти. Агнара Тагнилс, молча, кивнула, поддержав почин спутниц.

— Да, на первое время совсем неплохо, — согласилась я. — Ремонт здания...

— Сделаем и его, ваше сиятельство, — улыбнулся супруг. — Всему нужно время и средства. Будем изыскивать.

Вскоре мы покинули приют, удрученные представшей нам картиной. Я не удержалась и задала мужу вопрос, когда мы отошли от наших спутниц:

— Как же просмотрели такое, Арис?

— Возможно, вы и правы, дорогая. В этом есть моя вина. За год, что я вернулся в диарат, подобных инспекций я не совершал, занимаясь иными делами диарата. Поверьте, за то время, что я управлял своими землями издалека, здесь многое до сих пор требует моего вмешательства и строгого надзора.

— Вы правы, ваше сиятельство, — я виновато потупилась. — У вас и вправду накопилось дел немало.

— Но теперь у меня есть вы — моя жена и помощница, — супруг провел по моей щеке тыльной стороной ладони. — И вместе мы справимся быстрее. Вы быстро учитесь и осваиваетесь, что не может не радовать. Вы мало напоминаете ту перепуганную и дрожащую

дикарку, которую я увидел когда-то в доме агнара Берлуэна.

— Но та дикарка, кажется, вам нравилась, — я снова потупилась, ожидая ответа.

— Мне понравилось то, что проглядывало сквозь ужас перед переменами, — произнес Аристан, приподнимая мою голову за подбородок. — Ужас растаял, ваша натура осталась. И мне бы очень хотелось, чтобы вы не менялись впредь. Взрослели, набирались опыта и самостоятельности, но оставались прежней чистой и непосредственной девочкой, какой являетесь сейчас. И я приложу все силы, чтобы так оно и было.

— Ах, Арис, — вздохнула я, сжимая его руку ладонями.

— Люблю, когда вы сокращаете мое имя, — улыбнулся диар. — Из ваших уст оно звучит так... интимно.

— Ваши сиятельства, мы готовы ехать дальше, — вклинился в наш разговор голос агнары Бьярти.

— Идем, — ответил Аристан и подал мне руку. Следующей целью нашей инспекции стала народная больница.

Больница для бедных, или народная, располагалась в еще худшем месте, чем приют. Люди иногда называли данное заведение "погостом", потому что те, кто оставался в стенах больницы, чаще всего покидали ее уже не своими ногами. По большей части, простолюдины приходили сюда, чтобы получить небольшую помощь, а лечиться предпочитали дома.

Хорошие врачи держали частные практики. Некоторые принимали и простой люд, но стоил такой прием не мало. Лекари-недоучки и знахари также имели популярность в народе, но уровень их знаний оставлял желать лучшего. Однако услуги таких целителей стоили на несколько порядков ниже, чем помощь профессиональных врачей, и это становилось решающим в выборе, к кому обратиться.

Имелась в Кольберне еще одна больница, там тоже лечились простые люди, однако за нахождение в ней приходилось платить, а народная больница содержалась на средства диарата. Сынов Покровительницы там было даже больше, чем врачей. Врачи, пользовавшие больных, получали небольшие деньги и, чаще всего это были доктора, которые имели свои практики, а в народной больнице они подрабатывали, проводя исследования. Материала здесь было много, как, по словам его сиятельства, отозвался один популярный в Кольберне врач. Кажется, сильно бедствующие люди даже добровольно соглашались на то, чтобы после смерти их тела был использован врачами для их научной деятельности. Впрочем, безвестных покойников здесь так же хватало, потому что обращались в народную больницу совсем уж беднота, или нищие и бродяги, которые приходили в больницу умирать, рассчитывая напоследок получить миску горячей похлебки и услышать молитвы сынов Матери Покровительницы по своей отлетающей душе. Все-таки не сточная канава или чей-то забор, откуда мертвеца закинут в скорбную телегу и свалят в общую могилу под бормотания монаха. Таких покойников никто не знал и не помнил. В народной же больнице мертвых обмывали и сжигали, а урну с прахом хоронили на больничном кладбище. Имя записывали, как записывали и место захоронения, потому что родные, если такие однажды найдутся, могли получить точные сведения о судьбе родственника, навестить его могилу и оплакать.

— Дорогие дамы, — обратился к нам его сиятельство, — будьте стойки. Опасаюсь, нас ожидает скорбная картина. Если кто-то пожелает остаться в карете, никто ее не осудит.

Дамы, включая меня, оставаться в экипаже отказались. Если уж мы решили принять участие в судьбе этих несчастных, то прятаться от действительности было бы некрасиво и

лицемерно. Диар склонил голову, принимая нашу решимость, и мы направились к обшарпанным дверям больницы для бедных. Впрочем, входили, по крайней мере я, все-таки с душевным трепетом. Народная больница воспринималась, как место скорби и обреченности. Отчего-то ожидалось, что прямо с порога нас встретит смрадный запах, мертвые тела и заунывное пение сынов Покровительницы.

Однако ничего подобного я не увидела. Безусловно, серое снаружи здание оказалось мрачноватым и изнутри, но пахло здесь сыростью, а не мертвечиной. Да и монах, вышедший нам навстречу, улыбнулся легко и даже как-то радостно. Узнав о цели нашего визита, он стал серьезен.

— Это очень хорошо, что сам диар и его супруга заинтересовались судьбой несчастных, которые лежат в этих стенах, — сказал брат Лассар, как представился нам сей достойный сын нашей Богини. — Мы стараемся облегчить их последние страдания, как можем, но видеть исцеление всегда радостно.

— У больницы есть нужды, — уверенно произнес его сиятельство.

— Их немало, — согласился брат Лассар.

— Проведите нас, мы хотим видеть полную картину, — велел Аристан.

— Прошу, — монах сделал приглашающий жест, и мы последовали за ним.

Неприятного гнилостного запаха мы не обнаружили и в палатах. Тех, кто приходил сюда, прежде всего отправляли мыться, после выдавали казенную одежду — сероватую рубаху и штаны. Конечно, эти пижамы видели не одного пациента. С умерших казенное белье снимали, стирали и выдавали новому больному, но удрученным этим фактом никто не выглядел. Впрочем, пациенты народной больницы отличались цинизмом и отсутствием особой чувствительности душ.

На нас смотрели с любопытством, кто-то даже позволил себе кривую усмешку, но один непроницаемый взгляд его сиятельства в сторону насмешника, и тот сделал вид, что спит. Брат Лассар покачал головой, глядя на пациента, и мы прошли дальше. Стоит заметить, что палаты, где лежали больные, были большими и, в следствии этого, зимой протапливались плохо.

— Холод — наш бич, — со вздохом произнес наш сопровождающий. — Провизии нам хватает. Питаются наши пациенты скудно, но свою миску получает каждый. Лекарства, если заканчиваются выделенные деньги, мы покупаем на пожертвования. Нам есть чем обрабатывать нарывы и язвы, но хороших лекарств, чтобы исцелять тяжелые болезни, мы себе позволить не можем. Чаще приходится уповать на молитву и милость нашей Матери.

На кухне работали тоже монахи. Они подняли крышки на котлах, показывая похлебку. Такого отвратного впечатления, как в приюте, пища в народной больнице на нас не произвела. В большой глиняной миске лежал хлеб грубого помола.

— Козье молоко и сыр мы приносим из обители. Не каждый день, но иногда балуем наших больных. Особенно по праздникам. К сожалению, у нас не стадо коз, потому часто делиться с пациентами мы не можем, — сказал нам один из монахов.

— У вас в обители есть козы? — поллюбопытствовал диар, бросив на меня веселый взгляд.

— Разумеется, ваше сиятельство, — важно кивнул брат, и я тихо хмыкнула.

— Это очень хорошо, что вы принимаете живейшее участие в своих подопечных, — ответил Аристан.

— Они же дети нашей Матери, — улыбнулся монах. — Но для исцеления, конечно,

нужна более сытная пища, чем мы можем дать нашим больным.

— Постельное белье и пижамы все больше изнашиваются, — вмешался брат Лассар, скорбно разведя руками. — Дрова на зиму...

— Приготовьте список нужд и передайте его в городскую управу с пометкой «Д'агнару Альдису в руки». Тогда он не затеряется, — ответил мой муж. — Моя супруга и ее благотворительный комитет будут присматривать за вашей больницей.

— О-о, — протянул брат Лассар, — это было бы чудно. Мы давно нуждаемся в помощи и опеке. Ее сиятельство, безусловно, добрая женщина.

— А где врачи? — произнесла я, избегая комплиментов. — Пока мы никого из них не увидели.

— И вправду, — подхватила агнара Кетдил.

— Сейчас в больнице присутствует только агнар Тальзар, — ответили монахи. — Но он в морге со своим учеником...

— Пациентами он сегодня занимался? — спросил диар.

— Сегодня его вмешательства не требовалось...

— Ясно, — кивнул его сиятельство, и я отметила, что он недоволен.

Уже когда мы покинули больницу, диар обернулся, в задумчивости рассматривая серое здание.

— Вы заметили, что женщин в этой больнице нет? — вдруг спросила агнара Тагнилс. — Только мужские палаты.

— Должно быть, боятся разврата, — хмыкнула агнара Бьярти.

— Детей там тоже нет, — отметила агнара Кетдил. — Палаты большие, а кроватей мало.

— Сама атмосфера давит, — подала голос Карли. — Серые стены, узкие окна. Там о жизни даже не думается.

— И врачи заинтересованы только в препарировании, — вздохнула я. — Ужасно. А ведь не только простому народу бывает нечем платить за лечение, но и благородным агнарам. Но никто из знати не обратится сюда за помощью...

Я отвернулась от своих спутников, вдруг вспомнив маменьку. Возможно, она была бы с нами и по сей день, если бы у нас нашлись деньги на хорошего врача. Но нищета привела папеньку на порог дома знахарки, пользовавшую маменьку травяными настоями и заговорами. Если бы была возможность получить помощь в такой вот больнице, наверное, папенька и привез сюда старшую агнару Берлуэн, но это место имеет не ту славу, куда хотелось бы везти больного человека.

— Флоретта, — супруг встал у меня за спиной и накрыл ладонями плечи, — не печальтесь, теперь уже ничего невозможно исправить. Однако вы правы, эту больницу строили по желанию моей бабушки, она была добрейшей из женщин и желала помочь тем, кому уже не на что надеяться. И вы дамы, вы тоже правы, — он приобнял меня за плечи и развернул лицом к нашим спутницам. — Будем менять устои больницы и прежде всего прибавим жалование врачам. Я отправлю запрос в столичное училище, попрошу направить нам выпускников. К сожалению, опытных врачей мы сразу привлечь не сможем, а вот тех, кому нужно набираться опыта — заполучить несложно. Повысим жалование, поможем с жильем, закупим медикаменты. Со временем обустроим операционную и прочие необходимые кабинеты. И женские палаты обяжем также открыть. В конце концов, там находятся братья, вот пусть и следят за нравственностью. Да, своим личным приказом

запрещу использовать умерших пациентов, как пособие. Исследования разрешу только врачам, работающим в больнице на постоянной основе, а не проходящим.

— Я слышала, что в столице имеется училище для сестер милосердия, — заговорила агнара Данкир. — Они могли бы помочь врачам не хуже братьев. К тому же женщинам-пациентам будет привычней и приличней уход от других женщин. Братья же могут продолжать ухаживать за мужчинами.

— Где вы на все это найдете средства, ваше сиятельство? — агнара Тагнилс развела руками. — Это же немалые суммы.

— Деньги найдете вы, дорогие дамы, — широко улыбнулся Аристан. — Ее сиятельство и вы откроете фонды, которые станут неплохим подспорьем казне диарата. Данбьерг не маленький, работы вам хватит. Если вы согласны и дальше участвовать в затеях моей супруги, то одними платьями и игрушками отделаться не удастся. Решайте, благородные агнары, мы с ее сиятельством вас торопить не будем, как и неволить. Для добрых дел нужно открытое сердце и собственное желание.

— Безусловно, я хочу войти в комитет, — ответила агнара Тагнилс. — Все эти благотворительные лотереи, которые устраиваются на балах, хороши, но они имеют цель лишь показать себя с лучшей стороны. Да и жертвуют чаще на храмы, чем на людей. Обещаю принять живейшее участие в затеях ее сиятельства и сделать все, что от меня зависит, чтобы добиться успеха.

— Я тоже, — важно кивнула агнара Данкир.

Остальные дамы в стороне не остались.

— Тогда продолжим нашу инспекцию, — поклонился им диар. — Сегодня мы побываем еще в трех местах, где наша помощь нужна в первую очередь.

Следующей нашей целью стала ночлежка. Здесь мы пробыли недолго и, признаться, покинули ее с невероятным облегчением. Дух, витавший в маленькой комнатке, где стояли железные кровати в три яруса, был ужасным. От застоявшегося запаха грязных тел и заношенной одежды не спасали даже надушенные платки. Диар принял решение перенести ночлежку в более просторное помещение с большими окнами, где будет проводиться частое проветривание. По общему мнению, было необходимо сделать при ночлежке и умывальню, где бродяги и нищие могли бы привести себя в порядок.

— Этак они мне мор в диарате устроят, — покачал головой Аристан. — Здесь зараза витает в воздухе.

Щелочь и простое мыло диар велел внести смотрителю ночлежки в список необходимого. Кухню пока решили не организовывать, потому что в Кольберне имелась и благотворительная столовая, куда мы отправились после ночлежки. Кормили здесь раз в день — ужином. Впрочем, мы обнаружили двери столовой закрытыми. Судя по паутине, столовая была закрыта не первый день.

Его сиятельство обвел взглядом улицу и вдруг залихватски свистнул. Полицейский, наблюдавший за нами издалека, поспешил приблизиться. Он поклонился и расплылся в подобострастной улыбке.

— Ваше сиятельство, — полицейский вытянулся перед диаром, ожидая, что он скажет.

— Это что? — небрежно кивнул на запертую дверь Аристан.

— Замок, ваше сиятельство, — уведомил полицейский.

— Я вижу, что замок, — усмехнулся диар. — Я спрашиваю — почему закрыто?

— Так уж давно закрыто, — ответил мужчина. — Говорят, что закрылась столовая.

— Как любопытно, — Аристан хмыкнул. — Деньги продолжают перечисляться на закрытую столовую... И как давно сие заведение закрыто?

— Так уже больше полугода, ваше сиятельство.

— То есть полгода смотритель столовой получает деньги на содержание столовой, получает жалование, а столовая закрыта... Под стражу! — неожиданно резко рявкнул диар. — По моему личному приказу. В острог его, в камеру. Исполнять!

— Слушаюсь, ваше сиятельство, — снова вытянул руки по швам полицейский и сорвался с места, на бегу утирая шею носовым платком.

— Сгною подлеца, — пророкотал совершенно незнакомый мне мужчина с лицом моего мужа. После дернул подбородком, ослабляя галстук, и склонил голову. — Прошу прощения, дамы, вышел из себя. Более такого не повторится.

Лицо Аристана приобрело привычное невозмутимое выражение, и он сделал приглашающий жест в сторону кареты.

— Здесь нам пока делать нечего, предлагаю проследовать к окончательной цели нашего сегодняшнего путешествия.

Агнара Кетдил сжала мою руку и прошептала, сверкая глазами:

— Он восхитителен, ой, — женщина залилась румянцем. — Простите, ваше сиятельство. Я всего лишь воздала должное решительности его сиятельства.

— Я понимаю, — сдержано улыбнулась я и высвободила свою руку. — Я сама не устаю восторгаться своим супругом. Идемте.

Мы вернулись в карету, а вышли из нее на другом конце города, где нас уже поджидал младший Альдис, закончивший с делами, которые ему поручил дядя. Он приветливо махнул рукой Арису, после первым подошел к карете, помогая дамам выйти. Руку Карли Эйнор задержал в своей руке чуть дольше положенного, и девушка зарделась впервые за весь день. Диар, заметив немую сцену, усмехнулся и подал мне руку.

— Где мы? — спросила я, рассматривая ужасную зеленую дверь.

— Дом старости, — ответил супруг. — Мы уже увидели, насколько в Кольберне не уважают детство, теперь поглядим, как относятся к старости.

Он снова обернулся, поглядел на племянника и тихо произнес:

— Если это не очередная его авантюра, то можно только порадоваться за мальчишку.

Я подняла взгляд на Аристана. О его недоверии Эйну я знала, не так давно мы разговаривали о младшем Альдисе. Диар взял его под свое покровительство, когда шесть лет назад умер кузен — отец Эйнора. Д'агнара Берситта Альдис — мать Эйна, не выждав до конца положенный срок траура, объявила, что ей требуется исцелить душу, и умчалась на один из горных курортов. Семнадцатилетнего сына она оставила дома, как «главу семьи», не особо озаботившись тем, что Эйнор, не знавший ни в чем ранее отказа, мало приспособлен для управления своим наследством.

Дядя, которому на тот момент исполнилось двадцать восемь лет, взялся помочь племяннику. Аристан забрал молодого человека в Рейстен, представил ко двору, некоторое время следил за ним, но вскоре Эйнор нырнул со всем отчаянием молодости в водоворот столичной жизни, забыв и о делах, и о наставлениях дядюшки. Теперь управляющий поместьем и остальными землями младшего Альдиса, списывался со старшим, и у того, помимо дел диарата, за которыми он следил через своих поверенных из столицы, прибавились и дела племянника. К тому же Эйнор успел сыскать себе приключений. Аристан не рассказывал, как набедокурил племянник, но по собственному выражению

супруга он «порой едва сдерживался, чтобы не взять хлыст и не отходить им проходимца». В конечном итоге, дядя и племянник разругались в прах. Очередное письмо управляющего помещьем покойного кузена, Аристан перенаправил к его нынешнему хозяину и скинул со своей шеи ярмо. Было время, когда и самому Эйну было отказано от дома дядюшки, пока он не возьмется за ум.

Немного повзрослев и хлебнув лиха, младший Альдис пришел к старшему с повинной. К тому времени что сын, что его матушка, которая видела свое дитя за шесть лет всего пару раз, успели промотать часть наследства, полученного от мужа и родителя. Аристан снова приблизил к себе племянника, помог выправить положение дел. Однако дух авантюризма так и не давал Эйну покоя, и отношения с дядей вновь стали прохладными.

— За последнее время, что Эйн живет у нас, мне не в чем его упрекнуть, — сказал мой муж. — И все же я слишком хорошо знаю своего племянника и его неугомонный характер. Буду приглядывать за ним и дальше. Если почувствую подвох, без промедления отправлю в Рейстен. Пусть живет, как хочет.

О том, что произошло между мной и младшим Альдисом после моего падения в гроте, я супругу рассказывать не стала. Во-первых, Эйнор больше не допускал вольностей, во-вторых, он действительно казался увлеченным Карлиной Кетдил, ну а в-третьих, вносить между родственниками еще больше раздора мне не хотелось. Впрочем, младший Альдис со дня, когда он сказал о своих намерениях в отношении Карли, вел себя сдержанно. Выполнял дядины поручения без недовольства. Два раза навещал поместье Кетдил. Казалось, в нем появилась серьезность, которой я раньше не замечала.

Вот и сейчас Эйнор развлекал дам, окруживших его, однако без излюбленных шуток на грани дозволенного. Не пытался поддеть дядю, со мной держал расстояние, не допуская фамильярности. Это не могло не радовать.

— Ваше сиятельство?! — восклицание, принадлежавшее зрителю данного заведения, было наполнено недоумением, словно он никак не мог поверить, что видит диара собственными глазами.

— Не похож? — усмехнулся Аристан.

— Так неожиданно... — засуетился зритель. — Что вы желали?

Диар насмешливо изломил бровь, и мужчина окончательно стушевался, пробормотав:

— Простите...

— Показывайте свое заведение, — велел ему мой супруг. — Мы хотим увидеть, в каком состоянии у вас содержатся постояльцы.

— Так у них все хорошо! — воскликнул зритель, истово закивав головой.

— Вот и проверим, — прохладно ответил его сиятельство. — Показывайте.

Дом старости не произвел такого удручающего впечатления, как уют, не угнетал, как больница, да и запах здесь стоял не столь удушающий, как в ночлежке, однако и здесь, даже при первом беглом осмотре, Аристан сделал вывод, что не все выделяемые деньги тратятся на нужды обитателей заведения. Как и дети, старики сами следили за чистотой в своих комнатах и в коридорах. Кормили их трижды в день, но однообразно.

Не хватало сиделок. Несмотря на выделенные на них деньги, зритель уверял, что средств не хватает, и старики присматривают друг за другом. Однако запах мочи и нечистот из некоторых комнат был слишком показателен. Стоит заметить, что к лежащим постояльцам, и тем, кто передвигался с трудом, зритель пытался нас не пустить. Провел по чистым комнаткам, показал кладовую, про которую один лысый старичок, ткнув в

смотрителя узловатым пальцем, сказал:

— Его это закрома. Свое показывает, пройдоха.

Закончилось всё тем, что диар сурово свел брови и, попросив нас заткнуть уши, отчеканил:

— В камере сгнить хочешь, мерзавец? Для тюремных крыс отъедался?

— Н-нет, — затрясся смотритель.

— Все показывайте, — уже спокойно и сухо велел его сиятельство.

После этого мы прошли по всем помещениям, и Аристан велел составить список необходимого, как и во всех прочих местах. Смотритель кивал, утирая пот, но на этом диар не закончил. Он приблизился вплотную к мужчине, ухватил его за ворот рубахи и приподнял вверх.

— Я за тобой лично следить буду, — тихо, но очень пугающе, сказал мой супруг. — Малейшая провинность, и камера распахнет перед тобой дверь. — Затем отпустил и брезгливо отряхнул руки, вновь перейдя на спокойный тон. — Я был услышан, инар?

— Д...д...да, — наконец, жарко кивнул смотритель.

— Список необходимого завтра должен лежать на моем столе в управе. Собственные надобности не путать с надобностями заведения. Меня интересуют последние.

— Разумеется, ваше сиятельство, — теперь в глазах смотрителя застыла смесь священного ужаса и такого же восторга.

Скажу честно, смотритель Дома старости мне не понравился совершенно.

— Возможно, стоит заменить...

— Стоит, — прервал меня супруг. — Как только сыщется более подходящий человек, этого смотрителя отправлю на все четыре стороны... Взбесил, скотина! Простите, — пробормотал диар и повел меня к карете.

С того дня минуло полторы недели. За это время, конечно, радикальных перемен не произошло, но наказание настигло виновных. Имущество директрисы приюта было конфисковано. Часть денег ушли приюту, часть казне диарата. Однако этого не хватило, чтобы полностью покрыть, наложенные диаром на недобросовестную инару, штрафы. И она отправилась на исправительные работы, доход от которых перечислялся в фонд «Добродетель», уже получивший свое начало, но еще официально не открытый. Открытие фонда должно было состояться в день моего рождения.

Смотритель столовой для бедных и обездоленных так и не покинул тюремной камеры. Там он ожидал суда, где должна была решиться его участь. Но имущество казнокрада уже было конфисковано. Столовую передали новому смотрителю, вдохновившемуся примером своего предшественника. При нашем последнем визите, в котором меня сопровождали агнары Тагнилс и Бьярти, новый смотритель с гордостью вручил нам отчет о потраченных суммах и предъявил полные кладовые. После показал котлы, в которых бурлила похлебка, источавшая приятный запах. И во время раздачи мы имели удовольствие наблюдать посетителей, с аппетитом поглощавших приготовленный для них ужин.

Дом старости пополнился сиделками и обслугой. Смотритель оставался все еще прежний, и он из кожи вон лез, чтобы доказать его сиятельству свою полезность. Мы с дамами навестили и его. Мужчина водил нас по коридорам и комнатам, демонстрируя чистоту и наведенный уют. Старики на наши вопросы отвечали по-разному. Кто-то брюзжал, но такие ругали и дождь за окном, и дворового пса. Кто-то благодарил и отмечал наступившие перемены.

Для ночлежки было подыскано новое помещение, там все еще обустроивали, и Аристан сказал, что он сам проследит за исполнением своих приказов.

— Дамам в ночлежке делать нечего, — прозвучало это безапелляционно, но я и не собиралась спорить. Воспоминания о тошнотворном запахе были все еще свежи, и я только от души поблагодарила мужа.

А вот в приют мои помощницы наведывались и без меня. Дети все еще жили в старом здании, где приглашенные строители устранили многие поломки, подлатали крышу и поправили ступени на опасной лестнице. Впрочем, особо зданием решили не заниматься, потому что его сиятельство, просмотрев несколько пустующих домов, решил перенести приют в более чистую часть города. Там-то и начались основные строительные работы, готовя здание к переезду детей.

Пока же в приюте появилась первая обслуга, занимавшаяся уборкой, две прачки, которые стирали детскую одежду, пока еще из пожертвованных моими дамами вещей. Платица для девочек и костюмы для мальчиков сейчас шили в мастерской инара Рабана, легко отозвавшегося на мою просьбу помочь сиротам.

— Для вас, душа моя, все, что захотите, — ответил портной.

Правда, мерки снимали без него, но мастер лично подобрал ткань — недорогую, но добротную. Он же придумал фасоны, показал мне рисунки и довольно потер руки, услышав мой радостный возглас одобрения.

— И никакого серого цвета. Дети должны радоваться, — важно сказал инар Рабан.

Теперь для девочек шились платья василькового цвета с белоснежными манжетами и воротничками. Строгие, но не унылые. Особенно оживлял их бант под воротничком. Костюм для мальчика состоял из брюк и жилета темно-синего цвета и белой рубахи. К тому же мальчикам полагался галстук из узкой ленты.

— Не практично, — отметил мой муж, когда я, захлебываясь восторгом, показывала ему рисунки инара Рабана. — Мальчикам нужно что-нибудь темное.

— Вы ничего не понимаете, — нахохлилась я и спрятала за спину рисунки.

— Разумеется, не понимаю, — хмыкнул его сиятельство. — Я ведь не был мальчишкой.

— Я с вами не разговариваю до вечера, — ответила я и направилась к дверям кабинета, где происходил разговор, с гордо задранном носом.

— И это только за одно замечание? — полюбопытствовал диар.

Я обернулась к нему и показала, как закрываю рот на ключик. После сделала вид, что прячу ключ в неглубоком декольте, и супруг прищурился.

— Подойдите ко мне, Флоретта, — сухо велел его сиятельство.

Я вернулась назад, выжидающе глядя на диара. Он поднялся из-за стола, подошел ко мне и... усадил на стол. После ловко расстегнул пуговицы на платье, и все это с таким невозмутимым выражением на лице, что я открыла рот, но ладонь Ариса тут же накрыла его, и сиятельный наглец напомнил:

— Вы со мной не разговариваете. Вот и помолчите. — Я убрала от лица его руку и снова открыла рот, но его накрыла вторая ладонь супруга. — В своих угрозах и клятвах стоит быть последовательной, ваше сиятельство. Сказали — до вечера, значит, до вечера. Обойдемся хоть раз без ваших увещаний и взываний к моей совести. Ее все равно нет. Так что молчите, дорогая. — И ладонь сменили губы диара...

Возвращаясь к приюту, стоит упомянуть и про новую кухарку. Ею стала пухлая, розовощекая хохотушка сорока лет с любимой присказкой:

— У матушки Бэрри тощих не останется.

Готовила она изумительно, придумывая из простых, казалось бы, продуктов невероятные блюда. Матушка Бэрри меня заинтересовала, для обычной кухарки она слишком хорошо готовила. Оказалось, что раньше она готовила для диара в его городском особняке. Однако его сиятельство жить в Кольберне не желал, а в поместье у него уже были кухари, да и Бэрри не любила соперников. Она некоторое время прожила в поместье, разругалась с главным кухарем, обвинив того во всех грехах, и Арис отпустил ее назад в город, обещав подыскать место. Женщина продолжала жить в городском особняке, кормила несколько человек прислуги, смотревших за большим домом, и отчаянно скучала.

— Да что эти простаки понимают в настоящей еде? — вопрошала она. — Им хватит похлебки и каши, а я художник! И пусть мой холст — кастрюля, а кисть — поварешка, но я создаю шедевры.

И это была истинная правда! Почувствовав, какой дурманящий запах идет из ее кастрюль, я сама напросилась на тарелочку аппетитного мясного рагу. Женщина самодовольно хмыкнула и накормила так, что из-за стола я еле встала. Может и не встала бы вовсе, если бы не появился Аристан и не спас меня от смерти от обжорства. И, скажу честно, из рук мамыши Бэрри такую смерть принять было даже приятно... и очень вкусно.

В общем, услышав предложение диара, изнывающая от желания творить, кухарка с радостью согласилась.

— Уж я научу детишек ценить вкусную пищу, — так сказала она, воцаряясь на уютной кухне.

Стоит заметить, что побег сирот сократился в немалой степени благодаря мамаше Бэрри. За короткое время дети распробовали ее блюда и теперь опасались пропустить обед или ужин. К тому же кухарка, с разрешения его сиятельства, брала себе каждый раз помощников. И теперь на кухню выстроилась целая очередь. Не мечтал попасть в царство матушки Бэрри только тот, кто не любит есть, но таких в приюте не было. Снять пробу, облизать венчик от крема, или же первым съесть теплую румяную булочку с повидлом мечтал каждый.

За мои пирожные, которые я отправляла сейчас сиротам, кухарка непременно проклянет меня, но мне нравилось делать маленькие и приятные подарки детям. Потом я непременно с ней помирюсь, а пока приказчик из кондитерской лавки упаковывал мой подарок в красивую коробку, к которой прикрепил карточку с адресом, и передал посыльному.

— Ближайшие пару недель, вам лучше не появляться в приюте, — усмехнулся Арис, весело поглядывая на меня. — Раньше Бэрри не отойдет.

Я легкомысленно отмахнулась, но в душе решила с мужем согласиться. Фанатичный блеск в глазах этой женщины, стоило заговорить о конфетах или пирожных от других кондитеров, настораживал до крайности.

— Возвращаемся? — спросила я, глядя, как посыльный с моей коробкой покидает лавку.

— Да, дел на сегодня в Кольберне не осталось, — кивнул его сиятельство. — Все, что необходимо для празднования вашего дня рождения, доставят в поместье уже завтра.

— Мне кажется, вы превзошли даже нашу свадьбу, — я укоризненно покачала головой.

— Вам показалось, — не менее легкомысленно, чем я, отмахнулся супруг. — Всего лишь маленький праздник. Ничего особенного.

— Бал-маскарад, — я хмыкнула, — совсем ничего особенного.

— Совсем, — кивнул диар, взял меня за руку и повел к дверям.

— И ваш давний сюрприз, о котором инар Рабан не устает намекать...

— Пф, — сделал неопределенный жест рукой его сиятельство.

— Вы невероятно скромны, Арис, — лукаво улыбнулась я.

— Я невероятно влюблен в собственную жену, — ответил Аристан таким тоном, словно рассуждал о погоде, а я остановилась, не в силах сделать и шага. Он обернулся, с легкой иронией посмотрел на меня. — Что?

— Вы сказали...

— Что я сказал? — фальшиво удивился супруг.

— Наверное, мне показалось, — неуверенно произнесла я и сделала шаг вперед.

— Наверное, — пожал плечами диар, глядя на мое вытянувшееся лицо. После рассмеялся, подхватил меня за талию и увлек к карете.

— Или не показалось? — уточнила я, вновь замирая на подножке и оборачиваясь к мужу.

— Или не показалось, — согласился Аристан. — Может, да, а может, и нет, как знать...

Это живо напомнило мне, как мой жених застал меня на полу после знакомства с инаром Рабаном. Фыркнув, я все-таки забралась в карету и исподлобья взглянула на мужа, устраивавшегося напротив.

— Какой же вы все-таки скользкий человек, ваше сиятельство, — проворчала я.

— А вы недоверчивая наивность, — усмехнулся диар. — Или наивная недоверчивость...

— Ну, вот опять! — воскликнула я, нацеливая на супруга палец. — Или-или. Вы опять виляете. Говорите прямо, в конце концов!

— Что сказать? — живо заинтересовался его сиятельство.

— Влюблены или нет, — выпалила я и смутилась.

— А вы как думаете?

— Вы невозможны, — всплеснула я руками. — Неужели так сложно не вилять, а ответить прямо...

— Я люблю вас, — перевал меня супруг, и я порывисто обернулась.

Гулко сглотнув, я медленно выдохнула.

— Вы сказали, что... любите меня? — шепотом переспросила я. — Или мне послышалось...

— Какой же вы все-таки скользкий человек, ваше сиятельство, — передразнил меня диар. — Все виляете: послышалось, не послышалось. Вы уж решите для себя, а потом меня обличайте.

Я вспыхнула и отвернулась к окошку. Конечно, я все слышала и, наверное, даже подозревала, просто... Поверить в то, что брак, который начинался со слов: «Мое сердце не бьется чаще, когда я вижу вас», — вдруг пришел к тому, от чего мой супруг хотел уйти — к чувствам, было сложно, несмотря на все, что между нами происходило. Или же просто страшно поверить в то, что такой человек, как Аристан Альдис, может полюбить невзрачную бесприданницу. Я мечтала о любви, но никогда не верила, что смогу стать объектом чьей-то страсти.

— Так куда же завели вас ваши размышления? — голос мужа раздался неожиданно близко.

Я развернулась и охнула, оказавшись с ним лицо к лицу. Его глаза, такие же серые, как

небо за окошком кареты, смотрели на меня испытующе, и все же я уловила смешинки.

— Так вы смеетесь надо мной! — воскликнула я, чувствуя прилив жгучей обиды. Глаза защипало, но я сердито мотнула головой. — Это бесчестно, ваше сиятельство.

Он поймал мое лицо в ладони и ответил с легкой грустью:

— Если над кем и стоит смеяться в этой карете, то только над самоуверенным дураком, который решил, что все знает об этой жизни. Он возомнил, что властен над своими чувствами, но проиграл схватку, едва она началась. Нет, Фло, вам не послышалось. И я не смеюсь над вами. Говорю прямо, как вы хотели, а вы слушайте внимательно, иначе я подумаю, что вы попросту издеваетесь надо мной. — И закончил с улыбкой: — Я люблю тебя, моя недоверчивая наивность.

— Правда? — выдохнула я. — Вы...

— О, Богиня, — закатил глаза Арис, после снова посмотрел на меня. — Вы со мной не разговариваете до возвращения в поместье.

Я рассеянно кивнула, соглашаясь.

— Вот и отлично. Вы бываете такой очаровательной, когда молчите, — широко улыбнулся диар и завладел моими губами. И пока он целовал меня, я подумала: «И я вас люблю», — но вслух, разумеется, ничего не сказала. Мне велели молчать до поместья, а я послушная жена...

В поместье нас уже ждала агнара Данкир с отчетом о поездке в Берси — городок, находившийся ближе всего к Кольберну. Он был нашей следующей целью. Пока же агнара Данкир проехала по городу, поговорила с жителями, узнавая, где наша помощь нужна в первую очередь. Мои шпионы в юбках распределили между собой несколько городков и поселений и теперь объезжали их, собирая сведения. Это было необходимо для того, чтобы смотрители казенных заведений, прознав о начавшейся инспекции, не вздумали пускать пыль в глаза. Хотелось знать настоящее положение дел, а не то, что нам будут преподносить.

Однако разговор сегодня клеился плохо. Я изо всех сил старалась быть внимательной, даже задавала какие-то вопросы, но мысли разбегались, устремляясь к обратной поездке от Кольберна до поместья, и слова супруга в моей голове звучали громче слов агнары Данкир.

— Ваше сиятельство, — наконец не выдержала женщина. — Да что с вами сегодня? Вы сама не своя. Совсем меня не слушаете.

— Я слушаю, — попыталась я уверить ее.

— Нет же, д'агнара Флоретта, вы витаєте в облаках, — пожурила меня визитерша и погрозила пальцем. Затем улыбнулась: — Понимаю, ваши мысли сейчас витают вокруг праздника. И это так понятно. — Она мечтательно улыбнулась: — Ах, как же и для меня все было ярко в мои двадцать лет. Вы еще так молоды, и развлечения привлекают вас больше, чем дела.

— Вы ошибаетесь, агнара Данкир, — попыталась я возразить, но дама с улыбкой погрозила мне пальцем.

— Этот спор ни к чему, ваше сиятельство, — мягко улыбнулась агнара Данкир. — Мы с вами еще все успеем обсудить. Не буду досаждать вам сейчас. Вы не должны лишать себя удовольствия помечтать о скором будущем.

— Возможно, вы и правы, — сдалась я, решив, что настаивать на своей правоте не буду. Не объяснять же почтенной даме, что в моих ушах все еще звучат признания моего мужа, в самом деле.

Агнара Данкир откланялась и покинула поместье все с той же загадочной улыбкой на

устах. Похоже, о моем празднике она сейчас думала гораздо больше меня. Проводив ее, я вернулась в гостиную, где беседовала с визитершей и подошла к окну. Мне открылась унылая панорама поздней осени. Парк, видневшийся из этих окон, уже полностью облетел, и теперь деревья возвышались голыми скелетами, царапая серое небо черными костяками веток. Дворники успели очистить аллеи от опавшей листвы, но ветер собирал листья, собранные в кучи, и гнал снова по дорожкам, запуская в лужах пожухлые кораблики. От прежнего тепла ничего не осталось, все дышало близившейся зимой.

Вздыхнув, я отвернулась от окна и улыбнулась. Тягость уходящей осени не трогала меня, душа пела, и хотелось пуститься в пляс. И скорый праздник в честь моего дня рождения был вовсе не причем. Пискнув и хлопнув в ладоши, я подобрала подол платья и закружилась по гостиной, радуясь очередным переменам в своей жизни. Мужчина, любимый мной, полюбил меня, и сомневаться в его словах я не видела повода.

— Ла-ла-ла, — напевала я мелодию вальса, продолжая кружиться. — Ох...

Я открыла глаза и изумленно посмотрела на Эйна, чьи руки вдруг прервали мой танец. Он приобнимал меня за талию одной рукой, вторую заложил за спину и весело улыбнулся:

— Могу я составить вам пару? — спросил молодой человек. — Вы мне должны, если помните, дорогая тетушка.

— Вы спрашивали о бале, — ответила я, улыбаясь в ответ, и освободилась от поддержки младшего Альдиса.

— Какая вы все-таки жадина, д'агнара Флоретта, — фыркнул Эйнор. — Тогда хотя бы позвольте разделить с вами вашу радость. Вы вся сияете. Что хорошего произошло?

— Все чудесно, Эйн, — рассмеялась я. — Мир чудесен, жизнь прекрасна, и я счастливейшая из женщин!

— Это видно невооруженным взглядом, — хмыкнул молодой человек. — Так что же произошло?

Я пожала плечами и нашла самый очевидный ответ, который мне подсказала агнара Данкир:

— Что еще делать в двадцать лет, как не радоваться самой жизни? К тому же скоро состоится бал-маскарад, а я никогда не была на маскараде.

— И только-то? — рассмеялся Эйн.

Я махнула на него рукой в деланном возмущении:

— Вы бездушный человек, д'агнар Альдис, и ничего не понимаете. Я ухожу от вас.

И направилась на выход из гостиной. Уже в дверях я обернулась и встретила пристальный взгляд молодого человека. Почувствовав себя неуютно, я поспешила покинуть младшего Альдиса. А через мгновение уже забыла обо всем на свете, потому что навстречу мне шел супруг.

ГЛАВА 15

Что-то скользит по моей щеке, едва касаясь, легкое, будто крылышки проказливой бабочки. Бабочка спускается к губам, неспешно ползет по ним, спускается на подбородок, ползет по шее и вдруг исчезает, чтоб появиться на моем носу. Ее крылышки трепещут, щекочут ноздри...

— Апчхи!

Я открыла глаза и встретила с веселой улыбкой своего супруга. Он лежал на животе,

подперев одной рукой подбородок, второй продолжал щекотать меня моим же собственным локоном.

— Вы проснулись? — тон его сиятельства был совершенно невинен, будто и не он так настойчиво будил меня.

— Нет, — буркнула я, отнимая у него свои волосы.

После перевернулась на живот и зарылась лицом в подушку, спеша догнать ускользящий сон.

— Врушка, — хмыкнул диар. — Вы не меняетесь.

— Вы тоже, — ответила я, пряча улыбку. — Все тот же испорченный тип без стыда и совести.

— Обожаю постоянство, — раздалось у самого моего уха, и супруг перевернул меня одним движением. — Однако...

Задумчивый возглас его сиятельства относился к подушке, которую я так и не выпустила из рук, и теперь хранительница моих сладких снов оказалась в моих объятьях, прижатая к лицу. Диар попытался отнять подушку, но встретил упорное сопротивление.

— Ваше сиятельство, я буду вынужден применить силу, — равнодушно произнес Аристан.

— Вы не обидите женщины, — отозвалась я, осторожно выглядывая из-под своего укрытия.

— Разумеется, обижу, — фыркнул его сиятельство. — У меня нет ни стыда, ни совести.

— Поищите, — попросила я, еще крепче сжимая подушку. — Хоть что-то да должно было остаться. Меня устроит и малая толика.

Диар уселся мне на бедра, пригвоздив к постели, и под мой возмущенный писк вырвал из рук последний оплот сна. Подушка отлетела на другой конец кровати, а лишенный всякого благородства мужчина скрестил на груди руки, с интересом следя за моими попытками вырваться на свободу.

— Фло, вы похожи на таракана, — констатировал его сиятельство. — На очень милого, взлохмаченного, пыхтящего таракана.

— Тогда я первый таракан-революционер, — продолжая сражаться за свою свободу, сопела я.

— Таракан-вольнодумец? — приподнял брови диар. — Тогда, как верный слуга Его Величества, я обязан подавить бунт в зародыше.

— Тогда вы, знаете, кто? — я на мгновение остановилась и с вызовом посмотрела на супруга.

— Кто? — полюбопытствовал он.

— Вы тапок-тиран, вот вы кто, — обличила я истребителя милых тараканов и возобновила попытки освободиться.

— Ну, знаете, так меня еще никто не называл, — оскорбился его сиятельство и навис сверху, поймав мои руки за запястья.

— Тараканом мне тоже быть не доводилось, — парировала я. — Но если я таракан, а вы сверху и грозите меня подавить, стало быть, вы тапок. А так как желания бедного насекомого вами остались не замечены, то вы тапок-тиран. Все логично.

— Порой и вы бываете логичны, ваше сиятельство, — отметил Аристан, заводя мне руки за голову и склоняясь к самому лицу. — Должно быть, тому причиной ваше взросление. С днем рождения, душа моя. И с добрым утром.

— С добрым утром, — прошептала я и прикрыла глаза, принимая приветствие и поцелуй супруга.

Разомкнув наши уста, диар, наконец, поднялся с кровати, отпуская меня на свободу. Он подошел к туалетному столику и взял с него футляр, обтянутый бархатом. Я зарделась, принимая подарок супруга. В футляре оказался очаровательный гарнитур, состоявший из серег и броши. Тонкая работа ювелира привела меня в восторг, и я некоторое время потратила на то, чтобы рассмотреть сверкающий шедевр.

— Непременно надену сегодня, — решила я.

— Знаете, дорогая, что меня неизменно в вас восхищает? — диар присел на край кровати. Я подняла на него взгляд, и его сиятельство закончил: — Вы никогда не интересуетесь, из каких камней состоит украшение, во сколько оно обошлось. Порой мне кажется, что вы были бы не меньше довольны и дешевым подношением из медной проволоки, если оно окажется сотворено настоящим мастером. Вы цените не стоимость, а работу. За это вас обожает инар Рабан, этим вы нравитесь и мне. И этот румянец, с которым вы принимаете мои подношения, он не перестает меня умилять. Подарок для вас остается подарком, а не данностью, которую вы ожидаете.

— Должно быть, всему виной то, что в нашем бедственном положении сам подарок был настоящим чудом, и мы радовались не его стоимости, а наличию, — потупившись, ответила я.

— Больше вы не познаете нужды, — супруг наклонился, целуя мне руку. После бросил взгляд на футляр, все еще находившийся в моих руках. — Это первый подарок, — сказал Аристан. — Надеюсь, и остальные вам понравятся.

— У меня нет в том сомнений, — улыбнулась я. Поднялась на колени и обняла мужа со спины, он накрыл мои руки своими ладонями, и я, перевесившись вперед, поцеловала его в висок. — Вы мой дар, Арис.

Он отрицательно покачал головой и полуобернулся, ловя мой взгляд.

— Это вы мой дар, Фло. А я...

Диар замолчал, так и не закончив фразы.

— А вы? — спросила я, перебираясь к нему на колени.

— А я просто любящий вас мужчина, — улыбнулся Аристан, поцеловал меня в кончик носа и ссадил с колен. — Приводите себя в порядок, у нас еще много дел. К обеду начнут съезжаться гости.

— Тиран, — фыркнула я, но послушно направилась к ванной комнате. Однако остановилась и обернулась к нему. — Арис, вы могли бы разбудить меня под звуки скрипки. Это было бы мило.

— Помилосердствуйте, драгоценная моя! — воскликнул супруг. — Вы каждую ночь засыпаете под ее звуки. Если еще и начнете просыпаться под мою игру, опасаясь, я разлюблю этот инструмент.

— Какой вы вредный, — я задрала нос и удалилась из спальни, улыбнувшись, когда до меня долетел смешок диара.

Немногим позже, уже одетая и причесанная, я спустилась к завтраку. Аристан ожидал меня, стоя у окна. Он обернулся, и губы его тронула улыбка, однако мне показалось, что глаз эта улыбка не задела. Мой муж был чем-то угнетен, и это отозвалось в моей душе тревогой. Но вот он делает шаг ко мне, и глаза его вновь искрятся уже привычным теплом. Я так и не смогла сказать точно, показалась ли мне печаль, или она на самом деле таилась в душе его

сиятельства. Решив посмотреть, что будет дальше, я успокоилась, а вскоре и вовсе забыла о том, что мне привиделось, потому что удрученным диар не выглядел вовсе.

Когда мы закончили завтрак и уже готовились покинуть столовую, открылась дверь, и к нам ворвался Эйнор. Младший Альдис успел уже скинуть плащ и шляпу, но на руках его все еще были перчатки, и на сапогах виднелись грязные брызги. Стало ясно, что молодой человек с утра покинул поместье, но сейчас вернулся и теперь нес в одной руке корзину с цветами, а во второй бордовый футляр. Значит, успел съездить до Кольберна...

— Дядюшка, — кивнул он Аристану, — позвольте поздравить д'агнару Флоретту.

Диар кивнул, как мне показалось, с неохотой, и молодой человек с ходу опустился передо мной на одно колено, поставив к ногам корзину, стянул зубами перчатку с одной руки, откинул ее и поймал мою руку. Все это было проделано стремительно, с каким-то особым бравым задором, что я не смогла не улыбнуться, глядя в горящие глаза племянника моего мужа.

— Позвольте поздравить вас, д'агнара Флоретта, со столь знаменательным днем. Безмерно рад, что в этот день вы появились на свет. Без вас он был бы не столь ярок. Окажите любезность и примите мой скромный дар, дорогая тетушка. Выбирая его, я думал о вас. Смею надеяться, что эта безделушка не оставит вас равнодушной.

— Благодарю, — несколько кокетливо ответила я, купаясь в лучах мужского внимания.

Дождавшись, когда Эйн поцелует и отпустит мою руку, я приняла футляр и открыла его... Скромный дар? Младший Альдис явно преуменьшил стоимость своего подарка. Мне предстало кольцо изумительной красоты. Я пришла в настоящий восторг от золотой ветки, которая должна была охватывать шею, с изумрудными листочками и цветами, сердцевинку которых составляли жемчужины в обрамлении бриллиантовых лепестков. Колье казалось хрупким, даже невесомым, и взять его в руки было страшно. Лишенное массивности и больших камней, украшение покорило меня своим изяществом.

— Ох, Богиня, — выдохнула я. — До чего же красиво...

Я подняла взгляд на Эйнора и увидела его самодовольную улыбку. Улыбнувшись в ответ, я обернулась к супругу, чтобы показать ему подарок его племянника, и споткнулась, увидев тяжелый взгляд диара, которым он сверлил молодого человека. Этого взгляда я не поняла вовсе. Сегодня я должна была получить множество подарков, и среди них, вполне возможно, будут также украшения.

— Ваше сиятельство, — позвала я мужа. Он вздрогнул и отвел взгляд от Эйна. — Что-то не так?

— Все хорошо, — улыбнулся диар, но я видела, что он не просто недоволен, мой супруг был зол.

Эйнор поклонился мне.

— Оставлю вас, — сказал он, снова улыбнувшись. — Д'агнара Флоретта, вы сегодня особенно очаровательны. Надеюсь, этот день для вас останется праздником, и никто не омрачит его своими домыслами.

После этого дядюшке достался укоризненный взгляд, и молодой человек направился к дверям, более не останавливаясь. Аристан проводил его все тем же недобрим взглядом. Я смотрела, как на его скулах ходят желваки, и никак не могла уразуметь, что именно рассердило диара. Его подарки нисколько не уступали единственному дару младшего Альдиса ни в красоте, ни в изящности, ни тем более в стоимости. И радовалась я им не меньше. Не выдержав, я задала вопрос:

— Что вас так расстроило, Арис? Если вам не понравилось, что я приняла дорогой подарок, я могу его вернуть...

— Нет, — черты лица его смягчились. — Вы приняли подарок с моего ведома и разрешения. К тому же он преподнесен вам на день рождения, и я видел, что украшение произвело на вас впечатление. Не стоит отказываться от красивой вещи из-за того, что вам показалось, будто я недоволен.

— Но вы недовольны! — воскликнула я. — Я же вижу, что вы сердитесь.

— Если я и несколько... раздражен, это ни в коей мере не относится к вам, Флоретта, — сухо отчеканил диар. — Для моего недовольства есть иные причины, и вам не стоит углубляться в них. Идемте. Скоро прибудет инар Рабан.

— А вы?

— А я проверю, насколько все готово к празднику, — супруг мягко улыбнулся и протянул ко мне руку. — Все хорошо, душа моя. Скоро вы увидите второй, но не последний мой подарок. Надеюсь, он вам понравится не меньше уже полученных. Идемте же, дорогая, я провожу вас.

Я позволила увлечь меня из столовой, но недоверие к воцарившемуся спокойствию диара все еще осталось. Слишком хорошо его сиятельство умел владеть собой. Впрочем, насколько я заметила, его выдержка начинала давать сбой, когда дело касалось меня, поэтому я продолжала поглядывать искоса на Аристана. Впрочем, он казался совершенно умиротворенным, и ни следа от промелькнувшей злости не осталось и в помине.

Но стоило супругу оставить меня в моих комнатах, как я, дождавшись, чтобы он отошел подальше, последовала за ним. Меня не отпускала тревога, и я понимала, что направился Аристан вовсе не проверять прислугу. Гостевые комнаты были осмотрены еще вчера с вечера, бальные залы и прочие помещения также. Всё было готово, устранены недочеты, и придраться, казалось, не к чему. И из всех дел оставалось дожидаться прибытия инара Рабана и подготовиться к встрече гостей.

Свернув к комнатам младшего Альдиса, я замерла, прижав ладонь к груди. Сердце стучало так громко, что его грохот отдавался в ушах. Щеки мои пылали от стыда, намеренно я еще никогда не подслушивала. И очень не хотелось, чтобы меня застали за этим неблагоприятным занятием. Наконец, протяжно выдохнув, я решилась и подкралась к дверям покоев Эйнора. Из-за волнения я даже сначала ничего не расслышала, но вскоре негромкие голоса достигли моего слуха, и я поздравила себя с прозорливостью. Мой муж действительно находился у своего племянника.

— Не понимаю твоей злости, — разобрала я голос Эйна.

— Ты всё прекрасно понимаешь, — раздраженно ответил Арис. — К чему ты устроил весь этот спектакль? Хвала Богине, моя жена слишком наивна, чтобы осознать всё, что ты проделал. Но я не Флоретта, и прекрасно вижу, к чему ты стремишься.

— Почему ты меня всё время меня в чем-то подозреваешь? — искренне возмутился младший Альдис, и, признаться, я была солидарна с ним. Ничего дурного в поведении молодого человека не видела. Как я уже говорила, после того единственного раза в поместье Кетдил, ничего предосудительного Эйнор в отношении меня не допускал.

— Потому что знаю тебя, мой мальчик, и понимаю, на что ты рассчитывал, — ледяным тоном произнес Аристан. — Будь Флоретта более искушена, и имей другой склад характера, она бы уже таяла от сознания, что ради нее ты с рассветом вскочил в седло и помчался в Кольберн, где поставил на уши несчастного ювелира и цветочника. Вернулся, как герой

романа. С ходу упал перед ней на колени, с ложной скромностью преподнес ей дорогой подарок. Вся эта театральщина могла бы произвести впечатление на Карлину Кетдил или любую другую агнару, росшую в иных условиях. Но не такова моя женщина. Она чужда постановкам, и я безмерно этому рад. Твой подарок ей пришелся по вкусу, Флоретта — ценитель красоты и изящества, потому я не буду лишать ее этой маленькой радости.

— Не такая уж и маленькая, — усмехнулся Эйнор. — Однако ты не прав. Дядя, я клянусь, что еще вчера вечером колье не было готово, и мне пришлось с рассветом садиться в седло и мчаться в Кольберн. Что же до цветов, то не из твоей же оранжереи мне было их срезать. С вечера они бы завяли, потому я поднял цветочника с постели, чтобы заодно купить и цветов. Ничего в этом предосудительного нет. И если уж ты так ревнуешь свою жену ко мне, то, возможно, дело не во мне, а в тебе.

— Ты лжешь, — ответил диар, однако ярость из его голоса исчезла. Осталась уверенность, доводы племянника ее не поколебали. — И я смогу легко это проверить. Уверен, что колье было готово еще вчера. Я слишком хорошо знаю тебя и твою склонность к театральным жестам, чтобы поверить в искренность. Только не понимаю, зачем тебе это нужно. Флоретта не из тех женщин, которые тебе нравятся...

— У тебя до твоей супруги тоже были совсем иные женщины, — возразил молодой человек. — Более того, при других обстоятельствах ты бы прошел мимо Флоретты Берлуэн, даже не заметив ее.

— Молчи, — неожиданно зло отчеканил Аристан. — Даже не смей об этом заговаривать.

— Ну отчего же, — я уловила нагловатые нотки в голосе младшего Альдиса. — Чем не тема для беседы? Интересно, Флоретта смотрела бы на тебя с прежним обожанием, если бы...

— Замолчи! — пророкотал диар, и до меня донесся звук стремительных шагов. После этого голоса зазвучали приглушенно. Я осмелилась чуть приоткрыть дверь, и едва не вскрикнула, когда увидела, как мой муж, схватив племянника за горло, с силой ударил его об стену, и его слова донеслись до меня шипением. — Не смей приближаться к моей жене. Не смей искушать. Я тебя предупредил, когда ты приехал.

— Я помню, — сипло ответил Эйн. — Я не нарушаю твоих условий. Это все твои домыслы...

— Ты меня знаешь, я шутить не буду, — Аристан отпустил племянника и отдернул рукава рубашки. — Не зли меня, Эйн, это может плохо закончиться.

— Я не намеревался, — проворчал младший Альдис. — К тому же хотел сегодня сделать предложение юной агнаре Кетдил. Кольцо для помолвки я заказывал вместе с колье, — это прозвучало уже ядовито, и я осторожно отошла от двери, поняв, что буря миновала.

Оглушенная увиденным, я сделала несколько шагов от двери, но остановилась и обернулась, осознавая слова, произнесенные мужчинами. Разом вернулись забытые страхи и подозрения. Зачем диар женился на бесприданнице? Какие обстоятельства подтолкнули его к этой свадьбе? Вспомнился и недоуменный взгляд лакея в столичном дворце его сиятельства, когда он впервые увидел меня. И бывшая любовница моего мужа, тоже встала перед глазами. «Смотрела бы на тебя Флоретта с прежним обожанием, если бы...», если бы — что? Что не договорил Эйнор? Что может поколебать мое доверие мужу?

Я машинально сделала несколько шагов в обратном направлении, даже потянулась к

ручке двери, чтобы войти и потребовать объяснений, но вовремя опомнилась и отдернула руку. Если я сейчас начну задавать вопросы, то придется объяснить, откуда я знаю, о чем говорили дядя и племянник. А еще через секунду я поняла, что не хочу слышать ответов, не хочу знать того, что скрывает от меня Аристан Альдис. Мне было хорошо с ним, мне нравился мой супруг таким, каким я теперь его знала, и разрушить наше счастье было страшно. Что если, узнав правду, я не смогу больше не только доверять ему, но даже смотреть в глаза? Он говорит, что любит, и я чувствую, что это правда. Но я так наивна, так неопытна... Если это все ложь?!

— Ваше сиятельство, — голос лакея заставил меня подпрыгнуть на месте.

— Ох, Богиня! — вскрикнула я и зажала себе рот ладонь, воровато оглянувшись на дверь.

— Простите, ваше сиятельство, — склонил голову лакей. — Прибыл инар Рабан.

— Флоретта.

Я зажмурилась, после скрыла пылающее от стыда лицо за ладонями и бросилась прочь, стремясь сбежать от изумленного взора супруга, забиться в какую-нибудь щель и никогда-никогда не выбираться от туда

— Флоретта! — окрик диара меня только подстегнул.

Подобрав юбки, я уже мчалась к лестнице, особо не думая, куда спрячусь. Бежала, не разбирая дороги и не видя никого вокруг. Кажется, я кого-то толкнула, и вслед мне понеслось:

— Душа моя! За вами Проклятый Дух гонится? Ах, доброго дня, д'агнар Альдис...

Обернувшись назад, я увидела инара Рабана с его подручными и моего супруга, настигавшего меня.

— Простите, — пробормотала я и помчалась дальше.

Свернула в новый коридор и в панике заметалась, дергая запертые двери. Кровь стучала в ушах, руки тряслись, и порой не удавалось сразу ухватиться за очередную ручку. Мои метания прекратились неожиданно. Сильные руки схватили меня за плечи и развернули лицом к диару. Я вскрикнула, вырвалась из его захвата и отшатнулась к стене.

— Фло, — супруг наступал на меня с жутковатой неотвратимостью.

— Ох, Богиня, — всхлипнула я, прижимаясь спиной к стене.

Аристан сделал разделявший нас шаг и встал напротив меня. От страха я снова зажмурилась и дернулась в сторону, но путь мне преградила рука супруга, упершаяся в стену. Я попыталась сбежать в другую сторону, но вторая рука его сиятельства взлетела вверх и оперлась ладонью на стену, преграждая мне дорогу.

— Фло, прекратите биться, как птичка в клетке, — спокойно произнес он, но я услышала звенящую нотку, живо напомнившую мне натянутую струну. — Зачем вы бежите? Что так напугало вас? Разве я когда-нибудь обижал вас? Разве я причинял вам зло? Отчего вы дрожите, словно я держу у вашего горла нож?

Его слова напомнили мне, как Аристан держал за горло своего племянника, и я накрыла свой рот ладонью.

— Вы подслушивали, — уверенно сказал диар.

— Я?! — фальшиво возмутилась я. — Как вы смеете подозревать...

— Я бы не посмел, но ваша пробежка по дому слишком откровенно говорит о том, что вам стыдно и... страшно. Вы боитесь меня, Флоретта?

— Нет, — я отчаянно замотала головой, но супруг остановил меня, снова взяв за плечи

и слегка встряхнув.

— Говорите, ваше сиятельство, — велел диар.

— Что говорить? — выдохнула я, не смея поднять на него взор.

— Все, что взволновало вас, — ответил муж. — Мы договаривались с вами ничего не таить друг от друга. Озвученное можно уладить, затаенное же может привести к дурным последствиям. Говорите, я желаю знать, что из услышанного привело вас в смятение. — Я молчала, и тогда Аристан задал новый вопрос. — Как давно вы стояли под дверями?

Гулко сглотнув, я пожала плечами.

— Отправились сразу за мной? — я кивнула и совсем стушевдалась. — Зачем? Переживали из-за паршивца?

— Нет! — воскликнула я, вскидывая голову. — Мне была непонятна ваша злость, и я хотела всего лишь узнать ее причину...

— И сделали справедливое предположение, что я отправлюсь к своему племяннику, — закончил за меня диар, я кивнула и снова опустила голову. — И что же? Теперь вы знаете. После того, как я в разговоре с ним открыл вам, на что пошел Эйнор, чтобы поздравить вас, вы... впечатлены?

Отрицательно покачав головой, я вновь взглянула в глаза мужа.

— Вы сказали, что он склонен к театральным жестам, — голос сел и пришлось откашляться, чтобы продолжить. — Но и без этого я меньше всего думала о том, что проделал ваш племянник ради того, чтобы встретить мое пробуждение своим подарком и поздравлениями. Я не вижу мужчины в д'агнаре Эйноре. Он был и остается для меня вашим родственником, который стал родственником и мне. Во всем мире лишь один мужчина занимает мои помыслы, вы, Арис. Но...

— Что? — голос супруга прозвучал неожиданно глухо. — Что «но», Фло? Не оставляйте недомолвок.

— То, что было произнесено в комнатах младшего д'агнара Альдиса... Это напомнило мне, что женились вы на мне вовсе не по любви. Не ради удовлетворения своей страсти назвали своей. Более того, вы собирались держать меня на расстоянии. И все ваши благодеяния... они ведь имели цель. Вы благородный человек, но вовсе не святой, чтобы вытащить из нищеты целый род. Вы могли бы заплатить отцу, могли бы помочь с устройством Арти, даже отправить моих сестре в пансион, но никто не обязывал вас выкупать наши земли, платить за ремонт особняка, нанимать прислугу.

Диар молчал. Он смотрел на меня, не отрываясь, и взгляд его, вдруг зажегшийся лихорадочным блеском, метался по моему лицу, то останавливаясь на губах, то поднимаясь к глазам, и тогда мне мерещилась затаенная мука, словно Аристан боролся с собой.

— Арис... — прошептала я.

Он тряхнул головой и слегка нагнулся, приближая свое лицо к моему.

— Милая, — наконец, заговорил супруг, — прошу вас не сомневаться ни в моих чувствах к вам, ни в добром отношении. Меньше всего на свете, я желаю причинить вам зло. Да, у меня были свои мотивы жениться на такой, как вы, и я безумно рад, что, не найдя невесты, соответствовавшей моим требованиям, среди менее знатных семейств своего диарата, заглянул в перепись и обнаружил род Берлуэн, где нашла девушка, которая составила мое счастье. Счастье, Флоретта. Помните об этом. И как бы я ни хотел именно такого брака, о котором говорил вам в начале нашего знакомства, я не смог устоять перед очаровательной дикаркой.

— Однако при иных обстоятельствах вы могли пройти мимо и не заметить меня, — от сознания этого стало горько, и я невесело усмехнулась. — Разумеется, я видела вашу первую невесту и помню удивление лакея при взгляде на меня, и слова государя тоже не забыла.

— А я забыл, — негромко ответил Аристан. — Всё забыл. Всё и всех, Фло. И готов вызвать на поединок каждого, кто посчитает мою жену дурнушкой. Да, когда-то я бы мог не заметить вас, но это стало бы роковой ошибкой, самой большой глупостью в моей жизни. Блистательные красавицы не дали мне и доли того, что я получил от моей маленькой перепуганной дикарки в мышинном платье. Помните об этом, дорогая, помните и не сомневайтесь во мне. Я честен с вами...

— Но так и не назвали тех самых иных обстоятельств, которые толкнули вас на поиски супруги не в столице, а в своем диарате, среди обедневших дворянских семейств.

— Те обстоятельства... — Он поджал губы и некоторое время смотрел мимо меня. Наконец, снова встретился со мной взглядом и медленно, словно слова давались ему с трудом, произнес. — Однажды... однажды я расскажу вам обо всех обстоятельствах. Дайте мне немного времени, и я откроюсь вам. Но... Фло, прошу вас, не доверяйтесь моему племяннику и не задавайте ему вопросов. Я не уверен, что Эйн ответит вам так, чтобы вы поняли. Прошу вас набраться терпения и не сомневаться во мне. Пожалуйста, душа моя.

И я согласилась. Слова супруга звучали так искренне, а я так не хотела терять того Аристана, который был открыт только мне...

— Я подожду, — тихо ответила я. — Только... Арис, ваша тайна? Она... ужасная?

— Для меня — да, — усмехнулся диар и взмолился. — Не торопите меня, Флоретта, прошу вас!

— Да, конечно, — рассеянно кивнула я. — А... Вы... Вы вправду меня...

— Порой мне кажется, что вы моя первая настоящая любовь, — ответил он, поняв, о чем я хочу спросить. — Клянусь вам, мои чувства искренни. В них нет лжи.

— Ох, Богиня, — всхлипнула я и потянулась к нему.

Ладони накрыли плечи диара, скользнули выше, пальцы зарылись в его волосы, и руки Аристана сошлись на моей талии. Он крепко прижал меня к себе и прошептал, почти касаясь губ:

— Верь мне, мне так это нужно.

— Да, — ответила я. — Как я могу не верить тому, кого полюбила всем сердцем?

— Фло, — мое имя сорвалось с уст его сиятельства стоном, и он поймал меня в ловушку упоительного поцелуя.

Вскоре диар проводил меня до моих комнат. Там уже разместились портной и его подручные. На удивление, я увидела, что приготовили они не один, а два наряда. Я обернулась к мужу, он улыбнулся и мягко подтолкнул меня к инару Рабану. Мастер сиял, как солнечный диск, однако в глазах его застыло ожидание, и, поведя рукой, словно волшебник, портной воскликнул:

— Р-раз!

И покровы упали с нарядов, которые успели натянуть на манекены...

— А-а-а... — протянула я и закончила. — Ох.

Иных слов у меня не нашлось. Я ожидала бальное платье, возможно, невероятно богатое и невероятное красивое. Но... это были костюмы, приготовленные для маскарада, и не просто костюмы. Парный наряд для меня и моего супруга. Потому-то он и смотрел на манекены, скрытые с наименьшим любопытством, чем я.

— Ну? Ну?! — нетерпеливо воскликнул инар Рабан, воздевая руки и топнув ногами. — Душа моя, вы убиваете меня молчанием!

— Невероятно, — прошептала я, подходя к серебристому платью непривычного кроя. — Это же...

— Покровительница Данбьерга, — подсказал мне Аристан. — Кем же еще быть диаре?

— Та самая? — все так же шепотом спросила я. — Дева, явившаяся из вод реки Риет?

— Да! — вскричал в экзальтированном восторге почтенный мастер. — Языческое божество, которое святоши назвали девой. Вы, душа моя, вы! О, сколько же я не спал ночей, изобретая этот фасон! Сколько сил и сердца я вложил в него. Я видел вас, как наяву, и думал о вас, как о Кадале. Вы моя Кадала, ваше сиятельство. Вы моя богиня!

— Но-но, инар Рабан, — усмехнулся диар и указал на второй костюм: — Богиня моя. Однако, так и быть, я не буду мешать вам ей поклоняться.

— Вы всегда были черствым, ваше сиятельство, — отмахнулся от него портной и снова повернулся в мою сторону.

А я не видела никого и ничего, обходя по кругу манекены. Признаться, получив отказ от мужа в своем желании выбрать себе костюм, я подумала, что маски будет вполне достаточно, особенно с новым платьем, которое придумали для меня супруг и инар Рабан. Теперь же... Теперь же я не могла оторвать глаз от нарядов, достойных настоящих Кадалы и Дольгрэма.

Думаю, стоит немного рассказать об этих героях легенд и сказаний. Инар Рабан был прав, надеюсь, Мать Покровительница простит меня за мое святотатство. Кадала и Дольгрэм действительно пришли еще из языческих сказаний и были божествами, которым поклонялись жители Данбьергских земель еще до воцарения культа единой Богини. Впрочем, тогда и Данбьерга, как такового, не было. В те стародавние времена здесь находилось Дангарейское княжество, чьи жители почитали своих собственных богов, главными среди которых была эта пара.

Это уже после, когда Мартейд Святой прошел по этим землям, объединяя их под своей властью и насаждая веру в Мать Покровительницу, священники, столкнувшись с нежеланием местных жителей забывать своих богов, включили их в собственные легенды, превратив богов-супругов в брата и сестру. Однако это вызвало мятеж, и родство Кадалы и Дольгрэма стало более дальним, а после и вовсе они превратились в пречистую деву Кладитту и святого мученика Данбьерга, имя которого получил диарат. И все же наши предки не позволили угаснуть памяти, пронеся старое верование через сказание.

И гласило оно о том, что давным-давно, когда по земле еще ходили сказочные существа, и богов было встретить также легко, как нынче соседа, несла свои прозрачные воды река, властвовала на которой юная светлоокая богиня Кадала. Однажды ее брат Ветер подарил Кадале желудь. «Теперь ты не будешь так одинока», — сказал Ветер сестре. — «У тебя появится тот, кто всегда будет ожидать твоего возвращения». Кадала напоила сухую землю чистой речной водой, и из желудя вырос прекрасный дуб. Он нашептывал реке разные истории, веселые и грустные, пел песни, дарил ей тень, и когда тосковал, бросал в воду листья, и Кадала возвращалась, чтобы утолить его печаль и вновь напоить корни, чтобы увидеть, как красив зеленый дуб.

Но однажды к реке пришел злобный Муль — неопрятное существо с отвратительным характером. Если верить преданиям, он пакостил всем, как только мог, насылал болезни и неприятности. Однако вернемся к легенде. Муль стал бросать в реку камни, мутить воду. А

когда со дна поднялся ил, Муль начал колдовать, желая уничтожить реку, превратив ее в топкое болото. И тогда дуб выпустил из земли корни, бросившись на спасение Кадалы. Он исхлестал и изранил Муля, и тот обозлился. Гадкое существо иссушило корни и поломало ветви, уничтожив дерево. И когда вернулась Кадала, она обнаружила верного друга мертвым.

Сбросила она тогда со своих плеч речные воды и вышла на берег, обернувшись девушкой в серебряном одеянии. Долго плакала она над погибшим дубом, орошая его слезами. «Зачем мне жить, если нет со мной рядом любимого друга?» — вскричала Кадала. Тоска и боль утраты оказались столь сильны, что она легла рядом с мертвым дубом, и солнце опалило нежную кожу своим жаром, высушивая водную богиню. И вдруг на нее упала тень, закрывая собой от солнечного жара. Открыла глаза Кадала, а над ней возвышается прекрасный юноша в зеленой одежде. «Зачем ты вернула мне жизнь, если со своей прощаешься?» — спросил он. Кадала обернулась и увидела, что дуб ее исчез. Так возродился Дольгрэм в теле молодого мужчины.

Долго влюбленные не жили в сладких объятьях, радуясь тому, что снова могут быть вместе. А после Дольгрэм превратил пустую землю в цветущий край, чтобы сочная зелень радовала глаз его любимой, взрастил пышный лес, чтобы она всегда была укрыта от солнца, а Кадала щедро наплатила землю водой и в реку уже не вернулась, желая навсегда остаться рядом с любимым. Они стали хранителями земель, оживленных ими, оберегая тех, кто поселился на них, от бед и горестей.

Если кому-то нужна была помощь двух божеств, то люди шли к алтарю, стоявшему в лесу на берегу реки, и оставляли там подношения, молясь о своих нуждах. Говорили, что Кадала особо покровительствовала влюбленным девушкам и берегла мир в домах замужних женщин. А Дольгрэм помогал заблудшим найти дорогу к дому, где их ждет любящее сердце, покровительствовал воинам, защищавшим свою землю от врагов.

Очаровательнейшая легенда и примечательная пара. Однако такими они остались только в поверьях Данбьерга, и данбьержцы продолжали хранить их, полагая, что пока люди помнят Кадалу и Дольгрэма, они не оставят эту землю своим покровительством. И сохраняя в душе древние верования, ни один коренной данбьержец не осквернит речные воды и не нанесет лесу вред, зная, что кара за эти преступления может быть слишком велика. По весне в храмах диарата священники возносят молитвы пречистой деве Кладитте и святому мученику Данбьергу, а на алтарь непременно ставят чашу с водой из реки Риет и кладут веточку, срезанную с дуба, растущего неподалеку от реки. День Кладитты и Данбьерга стал днем общенародных гуляний, когда и бедняк, и богач весело отплясывают старые танцы, а в домах ставят плошки с водой, прикрывая их дубовыми ветвями. В празднествах мы, Берлуэны, никогда не участвовали, но плошка с водой и дубовая ветвь у нас непременно стояли, и танцевали мы друг с другом, а этот день двух святых был одним из наших любимых праздников.

— Ваше сиятельство, — я обернулась к мужу и серьезно посмотрела на него, — скажите, только откровенно, скромность когда-нибудь входила в число ваших добродетелей?

Диар жизнерадостно ухмыльнулся и мотнул головой:

— Никогда, драгоценная моя. А вы слишком скромны, чтобы осмелиться стать на один день Кадалой?

— Кадалой стать не осмелюсь, но назваться ее именем не откажусь, — также весело улыбнулась я. После снова повернулась к нарядам, рассматривая их. — Ох, Богиня, до чего же сказочно...

— Я не покину дворца, пока не увижу свое детище на вас, — безапелляционно заявил инар Рабан.

— Как, разве вы не останетесь на мой праздник? — растерянно спросила я.

— О, нет, ваше сиятельство, — улыбнулся портной. — Мне хватает всех этих напыщенных индюшек в моей мастерской. Выслушать их фантазии я могу и при их визитах. Я оставлю с вами свою душу, — он указал на платье и умиротворенно вздохнул. Затем сурово взглянул на диара: — Что же вы молчите, ваше сиятельство?

— Моя супруга все сказала за нас обоих, — усмехнулся Аристан. — Но если вам это так важно, — он склонил голову: — Покорен.

— Пф! — портной сделал неопределенный жест рукой. — Моя душа никогда не будет принадлежать вам, сиятельный диар. И все же я шил, представляя вас. Вспоминал, как вы смотрите на свою жену. И если бы вы не были столь сильно ею увлечены, на вас бы моего вдохновения не хватило.

Я смутилась и уже не поворачивалась к мужчинам. Однако через минуту мне на плечи легли ладони мужа, чуть пожав их.

— Если бы я не был так увлечен своей женой, я бы не выдумал этой идеи, — ответил Аристан. — Но довольно расшаркиваний. Идемте, мой дорогой ворчун, я прикажу угостить вас и ваших помощников моим лучшим вином во здравие сиятельной диары. А ее сиятельство пока приготовится к встрече гостей.

— Не смею отказаться, — потер руки инар Рабан, поклонился мне и направился вслед за моим мужем.

Я проводила мужчин взглядом, еще раз полюбовалась на костюмы и подошла к окну. Вернулись мысли об услышанном в комнатах Эйнора и о словах, которые сказал мне после Аристан. Узнать его тайну было жутковато... Что ж, если он просит его не торопить, то и я не стану спешить. Главное, что я небезразлична ему, и Арис это неоднократно доказал. А значит, опасаться мне нечего. Успокоив себя этими выводами, я обернулась на стук в дверь.

На пороге стоял лакей с той самой корзиной цветов, которую преподнес мне младший Альдис. Первым моим желанием было приказать унести корзину с глаз долой, но этого я делать не стала. Подарены цветы мне были, как и колье, при муже и с его согласия. Лакей поставил корзину и вышел прочь. Я некоторое время смотрела на цветы, не решаясь к ним подойти, наконец, приблизилась и присела, желая вдохнуть аромат. В глаза мне бросилось то, что я не заметила раньше. Впрочем, раньше я на этот дар почти не смотрела. Протянув руку, достала маленький надушенный конвертик. В нем лежала короткая записка. Я пробежала ее глазами, после еще раз и прочитала вслух:

— Мое сердце навеки ваше. Это единственный дар, который я не могу вручить вам, но отдаю без сожалений. Э. А. — Потерев подбородок, я охнула и смяла записку. Взгляд заметался в поисках огня.

Хвала Богине, пришла пора разожженных каминов. Я поспешила к нему и бросила в огонь и записку, и конверт. После схватилась за пылающие щеки и снова посмотрела на корзину с цветами. Как понять слова, написанные в записке? Их можно было трактовать двояко. И как признание в любви, в чем мой муж подозревал племянника. И как завуалированное красивыми словами обещание дружбы. И второе отвечало характеристике диара, данной Эйнору — склонность к театральным жестам. Красивое словцо и не более... Ох, кабы так! В любом случае, я решила не говорить Аристану о записке и ее содержании. Отношения между родственниками и так оставляли желать лучшего, а, не имея твердой

убежденности в том, что признание младшего Альдиса имеет под собой основание, вносить еще большей разлад между дядей и племянником мне не хотелось.

Когда появились горничные, я уже справилась со смятением и отдалась в их руки с легкой улыбкой на устах. За одно можно было сказать спасибо Эйнору — благодаря его выходке с запиской, я перестала думать об опасном разговоре между ним и моим мужем, а если быть точней, о тайне Аристана. А вскоре мне стало вовсе не до младшего Альдиса. Появились первые гости.

Мы уже спускались вниз с диаром, когда они переступили порог нашего дома. До меня долетело щебетание старшей агнары Кетдил, а затем веселый голос Эйнора Альдиса. Должно быть, именно этих гостей он поджидал сам, потому, когда мы появились под руку с мужем, племянник Аристана уже вел нам навстречу Карли Кетдил. Я испытующе взглянула на Эйнора, но его внимание было полностью приковано к будущей невесте, и улыбка, игравшая на его устах, предназначалась ей одной. Диар ничем не выказал своего недавнего гнева. Он был мил и приветлив, и я улыбалась, принимая поздравления.

Больше Эйн не спускался, и гостей мы встречали, как и полагается, вдвоем с супругом. Лакеи провожали их в подготовленные комнаты, горничные кружили, ухаживая за прибывшими агнарами, дворец наполнился суетой и жужжал, как пчелиный улей. В конце концов, я подумала, что улыбка теперь навсегда останется приклеенной к моему лицу, до того я устала растягивать губы. От приветствий и поздравлений уже звенело в ушах, а от мельтешения лиц разболелась голова. В отличие от меня, его сиятельство выглядел все таким же бодрым и свежим, как будто спустился вниз не более пяти минут назад.

— Как вам это удается? — шепнула я.

— Что именно? — спросил меня в ответ диар.

— Так легко переносить эту пытку?

— Придворная закалка, дорогая, — широко улыбнулся Аристан. — Потерпите, насколько могу судить, уже почти все приехали. Остался ваш папенька с сестрицами, но я сам просил его приехать попозже, чтобы не попасть в эту толчею. Еще несколько человек, но двое, возможно, приедут гораздо позже. Терпение, драгоценная моя, у вас все получится.

— О-ох, — протяжно вздохнула я и расплылась в новой улыбке, потому что прибыли новые гости.

Папенька и сестрицы приехали, когда последние гости уже поднялись наверх. Мне хотелось броситься ему навстречу, но я, конечно же, сдержалась, решив, что родственным объятьям еще найдется время. Однако близнецам подобные мелочи, как этикет, преградой не стали, и они промчались через холл, раскинув руки. Они обхватили меня с двух сторон и наперебой заговорили, радуясь нашей встрече. Признаться, с некоторых пор я стала реже появляться дома, предпочитая проводить время с мужем. Мели и Тирли ворчали, папенька был доволен, что я перестала бегать из поместья диара в отчий дом.

Пока мои неугомонные сестрицы предавались восклицаниям, его сиятельство склонился к ним и поздоровался:

— Доброго дня, благородные агнары.

Близнецы тут же выпустили меня из объятий, подхватили пальчиками подола своих коротких платьев и присели в реверансе, отчего папенькино лицо засияло удовольствием. Диар протянул руку и, повторяя за девочками, нарушил этикет, поцеловав руку сначала одной малолетней девице, затем второй. Мели и Тирли зарумянились и скользнули за спину родителя с гордо задранными носами. И уже оттуда подглядывали за диаром, весело им

подмигнувшим.

— Как же вы хороши, дочь моя, — умиротворенно вздохнул агнар Берлуэн. — Как жаль, что рядом с нами нет вашей матушки, она была бы рада видеть вас такой счастливой.

— Агнара Берлуэн сейчас наблюдает за нами, — улыбнулся диар. — Прошу.

Родитель и сестрицы удалились вслед за лакеем, а мы с его сиятельством остались. За полчаса появилась только одна пара гостей, последние, значившиеся в списке. Аристан достал из кармана брегет, откинул крышку и посмотрел на время.

— Стало быть, позже, — сказал он самому себе и подал мне руку. — Идемте, дорогая. Вам нужно отдохнуть перед тем, как начнете облачаться на бал.

— Вы останетесь со мной? — спросила я, послушно поднимаясь по лестнице.

— Только узнаю, нет ли у наших гостей каких-нибудь вопросов и нужд, и сразу присоединюсь к вам, — ответил он и усмехнулся: — Нужно еще разобраться, что намудрил наш творец с костюмом. Не хотелось бы в нем запутаться при надевании.

— Не возводите напраслины на инара Рабана, — возразила я. — Почтенный мастер продумывает всё до мелочей, и ни одно из его платьев еще не доставило неудобства при надевании и в носке.

— Вы его любимица, — хмыкнул диар.

— Просто я полностью доверяюсь чутью инара Рабана и принимаю его работу с благодарностью, а вы его подначиваете и обзываете ворчуном.

— Он — ворчун, — ответил диар.

— Милейший человек с тонкой и открытой душой, — не согласилась я. — А вы просто сугроб. Незыблемый и холодный.

— Тогда вы подснежник, — парировал его сиятельство, с улыбкой глядя на меня.

Я поперхнулась желанием спорить и защищать портного. Смутилась и опустила глаза, но улыбка сама собой скользнула на уста, и я скрыла ее, совсем отвернувшись от супруга. До моих комнат мы не проронили ни слова, только переглядывались время от времени. Его сиятельство строил мне уморительный рожицы, я отворачивалась, чтобы справиться со смехом. Наконец не выдержав, я воскликнула:

— Какой же вы все-таки несерьезный, Арис!

— Неправда, я — сугроб, незыблемый и холодный, — возразил супруг. Что ответить, я не нашлась, пойманная в ловушку собственных слов.

Уже много позже, когда мои комнаты заполнились народом, и мне самой в них места почти не осталось, диар, бывший со мной до недавнего времени, снова удалился. Он отправился к себе переодеваться... впрочем, скорей, это стоит назвать — на свою половину, потому что покои у нас оказались, хоть и с разными входами и с одинаковым количеством комнат, все-таки общими. Они соединялись между собой общей спальней, и с тех пор, как Арис приказал перенести мои вещи, каждую ночь я засыпала рядом с мужем. Так вот, супруг отправился на свою половину, где царили тишина, умиротворение и камердинер, я же осталась с сестрицами, папенькой, который не отпустил их одних, инаром Рабаном и его помощниками, горничными и парикмахером.

Хвала Богине, переодеваться мне позволили в одиночестве. Правда, взглянуть на себя в новом платье я смогла еще не скоро, потому что сначала вокруг меня кружил почтенный мастер, что-то расправляя, подправляя. Поджимал губы, тер подбородок и, наконец, воскликнул:

— Я — гений!

— Несомненно, — с улыбкой ответила я.

После кружили сестрицы, пытаясь потрогать то рукава, то подол. На них шипел инар Рабан, шлепал по рукам и снова расправлял и поправлял. Близнецы дулись, задирали носы, но снова и снова пытались потрогать серебристую ткань, восхищенно ахали и, в конце концов, Мели обидела портного, сказав:

— Свадебное платье было красивей.

Тирли сложила пальцы домиком и возразила:

— Нет, это платье красивей. Оно необычное.

— Свадебное было, как у королевы, — помотала головой Мели.

— А это, как у богини, — отмахнулась Тирли.

— Да что бы вы понимали, малявки! — воскликнул инар Рабан, сам став похожим на десятилетнего мальчишку. — Каждое мое платье — шедевр! Не смейте их сравнивать! Как? Как можно сравнить несравнимое?! Свадебный наряд — летящее облако, первый снег, мечта, надежды на счастье, свежесть, юность. А платье Кадалы — сказка, чудо, чистые воды, хрустальный перезвон капель, сила и хрупкость. А, — он махнул рукой, — как вам понять душу художника?

— А мы понимаем, — насупилась Мели.

— Мы всё прекрасно понимаем, — скрестила на груди руки Тирли.

— Позвольте мне закончить приготовления к балу, — взмолилась я. — Скоро уже придет его сиятельство...

Спорщики расступились, выпустив из своих цепких рук, и я тут же попала в руки парикмахера. Когда же и он отпустил меня, я подошла к большому напольному зеркалу и замерла, рассматривая совершенно незнакомую мне молодую женщину в отражении.

— Кадала, истинная Кадала, — умиленно вздохнул инар Рабан, стиснув пальцы.

Мне сложно судить, насколько я была божественна, но, что до платья, им действительно могла бы не побрезговать и сама речная богиня. Крой был достаточно прост, без модных ухищрений, но глаза отвести оказалось совершенно невозможно. Мягкие струящиеся складки подола ниспадали от бедер, и вправду напоминая волнующиеся воды. Лиф и подол были расшиты камнями, порой неприметными, но вот на них падал свет, и яркие блики, словно капли брызгали во все стороны. Более приметный жемчуг, которым также был вышит лиф, складывался в причудливый орнамент, широкие рукава распадались от плеч, открывая второй слой более легкой летящей белой ткани. Даже сама серебристая ткань, из которой был пошит наряд, мягко мерцала в полумраке, подсвеченном светом свечей, и казалось, что меня окружает блеклый ореол белого сияния. Впрочем, в бальной зале этот ореол, конечно, исчезнет, он и был-то заметен в зеркальном отражении, но я едва дышала, рассматривая чудо, созданное талантливым портным.

Дополняли образ Кадалы распущенные волосы, спадавшие волнами на спину. На голове красовался венец диары, очень удачно подходивший к моему наряду, и, признаться, я ощущала себя по-настоящему красивой. И все же волнение оставалось, безумно хотелось узнать, что и мой муж видит меня точно так же. Но он пока не вернулся за мной, и я продолжала любоваться своим отражением.

Я вообще за последнюю пару месяцев стала часто и подолгу смотреться в зеркало. Нет, я не любовалась собой и не считала красивой, но что-то изменилось в моем лице. Я похорошела, это было точно, но я никак не могла понять, что именно сделало мои глаза ярче. Смотрела на себя, а ответ находил только один — я счастлива. Люблю и любима, что

может быть для женщины желанней этого? Когда-то маменька говорила, что любовь заставляет сердце пылать. Должно быть, мое горело столь сильно, что отсветы его огня отражались и в глазах.

— О-о-о, — услышала я протяжное восклицание Тирли и обернулась.

Его сиятельство вошел на мою половину покоев. Не знаю, как выглядел настоящий Дольгрэм, но Аристан Альдис был божественен. Впрочем, таким я его находила и в рубашке с распахнутым воротом, и в сюртуке, застегнутом на все пуговицы, и во фраке, и вовсе без ничего... Не менее привлекательным я нашла диара и в костюме, крой которого напоминал одежду мужчин времен наших пращуров. Зеленая замшевая безрукавка, надетая поверх белоснежной рубахи, на рукавах которой красовалась искусная вышивка, которой украшали одежду еще наши предки.

Орнамент этот имел дангарейские корни. Имелись свидетельства, что подобными орнаментами мастерицы украшали одежду древних князей, и нынешние вышивальщицы сохранили народную память. Вообще, Данбьерг был одним из самых самобытных диаратов, где свято хранили старые традиции, не только простой народ, но и знать. И некоторые элементы старинной вышивки я помнила, получив о них знание от маменьки, Лирии и нашей единственной горничной, поэтому определить, чем украшен костюм диара труда не составило.

Но вернемся к самому костюму. К плечам крепился короткий плащ, не стеснявший движений. Цепь, проходившая через грудь, от одного плеча к другому, имела вид дубовой ветви, и хоть листья были не настоящими, но сделаны они оказались столь искусно, что хотелось потрогать и удостовериться, что они не живые. Орнамент из дубовых листьев, вышитых серебром, окаймлял и плащ. И словно капли росы, на листьях, кое-где сверкали камешки.

Штаны имели тот же зеленый цвет, что и безрукавка с плащом. Были они заправлены в зеленые сапоги, на которых узнавалось то же шитье, что и на плаще. Серебряные дубовые ветки украшали голенища сапог. И если учесть рост и сложение его сиятельства, то можно честно сказать, что смотрелся он мужественно и в то же время достаточно просто, без вычурности и привычной надменности.

— Как же вы хороши, Арис, — произнесла я восторженным полусшепотом. — Невероятно хороши.

Он не ответил, стоял и смотрел на меня так, словно видит впервые.

— Арис? — с тревогой позвала я, вдруг испугавшись, что диару совсем не нравится то, что он видит.

Однако Аристан отмер и приблизился ко мне. Взял за руки и пожал их, успокаивая одним этим простым прикосновением.

— Восхитительна, — шепнул его сиятельство и поднес к губам мою ладонь.

— А где головной убор?! — резкий оклик инара Рабана заставил вздрогнуть не только меня. — Ваше сиятельство, где шапочка?

Диар скривился, но эту гримасу увидела только я, затем принял невозмутимое выражение и обернулся к портному.

— Шапку не надену, — решительно отчеканил Аристан. — Я в ней похож на дурака. Такое ощущение, что мне на голову, простите, нагадила большая зеленая птица, и нагадила таким же зеленым.

— Что? — мастер схватился за сердце. Двое подручных поспешили к инару Рабану.

Один подставил портному плечо, второй спешно замахал маленьким веером. — Вы слышали то же, что и я? Этот человек назвал шапочку птичьим пометом?

Помощники закивали, и тот, который обмахивал, услужливо уточнил:

— Зеленым птичьим пометом.

— От большой зеленой птицы, — отозвался второй помощник.

— О, Богиня! — трагично возопил инар Рабан, воздев руки кверху.

— Не нравится прежнее определение, скажу иначе, словно мне на темечко плюнул великан. Зелеными...

— Не надо аналогий! — поспешно взмолилась я. — Прошу вас.

— Прошу прощения, дорогая, — обернулся ко мне диар. — Но шапочка и вправду несколько на плевков похожа.

— Умираю, — простонал почтенный мастер.

— Что вы наделали? — я укоризненно покачала головой и поспешила к портному.

— Ну, знаете, — передернул плечами высокородный хам, — у меня тоже есть чувство прекрасного, и оно рыдает при виде шапочки.

Я снова укоризненно посмотрела на мужа, но он уже превратился в непробиваемого истукана, и никаких эмоций нельзя было прочесть по его лицу. Пока горничная бегала за водой, и я успокаивала инара Рабана, Мели и Тирли подкрались к его сиятельству. Близнецы поманили диара к себе, и когда он наклонился к ним, громко зашептали:

— Правда похоже на птичьи какаш...

— Девочки! — окрикнул их папенька. — Юные агнары, немедленно ко мне!

Я заметила, как Аристан кивнул в ответ на недосказанный вопрос, и близнецы восторженно просияли. После этого с фальшивым смирением направились к родителю, который, взяв их за руки, вывел из моих комнат для отцовского внушения. Но не успела закрыться дверь, как в покои вошел камердинер диара с большим ларцом в руках. Его сиятельство довольно улыбнулся, открыл ларец и достал венец диара.

— Вот это то, что надо, — сказал он, надевая простой золотой обруч на голову. Единственным украшением этого венца был большой изумруд — камень цвета рода Альдис. — Ну, инар Рабан, неженка вы моя, что скажите?

Мастер отодвинул рукой в сторону своего помощника, одернул сюртук, поправил галстук и обошел его сиятельство по кругу. После потер подбородок и махнул рукой:

— Благословляю.

— Хвала Богине, — воздел руки к потолку самозванный Дольгрэм. После посмотрел на меня. — Пора, дорогая, нас уже заждались.

Поцеловав портного в щеку, я попрощалась с теми, кто должен был покинуть поместье, и поспешила за мужем. Масок у нас не было, к чему они, когда наши венцы говорят сами за себя? Взяв супруга под руку, я выдохнула и решительно зашагала рядом. Страшно мне не было, просто волнительно. Столько всего было намечено на этот праздник. Да и по нашей свадьбе я помнила, что развлечения больше для гостей, а нас ждет тяжелый вечер.

— Готовы? — с улыбкой спросил Аристан.

— Да, — кивнула я и добавила: — Дольгрэм.

— Моя богиня, — с веселой улыбкой ответил супруг, и мы поспешили к заждавшимся гостям.

Тематики для маскарада указано не было, мы решили, что не будем ограничивать фантазию гостей. К тому же маленьким примечанием в приглашении было указано, что отсутствие маскарадного костюма не порицается, но маска, дабы сохранить дух праздника, обязательна. Уже подходя к бальной зале, где начинался бал, я встревожилась, не будет ли у нас соперников с его сиятельством. Вдруг кто-то еще вознамерится выбрать образ Данбьергских покровителей?

— Зря тревожитесь, дорогая, — улыбнулся Аристан. — Мне отписался каждый из приглашенных и сообщил о выбранном костюме. Нам, как хозяевам праздника, должно знать своих гостей.

— Хорошо, — успокоилась я. — Как же все-таки я еще мало знаю обо всех тонкостях светской жизни.

— Вот уж о чем не стоит переживать, — усмехнулся его сиятельство. — У вас есть я. К тому же мы, как правители диарата, имеем право менять некоторые правила. Что касается законов, тут без одобрения государя не обойтись, а вот этикетная мелочевка его не волнует, и я могу по всему диарату упростить излишние условности. Если это необходимо, конечно. Я бы, впрочем, ничего менять не стал по одной причине. Непременно найдутся те, кто поленится изучить общепринятый этикет и попадет в глупое положение вне Данбьерга. Не желаю слухов, что данбьержцы неотесанная деревенщина.

— Вы совершенно правы, Арис, — кинула я. — Не стоит менять правила для моего удобства. Я должна вникнуть во все тонкости. Не хватало еще, чтобы о диаре Данбьерга отзывались, как о деревенщине. Я все выучу, обещаю.

— В вас, драгоценная моя, я ни секунды не сомневался, — улыбнулся Аристан. Мы как раз приблизились к дверям залы. Супруг накрыл мои пальцы, покоившиеся на сгибе локтя его руки, второй ладонью. — Слепим публику?

— Попробуем, — улыбнулась я.

— Попробуем? — он изломил бровь. — О, нет, любовь моя, Альдисы не пробуют. Они рискуют и выигрывают.

— Тогда пойдем и ослепим, — решительно кивнула я. — Ведите, божественный мой. Арис рассмеялся.

— Обожаю вас, Фло! — воскликнул он. — Всею душой обожаю. Воинственный вы мой ёжик.

— Пф-пф, — пофыркала я и рассмеялась, не сдержавшись.

В залу мы входили, всё еще сияя улыбками и глядя друг на друга. Гости стояли, негромко переговариваясь, с бокалами в руках, нарядные и неузнаваемые. В обычных бальных нарядах я заметила не так много приглашенных. Впрочем, назвать их обыкновенными было бы кощунственно. Платья сверкали великолепием и изысканностью. Но основная масса гостей была одета в маскарадные костюмы. В глаза мне сразу бросилась пышная роза, рядом с которой стояла очаровательная селянка. Развлекал их разговорами кавалер в костюме странствующего менестреля.

Чуть дальше красовалась пара, в которой я узнала героев одной из известных сказок, рядом с ними, весело улыбаясь, стоял легендарный Мон Бьёдол — известный разбойник и сердцеед из сказаний трехсотлетней давности. Мне не хватило бы времени, чтобы описать всех персонажей, которые присутствовали на нашем празднике, но могу заявить со всей ответственностью, что сам воздух был пропитан предчувствием беззаботного веселья. И я

купалась в улыбках и восхищенных взглядах, направленных на нас с его сиятельством, когда мы шли по проходу, оставленному для нас сегодняшним распорядителем.

Я слышала шепотки, в которых звучали имена наших персонажей. И чье-то приглушенное: «Как же они хороши», — я тоже услышала и подняла взор на супруга, ответившего мне широкой улыбкой и лукавым подмигиванием. О, нет! Я не смутилась. Между бесприданницей агнарой Флореттой Берлуэн, потерявшей в великолепии первого бала, дрожавшей от испуга и предчувствия гадостей, и диарой Данбьерга д'агнарой Флореттой Альдис разница была огромной. И сейчас я шла, горделиво вскинув голову, даря мимолетную улыбку гостям, на которых падал мой взгляд. Уверенная в себе и в поддержке своего супруга.

Мы остановились на середине залы, и лакей, ожидавший появления хозяев, подскочил к нам, неся на подносе два фужера с игристым вином. Аристан взял их, передал один мне, после поднял руку со своим фужером, и в зале воцарилась тишина.

— Благородные агнары, прелестные дамы, — произнес он, — мы с ее сиятельством счастливы видеть всех вас на нашем семейном празднике. Вы оказали нам честь своим появлением, мы в свою очередь обещаем, что скуке в этот вечер в нашем доме не найдется места. Так пусть же начнется праздник! И первый бокал я хочу поднять за свою возлюбленную супругу, за сиятельную диару Данбьерга д'агнару Флоретту Альдис, за встречу с которой я не устаю благодарить Мать Покровительницу. За д'агнару Флоретту!

— За ее сиятельство! — послышался ответный возглас.

— За прекрасную диару!

И вот тут я ощутила жар, приливший к щекам. Впрочем, он, скорей, случился от удовольствия, чем от смятения.

— За вас, любовь моя, — гораздо тише сказал Аристан и пригубил вино.

Я ответила ему улыбкой и поднесла фужер к губам. После этого фужеры вернулись на поднос к ожидавшему позади нас лакею, и он тут же исчез, будто растворился в воздухе. А затем грянула музыка, и диар склонил голову, приглашая меня на танец. Я присела, кокетливо спрятав взгляд под ресницами, принимая приглашение. Вновь первый танец принадлежал нам с мужем, как хозяевам вечера.

Рука Аристана легла мне на талию, моя ладонь накрыла его плечо, вторая уютно легла в широкую мужскую ладонь, я подняла взгляд и захлебнулась в сиянии серых глаз. Первый шаг, и мир растворяется, превращается в смесь разноцветных росчерков. Не остается ни людей, ни залы, только он, я и тепло ладони на моей талии, проникающее через ткань в каждую пору, растекающееся по венам, заполняющее все мое существо. И нет во мне ни страхов, ни сомнений, только всепоглощающая нежность и желание, чтобы мужчина, ведущий в меня в танце, не отпускал своих рук никогда-никогда, чтобы не отводил глаз, и чтобы на устах его всегда играла эта легкая и ласковая улыбка. Ох, Богиня, не оставь меня своей милостью, не отнимай свой щедрый дар, оставь мне нашу любовь и наше счастье...

Арис... Разве есть имя лучше имени того, кто смотрит на меня так, будто во мне сосредоточилось само мироздание, кто, вопреки всем правилам, переплетает свои пальцы с моими, давая веру в то, что он всегда будет рядом. Мой Арис...

— Фло...

Под ногами поскрипывает паркет, а мне кажется, что мы поднимаемся на волнах мелодии все выше и выше, туда, куда не проникает яркий свет люстр, где уже не слышно даже музыки, и такт шагам отстукивают наши собственные сердца. Их пламя так велико, что

его хватает для того, чтобы разогнать тьму и залить все вокруг невероятным свечением счастья.

— Ох, Богиня, — выдохнула я, когда в наш маленький мир ворвалась какофония хлопков и выкриков: «Браво».

Вздрогнул и Аристан, усмехнулся и шепнул мне на ухо:

— Совсем забылся, где мы. Какое жестокое возвращение в реальность.

Он дал знак распорядителю, и последовал второй танец. Теперь к нам присоединились и другие пары. После второго танца мы покинули круг танцующих, обязанности хозяев требовали обойти гостей, обменяться с ними хотя бы парой слов, принять восхищение, выразить в ответ свое, озаботиться нуждами приглашенных, удостовериться, что люди довольны праздником, и устремиться дальше.

У многих в руках были программки вечера, где указывались все подготовленные для гостей увеселения. Особо были выделены два: благотворительный аукцион и благотворительная лотерея. Помимо этого общество ожидали живые картины, фанты, шарады, а в одной из комнат и вовсе сидела самая настоящая гадалка с волшебным шаром и картами. Разговоров о ней, кажется, было больше всего. Особенно шептались маменьки и их дочери на выданье, и после застолья, правила которого не обязывали засиживаться за столом, многие потянулись к заветным дверям.

Я бы тоже не отказалась заглянуть к гадалке, ради любопытства, но искушать судьбу не хотелось, и я решила держаться от нее подальше. Помимо благотворительных мероприятий, имелась ваза для добровольных пожертвований, куда все желающие могли положить банкноты. Лотерейные билеты были раскуплены достаточно быстро, как и заполнены списки желающих поучаствовать в аукционе. Приобщиться к деятельности благотворительного комитета, основанному самой диарой, желали многие. Мои помощницы удовлетворенно потирали руки и перемигивались со мной.

Для детей, прибывших с родителями, вновь был устроен свой праздник. Помимо столов со сладким угощением и циркачей, в этот раз развлекавших только младшую публику, были установлены горки, подвешены качели, и дети, с визгом и хохотом, предавались развлечениям. Я заглянула к ним, помахала рукой сестрицам, пожелала приятного вечера своим маленьким гостям и вернулась ко взрослым.

— Фло, — диар поднял руку, привлекая мое внимание, — я вас ищу.

— Что-то случилось? — спросила я.

— Прибыл мой третий подарок, — диар сверкнул лукавым взором и увлек меня в бальную залу.

Я с любопытством огляделась, но ничего особенного не заметила. Сейчас в бальной зале народа было заметно меньше, чем в начале вечера. Люди разбрелись, стремясь насладиться предоставленными развлечениями. Все еще не поняв, чем меня хотел порадовать супруг, я рассматривала танцующие пары. В глаза бросились импозантный пират и сказочная фея. Я улыбнулась, сразу узнав их. Эйнор Альдис был невероятно хорош в выбранном наряде. Даже неприлично распахнутая на груди рубаха воспринималась, как часть образа, а не вызов обществу. Рядом с ним хрупкая и свежая Карли смотрелась особенно трогательно. Я приветливо улыбнулась им и отвернулась на легкий шум, раздавшийся от дверей.

Двое мужчин, один в военном мундире, второй во фраке, приближались к нам с супругом. На обоих были надеты маски, но... Разве я могла не узнать непокорную челку,

падавшую на лоб более молодого гостя, развея могла не заметить его походки и задорной улыбки, которую видела всю свою жизнь?! Да и второй гость не остался для меня тайной. Кто еще из знакомых мне агнаров мог похвастаться кривоватой лукавой ухмылкой? Я схватила мужа за руку, с силой сжала, вскинула голову и встретилась с веселой улыбкой. Диар склонился в шутовском поклоне, а я отпустила его, прижала руки к груди и радостный визг сдержала лишь усилием воли, когда оба припозднившихся гостя с ходу упали передо мной на одно колено и дружно протянули пышные букеты цветов.

— Наше восхищение, — произнес первый агнар, и второй закончил:

— Богине.

Я степенно присела в ответном реверансе. Аристан сделал жест, и лакей забрал букеты. Агнары поднялись на ноги и снова склонили головы.

— Агнар Наэль, — я попыталась удержать непроницаемое выражение на лице, но расплылась в улыбке, и самый невозможный из всех знакомых мне агнаров поцеловал мне руку, не забыв произнести:

— Вы восхитительны, Флоретта. И я все еще считаю вас...

— Кхм, — кашлянул супруг. — Посчитай меня, друг мой.

— Если угостишь меня своим восхитительным вином, то непременно посчитаю, — осклабился Одмар Наэль.

— Кхм, — теперь кашлянул агнар помоложе и сдерживаться сил не хватило.

— Арти! — все-таки взвизгнула я и бросилась ему на шею. — Дорогой мой братец!

Он рассмеялся, приподнял меня над полом, крепко прижал к себе. Я с удовольствием расцеловала брата в обе щеки, встрепала ему волосы и снова расцеловала.

— Фло! — привычно возмутился Артиан, тут же утратив весь свой обретенный в столице лоск.

— Не будем мешать родственникам, — Арис приобнял Наэля за плечи и увлек в сторону лакея с подносом, на котором стояли наполненные бокалы. — Расскажи мне столичные новости.

— Дружище, мне есть, чем тебя порадовать, — донесся до меня ответ агнара Одмара, и я перестала обращать на мужчин внимание, полностью сосредоточившись на своем брате.

— Папенька с близнецами здесь? — спросил Арти.

— Папенька весь вечер ухаживает за одной вдовствующей агнарой, — широко улыбнулась я. — Сестрицы резвятся с остальными детьми.

— Чуть позже навещу их, — решил братец. — Потанцуешь со мной?

— С удовольствием, — я присела в шутовском реверансе.

Пока Артиан кружил меня по залу, с интересом поглядывая по сторонам, я рассматривала его самого.

— Это чудо, что ты сумел вырваться, — отметила я. — Я уже не чаяла встретиться с тобой в скором времени. Ты писал, что твой патрон не отпускает тебя ни на шаг.

— Твой муж, сестрица, сможет и Проклятого Духа уговорить, — рассмеялся Арти. — Авторитет диара Данбьерга не смогли поколебать даже слухи. Особенно после того, как Их Величества высказали принародное одобрение его выбору, столичная аристократия поменяла течение сплетен с порицания на восхваление.

— Нашу свадьбу одобрили? — изумилась я.

— Разумеется, — братец с недоумением взглянул на меня через прорези маски. — Ваш визит во дворец произвел благоприятное впечатление. Его Величество выпустил желчь и

заявил, что диар Данбьерга сделал мудрый выбор супруги, найдя ее не среди королевской приемной, а в собственном диарате, вдали от интриг и высшего света. Ее Величество нашла тебя милой девочкой... Да, Фло, все намеревался спросить, что это за история с монастырем и козой? Я чувствовал себя полным болваном, когда меня начали расспрашивать об этом. Пришлось сказать, что свою историю вы можете рассказать с его сиятельством только сами, и я не вправе обсуждать ее с кем бы то ни было. Я же не знал подробностей. Теперь желаю узнать из первых уст.

Я рассмеялась, испытывая легкое смущение.

— Это вышло случайно. Я перенервничала. Ты же знаешь, что я могу выдумать со страху. Я после непременно всё расскажу тебе, — пообещала я. — У тебя примечательный костюм.

— Это у тебя примечательный костюм, Кадала, — усмехнулся Артиан. — А у меня мундир самый настоящий. Я не просто секретарь, я второй адъютант министра военных дел. Сейчас я имею чин лейтенанта королевской гвардии. Так что, ваше сиятельство, ваш брат — королевский офицер.

— Ух, — выдохнула я восхищенно, и братец рассмеялся.

— Ты не исправима, Фло, хоть и диара, — хмыкнул он. — Слушай, а кто та милая девушка в костюме феи? Та, которую провожает пират?

— О, Арти, — я улыбнулась. — К сожалению, ты опоздал. Это агнара Карлина Кетдил, а провожает ее д'агнар Эйно́р Альдис — жених Карли, если, конечно, уже успел сделать предложение, как собирался.

— Правда? — искренне огорчился Артиан. — Очень жаль. Приятная девица. А ты рыженькая?

Пока я знакомила брата заново с приглашенной знатью, вновь зазвучала музыка, и к нам подошел Эйно́р. Он поклонился мне, после посмотрел на Арти, и я поспешила познакомить их. В столице знакомство моего брата и племянника диара так и не состоялось. Молодые люди раскланялись, и Эйн спросил:

— Вы позволите пригласить д'агна́ру Флоретту?

— А вы позволите пригласить агна́ру Кетдил? — живо любопытствовал агнар Берлуэн. — Насколько могу судить, этот танец у нее свободен.

— Не возражаю, — ответил младший Альдис. — Разве я могу не довериться брату сиятельной диары.

— О, вы можете мне доверять, — вежливо улыбнулся Артиан. — Дело за малым, представить меня агна́ре Кетдил.

Эйн бросил на меня взгляд, но кивнул и отвел моего брата к своей невесте. После вернулся, ловко оттеснив одного из гостей, решившего воспользоваться моим временным одиночеством. После поклонился, приглашая на танец, но я не спешила соглашаться. Памятуя утреннюю историю и записку, я уже готова была отказаться, но племянник моего супруга не позволил, напомнив:

— Вы должны мне танец.

— Разумеется, — вежливо, но прохладно улыбнулась я и присела в реверансе.

Поколебавшись мгновение, я все-таки положила ладонь на плечо младшего Альдиса, его рука мягко опустилась мне талию, и он повел меня в медленном вальсе. Правила предписывали смотреть на партнера, но я отвела глаза, потому что не смогла выдержать пристальный взгляд Эйна. Я не знала, как держать себя с племянником мужа. Не знала, как

отнесется Аристан к тому, что я позволила увлечь себя в танцевальный круговорот. Напряжение начало сказываться, и движения мои стали более неловкими. В конце концов, я оступилась, но хватка Эйнора стала сильнее. Он удержал, не позволил совершить ошибку, и я все же подняла на него взгляд, чтобы поблагодарить, но встретившись с его улыбкой, вновь растерялась и так ничего и не сказала.

— Вы избегаете меня, — первым нарушил молчание младший Альдис.

— Вам кажется, — ответила я, глядя в сторону пары, составленной из моего брата и Карли. Отчего-то мне подумалось, что смотрятся рядом они намного гармоничней, чем агнара Кетдил и Эйнор.

— Врать у вас никогда не получалось, — усмехнулся мой партнер. — Жизнь с моим дядюшкой не идет вам на пользу, Флоретта. Вы учитесь скрывать свои чувства.

— Мне нечего скрывать, вам показалось, — сказала я, пытаюсь отыскать взглядом мужа.

— Вы снова лжете, и это неприятно. Я не сделал вам ничего дурного, чтобы сейчас вы так явно ожидали окончания танца. — Я вспыхнула, быстро взглянула на младшего Альдиса и потупилась. — Я знаю, что вы слышали наш разговор с дядей.

Теперь я вовсе залилась красой, но попыталась отговориться:

— В чем вы меня подозреваете, Эйнор? — от смеси стыда и желания не быть уличенной в постыдном подслушивании, я сама забылась, перейдя на свободную форму обращения.

— Дядя ошибся, — продолжил молодой человек, не обращая внимания на мои жалкие попытки. — Я хочу, чтобы вы это знали.

Теперь я не отводила взор, испытующе глядя ему в глаза. В них было столько искренности и строгости, что я выдохнула с заметным облегчением и, наконец, улыбнулась.

— Я так рада, что подозрения...

— Это не было театральным жестом, Флоретта, — перебил меня Эйнор, вдруг прижав меня к себе крепче положенного. — В этом он ошибся. Я действительно спешил, чтобы успеть к вашему пробуждению.

— Но... зачем? — пролепетала я, осознавая, что разговор принимает опасный поворот.

— Мне хотелось сделать вам приятное, — улыбка молодого человека вышла обезоруживающей, и мои губы дрогнули в неуверенной ответной улыбке. — Если бы я мог себе это позволить, я бы делал вам подарки намного чаще, но вы супруга моего дядюшки, и я воспользовался единственным поводом, который давал мне возможность поухаживать за вами, Флоретта.

— Что вы такое говорите, Эйнор? — испуганно воскликнула я, на нас обернулись, и стиснула зубы. Привлекать к себе внимания вовсе не хотелось.

— Только то, что вы мне небезразличны, Фло, — ответил мужчина, растерянно улыбнувшись. — Это ужасно, я знаю, но выкинуть вас из головы не могу, сколько ни старался.

— Но Карли? Вы же ухаживаете за ней, вы хотели сделать ей предложение...

— Карли Кетдил — милая девушка, — снова прервал меня младший Альдис. — Она напомнила мне вас, но прелести юной агнары не хватает, чтобы забыть вас.

— Богиня, — выдохнула я.

Моя мольба была услышана, правда, ненадолго: я перешла к другому партнеру, но вскоре вновь вернулась в руки младшего Альдиса. Этого времени не хватило, чтобы подавить смятение, но дало маленькую передышку.

— Эйнор, — он пропустил меня под рукой, и я замолчала на время, пока вновь не

окажусь лицом к лицу с неожиданным поклонником. — Эйно́р, вы должны прекратить этот разговор. Я ни слова не скажу Ари́су, но вы должны поклясться, что больше никогда не заведете...

— Хорошо, я поклянусь, — кивнул он, — но вы должны меня научить, как не думать о вас.

— Но я не знаю, как! — снова воскликнула я, повысив голос.

— Тогда хотя бы поклянитесь, что больше не придете ко мне во сне, — как-то вымученно улыбнулся Эйно́р. — Обещайте больше не мерещиться там, где вас нет. Фло... — объятья вновь стали тесней, и молодой человек навис сверху, — научите, как разлюбить вас.

— Довольно! — воскликнула я.

В это мгновение музыка закончилась, и мой возглас пронесся по залу. В нашу сторону вновь обернулись. Я залилась краской, теперь от досады. Торопливо присев в реверансе, я хотела уйти, но младший Альдис поймал мою руку.

— Поговорите со мной, Флоретта, — негромко попросил он. — Прошу вас.

— Вы привлекаете к нам внимание. Вы меня компрометируете.

Музыка заиграла снова, и молодой человек, едва ли не рывком, вернул меня в свои объятья и повел по залу.

— Всего лишь еще один танец, — попросил он. — Разве я о многом прошу? Завтра я покину дядюшкино поместье и вернусь в Рейстен. Подарите мне всего лишь еще один танец, и я оставлю вас в покое. Я вновь буду ухаживать за Карли, не скажу вам ни слова, но побудьте со мной еще немного.

— Ох, Богиня, — выдохнула я. — Зачем вы так со мной? Я не должна слушать вас, не должна потакать вам. Если бы я знала...

— Вы знали, Флоретта, — ответил Эйно́р. — Вы ведь прочли мою записку, которую я вложил в цветы. И, судя по тому, что я все еще жив, дядя ее не видел.

— Я сожгла ее, — тихо сказала я и прикусила язык, отчаянно ругая себя. Надо было сказать, что я ничего не видела, что даже не приближалась к цветам! — Я решила, что вы предлагаете мне вашу дружбу.

— Дружбу, Фло? — молодой человек горько рассмеялся. — Я вам предложил свое сердце. Дорогая...

— Вы фамильярны, — нервно ответила я, снова отводя взгляд. Теперь я увидела мужа. Он стоял у колонны, привалившись к ней плечом, и не сводил с меня и племянника мрачного взгляда. Рядом с ним стояли Наэль и Арти. Они тоже смотрели в нашу с Эйно́ром сторону. Мой брат что-то говорил диару, и тот поджимал губы. Взгляд его становился все тяжелей.

— Аристан...

— Я заметил, — усмехнулся молодой человек. — Дядюшка, как коршун, стережет свою голубку. Только не верьте в его покладистость. Диар Данбьерга быстро увлекается, быстро остывает. К тому же, несмотря на свою напускную невозмутимость, он натура страстная и взрывная. Может быть несдержан...

— Прекратите! — воскликнула я с негодованием.

— Понимаю, — усмешка Эйна стала невеселой. — Вы сейчас ослеплены им, как и многие до вас. Но однажды пелена спадет с ваших глаз... Просто будьте с ним осторожней. Мне не хотелось бы, чтобы с вами что-то случилось.

— Зачем вы говорите мне всю эту ерунду? Аристан — благородный человек...

— Вы же видели, как он бросился на меня. Я заметил вас, но не стал привлекать внимания, подумал, что вам будет неприятно, если ваше присутствие обнаружат. Впрочем, вы правы, дядя не животное, вряд ли он будет кидаться с кулаками на женщину, но разбить вам сердце сумеет легко, как только его интерес исчезнет.

— Не хочу вас слушать, — я замотала головой и рванулась прочь из удерживающих меня рук. — Вы лжете!

— Я не смогу докричаться до глухого, — Эйно́р опустил руки, отпуская меня. — Но я прошу вас только помнить о моем предупреждении. Подумайте хорошенько, и вы всё сами увидите. Фло...

Но я уже спешила прочь, желая оказаться, как можно дальше от Эйно́ра Альдиса и его слов, наполненных ядом. Не буду думать о том, что он говорил. Не позволю отравить себя и свое сердце! Я буду верить только одному человеку — своему мужу...

— Фло, — Аристан перехватил меня, и я поняла, что в своем гневном порыве забылась и устремилась из залы, не заметив его приближения. — Что случилось? Что вам наговорил Эй́н? — Я гулко сглотнула, решая, что ответить. Мне вовсе не хотелось, чтобы мой супруг вновь накинудся на племянника. Я смотрела в глаза Аристану и не могла промолвить ни слова. Лицо мужа вдруг исказилось, он сжал мои плечи и сильно встряхнул. — Отвечайте!

Испуганно вскрикнув, я отпрянула от него. Обернулась к Эйну, но того уже не было видно.

— Флоретта, — голос диара звенел от напряжения. — Ответьте, что наговорил вам этот паршивец.

Супруг сделал ко мне шаг, но я снова отпрянула и мотнула головой, выставив перед собой руку. Но Аристан перехватил мою кисть и притянул к себе.

— Ответьте.

— Арис! — воскликнула я. — Арис, вы делаете мне больно!

Диар опустил взгляд на мою руку, которую все еще продолжал сжимать и, охнув, резко отпустил. Запястье покраснело, и мне подумалось, что, наверное, теперь останутся синяки...

— Фло, — Аристан сделал шаг ко мне, но больше не трогал. — Простите меня, это все... Только ответьте, что вам сказал мой племянник. Мне нужно это знать.

— Арис, — голос вдруг задрожал, и я сердито поджала губы. Не буду плакать. Не на глазах у всех. Это Альдисам плевать на то, что о них станут говорить, мне — нет. Обида клокотала во мне, и боль в руке еще больше подогревала ее. Наконец, взяв себя в руки, я ответила, как можно более спокойно. — Простите, мне нужно освежиться. Скоро я вернусь и отвечу на ваши вопросы, ваше сиятельство.

— Флоретта...

— Арис, — Наэль приблизился к нам и положил руку на плечо диара. — Пусть Арти сопроводит диару.

На удивление, супруг не стал с ним спорить. Он молча кивнул, развернулся и стремительно направился к противоположному выходу из залы. Одмар Наэль поспешил следом. Я проводила мужа взглядом и всхлипнула, но вновь подавила желание заплакать. Артиан взял меня за руку, уместил ее на сгибе своего локтя и повел к тому выходу, через который я намеревалась покинуть зал.

Заметив пристальные взгляды свидетелей сцены, я нашла в себе силы натянуть улыбку. И хоть внутри все клокотало и хотелось скорей оказаться подальше от праздничной суеты, я шла степенно, продолжая улыбаться. Отвечала на вопросы гостей, отговаривалась срочным

делом и шла дальше. Арти с кем-то пошутил, с кем-то раскланялся, отвлекая на себя внимание. И я была за это благодарна брату.

Но недалеко от игровой комнаты нам встретился папенька, и брат остановился, чтобы приветствовать родителя.

— Оставлю вас, — жизнерадостно улыбнулась.

— Фло, — окликнул меня брат.

— Я хочу на воздух, — ответила я и свернула в коридор, который вел к другой лестнице.

Здесь не было никого, и я позволила себе расслабиться. Перед глазами вновь встал хищный взгляд диара, его руки на моих плечах и приказ, так несвойственный ему, когда дело касалось меня: «Отвечайте!». «Он страстный и взрывной...». «Я не хочу, чтобы вы страдали». Пальцы Аристана сжимают мое запястье: «Отвечайте!». «Просто помните о моем предупреждении». «Не слушайте паршивца. Верьте мне. Это так важно для меня».

Рука тут же отозвалась болью. И теперь слезы лились сплошным потоком, и остановить их не было сил.

«Быстро загорается, быстро остывает». «Вы так же ослеплены, как и те, кто был до вас».

— Хватит, — простонала я, закрывая уши ладонями. — Все ложь. Не буду слушать. Не буду верить!

«Только верьте мне». И снова ноющая боль в запястье помешала успокоиться. «Вы моя первая настоящая любовь». «Он разобьет вам сердце».

— Хватит! — сердито воскликнула я и топнула ногой, сердясь на себя.

«Всё можно выяснить, если не таить в себе. Высказанное уладить проще, затаенное же может привести к непоправимым последствиям». Вот именно. Сейчас я успокоюсь, всё расскажу Арису, он объяснит свое поведение, и опять меж нами будет мир и покой. «Вы видели, как он накинулся на меня». Но ведь не просто так накинулся. Только после упоминания некой тайны. В бальной зале его сиятельство казался... испуганным? Ах, как сложно судить, когда находишься в смятении. Напряженным казался уж точно. Встревожился, что Эйно́р сказал мне то, о чем Аристан хочет рассказать сам, когда будет готов? Но рассказал ли младший Альдис тайну старшего? Неужто все дело в скрытой грубости диара? Но ведь это же не повод жениться, и тем более выбирать жену по определенным условиям, ведь так? Или же тихая безответная бесприданница молча стерпит порывы супруга? А его щедрость стала оплатой за ущерб, который он принесет, вымещая дурной нрав на взятой за себя девице? Глупость какая!

— Ох, Богиня, — протяжно вздохнула я, немного успокоившись.

Оглядевшись, я заметила, что нахожусь рядом с музыкальной гостиной. Там имелся выход на небольшой балкон, и я толкнула дверь, входя в темную прохладную комнату. Камин тут сегодня не топили, и стены успели остыть. Однако на прохладу я не обратила внимания, сразу отправившись на балкон.

Холодный воздух заставил съежиться. Порыв ветра вместе с противной моросью в одно мгновение прочистил голову. Но я упрямо стояла, подставив лицо ветру, желая полностью изгнать из головы мысли, продолжавшие жалить, словно разъяренные осы. Тело уже трясло от холода, когда мне на плечи легла теплая ткань. От неожиданности я вскрикнула и обернулась, тут же оказавшись прижатой к мужскому телу. Белая рубашка, знакомая стать...

— Арис, — прошептала я.

И задохнулась от порывистого поцелуя, страстного, даже жадного. Я обвила шею мужа руками, прижимаясь к нему всем телом. Его ладонь легла мне на затылок, сдвинув корону

диары, пальцы зарылись в волосы, сжав их в кулаке. Вторая рука остановилась на спине, все сильнее вжимая в мужское тело. А у меня перед глазами вдруг встал костюм диара, вспомнилось, что на нем была надета безрукавка, но не жилет. И плащ...

— Эйнор?! — вскрикнула я, отстраняясь. — Как вы смее...

Мой протест оборвался в новом поцелуе, более грубом, навязанном, нежеланном. Уперевшись ему в грудь ладонями, я попыталась вырваться, и от резкого толчка корона все-таки слетела с головы и покатила по полу балкона.

— Отпустите! — выкрикнула я, вновь вырываясь. — Отпустите же, мерзавец!

— Фло, — голос младшего Альдиса прозвучал хрипло, — дорогая...

— Не хочу, не хочу слушать! — замотала я головой, закрывая уши ладонями. — Ничего не хочу слушать! Всё ложь!

Неожиданно чьи-то руки оторвали от меня младшего Альдиса, втащили в гостиную. Вместо него на балкон вошел Арти, он одарил меня пристальным взглядом и обнял за плечи.

— Идем, сестрица, — сказал он.

Я послушно сделала шаг к двери, ведущей в гостиную, но опомнилась и схватилась за голову.

— Корона, — охнула я и присела, вглядываясь в темноту. — Корона диары.

— Арис! — до меня долетел возглас Наэля. — Арис, хватит! Арис!

Вскочив на ноги, я бросилась в гостиную, но брат закрыл мне проход.

— Ты нашла корону? — ровно спросил Артиан.

— Нет, — прошептала я, прислушиваясь к тому, что происходило в гостиной.

— Давай искать вместе, — сказал братец и подтолкнул меня в этот раз назад на балкон.

Корона нашлась быстро. Ее поднял Арти. После вручил мне венец, и я прижала его к себе, вдруг подумав, что это плохой знак. Корона упала с моей головы...

— Ты перешел все грани, — услышала я голос мужа. — Я желаю, чтобы ты сию же минуту покинул мой дом. Отправляйся немедленно, твои вещи я отправлю следом. Единственное, что я еще могу для тебя сделать, это предоставить свой городской особняк, где ты дождешься вещей. Кухарки там нет, но ты уже показал, что не стеснен в средствах, значит, можешь нанять ее себе, если решишь задержаться. Но к моему поместью, к моей жене и ко мне ты больше не приблизишься. Ты лишился моего покровительства, и всё, что еще сотворишь, расхлебывай сам. Будешь трепать языком, я тебя уничтожу. На этом всё. Убирайся!

— Фло! — вдруг выкрикнул Эйнор. — Помните, о чем я вам сказал!

— Наглый щенок, — прошипел диар.

Я успела войти в гостиную и увидела, как Аристан ударом в лицо сбил племянника с ног. Наэль поспешил к нему, перехватывая и не позволяя снова ударить Эйна. Тот поднялся на ноги, провел по губам ладонью и посмотрел в мою сторону.

— Прощайте, Флоретта, прощайте светлый лучик, — произнес он и, развернувшись, покинул гостиную.

— Гаденыш, — выплюнул его сиятельство.

— Ты знал, что из себя представляет твой племянник, но пустил на порог, — мрачно ответил Наэль.

— Проклятье, я дал мальчишке шанс, Одмар! Он — моя кровь, и я шесть лет пытался заменить ему отца и исправить то, что испортили мой кузен и его жена. Неблагодарный паршивец. Надо было драть его больше.

— Невозможно исправить порок, который дан от рождения, — Наэль скрестил на груди руки. — Он весь в свою мать. Один в один.

Аристан тряхнул головой и шумно выдохнул. После обернулся ко мне и неожиданно севшим голом велел:

— Выйдите.

— Ваше сиятельство, — начал Арти, но диар пророкотал:

— Оставьте нас! Проклятье, выйдите, — закончил он уже тише.

Наэль подошел к моему брату, обнял за плечи и потянул к дверям. Арти чуть помедлил, но все же послушался, однако несколько раз обернулся, прежде чем Одмар вывел его в коридор. И когда дверь закрылась, мы с мужем остались одни.

— Фло... — начал Аристан, но замолчал, так и не закончив.

Он подошел к дивану и присел на него. Откинулся назад и закрыл лицо руками, устало вздохнув, но уже через пару секунд вновь смотрел в мою сторону. И я не сводила с него глаз, не зная, что сказать, и что сделать. Подойти я не решалась, понимая, что поцелуй супруг видел. Меня трясло от пережитого и от холода, уже пронизывавшего насквозь. Зубы выбивали дробь, но я все еще стояла перед раскрытыми дверями балкона, прижимая к себе корону.

Неожиданно Арис поднялся со своего места и стремительно приблизился. Он сгреб меня в охапку, прижав к себе. Однако через мгновение оторвал от себя, взгляделся и захлопнул дверь, отсекая ветер и брызги дождя.

— Ты же вся дрожишь, — сказал его сиятельство с тревогой.

Он снова прижал меня к себе, но вновь отстранился, глядя на корону.

— Упала, — всхлипнула я. — Это дурной знак, да? Теперь всё будет плохо, да?

Аристан забрал у меня из рук венец, надел мне его на голову и подхватил на руки, тут же направившись прочь из гостиной. Я молчала, только прижималась к нему и хлюпала носом. Супруг свернул к нашим покоям, открыл ногой дверь и сразу подошел к камину, усаживаясь перед ним прямо на пол, устланный толстым ковром, и устраивая меня на своих ногах. Руки его обвились вокруг меня, прижав мои руки к телу. Я ощутила спиной грудь диара и закрыла глаза, насыщаясь его теплом и жаром огня.

— Прости меня, — наконец, заговорил его сиятельство. — Прости за грубость, я... испугался. Фло, проклятье, я до ужаса испугался, что маленький мерзавец наговорил тебе того, чего ...

— Выдал вашу тайну? — переспросила я.

— Да, — ответил Арис. — На твоём лице был написан такой страх, словно за тобой гнался Проклятый Дух. — Он вдруг протяжно вздохнул, снова снял корону и прижался щекой к моей макушке. — Промчалась мимо меня...

— Он сказал, что... — я на мгновение остановилась, думая, пересказывать ли весь наш разговор с младшим Альдисом, или же только часть его.

— Что он сказал? — в голосе Ариса вновь появилось напряжение.

— Что вы быстро загораетесь и быстро остываете. Еще сказал, что вы разобьете мне сердце.

— Всё?

— Нет. Эйнор говорил, что у вас страстная натура, что вы можете сорваться и причинить мне зло. Намекал, что сможете ударить. А потом...

— А потом я налетел на тебя, как помешанный, — невесело усмехнулся диар. — Сам

подтвердил ложь негодяя. То-то ты смотрела на меня с таким ужасом.

Супруг взял меня за руку, где уже наливались чернотой следы его пальцев.

— Каков дурак, — с досадой произнес Аристан, осторожно целуя мою ладонь. — Я не сражаюсь с женщинами, Фло. Тем более не бью их. Если женщина начинала меня раздражать, я просто оставлял ее.

— И если я начну тебя раздражать...

— Ты не похожа на моих прежних женщин — это первое. И ты моя жена — это второе. Но главное, я люблю тебя, — ответил супруг, снова прижимая меня к себе.

— Эйно́р во всем солгал?

Аристан усмехнулся.

— Тебя волнуют его слова? Какие именно?

— Что ты быстро загораяешься и быстро остываешь, — ответила я и потупилась. Я не была уверена, что его сиятельство ответит, да и не знала, хочу ли услышать ответ. Но... но мне было страшно думать о том, что однажды он снова отдалится, став вежливым и холодным. Мне до безумия нравился мой Арис, тот, каким я его узнала.

— Стало быть, ты желаешь услышать о моих прежних отношениях? Я отвечу, если тебе это так нужно. Но только потому, что тебя это может успокоить. Впредь я не буду обсуждать свою прошлую жизнь.

Я кивнула и затаила дыхание.

— Да, тут мальчишка не солгал, — сказал Аристан, и я дернулась, желая обернуться и посмотреть на него, но объятия стали крепче, не позволяя мне подняться с места. — Можешь порицать меня, можешь попытаться понять, но лучше не забивай себе голову. Мои прежние отношения меня обязывали только к одному — сохранить честь дамы. Иных обязательств не было. Мне нравилась женщина, я ее получал, когда отношения переставали приносить удовольствие, когда исчезала легкость, я их разрывал. Если всё прекратить желала женщина, я не настаивал. Никогда не трогал девиц и не лез в пары, где видел искренние чувства. Вот и всё.

— Женщины могут быстро надоесть?

— Фло, — диар слегка замялся. — Я не ждал от этих женщин любви, не влюблялся сам. Увлекался, но страсть быстро проходит, когда дама, решив, что у нее появились какие-то права, начинает капризничать. Мне это было неинтересно. Как породистая лошадь в чужом стойле, — усмехнулся супруг с неожиданным цинизмом. — Захотелось погладить, прокатиться. Когда эти желания удовлетворены, ты возвращаешь ее хозяину. Проклятье, дорогая, я не хочу обсуждать с тобой этого! Против воли никого не брал, не обижал. Что еще ты хочешь услышать?

— Эйно́р решил последовать твоему примеру, — невесело усмехнулась я. — Впрочем, во мне ни породы, ни красоты. Он сказал, что влюблен.

Диар за моей спиной кратко выругался.

— Нет, дорогая, Эйну не за чем следовать моему примеру, он уже давно переплюнул мои подвиги. У него принципов нет. Берет, что захочет. Я уже неоднократно вытаскивал его из разнообразных историй, в которые он влезал из-за своей любвеобильности и прыти.

— Но зачем ему понадобилась я?

Я все-таки развернулась лицом к супругу. Он некоторое время рассматривал меня, после заключил лицо в ладони и мягко поцеловал, после еще раз и уже не отпустил, кружа голову в продолжительном страстном поцелуе. После оторвался, но не выпустил мое лицо из

захвата.

— Зачем нам говорить о том, кто того не стоит? — спросил Аристан. — Твой праздник еще не закончился. Я хочу, чтобы твое личико вновь сияло от счастья. Вернемся к гостям и закончим вечер так, чтобы при воспоминании мы смеялись, а не плакали.

— Но я заплаканная...

— Ерунда. Сейчас кликну горничных. Они поколдуют, и никто ничего не заметит, — отмахнулся супруг. — Давай вернем себе то, чего нас чуть не лишили.

— И всё будет, как прежде?

— А что может измениться? Теперь уже некому лезть между нами, — улыбнулся Арис.

— Но корона упала...

— Пф, — фыркнул диар. — Венец диары переделывали уже четыре раза. Его теряли, крали, даже распиливали. Ничего это не означает. Не вздумай забивать себе голову выдумками. Говорят, так легко накликать настоящую беду. Но ведь мы этого не хотим? — я отрицательно покачала головой. — Вот и славно. Тогда иду за горничными.

Аристан поцеловал меня в кончик носа и встал на ноги, помогая подняться и мне. А вскоре мы уже вновь кружились по зале, показывая всем, что ничего серьезного не произошло. И доказывая самим себе, что ничто не властно над нашим счастьем. Всё возможно преодолеть, если быть честными друг с другом. Эту науку супруга я усвоила, кажется, на отлично.

— Я люблю тебя, — шептал мне муж, прижимая чуть крепче, чем велел бальный этикет.

Разве есть на свете сила способная нас разлучить? «Но я прошу вас только помнить о моем предупреждении»... Не буду думать. Забуду! Непременно забуду и не вспомню ни разу.

— Я люблю тебя, — отвечала я, не сводя взгляда с сияющих глаз супруга.

ГЛАВА 17

Снег... Первый снег уходящего года кружился в неспешном вальсе, ненавязчиво выстилал землю. Тонкая белая пелена, как вуаль невесты, накрыла аллеи парка, газоны, скамеечки, осела на макушках статуй. Всегда любила первый снег. Помнится, мы с братом непременно выбегали на улицу, подставляли ладони под снежинки... В детстве первый снег дарит предвкушение скорых развлечений, оттого видеть его радостно и приятно.

Когда-то Эггер насыпал нам с братом, а после и близнецам, горку, когда снега выпадало достаточно, и мы скатывались по ней с радостными воплями и смехом. Еще нам заливали каток, по которому мы скользили на старых коньках, сбивали друг друга с ног и опять хохотали. А наши с братцем крепости? С каким упоением и фантазией мы стоили их! Обстреливали друг друга снежками, выкрикивая слова, подслушанные у Эггера, и если это слышали маменька или папенька, нас последующие несколько дней не выпускали на улицу, предварительно отругав и надергав за уши.

Когда мне исполнилось одиннадцать лет, я подружилась с Ларси. Она крепости не строила и не понимала этого развлечения, считая себя слишком важной для игры в снежки. Но на катке с нами каталась, и с горки. Мой папенька отпрашивал ее у родителей и забирал к нам на два-три дня. Иногда меня также приглашали ее родители. Арти в такие дни ужасно злился на меня, называя предательницей. Они с Ларси никогда не ладили. И даже когда мы все немного подросли, мои брат и подруга продолжали разговаривать, цедя слова сквозь

зубы.

— Она задавака, — говорил Арти.

— Он малявка, — вторила Ларси.

А я расстраивалась, потому что мне нравилось играть с обоими. С братцем мы дурачились от души, с подругой разыгрывали светские сценки, повторяли за родителями. Наверное, Ларси всегда считала себя выше меня. И пусть ее семья находилась на грани бедности, моя уже подходила к порогу нищеты. Она всегда была более миленькой, одевалась чуть лучше и относилась ко мне покровительственно, словно своей дружбой оказывала честь. Должно быть, потому так легко разорвала все связи со мной, когда вышла замуж.

Однако агнар Вердис не оправдал ее чаяний. Ларси всегда грезила, как будет блистать на балах и приемах. Мечтала о мужском поклонении и множестве важных знакомств. Но дела супруга оказались не столь хороши, о чем ясно высказались дамы во время игры в трефаллен. Уже после я узнала от супруга, что дела семейства Вердис и вовсе плачевны, и муж Ларси обратился за помощью к диару. Аристан не отказал, предложив агнару Вердису место в городской управе с неплохим жалованием. Агнар Вердис согласился, долго не раздумывая. Разумеется, это было не то, о чем мечтала моя бывшая подруга, потому видеть меня, нищую бесприданницу, женой правителя диарата стало для нее ударом, с которым Ларси так и не смогла справиться...

Вздыхнув, я отбросила мысли о Ларси. О бывшей подруге я вспомнила случайно и думать о ней не собиралась вовсе. Она осталось в прошлом. Впрочем, за прошедшие дни я думала о многом. Балкон не прошел для меня даром. После своего дня рождения я все-таки свалилась с сильнейшей простудой. Уже на следующее утро я встала, чихая и хлюпая носом. Аристан, посмотрев на меня, запретил покидать постель и вызвал доктора. Гостей он провожал один. Я же получила множество записок с пожеланием скорейшего выздоровления.

Арти и агнар Наэль задержались еще на два дня. Братец уехал на день в родовое поместье вместе с папенькой и сестрицами, Одмар остался у нас. Пока жар был сильным, супруг не оставлял меня вниманием. Сам поил горькими микстурами, которые назначил доктор, помогал переодеваться, заставлял пить бульон, а от кислого морса я и сама не отказывалась. Пила часто и много, после чего спорила с мужем, отчаянно краснея, что в уборной я могу обойтись и без его помощи. Он давил на мою слабость, я взывала к остаткам его совести. Совесть у диара не было, но мой стыд и слезы побеждали.

После, когда жар спал, и я пошла на поправку, Арис вспомнил и о других своих обязанностях — обязанностях диара. Поначалу, пока я еще оставалась слаба, он работал в своем кабинете в поместье, а когда я начала выбираться из постели и бродить по дому, возвращаясь к жизни, супруг отправился в Кольберн. И пусть я уже чувствовала себя хорошо, меня пока на улицу не выпускали «до полного выздоровления». Так-то.

Однако моим женщинам меня навещать диар не запрещал, и как только я смогла принимать посетителей, благотворительный комитет потянулся с отчетами. Так я узнала, что ремонт в новом приюте почти завершен, и дети уже начинают паковать вещи, с предвкушением ожидая переезда. Аристан же рассказал, что подбор учителей также окончен, и после переселения у воспитанников приюта начнутся занятия. Новое здание было намного больше прежнего, и мы планировали перевезти туда сирот из близлежащих поселений.

Агнара Тагнилс привезла с собой казначея, которого назначил нам его сиятельство, и он

показал отчеты по средствам, поступившим в наш благотворительный фонд после моего дня рождения. Сумма оказалась впечатляющей. Более того, известия о нашем фонде распространялись быстро, и аристократия Данбьерга спешила внести свой вклад в доброе дело и показать свое сочувствие. В общем, можно с уверенностью сказать, дела наши были весьма неплохи.

— Фло!

Я пискнула от неожиданности и едва не свалилась с окна, когда услышала суровый окрик мужа.

— Что вы там делаете?

— В окно смотрела, — пролепетала я, справляясь с испугом.

— Немедленно слезьте с подоконника, — отчеканил его сиятельство, уже собственноручно снимая меня. — Где это видано, чтобы после такой горячки, да на сквозняке сидеть?

— Так не дует же, — попыталась оправдаться я. — Да и одета я тепло...

— Вам кажется, — проворчал диар. — Вы еще не окрепли.

— Арис! — с возмущением воскликнула я. — Еще немного и я подумаю, что вы решились устроить из дворца темницу. Я давно окрепла и готова вернуться к светской жизни, а вы продолжаете удерживать меня, словно я пленница.

— Я забочусь о вас, неблагодарная, — возразил его сиятельство. — Знаете ли, это были не лучшие часы моей жизни, когда я смотрел, как вы мечетесь в бреду. Нет уж, я хочу видеть вас пылающей от страсти, а не сгорающей в огне лихорадки.

— Какой же вы все-таки похабник, — фыркнула я. — Всё бы вам о страсти.

— Сейчас я упомянул ее для примера, — усмехнулся Аристан. — Но направление ваших мыслей мне нравится.

— Да я вообще не думала...

— Правильно, зачем думать о том, чем можно заниматься, — супруг оттеснил меня в сторону спальни.

— Вот любопытно, ваше сиятельство, — не без ехидства заметила я, — для чувственных удовольствий я уже здорова, а для прогулок и сидения на окне еще слаба.

— Какой может быть вред здоровью, когда во время чувственных удовольствий вы остаетесь в постели? Никакого вреда, одна только польза. Всё, как предписал наш доктор.

— Все-таки как ловко вы жонглируете словами и подменяете понятия, — фыркнула я.

— Мы обсудим это позже. Я слишком соскучился, чтобы упражняться в речевых оборотах и острологии, — сообщил супруг и закрыл за нами двери спальни...

Во время обеда супруг был молчалив, бросая на меня укоризненный взгляды. Я же давно не ела с таким аппетитом, и настроение мое было великолепным. Диар одарил меня очередным укоризненным взглядом, после попытался натянуть на лицо излюбленную маску ледяного истукана, но я ответила ему смешком, показывая, что ход не оценила, и уловка прошла мимо цели.

Всё дело в том, что после обеда я собиралась отправиться к нашему доктору, кабинет которого находился в Кольберне. Его сиятельство предлагал пригласить его в поместье после моего бунта и требования увидеть во мне здоровую женщину, а не немочь, за которой нужно ходить, как за малым дитем, но мне слишком хотелось прогуляться, чтобы соглашаться с супругом. Мой бунт случился сразу, как только диар загнал меня в спальню. И

я не подпускала мужа к себе, пока он не согласился рассмотреть мои требования после окончательного заключения инара Маггера.

— Арис, прекратите прожигать меня взглядом, — невозмутимо произнесла я. — Вы согласились с тем, что я отправлюсь в Кольберн. К чему сейчас ваше недовольство?

— Да, но каким способом вы вырвали из меня это согласие? — тут же откликнулся диар, нацеливая на меня вилку. — Не подозревал, что в столь безобидном существе сокрыто такое подлое коварство.

— Мне показалось, что мое коварство было приятным, — хмыкнула я, промокивая губы салфеткой.

— В том-то и состоит подлость, — проворчал его сиятельство, возвращаясь к обеду. — Вы усыпили мою бдительность, избрали вероломную тактику, и когда я был наиболее открыт и незащищен, нанесли удар, воспользовавшись моим необдуманном и поспешным «да». С этого дня я, пользуясь властью диара, ввожу запрет касательно всяческих разговоров в нашей постели. Оставляю допустимыми только восклицания: «ох», «ах», «да», «еще» и «о, Арис». Все остальное под запретом. Никаких разговоров, абсолютно.

— Стало быть, я буду лишена чести слышать ваши восклицания? Или же вы тоже будете произносить: «О, Арис»? — любопытствовала я.

Супруг поперхнулся, откашлялся, после сделал глоток вина и промокнул рот салфеткой.

— Вношу поправку в новый закон «О разговорах в постели»: запрет на разговоры не распространяется на законодателя. Безусловно, я недурен, но чрезвычайно скромн, потому оставляю за собой право говорить, что вздумается, — уведомил меня его сиятельство.

— Да вы самодур, возлюбленный мой, — отметила я, откидываясь на спинку стула.

— Польщен, — поклонился мне диар. — Быть возлюбленным самодуром намного приятней, чем тапком-тираном.

Хмыкнув, я поднялась из-за стола. Обедали мы в одиночестве, отпустив лакея. Это вошло уже в привычку, принимать пищу без присутствия посторонних. Ухаживать за собой мы могли и сами, зато не приходилось следить за словами, произнесенными во время недолгих бесед за столом. Поэтому наши пикировки, все чаще принимали откровенный оборот. Я до того к этому привыкла, что уже не краснела при упоминании определенной стороны супружеской жизни.

Его сиятельство поднялся из-за стола вслед за мной, обогнал и придержал дверь, пропуская вперед, после поравнялся и вернулся к прерванному разговору.

— Флоретта, милая, я все же продолжаю настаивать на том, чтобы инар Маггер осмотрел вас здесь, — сказал он, приобняв меня за талию.

— Я не понимаю вашего упрямства, — ответила я и остановилась, пристально глядя на супруга. — Арис, мне до смерти надоело сидеть во дворце, глаза на улицу через оконное стекло. Я не неженка, ваше сиятельство. Болезнь отступила, мои силы вернулись, так к чему ваше желание посадить меня под замок?

Супруг поморщился, всем своим видом показывая, что я говорю неприятные вещи. Но все-таки прекратил пантомиму, вновь не найдя во мне желания верить его уловкам. Я по-прежнему ожидала честного ответа, и муж сдался, проворчав:

— Порой мне не хватает пугливой дикарки, которая тряслась от моей надменной мины. Тогда с вами было легче договориться.

— Со мной и сейчас легко договориться, — улыбнулась я. — Дорогой, вы сами научили меня, что супругам нечего скрывать друг от друга, однако сейчас всеми силами показываете,

что в браке есть место притворству. Или же честность вновь касается только меня? Если это так, то я чувствую, как назревает новый бунт.

Аристан поджал губы, пристально разглядывая меня, после снова приобнял и повел к нашим покоям.

— Вы правы, Фло, — ответил его сиятельство. — С некоторых пор я стал излишне подозрителен. События, имевшие место во время бала в честь вашего дня рождения, не оставили меня равнодушным. Более того я все еще имею некоторые опасения.

— Вы не доверяете мне? — изумленно спросила я, снова останавливаясь.

— О, нет, дорогая, — улыбнулся супруг и провел тыльной стороной ладони по моей щеке. — Вам я доверяю, как себе. Но я не доверяю тому негодяю, из-за которого всё произошло. Наш городской особняк он покинул, уведомив, что возвращается в столицу. Однако у меня есть некоторые сомнения в правдивости его слов.

— Почему? Насколько я знаю, у Кетдилов он не появлялся, более того прислал письмо, в котором прощался с Карли и ее родителями. Об этом мне сообщила старшая агнара Кетдил.

— И тем не менее, — упрямо повторил Аристан. — Мне Эйнор прислал письмо с извинениями и заверениями в своем раскаянии. Однако я хорошо знаю своего племянника, и если он что-то вбил себе в голову, то будет идти до конца. Он — Альдис, а Альдисы не любят проигрывать, как вам известно.

— Но ведь я дала ему понять, что меня его чувства не тронули...

— Его цель не вы, любовь моя, — ответил диар, притягивая меня к себе. — Это долгая история. Эйн всегда оказывается на вторых ролях. У него был шанс кое в чем превзойти меня. Однако этот шанс я у него отнял.

— Как же сложно мне это понять, — растерянно произнесла я. — Выходит, ваш племянник решил утереть вам нос, соблазнив вашу жену? Как же это низко... Но меня не тронули признания Эйнора, вам нечего опасаться, Арис. Не будет же он применять силу.

— Нет, это лишило бы смысла само это глупое соревнование со мной, — усмехнулся его сиятельство. — Насилие — признание собственного бессилия и, как следствие, проигрыш.

— Тогда чего вы опасаетесь? — диар промолчал, но я и сама догадалась. — Вы опасаетесь, что он может мне открыть то, что вы до сих пор скрываете? Не так ли?

— Уф, Фло, — выдохнул Арис. — Вам бы в Тайную службу государя, или же в сыск. Оставим эту тему. Вы совершенно правы, я веду себя, как подозрительный болван. Всё можно устроить намного проще. Я провожу вас до доктора, только и всего. И вы прогуляетесь, и я буду спокоен.

— А вы не собирались меня сопровождать? — в шутливом недоумении спросила я.

До болезни мне ни раз случалось отправляться в свои краткие путешествия до Кольберна в одиночестве. Впрочем, со мной были кучер и два лакея, этого вполне хватало. Дела диарата не позволяли мужу постоянно быть рядом. К тому же он сам требовал от меня самостоятельности, поэтому я и сейчас не ожидала его компании, но не удержалась от маленькой шпильки.

— Разумеется, собирался, — диар ответил мне честным взглядом, и я рассмеялась, погрозив ему пальцем.

— Тогда прекратите измываться надо мной и отправимся в путь, — ответила я и первая вошла на свою половину.

— Моя забота у вас измывательством называется? — фальшиво возмутился его

сиятельство.

— Собирайтесь, ваше сиятельство, я вас ждать не буду, — нахально ответила я и кликнула горничных.

— Наглое создание, — фыркнул супруг и съязвил. — Комод не забудьте в свою сумочку сложить. Ваше памятное зеркальце я, так и быть, суну себе в карман.

— Какой вы все-таки злопамятный, — я укоризненно покачала головой.

— Еще бы, — усмехнулся диар, почти скрывшись в спальне, через которую мог попасть на свою половину, — собираться быстро вы все еще не научились.

— Вы наговариваете на меня, и я вам это докажу, — заносчиво ответила я и... конечно, затянула сборы.

Спустя пятьдесят минут, о чем мне поведали, размахивая брегетом перед носом, надменный и суровый диар насильно вытаскивал меня из моих комнат, бурча о своих нервах и моей нерасторопности. Я фыркала, задирала нос, но угроза остаться дома возымела действие, и я спешно юркнула в карету. Его сиятельство устроился напротив, демонстративно промокнул испарину платком, и экипаж тронулся в путь, оставляя за собой след на чистой белоснежной пелене.

Кольберн нас встретил небольшой слякотью, в которую превратился первый снег под колесами экипажей и множеством ног. К видам города я давно стала равнодушна, привыкнув к нему. Главный город Данбьерга воспринимался теперь как данность, поэтому в окошко я смотрела без особого любопытства. Унылая картина города в преддверии наступления зимы вселяла тоску.

Дом доктора Маггера находился в богатом районе города. Наш врач был хоть и не в летах, но сыскал популярность и пользовал далеко не бедных пациентов. Карета остановилась перед небольшим двухэтажным особняком, где проживал почтенный инар. Здесь же он держал свой кабинет, куда я и намеревалась попасть. Записка о нашем визите была отправлена доктору сразу же, как мы покинули спальню, и Маггер уже должен был ждать появления сиятельной диары, то есть мое.

Не успела карета остановиться, как расторопный привратник инара Маггера подскочил, спеша помочь мне выйти. Однако его сиятельство заменил привратника, склонившегося в низком поклоне при появлении правителя Данбьерга. Вскоре мы уже стояли на пороге приемной нашего доктора, и он собственной персоной спешил нам навстречу. Это был еще молодой мужчина ростом пониже моего супруга. Поджарый, темноволосый, с аккуратными усиками, концы которых были лихо закручены наружу.

— Я подожду супругу в приемной, — прохладно уведомил хозяина кабинета диар и разместился в удобном мягком кресле.

Доктор Маггер не спорил. Он вновь поклонился и кликнул прислугу, велел позаботиться о высокородном посетителе. После сделал приглашающий жест и провел меня в кабинет. Помог снять теплое пальто, принял перчатки и шляпку, затем указал на кушетку. Передав своему помощнику и ученику мои вещи, доктор отправился надевать халат и мыть руки.

— Вы прекрасно выглядите, ваше сиятельство, — с улыбкой произнес инар, приближаясь ко мне.

— Вы обязаны сказать об этом моему мужу, — улыбнулась я в ответ. — Его сиятельство все еще уверен в том, что я при смерти.

— О, опасения его сиятельства излишни, — рассмеялся доктор Маггер. — Вы имеете слишком цветущий вид, чтобы переживать за вашу жизнь и здоровье. Однако осмотр не

помешает. Я позову горничную, и она поможет вам сменить платье на сорочку, в которой мне будет проще прослушать ваши легкие.

Мне еще не приходилось бывать на приеме во врачебном кабинете, потому я неуверенно кивнула, решив отложить разговоры на потом. У меня было, что сказать доктору, верней, спросить. И это что-то волновало меня уже не один день. Да что там день? Оно волновало меня уже третью неделю. В общем-то, это волнение и толкало меня на посещение врача.

Пока я переодевалась и ждала, когда осмотр закончится, я продолжала думать, стоит ли заговаривать о столь интимном... Однако иного выхода не было, и я все-таки решилась.

— Инар Маггер, — заговорила я, чувствуя, как кровь приливает к щекам. — Мне хотелось бы поговорить с вами по одному деликатному делу. Мы ведь с вами одни?

— Мой помощник находится за стеной, в лаборатории. Он не должен нас слышать, но есть вы хотите...

— Да, пожалуйста, — кивнула я, и доктор вышел в неприметную дверь.

Вернулся он быстро и кивнул, показывая, что мы остались совершенно одни. Откашлявшись, я помялась, но все-таки произнесла, понизив голос.

— Доктор Маггер, я к вам с деликатным, даже интимным вопросом. Видите ли, у меня не случилось... кхм... женских недомоганий. Их срок приходился на время моей болезни, но вот уже третью неделю так ничего и не случилось. Помнится, маменька говорила, что эти недомогания исчезают только в старости... или же при...

— При беременности, ваше сиятельство, — улыбнулся инар Маггер. — Это так. У вас случалось, что недомогания задерживались? Это важно.

— Нет, инар Маггер, никогда, — продолжая отчаянно краснеть, ответила я.

— Что вы чувствуете сейчас? — уже деловито спросил доктор.

— Немного тянет низ живота, и... э-э... грудь...

— Побаливает?

— Да.

— Очень хорошо, — снова улыбнулся доктор. — Вы позволите мне осмотреть вас несколько подробней?

— Что вы имеете в виду? — взволновалась я.

— Осмотр откровенный, ваше сиятельство, — помявшись, ответил инар Маггер. — Думаю, вашему супругу о нем говорить не стоит. Не каждый муж с пониманием относится к тому, что мне придется сделать. Однако так мы узнаем точно, не дожидаясь более долгого срока и уже тем более явных примет.

— Это будет стыдно?

— С медицинской точки зрения — нет, — сказал доктор, чуть заметно улыбнувшись. — С учетом того, что роды у вас принимать буду я, если, конечно, сиятельный диар не захочет воспользоваться помощью полуграмотной повитухи, то я... э-э... и так увижу все то, что собираюсь увидеть сейчас.

— Ох, — только и сказала я.

Некоторое время я сидела, мучительно раздумывая над словами инара Маггера, кусала губы, страдая от стыда и желания знать точный ответ прямо сейчас. Наконец, кивнула и судорожно вздохнула.

— Тогда я попрошу вас снять нижнее белье и лечь на кушетку, — улыбка врача была доброй и даже успокаивающей. — Не волнуйтесь, я поставлю перегородку, и вы не увидите моего лица. К тому же клянусь, что ничего сверх того, что требует акушерский осмотр я

делать не буду.

— Ох, Богиня, — вздохнула я.

Не хочу рассказывать о том, что происходило дальше. Вспоминать такое стыдно, рассказывать тем более, но когда доктор закончил, он отодвинул перегородку, и я стремительно села, вопросительно глядя на него.

— Если все будет благополучно, то где-то в середине лета вы подарите супругу наследника, — с широкой улыбкой сообщил инар Маггер. — Впрочем, вы женщина молодая, сильная, не думаю, что могут возникнуть какие-то сложности. Однако я попрошу вас теперь особенно следить за своим здоровьем, ваше сиятельство.

— Значит, к середине лета?

— Думаю, да. Судя по тому, что я нащупал, вашему плоду уже есть месяц, — улыбнулся врач и вдруг весело сверкнул глазами. — Не каждому дано притронуться к его будущему сиятельству еще до его рождения.

— Инар Маггер! — возмущенно вспыхнула я, но все-таки взяла себя в руки. — Спасибо.

— Всегда рад служить вам, д'агнара Альдис, — поклонился доктор.

Вскоре я уже выходила к мужу вместе с почтенным инаром. Доктор сообщил диару о том, что я совершенно здорова, и опасаться за меня не стоит. О том, что я беременна наш врач не сказал ни слова, предоставив мне обрадовать супруга самой. Только вот, когда и как начинать радовать, я совсем не представляла. Мне казалось, это должен быть момент, наполненный торжественностью. Непременно полный одухотворенности, и слова, произнесенные вслух, должны быть такими же торжественными и одухотворенными. Только что это за слова, я никак не могла придумать.

Распрощавшись с нашим милым доктором, мы с его сиятельством вернулись в карету. Арис помог мне забраться в экипаж, устроился напротив и внимательно посмотрел на меня. Проницательный взгляд супруга заставил поежиться, но я все-таки улыбнулась ему.

— Вы чем-то озабочены, — отметил Арис, не ответив на мою рассеянную улыбку. — Инар Маггер что-то сказал вам, а вы попросили это скрыть от меня?

Я закатила глаза и возмущенно воскликнула:

— Ваше сиятельство, вы ищите повод вновь засадить меня под замок?

— А было бы неплохо, — буркнул мой сиятельный супруг. — Но вас ведь теперь ничем не удержишь. И все же, — тон его вновь стал серьезен, — вас что-то тревожит.

— Моему здоровью ничего не угрожает, клянусь вам, — улыбнулась я. — Когда мы приедем домой, я в подробностях расскажу вам обо всем, что происходило в кабинете инара Маггера.

— Почему не сейчас? — с подозрением спросил диар.

— Какой же вы зануда, Арис! — воскликнула я. — Вы свою тайну не спешите мне рассказывать, а я ни словом, ни намеком не поторопила вас. Вы же не даете мне помолчать и нескольких минут, вытаскивая на свет всё, что лежит у меня на душе.

— Благодаря этому, мы с вами в относительном спокойствии пережили некоторые неприятные моменты, случившиеся за несколько месяцев нашей совместной жизни, — возразил Аристан, — не затаив обид друг на друга. Что до моей тайны... Да, вы правы, и я больше не буду оттягивать. Лучше я освобожусь от этой ноши, положившись на ваши любовь и милосердие. Своим молчанием я даю оружие тому, кому лучше своевременно вырвать жало. Что ж, обменяемся нашими тайнами по возвращении домой.

— Ох, — только и смогла ответить я, прижав руку к груди. — Что-то я не уверена, что

горю желанием знать вашу тайну.

— Вы боитесь? — невесело улыбнулся диар. — Пустое. Это мне стоит бояться вашего осуждения и непонимания.

Неожиданно карета остановилась, и его сиятельство, к моему облегчению, замолчал. Он выглянул в окно, желая узнать, что произошло, но сразу отпрянул, потому что лакей распахнул дверцу, и в проеме показалось лицо одного из служащих городской управы.

— Ваше сиятельство, я ищу вас. В поместье сказали, что вы с ее сиятельством...

— Ближе к делу, — прервал мужчину Аристан.

— Прибыл посланник из Брима, — тут же произнес служащий. — Большой пожар, уничтожены склады с провиантом...

— Проклятье, — коротко выругался супруг. После посмотрел на меня. — Дорогая, я вынужден покинуть вас. Вы возвращаетесь в поместье, я прибуду, как только освобожусь. Все наши разговоры придется отложить на потом.

— Вы отправитесь в Брим? — с тревогой спросила я.

— Скорей всего, — кивнул его сиятельство. — Думаю, не ночью, так к утру я смогу появиться дома. Ни о чем не тревожьтесь и спокойно ложитесь спать, даже если я еще не вернусь.

— Ох, Богиня, — выдохнула я.

Диар уже выбрался из кареты, но вновь заглянул и поманил меня к себе. И как только я приблизилась, поймал мое лицо в ладони и поцеловал. После шепнул:

— Люблю, — и дверца захлопнулась.

Карета тут же тронулась с места, повинувшись жесту его сиятельства. Я выглянула в окошко и успела увидеть, прежде чем экипаж свернул за угол, как диар забирается в седло лошади служащего и прищипывает ее. В самое последнее мгновение он обернулся и махнул мне рукой. Я откинулась на сиденье и снова схватилась за грудь от неожиданного предчувствия беды. Тут же вспомнилась корона диары, и я сердито тряхнула головой. Глупость какая!

Никто диара в пламя не пустит, да и потушили уже возможно пожар, и Аристан будет разбираться с его последствиями, а не участвовать в тушении. Нужно просто умерить мнительность и не накликать беду своими предчувствиями и фантазиями. Зато у меня появилась возможность спокойно придумать, как объявить мужу о своей беременности...

Мысль о том, что во мне зародилась жизнь, притупила тревогу, и я улыбнулась. Накрыла ладонью живот и прошептала:

— Милости Богини тебе, малыш.

И так тепло стало от осознания, что я сейчас в карете не одна, что улыбка стала гораздо шире. Умиленно вздохнув, я попробовала на язык одно короткое слово, отозвавшееся в каждой частичке моего существа священным трепетом:

— Мама... Я буду мамой, — чуть громче повторила я и счастливо засмеялась. — Маменька Флоретта, папенька Аристан. Папенька... Скачет сейчас наш папенька в Брим и даже не знает, что ты у него есть. Ох, Богиня...

Я зажмурилась, что есть силы, и протяжно выдохнула, успокаивая волнение. До невозможности захотелось узнать, как будет выглядеть наш с Арисом малыш. Будут у него глаза зеленые или серые, родится ли он светловолосым, как отец, или его волосы будут более темными, как у меня? И кто это будет: мальчик или девочка? В любом случае, хочу, чтобы ребенок был похож на его сиятельство, тогда он непременно будет красив.

— Как же еще далеко до лета! — воскликнула я, в нетерпении потирая руки.

А после вернулись мысли о том, как я сообщу диару о его скором отцовстве. Как вообще жены сообщают мужьям о прибавлении в семействе? Ваше сиятельство, ликуйте, вы станете отцом... Нет, слишком пафосно. Арис, я беременна... Слишком просто. Любовь моя, я должна сообщить вам о великой милости, оказанной нам Матерью Покровительницей... Слишком официально и снова не без пафоса. Затем вспомнилась любвеобильность моего супруга.

— Аристан, умерьте ваш пыл, будущий диар этого не одобряет... Точно!

Я весело рассмеялась. Я ведь мать будущего диара Данбьерга, и, стало быть, он тоже сможет издавать законы. А пока младенец не имеет возможности донести свои мысли, его рупором могу стать я, его родительница. Да, я, как мать будущего диара, буду говорить от его имени. Осталось изобрести свой закон и озвучить его, сославшись на право диары-матери. О, да-а.

И вновь я развеселилась, представив лицо супруга, когда я, преисполнившись высокомерия и наглости, оглашу ему какой-нибудь закон от имени нашего дитя... Только какой? Как же его сиятельство может с ходу изобретать все эти чиновничьи премудрости? Почему мне в голову так легко ничего не приходит? Завистливо вздохнув, я набралась терпения, решив непременно найти что-нибудь этакое, что я смогу использовать. Непременно вспомню и использую! Ради потрясенной физиономии сиятельного диара я готова выдумывать до самого его возвращения. Лишь бы он скорей вернулся...

За всеми этими мыслями я не заметила, как дорога привела карету к воротам поместья. Увлеченная разнообразием идей, я поднялась во дворец, разделась и уселась к окошку. Но стоило только бросить взгляд на побелевшую от снега улицу, как тоска начала запускать в душу холодные щупальца, изгоняя радость и лишая всяческого желания фантазировать дальше. Вернулась тревога и неприятные мысли о том, что может ожидать моего супруга на пожаре в Бримере. Воображение живо отозвалось на мой призыв и нарисовало множество картин, одна страшней другой.

Вскоре я уже вышагивала по комнатам, резко ощущая их пустоту и свое одиночество. Зябко куталась в шаль, но все никак не могла согреться. Устав от метаний между окнами в ожидании, когда появится долгожданный всадник, я перешла на половину мужа. Дошла до его малой библиотеки и попыталась отвлечься на книги. Долго ходила между полками, любовно поглаживала корешки, представляя, как их касались пальцы мужа. Даже попыталась определить его любимые книги, но так и не сумела.

Днем, если его сиятельство не сидел зарывшись в своих бумагах, он читал газеты, которые ему доставляли каждый день, а вечером, расслабленный и спокойный, диар некоторое время читал в постели книгу при свете свечи, но так как чтению книг он уделял время перед сном, то читал не особо скоро, и последняя его книга все еще лежала в спальне.

Вспомнив о ней, я покинула комнаты мужа и прошла в нашу спальню. Книга нашлась на маленьком прикроватном столике со стороны, где обычно спал Аристан. Я присела на кровать, стараясь не вспоминать, что еще несколько часов назад он дарил здесь мне упоительные ласки, щедро делясь своей любовью и страстью. И его горячий шепот, таивший в себе бессвязные признания, и шутки после, когда я, все еще открытая и мало способная быстро ответить, могла только фыркать и строить недовольные рожицы, приводившие к тому, что супруг весело смеялся, передразнивая меня. Ничего этого я пыталась не вспоминать, но мысли сами собой лезли мне в голову, заставляя сердце сжиматься от всё

более возрастающей тоски и волнений за моего мужа.

— Ох, Арис, — тихо всхлипнула я и все-таки открыла книгу.

Однако вникнуть в содержание мне не удалось, и я оставила всякие попытки углубиться в чтение. Посидев еще несколько минут в обнимку с книгой, я не выдержала. Мне вдруг показалось, если еще хоть немного останусь одна, то непременно сойду с ума. Бережно вернув книгу на место, я вышла из спальни, мгновение раздумывала и уверенно покинула покой.

— Скажите седлать Золотце, — велела я лакею, призванному мной. — Я хочу проехать до поместья Берлуэн.

— Скоро стемнеет, ваше сиятельство, — предостерег меня мужчина.

— Я недолго, только поговорю немножечко и сразу назад, — улыбнулась я.

— Может, лучше карету...

— Золотце, — отчеканила я.

— Слушаюсь, — поклонился лакей и отправился выполнять мое приказание.

Наверное, мне сейчас следовало бы передвигаться в карете, но представить, что я вновь окажусь в закрытом пространстве наедине со своими мыслями, было невозможно.

— Я никуда не буду спешить, — шепотом пообещала я тому, кто сейчас жил внутри меня, погладила живот и позвала горничных.

Вскоре я уже выезжала из ворот поместья, вдыхая прохладный воздух полной грудью. Мороз еще легкий, но уже отчетливо ощущаемый, приятно охлаждал лицо, успокаивая нервы. Прикрыв глаза, я позволила себе помечтать, что скажет папенька, узнав, что вскоре станет дедушкой. Улыбка сама собой вернулась на уста, и я позволила своей кобылке немного прибавить в шаге. Времени у меня было совсем мало, и не следовало терять его на пустые мечты.

Я повернула и поехала по малоприметной тропе к родительскому поместью, изученной уже до малейшего кустика. Этот путь показал мне супруг, чтобы не тратить время на проезжую дорогу, где стояли указатели. Разбойников у нас поблизости не было, и особо бояться казалось нечего. Но в начале и в середине осени я скакала быстро, наслаждаясь бегом Золотца, сейчас же ехала почти шагом.

— Пожалуй, я не поеду сегодня к папеньке, — вслух решила я.

Но и вернуться я тоже не спешила. Направления я не сменила, но надумала отправиться не в поместье Берлуэн, а на могилу к маменьке. Она была лишена возможности быть рядом на моей свадьбе, так почему бы ей не стать первой, кто узнает о моем счастье? Погост, где стоял склеп семейства Берлуэн, находился гораздо ближе, чем родительский дом. К тому же там есть сторож, которого я хорошо знала, стало быть, и опасаться мне нечего.

Немного отклонившись в сторону, Золотце теперь двинулась в сторону погоста. Прикинув в голове, сколько я потрачу времени на дорогу и посещение склепа, выходило, что около часа, не больше. До сумерек должна была успеть вернуться. Вдохновившись этими размышлениями, я уже ни в чем не сомневалась. А к папеньке я смогу съездить завтра, возможно, вместе с его зятем, который уже будет знать о своем отцовстве. Я даже зажмурилась, представив, как должен быть счастлив Аристан, узнав, что, наконец, сможет взять на руки свое дитя.

Настроение несколько улучшилось, и к погосту я подъезжала без всякого опасения.

— Дядюшка Элиб, — позвала я, останавливая лошадь рядом с домиком кладбищенского сторожа. — Дядюшка Элиб, вы здесь?

— Кто это? — дверь сторожки приотворилась, и оттуда высунулась вечно всклокоченная седая голова.

— Это я, дядюшка Элиб, кроха Фло, — с улыбкой ответила я, вспоминая прозвище, которое дал мне пожилой мужчина, когда мы приходили навещать маменьку.

— Агнара Берлуэн! — воскликнул старик и вдруг осекся. — Ох, да какая же вы теперь кроха Фло, ваше сиятельство? Вы же теперь диара. Ох, Богиня. Какие же гости заехали ко мне!

Он заторопился мне навстречу, чтобы помочь спуститься с лошади. Руки сторожа оказались все еще сильными, несмотря на почтенный возраст. Дядюшка Элиб привязал Золотце к дереву молодой ольхи и низко склонился передо мной.

— Оставьте, дядюшка, — отмахнулась я со смешком. — Вам ли мне кланяться?

Сторож по доброте душевной ухаживал за склепом нашей семьи. Там покоилась не только маменька, но и несколько поколений рода Берлуэн, включая деда, обрешенного нас на нищету, и бабушки, разбиравшейся с его долгами. Впрочем, на мертвых не стоит злиться, и мы простили разорителя, оказывая ему те же почести, что и остальным.

— Зайдете погреться, ваше сиятельство? — спросил меня дядюшка Элиб.

— Непременно, но сначала схожу к маменьке, — ответила я.

— Я провожу вас, — сказал старик.

Я не стала возражать, и мы побрели вдоль могил людей простого сословия, прошли в ту часть кладбища, где стояли дворянские склепы, и сторож зазвенел ключами, отыскивая нужный. Вскоре тяжелая дверь распахнулась, и я вошла внутрь, тут же оказавшись в темноте.

— Минутку, ваше сиятельство, — Элиб зачиркал спичками, зажигая припрятанную масляную лампу. И когда разгорелся огонек, передал ее мне. — Я у дверей постою.

— Благодарю, — кивнула я и направилась к маменькиному саркофагу.

Простой каменный ящик был накрыт крышкой без всяких украшений, на них у нас не было денег. Папенька принес табличку, на которой была изображена скорбящая женщина, и Элиб прикрутил ее к крышке. «Хоть так», — сказал тогда родитель и сразу ушел. Только позже я поняла, отчего у него оказались красные глаза, когда мы нашли его с Арти за воротами кладбища. Папенькину боль мы чувствовали все, но он никогда не показывал нам своей слабости, повторяя, что маменька следит за нами, и мы должны показать ей, как умеем справляться с трудностями. И мы старались изо всех сил...

— Маменька, — полупшепотом позвала я, конечно, не получив ответа. — Доброго упокоения вам, родная... — Я снова замолчала думая, что сказать покойной родительнице, наконец, улыбнулась и произнесла. — Я счастлива, маменька. Никогда не думала, что можно быть столь счастливой, что каждый новый вздох кажется благословением, потому что есть для кого его сделать... Я так виновата перед вами, родная моя. Раньше я чаще навещала вас... Наверное, счастье делает людей эгоистичней. Хочется бесконечно купаться в лучах, которые дарят глаза любимого человека, и совсем не хочется думать о грустном... О, нет, маменька, вы вовсе не заставляете меня грустить, мне только жаль, что вы не можете разделить со мной моего счастья. Но так хочется верить, что вы видите всех нас и радуетесь вместе с нами. Ох, родная, порой мне кажется, что за спиной моей распускаются большие белоснежные крылья. Помните, вы читали нам с Арти сказку о людях с крыльями? Вы говорили, что они страдали, и Богиня одарила их крыльями. Быть может, и мы уже испили нашу чашу горя, и Мать Покровительница решила благословить нас крыльями? А как же иначе, если я чувствую, что достаточно закрыть глаза, и я смогу устремиться в небо,

дотронуться до облаков ладонями и почувствовать их невесомую нежность. Это такое волшебное чувство, родная, и подарил мне его мой возлюбленный супруг. Вы ведь тоже любили папеньку? Тогда вы понимаете меня. Порой мне кажется, что если он исчезнет, то исчезну и я, превращусь в серую пелену тоски, и ветер развеет меня, чтобы облегчить страдания... Ох, маменька, думала ли я когда-нибудь, что смогу любить так истово, всей душой, всем своим сердцем? Что мысли мои будут полниться лишь одним человеком, и его имя станет для меня слаще всякой музыки. Арис... Вы слышите, родная? Слышите то же, что и я? Аристан — такое сильное имя, и такое нежное в сокращении — Арис... Разве же можно уложить все мои чувства в простое невыразительное слово — любовь? О нет, и еще раз нет! Как жаль, что люди не придумали еще одного слова, которое смогло бы вместить в себя все, что таится в моем сердце.

Я изливала душу усопшей родительнице, признаваясь в том, в чем еще никому и никогда не признавалась. И так легко было все это рассказывать женщине, родившей меня, но покинувшей столь рано, не успевшей насладиться ни собственной жизнью, ни нашими радостями. Слезы текли по моим щекам, но то не были слезы боли и горя. Умиление, радость, восторг — вот что чувствовала я, пока открывалась своей маменьке. Пока рассказывала о своей жизни и еще одном глоточке счастья, уже наполнявшем меня, добавляя света в мою ныне яркую и насыщенную жизнь. Эта капелька света казалась мне самым важным, самым главным даром, который я могу преподнести супругу в благодарность за его любовь ко мне. И пусть родительница ничего не могла мне ответить, но я была уверена в том, что она сейчас также плачет от радости, как и я.

Не знаю, сколько бы я еще могла изливать душу маменьке, но кашель дядюшки Элиба вернул меня с небес на землю. Я тут же почувствовала, что замерзла.

— Простите, родная, — негромко сказала я, — но мне пора. Теперь я не могу быть слишком беспечной, но я обещаю, что еще вернусь к вам и расскажу обо всем, что будет происходить в нашей жизни.

Вознеся короткую молитву Богине за усопших, я поспешила к выходу. Сторож закрыл склеп, неодобрительно посмотрел на меня и повел в свою сторожку. Уже в тепле, налив мне горячего чаю, Элиб уселся напротив и пристально взгляделся в лицо.

— Что такое, дядюшка? — спросила я.

— Не ходите больше сюда, ваше сиятельство, — велел он твердым голосом. — Пока не разрешитесь от бремени, не ходите. Не дело это с дитем-то под сердцем к мертвецам ходить. Они к свету тянутся, а младенец ваш для них яркий огонек. Душа чистейшая, никаким грехом не тронута. Дурная это примета. Разок пришли, поклонились матушке и хватит. После придете, а пока забудьте дорогу.

— Вы слышали? — смутилась я.

— Про дите уловил, — кивнул сторож. — Не подслушивал я, вы сами громче заговорили. Рад я за вас, кроха, только послушайтесь моего совета. Я знаю, что говорю. А если еще раз придете, повяжу и к мужу на телеге доведу.

— Хорошо, дядюшка Элиб, — улыбнулась я. — Я послушаюсь. Но сейчас ведь вреда не было?

— Не было, не тревожьтесь, — смягчился старик. — Недолго вы тут были. Всё хорошо у вас с дитятей будет, уж я точно вам говорю.

— Пожалуй, я пойду, — я поднялась с места. Теперь задерживаться на кладбище не хотелось вовсе. Признаться, сторож меня напугал.

— И правильно. Ступайте домой, там все веселей, чем тут-то, — улыбнулся Элиб. — Чай допили, погрелись и ступайте. Мать Покровительница не оставит вас, уж больно добрая вы, ваше сиятельство. Она таких любит.

Мы вышли из сторожки, и старик помог мне вернуться в седло. Я уже собралась тронуться с места, но вспомнила, что в кармане пальто у меня лежит кошелек с несколькими серебряными монетами. Я достала его и протянула сторожу.

— Держите, дядюшка Элиб. За заботу о маменьке, за доброе слово и науку.

— Так разве ж за это деньги берут? — хрипловато рассмеялся старик. — Но возьму, не откажусь. Выпью за ваше здоровье и за вашего младенца тоже выпью. И за диара, само собой. Видать любит он вас, вон, как цветете. Разглядел чистую душу, хороший, значит, человек.

— Прощайте, дядюшка Элиб, — улыбнулась я.

— Прощайте, кроха Фло, — снова рассмеялся сторож и махнул мне рукой.

До сумерек вернуться я все-таки не успела. Серая мгла накрыла нас с Золотцем еще по пути в поместье. Испугавшись, что впотьмах могу заблудиться, я свернула к наезженной дороге. Лошадка моя немного прибавила в скорости, теперь задерживаться вовсе не хотелось, и я мечтала поскорей увидеть огни в сторожке привратника, чтобы ощутить себя окончательно в безопасности.

Мне оставалось уже совсем немного, всего один поворот и немного прямой дороги, когда навстречу выехал всадник. Я напрягла зрение, вглядываясь во встречного путника, и радостно воскликнула:

— Арис, вы вернулись! Только не браните меня...

— Бранить вас, Флоретта? Я никогда не буду бранить вас, — ответил всадник, и я натянула поводья, потрясенно воскликнув:

— Эйно́р? Вы? Здесь?!

Он подъехал ближе и склонил голову, приветствуя меня.

— Что вы здесь делаете, д'агна́р Альдис? — сухо спросила я, справившись с изумлением.

— Жду вас, Фло, — с улыбкой ответил молодой человек. — Мне сказали, что вы покинули поместье верхом, куда вы направитесь, догадаться было несложно.

— Вам хватило смелости явиться в поместье и спрашивать меня? — кажется, голос мой зазвенел от напряжения.

— О, нет, — усмехнулся Эйно́р. — Смелости бы мне хватило на многое, но со мной не станут разговаривать. Дядюшка умеет запугивать. Будем считать, что мне нашептал ветер.

— И какое же имя носит ваш ветер?

— У ветра нет имени, дорогая, — негромко рассмеялся молодой человек. — Как его не назови, суть от этого не изменится.

— Предательство, — мрачно изрекла я и тронула поводья, намереваясь объехать младшего Альдиса.

Однако он вновь преградил мне дорогу.

— Пропустите, — велела я. — Немедленно дайте мне проехать.

Эйно́р не двинулся с места.

— Зачем вы бежите от меня, Флоретта? Злитесь за мою выходку? — он казался расстроенным. — Вы правы, я повел себя, как последний болван. Но наш разговор и ваше нежелание услышать, что я говорю вам, привели меня в смятение. Я сделал ошибку и теперь

расплачиваюсь вашим недоверием.

— Прекратите играть со мной! — нервно воскликнула я. — Я знаю, что вы задумали. Втравливать меня в ваши соревнования с его сиятельством подло! Но даже если бы вы не солгали...

— Я не лгал вам, Фло! — с неожиданной горячностью ответил молодой человек. — О каком соревновании вы говорите? Ах, конечно, дядюшка рассказал вам о том, что я пытаюсь ему досадить? Безусловно, вы ему поверили, а мне нечем опровергнуть слова вашего супруга. Вы имеете право не доверять мне, Флоретта, только я не лгал. Клянусь, я был честен. Во всем!

— А с агнарой Кетдил вы тоже были честны? — язвительно спросила я.

— В чем я лгал Карли? Разве я обещал ей, что непременно женюсь? Я не клялся в любви, не соблазнил. Ухаживал за девушкой, которая мне показалась достойной, но разве же моя вина, что душа осталась спокойной? В то время как к вам я испытываю...

— Замолчите! — выкрикнула я, отъезжая в сторону. — Замолчите, несносный вы человек. Я жена вашего дядюшки, и вы не смеете признаваться мне в своих чувствах.

— Смею, Фло, смею, — Эйно́р опять подъехал ближе. — Не я выбирал эти чувства, и я не желал переходить дорогу родному дяде и ссориться с ним. Но если вы уже мне дороги, то могу я хотя бы объяснить с вами на прощание? Я не могу уехать и оставить по себе дурные воспоминания. С дядюшкой мы много раз ругались и столько же мирились, а для вас я останусь негодяем, посмевающим мечтать о запретном. Так позвольте же мне просто очистить перед вами душу, разве я о многом прошу?

Упрямо поджав губы, я отрицательно мотнула головой. Нет, я не желала слушать того, что мне будет говорить Эйно́р Альдис. Не хотела, чтобы он объяснялся со мной, не хотела, чтобы вновь порочил Аристана, отравлял мои мысли ядом сомнений.

— Я не желаю вас слушать, — холодно ответила я на его пылкую тираду. — Не желаю и не буду.

— Фло...

— Уйдите с дороги! — воскликнула я. В голосе пробились слезы, и как я ни старалась выглядеть уверенной в себе и сильной, я опасалась мужчину, не желавшего пропустить меня. Чувство бессилия, злость — всё это смешалось во мне сейчас, и до конца не сорваться оказалось невероятно сложно.

Эйно́р вскинул руку в предупреждающем жесте.

— Фло, вы плачете? Не надо! Прошу вас. Я не сделаю вам дурного, клянусь вам, — в голосе молодого человека появилась растерянность. — Я так сильно напугал вас? — Он удрученно опустил голову, плечи Эйны поникли, и младший Альдис негромко произнес. — Что ж не буду вас неволить, только не плачьте. Видеть ваши слезы и понимать, что я стал их причиной, невероятно больно.

Он немного отъехал в сторону, освобождая дорогу, кажется, сдаваясь. И я все-таки не удержала всхлип. От облегчения, что всё закончилось, и я могу вернуться домой, где буду ждать супруга, а Эйно́р уедет и больше никогда не потревожит моего покоя ни признаниями, ни неприятными выпадами в сторону Аристана. Утирая слезы, я тронула поводья. Золотце проехала мимо Эйно́ра, так и не двинувшегося с места.

Я несколько раз оборачивалась, но за мной никто не ехал, и я окончательно успокоилась. Моя лошадка неспешно добрела до ворот. Они оказались закрыты. Тревоги это не вызвало, хоть привратник и не должен был запирать ворот, пока я не вернусь. Я крикнула,

но никто не отозвался. Не открылись двери домика нашего стража и после третьего окрика. Нахмурившись, я спешила и подошла к воротам. Подобрала палку, лежавшую неподалеку, и постучала по витым прутьям ограды, снова крикнула, но вновь осталась не услышанной.

— Это что-то новое, — проворчала я. — Кто-то будет иметь серьезный разговор с диаром. Эй! Меня слышит кто-нибудь?!

— Я слышу, Фло.

Порывисто обернувшись, я подняла изумленный взор на младшего Альдиса. Уже совсем стемнело, и только луна освещала силуэт моего преследователя. Даже слабый отсвет от окошек привратницкой не доходил до ворот, и видеть лица молодого человека я не могла. Испугавшись уже по-настоящему, я прижалась спиной к воротам, затравленно глядя на племянника моего супруга.

— Что вам еще нужно? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал твердо. — Зачем вы преследуете меня?

— Мне нужны вы, Флоретта, — негромко произнес Эйно́р.

Он направил своего жеребца в мою сторону, и я снова закричала, призывая открыть мне ворота. Развернувшись, вцепилась в прутья, в отчаянии трянув закрытую створу. Но сильная рука ухватила меня за шиворот, как котенка, и легко оторвала от земли. Ворот пальто впился в горло, превратив крик в надсадное сипение, а после я оказалась лежащей поперек чужого коня. Младший Альдис сорвался с места, унося меня в известном лишь ему направлении.

— Эйно́р! — вскрикнула я, боясь шелохнуться, чтобы не слететь под ноги его коня. — Эйно́р, остановитесь!

— Я не причиню вам зла, — отозвался молодой человек.

— Эйно́р, я беременна, — взмолилась я. — Отпустите меня, прошу вас!

Он резко натянул поводья, и я едва не слетела на землю, но молодой человек удержал. А вскоре его конь возобновил скачку.

— Потерпите, скоро мы будем на месте, — отрывисто произнес Эйн.

— Ради всего святого, зачем вы это делаете? — простонала я, с ужасом думая о своем будущем.

Он не ответил. Жеребец свернул с дороги, некоторое время, шел шагом по редколесью, сменившемуся более густым лесом. В темноте было сложно понять, где мы, но Эйно́р продолжал как-то ориентироваться. Он только раз остановился, тихо выругался, но вскоре уверенно направил коня влево, и мы оказались на просеке. Жеребец перешел на рысь, и еще через несколько минут младший Альдис натянул поводья. После спешился и поставил меня на землю.

— Не смейте меня трогать, — взвизгнула я, отбрасывая в сторону поддерживающую меня руку.

— Хорошо, — неожиданно согласился Эйно́р. — Тогда полагаюсь на ваше благоразумие. Если решитесь бежать, подумайте прежде. Уже сильно стемнело, дороги вы не найдете, а заблудитесь легко. Лучше переждать до рассвета. Идемте в дом, на улице давно не лето.

Я стояла на месте, сверля его взглядом исподлобья.

— Ну что вы как дикий зверек, — я не видела лица своего похитителя, но голос его звучал мягко. — Я не трону вас, клянусь. Идемте с холода. Вы ведь беременны, будьте благоразумны.

— Вы мне говорите о благоразумии? — едко спросила я. — Аристан будет в ярости. Вы

сделали себе только хуже.

— Да, — тихим смешком ответил молодой человек. — Диар будет в бешенстве.

— Зачем же вы похитили меня, если знаете итог своего поступка?

— Вам так сложно поверить, что вы мне не безразличны, и что ради того, чтобы оказаться наедине с вами я готов принять даже смерть?

— Какая чушь! — в сердцах воскликнула я. — Это всё слишком напоминает роман, чтобы оказаться правдой.

— А вы крепкий орешек, да, Фло? — усмехнувшись, спросил младший Альдис, приближаясь ко мне. Я попыталась увернуться, но он перехватил меня, с силой прижав к себе, и повел к небольшому домику, силуэт которого чернел невдалеке от нас. Мое сопротивление ни к чему не привело, и Эйн немного раздраженно воскликнул: — Прекратите извиваться, ваше сиятельство. Я забочусь о вас и вашем младенце. И если я еще хоть как-то смогу оправдаться за ваше похищение, то потеря ребенка станет настоящей трагедией для всех нас. Дядюшка, небось, в небесах от счастья витает, а вы...

— Он еще не знает, — буркнула я, но перестала вырываться.

В одном младший Альдис был прав — на улице стало совсем холодно, и темнота вовсе не способствовала побегу. Пришлось смириться и принять единственное сейчас разумное решение — остаться под теплым кровом, пока не рассветет. Утром я непременно выберусь и вернусь домой.

— Ох, Богиня, — прошептала я, холодея от одной только мысли, что Аристан вернется и не найдет меня.

Что он подумает? Как сильно встревожится, когда увидит одну лишь мою кобылу, стоящую под воротами? Куда кинется искать? Эйнор молчал. Он впустил меня в дом, где еще теплился очаг, почти не освещая маленькой комнаты, куда меня привел племянник моего мужа. Я застыла на месте, опасаясь налететь в темноте на что-нибудь. Младший Альдис подошел к очагу, умело раздул тлеющие угли и подбросил дров.

Пламя быстро разгорелось, затрещало сухими смолянистыми поленьями, наполнив дом приятным запахом. Теперь я не медлила, уверенно подошла к очагу и протянула к огню руки. На плечи мне легли ладони Эйна, и я дернулась в сторону. Но молодой человек удержал, заговорив снова мягко, без следа недавнего раздражения.

— Разденьтесь, так согреетесь быстрее. Я всего лишь хочу помочь вам.

Поколебавшись, я все же последовала его совету, позволив снять с меня пальто, и снова протянула руки к огню.

— Желаете чаю?

Я обернулась и некоторое время рассматривала своего похитителя. Он оставался невозмутим, словно ничего не произошло. На губах играла легкая светская улыбка, будто мы находились в салоне, а не в домике посреди леса, и он не похитил жену своего дяди прямо перед воротами дома диара.

— Флоретта, вы замерзли, чай поможет согреться...

— Замолчите! — не сдержавшись, выкрикнула я и стремительно прошла к деревянному стулу. — К чему ваше участие? Зачем вы всё это делаете? Аристан — благородный человек, и если вы мстите ему за что-то, то это подло! Подло! И использовать его жену отвратительно!

— Да что вы знаете о своем муже? — тихо и зло спросил Эйнор. — Вы видите лишь то, что он показал вам. У его сиятельства изощренный ум, о вывертах которого вы даже понятия

не имеете. Думаете, смогли надолго увлечь его вашей деревенской прелестью? Так знайте же, что он всю свою жизнь любит только одну женщину, и это не вы, Фло! Он хотел на ней жениться, но из-за неких обстоятельств отменил свадьбу, но спустя годы дядя вновь пал к ее ногам. И так будет снова, можете мне не верить, но однажды вы убедитесь, что я прав.

— Это ложь, — отчеканила я. — Вы мерзко лжете. Я видела ту женщину, и он выбрал меня, а не ее.

— Конечно, вас, ведь на вас у него были виды, — усмехнулся молодой человек. — Но вы видели эту женщину, стало быть, понимаете, что придет время, и сиятельный диар вновь будет вождельть лишь свою бывшую невесту. Он не забыл ее спустя годы, которые они провели вдали друг от друга, а это что-то да значит.

— Прекратите! — закричала я, зажимая уши ладонями. — Арис рассказал мне об этой женщины. Он разочарован в ней...

— А что он вам еще мог сказать? Да с тех пор, как он сошелся с ней, в его жизни не было других женщин. А знаете ли вы, что у него репутация главного сердцеда Рейстена? Большого повесу и выдумать невозможно. И вдруг только одна женщина...

— Это всё в прошлом. В прошлом! Каким бы он ни был раньше, сейчас всё это не имеет значения. Супруг любит меня! — как я ни крепилась, как ни пыталась держать лицо, но слезы все-таки вновь брызнули из глаз. — Вы наговариваете на него.

— Вы считаете, что это я — зло? Вы думаете, я коварен? Да знали бы вы, на какие выдумки способен ваш супруг...

— Хватит!!!

Не помня себя, я вскочила с лавки, бросилась к негодяю, посмевавшему порочить моего мужа. Остановилась лишь на секунду, вглядываясь ему в глаза, и ударила. Пощечина вышла звонкой, и я снова замахнулась, но Эйнор перехватил руку и рывком прижал меня к себе, не позволяя отстраниться, не давая ударить себя снова. Он молча ждал, пока я престану вырываться и выкрикивать ему бессвязные обвинения. И лишь когда я выдохлась, осторожно отстранился, пытаясь поймать мой взгляд. А я уже совсем перестала его замечать, стояла, понуро повесив голову. Опустошенная, равнодушная к тому, что еще этот отвратительный мужчина скажет.

Он ничего не сказал. Осторожно вытирал влажные следы со щек, затем приподнял мою голову за подбородок. Я зажмурилась, не желая смотреть на младшего Альдиса, и лишь когда его губы коснулись моей щеки, я вновь распахнула глаза. Он поцеловал меня, коротко, трепетно, затем еще раз, теперь в уголок рта, и вдруг прижал к себе, тихо выдохнув:

— Фло, как же вы ранимы...

Я уперлась ему в грудь ладонями, отталкивая от себя. Но добилась лишь того, что моя голова оказалась в захвате ладоней негодяя. Эйнор прижался к моим губам, целуя уже без всякой нежности. Пользуясь тем, что мои руки оказались свободны, я ударила его второй раз.

— Проклятье! — рявкнул молодой человек, отталкивая меня от себя. — Что вы ведете себя, как дикая кошка?

Только сейчас я заметила небольшую царапину на щеке Эйнора. Ощувив легкое удовлетворение, я вернулась на стул, скрестила руки на груди и перестала замечать своего похитителя. Младший Альдис подошел к буфету, не замеченному мною ранее, достал оттуда початую бутылку вина и хлебнул прямо из горлышка. Он был зол, это явственно ощущалось, однако на меня свое раздражение не выплескивал. Молодой человек присел на кровать,

сделал новый глоток, сверля меня взглядом, затем отставил бутылку и спросил:

— Стало быть, ничего не желаете?

— Нет, — сухо ответила я.

— Тогда ложитесь спать, — бросил он и встал с кровати. — Не переживайте, мне есть, где лечь. В этом доме имеется вторая комната. Там стоит кушетка, я буду ночевать на ней. Вы ложитесь здесь, эта комната теплей.

— Какая забота, — не удержалась я от язвительного выпада.

— А почему бы и нет? — не менее язвительно спросил Эйнор. — Вы женщина, которая привлекла мое внимание...

— Когда женщина не безразлична, ее честь берегут, — бесцветно откликнулась я. — Вы же уже второй раз компрометируете меня. Впрочем, сейчас вы зашли еще дальше. Если вы погубили меня, то будьте прокляты, Эйнор Альдис.

— Ложитесь спать, — глухо произнес молодой человек и ушел во вторую комнату, вход в которую был прикрыт шкурой. Я до этого мгновения считала ее просто украшением. И уже оттуда до меня донеслось: — И сохраняйте благоразумие. Ночь — не время для побега нежной женщины. Утром я верну вас. В этом можете быть уверены.

Сбежать? О, это было бы величайшим благом, которое могло спасти меня в глазах супруга. Впрочем, если я и верила в то, что Арис верит мне так же, как и я ему, то представить, что обо мне начнет судачить прислуга, было страшно. А ведь эти сплетни могут распространиться и за пределы поместья. Как мне после доказать, что я безвинна?

— Ох, Арис, как мне вас не хватает, — горько вздохнув, прошептала я.

Однако супруга не было со мной рядом, и никто не мог подсказать, как мне лучше поступить. Но бежать в ночь, не зная, где я нахожусь, через лес, где обитают дикие звери, было действительно неразумно. И я осталась сидеть на стуле возле стола, вглядываясь в темноту за окном. Как же мне хотелось, чтобы дверь сейчас распахнулась, и я увидела на пороге мужа, спешащего спасти меня из рук своего племянника. Конечно же, дверь не открылась, и никто не вошел и не протянул руки, сказав со знакомой интонацией:

— Идите ко мне, Фло.

Я положила руки на столешницу, сверху опустила голову и закрыла глаза. Как я ни старалась не думать обо всем, что произошло в этом доме, мысли всё настойчивей лезли мне в голову. И если сначала я переживала о том, что ожидает меня по возвращении в поместье диара, то после того, как я немного успокоила себя тем, что главное — это вера Аристана, начали вспоминаться и иные слова, брошенные мне в лицо младшим Альдисом.

Красивое лицо неприятной женщины, бывшей некогда невестой, а после любовницей моего мужа, вновь встало перед глазами, и слуха коснулся ее тихий голос, когда я осталась за дверью: «Арис, ты сделал мне больно». Что ответил ей диар? О чем вообще они разговаривали? Я ведь точно не могу это знать. Она влетела, словно ведьма, и когда Аристан привез меня после моего поспешного побега, этой женщины уже не было. Она не дождалась нашего возвращения, так, может, все дело в том, что его сиятельство пообещал вскоре быть с ней снова? Но что может быть от меня нужно сиятельному диару? Зачем ему женитьба на нищенке с дворянскими корнями?

Ладонь легла на живот, машинально поглаживая его. И вдруг догадка ослепила меня своей жестокой достоверностью. А что если ему нужен именно наследник? Что если именно ради ребенка Аристан и выбрал тихую, скромную, неизбалованную девушку, как он сам обо мне отзывался? Что если он вскружил мне голову лишь для того, чтобы добиться полного

доверия, и когда я рожу, то супруг оставит меня в Данбьере воспитывать нашего ребенка, а сам вернется в столицу и будет продолжать водить с ней шашни, делая дураками мужа своей любовницы и собственную жену? Конечно, будет писать мне, поддерживая достоверность своих чувств, наезжать время от времени, возможно, для того, чтобы вновь оставить во мне свое семя, и опять мчаться к ней... Не потому ли он изначально поселил меня подальше от себя, что хотел меньше видеть? Аристан ведь сразу говорил, что хочет, чтобы мы были друзьями. И его поведение в первые недели нашего брака. Эта холодность, ночные визиты в спальню в указанные дни, без всяких чувств...

— Ох, Богиня...

А после того, как приехал Эйнор, диар, должно быть, чтобы показать, что его чувства настоящие, переселил меня к себе. До приезда младшего Альдиса супруг даже не помышлял об этом переселении. И его ревность тогда вовсе не ревность, а нежелание, чтобы глупая простушка Флоретта узнала от племянника о настоящей любви Аристана Альдиса. Если бы Эйн успел мне сказать всё это раньше, и диар объявил, что едет в столицу, я бы могла устроить скандал и даже навязаться с мужем. Или же явиться к нему без предупреждения, помешав парочке любовников унижать своих супругов.

— Хватит, — зашипела я, останавливая себя.

От всех этих мыслей сердце билось в груди неровными скачками. Дышала я так, словно бежала долго-долго. Кровь прилила к лицу, заставив щеки пылать от гнева, но усмирить свою фантазию никак не получалось. Всё так сложилось... Перед моими глазами появилась целая картина, поражающая своей объемностью и реалистичностью. И единственное, что остановило мой бег по уничтожающему душу кругу — это слова Аристана: «Верьте мне...». Я ведь всегда ему верила, так почему же сейчас начинаю сомневаться? Только потому, что слова младшего Альдиса попали в цель?

Случайно или намеренно он заговорил о бывшей невесте диара? Знал ли о ее визите в столичный дворец его сиятельства, когда мы там находились, или же просто ударил по моему женскому самолюбию? Так или иначе, но отвратительные споры сомнений он все-таки сумел посеять. Теперь и просьба Аристана о вере ему воспринимались иначе. И даже его щедрость с моим семейством после сватовства казалась намеренной, словно он желал заведомо закрыть мне рот своими благодеяниями. Если вдруг начну спорить и упрекать, он ведь всегда может напомнить, что вытащил род Берлуэнов из нищеты и дал всем нам шанс на новую жизнь, и я уже ничего не смогу возразить...

В конце концов, измучив себя подозрениями, я уснула на стуле, положив голову на руки. Мне снились кошмары. И даже такие, где диар забирал новорожденного младенца, а меня заключал в подземной темнице своего старого замка, который все еще так и не показал. Я стучала в двери, требовала выпустить меня, молила вернуть мне ребенка, но в ответ услышала лишь:

— Флоретта, вы здесь? Отзовитесь! Фло!

Я подскочила на кровати... Помотала головой, слабо понимая, как я могла оказаться на кровати, когда уснула на стуле? А через мгновение и вовсе перестала думать о том, где и как я уснула. Сорвавшись с места, я бросилась к двери, выкрикнув:

— Арис! Арис, я здесь! Богиня, Арис, вы пришли за мной!

— Открывайте, — велел диар. — Вы можете открыть?

Мой взгляд упал на засов, и я схватилась за него.

— Сейчас-сейчас, — торопливо говорила я, отодвигая засов. — Арис...

Дверь распахнулась так резко, что я едва успела отскочить. В лицо тут же дохнуло прохладой, и я невольно поежилась. Затем подняла взгляд на мужа, но он смотрел мне за спину, и выражение его лица его изменилось. Из тревожного оно стало маской ярости, а еще через секунду всякие эмоции покинули его, и его сиятельство бесцветно произнес:

— Одевайтесь и за мной. Оба.

Я резко обернулась и изумленно уставилась на Эйнора, сидевшего на краю кровати и потиравшего сонное лицо. Как-то сразу мне бросилась в глаза его расстегнутая на груди рубашка, затем две смятые подушки, говорившие о том, что на кровати спали два человека. Затем мой взгляд скользнул вниз, и я обнаружила, что ворот моего платья тоже расстегнут, волосы распущены и свободно падают на плечи.

— Ох, Богиня, — выдохнула я, осознав, что мог подумать супруг, увидев всё это. — Я невиновна, Арис...

— Одевайтесь, ваше сиятельство, — все также бесцветно повторил диар. — Я выслушаю вас дома. Одевайтесь, иначе вновь простынете.

И он закрыл за собой дверь, оставив меня наедине со своим невозмутимым племянником. Я обернулась к нему и тихо произнесла:

— Будьте вы прокляты, Эйнор, будьте прокляты.

Он пожал плечами, быстро оделся и первым покинул дом.

— Если любит, не усомнится, — прошептала я, берясь дрожащими руками за сапожки, которые с меня тоже были сняты. — Мать Покровительница, не оставь...

ГЛАВА 18

Всю дорогу до поместья я надеялась, что супруг отзовет меня в сторону и спросит обо всем, что случилось, даже порывалась сама заговорить, но он остановил меня властным жестом, произнеся:

— Не сейчас.

Спустя пару минут все-таки обернулся ко мне и добавил тише:

— Дайте мне прийти в себя, сейчас не лучшее время для разговоров.

Я кивнула и больше его не трогала. Только когда показалось поместье, я поняла, что мы ехали иной дорогой. И я не удержалась от негромкого восклицания:

— Это другая дорога.

— Разумеется, — ответил Аристан, не оборачиваясь. — До моего охотничьего домика есть дорога ближе и удобней.

— Это был ваш охотничий домик? — изумилась я.

— А вы не знали, где оказались? — с едкой насмешкой спросил его сиятельство, резко обернувшись ко мне.

Я мотнула головой, а после и вовсе опустила глаза под тяжелым взглядом супруга. Откуда мне было знать об охотничьем домике, если диар при мне ни разу не устраивал охоты и в разговоре даже не упоминал о нем? А затем я вновь вскинула голову и теперь посмотрела на младшего Альдиса. Выходит, он все это время прятался в охотничьем домике, а кто-то из поместья доносил ему о нашем местонахождении, или же только о моем?

А следующим стали мысленные оплеухи, которые я отвесила сама себе при воспоминании о моих ночных подозрениях. Если Эйнор подбирался ко мне, чтобы скомпрометировать и сделать больно дяде, то он знал, что Арис или прислуга, не

дождавшись меня, начнут поиски. Взгляд скользнул по двум егерям и трем лакеям крепкого телосложения, вооруженным ружьями, затем по двум собакам, бежавшим рядом с лошадью одного из егерей. Конечно, искали и не могли не найти, Эйнор спрятал меня почти под носом. Он перенес меня от стола в кровать, распустил волосы, расстегнул платье и улегся рядом, создавая видимость того, что мы провели с ним ночь вместе. А если был уверен, что дяде будет больно, значит, не сомневается в его чувствах ко мне, ведь так? И значит, про бывшую невесту была ложь? Конечно, ложь! Как я могла усомниться? Аристан всегда был со мной искренен, такое не подделаешь! Но поверит ли он мне, как я ему?

Муж уехал, возможно, на ночь, и я отправилась навстречу с Эйнором. Несмотря на прохладу и близящуюся темноту. И у папеньки я не была, как сказала прислуге. А нашли меня утром на одной кровати с младшим Альдисом... Ох, Богиня, что же теперь будет? Но уже поднимаясь во дворец по парадной лестнице, я опомнилась и воспряла духом. У меня ведь есть свидетель того, где я была после того, как покинула поместье! Дядюшка Элиб подтвердит, что я была на кладбище, и была там в одиночестве. А еще моя лошадь блуждала у ворот без всадницы, и значит, Арис должен понять, что я оказалась в охотничьем домике не по доброй воле. Он ведь говорил, что верит мне, как себе. А о своем племяннике отзывался нелицеприятно и знает, что от него можно ожидать подлости. Нет-нет, не может Аристан не поверить мне. Немного успокоенная этими соображениями, я расправила плечи и вздохнула с некоторым облегчением.

— Флоретта, приведите себя в порядок, — приказал супруг. — Я велю подать вам завтрак. А ты, — он мазнул равнодушным взглядом по племяннику, — за мной в кабинет.

Я вновь испытала беспокойство от того, что Арис первым расспросит Эйнора, но тут же вновь успокоилась, вспомнив все доводы в свою защиту. А еще мне на ум пришли слова, когда-то услышанные мною от Эггера: «Когда душа чиста, даже Проклятый Дух не сможет ее замарать, потому что тот, кто уверен, он всегда нос кверху держать будет и снесет все наветы». Да, я буду держать нос кверху и всё снесу, потому что моя душа чиста, и убедить меня в обратном не удастся даже Аристану.

Первое, что мне бросилось в глаза, это отстраненность моих горничных. Словоохотливые улыбочивые женщины сегодня оставались предельно вежливы, но как-то чрезвычайно. В глаза мне никто не смотрел, но я уловила в зеркальное отражение, как одна из них укоризненно покачала головой, глядя мне в спину. Я обернулась и посмотрела на нее.

— Отчет я должна давать только своему мужу, но в виде исключения скажу, ваши домыслы лишены основания. И уж кому, как не вам это знать? Вы, как никто другой, осведомлены о моей жизни в доме его сиятельства и если видели хоть один повод для осуждения, то скажите мне об этом сейчас.

Женщина смутилась и склонилась, пряча взгляд. Я отвернулась снова к зеркалу, но не удержалась и опять посмотрела на горничных.

— Почему вы сразу подумали о дурном? Неужто никому не пришло в голову, что я могла исчезнуть не по своей воле?

— Нет, что вы?! — воскликнула моя самая отзывчивая женщина. — Мы тревожились о вас! Даже выходили искать, звали. А потом приехал его сиятельство и привел Золотце. Мы совсем уж перепугались, особенно, когда хозяин кричать начал, что мы не доглядели.

— Метался, как зверь, — отозвалась еще одна женщина.

— Как есть зверь, — кивнула та, что получила от меня отповедь.

— А потом пришел Тэб... Тэбет, который при кухне работает. Так вот он сказал, что

видел еще засветло, как вас ожидал какой-то мужчина на лошади. Сказал, что всадник вам ручку поцеловал, а вы его по щеке погладили... Ну вот мы и...

— Значит, Тэбет! — торжественно воскликнула я. — Вот и сыскался предатель.

Мои горничные удивленно переглянулись, одна пожала плечами.

— Он доложил Эйнору, когда я отправилась на верховую прогулку, — пояснила я. — Он шпионил за мной.

— Мать Покровительница, — выдохнула словоохотливая горничная.

— Где сейчас этот Тэб? Пусть его задержат и доставят к его сиятельству, — велела я и поднялась со своего места, решительная и воинственная.

Одна из женщин поклонилась и поспешила исполнять распоряжение. Завтракать я не смогла, была слишком возбуждена предстоящим допросом кухонного рабочего. И когда за мной явился дворецкий, чтобы сообщить:

— Ваше сиятельство, его сиятельство просит вас зайти к нему, — я с готовностью поспешила на призыв супруга.

По дороге мне встретилась моя посланница. Она округлила глаза и развела руками.

— Говорят, что его сиятельство прогнал Тэба, — доложила горничная.

Я нахмурилась, но поблагодарила женщину за исполнительность и продолжила путь. #286932735 / 29-дек-2016 То, что Тэба сейчас нет в поместье — это нестрашно. Найти его несложно. Куда он мог отправиться после увольнения? Конечно, домой. А где проживает предатель, должно быть известно, и стало быть, мы найдем без труда. Я вновь расправила плечи и в кабинет супруга входила с гордо поднятой головой.

Первое, что бросилось в глаза — это то, насколько напряжен Аристан. Но самым удивительным было то, что Эйнор выглядел расслабленным, несмотря на ярко-красный след на щеке, как раз поверх царапины, оставленной мной. Должно быть, дядя дал племяннику пощечину. Мысль об этом преисполнила меня злорадством.

— Ваше сиятельство, — диар не смотрел на меня, и голос его звучал ровно, без всяких эмоций, — вы беременны?

Новый порыв злости затопил меня с головой. Я должна была сообщить об этом мужу. Не Эйнор Альдис, и даже не доктор Маггер, а я! Бросив на младшего Альдиса свирепый взгляд, я снова посмотрела на Аристана и смущенно улыбнулась:

— Да, Арис. Доктор Маггер сказал, что родить я должна к середине лета. Вы станете отцом...

— Проклятье, — неожиданно сцедил сквозь зубы его сиятельство. — Стало быть, это правда. Как вы...

Он не договорил, а я с недоумением смотрела супруга, не понимая его реакции. Ни капли радости я не увидела в глазах Аристана. Гнев, даже ярость, вот, что владело им.

— Арис, я не понимаю...

— Да что уж тут непонятного, дорогая? — усмехнулся Эйнор. — Довольно притворств. Я во всем повинился дядюшке.

— Повинились в чем? — спросила я, плохо понимая происходящее.

— В нашей с вами связи. В том, что мы с вами стали любовниками вскоре после моего появления. И что украдкой встречались в охотничьем домике, где провели эту ночь перед моим возвращением в столицу.

— Но это ложь! — воскликнула я. — Арис, вы же не верите ему?! Когда бы я успела?

— Во время ваших, так называемых, поездок к папеньке, — вновь вмешался

мерзавец. — Фло, милая, хватит лжи, отпираться уже поздно. Вы ответили на мои чувства, к чему теперь ваши попытки оправдаться?

— Но это гнусная ложь, Арис! — закричала я, видя, что муж по-прежнему не смотрит на меня. — Я всегда была верна вам!

— Дорогая, я могу в подробностях рассказать, как вы вывихнули ногу во время нашей поездки к Кетдилам, — ухмыляясь, продолжил клеветник. — Мне бесконечно жаль, что чувственное удовольствие закончилось столь плачевно.

— Довольно! — прогремел раскатом голос диара. — Заткнись, выродок, или я заткну твою мерзкую пасть!

— Затыкайте, дядюшка, — пожал плечами Эйно́р. — Но растить вы все-таки будете моего ребенка, как мы с вами и договаривались.

— Замолчи!

И Аристан вдруг сорвался с места, схватил племянника за грудки, легко поднимая с места, и с силой швырнул об стену. Я вскрикнула, закрыла лицом руками, а потом...

— Моего ребенка, — прохрипел младший Альдис. — Моего.

Я трянула головой, отгоняя наваждение, и наконец, осмыслила слова негодяя.

— Арис, клянусь вам всем, что для меня свято, — жарко воскликнула я, — на мне нет греха! Я всегда была верна вам. Это ваш ребенок и ничей больше.

Диар, вновь державший племянника за грудки, вдруг резко обернулся, опалил меня яростным взглядом и произнес с издевкой:

— Я бесплоден, драгоценная моя. У меня не может быть детей.

Вновь трянуv головой, я неуверенно улыбнулась и переспросила:

— Что?

— Я не могу иметь детей, — отчеканил его сиятельство. — Это так же точно, как то, что сегодня ночью я не нашел вас в нашей постели.

— Но это же неправда, — я замотала головой, отступая на шаг назад. — Неправда! Ведь я же понесла от вас, Аристан, от вас!

— Это невозможно, — глухо отозвался диар. — Как бы я не мечтал об этом, но это невозможно.

— Вы лжете! — выкрикнула я, глотая слезы. — Зачем вы лжете?! Я ношу вашего ребенка!

— Хватит, Фло, — резко оборвал меня Эйно́р. — Хватит. Уже отпираться некуда. Ты носишь моего ребенка. Об этом дядюшка просил меня еще до женитьбы, и я с честью исполнил уговор.

— Уговор? — я переводила взгляд с одного Альдиса на второго. — Какой уговор?

— Обрюхатить наивную дурочку, которую он выберет в жены, — криво усмехнулся подлец, уничтожавший своими словами нашу супружескую жизнь. — И вот это, наконец, истинная правда.

— Вы снова лжете, опять лжете, — прошептала я, закрывая лицо ладонями. — Это какая-то глупость... Такого не может быть, ничего этого не может быть...

— Может, — жестко ответил Эйно́р. — И если у дядюшки хватит совести, то он сознается в своей подлости.

Я оторвала руки от лица и взглянула на Аристана. Он стоял теперь, опираясь рукой на стену. Дыхание его было тяжелым, и свободная рука сжата в кулак.

— Арис, — дрогнувшим голосом позвала я.

Он вздрогнул и обернулся ко мне, но тут же поджал губы и снова отвернулся.

— Договор был, — произнес он. — Но я расторг его, как только маленький гаденыш появился в поместье. В тот же день я приказал не приближаться к моей жене. Проклятье, Фло, я ведь искренне полюбил вас и сделал всё, чтобы вы не могли увлечься никем иным. Я сделал всё, чтобы устояли против чар этого мерзавца...

— Но я устояла, — прошептала я, но сразу же повысила голос: — Я устояла, ваше сиятельство. И готова присягнуть перед статуей Матери Покровительницы, что была верна вам и не знаю иного мужчины, кроме вас. Дитя, которого я ношу, только ваше и ничье больше. Ногу я подвернула в гроте, когда отступала назад. Вчера, выехав из поместья, я не поехала к папеньке, рассудив, что не успею вернуться дотемна. Я была на кладбище у маменьки. Кладбищенский сторож может вам это подтвердить. И к поместью я вернулась, но на дороге меня поджидал ваш племянник. Он даже отпустил меня, но ворота оказались закрыты, и я так и не смогла докричаться привратника. А пока его звала, меня вновь нагнал Эйнор. У ворот он перехватил меня и увез в тот дом. О том, что это такое и где находится, я не имела ни малейшего понятия. И я не понимаю, почему вы не желаете поверить мне.

— Потому что я бесплоден, любовь моя, — горько усмехнулся Аристан. — Ваша беременность лучшее доказательство слов этого подлеца.

— Но это ваш ребенок!!! — заорала я, не помня себя от гнева. — Ваш!

— Я не могу иметь детей, — чеканно повторил Аристан и больше ко мне не поворачивался.

Развернувшись, я слепо побрела прочь из кабинета, пытаюсь осознать произошедшее.

— Дядюшка, почему вы выбрали в жены такую невзрачную особу? — долетел мне в спину голос Эйнора. — Могли бы найти и поизысканней. Мало того, что некрасива, так еще и подат...

Он не договорил. Голос сменился хрипом, и я обернулась. Диар держал племянника за горло, вновь вколачивая его в стену:

— Не смей судить о моей жене, гаденыш, — шипел взбешенный Аристан.

Душевные силы покинули меня, я захлопнула дверь кабинета, оставляя Альдисов наедине друг с другом. Я брела, ничего не видя перед собой, слабо понимаю, куда иду и зачем. Дворецкий, попавшийся навстречу, поспешил ко мне, заботливо поддержал под руку и поинтересовался:

— Вам дурно, ваше сиятельство? Дозвольте проводить вас.

— Куда? — тихо спросила я, поднимая на него взор.

Лицо мужчины расплывалось перед глазами, наверное, опять текли слезы, но, кажется, в те страшные мгновения я даже не понимала, что плачу.

— В ваши покои... наверное, — вдруг растерялся дворецкий. — Вы ведь туда направлялись?

Я кивнула, соглашаясь с ним. Однако сделав несколько шагов, я снова остановилась и отрицательно мотнула головой.

— Не хочу, — произнесла я. — Не хочу в покои.

— Но куда же тогда? — дворецкий растерялся еще больше. — Вам дурно...

— Весьма, — снова согласилась я. — Нужно прилечь.

— Стало быть, в покои, — уже более уверенно ответил мой сопровождающий.

Мы сделали несколько шагов, но опять я остановилась и даже отняла свою руку у дворецкого, ожесточенно замотав головой.

— Не пойду в покои, не пойду, — повторяла я, с ужасом думая о недавно еще любимых комнатах, о спальне, куда придет супруг и будет смотреть на меня, как на падшую женщину, уверенный в моей измене. И мне придется глядеть на него и понимать, что он не верит мне, что он предает меня каждую секунду, пока видит во мне любовницу своего племянника, отказывая себе в собственном отцовстве. Бесплоден... Но это же чушь!

— Зачем он лжет мне? — с мукой воскликнула я, глядя на дворецкого.

— Кто лжет, ваше сиятельство? — осторожно спросил мужчина.

— Это так низко, так подло... — прошептала я, продолжая диалог с самой собой. — И я ничего не поняла об этом их договоре. Что за договор?

— Э-э... — протянул дворецкий, — я не понимаю, о чем вы говорите, ваше сиятельство.

— Ах, как я вас понимаю, — со вздохом ответила я. — И мне бы понять...

Дворецкий протянул ко мне руки, однако тут же их убрал и простежки почесал в затылке, негромко буркнув:

— Не послать ли за доктором Маггером? Надо бы спросить у его сиятельства.

Упоминание супруга неожиданно вывело меня из ступора. Я порывисто обернулась к дворецкому и произнесла с яростью, не свойственной для меня:

— Слышать не хочу ни о каком сиятельстве! Да как он смел? Кто дал ему право сомневаться? Зачем он верит клеветнику, а не своей жене?

И уже более твердо я устремилась вперед без всякой помощи. Дворецкий некоторое время не двигался с места, но вскоре догнал и пристроился рядом:

— Ваше сиятельство...

— Оставьте меня, — отмахнулась я, стремительно взбегая по лестнице.

— Куда вы, ваше сиятельство?

Я ничего не ответила. Единственное место, которое мне пришло сейчас в голову, были мои прошлые покои. Они находились достаточно далеко от нынешних комнат и от диара, и я спешила туда, чтобы спрятаться и остаться наедине со своими мыслями. Впрочем, я очень надеялась, что мысли оставят меня хоть ненадолго в покое. Мне требовалось отдохновение, настоятельно требовалось, чтобы душа моя смогла хоть немного успокоиться. И тогда я обязательно подумаю обо всем, что произошло со мной. Но не сейчас. Только не сейчас, когда в груди разрастается пустота.

— Мать Покровительница, прошу...

Мои прежние покои встретили меня чистотой и прохладой. Разумеется, здесь никто ежедневно не протапливал камин, лишь поддерживали порядок, как во всех жилых помещениях. Я всё также стремительно пересекла комнаты, добралась до спальни и упала на кровать поверх покрывала. Сложила руки и уперлась в них лбом. После закрыла глаза и постаралась не думать.

Однако это оказалось сложнее всего. Словно отвратительные навозные мухи, в мою голову вползали воспоминания. Еще вчера я была преисполнена радостных надежд и верой в свое неколебимое счастье. Придумывала, как подать мужу известия о его отцовстве.

— От имени будущего диара, — вслух повторила я и вдруг расхохоталась.

Собственный смех показался мне пугающим в тишине, окружавшей меня, и я замолчала, жмурясь со всей силы. «Я бесплоден, драгоценная моя».

— Неправда, — замотала я головой. — Всё ложь. Зачем?

«Я не могу иметь детей». Но как же так? Отчего ему в голову взбрела эта чушь? Вот же, вот! Во мне живет прямое доказательство неверности этого утверждения. Как же можно так

бессовестно лгать мне? Зачем?! Разве же не мечтают люди о продолжении своем? Разве не радуются, получив дар Богини? Мать Покровительница позволила людям быть бессмертными в своем потомстве, так почему же Аристан так легко отказывается от этого дара, поверив племяннику, о нраве которого сам немало рассказывал?

От бесконечных вопросов, на которые я никак не могла найти ответы, разболелась голова. Глаза пекло от пролитых слез, а сердце рвалось на части от боли и разочарования. Никогда не думала, что бывает так больно. Пустота, заполнившая мне грудь, теперь оказалась затоплена огнем. Я горела в нем и никак не могла обратиться пеплом.

Застонав, села на кровати и закрыла лицо руками. Опять потекли слезы и остановить их не было никакой возможности. Я ничком упала обратно, сотрясаясь от беззвучных рыданий. Богиня! Как же после такого взлета возможно столь сокрушительное падение?

— Ох, маменька, хрупки же оказались мои крылья, — прошептала я, всхлипывая.

Неожиданно моего слуха коснулся звук открывшейся двери. Затем последовали приближающиеся шаги. Я подняла голову, вытерла слезы и застыла, глядя на супруга, стоявшего в дверях спальни. Аристан некоторое время не сводил с меня взгляда. Диар казался невероятно уставшим и подавленным. Я вдруг вспомнила, что он ездил на пожар в Брим и, судя по его словам, вернулся ночью. После искал меня и, наверное, так еще и не отдыхал.

— Что в Бриме? — зачем-то спросила я, продолжая смотреть на его сиятельство.

— Пожар потушили, виновные уже заключены под стражу. Весь урожай пшеницы, собранный в Бримских угодьях, сгорел, — ответил он и все-таки вошел в спальню.

Однако всего лишь шагнул в сторону, привалился спиной к стене, а после вовсе сполз по ней вниз и уселся на полу, подтянув колено к груди. Аристан ненадолго прикрыл глаза, шумно выдохнул и заговорил:

— Нам стоит объясниться.

Я не ответила. Ждала, что он скажет дальше. В душе жила толика надежды на то, что супруг сейчас принесет мне извинения за то, что было сказано ранее. Он потер лицо ладонями, взъерошил себе волосы и продолжил:

— Похоже, мы теперь знаем тайны друг друга... Однако я хочу полностью открыться перед вами. Раз уж вся эта мерзость всплыла таким образом, я хотя бы попытаюсь объяснить вам ее истоки. Пожалуй, начну издалека, с событий, произошедших пятнадцать лет назад. — Я села и теперь внимательно слушала исповедь диара Данбьерга, надеясь, что она даст ответы хотя бы на часть моих вопросов. — Мне исполнилось девятнадцать лет. Знаете ли, тот возраст, когда юноша уже два года считается совершеннолетним, и себе он уже кажется взрослым мужчиной, но все еще остается, по сути, все тем же юношей, не лишенным пока ни мечтательности, ни хрупкого романтизма. Был им преисполнен и я. Пылкий влюбленный, грезящий о светлом и счастливом будущем. Не буду утомлять вас воспоминаниями о моем знакомстве с невестой, это излишне. Скажу лишь, что чувства наши были взаимны, и мое предложение руки и сердца было принято с восторгом. В те года я считал, что моей невестой движет любовь, сейчас склонен полагать, что ее больше привлекало мое положение и будущий сан. Однако продолжим. Я обратился к государю с просьбой одобрить мой выбор, и, получив королевское согласие, мы огласили нашу помолвку.

В то время велись разговоры о свадьбе моей единственной сестры. Известно ли вам, дорогая, о том, что управители диаратов состоят в родстве с королевским домом, и дочери диаров нередко становятся разменной монетой в государственных делах? — я отрицательно

покачала головой, невольно накрыв свой живот ладонью. Аристан заметил мой жест, коротко вздохнул и кивнул, подтверждая, что я всё поняла верно. — Да, любовь моя, юных д'агнар часто используют для достижения необходимых договоренностей с другими государствами. Принцессы становятся женами правителей, д'агнары отправляются к именитым мужьям, состоящим в родстве с правителями. Как вам известно, моя сестра является супругой второго ненаследного принца Фалабрийского королевства. Договоренности были достигнуты еще за год до достижения Хальди брачного возраста и вскоре, после оглашения моей помолвки с известной вам дамой, прибыла делегация из Фалабрии, чтобы доставить невесту к ее жениху. Я, как старший брат и наследный диар, отправился с фалабрийцами и своей сестрой. Поездка вышла легкой и даже увлекательной. Вы несомненно знаете, что Фалабрия — это морское государство. Местный самодержец обожает морепродукты, и они составляют основное королевское меню. И одно из его любимых блюд составляет моллюск, известный под названием — мейос. Более того монарх обожает этих моллюсков не только есть, но и добывать собственноручно. Такой вот королевский каприз.

В виде развлечения я был приглашен на одну из таких добыч. Стоит заметить, что мясо мейоса действительно недурно на вкус, и приготовленное умелым поваром становится истинным лакомством. В тот день Гостан Фалабрийский решил не только похвастаться своим умением добывать излюбленное кушанье, но и готовить его. Участвовало в той трапезе четыре человека, трое фалабрийцев, в том числе монарх, и я, ваш покорный слуга. Не знаю, что не так сделал Его Величество, возможно, просто поторопился, потому что насколько я уже знал, предварительно раковины долго вымачиваются в специальном растворе уксуса, кажется, и лишь после их начинают готовить. Однако Гостан уверил, что неоднократно готовил сам и ничего дурного с ним не случилось. И он был прав, потому что с ним ничего и не случилось. Некоторое недомогание испытал лишь первый министр, приглашенный на королевское развлечения, а я свалился с жуткой лихорадкой. Жар поднялся еще в полночь. Доктора нашли не сразу, он появился уже после рассвета. Врач решил, что это отравление вызвано непривычной для меня пищей. Мне промыли желудок, выдали омерзительную микстуру и оставили поправляться. Однако уже к вечеру я не мог оторвать головы от подушки. Меня трясло так сильно, что казалось, будто мои зубы раскрошатся от дробы, которую выбивали.

Гостан переполошился, и меня спешно отправили из королевской резиденции на берегу моря во дворец. Там меня осмотрел уже другой доктор, пользовавший самого государя. Его приговор оказался намного страшней, чем отравление — горячка Хольнига. Вы слышали о такой болезни, Фло? У нас она почти не встречается, потому что в некотором роде экзотична, и причиной ее стали моллюски, не прошедшие необходимый процесс вымачивания перед приготовлением.

Болел я долго и мучительно. Королевский доктор оказался настоящим мастером своего дела. Он поставил меня на ноги, но произнес приговор, уничтоживший всякие надежды на будущее — бесплодие. Последствия горячки Хольнига многообразны, и бесплодие является одним из следствий этой болезни. Поначалу я воспротивился диагнозу и обошел несколько известных докторов Фалабрии, но они твердили в один голос, что последствия для мужского организма широко известны и необратимы. Я подолгу сидел в библиотеке Медицинской Академии, изучая всё, что в ней было по трудам Хольнига и его исследованиях. Я так надеялся, что найду опровержение, но... В общем, домой я возвращался в самом мрачном

состоянии духа.

Передо мной стояла дилемма: жениться и надеяться на лучшее, зная, что заведомо лишаю любимую девушку возможности стать матерью, или же разорвать помолвку, наступив на горло собственным чувствам и дать ей шанс на счастливое материнство с другим мужчиной. Конечно, я не сразу принял окончательное решение. Изначально я явился к своему доктору, известному светиле медицинской науки. Он развел руками, горько вздохнул и покачал головой. Единственное, что предложил мне мой врач — попытаться исцелиться. Он не дал мне окончательной надежды, даже не обещал излечения. Промучившись сомнениями еще некоторое время, я решился разорвать помолвку.

Скандал был жутким. Известная вам особа впервые тогда показала свой далеко не кроткий нрав, однако я остался непреклонен. Мой отец, зная о причинах разрыва, был на моей стороне, и королевское недовольство мы сумели усмирить. Нет, Фло, я не сложил руки, я взялся за лечение, предложенное мне доктором. Ездил и к святому источнику, и даже позволил известному знахарю взяться за мой недуг. С того времени я стал несколько невоздержан в связях, заслужив славу первого сердцееда столицы. После, повзрослев и поумнев, я умерил свои похождения. У меня было много женщин, дорогая. И всё это я говорю вам лишь для того, чтобы вы знали, ни одна из моих любовниц ни разу не сказала заветной фразы: «Я беременна, Аристан». Признаюсь еще в одной низости, но я ждал. Надеялся, что подобное прозвучит. Поначалу я ждал, потом принял данность — для своих женщин я безопасный любовник, и ничего кроме удовлетворения им дать не могу. Идеальный любовник для замужних дам. — Диар усмехнулся и замолчал на некоторое время, переводя дыхание. Однако вскоре продолжил. — Впрочем, лечение я не бросал, и после того, как мой доктор сказал, что сделал всё возможное, я решился на... скажем так, эксперимент. Найдя женщину из простого сословия, вдову, еще молодую и довольно миленькую, я заключил с ней договор. На протяжении года она оставалась моей любовницей и не имела права вступать в сношения с другими мужчинами. Я купил ей дом, назначил содержание и регулярно посещал ее. Вдова уже имела двоих детей, и упрекнуть ее в бесплодии было невозможно. По договору, если она понесет от меня, я брал на себя обязательства продолжать выплачивать содержание пожизненно и принимать живейшее участие в жизни своего ребенка, если беременность случится. Спустя семь месяцев наших отношений с той женщиной, она сказала те самые три заветные слова: «Аристан, я беременна». О-о, это был невероятный день, любовь моя! Мне казалось, что за моей спиной развернулись крылья. Лечение дало результат, и теперь я мог задуматься о своем будущем. Но я решил дождаться рождения младенца, взять его на руки и лишь после строить планы.

Я окружил ту женщиной заботой, едва ли не переселился к ней. Нанял лучшего доктора, чтобы он следил за здоровьем моей любовницы, детям нанял няньку, ее возил на различные увеселения. Всю ее беременность я жил надеждой. Слушал шевеление младенца, радуясь, как мальчишка. Подготовил детскую. Богиня, да я готов был носить на руках ту женщину. И когда пришло время родов, меня уведомили немедленно, и я, бросив все свои дела, помчался в ее дом. Ждал, волновался, переживал... Когда я услышал крик младенца, едва не расплакался, как мальчишка, даже руки затряслись. А потом мне подали ребенка... Фло! — вдруг воскликнул его сиятельство и горько рассмеялся: — У младенца были черные волосы! Вдовушка рыжая с голубыми глазами, я светловолосый и сероглазый, а младенец черноволос, и глаза его имели карий цвет. Точь-в-точь водовоз, доставлявший в дом вдовы воду. Вернув младенца матери, я нашел подозреваемого в настоящем отцовстве. Мужчина

сознался, что являлся тайным любовником вдовы. Не знаю, можете ли вы вообразить мое падение с небес на землю, но оно было ошеломительным. Мне понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя. После этого я потерял всякую надежду и новых экспериментов не устраивал, приняв свое бесплодие, как данность.

Я люблю детей, дорогая, и всегда желал стать отцом. Богиня нанесла мне самый сокрушительный удар, забрав свой дар продолжения рода. Согрешил ли кто-то из моих предков, или же в том моя вина — не знаю. Но факт остается фактом — за пятнадцать лет моей богатой на интрижки жизни, не случилось ни одного зачатия. Мои чресла пусты, любовь моя, и дать начало новой жизни я не могу.

— Но... — начала я, однако диар прервал меня жестом.

— Подождите, Флоретта, я еще не закончил каяться. Теперь мы можем перейти к постыдному договору.

Его сиятельство снова замолчал. Он отвернулся в сторону окна и некоторое время смотрел на белое от облаков небо. А я смотрела на него и страдала от ненужного сейчас желания подойти к нему, сесть рядом и положить голову на плечо. После взять за руку, накрыть ею свой живот и сказать так, чтобы он не посмел усомниться: «Богиня услышала ваши молитвы». Но я осталась сидеть на своем месте, понимая, что долгие годы напрасных надежд успели отвратить диара от веры в возможность собственного отцовства. Я не усомнилась ни на мгновение в том, что сейчас Аристан, наконец, говорит то, о чем опасался говорить столько времени, и теперь я понимала почему. Ведь он считал, что обрек меня на бездетный брак, не предупредив об этом. Впрочем, скажи диар еще во время своего сватовства о том, что мне никогда не стать матерью, я бы не посмела ни возмутиться, ни отказаться. Его благодеяния стали спасением для моей семьи. К тому же я и не ожидала, что сумею выйти замуж и родить ребенка, значит, и условие бесплодного брака смогла бы принять спокойно.

Но ведь сейчас брак перестал быть таковым! Только как убедить мужчину, уверовавшего в диагноз врачей, поверить, что он состоятелен, как отец и продолжатель рода? Смогу ли я вообще докричаться до него? Как доказать, что то, во что он уверовал — ложь?

— Проклятье, как же сложно открыто признаваться в собственной гнусности, — вдруг заговорил Аристан. Снова ожесточенно потер лицо и поднялся на ноги. Его сиятельство прошелся по моей бывшей спальне из конца в конец, все же подошел к окну и уселся на подоконник. В мою сторону он не смотрел, предпочитая рассматривать вид за стеклом. — И все-таки я должен рассказать вам всё. Лучше вы узнаете правду от меня, а не от... моего племянника.

— Он сказал, что вы любите только свою первую невесту, — выпалила я, спешно прерывая его. Чувство, что то, что я сейчас услышу доставит новую боль, было столь сильным, что я не выдержала. Хотелось оттянуть признания диара еще хотя бы ненадолго, и я сказала первое, что пришло мне на ум.

Аристан обернулся ко мне, и на лице его было написано неподдельное изумление.

— Он сказал, что вы всегда любили только ее, и пали перед ней на колени, как только снова увидели. И что за пять лет ваших отношений, у вас не было иной женщины. И еще, что вы вернетесь к ней, как только я прискучу вам, — произнесла я на одном дыхании.

— Какая чушь, — диар брезгливо передернул плечами. — Если что-то и грело мою душу по отношению к той женщине, так это воспоминания о несбывшихся надеждах. Но возобновление отношений принесло только разочарование, я вам это рассказывал. И уж

начинать с ней что-то заново мне бы и в голову не пришло, даже если бы я к вам ничего не испытывал. Что до того, что за эти пять лет у меня было иной женщины, то история с вдовой произошла именно в этот период. Сына водовоза она родила два года назад. И если сложить семь месяцев, в которые я часто навещал ее, и еще девять месяцев, пока ждал разрешение от бремени, то уже никак не выходит пять лет верности известной вам особе. Я никогда не афишировал свои связи, это могло бы скомпрометировать даму. Если мужчина связывается с женщиной для близких отношений, он берет на себя ответственность за ее репутацию и честь. И сердцеedom меня называли не за обильные связи, а за популярность у дам. Сколько у меня было любовниц на самом деле, и кто это, знаю только я сам и никто более. — Супруг ненадолго замолчал, пристально вглядываясь в меня. — Фло... вас эти слова подтолкнули в объятья Эйнора?

В первое мгновение я поперхнулась воздухом, а после... После пришла ярость, дикая необузданная. Вскочив с постели, я огляделась, и, подбежав к столику, где стояла гипсовая статуэтка, схватила ее и швырнула в сторону диара. Статуэтка упала, так и не долетев, раскололась на части, и я затопала ногами, заорав, что было мочи:

— Я никогда не была в объятьях Эйнора!

Аристан, всё еще хмуро рассматривавший осколки статуэтки, но, так и не двинувшись с места, поднял на меня взор и спросил тихо, но отчего-то моя ярость пошла на убыль, сменившись испугом:

— Тогда кто?

— Никто! — ожесточенно ответила я и вернулась на кровать, тут же сбросив с нее подушку, излив на нее остатки своей злости. — Почему вы мне не верите, Арис? Ведь вы же просили верить вам, и я верила, так почему же вы не хотите поверить мне? Почему верите своему племяннику, которого сами неоднократно называли негодяем?

Слезы бессилия навернулись на глаза, но я сердито стерла их и с вызовом взглянула на своего мужа. Он шумно выдохнул и сменил положение, теперь повернувшись ко мне лицом.

— Не скрою, в рассказе Эйна имеются слабые места, к тому же я знаю, по крайней мере, несколько причин, по которым племянник может мстить мне, особой веры ему нет. И если бы вы не подтвердили, что беременны...

— Золотце! — воскликнула я. — Вы же нашли ее, мне сказали горничные. Как бы я добровольно бросила свою лошадь?

— Эйнор сказал, что она отвязалась, — усмехнулся Аристан. После потер подбородок и потребовал: — Рассказывайте.

— Что? — изумилась я.

— То, что говорили в кабинете. Как вы очутились в охотничьем домике? Что произошло с момента, когда мы расстались в Кольберне?

Скрывать мне было нечего, и я перечислила все события прошедшего дня. Его сиятельство слушал меня внимательно, но когда я дошла до встречи с Эйнором, подался вперед, и черты его лица приобрели непривычное жесткое выражение. Я вдруг занервничала, не понимая, верит ли он мне, или нет. Мой рассказ стал более сбивчивым, должно быть, из-за волнения, и пересказывала я всё, что сказал мне младший Альдис, дрожащим голосом, запинаясь и замолкая время от времени, чтобы перевести дыхание.

— Почему вы волнуетесь? — наконец, спросил Аристан.

— Опасаюсь вашего недоверия, — призналась я. — Но я не лгу!

— Вам незачем волноваться, — ответил супруг. — Почему отсутствовал привратник на

воротах, я могу легко узнать. Так же мне не составит труда найти этого Тэба и допросить с пристрастием.

— А дядюшка Элиб?

— Вы были на кладбище, в этом у меня нет сомнений. Во-первых, это я вижу по вашему рассказу, а во-вторых, вас искали не только те, кого вы видели. Когда я направлялся к вам сюда, мне успели доложить, что следы Золотца вывели к погосту. И сторож рассказал, что вы навещали могилу матери. Но, если говорить языком судейских чиновников, это еще ничего не доказывает. На кладбище вы были засветло, в охотничьем домике ночью. Однако, выражаясь тем же языком, это подрывает правдивость показаний Тэба, якобы видевшего вас, когда вы только покинули поместье, вместе с мужчиной. Из поместья вы выехали одна, и в этом нет никаких сомнений, и до кладбища ехали одна. И возвращались в одиночестве. Благодаря снегу, не растаявшему за ночь, мои люди определили, что на дороге к вам присоединился всадник. И это вновь подтверждает ваш рассказ...

— Так почему же вы мне не верите?! — изумилась я.

— Проклятье, Фло! — воскликнул диар. — Беременность случилась не этой ночью! Вы забеременели месяц назад. И мой подлец племянник в это время уже был здесь. Потому я могу поверить, что он насильно увез вас вчера и сделал все, чтобы я поверил в вашу связь. Признаться, в первое мгновение, когда я увидел вас в дверях охотничьего домика, а Эйна, сидевшего на кровати, на которой провели ночь явно двое, я вспылil. Но пока ехали до поместья, я смог подавить свою ревность и немного очистить голову. Пока я слушал племянника, мне удавалось держать себя в руках, глядя скептически на его признания. Но слова о беременности выбили из-под моих ног почву. А после, когда вы их подтвердили...

— Я всегда думала, что мужчины иначе реагируют на известия о том, что их ожидает скорое отцовство, — с обидой ответила я и отвернулась.

Аристан поднялся с подоконника и направился в мою сторону. Его шагов я не слышала, их поглотил ковер, только вздрогнула, когда пальцы супруга мягко обхватили мой подбородок. Повернувшись к нему, я судорожно вздохнула, обнаружив лицо диара совсем близко.

— Фло, зачать и вырастить собственное дитя — моя величайшая мечта. И я был бы счастливейшим из смертных, если бы это оказалось возможным, — негромко произнес супруг.

— Но...

— Но пять профессоров, двое из которых пользуют особ королевской крови, сказали «невозможно». Пятнадцать лет, пятнадцать бездетных лет, доказали их правоту. Я бесплоден.

Я мотнула головой, пытаюсь справиться с подступающей истерикой, почти справилась, и все-таки воскликнула со слезами в голосе:

— Вы лечились!

— Мой доктор сказал, если лечение и даст результат, то в ближайшее время после его окончания. Прошло три года, любовь моя. Годы, не месяцы. Двенадцать лет разнообразных процедур не принесли результата. Мне бесконечно жаль, но поверить в чудо я не в силах. Я слишком долго ожидал его и могу с уверенностью сказать: чудес не бывает. Я — живое тому доказательство.

— А я, Арис? Как же я? — прошептала я, уже не в силах сдерживаться. — Ведь я же беременна...

— И я не откажусь ни от вас, ни от ребенка, — ответил диар и криво усмехнулся. — В конце концов, ради этого я женился. Я приму его, как своего, но в дальнейшем я не оставлю вам и шанса на... шалости.

— Что? — слезы в одно мгновение высохли, истерика сменилась новым приливом ярости.

То, что я ударила мужа, я осознала, лишь услышав хлесткий звук пощечины. Он прикрыл глаза, слегка поморщился и отстранился. Я вскочила с кровати, вытянувшись перед ним в полный рост, сжала кулаки и в гневе воскликнула:

— Да как вы смеете?! Как вы осмелились говорить мне это?! Вы... Вы... Вы отвратительный человек! Подите прочь!

— Фло... — его сиятельство попытался взять меня за плечи, но я отбила его руки и отскочила в сторону.

— Не смейте прикасаться ко мне! Слышите? Не смейте говорить мне всех этих ужасных вещей!

— Фло, проклятье, — Аристан откинул голову назад и протяжно вздохнул. — К чему ваша ярость? Я ведь принимаю...

— Убирайтесь! — завизжала я, топая ногами. — Убирайтесь немедленно и не смейте показываться мне на глаза, ваше сиятельство! Ваше благородство отвратительно...

— Отвратительно?! — вдруг взвился Аристан. — Стало быть, вам отвратительно то, что я не устроил вам сцены и пришел с целью примирения, не смотря на то, что вы...

— Что я?! — воинственно спросила я.

— Что вы беременны, — буркнул диар и отвернулся от меня.

Я подскочила к нему, обогнула и встала на цыпочки, чтобы казаться выше и внушительный, и всё равно на уровне моих глаз оказался только подбородок и губы супруга. Вновь сжав кулаки, я воскликнула с прежней яростью, нацелив ему палец в нос:

— Да, беременна! Представьте себе, беременна. Еще как беременна! И когда я рожу, и вы увидите, чей это ребенок, я не подпущу вас к нему. Будьте уверены, я налечу на вас коршуном, я буду биться, как тигрица, и вы еще пожалеете, но будет поздно. Вы сами отказались от своего дитя, и я вам этого не забуду, ваше сиятельство. — После отошла, гордо вскинула голову: — И в вашу спальню я больше не приду. И ночевать я буду тут. Раз уж вы когда-то определили мне место вдали от себя, стало быть, так и будет. А что вы намереваетесь делать, меня более не волнует. Подите вон, вы мне неприятны.

Диар приблизился ко мне, заглянул в глаза и тихо, но пугающе спросил:

— Совсем не волнует?

— Подите, — упрямо повторила я.

— Отлично, — ответил Аристан, устремляясь к выходу. — Женат, но свободен, не это ли мечта многих мужчин в браке? Счастливо оставаться, ваше сиятельство.

— Счастливо провалиться, ваше сиятельство! — крикнула я ему вслед.

А когда захлопнулась дверь с такой силой, что я услышала звук посыпавшейся штукатурки, я добрела обратно до кровати, села на нее и рассеянно подумала, что так и не дала Арису закончить его историю.

— Теперь и не узнаю, — всхлипнула я.

А после снова повалилась на кровать, разрыдавшись уже в полный голос. Это была первая настоящая ссора с тех пор, как в нашу семью пришли любовь и счастье. Но если супруг не поверит мне, у нас уже не будет ни счастья, ни ссор, ни примирений, потому что

жить с мужчиной и знать, что он без всякой вины считает, что ты была ему неверна, а собственного ребенка приемным — невыносимо.

— Мать Покровительница, вразуми его, — простонала я и предалась очередной порции страданий.

ГЛАВА 19

Поместье диара дышало тишиной. Она была неприятная, напряженная, холодная и пугающая. И я, и супруг хранили молчание, выдерживая характер и испытывая друг друга на прочность. Он справлялся о моем здоровье через горничных, я о его сиятельстве через камердинера. Прислуга, поддавшись настроению хозяев, тоже притихла. Люди разговаривали, едва ли не полупшепотом, словно опасаясь нарушить мрачную тишину, расплзавшуюся по коридорам дворца, словно огромная чернильная клякса.

Я так и не покинула своих бывших комнат и через своих женщин узнала, что в супружеские покои Аристан тоже не вернулся. Сейчас он обживал гостевые комнаты, не пожелав оставаться вблизи наших совместных комнат. Впрочем, поместье он покидал нечасто и служащие управы и другие посетители навещали к нему сами. Я видела их в окно, но не выходила приветствовать. Я вообще в эти дни не желала никого видеть и сказалась больной даже для дам из благотворительного комитета, решив встретиться с ними, когда найду в себе хоть какое-то равновесие, иначе встреча грозила бы перерасти в одно сплошное недоумение. Меня кидало то в слезы, то я вдруг преисполнялась воинственности, но впадала в апатию и подолгу сидела у окна, глядя в пустоту застывшим взглядом. А еще я отчаянно скучала по своему мужу и его пожелания доброго утра или спокойной ночи, переданные через прислугу, хоть немного, но грели мою истерзанную душу. И пусть это было всего лишь проявлением вежливости, однако давало мне знать, что про меня не забывают.

В первый день после скандала я получила приглашение за завтрак, но отказалась от него, даже не задумавшись. Но уже к обеду я передумала и решилась спуститься в столовую, однако оказалось, что его сиятельство покинул поместье, сказав, что будет обедать в Кольберне. К ужину он был уже дома, но я велела своим горничным передать, что собираюсь пораньше лечь спать, а потом сидела и прислушивалась, когда за мной придут. Но никто так и не явился, и следующий день я провела полностью в своих покоях. На третий день завтракала опять у себя, но к обеду спустилась без предупреждения и обнаружила только один прибор: меня не ждали.

В это мгновение в столовую вошел Аристан. Я демонстративно изломила бровь, и он велел невозмутимо, даже чопорно:

— Накройте для ее сиятельства.

Впрочем, приказание было излишним, лакей, прислуживающий за столом, уже отправился за приборами для меня. Я прошла к противоположному концу стола, нарушая тем самым привычный уклад, потому что мы с супругом обычно сидели за столом рядом. Диар занял свое место, встряхнул салфетку и накрыл ею свои колени, кажется, даже не обратив внимания, что я выбрала наиболее удаленное место от него. Лакей, спешивший накрыть мне стол, замешкался, не сразу заметив, куда я переместилась.

— Ее сиятельство заняла положенное ей место, — не глядя ни на меня, ни на лакея, произнес Аристан.

Я вспыхнула поначалу, но быстро осознала, что ничего оскорбительного в словах супруга нет, и он всего лишь точно указал мое местонахождение. По этикету мне полагалось сидеть напротив мужа, а не рядом с ним. По тому же этикету, который я изучала заново наравне с другими науками перед нашей свадьбой, диару дозволялось иметь небольшую свиту, диаре даже полагалось иметь фрейлин, числом не более семи дам, и при наличии двора местоположение за столом было бы оправдано. Однако данные правила писались еще двести пятьдесят лет назад, и с тех пор очень многие положения упростились, став необязательными, и мы с Арисом даже не заговаривали о старых законах светской жизни. Ни ему, ни тем более мне свита была не нужна.

Во время трапезы я украдкой бросала на диара осторожные взгляды. Он, кажется, вовсе не замечал меня. Но вдруг поманил к себе одного из лакеев и что-то сказал ему. Тот поклонился и направился в мою сторону, после поклонился и произнес:

— Ваше сиятельство, их сиятельство передают вам, что сегодня чудная погода, и приглашают вас на прогулку по парку.

— Узнайте у его сиятельства, изменил ли он свои взгляды за прошедшие дни, — ответила я.

Лакей поклонился, вернулся к Аристану и передал мой ответ. Наш вестник отвесил очередной поклон и вернулся ко мне:

— Ваше сиятельство, их сиятельство просили передать, что не сменили ни намерений, ни взглядов.

— Тогда передайте его сиятельству, что я отклоняю его приглашение, потому как продолжаю настаивать на собственных убеждениях. — Лакей уже собрался отойти, но я остановила его. — Полюбопытствуйте у его сиятельства, как проходят дни его свободы.

— Слушаюсь, — склонил голову мой вестник и отправился к адресату.

Вскоре он вернулся ко мне с ответным посланием.

— Ваше сиятельство, их сиятельство просили отметить, что стойкость в убеждениях — это похвальное качество, однако ваше нежелание идти на диалог их сиятельство чрезмерно огорчает. На второе ваше послание их сиятельство ответили, что в делах и заботах о диарате они не успевают заметить своей новообретенной свободы. В свою очередь их сиятельство интересуются у вашего сиятельства, когда вы намерены вернуться к своим обязанностям и возобновить деятельность, угодную Богине?

— Передайте его сиятельству, что не страдаю провалами в памяти и о своих обязанностях помню отлично.

— Ваше сиятельство, — вернулся ко мне лакей, — их сиятельство интересуются, все ли обязанности вы имеете в виду, или же только их часть?

Я подняла голову и посмотрела на супруга. Он сидел, откинувшись на спинку стула и скрестив на груди руки. Диар ответил мне вопросительным взглядом.

— Передайте его сиятельству, что уроки своего наставника о нравственности д'агнар Альдис прослушал вполуха, — отчеканила я, сердито откинув салфетку.

Лакей невозмутимо поклонился, но я заметила легкий румянец, окрасивший щеки мужчины, и вернулся к Аристану. Тот с явным интересом выслушал послание и передал ответ. Наш вестник вернулся ко мне несколько растерянный.

— Ваше сиятельство, их сиятельство просили отметить, что смысл невинного вопроса может... хм, простите, извратить лишь особа, не слушавшая уроки о нравственности вовсе. Их сиятельство уточняют, что имели в виду обязанности диары, предписывающие ей следить

за светской жизнью в диарате, также их сиятельство напоминают, что завтра день рождения агнара Тагнилса, и коли семейство Альдис отклонило приглашение из-за нездоровья вашего сиятельства, то вам нужно написать поздравление.

— У его сиятельства отвالتها руки написать поздравления самому? — раздраженно спросила я, уязвленная словами супруга.

— Их сиятельство предвидели такой вопрос и отвечают, что подобными посланиями предписано заниматься женщине, а также напоминают, что сейчас заняты судьбой Бримской округи.

Поджав губы, я некоторое время сверлила взглядом Аристана, после поднялась со стула и направилась прочь из столовой, однако повернула назад, так и не дойдя до двери. Лакей вернулся к диару, и свой ответ я дала уже при муже:

— Передайте его сиятельству, — отчеканила я, не глядя на диара, — что я учла замечание и поздравления агнару Тагнилсу напишу. Остальное его сиятельство узнает из рукописного послания.

— Передайте ее сиятельству, — донесся до меня голос Ариса, — что я буду у себя в кабинете, и свои послания она может отправить по этому адресу.

Из столовой я вышла, сжав кулаки. Меня переполнял гнев, когда я думала о том, какой смысл диар мог вложить в слова об извращенном понимании невинного вопроса. Я так ясно видела намек на мою неверность, что желание вернуться и надавать мужу пощечин подавила только усилием воли. Потому, вернувшись в свои комнаты, я первым делом потребовала перо, бумагу, чернила и сургуч. Свою личную печать, которую мне отлили по заказу Аристана еще до свадьбы, я взяла из запертой шкатулки сама.

Получив требуемое, некоторое время сидела над своим гневным посланием. Первый лист уже горел в камине, потому что я осталась недовольна тем, что написала, и теперь пыталась составить письмо, наполненное тонкой иронией и язвительными замечаниями. Однако, так и не сумев воплотить свой замысел, написала всего две фразы: «Я не падшая женщина. Не смейте так называть меня». После сложила свое послание и запечатала сургучом, поставив личный оттиск. Адрес, написанный на письме, гласил: Поместье Альдис, рабочий кабинет диара. Его сиятельству д'агнару Аристану Альдису.

Письмо унесла моя горничная, а с ответом вернулся уже камердинер супруга. Адрес на обратном послании тоже имелся: Поместье Альдисов, комнаты диары. Ее сиятельству д'агнаре Флоретте Альдис. Я сломала сургуч с оттиском печати диара и пробежала глазами ответ: «Не приписывайте мне эпитетов, которых я никогда не подразумевал». Разумеется, меня этот ответ не успокоил, и мое новое письмо отправилось к супругу, как только я его закончила. Теперь строк было несколько больше, потому что я указывала ему на фразу, которая навела меня на эти мысли.

Ответ диара оказался короток и лаконичен: «Вы ошиблись. Я имел в виду иное». И всё. Никаких пояснений, которые удовлетворили бы меня и умилили недовольство. Это стало причиной третьего послания, в котором я требовала дать более развернутый ответ. Но получила следующее: «Желаете поговорить? Мое приглашение на прогулку по-прежнему в силе». Фыркнув, я ответила: «Пока вы не измените своих убеждений, никаких разговоров быть не может». Больше посланий не было.

От чувства бессилия я изорвала всю бумагу, лежавшую на моем столе, оставив лишь один лист, на котором написала большими буквами слово «осел», а после сожгла его, так и не отправив тому, кому предназначался сей эпитет. На ужин я уже не явилась, поев в своей

комнате. И спать легла, не пожелав в ответ спокойной ночи. Меня распирало от негодования, но как его выразить, кроме очередного разгрома, я не представляла. Однако громить комнаты, в которых живешь, мне показалось глупо, потому что нового переезда я не желала. Комнаты остались в сохранности, а я вертелась в постели половину ночи, мысленно высказывая сиятельному слепцу всё, что лежало у меня на душе.

Утром четвертого дня я проснулась совершенно разбитой, сказала бессонная ночь. Провалиться в краткое тяжелое забытие мне удалось только перед рассветом, потому вставала я с головной болью и не в лучшем расположении духа. И обнаруженная на прикроватном столике ваза с цветами из оранжереи, вкуче с запиской супруга, где он желал мне доброго утра и приятного дня, вызвали у меня глухое раздражение. А еще до невозможности захотелось замороженных сливок с орешками и кусочками ягод. От осознания, что свежих ягод сейчас уже нигде не найти, на глаза навернулись слезы, и записка супруга показалась мне настоящим издевательством. Ну какой может быть приятный день, когда у меня нет замороженных сливок с орешками и кусочками свежих ягод?

— Это невыносимо! — воскликнула я и разорвала записку в клочья.

Пока приводила себя в порядок, продолжала скрипеть зубами и мысленно упрекать мужа в жестокости. Однако когда вернулась в спальню и увидела горничную с совком, уносившую обрывки записки, я снова посмотрела на цветы и хлюпнула носом.

— Пойдите, — велела я.

Собрав клочки с совка, я постаралась не заметить изумления в глазах женщины, вернулась на уже заправленную кровать и начала складывать мозаику. И с чего я увидела издевательство в поступке диара? Вежливое приветствие, только и всего. Еще и цветы — знак внимания мужа к своей жене. Это ведь приятно! И сливок мне уже не хотелось. Зачем мне сливки, когда наш кондитер готовит чудесные пирожные?

— Пусть мне принесут пирожных со сливками, — велела я. — И чтобы непременно с орешками. И с фруктами.

Горничная поклонилась и поспешила на кухню с моим повелением, а когда вернулась без пирожных, сообщив, что их уже спешно готовят для меня, я ощутила себя преданной. Взгляд упал на клочки многострадальной записки, и я в сердцах отправила ее в пламя камина. После отряхнула руки и спросила:

— Где находится его сиятельство?

— Кажется, отправился завтракать, — опешив, ответила женщина.

Кивнув ей, я схватила вазу и поспешила в столовую. Ворвалась в нее, подобно вихрю, подлетела к столу и водрузила на него ни в чем неповинную вазу. После грозно свела брови, глядя на изумленного до крайней степени супруга, и... гнев исчез, будто его и не было. Я смотрела на черты горячо любимого мужчины и понимала, как истосковалась по нему. Взгляд сам собой скользил по высокому лбу, по прямому аристократическому носу, по губам, умевшим дарить упоительные поцелуи, и весь боевой пыл сменился желанием броситься ему на шею. А потом остановился на ямочке на подбородке, и я совсем умилилась.

— Что случилось? — осторожно спросил меня Аристан, явно заметив мои метаморфозы.

А я... Я не нашла, что сказать, только всхлипнула, указала на вазу и прочувствованно произнесла:

— Спасибо.

— Э-э... — в конец озадачился супруг, но все-таки кивнул и неуверенно улыбнулся. — Рад был сделать вам приятное. Фло, вы плачете? Вас так растрогал мой маленький дар, или расстроил?

— Это было так мило, — снова всхлипнула я и протянула к нему руки, издав мученический стон: — Арис...

— Фло, — как-то не менее прочувствованно воскликнул диар и устремился мне навстречу. Я оказалась сжата в его объятьях, ощущая настоящее вселенское счастье, и слышала его тихое: — Мне не хватает тебя.

— Арис, — совсем уж расчувствовалась я и потянулась к нему, прислуга вежливо повернулась к нам спинами.

Супруг склонился к моим губам, готовый поцеловать, но я немного опомнилась и прошептала прежде, чем его сиятельство поцеловал меня:

— Ты ведь поверил, что это твой ребенок?

— Это в любом случае мой ребенок, — с улыбкой произнес Аристан.

Умиление смыло словно ледяной волной. Я сузила глаза и переспросила:

— Значит, не верите?

— Фло, — простонал его сиятельство, — ну услышьте же меня, пятнадцать...

— Вы... Вы просто сиятельный осел! — зло воскликнула я, отталкивая от себя супруга.

После развернулась на каблучках домашних туфелек и устремилась прочь из столовой. Однако опять не дошла до дверей, вернулась назад, подхватила со стола вазу с цветами и удалилась окончательно с гордо поднятой головой. Меня никто не догонял, не останавливал и не спешил порадовать искренним раскаянием. Ну или хотя бы возразить на мое оскорбление. Это прибавило накала моему негодованию.

Однако дойдя до своих комнат, замедлила шаг и изумленно уставилась на вазу. Осознание собственного ненормального поведения стало подобно грому небесному. Я даже понюхала цветы, чтобы спрятать за ними свои смущение и растерянность. После воровато обернулась, но диара по-прежнему не было видно. Я с облегчением выдохнула и юркнула за дверь своих покоев, продолжая изумляться самой себе. Вспомнила все свои странности за утро, потом оскорбление, брошенное в лицо супругу, и... ощутила умиротворение и даже согласие с самой собой впервые за четыре дня. Мое настроение немного приподнялось, и вазу я ставила на стол, уже довольно улыбаясь. Чтобы со мной ни происходило, но оно явно позволило мне выплеснуть скопившееся напряжение. Особенно меня радовало признание Аристана: «Мне вас не хватает». Стало быть, ему тоже несладко от нашей размолвки. Может и сумеет мне поверить? Иначе...

— Ох, Богиня...

Иначе я просто не понимала, что мне делать. Но точно знала одно — жить с мужем, который будет помнить о моей «измене», я не смогу. Совсем не смогу. Как же? Знать, что чиста, а смириться с грязью, в которой меня изваляли? Жить и бояться сделать шаг в сторону лишь потому, что супруг, уверенный, что я могу изменить ему, в конце концов, начнет видеть подозрительное в моих поступках? Разве же он сможет совсем забыть о том, что «могла отдаться» другому мужчине? У меня совсем нет жизненного опыта, и нет того, кто смог бы мне подсказать, но я бы точно не забыла, даже если и простила бы. И что же? Червячок сомнений будет грызть Аристана, а я должна мириться с этим? Нет. Не хочу и не пойду на примирение на условиях диара.

Только вот как жить без него? Разве же возможно однажды совсем отказаться от лучистых серых глаз, от жаркого шепота в тишине спальни, от его милой привычки утыкаться во сне мне в шею носом и щекотно сопеть? Никогда более не услышать признаний в чувствах, или же уже ставший привычным призыв: «Идите ко мне, Флоретта». А как он произносит мое имя...

— Да что же со мной такое?! — воскликнула я, махнув рукой, и несчастная ваза полетела на пол, разбившись вдребезги.

Я некоторое время смотрела на осколки, чувствуя созвучие своим мыслям, промелькнувшим в голове только что. После собрала рассыпавшиеся цветы и ушла страдать в спальню. Уже по опыту прошедших дней знала, что лучшего места, чем эта спальня, для страданий не найти. Упав на кровать, я некоторое время предавалась слезам, пока вконец не вымотала себя противоречивыми чувствами. Полежав некоторое время, уже ни о чем не думая, я встряхнулась и снова поднялась на ноги.

Вскоре горничные навели порядок в комнатах, убрав осколки, цветы поставили в новую вазу, а я села писать поздравления агнару Тагнилсу. А когда закончила и запечатала письмо, ко мне пришли удовлетворение и голод.

— Несите завтрак, — велела я. — И побольше. Мне кажется, я сейчас проглочу живого быка и даже не замечу этого.

— Ох, ваше сиятельство... — вдруг прикрыла рот рукой одна из старших женщин. — Уж не ребеночка ли вы ожидаете? И беспорядок учинили, и на его сиятельство ругаетесь, и аппетит...

— Радость-то какая! — воскликнула еще одна горничная.

— И что же это их сиятельство вам тут поселиться позволили? И сами ютятся в гостевых покоях, только требуют, чтобы мы о вас несколько раз в день сообщали? Или не знают еще? — вставила третья.

О моем положении ни я, ни супруг еще никому не объявляли. О чем мы говорили с ним, никто не слышал, да и как тут объявить, когда мы сами еще с этим положением не разобрались? Но более опытные женщины умудрились подметить, и теперь дружно смотрели на меня с восторженным ожиданием. А я... А я вдруг скривилась и уже привычно разрыдалась.

— Ой-й, — протянула первая, коротая так верно всё поняла.

— Да как же... — охнула вторая.

— И что же? — спросила третья.

— И ничего, — истерично ответила я, утерла слезы и сурово велела: — Завтрак.

— Конечно, ваше сиятельство, — засуетились женщины.

Ну вот, теперь еще и прислуга судачить начнет. И до чего они договорятся, одной Богине известно. Еще вспомнят клевету Тэба и то, что я не ночевала дома. Еще и подлеца Эйнора припишут, уж больно в эту картину славно вписывается. Да что же за наказание?! Теперь аппетит пропал вовсе. Плакать не хотелось. Было единственное желание: сбежать из этого дома под папенькино крыло. Однако надежда на то, что диар образумится, была еще жива.

— Унесите, — велела я, когда передо мной начали выставлять еду. Затем бросила взгляд на поднос и забрала тарелочку с румяными булочками. После откусила кусочек булочки, скосила глаза на поднос, который никто уносить не спешил, и забрала еще и чай. Однако снова посмотрела на всё, что мне принесли, и милостиво разрешила. — Так и быть,

накрывайте.

Пока я насыщалась, у меня мелькнула мысль, что я превращаюсь в самодура. Ну как такое возможно, чтобы так стремительно менялись желания? Неужто и правда это всё из-за беременности?

— Ваше сиятельство, — негромко позвала одна из женщин. — Простите великодушно, но вас не тошнит?

— Зачем меня должно тошнить? — изумилась я. — Отменная еда, вкусная.

Слова горничной меня неожиданно насторожили. Я даже прислушалась к себе, после обернулась к женщине и с подозрением спросила:

— Меня должно тошнить?

— Тех, кто в тягости, часто тошнит, — улыбнулась она.

— А если меня не тошнит, это что-то значит? Что-то плохое? — теперь я не на шутку встревожилась.

— Да что вы, д'агнара Флоретта, — поспешила успокоить меня другая женщина. — Меня вот не тошнило. У каждой ведь так, как Мать Покровительница решит. Не тошнит и ладно, а то на тех, кому дурно, и смотреть-то жалко.

Я еще раз прислушалась к себе, мне плохо не было, мне было даже очень хорошо. Пожав плечами, я с удовольствием доела все, что мне принесли и с удовлетворенным вздохом откинулась на спинку стула, блаженно протянув:

— Теперь совсем хорошо.

Неожиданно в дверь постучались. Одна из женщин направилась к дверям, за которыми оказался лакей. Он что-то передал горничной, и она вернулась ко мне с письмом. Я уже приготовилась увидеть послание от супруга, но оттиск был не диара, да и на конверте значилось только мое имя, без полного адреса и подписи отправителя. Заинтригованная, я вскрыла письмо и первым делом взглянула на подпись.

— Карлина Кетдил, любопытно, — вслух произнесла я и углубилась в чтение.

Карли писала, что имеет ко мне важный разговор и просит не отказать в милости. Она говорила, что не хочет заходить во дворец, потому что встречается со мной втайне от родителей. Просила выйти к ней и обещала, что разговор не займет много времени. Что-то нехорошее шевельнулось у меня внутри, и я потребовала:

— Дайте шкатулку с письмами.

Открыв шкатулку, я нашла несколько посланий от Карли, которыми мы обменивались с ней после игры в трефаллен. Сравнив почерк, я несколько успокоилась, письмо принадлежало руке юной агнары Кетдил.

— Его сиятельство у себя? — спросила я, решив изначально посоветоваться с ним, как поступить.

— Нет, — последовал ответ. — Его сиятельство отбыл в Кольберн, когда мы ходили за завтраком.

— Проклятье, — тихо выругалась, затем еще раз перечитала письмо, и любопытство победило.

Рассудив, что ничего дурного не будет в том, что поговорю возле ворот с Карлиной, я велела подать мне верхнюю одежду. Вскоре я уже выходила на улицу, жмурясь от солнечных лучей. День обещал быть чудесным, и я с наслаждением втянула носом прохладный воздух. Уверенно направилась к воротам, где меня должна была ожидать агнара Кетдил, сжимая в кармане ее письмо. Девушка просила его уничтожить, чтобы ее не могла скомпрометировать

весьма необычная просьба, но я уничтожать не торопилась. Теперь я хотела иметь под рукой то, что сразу всё расставит по местам, не допуская новых непониманий с супругом.

За воротами стояла карета, запряженная двойкой вороных. Карету я тут же узнала, на ней ко мне приезжали обе агнары Кетдил, потому, приветливо улыбнувшись, я помахала рукой и велела отпереть мне калитку. Через минуту я уже подходила к карете, дверца которой гостеприимно открылась, и я, чуть поколебавшись, все-таки забралась внутрь. Жизнерадостный до отвращения голос произнес:

— Безмерно рад нашей новой встрече, тетушка, — дверца захлопнулась, и экипаж тронулся с места. А до меня донеслось: — Я успел соскучиться без вас, дорогая.

Негодяй, уже разрушивший мое счастье, притянул меня к себе рывком, усаживая рядом, и крепко взял под руку.

— Дергаться не имеет смысла, Фло, я сильнее, — уже без тени улыбки произнес Эйнор. — Не беспокойтесь, вам ничего не угрожает... пока.

Я зажмурилась, отвесив себе мысленно оплеух. Как же глупо. Так глупо и бездарно попасться могла только ты, Флоретта! Зачем полезла в карету? «Затем, что уверилась, что меня ожидает Карлина Кетдил», — ответила я сама себе и протяжно вздохнула.

— Карли... почему? — только и спросила я. Вопрошать об очевидном смысла не было. Эйнор Альдис был здесь, и он вновь увозил меня прочь от дома моего мужа.

Молодой негодяй хмыкнул и с явным удовольствием ответил:

— О, дорогая, не думайте о Карли дурно. Малышка всего лишь прислушалась к моим мольбам и решила помочь примириться с дядей. А так как дядюшка души в вас не чаёт и непременно должен прислушаться, то она согласилась написать вам, чтобы попросить о встрече. Скажу больше, она намеревалась сама отправиться к вам и умолять помочь несчастному молодому человеку, попавшему по недоразумению в немилость к его сиятельству. Мы даже сговорились отправиться на встречу с вами вместе завтра, однако... Нам ведь не нужны посредники, дорогая?

Я подняла на него взгляд, впервые с того момента, как оказалась в западне, желая спросить, что он задумал на этот раз, но так и не произнесла ни слова, глядя с неприлично открытым ртом на повязку, закрывавшую один глаз младшего Альдиса. Заметила я и разбитые губы, невольно протянув совсем уж неучтиво:

— Ого. Что с вами случилось?

— Спросите у своего мужа, — сварливо ответил Эйнор. — Дядюшка становится совершенно невыносим, когда дело касается вас. Впрочем, меня воспитывать он всегда предпочитал жестко. Правда, забывал спросить, нужно ли мне его воспитание. В девятнадцать лет благословил собственноручной поркой.

— За что? — опять не удержалась я.

— За молодость и веселый нрав, — с вызовом ответил младший Альдис.

Мне тут же вспомнились рассказы супруга о его племяннике, после всё это сложилось с тем, что я уже знала об Эйноре, и порка показалась мне совершенно оправданной. Впрочем, об этом вслух я говорить не стала, только спросила:

— В этом причина вашей неприязни к Аристану?

— Неприязнь? — переспросил он. — О, нет, Фло, у меня нет к дядюшке неприязни. Я откровенно его ненавижу, вот так будет ближе к истине.

— Из-за того, что он поднимает на вас руку?

— Богиня, Фло, до чего же вы наивны! — воскликнул Эйнор, рассмеявшись, но тут же

болезненно покривился и прикрыл губы ладонью. — Нотаций я выслушал гораздо больше. До физического внушения дядюшка опускается нечасто. Но ревность — отличный повод получить от него по физиономии.

Я растерянно поморгала, вдруг сообразив, что Эйно́р доволен таким поворотом событий, и не смогла не поинтересоваться:

— Так вы намеренно доводили его до того, чтобы Аристан ударил вас? Эйно́р, вы безумец?

Он снова усмехнулся и стянул с головы повязку, открыв отвратительный синяк под глазом и разбитую, покрывшуюся коркой бровь.

— Я не безумен, — ответил молодой человек. — Но это невероятное удовольствие видеть, что я сумел достать его, что пробил ледяной панцирь этой невозмутимой сиятельной глыбы. И хвала Богине что он выбрал ту, которая сумела пустить трещину по монолиту непробиваемой защиты диара. Я так долго думал, в чем же его слабое место? Где мой дядюшка наиболее уязвим? И кто бы мог подумать, что слабым местом Аристана Альдиса станет его собственное холодное сердце? Знали бы вы, Флоретта, какие дамы готовы были пасть к его ногам, и ни одна из них не задела чувств диара. И вдруг невзрачный мышонок из провинции, милый в своей наивности и непосредственности, прогрыз дорожку туда, куда не долетали ядра из орудий светских львиц, опытейших соблазнительниц. Впрочем, готов признать, что понимаю дядюшку. Сложись обстоятельства иначе, пожалуй, и я бы смог вами по-настоящему увлечься. Вы и вправду чрезвычайно милы, однако судьба распорядилась иначе, и вы стали всего лишь слепым орудием мщения в моих руках.

— Мщения, — эхом повторила я. — Что же такого вам сделал ваш дядюшка, что вы решились разрушить его жизнь, сыграв на недуге диара? Зачем вы уверили его в том, что я ношу вашего ребенка?

Младший Альдис отвернулся к окошку, а мне стало безмерно жаль, что гипсовая статуэтка из моей спальни не сохранилась, и использовала я ее против не того человека. Неожиданно я осознала собственное спокойствие, пришедшее на смену утренним метаниям, и даже обрадовалась ему. Слезы и упреки только бы доставили удовольствие мерзавцу. Но ситуация ужасная. Что теперь подумает супруг, не обнаружив меня дома? И письмо лежит в моем кармане. Нужно было оставить его на столике... Но ведь Карли просила о неразглашения, и я послушалась. Хвала Богине, я хотя бы произнесла вслух имя отправителя. Теперь остается надеяться, что мои женщины передадут его диару, и он узнает у Карлины, что написать ее просил Эйно́р. Любопытно, какую причину ссоры назвал этот негодяй и как уверил в своей правоте девушку? Впрочем, тут я, кажется, знаю ответ. Эйно́р бывает мил и весьма убедителен, если желает этого.

— У меня много причин мстить этому бесчувственному чурбану, своему дядюшке, — снова заговорил младший Альдис. — И одна из них — мое разрушенное счастье. Он украл у меня любимую женщину, я лишил его жены. Что до вашего ребенка, то кто бы ни был его отцом, но это не мой дядюшка, и мы с вами оба это знаем.

— Прекратите клеветать на меня! — воскликнула я, на мгновение лишаясь своего спокойствия. — Я никогда не изменяла своему мужу...

— Бросьте, Флоретта, — отмахнулся Эйно́р. — Дядя бесплоден, и узнать об этом было невероятно приятно. И я бы мог усомниться в его неспособности зачать, если бы он не обратился ко мне с просьбой помочь ему в этом... интимном деле. Диар никогда бы не унился до подобного решения, если бы видел для себя иной выход. Это лучшее

доказательство того, что вы путались еще с кем-то. Но меня мало волнуют ваши шашни, главное, что вы оказались умницей и сделали всё за меня. Я-то думал, что мне придется надолго задержаться в Данбьере, пока вы, наконец, поддадитесь на мои ухаживания, и я выполню наш договор с диаром уже вопреки его желанию всё отменить.

Откинувшись на спинку сиденья, я закрыла глаза, с обреченностью понимая, что мне никогда не доказать своей правоты Аристану. Если уж Эйнор, не переживший пятнадцать лет разочарований, не верит мне, то как же диар сможет понять, что я чиста перед ним? Неужели он сомневался бы во мне, даже если бы его мерзавц-племянник не встрял меж нами? Выходит, он искал бы иного любовника и отца нашего дитя? Какая же гадость!

Стараясь не поддаваться чувствам, я вновь села ровно и перевела взгляд на молодого человека.

— Стало быть, вы должны были соблазнить меня? — глухо спросила я.

— Да, соблазнить, — кивнул Эйнор, поглядывая в окошко. — Дядюшка всё продумал. Он собирался держать вас на расстоянии, не позволяя проникнуться к нему симпатией. Одинокие дни, скучные ночи, никакой страсти, ничего, чтобы могло впечатлить его жену. А потом должен был появиться я, полная противоположность холодному и равнодушному диару. Закружить, увлечь, соблазнить, а по достижении результата исчезнуть, оставив дядю с его женой и моим ребенком. Меня это вполне устраивало, и я бы счел себя отмытым. Наставить рога безукоризненному дядюшке, оставить ему плод своих чресл, как напоминание о его собственном унижении. О-о, дорогая, я бы устроил вам настоящий вихрь страстей, и после меня вы бы ощутили всю пресность вашего бытия, возненавидев супруга за то, что он остался с вами, а не я. Однако... Случилось то, что случилось. Диар не устоял перед женщиной, предназначение которой состояло лишь в том, чтобы родить его сынятельству вожделенное дитя. А насколько он желает его, я понял, когда он пришел ко мне. Поверьте, что сознаваться в своей несостоятельности, что просить меня о подобной любезности для дядюшки было подобно смерти. Никому даже в голову не приходило, что Аристан Альдис может быть бесплоден. Абсолютно все были убеждены, что он закоренелый холостяк, а уж как он изворачивался, когда государь заводил разговоры о женитьбе, истинный змей. Да и я узнал об этом недуге только тогда, когда он пришел ко мне. А его бывшая невеста до сих пор убеждена, что он разорвал с ней помолвку по официально указанной причине...

— Она тоже с вами в сговоре? — тихо спросила я, памятуя о том, что мне наговорил Эйнор в ночь первого похищения.

Молодой человек, наконец, обернулся ко мне и изумленно приподнял брови.

— Кто? Эта салонная сплетница? Да я сам бы не стал с ней связываться, — ответил он с усмешкой. — Картинка хороша, должно быть, и в постели недурна, если уж дядюшка протянул с ней несколько лет, в остальном заурядная баба с длинным языком. Всё, на что ее может хватить, это пересчитать языком все косточки своему бывшему любовнику и его провинциальной женушке. Нет, Флоретта, если хочешь, чтобы всё вышло, как надо, то действовать стоит одному, и уж тем более не вовлекать в это женщину, склонную к самолюбванию и сплетням.

— Стало быть, о недуге Аристана никто не знает?

— Насколько я понял из слов дядюшки, знал только его покойный отец, да доктор, которого он посещал. Но старый диар умер семь лет назад, оставив сыну в наследство диарат, а доктор тайны не выдаст, иначе он потеряет доверие остальных

высокопоставленных пациентов, а лечить ему приходится болезни разного рода, — Эйно́р потянулся и пересел напротив. Теперь он смотрел на меня испытующе. — Вы слишком спокойны для женщины, узнавшей, что ее собирались подложить под другого, — заметил он. — Или же дядя во всем покаялся?

Я отвернулась к окну, машинально оценивая скорость кареты и возможности выскочить из нее на ходу. Сейчас, когда мой похититель не держал меня под руку, я могла бы попытаться... Но нет, от подобной затеи я отказалась, решив не рисковать своим дитя, ему и так, должно быть, не сладко все эти дни. Погладив живот, я вздохнула и посмотрела на младшего Альдиса, задумываясь, могла бы я поддаться его чарам? Наверное, да. Если сравнить того Ариса, которого я знала после свадьбы, и его племянника, каким он приехал в поместье, то выигрывал с большим перевесом Эйно́р. Веселый, легкий, шаловливый...

— Когда состоялся ваш разговор? — голос подвел меня, и мне пришлось некоторое время глубоко вдыхать, чтобы умирить сердцебиение. — Когда мы приехали в столицу?

Если он скажет, что Арис просил об... одолжении в те дни... Ох, Богиня, я не смогу взглянуть в глаза своего мужа, даже голос его слышать не смогу, это же... это так низко и гнусно. Это...

— Незадолго до его возвращения в диарат из столицы, — ответил младший Альдис, и я только сейчас поняла, насколько была напряжена в ожидании ответа. — Переговорив со мной, он отправился искать себе невесту.

— Значит, когда велся ваш разговор, еще не имелась в виду никакая определенная женщина, — кивнула я, немного успокаиваясь.

— Нет, определенной еще не было. Диар приступил к поискам, заручившись моим согласием. Иначе бы его затея не имела смысла.

— Почему вы?

— А кто, Фло? — Эйно́р развел руками. — Чтобы ни у кого не возникло сомнений в отцовстве, ребенок должен иметь фамильные черты, а у Альдисов они чрезвычайно сильны, как вы сами могли убедиться. Любое сомнение в родстве с диаром могло бы отразиться не только на чести его сиятельства и репутации его супруги, но и на будущем ребенка. Возможно, вы не знаете, но неродной ребенок не может наследовать диарат. Он может лишь получить земли, выделенные ему приемным отцом, но диаром никогда не станет. Если нет прямых наследников, и диар не назначит правопреемника из числа ближайших родственников, то диарат переходит во владения короны. А там уж как решит государь. Поставит нового хозяина, выбрав его из числа родственников покойного диара, или же назначит более удобного ему человека, но род, правивший этими землями, может навсегда утратить прежнюю власть. Меня своим наследником дядюшка не видел, потому его решение стало судьбоносным для всего рода Альдисов, а нас, знаете ли, представителей мужского пола осталось только четверо, и двое уже слишком одряхлели, чтобы править. И на наследников мужского пола рассчитывать уже не приходится, славные стариканы сумели зачать лишь дочерей. А их дети уже права на титул диара не имеют. Не будь меня, дядю женили бы насильно и... безрезультатно.

— Но кого же назначил своим наследником его сиятельство? Если не вы...

— Моего сына, — хмыкнул Эйно́р. — Если бы у меня родился сын, то, в случае безвременной кончины дядюшки, права на управление диаратом переходили королю до достижения совершеннолетия моим отроком. Более того, дядя распорядился и воспитание моего сына передать в руки самодержца, дабы он «не унаследовал пороков своего отца», —

молодой человек издевательски скривился, но быстро взял себя в руки и продолжил. — В случае же, если бы старший д'агнар Альдис продолжал жить и здравствовать, то он желал принять личное участие в воспитании своего правопреемника. Однако с момента вступления в брак по законам нашего государства прежнее завещание утратило силу. И опять же меня все устраивало. Я наставляю дядюшке рога, одариваю его супругу своим семенем, а он в свою очередь увеличивает мои земли, решает некоторые мои сложности и помогает сделать карьеру при дворе. Видите ли, наш король меня не особо жалует, и государственная служба для меня оказалась закрыта и всё из-за того же дядюшки, вложившего в голову Его Величества, что я имею дурной нрав...

Я была солидарна со своим супругом. Чем больше я узнавала Эйнора Альдиса, тем больше изумлялась столь огромному различию между родственниками. Серьезный и ответственный Аристан явно превосходил своего племянника наличием принципов, благородством и умением отвечать за свои поступки. То, что скрыл от меня всю неблагоприятность своей изначальной затеи, я могла понять. В подобном нелегко признаться. И его желание оттянуть час откровения было вполне оправдано. К тому же я помнила некоторые его неясные реплики, смысл которых было сложно уловить. Теперь я понимала, что он мучился между желанием заполучить желанное дитя и своими чувствами ко мне.

И мне вдруг стал жаль своего супруга, когда я представила его душевные терзания. Когда на одной чаше весов у него лежали: желание иметь ребенка, долг перед родом и необходимость позаботиться о будущем своего наследия, — на другую чашу легла любовь ко мне. Сколько он колебался? Сколько менял свое поведение, то отдаляясь, то вновь сближаясь со мной, и я даже знала точно, когда он принял окончательное решение. Во время нашей прогулки к источнику мой муж выбрал меня, избавив от унижительного соблазнения. То-то он смотрел зверем на Эйнора, пожаловавшего в тот день в поместье. Не это ли лучшее доказательство его чувств? Он пожертвовал будущим рода, ради маленькой полудикой бесприданницы. Должно быть, потому Богиня оказалась милостива к своему сыну, подарив ему дитя, его родное дитя, плод его чресл, плоть от плоти... Только как же помочь ему поверить в чудо, если диар закоснел в своей уверенности в невозможности зачать новой жизни?

— И всё же я не понимаю, — Эйнор поерзал на своем сиденье. — Вы так спокойны, я даже заметил сейчас на ваших устах улыбку. Вас вовсе не задевают намерения вашего супруга?

Я перевела взгляд на младшего Альдиса. Он был по-настоящему заинтригован. Должно быть, он ожидал сейчас горьких слез и проклятий в адрес моего супруга, презрения, однако... Я могла понять диара. Я слышала горечь в его голосе, когда он рассказывал мне о своем недуге, как слышала и его отношение к изначальным намерениям. Аристан стыдился того, что было уготовано мне. Более того, он рискнул ради меня не только собственным будущим, но и всей своей родни. Так разве же могла я не оценить всего этого? Он не позволил мне стать слепой марионеткой, а что до бесплодия... Так ведь я ношу в себе доказательство, что его сиятельство полноценный состоятельный мужчина, сам способный продолжить свой род. И если у меня и оставалась обида на мужа, то только за неверие и слепоту.

— Он выбрал меня, — наконец, ответила я. — Когда у него появилась его затея, речь велась о призраке, предназначенном вам в любовницы. Однако призрак развеялся, так и не обретя плоть, так чем же меня должна задевать попытка выбраться из безвыходной

ситуации? Все мы полны разнообразных намерений, но судить стоит по делам, а не по замыслам. Действительность же показала, что Аристан не пожелал унижить ни себя, ни меня.

— Но диар выбрал именно вас для своих намерений, — заметил Эйнор.

— И я не устану благодарить Богиню, что это произошло, — улыбнулась я. — Он выбрал меня для своих намерений и ради меня от них отказался.

— Но если бы дядя не размяк...

— Ах, Эйнор, — отмахнулась я. — Всё предопределено. Стоит ли сейчас перечислять все если? Если бы вы были менее эгоистичны, то могли бы сейчас не увозить меня прочь от супруга, а находиться на вожделенной вами государственной службе. Возможно, качали на своих коленях собственного сына и жили в ладу с собой. А если бы Аристан не отправился в свое путешествие, или же не стал есть моллюсков, то он бы женился на той ужасной женщине и сейчас был бы совсем иным. Я бы осталась прозябать в нищете, и, возможно, небо бы обрушилось на землю на будущей неделе. Однако произошло то, что произошло, и вы увозите меня, горя мелочным мщением за свое ущемленное самолюбие, стараясь оговорить моего мужа. Но поверьте, я вижу опровержение всему, что вы мне говорите. И остается лишь понять, что вы задумали снова? Своему дяде вы уже сделали больно, наше счастье разрушили, вновь украли его жену. Что вам еще от нас надо?

Эйнор, слушавший меня до этого с непроницаемым выражением на лице, сейчас расслабился и широко улыбнулся.

— Эту тайну я пока оставлю при себе, дорогая, — сказал он. — Вы всё узнаете в свое время. Пока же наслаждайтесь поездкой и радуйтесь каждой прожитой минуте. Время так быстротечно... Что до вашего мужа, то он присоединится к нам позже. Уж поверьте мне, вас в моих руках он не оставит и пойдет покорно по следу, как пес на поводке.

Вот теперь мое спокойствие пошатнулось. Произнесенные младшим Альдисом слова, его намек на быстротечность времени... Меня вдруг замутило, и я прижала руку к горлу. Наблюдавший за мной из-под полуопущенных ресниц мужчина, усмехнулся и окончательно прикрыл глаза.

— Вы хотите нас... убить? — севшим голосом спросила я.

Эйнор приоткрыл один глаз, посмотрел на меня, будто кот на глупую мышь, и снова выпрямился, теперь открыв оба глаза.

— Зачем же, дорогая? — спросил он. — Вас убьет собственный муж, из ревности. Вы ведь сбежали с любовником, не так ли?

— Арис не сделает этого, — выдохнула я.

— О, разумеется, — улыбнулся мерзавец. — Но ведь из всего есть выход, не так ли?

— Вы хотите, чтобы вашего дядю обвинили в убийстве его жены? — прошептала я.

— Ни в коем случае, — младший Альдис склонился вперед, приблизив свое лицо к моему. — Даже если его обвинят, король прислушается к словам диара, а не к свидетелям. Однако все видели, как он дорожит вами. Дядюшкины вольности теперь сыграют мне на руку, и убедить, что Аристан Альдис, убив любимую жену, не смог пережить своего деяния и покончил с собой, будет вовсе несложно.

— Но что вы выигрываете от наших смертей? — воскликнула я, окончательно теряя самообладание.

— Свободу и диарат, этого вполне достаточно, — развел руками Эйнор. — Прежнее завещание силы не имеет, как вы уже знаете, а нового нет. И что мы имеем? А мы имеем

последнего Альдиса, способного к продолжению рода. К тому же сыграть покаяние и показать, какой я хороший мальчик, мне будет несложно, и король передаст права на управление этими землями мне. Я покорно сделаю предложение указанной Его Величеством невесте, когда пройдет время траура, заслужу высочайшее одобрение и милость.

— А если король откажет вам?!

— Тогда я просто удовлетворюсь своей мезтью, хотя, признаться, потеря родового титула будет весьма огорчительна. Но я уверен, что всё выйдет, как я задумал. Высоких родов, состоящих в родстве с королевской семьей не так много, чтобы разбрасываться их потомками. Вы дрожите, тетушка, вам холодно? — с издевательской улыбкой спросил негодяй. — Вам нечего опасаться. Пока дядюшка не явится за вами, вы в безопасности.

Мать Покровительница, пусть мой муж вовсе за мной не придет! Пусть думает, что и вправду сбежала с любовником, пусть подозревает меня во всех грехах, только не ищет. Я отвернулась от младшего Альдиса, не в силах видеть отвратительное лицо, имевшее некоторое сходство с лицом моего супруга. И сейчас это казалось мне настоящей несправедливостью. Как Богиня могла наградить схожими чертами таких разных людей?

Неожиданно мне в голову пришла мысль, заставившая вновь повернуться к Эйнору. Он снова откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза, храня на своем лице умиротворение.

— Но постойте! — воскликнула я. — Как же вы собираетесь повернуть всё это злодеяние? Вы ведь сами назначили себя на роль моего любовника, и если станет известно, что вы причастны...

Молодой человек открыл глаза, коварно ухмыльнулся и подмигнул мне, так ничего и не ответив. После снова закрыл глаза, скрестил руки на груди, показывая всем своим видом, что разговор окончен. Однако я так не считала. Поджав губы, я не сводила взгляда суженных глаз с подлеца, испытывая невероятное желание броситься на него, сжать горло и не отпускать, пока этот молодой и цветущий мужчина, скрывавший за привлекательной внешностью черный нрав, не отдаст душу Проклятому Духу.

— Вы опять сопите, — вдруг сказал Эйнор, не открывая глаз. — Фло, вы все-таки забавная женщина. Не смешная, заметьте, а забавная до умиления. — Теперь он смотрел на меня. — Мне искренне жаль, что вы оказались невольно вовлечены в наше противостояние с дядей. Должно быть, с вами приятно сойтись близко. Лицо диара, сияющее довольством и покоем, говорит о многом. Признаться, я даже немного завидую ему. Неподдельная искренность встречается так редко.

— Ах, перестаньте, — отмахнулась я. — Какое может быть для вас удовольствие рядом с невзрачной особой? Вас ждут иные женщины. Мечтайте о них, а я уж как-нибудь обойдусь без ваших сомнительных комплиментов.

Мой похититель весело рассмеялся.

— Вы во всем ёжик, Флоретта. Вас задели мои слова, брошенные дяде, чтобы еще больше разозлить его? Пустое. Да, вы не красавица, и вам это известно. Но вы и не уродливы, а ваша непосредственность добавляет вам очарования.

— Как вы добры, — язвительно ответила я. — Жаль, не могу ответить вам тем же. Пусть я и не красавица, зато не таю за внешней привлекательностью темную душу.

— Вы находите меня привлекательным? — не без самодовольства спросил Эйнор, и я фыркнула, не желая продолжать разговор, который доставлял ему удовольствие.

Вместо ответа на заданный вопрос, я вернулась к намерениям негодяя. Они интересовали меня намного больше. В конце концов, от этого зависели три жизни, одна из

которых еще даже не началась.

— И все же, Эйно́р, ведь есть еще Карли Кетдил, которая написала мне письмо. Она может показать, что действовала по вашему наущению.

— И что? Да, я просил ее написать, да, мне была неприятна размолвка с дядей. Ее причины никто не знает. Наш разговор во время танца никто не слышал, причина, по которой я покинул дядюшкино поместье тоже. А люди диара подтвердят, что проводили меня до границ диарата по приказу его сиятельства.

— Но Карли писала позже!

— Да, Карли писала позже, но скажет, что написала после бала в честь вашего дня рождения, — ответил Эйно́р, самодовольно улыбнувшись. — Она встречалась со мной наедине, а в этом девушка ни за что не сознается. Их дом я посещал, чтобы попрощаться, вскоре после того, как был отправлен в городской особняк. Официально я со всеми попрощался еще тогда, и Карли скажет, что письмо писала во время того посещения. Но мы виделись наедине еще несколько раз после этого. Влюбленные девицы, знаете ли, бывают так доверчивы и податливы...

— Вы обесчестили ее?! — с негодованием воскликнула я.

— Нет, — усмехнулся младший Альдис. — Это было бы несложно, девушка слишком проста и романтична для долгого сопротивления, но соблазнять агнару Кетдил было не в моих интересах. Жарких признаний и тайных записок со стихами оказалось достаточно. Что до ее письма, то я, конечно, желая защитить честь невинной девушки, попросил сказать, если письмо окажется в чужих руках, не сознаваться о дне, когда оно было написано. Карли не глупая девочка, к тому же доверчивая. Она сама понимает, что открывать тайну наших встреч будет губительно для ее репутации. Я ответил на ваш вопрос?

— Остаются мой брат и агнар Наэль, — заметила я. — Они знают истинную причину, по которой вас изгнал дядя.

— Разумеется, — кивнул Эйно́р. — Кетдилы расскажут, как я был расстроен этим обстоятельством, потому-то Карли и приняла в моей судьбе живейшее участие.

— Но они видели, как вы целовали меня, и как я сопротивлялась! — воскликнула я, не в силах поверить, что возможно так виртуозно использовать любую мелочь.

— Каюсь, не устоял, — вздохнул негодяй. — Вы были так красивы в тот день, а я выпил несколько больше, чем полагается. Неверно истолковал вашу улыбку и поплатился за свою минутную слабость ссорой с ревнивым дядюшкой. Но потом я очень-очень раскаивался в своем поведении, у меня даже есть свидетели, — Эйно́р хитро взглянул на меня, и я задыхнулась от желания выцарапать ему глаза.

— Охотничий домик, — глухо произнесла я. — Прислуга диара знает, что нас с вами застали вместе.

— Ох, какая же вы неугомная, Фло, — покачал головой Эйно́р. — И дотошная, как ваш муж. Он тоже душу вытянет своими вопросами. Не волнуйтесь, у меня и на это есть объяснение. Да, я навещался в охотничий домик для встреч с некой дамой, имя которой не могу разглашать, и в тот день застал там вас с вашим любовником. Мерзавца я выгнал, но было уже позднее время, и я, из опасения везти вас в поместье, остался с вами до утра. Но ведь ничего не было! Как я могу покуситься на жену своего дяди? А утром нас нашли, и его сиятельство, неверно истолковав произошедшее, избил меня и отправил со своими людьми до границ диарата. Они видели, как я уезжал.

— Но если спросят имя дамы, ведь королевским следователям вы не сможете не

сказать...

— Такая тоже есть, и ее имя вам известно, — хмыкнул мерзавец. — Агнара Ларситта Вердис стала моей тайной любовницей. И она, если дело дойдет до следствия, подтвердит мои слова.

— Ларси?! — потрясенно вскрикнула я. — Но как...

Младший Альдис откинул голову назад и расхохотался.

— Наивная душа, витающая в облаках своего слепого счастья! — воскликнул мужчина. — Причину ее дурного настроения угадать было несложно, особенно, когда умеешь слушать. Очередная пустышка с амбициями. Я встретил ее в Кольберне. Несколько комплиментов, пристальный взгляд, чуть дольше положенного задержанная рука в моей руке, и из нее уже можно было вить веревки. Пока муж Ларси служил на благо диарата, а дети сидели под присмотром няньки, эта ветреная агнара нежилась в моих объятьях в том самом охотничьем домике. Мерзкая дамочка, должен признать. Столько гадостей о вас говорила. Признаться, даже меня коробило от ее желчи и зависти. Пока Ларси молчит и слухов распускать не будет, иначе придется сознаться, что она делала в охотничьем домике, но следствие развяжет ей язык.

— Какой же вы... — выдохнула я, чувствуя, как кровь приливает к щекам от гнева.

— О, да, я хорош, — снова рассмеялся племянник моего мужа, и карета вдруг остановилась. Эйно́р выглянул в окно и уже деловит сказал: — Ну вот и приехали.

— Куда? — хмуро спросила я.

— На место встречи с судьбой, — ответил младший Альдис. — Выходим.

— Не пойду, — мотнула я головой.

— У вас нет выхода. Если будет нужно, я выволоку вас силой, — без тени прежней улыбки ответил мерзавец. — Вы были умницей всю дорогу, Флоретта, не стоит менять своего поведения сейчас. Если не станете упрячиться, я не буду груб с вами. В конце концов, подумайте о своем ребенке.

Я некоторое время смотрела на лицемера, наконец, не выдержала и расхохоталась в полный голос. Впрочем, из кареты я выходила самостоятельно, решив рассмотреть всё в подробностях, а после искать выход. Если я буду разумно вести себя, возможно, меня нигде не запрут, и тогда есть шанс выбраться из ловушки раньше, чем Аристан объявится здесь.

ГЛАВА 20

Я вновь оказалась в небольшом лесном доме, но в отличие от охотничьего домика диара, место было явно заброшенным, и младший Альдис решил его использовать для своих мерзких целей именно по этой причине. Однако огонь в очаге все-таки был разведен, и дом неплохо прогрелся к нашему появлению. Это навело на мысли, что помогает Эйно́ру не только мужчина, правивший каретой, но и еще кто-то. Слишком ярко пылал огонь, когда мы вошли в дверь, чтобы допустить, что его разожгли перед тем, как отправились за мной.

Мой похититель уверенно прошел к столу, сбросил на него свою шляпу, до того лежавшую на сиденье в карете, следом полетели перчатки, пальто небрежно упало на спинку стула, а сам молодой человек уселся, закинув ногу на ногу и сделал гостеприимный жест рукой.

— Располагайтесь, дорогая. Ожидание займет у нас некоторое время, вы останетесь стоять и испепелять меня взглядом.

— Судя по вашим замыслам, належаться я еще успею, — мрачно ответила я и прошла к скамейке, стоявшей у противоположной стены.

Эйно́р хмыкнул и скрестил руки на груди, рассматривая меня. Я отвернулась от него, взглянула в сторону окна и судорожно вздохнула, вдруг вспомнив о пирожных, которые готовил для меня наш кондитер. Должно быть, они уже лежат на тарелочке из тонкого фарфора, доньшко которого украшает милая пасторальная картинка, изображавшая веселую розовощекую пастушку с двумя овечками. И сливки на пирожном такие же пушистые, как нарисованная шерсть овечек. От чувства несправедливости, что мои пирожные ожидают меня во дворце диара, а я нахожусь в каком-то убогом домишке, на глаза навернулись слезы. А следом пришли раздражение и злость на своего похитителя. Отчаянно захотелось швырнуть в него чем-нибудь, но под рукой ничего подходящего не оказалось, и я просто скрипнула зубами.

— Флоретта, вы плачете? — донесся до меня голос младшего Альдиса, и накал моего гнева увеличился в несколько раз. — Вам страшно?

Порывисто обернувшись в его сторону, я сузила глаза и с минуту глубоко дышала, пытаясь взять себя в руки.

— Вы злитесь на меня, — продолжил Эйно́р. — Я понимаю. Но поверьте, на вас я не держу зла...

И тут я вскочила на ноги, словно подброшенная пружиной. Поклонилась, едва ли не до земли и протянула отвратительнейшим писклявым голосом:

— Благодарю покорнейше, ваше мерзейшество. Вы чрезвычайно великодушны.

Мой похититель заметно опешил от моей клоунады. Меня же продолжило распирать, и, сорвавшись с места, я закружила по небольшой комнатке, совершенно не зная, как выплеснуть свою ярость. Ничего дельного на глаза так и не попало, но языке вертелись ругательства Эггера, и мне до смерти хотелось их обрушить на голову своего похитителя, но воспитание не позволяло сделать это даже от злости.

Набегавшись, я упала на прежнее место и шумно выдохнула.

— Вы странно себя ведете, — сказал Эйно́р, сидевший в неподвижности всё то время, пока я наворачивала круги по домику.

— А не пойти ли вам... — ответила я, закончив фразу одним из излюбленных оборотов Эггера, все-таки сорвавшимся с моего языка. Так наш старый привратник обычно посылал бродяг, забредавших в папенькино поместье. — А еще...

Эту витиеватую фразу, которую я ни за что не возьмусь повторить, Эггер употреблял совсем редко по причине ее скабрёзности и нашего с Арти присутствия, но сейчас бранная тирада лилась из меня с особым удовольствием, оставляя после себя чувство невероятного облегчения. А когда я выдохлась и закончила, Эйно́р остался сидеть с неприлично открытым ртом. И только спустя полминуты закрыл его и покачал головой:

— Неожиданно, — отметил младший Альдис. — Где вы набрались этой гадости?

— Я с вами не разговариваю, — буркнула я и отвернулась от него, гордо задрав нос.

— Да вы вроде уже всё сказали, — несколько рассеянно ответил негодяй. — Тут и добавить нечего.

Я была с этим в корне не согласна, для Эйно́ра Альдиса у меня имелись еще фразочки от Эггера, припасенные с самого детства, но расплытаться перед ним я не посчитала нужным, потому осталась сидеть, полная чувства собственного достоинства. Однако и это долго не продлилось. Вскоре я вновь захлюпала носом, теперь от жалости к себе. Из груди

вырывались надрывные вздохи, и младший Альдис, следивший за переменами моего настроения, заерзал на стуле.

— Флоретта, — позвал он.

— Что? — истерично отозвалась я, не оборачиваясь.

— У вас есть платок?

— Если бы я знала, что меня собираются похищать, я бы подготовилась лучше, — ядовито ответила я. — Впрочем, вы можете меня отпустить за платком. Вы ведь такой благородный.

Молодой человек поднялся со своего места и подошел ко мне, протягивая свой платок.

— Держите, он чистый, — без всякой враждебности произнес Эйнор.

— Сами стирали? — съехидничала я. — В ручье, небось? — и добавила совсем уж язвительно. — Хозяюшка.

— Прекратите паясничать, — проворчал младший Альдис. — Вам это совершенно не идет.

— Скажите, пожалуйста, каков эстет, — воскликнула я, все-таки рывком отнимая платок и промокая слезы. — Я бы про вас тоже никогда не подумала, что вы негодяй и убийца.

— Не зарывайтесь, — с легкой угрозой произнес мой похититель.

— А мне есть еще чего опасаться? — с прежней язвительной интонацией спросила я. — Вы собираетесь убить меня, мое дитя и моего мужа. Что еще хуже этого вы можете со мной сделать? Связать? Истязать? Снасиловать? Ах, нет, я же невзрачна и в этом смысле для вас интереса не представляю. Хвала Богине, что я уродилась столь безыскусной! — не без патетики воскликнула я. — Впрочем, связать и истязать вы меня не можете, иначе это оставит ненужные следы, и тогда весь ваш замысел пойдет прахом. А раз ничего страшней смерти вы мне обещать не можете, то сидите и слушайте.

— Фло, вы начинаете меня раздражать, — с недовольством уведомил меня Эйнор.

— Ах, какая досада! — воскликнула я. — Прошу простить меня великодушно! И как это я своего убийцу осмелилась ввести в раздражение? Позор на мою голову!

Младший Альдис стремительно вернулся на прежнее место, уселся на стул и сердито взглянул на меня. Я же вдруг ощутила новый прилив сил и собственную безнаказанность, и это было упоительное чувство. А чего мне было опасаться кроме смерти? Впрочем, в собственную кончину не верилось совершенно, сколько бы об этом не говорил Эйнор. Как же можно взять и поверить, что вскоре тебя не станет? Как возможно представить этот мир без своего присутствия? Такого просто не могло быть! Затаенный страх совсем растворился в неверии, но уверенность в том, что ничего ужасного мой пленитель мне не сделает, окончательно окрепла.

— Скажите, д'агнар Душегуб, — я вдруг преисполнилась неподдельного интереса, — как же вы собираетесь проверить свою аферу? Хорошо, меня вы можете застрелить с расстояния, это самое простое, но как вы собираетесь подстроить самоубийство диара? Что он по вашему плану должен сделать? Пустить себе пулю в висок? В сердце? Повеситься? Отравиться? Отравление тут вовсе не подходит. Яд его сиятельство с собой в карманах не носит, и вместо леденцов его не потребляет. Остается нож или пуля, потому что повесить его вам не удастся без борьбы. Если же оглушите, то останется след, который покажет, что Аристану помогли умереть. Тоже самое и с ножом, и с пулей. Чтобы убить его с одного раза, вам непременно нужно будет приблизиться, а дядюшка уже обнаружил немалую силу... Ах,

Эйнор, совсем забыла спросить, вы сами будете нас убивать? Или же кому-то доверите столь ответственное дело? Лучше сами. Во-первых, удовлетворение вашего самолюбия, а во-вторых, вы ведь говорили, что лучший результат достигается только при самоличном участии. Ведь так?

Младший Альдис одарил меня испепеляющим взглядом и отвернулся. Я же была преисполнена энтузиазма и исследовательского интереса.

— Дорогой племянник, — сладким голосом позвала я, уподобляясь своему похитителю, ни один раз именовавшему меня тетушкой, — у меня есть животрепещущий вопрос. — Эйн все-таки посмотрел на меня. — Раз вы решили стать палачом, я хочу знать подробности своей казни. Это будет происходить здесь? На этом самом месте? Или подле очага? Я хочу быть подготовлена. В конце концов, меня будут осматривать, а диара и в посмертии обязана быть безупречной. — Я поднялась на ноги. — Мой мальчик, давайте отрететируем. Моя поза должна быть изящна. Ну не могу же я умереть с задранными на скамейку ногами...

— Да замолчите вы! — выкрикнул Эйнор. — Вы меньше, чем за час утомили меня на всю оставшуюся жизнь. Как дядя с вами уживается?

— Я милая, — нагло заявила я. — И непосредственная. А еще забавна до умиления. Вы и сами бы в меня влюбились, если бы не обстоятельства.

— Я уже сильно в этом сомневаюсь, — проворчал младший Альдис.

— Ах, вот вы какой, — я скорчила обиженную мину. — Вам еще и на слово не стоит верить. И как же мне теперь готовиться к смерти, коли вы...

— Молча! — рявкнул Эйнор. — Можете молиться, мне все равно.

— А вы совершенно правы, — деловито кивнула я. — Молитва очищает душу и преисполняет благодати. Не желаете ко мне присоединиться? Вам бы не помешало. — Ответом мне стал очередной испепеляющий взгляд. — Ну как знаете. Тогда я помолюсь и за вас. — Я прочистила горло, прижала руки к груди и патетично возвала: — Мать Покровительница! Не оставь меня и моих домочадцев своей милостью при жизни и после смерти. Ты же видишь, что мы стали жертвами черной злобы. Если же ты допустишь злодеяние, то накажи нашего убийцу, Эйнора Альдиса. Пусть его тело сгниет заживо, покроется зловонными язвами. Пусть они пожрут его плоть до кости. Пусть во рту его заведутся червяки и сожрут его лживый язык. Пусть его глазные яблоки лопнут и потекут вместо слез по щекам. Пусть его зубы раскрошатся, пальцы скрючатся, ноги откажутся носить его по земле, а мужская сила покинет его навсегда уже завтра, чтобы злодей не мог плодиться и размножаться. Пусть его волосы вылезут, и дамы будут плевать при виде его плечи. Пусть станет он посмешищем, и какой-нибудь бродяга пробьет ему лысую голову камнем из жалости и отвращения. И тогда душу его пусть заберет Проклятый Дух на свои смрадные гнилые болота и там издевается над ним так, чтобы другие отверженные души вздыхали с облегчением, что не им досталось такое наказание. И пусть...

— Довольно! — заорал младший Альдис. — Я лично пушу вам пулю в лоб!

— А до этого лично не собирались? — живо обернулась я к нему. — Боитесь?

— Проклятье, — прорычал негодяй, схватил пальто и выбежал из домика, оставив меня наедине с собой.

Я проводила его взглядом, и как только дверь закрылась, тяжело опустилась на скамью и закрыла лицо ладонями, прошептав уже искренне:

— Помоги нам, Богиня. Не допусти злодеяния...

Весь мой кураж испарился в одно мгновение. Всё было серьезно, и Эйн не собирался

просто пугать меня, или впустую угрожать моему мужу. Радовало лишь одно: я сбила с мерзавца его спесь и самодовольство. Как же резво он бежал от меня с перекошенным лицом, будто и не сидел недавно, вальяжно раскинувшись на стуле. Эйнор Альдис чувствовал свое превосходство, он был уверен в том, что его задумка удастся, и я это видела ясно.

Впрочем, надежда на то, что все обернется злым и унижительным розыгрышем все-таки еще оставалась. Вдруг Эйнор просто желает насладиться дядюшкиными страданиями, когда мерзавец будет угрожать мне, или выдумывая очередную красочную ложь? Ведь, по сути, что такого он мне рассказал? Скомпрометировал двух женщин, одну из которых я не выдам, а со второй просто не хочу связываться. Хотя... Если бы дело только в попытке выставить меня изменницей, но ведь речь шла о наследстве, и если подобные речи дойдут до государя, вряд ли он найдет остроумной задумку убийства своего диара. Нет, Эйнор не лгал и не пугал. Он и вправду хочет разделаться с дядей и его женой, но как же я могу помешать ему?

Взгляд упал на дверь. Мой похититель не закрыл дверь, когда выбежал на улицу. Однако он мог находиться снаружи. И всё же... И всё же лучшей возможности у меня может не быть. При Эйне я не успею добежать до двери, как он меня схватит. Значит, нужно использовать возможность покинуть это ужасное место. И если мне удастся добраться до какого-нибудь жилья, я могу поднять тревогу, и люди поспешат на помощь Аристану. А может я смогу перехватить диара в дороге...

— Мать Покровительница, помоги, — прошептала я и поспешила к окошку, чтобы увидеть, что творится за дверями.

Окон в доме было два, и я подошла к обоим. Насколько я видела, перед дверью никого не было, как и на удалении от нее. Выдохнув, высунула нос на улицу, снова огляделась и юркнула за порог, осторожно прикрыв за собой дверь. Вперед бежать было рискованно, слишком открытое пространство. Обойти дом? Но если там есть кто-то, то меня тут же схватят. Поджав губы, я прислушалась к звукам, но ничего не уловила, кроме шороха ветра в ветвях деревьях, росших неподалеку. Решившись, я сорвалась с места и бросилась через открытое место к деревьям, надеясь затеряться за ними.

Уже достигнув старой сосны, я обернулась, но меня никто не преследовал. Вдохновившись удачей, я поспешила углубиться в лес. Однако вскоре остановилась, подумав, что так я вовсе могу заплутать, этих мест я не знала. И тогда я не только не спасу мужа, но и сама сгину, или же попаду в лапы диких зверей. Ничего этого мне не хотелось, и повернула назад, решив, что стоит приглядеться, куда ведут следы колес кареты. Хвала Богине, снег вчера падал снова и так и не растаял.

Возвращалась я едва дыша, то и дело останавливаясь и прислушиваясь, не слышно ли криков, не похрустывает ли снег под быстрыми шагами преследователей. Но сердце мое стучало так отчаянно, что я мало что слышала за его ударами. Подкравшись к деревьям, стоявшим ближе всех к дому, пригляделась и рассмотрела следы копыт и колес. Облегченно выдохнув, я двинулась параллельно им, продолжая прятаться за деревьями.

Вскоре я уже не видела домика, мои похитители тоже не появились, и я немного осмелела, решив еще чуть-чуть приблизиться к следам кареты. Мне удалось продвинуться еще немного вперед, когда позади меня хрустнула ветка. Я порывисто обернулась и охнула, глядя на незнакомого худощавого молодого мужчину. Он неприятно улыбнулся, я взвизгнула и, подобрав подол, бросилась к дороге, что было во мне сил и прыти.

Наперерез мне выскочил проклятый Эйнор Альдис, крепко ухватил за локоть и дернул

на себя.

— Далеко собралась, тетушка? — со злорадной ухмылкой спросил он.

Я отчаянно задергалась, пытаюсь вырваться из рук моего похитителя. Однако силы наши были не равны, и я только трепыхалась, не преуспев в деле своего освобождения. Придя в сильнейшее негодование от разочарования и страха, я со всей силы наступила ему на ногу каблуком своего сапожка. Эйнор взвыл, наконец, ослабив хватку. Я пнула его теперь по голени и кинулась в сторону, но тут же попала в руки второго преследователя. От ярости и безысходности, я наотмашь ударила его по лицу, затем еще раз, а после... после и вовсе, словно дикая кошка, вцепилась в щеки скрюченными пальцами, оставляя на них следы своих ногтей.

— Стерва! — заорал неизвестный, после добавил и вовсе нелицеприятный эпитет в мой адрес и ударил по лицу, на мгновение ослепив обжигающей болью от увесистой пощечины.

— Не смей! — крикнул ему Эйнор, подскочив к нам и прижав меня спиной к своей груди.

— Смотрите, что она сделала! — возмущенно воскликнул мужчина с расцарапанной физиономией.

— Ты говоришь о диаре! — рявкнул младшей Альдис. — К тому же она женщина.

— Дура...

— Заткнись! — снова гаркнул Эйнор, после обратился ко мне уже более спокойным тоном: — Вы будете продолжать драться?

— Пусть и уши у вас отвалятся! — в сердцах выкрикнула я.

— Чтобы не слушать ваших криков? Я был бы только рад этому, — усмехнулся Эйнор. — Я спрашиваю еще раз, вы намерены и дальше драться, подобно простолюдинке, или же начнете себя вести достойно вашего положения?

— А вы по-прежнему намереваетесь совершить злодеяние, или же вспомните заветы Матери Покровительницы и отпустите меня с миром? — спросила я в ответ.

— Стало быть, бунт продолжается, — констатировал племянник моего мужа. — Вы не оставили мне выбора.

Он развернул меня к себе лицом, легко оторвал от земли и закинул себе на плечо.

— Так вы будете наиболее безопасны, — сообщил мерзавец, а я ответила очередным изречением Эггера. — Фу, дорогая, так даже бродяги не выражаются.

— А привратники очень даже, — ядовито отозвалась я с его плеча, молотя кулаками до куда могла достать, однако мои удары явно не причиняли никакого урона, и я все-таки затихла.

По возвращении в домик, меня не особо-то и вежливо стряхнули на пол, но всё же придержали, не дав приложиться бедром. Я вырвала свою руку из пальцев младшего Альдиса, вернулась на свою скамейку, уселась на нее и насупилась, оставив без внимания своего похитителя.

— Сколько же в вас страсти, — усмехнулся Эйнор. — Мне даже жаль, что дотянул до момента, когда подозрительность дядюшки стала чрезмерной. Возможно, мы бы еще и поладили с вами.

— Фантазируйте на здоровье, — отозвалась я высокомерно. — Рядом с Арисом вам надеяться не на что. Он превосходит вас во всем. В моих глазах так уж точно.

— А ваш любовник? — прищурился младший Альдис. — Он превосходит моего дядю? Фло, назовите его имя, мне до безумия любопытно, кто сумел наставить рога диару.

Я устало вздохнула и закатила глаза, показывая, как мне надоело слушать глупые выдумки. Уж кому, а Эйну я не собиралась ничего доказывать. Если он мне поверит, то получит еще большее удовольствия от моего убийства. Как же, не только дядю уничтожил, но и его родное дитя, которого отец упрямо считает чужим. У-у-у, зла на них всех не хватает!

Мы какое-то время сидели в молчании, потом я скосила глаза, отыскивая своего будущего палача. Он сидел на краешке стола, задумчиво глядя в окно. На улице уже начало смеркаться, а моего мужа всё не было. Признаться, я была этому даже рада. Зато Эйно́р казался напряженным и задумчивым. Должно быть, он ожидал появления диара раньше и теперь начинал нервничать из-за его отсутствия. Почувствовав мой взгляд, младший Альдис обернулся, хмуро посмотрел на меня и снова вернулся к созерцанию пейзажа за окном.

— Эйно́р, — позвала я.

— Что вам? — недружелюбно отозвался молодой человек.

— Почему вы вступились за меня, когда ваш человек ударил меня?

— Он простолюдин, вы дворянка, чего тут неясного? К тому же моя родственница. Достаточно и того, что уготовано вам, лишние издевательства ни к чему, — ответил он, не отводя взгляда от окна.

— Неожиданно, — усмехнулась я.

Эйно́р поднялся со своего места и направился ко мне.

— Думаете, я совсем не имею никаких принципов? — спросил мужчина, останавливаясь напротив меня. — Впрочем, вы не так далеки от истины, дорогая.

Он вдруг схватил меня за руку, дернул на себя, заключив в объятия, и впился в губы. От неожиданности я растерялась в первое мгновение. Опомнившись, уперлась негодяю в грудь кулаками, пытаюсь отпрыгнуть, но он накрыл мой затылок ладонью, не позволяя отодвинуться. Впрочем, это было мало похоже на поцелуй. Эйно́р просто прижался к моим губам, причиняя некоторую боль, после резко развернул спиной к двери и посмотрел поверх моей головы.

Дверь скрипнула, холод ворвался в натопленный дом, после деревянная створа захлопнулась, и я услышала вежливое:

— Добрый вечер.

Эйно́р крутанул меня на месте, разворачивая к себе спиной.

— Добрый вечер, — не менее вежливо ответил молодой мерзавец, а я ощутила, как пол уходит из-под ног и выдохнула:

— Арис...

— Рад видеть вас в добром здравии, любовь моя, — невозмутимо ответил супруг и отошел от двери.

— Арис! — воскликнула я и замолчала, не зная, что в первую очередь сказать: о намерениях его племянника, или же о том, что поцелуя не было, и все это подстроил Эйно́р.

— Не переживайте, дорогая, — диар положил на стол две шпаги, которые он нес в руке, после скинул свое пальто на стул и обернулся ко мне и младшему Альдису, растирая ладони. — Я знаю, что маленький гаденыш подстроил этот поцелуй, он увидел мое приближение. Как знаю, что вас похитили. Укорить вас я могу лишь в одном — в излишней доверчивости и поспешности. Вам не стоило выходить без сопровождения. Меня ни на мгновение не ввело в заблуждение ни послание мнимого любовника, которое мне передали по возвращении в поместье, ни то, что вы по доброй воле сели в карету.

— Горничные сказали вам? — с невероятным облегчением спросила я.

— Горничные сказали сразу же, как я вернулся, что вы получили письмо от агнары Карлины Кетдил. Рассказали и о том, как вы сверяли почерк, после чего попросили верхнюю одежду и ушли. Привратник сказал об экипаже Кетдилов, в который вы сели. Только вот незадача, — Аристан теперь поднял взгляд и смотрел на племянника, — Кетдилов и их карету я встретил в Кольберне. Ты неплохо подготовился, мой мальчик. Вскружил голову Карли, раз она написала письмо для моей жены в слепом доверии, раздобыл похожую карету, но это сразу же уничтожило твою прежнюю работу. И если я и раньше не верил твоим сказкам о связи с Флореттой, то сегодня я получил подтверждение, что ты бессовестно лгал. Впрочем, достаточно вспомнить, как диара вырывалась из твоих объятий на балконе в моем особняке, и любые сомнения отпадут. Итак, ты решил поквитаться со мной за свою никчемность?

— Он сказал, что вы увели у него возлюбленную, — снова заговорила я раньше, чем Эйно́р открыл рот. И слова мои были полны яда всколыхнувшейся ревности.

Его сиятельство перевел взор на меня и изломил бровь. После усмехнулся и отрицательно покачал головой:

— О нет, дорогая, всё не так, как вы подумали, — ответил он. — Я не уводил, я прогнал ту женщину. Она совершенно задурила мальчишке голову...

— Но я любил ее! — воскликнул младший Альдис. — Кто дал вам право решать за меня мою судьбу? Эта женщина была дорога мне...

— Она была куртизанкой, — повысив голос, прервал дядя племянника. — Эта великовозрастная особа, искусенная и пронырливая, трясла тебя, как яблоню, пользуясь своим опытом и хитростью. Вспомни, насколько опустошались твои счета всего за два месяца, которые ты провел у ног этой бессовестной женщины.

— Это не давало тебе права вмешиваться! — воскликнул Эйно́р. Он вдруг отпустил меня и отошел в сторону, играя желваками на скулах.

— Тебе было девятнадцать, — Аристан сделал шаг ко мне, но сразу остановился, потому что племянник откинул полу пальто, достал пистолет и взвел курок. — Кто, если не твой дядя и глава в роду должен был остановить твоё безумство?

— Так вы за это пороли племянника? — спросила я, стараясь не смотреть на пистолет в руке негодяя.

Диар приподнял брови в немом удивлении.

— Нет, за это я устроил ему словесную выволочку, — усмехнулся Арис. — Поро́л я его за пьяный скандал, который Эйн устроил мне на приеме одного из королевских сановников. Пришлось спешно вытаскивать его из дома, где собралось всё высшее общество, пока поганец не уничтожил окончательно свою репутацию. Уже у себя дома я приводил мальчишку в чувство, хорошенько его выпоров. Впрочем, науки хватило ненадолго. У Эйно́ра талант находить неблагоприятные истории. Ему слишком много позволялось в детстве. Его проделки неоправданно умиляли родителей, и виноватым всегда становился кто-то другой, но не их прелестный мальчик. К сожалению, яд вседозволенности слишком глубоко впитался ему в кожу, исправлять было уже поздно. Но я пытался, однако не преуспел, как мы с вами можем видеть.

— Он хочет нас убить! — воскликнула я, дернувшись к мужу, и дуло пистолета тут же оказалось направлено мне в грудь.

— Эйн, ты целишься в мою жену, — сухо, но по-прежнему спокойно, произнес Аристан. — Меня это нервирует.

— Не я, а ты, дядя, — со злой ухмылкой ответил младший Альдис, поднимая пистолет еще выше, и я зажмурилась. — Ты убиваешь свою неверную жену.

Грохот выстрела оглушил меня, и я с криком отпрянула в сторону. Почти одновременно с ним грянул второй выстрел, я даже уловила дуновение воздуха рядом со своим лицом и повалилась на пол, истерически всхлипывая и сотрясаясь всем телом. Топот ног и мужской вскрик я слушала, всё еще зажмурившись. Недалеко от меня завязалась борьба.

— Фло, в сторону! — крик Аристана заставил меня распахнуть глаза.

Но прежде, чем я успела сесть, меня ухватили за шиворот и оттолкнули.

— Простите, — буркнул безукоризненно вежливый диар, когда я отлетела к стене, едва успев выставить перед собой руки, чтобы не повалиться животом на скамейку.

Я тяжело опустилась на нее, машинально ощупывая себя, но ран не было, пуля, выпущенная Эйном не задела меня. Потом в глаза мне бросился сам пистолет пока еще не состоявшегося убийцы. Он валялся на полу, а недалеко от него лежал второй... Значит, это Арис выстрелил первым? Я дернулась, и Эйн промахнулся. Хвала Богине! Окончательно придя в себя, я увидела, что ткань на плече, так и не снятого после возвращения в домик пальто младшего Альдиса, порвано. Пуля диара задела его, но не причинила особого вреда, потому что племянник не заливался кровью и на умирающего был не похож вовсе.

Д'агнары сцепились, как простые торговцы на рынке, но Эйнор заметно проигрывал дяде. Лицо его было в крови, к тому же пальто заметно сковывало движения, в то время, как Аристан, скинув свое, остался в одной рубашке. Значит, понимал, что его ждет, раз избавился от сюртука и даже жилета еще до прихода сюда? Тогда пришел не один? Где-то там, за дверями его люди? Да, наверное, потому что помощников Эйна всё еще не видно... Никто не спешил на выручку младшему Альдису, и дядя с племянником продолжали свою рукопашную схватку. Все эти мысли промелькнули в моей голове в одно короткое мгновение, пронеслись мимоходом, задевая лишь край сознания.

Закусив губу, я вцепилась пальцами в край скамейки, не сводя взгляда с мужчин. Арис повалил на пол племянника, уселся на грудь и нанес еще удар кулаком по лицу Эйнора. После схватил за горло и сдавил его. Младший Альдис вцепился в дядины руки, пытаясь оторвать их от себя, но хватка диара казалась железной. Эйнор откинул руку и зашарил по полу. Под пальцы его попался один из брошенных пистолетов.

— Пистолет! — вскрикнула я.

Аристан перевел взгляд в сторону, но не успел среагировать, и Эйн ударил его рукоятью в висок. Диар, оглушенный ударом, замотал головой, ослабив хватку, и племянник сумел вывернуться. Он ударил ногой всё еще не до конца пришедшего в себя Ариса под ребра и бросился к столу, на котором лежали шпаги. Диар поднялся на ноги, держась за бок. Снова потряхнул головой, выругавшись подобно Эггеру, но звон выпущенной из ножен стали заставил его сосредоточиться на племяннике. Эйнор отбросил в дальний угол вторую шпагу и подступил к дяде.

— Убьешь безоружного? — усмехнулся Аристан.

— Убью, — кивнул Эйн и сделал выпад.

Диар увернулся. Следующий выпад отбил рукой, клинок разрезал тонкую ткань рубашки, и рукав окрасился красным. Я вскрикнула и вскочила с места, зажав рот руками.

— Не подходи! — гаркнул Арис, снова уворачиваясь от ослабившегося племянника. — Царапина.

Эйнор махнул шпагой, словно пытался рассечь грудь дяди широким росчерком, но тот

откинулся назад, не устоял на ногах и полетел навзничь на пол. Младший Альдис, направил клинок острием в грудь диара. Тот ударил племянника по ногам и откатился в сторону. Мой взгляд метнулся к отброшенной шпаге. Озираясь на мужчин, я поспешила ко второму клинку. Подхватила ее и бросилась назад. Металл ножен неприятно холодил руку, до безумия хотелось поскорей избавиться от смертоносной стали.

Когда я приблизилась к мужчинам, Эйно́р уже вновь атаковал диара. На белой рубаше появился новый красный развод, теперь на боку. Аристан оказался возле стула, подхватил его и, выставив ножками к племяннику, закрылся от очередного выпада.

— Да что же ты никак не сдохнешь?! — вне себя заорал Эйно́р.

— Мне есть для кого жить, — ответил диар.

— Арис! — вскрикнула я. — Держите!

Аристан обернулся, послал мне теплую улыбку и отбросил в сторону тяжелый стул.

— Благодарю, любовь моя, — ответил он, забирая у меня шпагу. — А теперь брысь!

Ножны отлетели в сторону, и диар был готов дать отпор своему племяннику.

— Заботливая женушка, — ядовито произнес Эйно́р. — Нужно было убить вас, не дожидаясь его прихода.

— Тогда бы вам не перед кем было красоваться, — буркнула я, отбежав подальше. — Позер и себялюбец.

— Шлюха, — грубо парировал младший Альдис и схватился за лицо, по которому скользнуло острие шпаги его сиятельства.

— Не смей оскорблять мою жену, — негромко, но с угрозой ответил Аристан, продолжая свою атаку.

— Но кто-то же ее обрюхатил, — натужно просипел подлец Эйно́р, отталкивая дядю.

— Стало быть, ты признаешь, что солгал? — язвительно спросил Аристан. — Какая неожиданность!

— Но твои рога это не уменьшает, — ощерился младший Альдис, толкнув под ноги дяди валявшийся стул.

— Я не изменяла! — выкрикнула я из своего угла. — Прекратите наговаривать на меня!

Диар перепрыгнул его и вновь бросился на племянника. Теперь он находился лицом ко мне, и я заметила, как супруг мазнул по мне быстрым взглядом.

— Фло, уходите, — велел его сиятельство, отбивая выпад Эйно́ра. — Вас встретят мои люди.

— Без вас не уйду, — заупрямилась я.

— При вас я не могу довести дело до конца, — с явным упреком заметил диар, взлетая на стол. Он ударил племянника ногой в лицо и вновь спрыгнул на пол. — Ну же!

— Я отвернусь, — пообещала я.

Оставить его наедине с убийцей не было никаких сил. Один раз я уже пригодилась мужу, возможно, моя помощь понадобится снова. Богиня! Да мне было просто страшно уйти. Мне казалось, что жизнь Ариса зависит от того, буду я рядом с ним или нет. И как мне спокойно ожидать развязки за дверями, если он здесь один на один с коварным мерзавцем?

— Вам полагалось уже давно бежать отсюда, — с натугой ответил Аристан, сойдясь близко с племянником. После ударил того лбом в перекрестье торчавших остриями кверху шпаг. Эй́н отлетел, ослепленный ударом, а я проворчала:

— Я бегала уже, меня вернули. Даже дралась.

— Так это вы так знатно расцарапали рожу Тэбета? — усмехнулся диар.

— Это и есть тот самый Тэбет? — изумилась я.

— Фло, убирайтесь! — неожиданно зло гаркнул супруг вместо ответа. — Чем быстрее вы уйдете, тем быстрее мы поедем домой.

Я кивнула, все-таки соглашаясь с мужем. Кусая губы, направилась к двери, Аристан закрывал собой подступы ко мне, потому не увидел, когда открылась дверь. Зато увидела я. Это был неизвестный мне мужчина, тоже простолоудин. В руке его был зажат пистолет.

— Хозяин, там...

— Стреляй! — заорал ему Эйно́р, и все сомнения, что это человек диара, тут же рассеялись.

Я затравленно охнула, опустила взгляд и увидела то, чего не заметила раньше. Я как раз находилась недалеко от очага. Рядом с ним стояла кочерга. Схватив ее, я, не раздумывая, размахнулась и ударила незнакомца по голове. Он ошеломленно обернулся, и я ударила повторно, уже в лицо. Мужчина кулем повалился на пол, но прежде, чем он упал, рука, в которой был зажат пистолет, дрогнула, и в вязкой тишине, вдруг затопившей мое сознание, прогремел выстрел.

Затаив дыхание, я перевела взгляд с разбойника, поверженного кочергой, на двух д'агнаргов и шумно выдохнула, пуля ушла совсем в сторону. Аристан отступал, продолжая закрывать подход ко мне.

— Фло! — рявкнул он.

— Ухожу, — дрогнувшим голосом ответила я и поплелась к дверям на ватных ногах.

Грохот за спиной заставил обернуться и застыть на месте, пригвожденной к полу ужасом. Злосчастный стул, валявшийся позади Аристана, попал под ноги моему мужу, и он, оступившись, полетел на пол. Попытался встать, но охнул, тяжело осев на прежнее место. Кажется, с диаром случилось то же, что и со мной в гроте у Кетдилов.

Эйно́р хмыкнул, откинул шпагу и направился к колченогому комоду, стоявшему у стенки. Выдвинул верхний ящик и достал еще один пистолет.

— Вот и конец, дядюшка, — с фальшивым сожалением произнес самый отвратительный человек из всех, кого я знала.

Он вновь приблизился к Диару, навел на него оружие и... Я завизжала, оглушительно, на пределе возможностей, срывая горло. Звук оказался столь высоким и резким, что Эйно́р зажал уши, не успев выстрелить, и Аристан рванул вперед... Шпага влетела в грудь Эйно́ра Альдиса по самую рукоять. Он изумленно уставился на дядю, тот рывком выдернул шпагу и снова повалился на пол. Одновременно с ним Эйн завалился на спину, выронив из ослабевших пальцев пистолет. Рука его судорожно дернулась, и младший Альдис, паршивое семя в благородной почве древнего рода, затих, глядя в потолок стекленеющими глазами.

— Действительно, всё, — пробормотал Арис, обернулся ко мне: — Фло...

— Богиня, — тяжело сглотнула я и повалилась на пол, лишаясь чувств.

Пришла в себя уже в карете, той же самой, в которой меня привез сюда Эйно́р. Только теперь рядом сидел мой муж, на плече которого покоилась моя голова. Первое, что я ощутила, было легкое поглаживание. Кончики пальцев диара скользили по моей скуле, очерчивали подбородок, ласкали губы, после ладонь перебралась на волосы, и я открыла глаза, тут же встретившись с теплым взглядом лучистых серых глаз.

— С возвращением, ваше сиятельство, — улыбнулся супруг.

— Арис, — прошептала я. — Жизнь моя, Арис...

— Мой отважный мышонок, — хмыкнул диар и поцеловал меня в кончик носа.

— Размером с тигра, — важно ответила я.

Аристан усмехнулся, покачал головой, но вдруг откинул назад голову и расхохотался в полный голос. Я закусила губу, но всё же хмыкнула, а через мгновение смеялась вместе с ним. На душе было невероятно легко от осознания, что мой муж жив, что он рядом со мной, и от того, что я тоже жива, и наш ребенок по-прежнему с нами. Неожиданно смех сменился отчаянным кашлем, похоже, визг все-таки не прошел бесследно для моего горла. Аристан замолчал, с тревогой глядя на меня.

— Фло, — позвал супруг, но я отрицательно покачала головой, показывая, что со мной все в порядке.

— Кажется, я слишком громко кричала, — хрипловато ответила я, растерянно улыбнувшись. Перед глазами пронеслось воспоминание, как Эйно́р наводит на моего мужа пистолет, и я зажмурилась, пытаюсь избавиться от жуткого видения.

Диар вновь привлек меня к себе и негромко произнес:

— Всё закончилось, дорогая. Теперь уже точно всё.

Я вскинула на него глаза, с жадностью разглядывая дорогие сердцу черты.

— Арис, — заговорила я снова, но опять зашлась в кашле. После, когда приступ закончился, я рискнула лишь шептать. — Арис, Эйн... он ведь умер?

— Да, — чуть помедлив, ответил супруг. — Его тело забрали, нужно будет доставить покойного в родовое поместье для захоронения рядом с его отцом.

— Покойного, — машинально повторила я и опять зажмурилась, потому что перед глазами стоял изумленный взгляд младшего Альдиса. Поверил ли он, что проиграл, перед тем, как его душа отлетела к Матери Покровительнице, чтобы лечь на чашу весов, которые решат его дальнейшую судьбу? Сколько грехов таил в себе этот молодой и цветущий мужчина? Должно быть, не мало... И если грехи перевесят чашу с добрым делами, то дальнейшая судьба души Эйно́ра Альдиса незавидна. Богиня отправит его на смрадные болота Проклятого духа, где преступника ожидают вечные мучения... Жутко.

— Вам жаль его, Фло? — спросил Аристан.

— Не знаю, — вздохнула я. — Сложно жалеть того, кто желал убить тебя и всех, кто тебе дорог. И всё же... Ведь всё могло сложиться для него иначе, если бы Эйно́р выбрал иную дорогу.

— Я давал ему возможность убраться дважды, — вдруг ожесточенно произнес диар. — Не простил, но спустил посягательства на честь моей жены, клевету, желание разрушить мое счастье. Поганец выбрал путь разбоя и убийств. Мне жаль сероглазого мальчика, который с гордостью показывал, как он держится на лошади. Но мне не жаль ту тварь, что покусилась на мои ценности в угоду своим изменным желаниям.

— Ваши ценности, — я снова смотрела на мужа.

— Моя семья — моя настоящая ценность, — без тени улыбки ответил его сиятельство. — Иного выхода у меня не было. Если бы я взял его под стражу за похищение моей жены, поползли бы сплетни. Он высокородный аристократ, и судил бы его королевский суд, у Эйна была бы возможность разнести о нашей семье грязные сплетни. Я должен был избавиться от угрозы раз и навсегда.

Мы немного помолчали, но меня взволновала новая мысль. Я заерзала, усаживаясь удобней, случайно задела ногу супруга, покоившуюся на противоположном сиденье маленькой кареты, и он едва заметно скривился.

— Ох, простите, — ужаснулась я своей неловкости.

— Пустое, — отмахнулся диар. — Жить буду.

— Лучшие слова, — улыбнулась я, но тут же стала вновь серьезной. — Арис, что теперь грозит вам? Вы убили...

— Убил, — кивнул Аристан. — На дуэли за честь моей жены, которую похитил наглец племянник. И я даже не солгу, когда скажу это. По законам королевства дуэли не запрещены.

— Но в Данбьере...

— Я властитель Данбьере, — с нажимом прервал меня супруг. — Вернемся, напишу кратковременный закон, о разрешении дуэлей в Данбьере. После второй о возобновлении запрета. Для такого решения королевское одобрение не требуется, потому что не противоречит общекоролевскому законодательству. Не волнуйтесь, мне не грозит ни тюрьмы, ни плахи. К тому же у меня свидетели не только мои люди, но и три помощника Эйнора. Они сейчас под охраной направляются в острог.

Я снова помолчала, а после охнула от пугающей мысли:

— Я убила того, кто ворвался в дом?

— Нет, — улыбнулся диар. — Но оглушили знатно. Ваш брат когда-то пугал меня, что вы мастерски владеете зонтом, теперь к зонту можно прибавить и кочергу. Отличный удар. Кстати, мы его проглядели. Двоих взяли, третий отсутствовал. Он сумел пройти мимо моих людей и ворвался в дом, чтобы предупредить о засаде. Первых двух мерзавцев успели допросить. Тэб, оказывается, должен был выступить на следствии, как ваш любовник. Он единственный из трех помощников жил в моем поместье и имел хоть какой-то шанс встретиться с вами. Якобы вы бежали с ним, и он, как честный человек, передал мне письмо с признанием в вашей связи. После я, бросившись в погоню, должен был убить вас из ревности...

— Я знаю, Эйнор мне все это рассказал, — остановила я мужа. — Ему явно доставляло удовольствие рассказывать, что он сделал и собирается еще сделать. И... про ваш договор он тоже рассказал.

— Проклятье, — выдохнул его сиятельство. Немного отстранился и заглянул мне в глаза. Его напряженность сложно было не заметить. — Фло... мне правда жаль, что я затеял всё это. Но... Но я не раскаиваюсь. — Я удивленно приподняла брови, однако Аристан мотнул головой, не давая мне прервать себя. — Да, любовь моя, я не раскаиваюсь. Ведь если бы однажды мне не пришлось в голову, что, лишенный возможности зачать сам, я могу иметь ребенка, в жилах которого будет течь кровь Альдисов, схожего со мной, воспитанного мною, моего наследника, я никогда бы не стал просматривать переписку населения своего диарата и не увидел семейство Берлуэн. Не посватался бы к вам и не получил в жены женщину, сумевшую разбудить мою душу. Женщину, при мысли о которой мое сердце начинает биться чаще, и дни без которой оказались пусты и мрачны, а ночи холодны, как лед. И я безмерно счастлив, что под требования для нрава моей будущей супруги, подошли именно вы... Впрочем, вы совсем не подошли под них, Фло. Это стало ясно так быстро, еще у источника, куда вы сбежали от меня, только отменить свадьбу отчего-то не нашлось желание.

— Какие же были ваши требования, Арис? — с замиранием сердца спросила я.

Он усмехнулся и ответил:

— Она должна была быть не искушена, не избалована светом. В нашем браке видеть милость Богини, а не возможность возвыситься. Скромна, стыдлива, не увлечена мной и...

— И?

— И совершенно далека от моих вкусов, чтобы я сам не мог ею увлечься, — продолжил

супруг. — Женщина, к которой я бы мог испытывать дружеское участие, но не любовь.

— Некрасивая, невзрачная, — усмехнулась я. — Мышь.

— Мышь, — кивнул диар, не улыбнувшись в ответ. — Откуда же мне было знать, что мыши могут быть столь очаровательны? Мой мышонок оказался незаурядным, смешным, чистым и невероятно милым. Еще там, у источника, я был околдован покоем черт спящей девицы. После вы насмешили меня, пытаясь не допустить нашего столкновения, когда бежали прочь, едва заметив носы моих ботинок. Впрочем, нет. Всё началось еще раньше, когда вы лежали на полу в своей гостиной и угрожали мне кошмарами после знакомства с инаром Рабаном. Забавная девчонка, откровенная в выражении своих чувств. Да, пожалуй, именно тогда вы впервые не оставили меня равнодушным. — Он замолчал и отвернулся к окну. — В свое оправдание могу лишь сказать, что, не полюбив, я намеревался уважать и почитать свою супругу. Быть ей верным и помогать во всем, чтобы она скорей сумела почувствовать себя уютно в моем доме и в уготованной ей роли диары.

— Вы хотели, чтобы ваша жена влюбилась в Эйнора...

— Ох, Фло, — Аристан снова посмотрел на меня. — Чтобы женщина, описанных мной качеств, решилась на измену, страшась, что благодеяния для ее семьи закончатся, если откроются ее шалости, нужны были чувства. Они должны были помочь быстрее свершиться задуманному мной, чтобы Эйн поскорей убрался восвояси. Тогда бы отношения с супругой полностью поменялись. Я бы приложил все силы, чтобы помочь ей забыть любовника и больше не смотреть в сторону других мужчин.

— Мои покои...

— Я собственник, дорогая, — в голосе засквозила усталость. Я понимала, что он не хочет говорить о своих прежних намерениях, но продолжает честно отвечать на мои вопросы, потому что лучше сказать, чем умолчать и ожидать последствий. — Отдать свою жену любовнику, да еще и у себя под боком? Даже ради желанного дитя это было выше моих сил. Я не хотел ничего видеть и знать — это было моим обязательным условием. Вы, — супруг чуть помедлил, но все-таки договорил, — вы презираете меня, Фло?

Усмехнувшись, я отрицательно покачала головой.

— Нет, Арис, я даже вас не порицаю, — ответила я. — Я ведь слышала ваш рассказ и поняла, что отчаяние подтолкнуло вас к этому решению. К тому же у вас оставался долг перед родом. И всё же главным стало то, что вы не сумели привести свои намерения к исполнению. Не подпустили ко мне племянника и защищали от его ухаживаний. Нет, Арис, я вас не презираю. Я люблю вас, и это единственное чувство, которое имеет для меня значение.

Диар тяжело сглотнул и рывком прижал меня к себе, вновь потревожив ногу, но, кажется, даже не заметив этого.

— Спасибо, — прошептал он, утыкаясь мне в макушку. — От всей души, любовь моя. Меня пугало, что вы станете ненавидеть меня, когда обо всем узнаете.

Я прижалась к мужу и затихла на некоторое время. Впрочем, мои вопросы еще не закончились. Оставался последний, самый главный, на который я желала получить искренний ответ. Немного отодвинувшись, я заглянула в глаза супруга.

— Арис, ребенок... Вы всё еще считаете...

Диар взял меня за руки, несильно пожал их и ответил, поняв мой недосказанный вопрос:

— Это наш ребенок, Фло. Мой ребенок. Так или иначе, моя мечта осуществилась, и я не

собираюсь отказываться от благодеяния Богини. Я с благодарностью принимаю этот дар.

Я почувствовала, как кровь отхлынула от моих щек. Принимает дар... Так или иначе... Не став больше спорить и что-то доказывать, я растянула губы в улыбке и кивнула. Супруг снова притянул меня к себе, и я порадовалась, что смогу спрятаться на его груди, чтобы диар не увидел, как исказилось мое лицо, как я борюсь со слезами разочарования и боли от его слов. Наверное, измени я своему мужу, я сейчас могла бы чувствовать себя счастливой. Ведь меня прощали и принимали мое дитя, как свое родное. Однако я не изменяла его сиятельству и от его слов ощутила себя так, словно меня вывалили в грязь.

На поцелуй Аристана я ответила вяло и быстро отстранилась, сославшись на несуществующую тошноту. Он понятливо кивнул, но, кажется, все-таки что-то почувствовал, потому что взгляд диара стал испытующим. Я ответила улыбкой. Хвала Богине, он сам научил меня прятать свои истинные чувства. Ни выяснять отношений, ни говорить о своих намерениях я не хотела.

Потому, когда мы приехали, я сослалась на желание скорей привести себя в порядок и ушла к себе. Там взяла бумагу и чернила и застыла, не в силах начать излагать свои чувства на бумагу. Пока я так сидела, горничные, взволнованные и обрадованные моим возвращением, подготавливали мне ванну и свежую одежду. Вскоре появились лакеи, сообщившие, что его сиятельство приказал перенести мои вещи в наши с ним покои. Я кивнула, не мешая им.

Наконец, решительно поджав губы, я начала писать, не замечая, что время от времени из глаз моих капаят слезы, местами размывая свежие чернила. Я еще писала, когда мне сообщили, что ванна готова.

— Позже, — машинально ответила я и вернулась к своему занятию.

Закончив, я нашла взглядом самую молодую из моих женщин.

— Узнайте, что делает его сиятельство, — попросила я.

Она поклонилась и ушла исполнять поручение. Вернулась горничная достаточно быстро.

— Его сиятельство вернулся в свои комнаты, — доложила она. — Камердинер ему помогает обработать раны.

Я запечатала письмо и передала горничной.

— Отдадите его сиятельству, когда я уеду, — хрипло произнесла я, и вряд ли кто-то догадался, что этот хрип вызван вовсе не саднящим горлом.

— Куда? — изумились мои женщины.

— К папеньке в поместье, — врать не имело смысла. То же самое я написала и мужу.

Более не слушая горничных, я покинула покои, дошла до комнат диара и остановилась под дверями, прислушиваясь, но никаких отголосков до меня не донеслось. Судорожно вздохнув, я погладила ручку двери и стремительно отправилась прочь. За жизнь и здоровье мужа переживать не приходилось. Самым серьезным был вывих, и я могла позволить себе покинуть поместье Альдис, не дожидаясь выздоровления супруга.

По моему приказанию запрягли карету, двое мужчин из числа прислуги заняли место на запятках, как мое сопровождение, и кучер пустил лошадей шагом. Привратник низко склонился, пропуская экипаж. Я откинулась на спинку сиденья, отчаянно зажмурилась, стараясь держаться, но всё же разрыдалась. Возможно, я покидала поместье навсегда. Если Аристан не поверит мне до рождения нашего ребенка, после рождения, когда он сможет увидеть в младенце свои черты, я вряд ли смогу принять его раскаяние.

Родное поместье встретило меня папенькиным удивлением и радостным визгом близнецов. Агнар Берлуэн догнал меня на пороге моей прежней комнаты.

— Что это значит, Фло? — спросил меня родитель.

— Я вернулась домой, папенька, — невесело улыбнулась я.

— Но... как? — ошеломленный моими словами, спросил отец.

— Насовсем? — деловито уточнила Мели.

— Тебя обидел муж, сестрица? — расстроилась Тирли.

— Дочь, что произошло? — в голосе агнара Берлуэна послышалось неподдельное беспокойство.

— Всё потом, папенька, — ответила я и вошла в комнату. — Как Богиня решит, так и будет.

Я закрыла дверь перед своими родными.

— Идемте, девочки, — донесся до меня голос родителя. — Если ваша сестра желает побыть одна, мы не будем ее трогать. Мужья и жены иногда ссорятся, и не дело влезать промеж них. Идемте, Фло с нами поговорит, когда будет готова.

— Спасибо, папенька, — прошептала я, тяжело опускаясь на свою кровать.

Для меня начиналась новая жизнь, в которой не было места излишне благородному и недоверчивому Аристану Альдису.

ГЛАВА 21

Карета диара, запряженная белоснежной двойкой лошадей, катила по улицам Кольберна. Люди, завидев ее, спешили поклониться властителю Данбьерга. Впрочем, сам диар не видел этих приветствий. Он сидел, откинувшись на спинку сиденья, в руке его было зажато письмо от супруги, д'агнары Флоретты Альдис, покинувшей мужа пять дней назад. Диар пробежал глазами строчки послания, кое-где размытые каплями слез, после устремлял слепой взгляд в пространство, и лицо его становилось мрачно-задумчивым.

Протяжно вздохнув, его сиятельство снова посмотрел на письмо диары, наполненное горечью и обидой, приправленное иронией и даже сарказмом. Он бережно свернул бумажный лист и убрал его во внутренний карман своего элегантного пальто, взялся за перчатки, лежавшие рядом на сиденье, и вдруг произнес вслух, повторяя строки из письма:

— Если же вам так хочется украсить себя рогами, то я забираю свои слова обратно. Вы не осел, вы упрямый баран и можете не прощать мне моей грубости... Баран, — повторил мужчина и невесело усмехнулся. Само письмо он перечитывал столько раз, что уже успел выучить его наизусть.

Диар перевел взгляд в окно и некоторое время смотрел на тоскливые серые улицы Кольберна. Снег, казалось, уже закрепившийся в своих правах, все-таки сошел, и теперь пейзаж стал вновь уныл, отражая душевное состояние Аристана Альдиса. С той минуты, когда горничная диары принесла ему послание, сообщив, запинаясь, что ее сиятельство отбыла в родовое поместье, в душе непробиваемого д'агнара сменилось множество чувств. От первой вспышки непонимания и даже гнева он перешел к раздражению, а после и вовсе впал в уныние. Пока камердинер умело обрабатывал легкие ранения, полученные в поединке, диар был уверен, что все разногласия с супругой остались в прошлом, и теперь остается только вернуть ускользнувшую легкость недавнего бытия, и письмо ее сиятельства стало настоящим ударом, в первое мгновение показавшимся вероломным. Взбешенный

д'агнар Альдис, гонимый первым порывом вернуть беглянку, кое-как доковылял до двери на опухшей ноге, но, уже взявшись за ручку двери, остановился, задумался и вернулся назад. Для начала стоило остудить голову, чтобы не дойти до еще больших неприятностей, и хорошенько подумать. Поспешных решений его сиятельство не любил и осуждал.

Впрочем, решение о том, что ему делать было принято еще до отъезда супруги в поместье Берлуэн, но из-за внутренних противоречий и затаенного волнения и даже страха, диар не спешил его воплощать. И вот, устав от собственных вопросов без ответа и борьбы с самим собой, а также подстегиваемый желанием прекратить размолвку с дорогой ему женщиной, его сиятельство направился к доктору Маггеру, надеясь, что тот сможет дать ему ответ, который положит конец его душевным метаниям. Аристан Альдис привык быть цельным и уверенным в своих действиях, и нынешнее состояние угнетало его не меньше, чем потеря любимой супруги.

Карета остановилась напротив дома инара Маггера, и диар, отбросив всякое малодушие, решительно покинул экипаж, устремляясь к парадному входу, где его уже ожидал доктор Маггер собственной персоной. Его сиятельство небрежно кивнул в ответ на поклон хозяина дома и последовал за ним, опираясь на лакированную черную трость — нога все еще побаливала.

В кабинете доктора царили чистота и запах лекарств. Инар указал на стул для посетителей и направился к рукомойнику, не забыв спросить:

— Мне кликнуть прислугу, чтобы вам помогли разуться?

— Прислуга будет лишней, — усмехнулся его сиятельство.

Врач спорить не стал, а когда вернулся, обнаружил высокородного пациента по-прежнему в обуви и в глубокой задумчивости.

— Что же вы, ваше сиятельство? — удивился инар Маггер. — Я все-таки кликну прислугу. Нужно осмотреть вашу ногу...

— Оставьте мою ногу в покое, — чуть поморщившись, отмахнулся диар. — У меня к вам иное дело. Нас могут услышать?

Доктор Маггер невольно усмехнулся, вспомнив супругу его сиятельства, не так давно начинавшую разговор с похожих слов. Однако спрятал улыбку и кивнул:

— Мы одни, ваше сиятельство, вы можете говорить, ничего не опасаясь.

Высокородный посетитель кивнул в ответ, однако разговор начинать не спешил. Он задумчиво постукивал ногтем по набалдашнику своей трости, и доктор Маггер, чувствуя, что разговор предстоит серьезный, не торопил своего гостя.

— Прежде, чем я начну, — наконец, заговорил диар, — я хотел бы предупредить вас, что всё, что вы сейчас услышите, не подлежит разглашению. И если хоть что-то просочится за стены вашего кабинета... — Его сиятельство многозначительно замолчал.

Инар Маггер понятливо кивнул.

— Я врач, ваше сиятельство, — ответил он, — и не привык обсуждать тайны своих пациентов ни с кем, даже со своей супругой. Вы можете не опасаться огласки.

— Хорошо, — диар отставил трость в сторону и поднялся на ноги. Чуть прихрамывая, он прошелся по кабинету, разминая пальцы.

— Дело касается чести моего семейства, инар Маггер, в этом вопросе я особенно щепетилен, и открыто говорить о некоторых семейных тайнах мне не просто. Однако ситуация такова, что я вынужден обратиться к вам за некоторыми разъяснениями. Но для начала я спрошу вас, осведомлены ли вы о горячке Хольнига?

— Разумеется, ваше сиятельство. Я изучал эту болезнь. Принеприятнейший недуг. И его последствия могут быть чрезвычайно плачевны.

— Я перенес горячку Хольнига пятнадцать лет назад, — прервал доктора д'агнар Альдис.

— Оу, — округлил глаза врач, с новым интересом разглядывая диара.

— Вы не найдете видимых последствий, — заметив взгляд доктора, усмехнулся его сиятельство. — Меня лечил королевский доктор в Фалабрии. Мастер своего дела. У меня нет судорог, паралич также меня не коснулся. Мне досталось... бесплодие.

— Оу, — повторил Инар Маггер, но диар остановил его жестом.

— Не так давно вы подтвердили беременность ее сиятельства, и, как понимаете, я нахожусь в смятении. Проще всего было бы поверить в версию измены диары, ибо она отвечает сложившемуся положению дел, но... Но диара откровенно оскорблена моим недоверием. Видите ли, доктор, я неплохо изучил свою жену и знаю, что особенно горячится она, когда чувствует искреннюю обиду. Сердцем я готов ей поверить, но разум продолжает твердить, что такого просто не может быть...

— Отчего же не может? — инар Маггер пожал плечами и снова указал на стул высокородному гостю, продолжавшему рассаживать по кабинету. — Вы посещали докторов по этому вопросу, с тех пор, как перенесли горячку?

— Разумеется, — его сиятельство вернулся на стул, вновь взял в руки трость, стиснув ее до побелевших костяшек. Взгляд его вдруг загорелся лихорадочным блеском, и доктор поспешил накапать диару успокоительных капель, заметив, что его слова вызвали крайнюю степень волнения у властителя Данбьерга. — Я был у пяти профессоров. Последний, агнар Бардис, лечил мое бесплодие на протяжении долгих лет, но это не дало результата. Никто из уважаемых докторов не обнадежил меня. Все они в один голос утверждали, что мой приговор обжалованию не подлежит. И годы только подтвердили их слова. И вдруг... моя нежно любимая супруга оказывается беременной и устраивает бунт, узнав, что я готов принять дитя, допуская, что к зачатию ребенка может иметь отношение другой мужчина. Она оскорблена до глубины души, и я вижу искренность ее негодования, но... Даже при полном доверии остается лазейка для сомнений. К примеру, ее частые отлучки в поместье родителя, да и я не находился рядом с ней круглосуточно. Дела диарата не оставляют возможности посвятить время одной только жене. Сомнения, инар Маггер, они разъедают. Невольно начинаешь подозревать, что у диары была сердечная склонность до нашей свадьбы, и после отношения могли возобновиться, произошло сближение с прежним возлюбленным, следствием чего стала ее беременность. Да и за годы своей взрослой жизни мне не раз приходилось сталкиваться с женским коварством. И все-таки Флоретта столь искренна в своем возмущении, а мне, признаться, хочется ей верить. Но в то же время я представляю, что младенец унаследует черты, не схожие ни со мной, ни с моей женой, и тогда удар окажется намного сильнее, чем сейчас. Мне было проще принять всё, как есть. И, уже дождавшись рождения дитя, начать ликования, если слова диары подтвердит внешнее сходство младенца со мной. Но ее сиятельство лишила меня подобного варианта развития событий. Она в ультимативной форме требует от меня решить, верю ли я ей безоговорочно или заведомо отказываюсь от жены и дитя, если позволю себе допустить сомнения. Отказываться я не желаю, но и принять, имея опасения, что мое безоговорочное доверие может оказаться предано, не могу. Впрочем, довольно о моих чувствах. — Резко закончил диар, говоривший до этого с неожиданной горячностью, отмахнувшись от успокоительных

капель. Затем перевел дыхание и сменил направление беседы: — Я хочу слушать вас. То, что вы сейчас сказали... Я требую подробных разъяснений.

— Извольте, — с готовностью отозвался врач и поднялся со своего места.

Он извинился и ненадолго покинул свой кабинет, оставив важного гостя одного. Когда доктор Маггер вернулся, в одной руке его была пухлая книга, в другой бутылка вина и два бокала. Диар поблагодарил за заботу, но пить не спешил. Он не сводил взгляда с хозяина дома, чинно усевшегося на прежний стул, положившего перед собой книгу и накрывшего ее ладонями.

— Горячка Хольнига — заболевание известное давно, но изучать и искать пути исцеления начали сравнительно недавно, — произнес инар Маггер, но диар снова отмахнулся:

— Я всё это знаю, — сказал он. — Можете мне поверить, что касается горячки Хольнига, я могу сам читать о ней лекции в медицинских училищах. Эта информация не дает ответа на мой вопрос, потому я прошу перейти сразу к делу.

Инар Маггер спорить не стал. Он покладисто кивнул и снова пододвинул его сиятельству вино. Тот поджал губы, одарив врача тяжелым взглядом, но всё же взял предложенный бокал в руки и сделал небольшой глоток, однако уже в следующее мгновение снова смотрел на Маггера.

— Полтора года назад я прочитал интересную статью в одном из выпусков «Вестника медицины», — снова заговорил доктор. — В «Вестнике», знаете ли, не редко можно встретить любопытные, порой революционные взгляды на современную медицину. Такие, например...

— Инар Маггер, я вас задушу, Богиней клянусь, — без тени улыбки пообещал его сиятельство. Голос его отдавал ледяным холодом, и хозяин кабинета поперхнулся.

— Простите, — пробормотал он и продолжил. — Так вот в той статье говорилось о горячке Хольнига, даже имелись выдержки из труда доктора Наталя. Этот уважаемый доктор начал исследования горячки еще двадцать пять лет назад, когда ею переболел его старший сын. Ученики Наталя продолжают исследования и по сей день, к сожалению, сам доктор Наталь скончался два года назад...

— Маггер, — предупреждающе произнес Аристан Альдис.

— Да-да, конечно, — суетливо откликнулся врач. — Выдержки из работ Наталя меня крайне заинтересовали. Образованный человек не должен ограничиваться знаниями полученными ранее, и я собираю труды моих коллег, которые мне кажутся наиболее прогрессивными и не лишены смысла... Простите, я всё время увлекаюсь, — поспешил инар Маггер предварить очередное предупреждение диара. — Я навел справки и нашел эту книгу. Здесь открытия и предположения, сделанные Наталем во время своих исследований, и многие из которых уже нашли свое подтверждение. Проблеме бесплодия посвящен целый раздел. И доктор Наталь пишет, что начал изучение этого осложнения, когда услышал историю одного из своих бывших пациентов, ожидавшего казни за убийство своей беременной супруги. Как удалось выяснить уважаемому доктору, из тридцати случаев, изученных им с целью выяснения возможности зачатия, в девяти жены понесли от своих мужей. Он приводит в пример некоего аристократа, перенесшего горячку Хольнига. В его доме он увидел портрет дочери аристократа, как две капли воды похожей на своего отца. Как вы понимаете, зачатие произошло после болезни. В одном случае установить отцовство не удалось. История случилась в семье простых обывателей. Муж так избил жену в приступе

ревности, что она потеряла ребенка. Впрочем, женщина клялась у статуи Богини, что была верна мужу, и несчастное дитя было зачато от него. Подобных несчастий удалось вскрыть не так уж и мало. И всё дело в том, что данный недуг и его последствия изучены мало. Более того доктору Наталю удалось установить, что недееспособность мужского семени может прекратиться, как спустя годы, так и спустя всего несколько месяцев после полного исцеления. Конечно, был установлен случай и женской лжи, хоть та особа и клялась своей жизнью, что дитя прижила от мужа. Разумеется, исследования продолжаются, но, по крайней мере, пять лет, как бесплодие не считается не обратимым. Правда, многие врачи, особенно старой школы, тяжело признают новые веяния. Например, ваш врач, агнар Бардис. Милейший старик, прекрасный врач. Мне как-то посчастливилось присутствовать на его лекции, но он совершенно закоснел. На той лекции ему задали вопрос по новой методике лечения одной из легочных болезней. Меня поразило то, с каким жаром уважаемый профессор порицал методику, пусть еще совсем новую, но перспективную.

— Сколько, пять лет? — неожиданным севшим голосом переспросил диар. — Этому труду, — он указал взглядом на книгу, — пять лет?

— Четыре, ваше сиятельство, — уточнил доктор Маггер, — но выводы доктора Наталя были частями опубликованы в нескольких известных медицинских журналах. Книга вышла в свет четыре года назад. Тираж был не особо велик...

— Бардис мог знать? — откашлявшись, спросил Аристан.

— Не думаю, что врач его величины не интересуется подобными статьями, — пожал плечами, ответил Маггер. — Но, скорей всего, он также не сумел принять исследований Наталя, как и ту методику, о которой я вам говорил. Если желаете, я могу дать вам эту книгу для подробного изучения.

— Стало быть, избитая жена клялась у статуи Богини? — голос диара вновь охрип. — Проклятье, — выдохнул его сиятельство, — сколько же случается несчастий от невежества.

Он поднялся на ноги, уже отошел на несколько шагов, забыв трость, но вернулся и подхватил со стола книгу, так и не заметив своей трости:

— Благодарю, доктор Маггер, — сказал Аристан более твердым голосом. — Я верну вам ее, как только ознакомлюсь.

Диар дошел до двери, но снова обернулся, обнаружив за своей спиной хозяина кабинета, сжал его плечо и, понизив голос, спросил:

— Значит, она действительно носит моего ребенка?

— Исключить этого нельзя... — осторожно начал Маггер, однако диар его прервал тихим стоном.

Он привалился спиной к двери и провел ладонью по лицу.

— Я ведь уверился... Принял свое бессилие... И вдруг... Маггер, это чудо, или я схожу с ума?! — глаза его сиятельства вновь лихорадочно заблестели. — Ну же, ответьте, как врач, я безумен?

— Вряд ли, ваше сиятельство, — улыбнулся доктор. — По всем признакам, вы всего лишь сильно взволнованы.

— Проклятье, — снова простонал диар, скрывая лицо за книгой. — Баран, как есть баран. А если все-таки... — Рука с книгой резко опустилась вниз, и на мгновение потемневший взгляд снова прояснился. — Нет-нет, прочь сомнения! Не хочу сомневаться. Не хочу и не буду! Мой маленький мышонок сидит сейчас в своей норке и думает обо мне гадости, — воскликнул диар, весело рассмеявшись. — А я тут, схожу с ума!

Тряхнув головой, его сиятельство стал вмиг серьезным, скрывая за привычной маской невозмутимости кипевшие в нем эмоции.

— Всего доброго, доктор Маггер, — склонил голову Аристан Альдис.

— Вы сейчас к ее сиятельству? — не удержался от вопроса инар.

— Нет, — отозвался диар, покидая кабинет, совсем забыв о хромоте и трости, так и оставшейся стоять у стола.

— А куда? — опешил Маггер, но тут же спохватился и собрался извиниться, когда до него долетел ответ властителя Данбьерга:

— В монастырь.

— В монастырь? — округлил глаза доктор Маггер, почесал в затылке и пробормотал: — А может я поспешил с диагнозом о душевном здоровье диара. — И хмыкнул, повторив: — В монастырь... Надо же...

***

За окном летели снежинки. Они порхали в воздухе, подобно белым мотылькам, и опускались на холодную землю, вновь устлая ее пушистым ковром. Во дворе резвились близнецы, они пытались слепить снежки, но снег был сухим и рассыпался в их ладонях, скрытых варежками. Отказавшись от идеи со снежками, сестрицы теперь просто набирали пригоршни снега и сдували его друг в друга, смешно надувая румяные от легкого морозца щеки. Погода стояла чудесная, и я бы тоже непременно резвилась с девочками, если бы не грусть, царившая на душе.

Вот уже две недели я жила в отчем доме, совершенно не видя своего мужа. За все это время он не появился ни разу. На второй день после моего возвращения под родительский кров, мне доставили мою одежду. Не всю, лишь ту часть, которая могла мне пригодиться в это время года. Больше известий из поместья диара не было. Если не считать моих горничных, отправленных Аристаном прислуживать мне, как и раньше.

В этот раз не было ни пожеланий доброго утра, ни приятных снов, как не было и письма от супруга в ответ на оставленное мною послание. А я ждала! Уже на следующее утро я раскаивалась в своей поспешности и ждала, что он приедет за мной, но прибыли только вещи и горничные. Впрочем, женщины мои время от времени отлучались, но возвращались быстро, храня на лицах загадочность. Мне не составило труда догадаться, что шпионки его сиятельства ежедневно докладывают ему обо мне, и хотя бы это уже было приятно.

Но это длилось всего четыре первых дня, а потом горничные перестали покидать поместье. И я бы совсем впала в уныние, решив, что супруг принял мои условия и отказался от нас с ребенком, но... Но вечером пятого дня я получила странное послание из Бримского монастыря. Открыв его, я прочитала следующее:

«Милости нашей Богини вам, ваше сиятельство.

Пишет вам брат-настоятель Бримской обители, чтобы сообщить о крайне странном событии, произошедшем с нами, верными сынами Матери Покровительницы, не далее, как сегодня.

В первом часу после полудня прибыл к нам ваш супруг и наш почитаемый диар, д'агнар Альдис. Переполошив братьев ярим стуком в ворота и призывами открыть. Призывы эти его сиятельство перемежал с бранью, от коей краснели благочестивые братья и затыкали уши пальцами, отчего сразу не смогли открыть ворота по требованию его сиятельства. Когда же

открыли, почитаемый нами диар ворвался в обитель. Был он сильно взбудоражен и пугал нас горящим взором. Назвав нас нехорошими словами за медлительность, сразу же потребовал келью, рубище и величать его сиятельство не иначе, как брат Аристан.

Мы пытались утихомирить его, предлагали комнату, куда пускаем путников, ищущих крова. Однако же его сиятельство пришел в еще большее возбуждение. Он продолжал требовать, что и раньше, был настойчив, сквернословил сверх меры, грозил нам острогом, если мы сей же час не примем его в стан сынов Матери нашей Покровительницы.

Не имея иного выхода, мы покорились. Однако же на этом наши злоключения еще не закончились. Получив желаемое, его сиятельство приказал дать ему работу, дабы в труде своем искупить грехи. Никакие уговоры, что Богиня примет покаяние и в молитве, не дали должного результата. Сиятельный диар вновь угрожал нам, и мы снова покорились.

Вновь его сиятельство напугал нас, когда увидел трех наших козочек. Он хохотал так радостно, что мы еще больше взволновались о душевном здоровье нашего почитаемого властителя.

Однако же позже диар успокоился, стал вести себя тихо и более гадких слов не говорил, но обитель покидать отказался, оставшись при прежних своих намерениях. И сейчас, когда я пишу вам эти строки, ваше сиятельство, ваш супруг находится на кухне, чистит котел, а после понесет объедки собакам, а что и собакам уже не годно, то вынесет в выгребную яму. А завтра поутру собирается собственными руками мыть в обители полы и лестницы. Переубедить его нет никакой возможности, ибо упрям, как (зачеркнуто)... Ибо упрям сверх всякой меры.

А также сиятельный диар велел ежедневно писать вам отчеты о том, как его сиятельство провел день, и что хорошего и благочестивого сделал.

Может лекарей вызывать, ваше сиятельство? Имеем мы с братьями сильные опасения о здоровье почитаемого нами властителя. А мы в свою очередь будем молиться о нем денно и ночью.

Не откажите в любезности, ваше сиятельство, ответьте.

Писано в обители Бримского округа настоятелем обители и благочестивым сыном Матери Покровительницы, братом Орэем».

Письмо я перечитала, должно быть, раз пять, а после пришла в восторг, заливаясь хохотом столь громко и долго, что уже о моем душевном здоровье обеспокоились мои домочадцы. Ответ я написала всего из одного предложения: "Его сиятельство знает, что делает, не мешайте ему".

В тот день ко мне вернулся аппетит, и Лирия только успевала готовить для меня. Впрочем, уже на следующее утро я снова впала в уныние. От самого Ариса по-прежнему не было ни строчки, и я вдруг решила, что каяться можно и в том, что не верил, и в том, что отказался. В общем, до появления второго письма из обители, я страдала и хлюпала носом, а после снова поначалу хохотала, а затем много ела.

Уже на четвертый день пребывания диара в обители я с нетерпением ожидала посланий от настоятеля, просиживая подле окна по два-три часа к ряду. Они были словно невесомый мостик между мной и супругом, дававший надежду, что всё еще может быть хорошо. К пятому дню пребывания диара в монастыре братья уже совсем привыкли к его сиятельству, и

настоятель написал мне такие строки:

«Чую я, ваше сиятельство, в брате Аристане фальшь, а благочестие и покаяние считаю ложным, ибо, попав себе по пальцу молотком, изрыгал он вновь слова поганые, поминал Проклятого Духа и прочие мерзости. А козу, за то, что боднула его за нерадивость, обозвал словом, которое можно перевести, как «непристойная женщина».

Хотел назначить ему десять плетей, но убоился и только велел молиться до полуночи. Проверять буду лично, ибо нет доверия порочной душе брата Аристана».

На седьмой день меня все-таки осчастливили рассказом о дойке козы, подвергшейся поношению со стороны его сиятельства. Кроме этого долгожданного и радостного события, настоятель опять ругался на самозваного брата и обвинял в том, что тот соблазнил трех братьев на игру в карты, бессовестно шельмовал и обыграл их на «последние сандалии» и отдавать отказался.

«И хвала Богине, ваше сиятельство, что нынче зима, и братьям есть, во что обуться, иначе ходили бы босыми и поротыми, а так только поротыми. Брат Аристан же во время экзекуции сидел на бочке и с любопытством, коего не прятал, следил за наказанием проигравшихся братьев, читая нравоучительные речи о вреде азартных игр.

Если же и завтра что-нибудь отчудит, то выпорю его всенепременно».

Описание проделок надменного и сурового диара в монастыре от ябеды настоятеля для меня стали сродни настольной книге. Я перечитывала их по множеству раз в день, хохотала до слез и безумно скучала по своему мужу. Вспоминала дурачества супруга с его другом агнаром Наэлем, и тогда всякие сомнения, что Аристан способен на все то, что описывал брат Орей, отпадали сами собой.

На восьмой день брат Орэй без устали хвалил Аристана, отмечая, с каким усердием он ухаживал в лазарете за теми, кто сильно пострадал во время недавнего пожара на продуктовых складах. Кни[г]олю[б].н[е]т Из письма настоятеля я узнала подробности о Бримском пожаре, о которых умолчал Аристан, да и вряд ли рассказал бы мне о них хоть когда-нибудь. Оказалось, что во время пожара огонь перекинулся на жилые дома бедняков, и диар забирался в горящие жилища, помогая людям выйти на улицу. После этих известий меня отпаивали успокоительным чаем, когда я в красках представила себе, что творилось в Бримере. Признаться, в тот момент мне захотелось задушить диара собственными руками.

А вот на девятый день послание было наполнено праведным гневом и желчью. Дело в том, что к вечеру восьмого хвалебного дня, когда все приличные братья уже собрались в обители, настоятель не досчитался двух сынов Матери Покровительницы и, как ни странно, брата Аристана.

«Вернулись они лишь под утро, в сильном хмелю. Поначалу долго стучались в ворота и горланили слова непотребные. А когда ворота открылись, мы обнаружили, что двое пьяных сверх всякой меры братьев пытаются забраться на ограду, на которой восседал брат Аристан, болтал ногами и стыдил своих собутыльников. Вещал он, что братья отрастили себе столь большое благочестие, что оно не дает им оторваться от земли. А еще говорил, что если братья прямо сейчас скончаются от одышки, то их благочестие, простите, ваше сиятельство, на чашу весов Матери нашей Покровительницы не втиснется. А когда розги гуляли по тому самому благочестию обоих пьяниц, они, вместо покаяния, горланили срамные трактирные песни, а брат Аристан размахивал перед их носами пальцами, изображая дирижера. Но хуже всего, ваше сиятельство, что поровшие провинившихся блудодеев братья поддались шальному кабацкому духу и начали подпевать горлопанам, чередуя удары в такт поганой

песне, отчего три собутыльника пришли в еще больший восторг.

Терпения моего больше нет, ваше сиятельство, как хочется своими руками выпороть смутьяна. Держусь из последних сил. А ведь какой замечательный диар был».

Сегодня шел десятый день пребывания его сиятельства в Бримской обители. Послания я еще не получала, но ждала с нетерпением и тоской. Подойдя к окну, чтобы проверить не видно ли посланца из монастыря, я рассмотрела крытый возок, въезжавший в ворота. Решив, что это привезли что-то по хозяйственной части, я быстро потеряла интерес к возку и отошла от окна.

Походив по комнате и не найдя себе места, вышла в коридор, решая, куда направить свои стопы. Между библиотекой и кухней Лирии я выбрала кухню, нам с младшим Альдисом настоятельно требовался кусок хлеба с маслом. Вот как вышли в коридор, так и поняли, что хлеб с маслом нам просто необходим, и чтоб еще солью сверху, непременно солью. Сглотнув, я поспешила к Лирии, не призывая горничных, вдруг куда-то запропастившихся.

Кухарка встретила меня широкой улыбкой. Оторвавшись от готовки, она намазала мне кусок хлеба маслом, посыпала сверху солью и подала на серебряном блюде. Блюде так и осталось у нее в руках, я забрала только хлеб. Потом увидела миску с яблоками, приготовленными для пирога, поняла, что хлеб с маслом и солью без сладкого яблока не имеет никакой вкусовой ценности, и стащила красный сочный плод, игнорируя хмыканье кухарки.

По лестнице я поднималась, набивая рот хлебом и яблоком одновременно, испытывая ни с чем не сравнимое удовольствие. Успев подняться на один пролет, я вдруг остановилась и прислушалась. Станный и совершенно неуместный звук коснулся моего слуха. Однако решив, что мне показалось, я поднялась на несколько ступеней и снова замерла. Где-то в доме бляела коза. Едва не поперхнувшись и не потеряв яблоко, я спешно дожевала и проглотила то, что успела откусить, и поспешила на звук. Сердце стучало в груди так сильно, что жалобное бляение вдруг стало теряться за его набатом.

Мне навстречу вылетела одна из моих женщин с горящими глазами.

— Ваше сиятельство, где вы ходите?! — с возмущением воскликнула она, после прижала руки к груди и добавила: — Там такое!

— Где? — сипло спросила я.

— Там! — она указала пальцем в сторону Бордовой гостиной, после опомнилась и закончила степенно: — Меня послали за вами.

Кто послал, я даже не спрашивала. Почти сорвавшись на бег, поспешила к гостиной, в которой когда-то впервые увидела своего мужа. Однако перед дверями остановилась, заставляя себя принять невозмутимый вид. Невозмутимой быть не получалось, поэтому, оставаясь в сильнейшем волнении, я вновь откусила от хлеба и от яблока и вошла в гостиную, уже не чувствуя упоительного вкуса моего лакомства.

Картина, представшая мне, была поистине впечатляющей. Посреди гостиной был откинут ковер, вместо него я увидела совершенно несчастную черно-белую козу. В глазах ее застыл немой укор, и почему-то я была уверена, что адресован он мне. Признаться, я устыдилась... перед козой. Потому передала ей с горничной остаток хлеба и яблока. Тем более есть было совершенно невозможно. Перепуганная коза загадила гостиную, и теперь прислуга спешно убирала следы козьей паники.

Перед мордой животного суетился сын Матери Покровительницы в традиционном

зеленом балахоне. Он гладил козу, успокаивая ее и обещая, что скоро она вернется в родной хлев. Однако мой взор был устремлен не на неизвестного мне брата, чей объемный зад живо напомнил строки из вчерашнего письма о тяжести благочестия. Я смотрела на третьего визитера, гордо восседавшего на низенькой скамеечке. Из-за высокого роста, колени его нелепо торчали в стороны, но это ни в коей мере не умаляло важности, ясно читаемой на сиятельной физиономии диара.

— Доброго дня, любовь моя, — приветствовал меня Аристан, будто расстался со мной лишь сегодня утром.

— Д...доброго, — с трудом проглотив остатки лакомства, ответила я.

— Как ваше здоровье, дорогая? — бодро поинтересовался супруг, не прекращая своего занятия.

Я немного нагнулась, чтобы лучше рассмотреть, как сноровисто его сиятельство дергает козье вымя. Перед диаром стояли две площадки и обе были пусты. Впрочем, это не мешало его сиятельству продолжать издеваться над бедным животным.

— Я замечательно себя чувствую, — наконец, ответила я.

— Рад слышать, — широко улыбнулся мне супруг и перевел взгляд на сына Покровительницы. — Брат Хеборг, в этой козе что-то испортилось, она не доится.

— Зайка перепугана, — удручено ответил брат Хеборг.

— Или оскорблена, — заметила я, кутаясь в шаль, которую мне принесла одна из горничных. Окна в гостиной были открыты из-за козьего испуга. — Возможно, не стоило называть ее падшей женщиной. Вы ведь ее оскорбили?

Лицо диара вдруг вытянулось, и он с подозрением спросил:

— Откуда вы знаете?

— Хм... — глубокомысленно ответила я.

Наконец, оставив бедное животное в покое, его сиятельство поднялся со скамеечки, отдернул рукава рубашки и тихо буркнул:

— Бессовестная скотина. Испортила всю затею.

Я сделала несколько шагов навстречу, однако остановилась, так и не дойдя до мужа, и сделала небрежный жест рукой в сторону козы, чей вздох облегчения я явственно услышала.

— И что означает сей пассаж?

— Это не пассаж, это Зайка, — чуть ворчливо ответил его сиятельство, все еще обиженный на козу. Однако тут же лукаво улыбнулся: — Я воплощаю ваши фантазии. Теперь в нашей жизни не осталось лжи и тайн.

— Совсем? — полюбопытствовала я, едва сдерживая рвущийся наружу смех.

— Абсолютно, — с уверенностью ответил диар.

Я хмыкнула и, стараясь улыбаться мило, спросила, наивно похлопав ресницами:

— Вы ведь расскажете мне о своей жизни в обители? Вам было тяжело среди братьев?

— Что вы, дорогая, — не менее мило улыбнулся в ответ Аристан Альдис, делая еще один шаг ко мне. — Прекрасные люди. Благочестивы сверх меры. Признаться, я даже испытываю некоторое просветление после жизни среди них.

Как мне удалось сдержаться от смеха, до сих пор не могу понять.

— Правда? — с некоторым восторгом спросила я.

— Истинная, — подал голос брат Хеборг, благостно закатив глаза. — Брат Аристан трудился с утра до ночи и с ночи до утра, не разгибая спины и не покладая рук. Молился без устали, беспрестанно испрашивая у Матери Покровительницы прощения за все свои

прежние грехи. А когда покидали мы обитель, братья рыдали от сожаления, что уходит от них столь праведный поборник веры.

Я перевела взгляд на супруга, он стоял, скромно потупив очи. Сама добродетель, не иначе, предстала мне в облике диара Данбьерга. Взгляд серых глаз мог принадлежать лишь святому, до того он был чист и светел. Аристан вздохнул умиротворенно и снова посмотрел на своего спутника. Тот ответил таким же умиротворенным вздохом и вдруг встрепенулся.

— Ваше сиятельство, брат Орэй, настоятель нашего монастыря, передал вам свое последнее, должно быть благодарственное послание.

Сын Покровительницы поспешил ко мне, вытаскивая из-за пазухи запечатанный конверт. Признаться, я ощутила легкую дрожь предвкушения, представляя, что написал мне настоятель. Потому вскрыла письмо, не медля ни минуты. Бросив на мужа лукавый взгляд, на лице которого по-прежнему читалось смирение, я приступила к чтению.

«Милости Богини нашей вам, ваше сиятельство.

Вот и окончились наши мучения, брат Аристан, пивший мою кровь на протяжении неполных десяти дней, покидает нас. Спешу поведать вам, как заканчивал свое покаяние ваш супруг. Окончание вчерашнего дня брат Аристан был обманчиво спокоен и благостен. Работал, как и прежде, на совесть. К ночи же пришел ко мне, прося выслушать его последнюю исповедь. Впрочем, она же была и первой. После ушел спать, а я до утра вздрагивал от каждого звука, ожидая подвоха. Однако же брат Аристан проспал до самой зари и встал на первую молитву полный сил и энтузиазма.

Сейчас он переодевается, готовясь покинуть нас, а я пишу и рыдаю от жалости, ибо берет он с собой козу Зайку, и никакие уговоры не способны отменить его решения. На все мои увещания, брат Аристан ответил, что без козы ему возвращаться никак нельзя, что в ней его будущность и счастье. Не выдержав, я все-таки хотел выпороть его напоследок для облегчения душевных страданий. Брат Аристан переломал розги, закинул куда-то плеть, и вот уже час ее не могут найти. После сказал, что его сиятельное, простите великодушно, седалище не предназначено для порки, и что еще вчера он бы слова не сказал, а сегодня поздно, ибо он уже снова диар. Теперь рыдаю еще и от сознания, что упустил свое счастье.

Вместе с его сиятельством и козой Зайкой покидает обитель и брат Хеборг, ярый поборник вашего супруга, игрок в карты и собутыльник диара. Велел я ему не возвращаться, пока не поймет всю пагубность мирской жизни. Вы уж, ваше сиятельство, не позволяйте вашему мужу оставить у себя брата Хеборга, как он намеревается, иначе быть его душе в заблуждении.

А еще от всего сердца прошу вас, ваше сиятельство, простите вашего неразумного супруга. Избавился он от своего недоверия и дурных подозрений, в чем клялся мне на ночной исповеди. Если же вы не простите его, то обещал его сиятельство вернуться и продолжать каяться, пока вы, его добродетельная супруга, сами не придете за ним. Не допустите сие безрассудство. Позвольте братьям жить в мире и покое, исполняя свои обеты, данные Матери нашей Покровительнице.

Отдельно прошу вас, ваше сиятельство, верните Зайку в обитель. Коза ни в чем не виновата.

Писано в Бримской обители, братом-настоятелем Орэем».

Над ухом моим вдруг послышалось сопение, а следом полный негодования возглас:

— Каков подлец! Мстительная душонка! Доносчик! И я еще ему пообещал щедрое пожертвование!

Я обернулась и судорожно вздохнула, увидев мужа совсем близко.

— Должно быть, его подкосили азартные игры в обители, — отметила я, жадно рассматривая посуровевшие черты диара.

— Он и об этом написал?! — воскликнул супруг.

— Ваше сиятельство, зачем вам понадобились сандалии братьев? — не могла не полюбопытствовать я.

Диар насупился и проворчал в ответ:

— А что с них еще взять? Денег и земель у братьев нет, играли на то, что под рукой. Кстати, балахоны я, как благородный человек, позволил им отыграть.

— Действительно, благородно, — хмыкнула я. — И не совестно вам было после читать им нотации, пока братьев пороли за ваши шалости?

Его сиятельство закатил глаза и отвернулся от меня, зато голос подал брат Хеборг:

— Брат Аристан наглядным примером показал нам вред азартных игр.

— Да, — буркнул диар, не оборачиваясь. — Учил уму-разуму.

— Истинно, — важно кивнул брат Хеборг.

— Ну хорошо, — не стала спорить я. — А зачем братьев по питейным заведениям таскали. А после, оседлав ограду, унижали их достоинство?

— С-с-скотина какая, — прошипел просветленное сиятельство. — Мелочная душонка.

— Брат Аристан открыл нам глаза на нашу леность и чревоугодие, — вновь вклинился адвокат диара.

— А трактирные песни во время порки? — уже не в силах сдержать улыбки, спросила я.

Брат Хеборг потупился, машинально потер... «благочестие» и негромко ответил:

— Это было воспитание стойкости духа.

Супруг развернулся на каблуках и одарил сына Покровительницы полным благодарности взглядом. В это мгновение я поняла, что брата Хеборга он не отпустит, ни за что не отпустит. И я расхохоталась от души. Арис перевел на меня взгляд. Щеки его были красны от смущения, взор устремился в пол, и диар ковырнул носком ботинка паркет. Вот такого Аристана Альдиса я еще не видела. Нашкодивший и пойманный за ухо на месте свершения пакости мальчишка, вот кого он больше всего сейчас напоминал.

— Ар... Арис, — сквозь смех выдавила я, — вы неподражаемы! Зачем вам вообще понадобилось уходить в монастырь?

— Хотел, чтобы вы видели, как я раскаиваюсь в своем недоверии, — ворчливо ответил диар. — Поступки говорят лучше всяких фраз, а я хотел, чтобы вы знали, что я готов трудом искупить свою вину перед вами. К тому же это была ваша фантазия, и я решил ее воплотить как извинение.

— Но всё остальное?! — вновь заходясь в смехе, воскликнула я.

— В обители оказалось скучно, — последовал хмурый ответ. — А братья сами хороши. Первую ставку не я сделал. И в трактир я никого насильно не тянул.

— Вы невинны?

— Да! — рывкнул его сиятельство, схватил меня за руку и потащил прочь из гостиной.

Я не сопротивлялась, послушно семеня за диаром, наслаждаясь знакомым теплом его руки. Мы покинули гостиную, но в коридоре столкнулись с папенькой. Арис обогнул его и потянул меня дальше.

— Диар похищает Фло! — завопила Мели, неожиданно выскакивая из-за угла.

— Не отдадим! — присоединилась к ней Тирли.

Близнецы перегородили коридор, одинаково сурово насупившись и скрестив руки на груди.

— Девочки! — окрикнул их папенька.

— Он обидел сестрицу! — воскликнула в ответ Мели.

— Фло плакала, — топнула ногой Тирли.

— Пусть извиняется!

— Да, пусть сначала извинится.

Аристан остановился, не дойдя до грозных близнецов, развернулся ко мне и поймал лицо в ладони.

— Прости меня, — негромко произнес супруг, глядя мне в глаза. — За подлые намерения, за обман, за сомнения. За всё прости.

— Я должна подумать, — внезапно севшим голосом ответила я, задыхаясь от его близости, от проникновенного взгляда.

— Ты ведь любишь животных? — задал диар неожиданный вопрос.

— Да, — кивнула я, теперь с удивлением глядя на него.

— Тогда осла и барана ты не можешь не простить, — улыбнулся его сиятельство. После опустился передо мной на колени и прижался щекой к животу. — И ты прости своего упрямого отца. Больше я не сомневаюсь в тебе, маленькое чудо.

— Арис, — всхлипнула я, закрывая лицо ладонями, чтобы спрятать слезы, теперь слезы облегчения и счастья.

Супруг выпрямился, оторвал мои ладони от лица, снова заглядывая в глаза.

— Вернись ко мне, мышенок, — прошептал он, осторожно стирая слезы с моего лица. — Без тебя совсем плохо. Зажги снова для меня огонек своего доброго сердечка, иначе я уже не найду дорогу из тьмы одиночества.

— Это так тяжело, когда некому светить, — едва слышно ответила я, подаваясь к нему. — Мой огонек горит только для тебя, Аристан Альдис. Забери его и сохрани, кроме тебя мне некому доверить свет своей души.

— Твой огонек в надежных руках, — голос супруга прозвучал хрипло. — Теперь ты можешь не сомневаться во мне.

На слова сил не было, и я просто кивнула, так и не оторвав взгляда от дорогого мне лица. Аристан поднял меня на руки, я оплела его шею руками, и супруг коротко коснулся моих губ ласковым поцелуем.

— Домой? — спросил его сиятельство.

— С тобой, хоть к королю, хоть на край света, — счастливо рассмеялась я.

— Так далеко не нужно, — сказал он и шепнул мне на ухо: — Спальня гораздо ближе. Я безумно соскучился.

— Похабник! — возмущенно воскликнула я.

Диар Данбьерга весело расхохотался, подмигнул моим сестрам, отступившим в сторону, и понес меня к лестнице, не забыв крикнуть:

— Брата Хеборга ко мне в поместье, козу в монастырь. Пусть с мерзавцем Орэем вместе

блеют.

А я смотрела на него и никак не могла насмотреться. И больше всего на свете мне сейчас хотелось сказать:

— Как же сильно я люблю тебя...

Арис остановился, поставил меня на ноги и притянул к себе.

— Надеюсь, так же сильно, как я тебя, — ответил он с улыбкой и склонился к губам, заключая их в плен нежнейшего головокружительного поцелуя.

ЭПИЛОГ

Конец весны в этом году выдался по-летнему жарким. Солнце заливало землю яркими лучами, лаская буйно цветущую зелень. Воздух наполнился приятными ароматами, сменившими запахи сырой земли, прошлогодней прели и дыма костров, в которых сгорали собранные с газонов опавшие по осени листья. Птичье многоголосье будило по утрам бойким чириканьем, и казалось, весь мир полон гармонии и счастья вновь возродившейся после зимних холодов жизни.

Я жмурилась от удовольствия, вдыхая полной грудью. Какое же упоительное время! Так хотелось встать в коляске в полный рост, раскинуть руки и крикнуть что-нибудь этакое, чтобы выплеснуть хоть толику распиравшей меня радости. Однако я осталась сидеть на месте, время от времени ерзая в нетерпении, ожидая, когда я, наконец, доберусь до поместья.

— Поскорей, — в который уже раз я понукала кучера.

— Куда ж быстрее, ваше сиятельство? — ворчал мужчина, полуобернувшись ко мне. — И так уж лошадки летят.

Фыркнув себе под нос, я постаралась отвлечься от с недавнего меня нетерпения. Через некоторое время это получилось, и мысли потекли в направлении моего комитета. Из-за непосредственного участия диары в благотворительной жизни диарата в округах начали открываться отделения фонда «Благотворитель». Ими руководили дамы, которым я решила довериться. Для кого-то это стало модным веянием, и они, не проявив должного рвения, лишались места главы отделения, и их сменяли более серьезные управители. Кто-то подходил к делу ответственно изначально, и тогда я не скупилась на похвалы. А были и такие, которые увидели в благотворительной деятельности способ личного обогащения.

О подобном случае мне как раз написала агнара Бьярти, взявшая на себя обязанности ревизора. Ревизором у меня числилась и агнара Тагнилс. Две эти дамы, порой ругавшиеся, как торговки на рыке, умели и отлично ладить, когда дело касалось слаженной деятельности. Особенно грозны становились они, если ехали вместе с инспекцией. После их отъезда инспектируемые писали мне слезные послания, умоляя повлиять на двух женщин, доведивших до обмороков даже опытных казначеев своей подозрительностью и придирами едва ли не к каждой букве. Я отвечала, что благородные агнары всего лишь выполняют свой долг, радея за дело процветания родного диарата. То, что эти дамы могут донять даже Проклятого Духа, меня вполне устраивало.

И вот результатом проверки благотворительного отделения, учрежденного нами с супругом фонда, стало исчезновение крупной суммы денег в Регилсе. Управителем отделения была назначена супруга градоправителя Регилса, агнара Герсилс. Когда-то она показалась мне особой впечатлительной, добродушной и слишком мягкой. Однако супруг ее

обещался стать жене верным помощником, и я одобрила чету Герсилс.

Агнара Бьярти сообщала мне, что у градоправителя Регилса появился новый жеребец хилемской породы, выведенной на берегу реки Хилемы. Стоимость этих лошадей была немалой, они весьма ценились среди знатоков. Примерно столько же не хватало по счетам отделения фонда. Агнара Герсилс хлюпала носом и не могла объяснить ничего вразумительного. Ее супруг клялся, что жеребца приобрел на собственные средства, но куда делись деньги, собранные на благотворительность, ответить так и не смог. Его первоначальные версии о расходах мои ревизоры тщательно проверили и не нашли удовлетворительными. Немалая сумма растаяла в воздухе. В таких случаях я привлекала своего супруга. Диар, наделенный властью, разбирался с воровством быстро и жестко. Думаю, теперь Регилс ждет проверка ревизоров его сиятельства. Однако появилась необходимость найти нового управителя, потому что чете Герсилс я более не доверяла, но просмотром кандидатур я займусь позже. Пока у меня было иное дело, стоявшее по важности впереди всех остальных, а поместье всё никак не показывалось, и я уже в десятый раз повторила:

— Поскорей.

— Да уж скоро, ваше сиятельство, — ответил кучер.

Испепелив его спину взглядом, я полезла в свою сумочку. За неимением иного занятия, решила прочесть письмо от брата, которое мне вручил почтальон, увидев в Кольберне. Вскрыв конверт, я углубилась в чтение. Арти, женившийся чуть больше года назад, сообщал, что супруга осчастливила его новостью, и они ожидают рождения своего первенца. Я была искренне рада за брата, агнара Берлуэн мне нравилась, и я искренне желала им счастья.

Хмыкнув, я прикрыла глаза, подставляя лицо солнечным лучам, вспомнила веселую свадьбу, где особо отличился агнар Наэль, покровитель и закадычный приятель моего брата. Крепко выпив, сей закоренелый холостяк, посмотрев сначала на нас с Арисом, после на Арти с молодой супругой, громогласно объявил, что теперь и ему не остается ничего иного, как жениться. И вот уже год он юлил и изворачивался всеми возможными способами, находя причины и отговорки, чтобы не выполнять своей клятвы.

Негромко рассмеявшись, я вернулась к чтению. Далее Артиан писал о близнецах, уже год находившихся в Пансионе благородных агнар. Наши сестрицы, которые, несмотря ни на что, оставались дополнением друг друга были далеки от идеала прилежания, и наставницы в пансионе часто жаловались на них. Однако Мели и Тирли оставались сестрами диары Данбьерга, и им спускали с рук многие шалости, чем бессовестные девицы беззастенчиво пользовались. Пожалуй, стоило поговорить с ними, когда мы вновь навестим столицу. А пока я решила написать им письмо с внушениями.

Я вновь усмехнулась, вспоминая нашу вторую поездку в Рейстен. В тот раз мне не удалось избежать столкновения с великосветскими кумушками. Впрочем, не скажу, что меня встретили плохо. Мы с мужем устроили прием, конечно, с огромным запозданием, но, как известно, поздно — это не никогда. После всего, что произошло со мной, бояться каких-то пересудов и двусмысленных намеков было бы глупо, и в этот раз я не тряслась, как заяц, не опасалась совершить неловкости. Признаться, мне было вовсе не до таких мелочей, как косые взгляды. Да и к чему все эти тревоги, когда за моей спиной возвышался его сиятельство, в излюбленном образе ледяного истукана? Один только его взгляд, наполненный скрытой иронией, отбивал всякую охоту насмехаться.

Впрочем, совсем без насмешек не обошлось. Правда, случилось это не на нашем приеме.

Арис повез меня прогуляться по Рейстенскому городскому парку. И пока он остановился со знакомым агнаром, я отошла из вежливости. К тому же говорили они о политических событиях в соседнем государстве, и слушать их оказалось скучно. Прогуливаясь по аллее, в ожидании супруга, я обратила внимание, что за мной следуют три дамы. Вскоре они уселись на скамеечке, посматривая мне вслед. Дойдя до статуи очередного мифологического персонажа, я повернула назад. Когда приблизилась к скамейке с дамами, услышала имя своего мужа, произнесенное нарочито громко. Я перевела взгляд на дам и узнала его первую невесту. Не скажу, что не испытала никаких чувств. Все-таки в наш первый приезд она меня сильно задела.

Однако натянув на лицо невозмутимое выражение, я прошла мимо...

— Он все-таки решил привезти свою провинциальную клушу, — насмешливо говорила несостоявшаяся д'агнара Альдис. — Арис всегда был чудачком. Что можно было найти в этой невзрачной особе?

Я обернулась, смерила ее насмешливым взглядом и всё же ответила:

— Должно быть, то, что не нашел в вас, агнара, раз титул диары ношу я, а не вы.

Она поперхнулась. Я видела, как краска бросилась неприятной женщине в лицо, и, признаюсь, испытала удовлетворение. К этому времени подошел Аристан. Он предложил мне руку, мазнул взглядом по трем дамам, сухо с ними поздоровавшись, и спросил:

— Вам докучали, дорогая?

— О нет, Арис, — с улыбкой ответила я. — Здесь некому мне докучать.

Других столкновений у меня со столичной знатью не было. И новая аудиенция у Их Величеств имела совсем иную направленность. Государь был вежлив, не допуская желчных выпадов. Он одобрил управление диаратом, похвалив Аристана. И даже я получила высочайшую похвалу за развитие благотворительной деятельности. Государыня мило щебетала, словно обычная агнара, обсуждая моду, детей и последнюю работу известного художника. В общем, покидала я дворец без обмороков и слез.

Уже въезжая в ворота поместья я вернулась к письму брата. Заканчивал он рассказом о своих успехах на службе и новом, недавно полученном, звании. Отдельно интересовался здоровьем папеньки. Сам Арти уже некоторое время с ним не общался из-за размолвки, возникшей по поводу новой женитьбы старшего агнара Берлуэна. И хоть имущественных угроз эта женитьба брату не несла, так как завещание отец переписал вновь в пользу брата, как и ранее. Да и невеста его была довольно зрелого возраста, чтобы задумываться о новом потомстве. Но Артиан неожиданно оказался ревнивцем. Не приняв решения папеньки, он укорял отца в измене памяти маменьки. Повздорили они тогда знатно, и теперь узнавали друг о друге через меня. Поначалу их размолвка меня огорчила, однако же, заметив, что родные мне мужчины переживают из-за ссоры и лишь выдерживают характер, я набралась терпения и исподволь способствовала их сближению и примирению. И пусть они всё еще дулись друг на друга, но конец ссоре уже виделся ясно.

— Приехали, ваше сиятельство, — объявил кучер, вырывая меня из задумчивости.

— Наконец-то! — воскликнула я и выбралась из коляски. Затем спросила у подоспевшего дворецкого: — Где его сиятельство?

— Его сиятельство играет в саду с ее сиятельством, — чинно ответил мне дворецкий, и я поспешила в сад, чтобы разыскать свое семейство, не забыв прихватить с собой приготовленный сверток.

Сад в поместье диара был огромен, но мне были известны излюбленные места для

гуляния отца и дитя, поэтому я сразу направилась к искусственному пруду, очень надеясь, что в своей слепой родительской любви его сиятельство не позволил дочери учудить что-нибудь этакое. Стоит ли говорить, что долгожданный ребенок стал для диара Данбьерга центром вселенной? И надо заметить, юное создание беззастенчиво пользовалась безграничной отцовской любовью, порой переходя границы дозволенного. Потакания Аристана капризам дочери иногда сильно раздражали, и у нас вспыхивали жаркие споры, переходившие, бывало, в настоящие ссоры. Впрочем, ссоры длились недолго, но неприятный осадок оставался у обоих еще на какое-то время. Однако, если его сиятельство, начинал отращивать ослиные уши, не желая слышать моих доводов, я произносила одноединственное имя, которое заставляло диара опомниться и взять себя в руки.

— Эйно́р, — восклицала я хлестко.

— Проклятье, — отвечал диар, тут же кривясь от неприятных воспоминаний.

— Растишь второе? — вопрошала я.

— Не дай Богиня, — ворчал супруг и спор шел на убыль.

Безумно не хотелось, чтобы маленькая Аристина выросла эгоистичной, самовлюбленной и избалованной девицей. Так что строгим родителем в нашей семье оказалась я, и юная д'агнара бежала искать защиты у папеньки. Нянька Аристины имела в моем лице союзника и едва ли не врага в лице диара. Впрочем, противостояния она не опасалась, потому что была уверена в моей поддержке, и этого хватало, чтобы спокойно выдерживать молнии, которые метали глаза Аристана Альдиса. «Ее сиятельство велели», — этого было достаточно, чтобы его сиятельство, изрыгнув проклятье, шел спорить со мной, а не с нянькой. После бурной ссоры и примирения Аристан затихал, не вмешиваясь в наше с нянькой воспитание, затихала и Аристина, замечая, что папенька только разводит руками на ее жалобы. Оба Альдиса жалостливо смотрели в мою сторону, но получив в ответ материнское:

— Нет, — все-таки смирились.

Теперь же я надеялась, что ситуация поменяется, и безмерная отцовская любовь снизит свой накал хоть немного. Вдохновленная своими мыслями, я свернула к пруду, но моих пакостников здесь не было. Поворчав немного, я поспешила продолжить поиски. Как ни удивительно, но сегодня меня ожидала совершенно умилительная картина. Дочь в пока еще чистом платье, с бантом в светлых волосах, сидела на качелях, болтая ногами. Отец несильно раскачивал ее, жмурясь на солнечном свете, и улыбался, слушая разглагольствования Аристины по поводу сказки, которую читал сын Матери Покровительницы, брат Хеборг, сидевший тут же на скамейке с книгой в руках.

Брат Хеборг прижился в нашем поместье, исполняя обязанности духовника. Что, впрочем, не мешало им с диаром, закрывшись для «духовной беседы», безбожно напиться, обложившись картами, а после выполнять немислимые желания, проигранные друг другу. На деньги я играть запретила, еще когда поймала их за руку в первый раз. Хотя как поймала... они попались сами. Пьяное в дым сиятельство ввалилось в нашу спальню и заявило, изо всех сил стараясь выглядеть прилично:

— Дорогая, у нас появилось первое привидение.

— Какое привидение? — машинально спросила я, с интересом рассматривая покачивающееся сиятельство.

— Откормленное, — важно уточнил диар и тяжело опустился на кровать, тяжело вздохнув: — Что-то дел сегодня навалилось... Устал неи... неимоверно.

— Заметно, — хмыкнула я, поднимаясь с постели и помогая супругу раздеться. — Так что там с привидением?

— А, привидение, — Арис снова осклабился. — Хеб проигрался в прах. Чтобы расплатиться ему жизни не хватит, договорились на посмертную службу.

— Игра на деньги способствует теологической дискуссии? — изумилась я, памятуя причину уединения диара и его духовника.

Его сиятельство глубокомысленно помычал, кивнул и упал спать. Наутро, когда самочувствие диара несколько пошатнулось, он согласился со всеми моими требованиями, и теперь итогом «теологических споров» стали всяческие сумасбродные желания, которые исполнял проигравшийся «спорщик». В последний раз бедная нянька избежала брака с братом Хеборгом, давшим обет безбрачия, только благодаря моему вмешательству. Буян в зеленом балахоне собирался сам обвенчать себя с жертвой мстительного д'агнара Альдиса. Впрочем, подобные развлечения были редкостью, являясь для супруга приятным разнообразием в дни, когда дела сильно выматывали его. И напряжение его сиятельство снимал при помощи вина и брата Хеборга. Я не препятствовала. Вреда от таких развлечений не было, а нянька и брачный обряд теперь были под запретом так же, как и игра на деньги.

— Маменька приехала! — воскликнула Аристина, заметив меня на дорожке.

Я приблизилась к своему семейству, кивнула брату Хеборгу, после поцеловала дочь, как только Арис остановил качель, и посмотрела на мужа. Он галантно поцеловал мне руку и заметил сверток в моих руках.

— Как прошла поездка в Кольберн? — учтиво спросил его сиятельство.

— Замечательно, — просияла я. — Арис, нам нужно поговорить.

— Что-то случилось? — насторожился супруг.

— Брат Хеборг, — позвала я нашего духовника, — присмотрите за Аристиной.

— Разумеется, ваше сиятельство, — степенно ответил Хеборг и сменил диара у качелей.

— Я хочу с вами, — капризно протянула младшая д'агнара Альдис.

— Разговор серьезен? — уточнил Аристан и, получив утвердительный ответ, развел руками и мягко ответил дочери: — Чуть позже, дитя мое.

— Сейчас! — насупилась капризуля, сверля своих родителей исподлобья взглядом серых глаз.

Я поджала губы и перевела взгляд на супруга. Он закатил глаза и твердо отчеканил тоном, не терпящим возражений:

— Аристина, вы слышали ответ.

Дочь скривилась, собираясь устроить показательные рыдания, но, не встретив потаканий, переключила внимание на няньку в зеленом балахоне. Поманив за собой мужа, я направилась к беседке, стоявшей неподалеку, его сиятельство покорно последовал за мной. Однако уже в беседке он привлек меня к себе и потерся кончиком носа о висок:

— Мы одни, любовь моя, — с намеком произнес Арис.

— Вот об этом я и хотела поговорить, — кивнула я и отстранилась, чтобы развернуть свой сверток. После передала его содержимое диару.

Тот с недоумением покрутил в руках зеленый балахон сына Матери Покровительницы, затем вопросительно изломил бровь.

— Для Хеба будет узок и длинноват, — с усмешкой заметил Аристан.

— Это тебе, — ответила я, располагаясь на скамейке и с интересом следя за тем, как вытягивается лицо его сиятельства.

— И что я такого сделал, чтобы собственная жена сослала меня в монастырь? — полюбопытствовал супруг.

— Кое-что вы сделали, — сказала я, переходя на светский тон. — И чтобы сократить время сомнений и метаний, я предлагаю вам сразу отправиться в монастырь.

Его сиятельство потер подбородок, всё еще не сообразив, к чему я клоню. Наконец, не выдержал:

— Проклятье, Фло, я требую разъяснить мне вашу шараду.

— Да какая уж тут шарада, Арис, — усмехнулась я. — Всё просто, зимой вы вновь станете отцом. Если у вас имеются сомнения, вы можете сразу отправляться в обитель. Думаю, за пять с лишним лет вас еще не забыли.

— Еще бы забыли, — фыркнул диар. — Наглец Орэй ежегодно пишет мне о потребностях обители. Мерзавец так обставляет свое прошение, что отказать ему совершенно невозм... Пойдите, вы сказали: я снова стану отцом?

Я насмешливо посмотрела на него и кивнула, подтверждая сказанное. Диар Данбьерга медленно опустился на скамейку рядом со мной, снова посмотрел на балахон и отшвырнул его в сторону, возмущенное воскликнув:

— Что за чушь, Фло?! Не пойду я ни в какую обитель. — После взял меня за руку и перетянул к себе на колени. Ладонь мужа легла мне на живот. — Это точно?

— Точнее не бывает, — улыбнулась я в ответ. — Доктор Маггер сегодня подтвердил мои подозрения. Примерно во второй половине зимы.

Аристан вдруг уткнулся мне лбом в плечо.

— Богиня, — негромко произнес супруг, — я даже не смел надеяться на повторение чуда.

— Чудеса происходят, когда их не ждут, — улыбнулась я, встрепав ему волосы.

Его сиятельство придержал меня за подбородок, ненадолго приник к губам, затем ссадил с коленей:

— Простите, ваше сиятельство, — произнес он, — у меня нашлось срочное дело.

— Какое? — полюбопытствовала я.

— Нужно заказать успокоительного на пару лет вперед, — деловито ответил диар и направился на выход из беседки.

Я некоторое время недоуменно смотрела ему вслед.

— Что это значит? — выкрикнула я, догоняя мужа. — Кому успокоительного?

— Мне, — ответил он, не оборачиваясь, — и всем нашим людям... И твоему отцу нужно отправить... И всему благотворительному комитету. И непременно с запасом. Ну и тебе самой пару флакончиков, вдруг у меня закончится, одолжишь.

Я остановилась, осмысливая его слова, затем охнула и снова догнала.

— Арис, ты хочешь сказать, что я чудовище?!

— Когда беременна? Несомненно, — кивнул бессовестное сиятельство. — Если мне снятся кошмары, ты в них непременно в тягости, с банкой варенья в одной руке и маринным огурчиком в другой. И в слезах. И среди ночи. Бр-р, — он передернул плечами и устремился вперед

— Какая ложь! — возмутилась я. — Арис, я милая!

Он покивал в ответ, и я побежала следом, не желая мириться с нанесенным мне оскорблением...

P.S.

За окном завывала вьюга, швыряя снег в стекла, покрытые затейливыми узорами. К ночи мороз усилился, и во всех жилых комнатах дворца диара Данбьерга жарко пылали каминьы, согревая людей приятным теплом. Аристан Альдис некоторое время смотрел на пламя, пляшущее на потрескивающих смолянистых дровах. На губах его блуждала легкая полуулыбка, глаза затянулись мечтательной поволокой, мужчина грезил о чем-то известном лишь ему одному. Затем усмехнулся и перевел взгляд на тетрадь в кожаной обложке, лежавшей на столе.

Обмакнув перо в чернильницу, его сиятельство продолжил прерванную запись:

«Сегодня моя дорогая супруга благополучно разрешилась от бремени. Фло подарила мне сына, долгожданного и столь необходимого всему моему роду. Я держал его на руках, крошечное кричащее существо, и не мог сдержать слез умиления. Мой сын, мое продолжение, надежда и величайший дар Матери Покровительницы. Ее второй дар.

Помнится, когда родилась Аристина, я сутки ходил шальной, не в силах совладать с обуревавшими меня чувствами. Чаяния, когда-то рухнувшие в черную бездну обреченности, которую я выкопал сам, доверившись мнению закоснелого в старых знаниях врача, воплотились в хрупком теле прелестного создания, похожего на меня, словно зеркальное отражение. Только Богиня знает, что творилось в моей душе, когда я стоял у колыбели спящей дочери и не смел отвести взора из опасения, что она растает, словно сладкий сон, навеянный предутренней негой.

И вот я одарен благодатью Покровительницы второй раз. Счастлив ли я? Безусловно. Безмерно счастлив и свято верю в то, что Богиня, избрав долгий и тернистый путь, состоявший из разочарований и одиночества, привела меня именно к той женщине, с которой я был обречен на радостное сосуществование в любви и доверии.

Сейчас мои сокровища сладко спят в своих постелях. Аристина, наверное, уже перевернулась по своей привычке, и на подушке лежат ее маленькие ножки. Нянька, должно быть, опять ничего не видит. Не понимаю, почему Фло постоянно защищает эту неприятную и вредную особу... Нужно будет зайти перед сном в детскую и проверить дочь еще раз.

Мой мальчик, громко заявивший о своем появлении на свет, тоже спит. Я долго смотрел на него, пытаюсь разгадать, каким он станет спустя годы. Ее сиятельство права, я слишком сильно люблю своих детей, мне стоит быть осторожней в проявлении чувств, и я приложу все силы, чтобы из сына вырос мужчина, достойный своего рода и титула. Ему предстоит управлять Данбьергом, но я верю, что он справится с этой задачей не хуже, чем все поколения Альдисов до него.

Спит сейчас и моя дорогая супруга, утомленная родами и первыми часами общения с младенцем. Она невероятно очаровательна, моя маленькая мышка. Сколько ни смотрю на нее, никак не могу понять, отчего я был так слеп в день нашего знакомства и не нашел ее привлекательной? Она настоящая красавица, и в этом меня не сможет переубедить даже самый красноречивый спорщик.

Подумать только, еще восемь лет назад я был уверен, что доживу до старости и умру в одиночестве. Как же многое может изменить решение, подталкивающее сойти с проторенной дороги и искать новый путь. И опасное хождение по тонкому льду своих заблуждений может одинаково привести, как к краху, так и к возрождению. Было время, когда мой лёд нещадно трещал, грозя обрушением, но огонек, светивший мне во мраке,

вывел на твердую почву. И мне остается молиться лишь о том, чтобы свет огонька продолжал ярко сиять и через годы.

Храни нас, Богиня, от бед и непонимания. Больше мне просить не о чем».

Конец.

Больше книг на сайте — Knigolub.net